

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

16+

Вестник славянских культур

Научный журнал

Издается с 2000 г.

Том 66
Декабрь 2022

*Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68467 от 27 января 2017 г.
ISSN 2073–9567*

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий
для публикации трудов соискателей ученых степеней

E-mail: vsk_gask@mail.ru
Сайт: www.vestnik-sk.ru

Москва
2022

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. N. KOSYGIN RUSSIAN STATE UNIVERSITY
(TECHNOLOGIES. DESIGN. ART)

THE INSTITUTE OF SLAVIC CULTURES

16+

VESTNIK SLAVIANSKIKH KUL'TUR [BULLETIN OF SLAVIC CULTURES]

Scientific journal

Published since 2000

**Volume 66
December 2022**

The journal is registered in Federal service on legislation observance in sphere
of communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ПИ № ФС77-68467 of January, 27, 2017

ISSN 2073–9567

The Bulletin is included in the list of the periodicals, the publications in which are
accepted for the consideration by the Higher Attestation Commission of the Russian
Federation when defending the thesis for PhD and DSc degrees

E-mail: vsk_gask@mail.ru
www.vestnik-sk.ru

**Moscow
2022**

Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 66. — 388 с.; ил. — ISSN 2073-9567

Главный редактор

О. А. Запека (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

О. А. Туфанова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

К. К. Маслова (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Редактор

М. В. Рудаков (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. М. Воробьев (РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия), *М. Н. Громов* (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *С. Елушич* (Черногорский университет, Подгорица, Черногория), *Е. М. Калашикова* (ФГБОУ ВО «ПГГПУ», Пермь, Россия), *И. И. Калиганов* (Институт славяноведения РАН Москва, Россия), *В. Ф. Козлов* (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Россия), *М. Костова-Панайотова* (Юго-западный университет им. Неофита Рылского, Благоевград, Болгария), *Н. Мотоки* (Университет Хоккайдо, Хоккайдо, Япония), *К. В. Никифоров* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. Спак* (Университет INALCO — Институт восточных языков и восточных культур, Париж, Франция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. И. Бажов (Институт философии, РАН, Москва, Россия), *В. Вилмек* (Философский факультет Остравского университета, Острава, Чешская Республика), *Х. Ковальска-Стус* (Ягеллонский университет, Краков, Польша), *А. К. Коненкова* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Н. Б. Корина* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *М. Ю. Люстров* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *В. Н. Матонин* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия), *Г. П. Мельников* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия), *Г. А. Пожидаева* (ВТУ им. М. С. Щепкина при ГАМТ России, Москва, Россия), *М. А. Пузина* (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия), *Т. И. Радомская* (РГУ им. А. Н. Косыгина, Институт славянской культуры, Москва, Россия), *Е. В. Сальникова* (Государственный институт искусствознания, Москва, Россия), *И. Е. Светлов* (МГАХИ им. В. И. Сурикова, Москва, Россия), *С. С. Степанова* (Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия), *Н. В. Трофимова* (ФГБОУ ВО «МПГУ», Москва, Россия), *Е. С. Узенева* (Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Адрес редакции: 129337 г. Москва, Хибинский проезд, д. 6

Телефон: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Сайт: www.vestnik-sk.ru

Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. — 2022. — Volume 66. — 388 p.; il. — ISSN 2073–9567

Editor-in-Chief

Oksana A. Zapeka (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Olga A. Tufanova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Ksenia K. Maslova (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editor

Mikhail V. Rudakov (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Vyacheslav M. Vorob'ev (A. N. Kosygin Russian State University, Tver, Russia), *Mikhail N. Gromov* (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Sinisa Jelusic* (University of Montenegro, Podgorica, Montenegro), *Elena M. Kalashnikova* (Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia), *Igor I. Kaliganov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vladimir F. Kozlov* (D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, Moscow, Russia), *Magdalena Kostova-Panayotova* (Neofit Rilski South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria), *Nomachi Motoki* (Slavic Research Center of Hokkaido University, Hokkaido, Japan), *Konstantin V. Nikiforov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Gaiane Spach* (University INALCO — The Institute of Eastern Languages and Cultures, Paris, France)

EDITORIAL BOARD

Sergey I. Bazhov (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vitezslav Vilimek* (Philosophical department, Ostrava University, Ostrava, Česká republika), *Hannah Kowalska-Stus* (Jagiellonian university, Krakow, Poland), *Alla K. Konenkova* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Nataliya B. Korina* (Department of Slavonic Studies University of Vienna, Wien, Austria), *Mikhail Iu. Lyustrov* (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Vasiliy N. Matonin* (Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia), *Georgiy P. Melnikov* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Galina A. Pozhidaeva* (Schepkin Higher Theatre School (Institute) associated with the State Academic Maly Theatre, Moscow, Russia), *Maria A. Puzina* (V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Tat'iana I. Radomskaia* (A. N. Kosygin Russian State University, The Institute of Slavic Culture, Moscow, Russia), *Ekaterina V. Salnikova* (The State Institute for Art Studies, Moscow, Russia), *Igor E. Svetlov* (V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute, Moscow, Russia), *Svetlana S. Stepanova* (The State Tretyakov gallery, Moscow, Russia), *Nina V. Trofimova* (Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, Russia), *Elena S. Uzeneva* (The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Address: Khibinsky proezd 6, Moscow 129337

Telephone: +7 (499) 188-72-01

E-mail: vsk_gask@mail.ru

Website: www.vestnik-sk.ru

© РГУ им. А. Н. Косыгина, 2022

© Вестник славянских культур, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история культуры

ПРОНЧЕНКО С. М. Народная духовная культура русско-белорусского брянско-гомельского пограничья.....	8
ФЕДОРОВ Р. Ю. Стратегии адаптации культуры земледелия у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и их рефлексия в нарративных источниках.....	30
ЖИРТУЕВА Н. С. Исихазм в культуре Московской Руси XIV–XV вв.....	43
НОВИЦКИЙ И. А. Князьи сумерки. К 850-летию Андрея Боголюбского.....	53
ПОЛОМОШНОВ А. Ф., ПОЛОМОШНОВ Л. А. Национальный характер и инокультурные заимствования в зеркале отечественной мысли.....	67
ЗАПЕКА О. А. Учение о коммюнитарности в творчестве позднего Н. А. Бердяева.....	81
ЮДИН М. В. Творцы нового: из опыта работы Московского Пролеткульта.....	88
ПЕРМИЛОВСКАЯ А. Б. Культурный ландшафт Онежского Поморья как объект наследия.....	99
ПОЙДИНА Т. В., ПОМОРОВ С. Б. Интеграционные процессы в современной проектно-художественной культуре.....	120
САЛИХОВА Э. А., САЛЬНИКОВА В. В., АХМАТЬЯНОВА З. С. Изменения концепта «Природа» в языковом сознании детей и подростков, вовлеченных в процессы цифровизации.....	134

Филологические науки

КЛИМОВА К. А., УЗЕНЕВА Е. С. Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece.....	148
ГУМЕНЮК О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие украинской народной думы и вопросы ее современного изучения.....	161
ПЕТРОВА Н. С. Фольклор белорусско-русского пограничья о магических специалистах (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2010-х гг.).....	170
ШЕСТЕРКИНА Н. В. Концепт «Шиповник» в русской народной традиции (на материале народных загадок).....	188
ЯКУШЕВИЧ И. В., МАРКИНА Л. В. Диалектные названия синицы: внутренняя форма слова и символическое значение.....	200
ЛОШАКОВА Г. А., СМЕРНОВА Л. Е. Славянские аллюзии австрийской литературы XIX в.....	214
ДМИТРИЕВСКАЯ Л. Н. Драмы Чехова как образная основа пьес «Любовь в Крыму» Славомира Мrojeка и «Уход» Вацлава Гавела.....	224
ЗАВГОРОДНЯЯ Г. Ю. Женские образы в рассказах А. П. Чехова: романтическая традиция и мифопоэтический аспект.....	238
ХРУСТАЛЕВА А. В. «Я тоже хочу работать, учиться и жить»: переписка А. Северного с А. М. Горьким.....	255
РАДОМСКАЯ Т. И., ФЕДОРОВ М. Л. Рукописная книга Ив. Новикова «Платок забвенья» и традиции древнерусской книжности.....	263
БУГАКОВА Н. Б., ПОПОВА Ю. С., СУЛЕМИНА О. В. Индивидуально-авторские особенности лексики, репрезентирующей постную пищу, в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне».....	277

Искусствоведение

ПУДОВ Г. А. Об одной группе русских сундуков (конец XIX – начало XX в.).....	286
РАДЗЕЦКАЯ О. В. Нотоиздательские каталоги провинциальных музыкальных магазинов второй половины XIX – начала XX вв.: А. Л. Бернарди, Б. В. Корейво, В. Л. Идзиковский (из фондов Российской государственной библиотеки).....	296
ЗАЙЦЕВА Е. А. Истоки творчества П. Г. Чеснокова.....	313
ВАРАКИНА Г. В., ПЕРЕВОЛОЧАНСКАЯ С. Н., АЗАРОВА В. В., ДОБРОВОЛЬСКАЯ В. Е. Иконология и компаративистика: междисциплинарный дискурс.....	320
МИХАЙЛОВА С. И. Благоукрасители Русской Палестины: Василий Пасхин.....	333
БОДЭ А. Б., ЖИГАЛЬЦОВА Т. В. История и архитектура Сретенской церкви села Малошуйка Онежского уезда Архангельской губернии.....	353
ЛАКИЗЕНКО Е. Д., МАКАРОВА Т. Л. Детская иллюстрированная книга как источник восприятия реальности: темы, образы, цветовое решение.....	368

Научная жизнь

НИКИТИН О. В., СЕДОВА Г. М., УЗЕНЁВ Э. А. Михайловские Пушкинские чтения — 2021: «Небом избранный певец».....	379
От редакции	385

CONTENTS

Theory and history of culture

PRONCHENKO S. M. Russian-Belarusian Folk Spiritual Culture of the Bryansk-Gomel Borderland.....	8
FEDOROV R. YU. Strategies for Adapting the Agriculture among Belarusian Peasant-Migrants in Siberia and their Reflection in Narrative Sources.....	30
ZHIRTUEVA N. S. Hesychasm in the Culture of Muscovite Rus` in 14 th –15 th Centuries...	43
NOVITSKY I. A. Prince`s Twilight. To the 850 th Anniversary of the Death of Andrey Bogolyubsky.....	53
POLOMOSHNOV A. F., POLOMOSHNOV L. A. National Character and Foreign Cultural Borrowings in the Light of Domestic Thought.....	67
ЗАРЕКА О. А. Doctrine of Communitarianism of Late N. A. Berdyaev.....	81
YUDIN M. V. Creators of the New: from the Working Experience of Moscow Proletkult...	88
PERMILOVSKAYA A. B. Onega Pomorye Cultural Landscape as a Heritage Object.....	99
POYDINA T. V., POMOROV S. B. Integration Processes in Modern Design and Art Culture.....	120
SALIKHOVA E. A., SALNIKOVA V. V., AKHMATIANOVA Z. S. Changes in the Concept of “Nature” in the Language Consciousness of Children and Adolescents Involved in the Process of Digitalization.....	134

Philological sciences

KLIMOVA K. A., UZENEVA E. S. Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece...148	148
HUMENIUK O. M. Genre and Style Originality of Ukrainian Folk Duma and the Issues of its Contemporary Researching.....161	161
PETROVA N. S. Folklore of the Belarusian-Russian Borderlands (Based on Data of Folklore and Ethnographic Expeditions of the 2010s).....170	170
SHESTERKINA N. V. The Concept of Dog-rose in the Russian Folk Tradition (Based upon the Folk Riddles).....188	188
YAKUSHEVICH I. V., MARKINA L.V. Dialectal Names of Titmouse: Inner Form of the Word and Symbolic Meaning.....200	200
LOSHAKOVA G. A., SMIRNOVA L. E. Slavic Allusions of the Austrian Literature of the 19 th Century.....214	214
DMITRIEVSKAYA L. N. Chekhov's Dramas as a Figurative Basis of the Plays by Slavomir Mrzhek "Love in Crimea" and Vaclav Havel's "Leaving".....224	224
ZAVGORODNYAYA G. YU. Female Images in Stories by A. P. Chekhov: Romantic Tradition and Mythopoetic Aspect.....238	238
KHROUSTALEVA A. V. "And I also Want to Work, to Learn and to Live": a Letter of A. Severny to M. Gorky.....255	255
RADOMSKAYA T. I., FEDOROV M. L. Handwritten Book of Iv. Novikov "Veil of Oblivion" and Traditions of Old Russian Booklore.....263	263
BUGAKOVA N. B., POPOVA YU. S., SULEMINA O. V. Individual Author's Features of the Vocabulary Representing Lean Food in I. S. Shmelev's Work "Summer of the Lord".....277	277

History of Arts

PUDOV G. A. About a Group of Russian Chests (Late 19 th – Early 20 th Century).....286	286
RADZETSKAYA O. V. Music Publishing Catalogs of Provincial Music Stores of the Second Half of the 19 th – Early 20 th Centuries: A. L. Bernardi, B. V. Koreivo, V. L. Idzikovsky (from the Collections of the Russian State Library).....296	296
ZAYTSEVA E. A. The Origins of Creativity of P. G. Chesnokov.....313	313
VARAKINA G. V., PEREVOLOCHANSKAYA S. N., AZAROVA V. V., DOBROVOLSKAYA V. E. Iconology and Comparativistics: Interdisciplinary Discourse.....320	320
MIKHAYLOVA S. I. Beautifiers of Russian Palestine: Vasily Paskhin.....333	333
BODE A. B., ZHIGALTSOVA T. V. History and Architecture of the Sretenskaya Church in Maloshuyka Village, Onega District of the Arkhangelsk Province.....353	353
LAKIZENKO E. D., MAKAROVA T. L. Children's Illustrated Book as a Source of Reality Perception: Themes, Images, Color Solution.....368	368

Scientific life

NIKITIN O. V., SEDOVA G. M., UZENEV E. A. "Mikhailovskoe" Pushkin Readings 2021: "Heaven's Chosen Singer".....379	379
Editorial note.....385	385

Теория и история культуры
Theory and history of culture

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-8-29>

УДК 008+392

ББК 71.05+63.5

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. С. М. Пронченко

г. Новозыбков, Брянская обл., Россия

**НАРОДНАЯ ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
РУССКО-БЕЛОРУССКОГО БРЯНСКО-ГОМЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Аннотация: В публикации в фокусе внимания находятся уникально-локальные традиции народной духовной культуры русско-белорусского брянско-гомельского пограничья. Проанализированы особенности, связанные с календарем (Святками, Благовещением, Пасхой, Вознесением), обрядами жизненного цикла, верованиями, народной медициной и магией. Представление о современной лингвокультурной ситуации в пограничных с Белоруссией юго-западных районах Брянской области обогащается рассмотрением единиц языка духовной культуры, многие из которых обозначают и обрядовые артефакты. Лингвокультурологический материал статьи сопоставляется с другими изысканиями традиционной культуры брянско-гомельского пограничья, областными словарями, «Словарем русских народных говоров», компендиумом «Славянские древности». Рассмотренные характерно-локальные традиции (разграничение щедрок по гендерному принципу — для хозяина и хозяйки, образ «козы», зазывание мороза, приготовление трех видов куты, обряды «вождение стрелы», «свеча», «проводы русалки», былички о доброхожих, широкое распространение знахарства и др.) представлены и в белорусской традиционной культуре Гомельского Полесья и Поднепровья, что подтверждает единое культурное прошлое и настоящее Брянщины и Гомельщины.

Ключевые слова: брянско-гомельско-черниговский этноконтактный регион, юго-западные районы Брянской области, восточнославянская народная духовная культура, региональные формы традиционной культуры, обрядовый дискурс, единицы языка духовной культуры, обрядовые артефакты, наивное сознание, ритуальная практика, мифологические представления.

Информация об авторе: Сергей Михайлович Пронченко — кандидат филологических наук, доцент, Филиал Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове, ул. Советская, д. 9, 243020 г. Новозыбков, Брянская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>

E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.08.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.03.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Пронченко С. М. Народная духовная культура русско-белорусского брянско-гомельского пограничья // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 8–29. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-8-29>

Введение

Своеобразие географического положения Брянской области России, обусловленное соседством с двумя другими восточнославянскими республиками — Белоруссией и Украиной — определило и определяет оригинальность ее народной духовной культуры. В этом отношении следует подчеркнуть значительный потенциал юго-западных районов Брянщины, поскольку они исторически входили в состав Черниговской области Украины (с XVIII в. до 1919 г.), Гомельской области Белоруссии (до 1926 г.), а в настоящее время непосредственно граничат с территориями этих двух республик. Принадлежность этих районов к Украине и Белоруссии в прошлом, их географическая близость к украинской и белорусской территории (к украинской и белорусской духовной культуре) в настоящем привели к тому, что на юго-западе Брянской области сложилась особая лингвокультурная ситуация.

Основанная 12 сентября 1701 г. раскольничья слобода *Зыбка́я* (в топониме сохраняется местное ударение, зыбкий — болотистый, топкий), из которой впоследствии был образован г. Новозыбков Брянской области, значительное развитие получила в период переселения в нее в 1764 г. изгнанных из села *Вётка* (в настоящее время — белорусский город в Гомельской области) старообрядцев, которые принесли с собой культурные, религиозные, ремесленные знания и традиции, разнообразили быт. В музее и храмах, частных коллекциях представлены святыни, созданные *ветковско-новозыбковской* школой иконописи, предметы церковного назначения, народные костюмы, священническое облачение, образцы оригинальной вышивки, рукописные книги с элементами травной росписи и барочными мотивами.

Спасо-Преображенский храм (1911–1914) г. Новозыбкова с 1963 по 2002 гг. являлся кафедральным собором Русской Древлеправославной Церкви и резиденцией Древлеправославного Архиепископа Новозыбковского, Московского и всея Руси. Древлеправославные верующие носят *восьмиконечный крест*, применяют в молитвенной практике *лэстовку* — специальную разновидность четок, отдают земные поклоны посредством *подручника* — коврика для рук и головы. Церковные песнопения являются *крюковыми* и записаны *ветковским* распевом. В Новозыбкове древлеправославных умерших принято класть в гроб в *сáване* и погребать на старообрядческом кладбище (здесь на стелах, в отличие от православных кладбищ, изображается восьмиконечный крест). Поминование таких усопших происходит обязательно на Пасху, когда родственники приносят на могилы крашеные яйца, ломти куличей, цветы. На кладбище в соседней Злынке сохранились древлеправославные захоронения с *голубца́ми* — надгробными кирпичными памятниками в виде избы.

Архитектурный стиль церквей юго-запада Брянщины второй половины XVIII в. называют местной разновидностью *украинского барокко*. Во внешнем декоре частных домов сохранена уникальная *сквозная многослойная резьба*. На юго-западе Брянской области бытуют такие народные промыслы, как *гончарный* (с. Синий Колодец Новозыбковского городского округа) и *шаповальский* (с. Новый Ропск Климовского района). Последний отличается наличием тайного языка *шаповáлов* — мастеров по изготовлению валяных изделий (шапок, валенок и т. п.).

В местной речи отражается *межъязыковая интерференция* восточнославянских языков. Ранее жителей современного юго-запада Брянщины называли *литвинами-белорусами*, а особенности их речи определяли в качестве *северско-белорусского говора* (см.: «Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни» (СПб., 1902) М. Н. Косич [6]; «Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров» (Л., 1927) П. А. Расторгуева [12]). Так, лексические диалектизмы, употребляемые жителями пограничья, имеют нормированные параллели в белорусском и украинском языках: *бра́нка* (рукавица для срывания травы), *видёлка* (столовая ложка), *гiрка* (невысокий глиняный кувшин для хозяйственных нужд), *глéчик* (глиняный горшок), *гру́ба* (комнатная печь с лежанкой), *души́к* (дымоход), *ка́шник* (глиняный горшок для варки каши) и др.

Исследованием традиционной культуры сегодняшних юго-западных районов Брянщины занимались М. Н. Косич, Г. Н. Есимонтовский, П. В. Шейн, Е. Ф. Карский, П. Н. Тиханов, позднее — доцент Брянского государственного университета В. Д. Глебов. В настоящее время она находится в фокусе внимания ученых филиала Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского в г. Новозыбкове (С. Н. Стародубец, О. В. Белугиной, С. М. Пронченко).

Материал данной публикации был собран в 2010 г. в ходе реализации международного гранта РГНФ-БРФФИ «Формирование и функционирование традиционной культуры на территории русско-белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие в диахронии и синхронии» (проект № 10–04–00579а/Б), предполагавшего изучение с российской стороны пограничных с Белоруссией поселений юго-запада Брянской области — г. Новозыбкова и Злынки, сел и деревень Новозыбковского (Верещаки, Вихолка, Внуковичи, Каташин, Новые Бобовичи, Старый Вышков, Старый Кривец, Халеевичи) и Злынковского (Рогов) районов. Эти сведения охарактеризованы в соответствии с рубриками «Календарь», «Обряды жизненного цикла», «Верования», «Народная медицина и магия». Среди них в первую очередь рассматриваются уникально-локальные традиции народной духовной культуры брянско-гомельского пограничья, а также и явления, которые вписывают эту культуру в восточнославянский контекст.

КАЛЕНДАРЬ

Святки

В период рождественских праздников на брянско-гомельском пограничье гадают. Когда едят семечки подсолнечника, то собирают шелуху (в брянских говорах — *лузгу*) до 13 января. В полночь (как только наступает этот день) выносят *лузгу* на улицу, высыплют и ждут: «*уде саба́ка уа́йка, уде уармо́шка иура́я, уде запéли — во то тудá и за́муш по́йдиш*» (РВА). Гадая, бросают камни в колодец, считают колышки, *пола́ют* (подбрасывают вверх) девичьи платки в деревянном корыте. Если камень погружается в воду колодца с шумом, свекровь будет ворчливая. Когда гадают с колышками, производят считалку: «*Во захва́тиш: “удаве́ц — маладе́ц”, “удаве́ц — маладе́ц”. Шчитáли. Який ко́лышак папа́ўся пасле́дний: “удаве́ц” — значит, за удава́ца по́йдиш, “маладе́ц” — за малаца́ по́йдиш*» (РВА). Об обычае подбрасывания девичьих платков респонденты рассказывают следующее: «*Или́ плато́чки, кали́сь дерева́нные тые... кары́ты ётые бы́ли... дерева́нными. И па́лаши. Вот плато́к твой вы́паў — значит, ты за́муш вы́деш, а твой ня вы́паў — ня вы́диш*» (НаФЛ).

13 января, под Старый Новый год, пекут блины, жарят сало, колядуют, засе-вая пшеницей (рожью), исполняют песни. Этот праздничный вечер в брянских говорах называется *Щёдрами* (*Щчóдры*). Приведем пример щедровки:

У Кóли, у пáна на ягó дварэ́ яблань стая́ла, / Ой, дай ему́, Бо́жэ, ща́стья, здаро́вья у ягó двор. / Адна́-то ябланы́ — тры кары́сти. / Пёрвая кары́сть — яры́е пчо́лы, / А фтарая́ кары́сть — чо́рная ку́на, / А трэ́тняя кары́сть — э́та ясна сако́ля. / Ясна сако́ля — дятля́м на утэ́ху, / Чо́рная ку́на — жанэ́ на шу́бу, / А яры́е пчо́лы — на все́ сваё́ здаро́вья. / Дай жа́, Бо́жэ, ща́стья, здаро́вья у ягó двор (РФБ).

Щедровки дифференцируются по гендерному принципу — для хозяина и хозяйки (для девочки и для мальчика). Приведем пример песни для хозяина:

У сатку́, в сатку́ ручаёк тячэ́, / А в том ручайку́ Сáшачка сяди́ть, / Сáшачка сяди́ть, стру́ики стру́жа, / Стру́ики стру́жа, на ваду́ пускáя, / «Плы́вите, стру́ики, идэ́ маé друшкí, / А я з ва́ми, з ба́ярами».

Песня для хозяйки:

У сатку́, в сатку́ за́красне́лася, святы́й ве́чер, / А там Нíначка прыбiра́лася, святы́й ве́чер, / Прыбравшы́сь, анá да цэрквы́ паи́ла, святы́й ве́чер, / Да цэрквы́ паи́ла Бо́гу ма́лицца, святы́й ве́чер, / Бо́гу ма́лицца, Хры́сту клáняцца, святы́й ве́чер, / Там пы́тали папý: «Ти ты папóвна, ти карале́вна?», святы́й ве́чер, / «Я ни папóвна, ни карале́вна», святы́й ве́чер, / «Сама́ сабé пáначка, Сáшына да́чка», святы́й ве́чер (НаФЛ).

Особенностью в проведении Щедрого вечера является наличие «козы». Исполнитель этой роли надевает вывернутую мехом наружу верхнюю одежду, рога, маску (или вымазывает лицо сажей). Приведем пример песни о «козе»: *«го-го-го, каза́, го-го, серая́, / Не хадí, каза́, у Михайлаўку́. / А в Михайлаўцы́ фсе людí — стрельцы́. / Стрэ́нули казé в лéвая уха́, / А из пра́вага — патя́клá уха́» (НИП).* Этот образ отличает и традиционную культуру Гомельщины от других белорусских областей. Авторы серии «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» (т. 6: «Гомельскае Палессе і Падняпроўе») [19] указывают, что «у параўнанні з агульнабеларускімі адпаведнікамі яркую рэгіянальную адметнасць Гомельшчыны складае абрадавы комплекс шчадравання / калядавання з архаічнымі маскамі, гульней-паказам “казы”, песнямі» [19, кн. 1, с. 7].

13 января происходит ритуальное зазывание мороза, сопровождаемое стуком в ворота:

Марóс, марóс, хадí куттíю (кутýя — каша из пшеничной или ячменной крупы, которую едят с медом, разведенным водой [13, с. 146]) е́сть. А лётам не хадí: будíм жалéзнай пýгай (пýга — кнут из перевитых ремней или веревок, плетё [3, с. 278]) сечь (РВА); Вый́дим (у нас была́ шэ́стыра дятéй) и по́йдим усí. Хоть э́та бягóм, бягóм да сабé. «Не, по́йдим к дэ́ду»: «Дет Марóс! Ни марóсь ни капýсты, ни ууркóв, ни памидóр. Идí, Дет Марóс, к нам куттíю е́сть». Во. И ка́ждый жэ́ стук, стук у варóты. А дет и ка́жа: «Вот ужэ́ и вну́ки прыбéули стукать». Э́та стúкали у варóты (НаФЛ).

На Святках жители варят три кутьи, отдают часть кутьи домашним животным, чтобы они были здоровы и приносили пользу в хозяйстве:

На Раждэ́ствó — адна́, на Хряцё́нне — дру́гая и на Васи́ля — трэ́тняя. <...> На Раждэ́ствó ва́рять пшóннаю, ма́слам ма́зали. На Хряцё́нне ва́рыли дубо́ўку, я́шную ка́шу (ну ячмéнь). Ту́ю ужó алéем (ну патсóлнiчным ма́слам) ма́зали. На Васи́ля — э́та ужó багáтая куттýя. Как хóчеш:

хóчеш з изю́мам, хóчеш з ма́слам. Ва́рыш любю́ю ка́шу, то́льки ня ячме́ннаю. Када́ былі каро́вы, то лажы́ли сэна на кут (кут — правый угол комнаты, где находятся иконы [3, с. 178]) нямно́шка. Ста́вили куттю́ ёту. Патом зvéрху збира́ли куттю́ и сэна́ э́та дава́ли скату́: каро́ве, свинья́м там (РВА); Э́та куття́ пе́ряд Раждя́ством, шасто́га, — э́та по́сная. Типе́рь пе́ряд Но́вым уо́дам — э́та сы́тная. Типе́рь пе́ряд Хря́цэням, ва́сямна́цатага, куття́. Ну э́та тож сы́тая. Ну мо́жна и по́сную ва́рыць. <...> Пе́рвую куттю́ на́да ку́рачкам а́ддава́ць. <...> Не, мы са́ми яди́м, но то́льки ве́рх на́да абиза́тельна ку́ря́м а́дда́ць, чтоб яны́ нясли́ся, чтоб яйцы́ нясли́ (НаФЛ).

Благовещение

В с. Вихолка распространён обычай «забивать клёц» на Благовещение. Девушки и женщины берут железный засов и забивают его в землю на своей улице. Затем на этом месте сжигают солому, берут женский гребень (расческу, украшение прически) и «перечесывают» им свою улицу, производя действия, напоминающие расчесывание волос. После забивания засова впоследствии исполняются хороводные песни. Жительницы верят, что этот обычай помогает привлечь на их улицу мужчин (будущих женихов, супругов), «привязать» их на этом месте. Характерно, что в брянских говорах лексема *клёц* (*клец*) в одном из значений — это железный кол, к которому привязывают лошадь или корову для выпаса [3, с. 148]:

НИП: *Мы на Блауавэ́цення, Блауавэ́цення... Забива́ють клёц на сваёй у́лицы, клёц такий вот... ну... што ва́рота запира́ют.*

— Клёц — это засов?

НИП: *Жы́лезный. Сало́мки па́ляць. Ис... А то сало́му запáлюш... уре́бляшкóм де́ўки перя́чэсу́ют даро́у. Сва́йм. Из уала́вы [Показывает] во у ми́не е́сть уре́бляшóк. Расче́шать, што́п хло́пцы хади́ли на ихню́ у́лицу уу́ляць. <...> А клёц забива́ють, сало́мки запáляць — фсё. Тут и кара́ют няю́ць. Хараво́дные пе́сни. За сяло́м. Тут. За сваёй у́лицэ́й.*

— Солому жгут возле клёца?

НИП: *Да. Во́злі клёца то́га. И фсё, аста́ўся [клёц в земле], што́п цэ́лый уот ик нам [парни ходили] да дру́гога уо́да. Пе́сни хараво́дные ужэ́ и паю́ць.*

Пасха

В с. Рогове в среду, перед Чистым четвергом, перебивают посуду и моются в бане рано утром, до восхода солнца. В Чистый же четверг рисуют крестики в доме на брусках потолка горящими свечами, а на хозяйственных постройках — глиной. Этот обычай называется «страсти»:

Чы́стый чя́твэрх пе́рят Па́скай. Дак вот сряда́. В срэ́ду иде́ць пасу́да, а мы мые́мся в срэ́ду у́трам. У́трам, у срэ́ду, да васхо́да со́нца, мые́мся. Тады́... хря́сты, в четвэ́рх! «страсти́» называ́юцца. <...> Вот на «страсть» ты прыхо́диш, ма́тка пры́дя и во хрэ́ст на паталка́х, на бру́сах. <...> Вот э́та во «страсти́» называ́юцца. <...> Мые́шся ты в срэ́ду у́трам пат чя́твэрх! <...> И вот э́та мы́лися вси. И малых́ нима́, дак вон ма́тка печ то́пя, ваду́ у́рэя. Адна́ ба́ня. И все равно́ и у ба́ню павя́де, вады́ панабира́я. Хоть трóшки, да на́да памы́цца. <...> Прыхо́диш, хрэ́стик тады́ вон э́тым, свэ́чкай, свэ́чкай. А на са́раи — у́лінкай (НаФЛ).

В с. Рогове на Пасху, когда славили Христа, было принято тоекратно стрелять из ружья в полночь:

Ну кали́сь было́... Ня э́здили у цэ́ркви (э́та сы́час у цэ́ркви э́здыць) [светить пасхи]. А, напрыме́р, вот у мене́ ико́на... «Страсти́». Вот у кау́о «Страсти́», и в той ха́ти и па́ску свя́тять. И тады́ прыхо́дя, напрыме́р, Ве́тяр кали́сь, пакóйник. Ё́н прыхо́дя з ружжа́м: «Бах! Бах!». Двяна́цать часо́в. Тры́ ра́за стрэ́ня — и всё (НаФЛ).

Вознесение Господне

Празднование Вознесения Господня, называемого в брянских говорах *Ушэстием*, включает и уникальный, характерный только для брянско-гомельско-черниговской этноконтактной зоны — это подтверждают и белорусские этнографы (см.: [19, кн. 1, с. 7]) — древний бережно-аграрный обряд «вождение стрелы», и посещение могил родителей с катанием белых яиц, и организацию коллективных гуляний и трапез с приготовлением в том числе яичницы. Обряд «вождение стрелы» содержит такие ритуальные действия, как собрание в центре села, обрядовое шествие со *старца́ми* (*де́дом* и *ба́бой*), исполнение стрельных песен, вождение *караго́дов*, подбрасывание песка вверх для роста льна, жертвоприношение, произнесение заклинаний. Как и празднование Вознесения, он характеризуется локальной вариативностью. Отметим, что лексема *стрела* в обрядовом дискурсе пограничья — это и молния, и жертвоприношение; в то же время — это и название самого обряда, а также и стрельной песни.

В с. Верещаки «вождение стрелы» характеризуется следующими чертами:

Ну э́та с старыны у нас ицэ́ тако́е... На Ушэ́стя, як шэ́сть няде́ль прóйдя по́сли Па́ски, в тэ́й день да́вней хади́ли два разы́. Во пабу́дут да абéда, там, у ад́ин край дярэ́ўни. <...> А па́том ужэ́ о дру́гий край иду́ть из уармо́шкай. Там няю́ть де́ўки пэ́сни, а па́рни танцу́ють, и гу́рають. <...> А э́та за́ руки дэ́ржаца́ як пры́йдуть ужэ́ туды́, у по́ля. Па́том ужэ́ хараво́т во́дять кру́гом, и тады́ няю́ть пэ́сни, и за́ руки ужэ́ дэ́ржаца́. <...> Ну э́та тады́ спя́рва́ исхо́дят тудá ужэ́, а па́том ужэ́ зака́пыва́ть яé (стрелу). И па́том ужэ́ изно́ў не́ма яé уот, уот да са́мыя Па́ски. Зяме́лку во́зьма́ть и паки́да́ють вот так вот. Че́рес уала́ву па́браса́я. Ну вот па́том ужэ́ дажы́да́ють ужэ́ по́куль. И пэ́сян тых не няю́ть — ништо́. И па́том ужэ́ при́дя Па́ска. На фта́рый день ужэ́. На пе́рвый це́ ни няю́ть, а на фта́ро́й ужэ́ день изно́ў э́та ужэ́ нача́нае́цца: знóў по́йдуть у ад́ин край схóдять, там ужэ́ атка́па́ють, па́пяю́ть... Ну а́ни ничо́уа там ни тка́пыва́ють, а па́пяю́ть, па́танцу́ють. А па́том по́сли бе́да (обеда) ужэ́ па́йдуть, ужэ́. И там яé ужэ́ пау́ля́ют и перя́кида́ють зяме́лку. Ни зяме́лку, а тра́ўку, зя́млю́ же — э́та у́ряза́на, а тра́ўки во перя́бро́сять. Ну и па́том а́пя́ть да сле́душчы́ Па́ски. <...> А и старцо́ў жа... Вот як ужэ́ «стра́ту» вяду́ть, дак па́дрэжа́ють ужэ́ двух ча́лаве́к, ужэ́ <...> Вот, напры́мер, мы там са́бярóмся ужэ́... старцо́ў. И я́ны́ ужэ́ с та́кiмы с па́лкамы́ пю́ря́ть (пю́ря́ть в одном значении — толкать, ударять кого-либо [14, вып. 33, с. 199]) дяте́й. Де́ти и бя́гут тално́ю услéт. Ну э́та гу́ля́ння тако́е. И я́ны́ ужэ́ старца́́ бя́гут, бя́гут на́ряжа́ные у ря́сси, из барада́мы (АГМ).

В с. Старый Вышков зафиксированы следующие особенности:

Ушэ́сте у нас «стра́ла» бы́ла. Хади́ли па у́лицам, (Показывает) вот атсю́да, атту́да, атту́да, атту́да — ну вот су сих паселка́ў. Саби́ра́лися на дярэ́ўни, а схóдили вот тудá, идé астанóўка а́ўтобусна́я. С э́тага канца́, с Тутóўки, ис-па́д Ё́пути (Ё́путь — река в Новозыбковском городском округе), з уóрки. (Ходили только) же́нщины. А дед и ба́ба бы́ли. И усé сяло́ дяте́й услéт бе́гаит за й́мы... Ну адява́лися. Ну же́нщина наде́ница́ у мушкóе, а мушчи́на наде́ница́ у же́нскае. Па́лкай уа́няли па у́лицы усéх па́дрят. Хто на у́лицы сяди́т, не уча́ствую. <...> Прóста пэ́ли пэ́сни и всé. И шли да са́мага цэ́нтра. А там ужэ́, ка́да усé са́бярóўца, пэ́ли кара́ют. ...А па́том, ка́да ко́нчили петь, пясóк — и пады́мали уве́рх, што́бы лен рос... На у́лицы, там же́... Вот бра́ли пясóк и уве́рх бра́сали, што́п рос лен. Вы́шэ, вы́шэ, вы́шэ, вы́шэ, што́бы лен рос. Тады́ и пря́ли, тка́ли. <...> А пэ́сни я ужэ́ и пазабы́вала их... Пэ́сню э́та о́чень тижало́ ужэ́ фспóмнить. Пэ́ли: «Шла “стра́ла” да и удо́ль сяла́...», «Я гу́ляю́, а петь хóчеца́...» ... Ой, их мно́га, да я ужэ́ вси забы́ла. По́сли Ушэ́стия ужэ́ нильзя́ петь (РВА).

В с. Каташин респонденты указали на следующие черты:

— Как в селе называется Вознесение?

ЕМЗ: Ну у нас *Ушэ́сте* называ́лась.

ЮФЗ: У нас карагод. Карагод. Карагод ваділі. У нас «стряла» — эта песьня такяя.

— Когда Ушестие проходит?

ЮФЗ: Ат Паски шэсть нядэль.

ЕМЗ: Вазнясэние называюцца. На Ушэсте, да.

— Что на этот праздник делали?

ЕМЗ: На кладбища хаділі на Ушэстя, на Радуніцу хаділі там патом.

ЮФЗ: К радітилям ходять. Паходять, яйчки пакачяють.

ЕМЗ: Бэлые. Красные — на Раданіцу. А бэлые — на Ушэстие... Ваділі карагодаў! Дай сколькі!

ЮФЗ: Наряжэлі. Ну мала... Як маладые. Карагодаў вядуць. Сабіраюцца жэніцыны. Во бяруцца за рукі, за рукі во — и кружым сяла. И пэсни пяють.

ЮФЗ, ЕМЗ: Лягела стрела да на край сяла, / Убіла стряла добра молацца. / Па тому молаццу некаму плакать: / Матка старынька, дэтки малиньки.

ЮФЗ: Ну и ходять, надяють жэніцыны... Ну тама маладых надявали. Ну дэвачку и мальчика. Дэвачик наряжэють. И мальчикаў наряжэють. И так як ужэ... старынные у людэй... Ну як маладыми... Ну идуць. Этые наряжэюцца, идуць у ту пэру. А кружым идуць жэ ужэ пяють многа людэй. А то ще пэра сабіраюцца — старцы.

ЕМЗ: Дет и баба.

ЮФЗ: Тэжа дет и баба. Наряжэюцца у старая в такэе и абмазуецца.

ЕМЗ: ...На улавэ, кухвайку надэла... нуги в рукавы всадила, а тут падвязэлася.

ЮФЗ: Приходит и бярэ... ужэ там вядро бярэш якэ старэе... мятлу якую тама. И бэуяють, сабірають, прэсэють яец тама — хто што дасть...

— А в это время жители села идут по улице из одного конца в другой?

ЮФЗ: Да, вот. Идём с адном... кружым. Вот так як сонцэ свэтя. И кружым сяла. На тэя сама я мэста вярнулся. А идуць и пяють... пэсни.

ЕМЗ: Сабіраюцца... и ууляють, и музыка...

— На Ушестие ходили в жито? Закапывали там стрелу?

ЮФЗ: Да нэ. У нас этага не было. У нас этага не дэляют. <...> Ну у нас так: паходять, папяють, пазбіраюцца да ууляють. Яэшню (яэшня — яичница [3, с. 360]) жэрають жэ тада ужэ, канэшина. Яйцы на скавараду — и ядуць. Пьють закуски. Сабірають. Сваеуб там прыносыть...

— После Вознесения песни петь нельзя?

ЮФЗ: Да.

ЕМЗ: Карагодные нильзя.

В с. Вихолка записано произносимое в ржаном поле при проведении обряда «вождение стрелы» заклинание:

Штоп стрэлы (молнии)... ни литэли ни на уарада, ни на сёлы, ни на паля», — я так уаваріла. А литіте, стрэлы, тудá, уде люді не хóдять, птíцы не летáють, и звéри ни бéуяють. Вот. А лóдям — здарóвья, рош штоп радíла. Вот. Штоп фсé радíла. Штоп здарóвинькие бýли фсе, штоп скатíна радíла. И всé зернавóе. Штоп на палях фсé былó (НИП).

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Крестильный обряд

В с. Вихолка во время крестин (в брянских говорах — *хрэзьбин*) дают в руки младенцу тетрадь и карандаш, чтобы он, повзрослев, достиг успехов в учебе, стал достойным человеком: «А бабушка (бабка — повитуха [13, с. 46]), як пэрвая прыхóдя на радíны (имеются в виду крестины)... лóжыт малышá на пеленачку. Во. В рúчку дает карандашык и титрáтку. Младéнцу. “Штоп быў, — уаваря, — умниньким”. Во. “Штоп велíким чилавéкам быў”. Во э́та так мне ма́я бабушка, што миня баби́ла (бабить — оказывать помощь при родах [3, с. 16]). Вот. Э́та так а́на мне ма́йм дéткам уавары́ла. И, праўда, маé хлопцы, вот сыны маé, ані учíлись на “чятыры” и “пять”. Вот. Харашó

училися» (НИП). В Вихолке во время крестин из осколков разбитого кашника выпивают водку, чтобы не болели зубы и не кусали комары.

В с. Верещаки ранее было принято, чтобы кума дарила роженице отрез ткани для пошива платья: «Ну як а рóдицца малый вот, напрымёр, ужó кумá. Ётый ни зная ужó, што ён будя дават, кум, а ты б ужó насила назывався увивич (увивич — отрез ткани на платье, который кумовья дарили роженице [13, с. 266], а увивач — кусок материи, пеленка, в которую заворачивают младенца после крещения [14, вып. 46, с. 175]). Увивич у нас. Вот, напрымёр, палатна. У нас ни было тады ни матэрьёу, ничога. Дак палатна такіх мэтры две ти тры. Эта ты нясеи ужó крыстіть» (АГМ). Рушник, которым на крестинах вытирают младенца после погружения в воду (в брянских говорах — *крыжмо*), впоследствии бережно хранится родителями. Когда выросший ребенок уезжает из дома, мать отрезает от *крыжма* полоски ткани и зашивает их в его одежду в качестве оберега.

Обряд «вешание колодок»

Старожилы отмечают, что в их селах ранее проводился обряд «вешание колодок». Девушка вышивала для своего парня платок, складывала его треугольником, к нему добавляла небольшой букет цветов (или цветок) и ленты. Этот обрядовый артефакт назывался *колодкой*. На масленичных гуляниях, в четверг, девушка прикалывала ее булавкой к груди парня. *Колодка*, таким образом, подчеркивала взаимные чувства девушки и парня и символизировала окружающим об их новом статусе — жениха и невесты. Лексема *колодка* обозначает в обрядовом дискурсе пограничья соответственно артефакт и сам обряд:

На Масленицу вот, напрымёр, сабирáлись пáрни, деўчáта. Ну... ёсли, напрымёр, сабирáлись ужó иурйицца эта дэлат, дак дня тры. Эта ужó пат канéц, напрымёр, Мáсленицы. Дак начнóт у пýтницю, в субóту, в васкрýсэнья. Эта во такіе платóчки нявэсты вышивáли, ну насавикі. И слáжывая их так у ёта... на трыуóльник. И тут ужó букéт... букéт цвятóу, а зáди — лэнты. А платóк ётый дáлжнá нявэста вышить, раишить. Ну и тада ужэ цапляли хлóпцам ётым калóтки ужó (РФБ).

В с. Рогове было отмечено следующее:

Вышивáли платóчки и дарыли пáрню платóчык там на пýмьт. Там Кóли, Мíти, урбiшы... с кем ты дружыш. <...> Дарыли и, напрымёр, тады и ни было платóчкау. А щас кисяя жэ ёта. Кисяя... бéлый кáлянкóр. Ти як ён назывáецца? Кисяя. Тады жэ нáда абвязáть, а тады кружэвцы навязáть. А тады нáда вышить ну там «Люблó», «Дарю», ишчэ што-нибу́ть. <...> У чытвэрх — «калóтки», во назывáлись «калóды». Калóтки вéшаять у чытвэрх. Да, платóчки дáрят (НаФЛ).

Предсвадебные и свадебные обряды

Связывание рушником печных инструментов на заручинах

Заручинами (*сгóвором*, *свáтáми*, *магарычóм*) называется на юго-западе Брянщины помолвка. В с. Старый Вышков во время заручин в доме невесты устанавливали на середину комнаты возле праздничного стола связанные самотканым рушником инструменты для работы в печи, что символизировало нерушимость будущих семейных уз, желание создать крепкий брачный союз: «Чепялá (*чапелá* — сковородник с длинной ручкой [3, с. 347]), мáлые вiлки (*вiлки* — ухваты [3, с. 50]), бáльшыё вiлки, качярьгá и ищэ вiлки — пýть. Усё стiснуть (связать рушником) и пастáвить сярядi хáты, штоп стáяли. <...> Кáдá ужэ за сталóм пасядя́ть... патóм ужó развэжáть» (РВА).

На сватах исполнялись короткие песни: «Хвалилася калина: “Нихто мяне ня вымаразя з зяленага лу́гу”, / Хвалилася Лэначка: “Нихто мяне ня высватая з баўтага рóду”. / Як пачю́л, пачю́л, пачю́л марóзка: “Я ш тебе вымаражу з зяленага лу́га”. / Як пачю́л Ва́нячка: “Ты ни хвалися, Лэначка, я ш тебе высватаю з баўтага рóду”» (ААП).

Обычай «мазать печь»

Обычай «мазать печь» проводится на заручинах. После того, как сваты побывали за праздничным столом в доме невесты, они вместе с ней направляются за стол в дом жениха. И вот здесь невеста должна «мазать печь». В настоящее время это выражение является фигурой речи и подразумевает действие условное, а не реальное:

— Сваты заходят в дом невесты?

ЮФЗ: *И с хлэбам. <...> С со́ллю, да.*

ЕМЗ: *Ну уаваря́т... Кались, зна́йте, на́да ш прыду́мываць шо, дак: «Вы ня ба́чыли? Тут ни прабя́ўала ря́бинькая телачка?»*

ЮФЗ: *Казáли: «Прада́еца телачка» (Смеется).*

ЕМЗ: *Ты «прада́еца», хто ска́жа «прабя́ўала». «Ба́чыли» — «Нам на́да», да. «Ну захо́тце в ха́ту», да. Ну захо́дзяць. уату́яць стол. Тады́ малада́я э́та ужо́ идэ́ць из э́тым малады́м зва́ць уасте́й маладо́й (имеется в виду молодого). Маладо́й уасте́й. Ну тут пабу́дзяць, а тады́ иду́ць «печ ма́затъ». К маладо́му. Ну называ́ицца... Иду́ць туды́ за стол. Называ́ицца э́та так «ма́затъ печ».*

— А на самом деле печь мазали?

ЮФЗ: *Пры́дзяць во...* (Делает незначительный жест рукой сверху вниз).

ЕМЗ: *Руко́й шурне́ (невеста по печи)... И фсе́. Ну и а́пяць сады́цца усі́ уме́сти... Да, там ужо́ тья́ прылу́осяць сваі́х. Да тады́ уме́сти и ууля́ять.*

Обычай «завивать вельцы»

В брянских говорах *вельцы* (*вельцы*, *ельцы*, *ельцы́*, *ёлка*) — это высушенная ветка дерева (ели или сосны), украшенная тонкой разноцветной бумагой, травами, цветами и поставленная в свадебный каравай [14, вып. 4, с. 111]. В структуре этого обычая выделяются такие инвариантные ритуальные действия, как изготовление вельцев, втыкание их в каравай и накрывание красным шерстяным тканым платком, снятие платка с вельцев при делении каравая между присутствующими, сопровождающееся исполнением коротких песен {«*Пе́рвым ра́зам, пе́рвым ра́зам, до́брым чя́сам. / Блау́славі́, Бо́жэ, блау́славі́, Бо́жэ. / Да ты, ате́ц, ма́ти, дай свайму́ дитя́ти карава́ю чяпа́ти*» (ВНШ)}, произнесение пожеланий жениху и невесте. В. Н. Шмухлярова, руководитель народного фольклорного коллектива «Калинушка» в с. Старый Кривец, рассказала, что бракосочетание ее дочери в недавнем прошлом проводилось в соответствии с канонами «старого» свадебного обряда, поэтому на нем происходило и завивание вельцев.

Респонденты указали на следующие черты в проведении обычая:

АГМ: *Вьють вельцы, пе́рят э́тым, пе́рят сва́дбай. Сабира́йца ужо́ кружо́м де́ўки во и пяём, пня́оть ужо́: «Ляте́ў уарнаста́й че́ряс сад, / Папуска́ў пе́рушки на весь сат. / Сабира́йтя, де́вачки, пе́рушки / И вы́йте Ми́шацку велья́чки / Из рю́ты, из мя́ты, из ляле́и, / Из то́нкай бэ́лья папе́ры».*

Э́та... На паса́де э́та пня́оть, як велья́цы. Де́вак тады́ тых сажа́яць ужо́... И тады́ ужо́ даю́ть им па ча́рцы. <...>

— Вельцы — это что такое?

АГМ: *Вельцы — э́та вот такі́е былі́ рау́ули. Насі́ли...*

РФБ: *Ну рау́ули... И сажа́ли их у карава́й.*

АГМ: Да.

РФБ: *Каравáй пяклí, и вот э́тые ро́шки, ну, напрыме́р, с сасны́ там вярху́шки зло́маны...*

АГМ: Да, *закрыва́ли платко́м...*

РФБ: *...и шерстя́ным платко́м краси́вым закрыва́ли.*

АГМ: Да.

РФБ: *Краси́вым!*

АГМ: *Тка́ным у нас такíм...*

РФБ: Да.

АГМ: *...закрыва́ли.*

РФБ: *Кали́ начына́ли каравáй дяли́ть, дак снимáли э́тый ужó плато́к и рэ́зали каравáй ужó э́тый.*

АГМ: Да. *А вельцы́ вот стая́ли ищэ́ и идэ́сь яны́? До́луга стая́ли. Вот я ужó забы́лася. У э́там жа дварэ́, идэ́, ви́дна, э́та было́.*

РФБ: *Ну да, идэ́ сва́дьба была́. А тады́, а тады́ друу́яя сва́дьба идэ́ть. Дац инаудá и бра́ли у людéй.*

АГМ: Да, *друу́яя, вот ужó друу́яя там сва́дьба нидалёка. «Иде́ э́та рау́ли ты́я на вельцы́?».* Во ужó панясу́ть их. Там ужó пяю́ть ужó.

В с. Вихолка об обычае было рассказано следующее:

НИП: *Е́льцы ста́вили на каравáй... З э́льцaмы малады́й прияжа́я. Сначя́ла вэ́чярам вельцы́ дэ́вачки вьют. <...> Вэ́чярам, пэ́рят сва́дьбай, вэ́чярам у жэ́ниха... сабирáя ужэ́ дэ́вак и штоп вельцы́ велí. Вот. Сви́ли вельцы́. <...> А пато́м ужэ́ паэ́хали з вельца́мы...*

— Кто везет вельцы?

НИП: *Ма́линькая и́ли ро́цтвинница, и́ли сястры́чка. Мла́чишая и́ли там племя́нница... и́ли хто. Аны́ и хóчять, дэ́тки. Вот аны́...*

— И она первая заходит в дом невесты с вельцами?

НИП: Да. *З вельца́мы, да. Малады́е па́ра идэ́... Малады́й паи́бу з вельца́мы и ря́дам и яна́ и — за стол. Выво́дять маладу́ю. Вот. Ужó. Фстрéтили. Хлэ́бам-со́ллю малады́й там... Ну и ско́льки? З вадо́й ти с чем-нибу́ть. Фстри́чяять и ра́ньшы... Вот. Церко́внага э́тага кау́ору ра́ньшы.*

— И где девочка вельцы оставляет?

НИП: *На стол. И малады́х за стол са́дят.*

— В пирог вставляют вельцы?

НИП: *У хлеп. Аны́ там та́кое ищэ́... Из дэ́шки, што те́ста, пяклí хлеп. Вот э́тат хлеп круу́лый сюда́. И вельцы́ — у хлеп. Во. И накрыва́ять краси́ным платко́м тка́ным. <...> (Показывает платок) Таки́й. Мы тья́пе́рь их завя́зываем. А ра́ньшы и! у́спади!.. А ра́ньшы и биряу́ли. <...> А с э́тим платко́м хадíли э́ти... на радíны (родíны — день рождения, празднование этого дня [3, с. 287]).*

В с. Каташин было отмечено следующее:

ЕМЗ: *Е́льцы были́ и у маладо́уга стая́ли, и у маладо́й стая́ли. Ну во пять па́лачак. Во так во их втырка́ять у каравáй и во...*

ЮФЗ: *Так як свэ́чки тья́пе́рь.*

ЕМЗ: *И э́та... накрыва́ять краси́ным платко́м. <...> Е́льцау́ ни́кто ни перяво́зил. То́льки плато́к тэ́й ужэ́ забира́ла малада́я. Да, са сваи́х э́льцау́ забира́ла сабе́. Ужó. А тады́ ёй астае́цца. А з яу́о забира́ять яны́ ты́е. Свая́кру́ха. <...> Е́льцы стана́вили и у каравáй, да. И э́льцы ты́е ра́знай бума́угай краси́ваю во тако́ю абма́таны были́. Ня па́лки уо́лые, а абма́тана. А тады́ накрыва́ли платко́м. Вэ́чярам ужэ́ пэ́рет э́тым... як маладу́ю забира́ють, дяли́ли, у маладо́й дяли́ли. Жала́ли там усэ́... Штоп жы́ли дру́жна, да ишчя́слива, да хараши́о.*

Обычай «отбивать молодым пятам»

Этот обычай представляет собой фрагмент свадебного празднования, на котором гости призывают молодоженов к верности и неразлучности, стараются отвести от них

невзгоды. В настоящее время действия, лежащего в основе названия обычая, не совершают. Семантика этого обычая следующая: отбить пяты — предотвратить супружескую неверность, распад семьи, удержать супругов вместе.

— В последнее воскресенье, на котором отмечали вашу свадьбу, что делали?

НИП: *Эта вари́ли кашу, пята́ха и ку́рыцу. Там пята́х — ат маладо́га, ку́рачк... или гусь и гусы́ню. Убива́ли во и адбива́ли ужо́ пята́ малады́м, штоп ня хаді́ў малады́й (жані́х ня хаді́ў ти муш ужэ́), ня хаді́ў да дру́гія жаны́. А невя́ста ти жанá — то́жса, штоп жылі́ умэ́сти. Бі́ли на пята́м. Э́та адбива́ли. Пята́ нет, нет ни бі́ли. Э́та тако́е. Штоп малады́я... Вот ну та́кий сабанту́й де́лаўся. Сабанту́й, штоп малады́е не хаді́ли аді́н без аднаго́. <...> Куда́ п ни шлі́ — вдваём. Штоп ниразлу́чные бы́лі. <...> Э́та прóста тако́е уаварі́цца «адбива́ть малады́м пята́», штоп не хаді́ли к дру́гім. Ни нявэ́ста, ни жані́х (имеются в виду жена и муж) штоп не уха́дзіли, аді́н аднаго́ сматрэ́ли.*

На свадьбах, проводящихся на пограничье, девушки, желающие скорее выйти замуж, тянут до порога комнаты стол, за которым сидят молодожены: *«А дэ́вачки стол тя́нут да паро́га. Я сама́ тягу́ла, што́бы скаре́й зáмуш пайт́ить!.. Стол, уде́ сидя́т малады́е... Да паро́гу тя́неш»* (РВА). Кроме того, старожилы указали и на такой восточнославянский обычай, согласно которому молодожены отправлялись спать в амбар. В компендиуме «Славянские древности» об этом обычае говорится, но речь идет о первой брачной ночи: *«у восточных славян в амбаре молодожены иногда проводили первую брачную ночь»* [16, с. 105]. На брянско-гомельском пограничье же отмечается следующее: *«И ты зна́иш, які́й у нас бы́ў зако́н калі́сь? Зимой, у та́кий маро́с, и спа́ли на дварэ́ ув амба́рах малады́е. <...> Э́та сэ́йча бы́ўца, то сва́ряцца (сварі́ться — ссориться [3, с. 292]), а тады́ ужо́ ни пасва́рыся! Та́мака прышчэ́мися аді́н к аднаму́. Хало́дна ш, маро́з! <...> И ле́там ув амба́рах спа́ли. Хо́чыш — няде́лю, хо́чыш — и ме́сяц, хо́чыш — ко́льки хо́чыш»* (АГМ).

Погребальный обряд

Собранный по погребальному обряду материал демонстрирует общность с восточнославянскими традициями. На пограничье Брянщины и Гомельщины моют пол после того, как гроб с покойным вынесли из дома. В день, когда похоронили усопшего, ему делают «постель» в доме, в котором он жил: на место, где стоял гроб, устанавливают два табурета, на которые кладут большой платок. Если покойный снится и говорит, что ему холодно, что не хватает каких-либо предметов одежды, жители «передают» ее — кладут в гроб с другим покойным или зарывают этот предмет на могиле снящегося. Когда умерший часто снится, принято поминать его, сидя на пороге, испеченным блином (см. подробнее: [10, с. 26–27]). Разнятся сведения об узких полосках ткани (тонких веревочках), которыми связывают руки и ноги усопшего. С одной стороны, респонденты указывали, что их оставляют себе и завязывают при болезни [9, с. 125]: *«И но́ги, и ру́ки (умершего) пато́м, када́ у я́мку зарыва́ть, развя́зують. Вяревачки э́ти, э́сли но́ги баля́ть, завя́зуй сабе́. И уавары́ть на́да: “У пакой́ника ня баля́ть ни ру́ки, ни но́ги. И у мяне́ штоп ни балэ́ли”»* (РВА). С другой стороны, оставлять себе полоски ткани нельзя, поскольку это приводит к болезни: *«И вот, э́сли умрет чялаве́к, так на́да ни забы́цца хо́ть как развя́зать но́ги. Свя́зують жэ́ сна́чяла ру́ки, но́ги. <...> И э́тыя вяревачки на́да туды́ ш (в гроб) палажы́ть. С сабо́й штоп (не забрать), ни дай бох... “На балэ́зь”, — тады́ уаваря́т»* (НифЛ).

Обряд «свеча»

Этот обряд комплексно описан исследователем народной духовной культуры Гомельщины, гомельско-брянского пограничья Г. И. Лопатиным [7], прежде всего отметившим, что *свеча* на территории юго-западных районов Брянщины — это икона, которая в селах переносится из одного дома в другой. Имеющийся материал подтверждает наблюдения этнографа. В селах пограничных районов Брянщины может быть несколько *свечей*, владельцы которых в своих домах принимают священника и желающих помолиться перед святыней односельчан, готовят для них коллективные трапезы (обеда), когда *свеча* (*переносная оброчная икона*) появляется первый раз в новом доме, а также на праздники:

Прыстольный прызник у Дубраўке была Тройца. На Тройцу щас и тяперь там икона, и бацюшка тады пріяжаў. <...> Нет, цэркви нет. У доми, у доми. Брали люди вот на адін год я, напрымер, бы узяла, на друуий год узяла п сасётка... Перенасили эту икону. <...> Малились там, у том доме, боуу. уде... икона стайть... Вот хто, напрымер, прыходит? Я там, друуая. Бяруть свечки, там жа и свечы и усё. Цэрковныя, да. И все эта. И моляцца в этом доме. Патом эту икону перяносять у друуой дом. <...> Ну тяперь икону перяносять, там ужэ сно́ва моляцца, и тая ужэ хазяйка дэлая застолья, што ужэ прынасли икону. <...> Яна дэлая (обед) адна, уа́товать там ужэ, памау́ають все яе (домочадцы). Ну патом ана (эта икона) стайть год. И вот ка́да ка́кой прызник, старухи сабира́ацца... у́ этом доме, моляцца. <...> Ра́ньшэ перенасили, а щас ана стайть ужэ не́скалька лет ув адно́м доме. Жэ́ницына адна́ узяла, та́кая малада́я узяла е́е вот, и тяперь эта икона стайть там. И ана ка́ждый год... Эта аброчная. Абрэка́ацца люди, и ана аброчнай э́тай ико́най, яе... яна́ ужэ. Люди прыхо́дять. <...> Ну э́тый ка́ждый год, ка́ждый год служать Тройцы. Ка́да прызник Тройцы. И вот та́да́ ужэ́ эта́ жэ́ницына дэлая абёт. <...> Ну а патом ищэ́ у Дубраўке у нас бы́ў «Никала́й», «Никала́й Зи́мний». Вот он быва́я дивятна́ццата́га дика́бры. Там то́же та́ была́ ико́на «Никала́й». «Чюдатво́рца», да. Там то́же так. Перенасили э́тые ико́ны, но щас нет. Ана́ ув адно́й жэ́ницыны то́же та́кая. <...> И Никала́й — э́та то́же прыстольный прызник. Уся́уда́ э́та был ужэ́ Никала́й. Тройца — э́та бы́ў, была́ там абёт дэлали. Бау́а́тый абёт, а на Никала́я э́та... Он жа́ пе́рят Раже́дством, э́та пост. Уся́уда́ там (в Дубровке) был абёт, но уся́уда́ был по́сний абёт. Ужэ́ з урыба́мы вары́ли там борщ там, шо́-та та́ко́е. Э́та Никала́й был по́сний (РФБ).

Обряд «свеча» отличает и традиционную культуру Гомельского Полесья: «Восеньскі цыкл на тэрыторыі рэгіена вызначаецца абрадамі так званай “свячы”, якая разумеецца ў традыцыйнай культуры перш за ўсе як калектыўны аброк, сродак забеспячэння сабе здароўя і дабрабыту на год наступны» [19, кн. 1, с. 7].

Обряд «проводы русалки»

Структура и семантика этого обряда рассмотрены С. Н. Стародубец и О. В. Белугиной на основе аудио- и видеоматериалов, собранных в с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области и в с. Усохская Буда Добрушского района Гомельской области [15].

В с. Рогове, как отмечают старожилы, этот обряд проводился на Грядной неделе, в воскресенье. Роль русалки отводилась девушке-сироте 13–14 лет. Ее наряжали в белое платье, распускали косу, украшали лентами и венком из васильков, вели по центральной улице села в ржаное поле. Сопровождали ее только девушки, исполнявшие песни. Во ржи с русалки снимали венок и ленты:

НаФЛ: Кались жэ́ русалки ваді́лись, што́п была́ без раді́тилей, кру́улая сирата́ русалка́й. Лэ́нты прывя́зывали, вя́нкі пля́лі русалка́м — и вяду́ть. И пе́сни пе́им... <...> Ні́на Курэ́ива все

врэ́мя бы́ла. Её ма́тка и ба́тька. Ма́тка умёрла, а ба́тька на вайне́. Вот. И давя́дэш да жы́та, вянкí кидáиш тудá, распля́иш. И э́та вот занима́лись э́тым у де́цтве. ...Э́та ўрня́я няде́ля бы́ваит. <...> Нады́ва́ли пла́тыцэ... бе́линькае. А во́ласы распуска́ли, вяно́чык нады́ва́ли из цяв́ткоў васи́лькоў... Вя́лі русáлку... на фся́му ся́лу́ и ў жы́ту. А та́мака ў жы́та вянкí скидáиш и ужэ́ русáлку... Адна́ яна́ иде́ть. <...>

— А в какой день недели водили русалку?

НаФЛ: *В васкрысе́нье. Ахло́пцэў не бы́ло. Э́та де́вачки вады́ли. Вы зна́иця, русáлачка бы́ла так вот лет трына́ццать-чыты́рнаццать де́вачка... А мы ж ишчэ́ ме́ньшые, а бяу́им жэ́ за хараво́дам. Вяду́ть — и мы ш бяу́им за йим... Ну ани́ ш... вяде́цца... хараво́дам вяде́цца... Ана́ ш ни адна́... Бы́ла чялаве́к пятна́ццать. Ну ла́днага. Де́вачки фси саби́ра́лись и вя́лі... А взро́слых не́ была...*

ВЕРОВАНИЯ

Доброхожие

На пограничье бытуют верования о *доброхо́жих* [8; 2]. В с. Новые Бобовичи записаны рассказы об этих мифологических персонажах, представших перед жителями в образах молодых парней и всадника:

Ну бы́ло мне. Як паселак Барэ́ц... (Боре́ц — бывший поселок в Новозыбковском районе) бы́ў на ме́сти. А там жа́ у мене́ дя́тка жы́ў, у Барэ́ц. <...> Ну я тады́ ничё́га ня ба́ялась. <...> По́зна — дак по́зна, но́ччю — дак но́ччю... А ишэ́ть кило́метраў ад Барэ́ца, ат паселка э́тага, на́да итíть (домой). И вот я иду́. Там, як рэ́чэчка, там мост... <...> И я вот ишла́ по́зна на э́таму масту́. И на э́там масту́ стая́ть хло́пцы. Ну краси́вые хло́пцы, люба́ ўляну́ть. «Куда́ и́дэш?» — «Ну куда́ я иду́?! Дамо́ў» — «И мы с табо́й». Ду́маю: «Да што́ э́та за хло́пцы?» <...> Я иду́, во ишчэ́ ш падле́ся бы́ла. На паселак сюды́. И яны́ иду́ть па бакáм удава́йх. <...> Иду́ и аўля́дуюсь. Аўляну́сь урoди их няма́. Трoхи пра́йду — зно́ў иду́ть. Паду́май ты! Да што́ э́та тако́е?! Падыхо́дить ста́ла к паселку — ўде́ де́лися (неожиданно пропали). <...> К ерадро́му ста́ла падыма́цца — нико́га ня ста́ла. Я ужэ́ ста́ла адна́. <...> Пачти́ да двара́ давя́ли (ОФЕ);

Бы́шла срядí бе́лага́ дня на двор (У нас двор ба́льшы, так перя́биты). Вот я на тэ́й двор иду́. Вот тани́ўя па́рнянь на дварэ́. Краси́вый. «Вады́ напíцца». Малады́й. А я, зна́ице, спужáлась. Как рас у по́лдянь. Я так во бо́уу сама́ сабе́ перехря́сти́лась тíхенька. Кажу́: «ўoспади...». Э́та а́нґул. <...> А́нґул. Я так па́ехала у цэ́ркву у навазы́пкаўскую. Да и ўаварю́, кажу́: вот так и так. А ате́ц, ба́тюшка, и ўавoря: «Жэ́ницына, э́та а́нґул. Ну и што́ вы там тады́ зде́лали?». Я ўаварю́: «Я спужáлась...». Ё́н ўавoря: «Ну вот пада́йте на чя́стачку». Ну ужó як ё́н имне́ пасаве́таваў, што... И все́. И бо́льшы я с тых пор не ба́чила ничё́га (ОФЕ);

Иду́ на хвeрму. И во зашла́ сюды́ як э́тый, Налива́йка, жы́ў. На э́ту стéшку, э́тый вхо́дить у круте́лку. И чю́ю вот изза́ди: «чэ́к-чэ́к, чэ́к-чэ́к». Я ду́маю, што́ жэ́?... (а э́та как рас... в нача́ле ма́рта)... Ну иду́. И вот то́льки у круте́лку ваи́ла, стаю́. И е́дя вот конь та́кí краси́венный. И жoбу́тым та́кíм пакрýвалам и кíтицэ́й... И сядíть. <...> Бох я́ўо зна́я — хто. Які́ся ужó жé э́хаў... Ну и сядíть. Ну я и стаю́. Ё́н па́ехаў, заварáчюецца на Тима́шкоўшчыну сюда́, и я иду́ тixoнька. <...> И вот, как даи́шоў да э́тые, да Кастя́нки да Ра́йки, и в вóлачку в э́ту павя́рнуў. И я ш дивлю́ся... И, як даи́шоў да варoт, и как растáл (растаял) там. Як вот растáл. <...> Ну е́дя вот ца́рь, е́дя, во у кíтицэ́, пакрýтые жoбу́тым та́кíм (ТАП).

Доброхожие, по наблюдениям Г. И. Лопатина, выступают и в качестве хозяев леса. В собранном материале зафиксированы такие мифологические персонажи, как *Пан-хозяин леса* и *Спoрка-спéшка*:

Ну як прыхо́диш у ўры́бы, дак на́да каза́ть, шо: «До́бры́й день, Пан-хазя́ин ле́са. Я прышо́ў за тваймы́ дарáмы (за ўры́ба́мы там, ти за я́гада́мы). Шо́п ты мене́ адары́ў ўры́ба́мы ти... за тваймы́ дарáмы прышо́ў» (ЕМЗ);

— Когда вы заходите в лес, что-нибудь произнесите?

НаФЛ: *«Спoрка-спéшка, круу́ом ле́са аббя́жы́, да мне́ я́гадак пама́жы́ набра́ть, да и ука́жы́»... Так и э́та. Пры́диш у лес за ўры́ба́ми: «Спoрка-спéшка, круу́ом ле́са аббя́ўи́, ўде́ ўры́пкí ука́жы́».*

НиФЛ.: *И ранышэ... и хаділі... далекó. Кадá каляктіў, бра́лі са́ла, хлєп, што падъэсть. И штоп фсэ сам ня съёу, палажыў этай Спóрке-спэшке на дэ́рвяца кусочик и э́та сказаў...*

— А кто или что такое Спорка-спешка?

НиФЛ.: *Эта ат «спóра» (спóро — быстро). Спóрке-спэшке лажы́ли (еду), каудá абéдали. Да, на дэ́рива вéшали.*

Удача

Любопытно верование, связанное с удачей: необходимо, чтобы женщина, никогда не бывшая замужем или вышедшая замуж *чэстной*, перешла дорогу тому, кто желает себе удачи в каком-либо деле:

У нас <...> як я во жы́ля, дак была́ дэўка така́я, ужó замуш яé нхтó ни браў. Яна́ пражы́ла век чэсна́й. <...> Я куды́ во бягу́, адна́ та́мака сасэ́тка ста́рая ужó така́я. Бы́ло ёй пачту́ со́дня радóў. <...> Дак яна́ гаво́ря: «Ё́сли ты куды́ бяу́иш, куды́ на́да, срок, како́я дэ́ла, дак э́та... перядви́нь Ма́рью, вро́де яна́ табе́ перяшлá даро́гу». Ё́сли яна́ пры́йдя даро́гу, то ужó уда́ча будя. <...> Ё́сли та́я ужó жэ́ничына ужó пры́йдя даро́гу, катóрая ужó чэсна́я. Чэсна́я замуш идэ́ть. Ё́сли катóрая... И ва́ццэ па жы́зни чэсна́я... (АГМ).

Ведьмы

На территории пограничья представлены восточнославянские верования о ведьмах: подчеркивается их способность превращаться в копну сена, в черных кошек, собак и выдаивающих коров змей. Отмечается, что у ведьм «дурные» глаза, что объясняется следующим верованием: *«Ни на́да, када́ атнимáють... дэ́вачку там ти ма́льчика ат (груді), ни на́да дава́ть фтары́чный (второй) рас. И жалéть ни на́да.* (Если роженица дала грудь младенцу во второй раз, то будет) *уро́чный... уро́чливый (асуро́ки, суро́ки, суро́цы — «дурной» глаз, сглаз [13, с. 44]) чилавэ́к» (НМЕ).* Ведьмы тяжело и долго уходят из жизни, поэтому в их домах приходится иногда взрывать пол или потолок.

Домовые

Домовой, как отмечается, может напоминать о себе посторонними звуками, в определенный день необходимо варить ему кашу, оставлять еду на высоком месте в доме или за *грубкой*. При переезде в другой дом следует пригласить домового в новое жилище. Чтобы он не беспокоил, следует подметать на ночь пол в доме: *«Дак вот ляжэ́, прыляу́ла и не сплю, и ништо́. И хтó-то падышо́л и мяне́ за руку́ дэ́ржа, тисня, тисня. <...> Я там ста́ла каму́-то ба́бкам такім гавары́ть. А яны́ гаво́ряць, што э́та дамаво́й, и на́да хату́ на́ нач падмята́ць усяду́да. <...> гаваря́: “Як спатэ́ лажы́тэся, дак падмята́йтэ хату́. У кажы́нам до́ме ён э́”» (АГМ).*

Гадательные книги

Респонденты отметили, что в с. Верещаки приезжали женщины из Белоруссии с гадательной книгой, из которой можно было узнать о своей судьбе:

Свэ́ячка гары́ть, кні́шка во така́я во талстióшчая, напі́сана па-ца́рько́вны. <...> Я <...> ужó памалі́лася Бо́уу, уста́ла на калéньки. Имне́ ужó аткрывáя лі́стик. <...> Патóм гаво́ря, чыта́я: «Ба́льшы́й падéш скатá, мнóга будя́ в жы́зни перяжы́ткаў. Ну судьба́ ва́ша на чюжóй, сяйчáс на чюжóй зямлэ́». Дэ́ла бы́ло ужó к канцу́ (Великой Отечественной) вайны́. Ужó в гурма́нии быў чялавэ́к мой (супруг). И пачыта́ла, и папы́кала. «И аста́ница в жы́вých, и век будя́ длі́нный». И вот я пражы́ла во ужó век, таю́ э́та я и зна́ю, што пачóм э́та, чяю́ э́та тако́е бы́ло. Во кні́жки які́е бы́лі. <...> И мы во пражы́лі. Ё́н (супруг) ишчэ́ то́жа во́семдисет пять радóў пражы́ў. И я во ужó сяжэ́ (АГМ).

Респондент указала, что и в Верещаках была гадательная книга, посредством которой ее односельчанке предсказали судьбу еще не родившейся дочери: «...“Твая дяўчóнка (дочь) бў́дя каралéва”. Яна́: “Дак у мяне́ дяўчóнки нéту, у мяне́ ма́льчык (сын)”. А ён уаваря́: “...Мужчы́нки ту́та нéту, не пака́зана, а пака́зана каралéва”. И во яна́ (дочь) ужó ишчэ́ не ража́лася, а во ужó радíлась и во каралéва. Во́зять яé, як ба́рыню, и всé э́та: нача́льник уастíнницы» (АГМ).

Запрет есть яблоки до яблочного Спаса при смерти младенца

На исследованной территории зафиксировано характерное для Восточного Полесья верование, согласно которому женщине, потерявшей младенца, запрещается есть яблоки до яблочного Спаса. Нельзя также 40 дней закрывать калитку во дворе и коридор в доме, поскольку «Бóжыя ма́ть хóдя, ма́линьких на руке́ но́ся, а ба́льшых за ру́чку вядé дамóў, шоп пакарми́ли» (РВА).

Запреты на труд в праздники и во время отъезда родственников из дома

На пограничье представлены верования, согласно которым после Рождества запрещается шить, вышивать, чинить одежду, изготавливать посуду из дерева: «А то адíн чялаве́к тесáл вон клéпку е́ту, дéлаў, банда́рваў. Ну дак а э́та... Яна́ была́ бярэ́нна. Дак радíўся ма́льчык бес кисти́. Кисти́ нé была» (РФБ).

На Гряной неделе мужчине запрещается заниматься плотницкой работой (см. также: [5]), если супруга находится в положении, потому что «рябенак рóдицца плахíй»: «У нас адíн чялаве́к <...> стаў хрaнтóн забивáть во у до́ми. <...> А жанá и была́ бярэ́нна. Радíлась дéвачка. у́лазы харóшыя, а ве́ки ни падыма́яцца. Закры́тые у́лаза́, ве́камы закры́ты» (РФБ).

Плотницкие работы на Гряной и Святой неделях приводят к засухе: «Зауарадíли та́мака у нас вы́ган, карóвы идé па́сьвилися, и нима́ и нима́ даждю́. А тады́ ба́пки якíясь и уаво́рять: “Идúтя навывы́рвайтя ко́лики т́ые да вады́ паналíйтя”. <...> Яны́ (дети) взя́ли папавы́рвали и наля́ли вадíчки. <...> Ба́пка малíтву (заговор) пра́чытала́ якáясь. И наза́втрача но́чки пашо́ў дои́ть» (АГМ); «На Свято́й нядэ́ли нельзя́ уарадíть за́уаради до́ма. Вот а́уарóт на́да за́уарадíть: завали́лася там пря́сла (пря́сла — изгородь [3, с. 277]) (ужó называ́ецца у нас) — не на́да уарадíть. А у нас жэ́ ё́ всякие: не уля́дять, за́уаро́дять. Вот то́жса тады́ во такíе як бы удо́вы по́йдим но́ччу, да ко́лики навыв́рвем, да и зава́лим пря́сла. <...> (А то) даждя́... ня бў́дя» (ОФЕ).

На Воздвижение запрещается трудиться в лесу, поскольку там много змей, уходящих в землю [17, с. 507]. В этот день «и з урыба́мы тады́ вары́ть нельзя́ ничё́у» (ОФЕ).

В с. Старый Вышков зафиксирован восточнославянский запрет на труд, связанный с отъездом родственника из дома. Респондентка сообщила, что, когда они с супругом отправляли сына в армию, в их доме перед порогом специально разбивалась тарелка, осколки ее оставляли и в целом не убирали в доме до следующего дня: «Вси навы́шли, я бо́у памалíлася (и говорю): “Бяры́, Ва́ся, тарэ́лку люблю́”. Ё́н узя́ў и пэ́рят парóуам разбíў. (Убирать осколки) няльзя́, пака́ ни пры́ехали мы. Ужó ка́да яўó (сына) атпра́вили (в армию), ужó па́рузúли эшалóн... <...> А мы ужó дамóў из дэ́дам (супругом) пры́ехали. Ну пака́ мы пры́ехали, наза́втрача убирáли. В тот день ничивó ня дэ́лали. <...> И вот тарэ́лка та́я ляжа́ла да за́втра» (РВА).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И МАГИЯ

Значительное место в местных верованиях занимают знахари, которых называют *бабками*, *дэдьками*, *волхвйтками*, *шептўхами*, а их деятельность обозначают словами *волхвйт* (*волхвйтить*), *глядэть*, *студіть*, *шептáть*. Знахари, помогая людям и домашним животным, *шепчут* заговоры, называемые *молитвами*. Респонденты подчеркнули, что с заговоренной водой необходимо соблюдать ритуальные действия, когда переносишь ее через ручей или реку: на мосту переворачивают баночку с водой дном вверх и проносят через водоем, а человек, побывавший на «лечении», должен молчать [1, с. 294]. Белорусские исследователи также отмечают, что «Гомельшчына, і асабліва падняпроўская яе частка, з’яўляецца рэгіёнам “адкрытай” народнамедыцынскай лекавальнай практыкі, дзе вясковыя знахаркі ахвотна дзеляцца сваімі ведамі і перш за ўсе замовамі, якія паўстаюць як сапраўдныя шэдэўры народнай творчасці» [19, кн. 1, с. 10].

Земляная собачка

Уникально-локальным является верование о приобретении дара лечить горло, если кто-либо найдет земляную собачку: «*А мой пакойник старый. Кались ужó мы у полі пахали... И поля... плууам. И чюим (чуять — слышать [3, с. 351]), штось уаўкая пад зямлэй. “уаў-уаў-уаў-уаў-уаў”. Ён астанавіў плух да кáжа: “Ты слышыш?”.* Я уаварю: “*Как саба́... шчянёнак (щянёнок, щеня́ — щенок [3, с. 358]) уаўкая*”. *А ён тады... Пáлка такáя былá. Ён кавырь-кавырь, а там — нóрка. И вьтянуул такóуа саба́чку, як вот твой сыйчя́ катянёнак (котёнонок — котёнок [3, с. 166]). Тóльки рябинький такі, бёленький и рыжынький. Ён (супруг) ужó взяв... а ня вьтянуув яуó (собачку), а мяшóк быў. Дак ён настáвиў на тую ужó, што... на нóрку. И тады з друуóуа бóку тиснуў, тиснуў. Ён и в мяшóк и папáў. Дак казáли так, што, хто этауа саба́чку рукамы трóуая, дак тады, як баліть уóрла, дак тады ужó пацáная (приложит руки) тэй чялавéк <...> Дед мой (супруг) цáпаў, памауáла. <...> Так и казáли, што эта: “Саба́чку земляно́уа вон прывес”. А там ужó хтó-то, якіся стару́х ти стару́ха казáли, што уаворя: “Ну харашó. Тяпéряка ты будиш ужó лячыть уóрлы”. <...> Нихтó яуó ни зарывáў: у зямлэ такіе саба́чки жылі» (АГМ). *Земляная собачка* (в народной речи — земляной собачка, поскольку лексема *собака* в брянских говорах — мужского рода) — это трансформированное представление о зверьке «слепыше» (кроте, землеройке), удушение которого сообщает пальцам свойство излечивать больное место. Это верование распространено в Черниговском Полесье. Характерно, что в украинских говорах крота называют *щенюк*, *зінське щеня* [4, с. 262].*

Четверговая соль

В Чистый четверг жители пограничья заготавливают соль и применяют ее в качестве лечебного средства для домашних животных [11, с. 115]: «*Сóльку в руку́ бярёш и во так во <...> на парасёнку... уладіши парасёнка іли карóву, ёсли забалéит. А патóm — у печь на ауóнь. <...> уладіши, штоп сóлька сыпáлася чють-чють на яуó*» (РВА).

Хлестание вербой

На Юрьев день происходит хлестание вербой: «*Бяруть вёрбачку и, када карóў выуаняять из дварá, (их ударяют). И пастухá шлепаять. Дятéй тóжэ*» (РВА).

Иссекание веника и рисование крестиков

В с. Рогове в канун Крещения подметают пол в доме, на пороге (или доске) секут топором веник, которым подметали, и выбрасывают этот мусор на дорогу. Жители таким

образом избавляются от грехов: «*Пéряд Хряцённям хату, ёсли я там што-та дэлала, дак хату вьмяла... и на пароуе вёник пасяклá, и на дароуу вьсыпала <...>. Ну штоб ни было, можа, што я там... уряхоў ни было. Тапóр узялá на ётам, на пароуи тюк-тюк-тюк. Ня хочыш пароуа сваяо — дак дóстачку. На дóстачке вёник тик-дик-дик-дик. <...> Змялá, змялá — и на дароуу вьнясла. Всё, вси уряхи. <...> Э́та васямна́ццатауа января́» (НаФЛ).*

Защищая свои дома от «плохих» людей, жители пограничья на Крещение изображают крестики на окнах и дверях: «*Стáрые лю́ди уавары́ли: “Ат “плахо́уа” чялаве́ка крэ́стик”. Вот на акóшках, на двяря́х. Блин пячэ́ш — на куттё. На тот блин мяло́к ло́жыш, и с тем блíнам хóдиш, и рысу́еш крэ́стики» (РВА).*

Взятие следа

На брянско-гомельском пограничье бытует верование о способности «плохих» людей *взять след*, т. е. собрать землю со следом и совершить с ней вредоносную магию. Однако одни респонденты отмечали, что взять след можно, если кто-либо прошел необутым по земле: «*На́да, — уаварé, — адвя́ть хоть плахи́е та́пки, но та́пки, а то во́зьмать слет» (РФБ).* Другие опрошенные указали, что наличие обуви не влияет на возможность взять след. Разнятся представления и о том, что впоследствии происходит с тем, у кого взяли след: с одной стороны, «*на но́жачки ни станóвисся», «но́уи <...> атка́жат» (НМЕ), с другой стороны, «ёсли я враждо́у на тябе́ (хоть ты и вабу́тый пра́йшоў), я пясóчек тэй саби́рала... — и у платóчик у ёты́й. И кали́ вот хто умрэ́, укíнуть у ма́уілу. И тэй чялаве́к памрэ́ сра́зу» (ОФЕ).*

Боронование криницы и обливание водой при засухе

Борона применялась, как отмечают старожилы пограничья, в ритуально-магических целях. Считалось, что молодые вдовы способны вызвать дождь, если поборолят криницу: «*Як за́суха да нема́шчыкава дажжя́, дак удо́вы... Прыме́рна, я астала́сь малада́я вдава́. Имне́ бы́ла пийся́т сем уадо́ў. А́уá. Имне́ и ка́жат: “Ты ш вот удава́, дак иди́-ка ты. Да ще́ такiх удо́ў ва́зьми́ малады́х. Да иди́тя-ка, ва́зьми́тя бара́ну да пабарани́тя крyни́цу”. <...> Вот мы ё́тые крyни́цы пабаро́ним — наза́втрауа дои́ть пашо́ў» (ОФЕ).*

Устранению засухи способствует известный на восточнославянской территории обычай обливаться речной или колодезной водой [18, с. 79–80]:

ЮФЗ: *До́луя за́суха як быва́я... Саби́ра́яца...*

ЕМЗ: *Фсе к рэ́чки пады́дят и аблива́яца.*

ЮФЗ: *Ис кало́дизя (коло́дезь — колодец [3, с. 157]) бяру́ть ваду́... и аблива́яца наро́шна...*

Вот як наврэ́д дэлает... <...> Ну и тада́ иду́ть дажди́.

Заключение

Итак, среди уникально-локальных явлений народной духовной культуры, маркирующих брянско-гомельское пограничье, рассмотрены традиции, связанные с **календарем**, в частности, **Святками** (гадание с лузгой, бросание камней в колодец, считание колышков, полание в корыте девичьих платков, выпекание блинов, жаренье сала, колядование с «козой» и исполнением щедровок, сопровождаемое стуком ритуальное зазывание мороза с приглашением отведать кутьи, приготовление трех видов кутьи), **Благовещением** (обычай «забивать клец»), **Пасхой** (предпасхальные и пасхальные обычаи

перемывания посуды в среду, перед Чистым четвергом, и мытья в бане перед восходом солнца, рисование крестиков в доме и хозяйственных постройках в Чистый четверг («страсти»), прославление Христа на Пасху троекратными выстрелами из ружья в полночь), *Вознесением* (проведение обряда «вождение стрелы», посещение могил родителей с катанием белых яиц, приготовление коллективных трапез с яешней). Региональная специфика **обрядов жизненного цикла** проявляется в крестильном обряде (дача младенцу в руки тетради и карандаша, выпивание водки из осколков кашника, применение крыжма в качестве оберега), в масленичном обряде «вешание колодок», в предсвадебных и свадебных обрядах (связывание печных инструментов на заручинах, обычаи «мазать печь», «завивать вельцы», «отбивать молодым пяты»), в обрядах «свеча» и «проводы русалки». Уникально-локальными являются **верования**, связанные с доброхожими, удачей. Специфика **народной медицины и магии** определяется распространением веры в знахарей, приобретение дара лечить горло при нахождении земляной собачки, избавление от грехов при иссечении веника, рисование крестиков для защиты от «плохих» людей, боронование криницы при засухе.

Представление о современном состоянии традиционной духовной культуры брянско-гомельского пограничья обогащается посредством рассмотрения единиц языка духовной культуры, многие из которых служат обозначением и обрядовых артефактов.

Особенности народной духовной культуры юго-запада Брянского края находят подтверждение на Гомельском Полесье и Поднепровье, что говорит о едином культурном прошлом и настоящем Брянщины и Гомельщины.

СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ

ААП — Анастасия Андриановна Попкова 1929 г. р., с. Старый Кривец.

АГМ — Анастасия Григорьевна Мужчинина 1922 г. р., г. Новозыбков, переселилась из с. Верещаки.

ВНШ — Валентина Никандровна Шмухлярова 1952 г. р., с. Старый Кривец.

ЕМЗ — Елена Макаровна Злобова 1941 г. р., с. Каташин.

НаФЛ — Надежда Федоровна Литвиненко 1942 г. р., с. Рогов.

НИП — Нина Ивановна Пастушенко 1939 г. р., с. Вихолка.

НиФЛ — Нина Федоровна Лапченко 1952 г. р., с. Рогов.

НМЕ — Нина Макаровна Елисеенко 1937 г. р., с. Верещаки.

ОФЕ — Ольга Федоровна Ерошенко 1933 г. р., с. Новые Бобовичи.

РВА — Раиса Васильевна Антропова 1933 г. р., с. Старый Вышков.

РФБ — Раиса Федоровна Буланова 1938 г. р., г. Новозыбков, переселилась из д. Дубровка Новозыбковского района (с 2019 г. — Новозыбковский городской округ);

ТАП — Татьяна Афанасьевна Пастухова 1934 г. р., с. Новые Бобовичи.

ЮФЗ — Юлия Федоровна Злобова 1930 г. р., с. Каташин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агапкина Т. А.* Молчание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 292–296.
- 2 *Боганева Е. М.* «Невидимцы»: сюжетные версии (белорусские деревни Неглюбка и Курбаки) // Живая старина. 2017. № 4. С. 16–20.
- 3 *Брянский областной словарь* / отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2011. 361 с.

- 4 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 5 *Комарова В. А.* «Грязная» неделя в Злынковском районе: запреты и предписания // Живая старина. 2017. № 4. С. 6–9.
- 6 *Косич М. Н.* Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни. СПб.: Тип. князя В. П. Мещерского, 1902. 151 с.
- 7 *Лапацін Г.* «Икона звалась Свячой...». Абрад «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны. Гомель: Барк, 2013. 116 с.
- 8 *Лопатин Г. И.* «Людзей жа нявидзімых столькі, сколькі відзімых». Белорусские мифологические верования в «доброхожих» // Живая старина. 2005. № 3. С. 34–37.
- 9 *Плотникова А. А.* Покойницкие предметы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 124–127.
- 10 *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. СПб.: Terra-Азбука, 1995. 176 с.
- 11 *Пьянкова К. В., Седакова И. А.* Соль // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 113–119.
- 12 *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л.: Изд-е Ин-та белорусской культуры, 1927. 224 с.
- 13 *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.
- 14 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 357 с. СПб.: Наука, 1999. Вып. 33. 362 с. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 350 с.
- 15 *Стародубец С. Н., Белугина О. В.* Особенности функционирования обряда «Проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. С. 90–98.
- 16 *Терновская О. А.* Амбар // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 104–105.
- 17 *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
- 18 *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- 19 *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т., у 2 кн. / ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай.* Мінск: Вышэйшая школа, 2012–2013. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. Кн. 1. 910 с. Кн. 2. 1231 с.

© 2022. Sergei M. Pronchenko

Novozybkov, Bryansk Region, Russia

RUSSIAN-BELARUSIAN FOLK SPIRITUAL CULTURE OF THE BRYANSK-GOMEL BORDERLAND

Abstract: The publication focuses on the unique local traditions of the folk spiritual culture of the Russian-Belarusian Bryansk-Gomel borderland. They include the features associated with the calendar (Christmas, Annunciation, Easter, Ascension), rituals of the life cycle, beliefs, folk medicine and magic. The idea of the modern linguocultural situation in the south-western regions of the Bryansk region bordering on Belarus is enriched by considering the units of the language of spiritual culture, many of which also denote ritual artifacts. The linguoculturological material of the paper is compared with other studies of the traditional culture of the Bryansk-Gomel borderlands, regional dictionaries, the Dictionary of Russian Folk Dialects, and the compendium *Slavic Antiquities*. The characteristic-local traditions considered (distinguishing *schedrovkas* by gender — for the owner and hostess, the image of the “goat”, inviting frost, cooking three types of *kutia*, the rituals of “driving an arrow”, “candle”, “parting of the mermaid”, *bylichki* about well-wishers, the widespread use of healers and others) are also represented in the Belarusian traditional culture of the Gomel Polissya and the Dnieper region, which confirms the common cultural past and present of the Bryansk and Gomel regions.

Keywords: Bryansk-Gomel-Chernigov ethnocontact region, southwestern regions of the Bryansk region, East Slavic folk spiritual culture, regional forms of traditional culture, ritual discourse, units (terms) of the language of spiritual culture, ritual artifacts, naive consciousness, ritual practice, mythological representations.

Information about the author: Sergei M. Pronchenko — PhD in Philology, Associate Professor, Branch of Bryansk State Academician I. G. Petrovski University in Novozybkov, Sovetskaya St., 9, 243020 Novozybkov, Bryansk Region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>

E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru

Received: August 18, 2021

Approved after reviewing: March 15, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Pronchenko S. M. Russian-Belarusian Folk Spiritual Culture of the Bryansk-Gomel Borderland. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 8–29. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-8-29>

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. Molchanie [Silence]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.], ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, vol. 3, pp. 292–296. (In Russian)

- 2 Boganeva E. M. “Nevidimtsy”: siuzhetnye versii (belorusskie derevni Negliubka i Kurbaiki) [“Invisible men”: plot versions (Belarusian Villages Neglyubka and Kurbaiki)]. *Zhivaia starina*, 2017, no 4, pp. 16–20. (In Russian)
- 3 *Brianskii oblastnoi slovar'* [Bryansk Regional Dictionary], ed. by N. I. Kurganskaia. Bryansk, RIO Bryansk State University Publ., 2011. 361 p. (In Russian)
- 4 Gura A. V. *Simvolika zhyvotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 5 Komarova V. A. “Grianaia” nedelia v Zlynkovskom raione: zaprety i predpisaniiia [“Gryanaya” Week in the Zlynkovsky District: Prohibitions and Regulations]. *Zhivaia starina*, 2017, no 4, pp. 6–9. (In Russian)
- 6 Kosich M. N. *Litviny-belorusy Chernigovskoi gubernii, ikh byt i pesni* [Lithuanian-Belarusian Chernihiv Province, their Life and Songs]. St. Petersburg, Tipografia kniazia V. P. Meshcherskogo Publ., 1902. 151 p. (In Russian)
- 7 Lapatsin G. “Ikona zvalas' Sviachoi...”. *Abrad “Sviacha” u prastory tradytsyinaia kul'tury Gomel'shchyny* [“The Icon was Called a Candle...”. The Rite “Candle” in the Space of the Traditional Culture of the Gomel Region]. Gomel', Bark Publ., 2013. 116 p. (In Belorussian)
- 8 Lopatin G. I. “Liudzei zha niavidzimykh stol'ki, skol'ki vidzimykh”. Belorusskie mifologicheskie verovaniia v “dobrokhodzikh” [“There are as Many Invisible People as there are Visible ones”. Belarusian Mythological Beliefs in the “Do-gooders”]. *Zhivaia starina*, 2005, no 3, pp. 34–37. (In Russian)
- 9 Plotnikova A. A. Pokoinitskie predmety [Mortuary Objects]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.], ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, vol. 4, pp. 124–127. (In Russian)
- 10 Propp V. Ia. *Russkie agrarnye prazdniki: Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia* [Russian Agrarian Holidays: Experience of Historical and Ethnographic Research]. St. Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1995. 176 p. (In Russian)
- 11 P'iankova K. V., Sedakova I. A. Sol' [Salt]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.], ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, vol. 5, pp. 113–119. (In Russian)
- 12 Rastorguev P. A. *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov* [Seversky-Belorussian Dialect: A Study in the Field of Dialectology and History of Belarusian Dialects]. Leningrad, Institut belorusskoi kul'tury Publ., 1927. 224 p. (In Russian)
- 13 Rastorguev P. A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Brianshchiny: Materialy dlia istorii slovarnogo sostava govorov* [Dictionary of Folk Dialects of the Western Bryansk Region: Materials for the History of the Vocabulary of Dialects], ed. by E. M. Romanovich. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1973. 295 p. (In Russian)
- 14 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects], ed. by F. P. Filina, F. P. Sorokoletova. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. 4. 357 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Vol. 33. 362 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. Vol. 46. 350 p. (In Russian)
- 15 Starodubets S. N., Belugina O. V. Osobennosti funktsionirovaniia obriada “Provody rusalki” na territorii briansko-gomel'skogo pogranich'ia [Features of the Functioning of the Rite “Farewell of the Mermaid” on the Territory of the Bryansk-Gomel Border Region]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, vol. 42, pp. 90–98. (In Russian)

- 16 Ternovskaia O. A. Ambar [Barn]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.], ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 104–105. (In Russian)
- 17 Tolstaia S. M. *Polesskii narodnyi kalendar'* [Polesky Folk Calendar]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 600 p. (In Russian)
- 18 Tolstoi N. I. Iazyk i narodnaia kul'tura. [Language and folk culture]. In: *Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Popular Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p. (In Russian)
- 19 *Tradytsyinaia mastatskaia kul'tura belarusau: u 6 t., u 2 kn.* [Traditional Artistic Culture of Belarusians: in 6 Vols., in 2 books], ed. by T. B. Varfalameeva. Minsk, Vysheishaia shkola Publ., 2012–2013. Vol. 6: Gomel'skae Palesse i Padniaproue [Gomel Polesye and the Dnieper Region]. Book 1. 910 p. Book 2. 1231 p. (In Belorussian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

УДК 008

ББК 71(2=411)+63.5(2=411)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Р. Ю. Федоров

г. Тюмень, Россия

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ИХ РЕФЛЕКСИЯ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Исследование выполнено по госзаданию в рамках программы НИР
(проект 121041600045-8)

Аннотация: Рассмотрены особенности рефлексии в нарративных источниках (документальная проза, этнографические описания, архивные документы, устные истории) стратегий адаптации земледелия у белорусских крестьян, переселившихся на территорию Сибири в конце XIX – начале XX вв. С позиций микроисторического подхода и антропологии знаний исследованы механизмы культурных коммуникаций и репрезентации практических навыков, которые оказывали влияние на адаптацию переселенцев. Установлено, что после переселения в Сибирь белорусским крестьянам было необходимо выработать компромисс между тремя основными стратегиями экологического поведения. Первая из них заключалась в попытке адаптировать на новом месте тот багаж экологических знаний, который сложился на их родине, опираясь на межпоколенную трансляцию этнических традиций. Вторая модель состояла в заимствовании адаптационного опыта у местного старожильского населения. Третья модель подразумевала активное освоение исходивших от государства инноваций и регламентов хозяйственной деятельности, которые возникли в процессе модернизации экономики России, начавшейся в эпоху капитализма. Все эти три адаптационные стратегии в условиях ограниченности возможностей реализации каждой из них по отдельности, в той или иной степени оказали влияние на общие процессы адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири, во многих случаях дополняя друг друга.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, крестьянские переселения, экологическая адаптация, культура земледелия, нарративные источники.

Информация об авторе: Роман Юрьевич Федоров — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Малыгина, д. 86, 625026 г. Тюмень, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.09.2021

Дата одобрения рецензентами: 12.12.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Федоров Р. Ю. Стратегии адаптации культуры земледелия у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и их рефлексий в нарративных источниках // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 30–42.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

Введение

Крестьянские переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв. привели к масштабным преобразованиям природной среды осваиваемых территорий. В то же время аграрные миграции можно рассматривать в качестве уникального адаптационного эксперимента, который актуализировал обширный опыт «адаптации переселенцев к новой природно-географической среде в сжатые сроки при отсутствии продуктивной практики функционирования в ней» [12, с. 157]. Социально-экономические последствия крестьянских переселений в Сибирь получили глубокую и разностороннюю разработку в отечественной историографии. Несмотря на это, на протяжении длительного времени они оставались значительно менее изученными с точки зрения этнографических и культурологических подходов. Лишь начиная с 1990-х гг. эти подходы к изучению крестьянских переселений получили свою последовательную разработку в публикациях ряда сибирских этнологов [3; 8; 9; 12; 14; 16; 17] и др. Несмотря на то что за последние десятилетия многие пробелы в изучении адаптации крестьян-переселенцев были восполнены, на сегодняшний день не до конца осмысленными остаются механизмы культурных коммуникаций и репрезентации знаний, которые оказывали влияние на выработку адаптационных стратегий. В данной статье предпринята попытка рассмотреть эти аспекты на примере переселившихся в конце XIX – начале XX вв. в Сибирь белорусских крестьян. В качестве эмпирической основы исследования выступили нарративные источники, которые отражают примеры актуализации стратегий адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири. В число рассмотренных источников входят документальная проза, этнографические описания, архивные документы, а также устные истории потомков переселенцев, зафиксированные автором в период с 2009 по 2021 гг. на территории Тюменской, Омской и Иркутской областей, а также Красноярского края. Все эти источники интерпретировались с позиций микроисторического подхода, дающего возможность реконструировать по персональным или локальным бытовым нарративам стратегии и механизмы экологической адаптации переселенцев. В нашем исследовании эти стратегии были рассмотрены в двух основных исследовательских ракурсах. В первом из них, с позиций сформулированной Ф. Бартом антропологии знаний, были исследованы традиционные и инновационные элементы в экологических знаниях переселенцев [19]. Второй исследовательский ракурс включал в себя изучение принципов культурных коммуникаций, через которые осуществлялась трансляция этих знаний. В их числе были рассмотрены сформулированные М. Мид концепции постфигуративной (межпоколенная трансляция этнических традиций и практических знаний) и конфигуративной (осуществление заимствований у нового этнического окружения) культуры [10].

После переселения в Сибирь белорусским крестьянам было необходимо выработать компромисс между тремя основными стратегиями экологического поведения. Первая из них заключалась в попытке адаптировать на новом месте тот багаж эколо-

гических знаний, который сложился на их родине, опираясь на межпоколенную трансляцию этнических традиций. Вторая модель состояла в заимствовании адаптационного опыта у местного старожильческого населения. Третья модель подразумевала активное освоение исходивших от государства инноваций и регламентов хозяйственной деятельности, которые возникли в процессе модернизации экономики России. Рассмотрим подробнее примеры реализации этих стратегий и их роль в экологической адаптации крестьянства Сибири на примере белорусских переселенцев.

Рефлексия попыток воспроизведения исходного экологического опыта переселенцев

На момент крестьянских переселений конца XIX – начала XX вв. у сельских жителей Белоруссии сложился устойчивый комплекс традиционной хозяйственной деятельности, основу которого составляло полеводство и тесно связанное с ним животноводство [11, с. 10]. Подавляющее большинство белорусских крестьян проживало на своей родине в лесистой местности. В ходе реализации переселенческой политики государство по возможности старалось придерживаться политики водворения крестьян в схожие с местами их выхода природные зоны. К примеру, в «Справочной книжке для ходоков и переселенцев за 1909 год» в описании условий водворения крестьян на территорию Енисейской губернии отмечалось: «Переселенческие участки в этой губернии таежные и отдалены от центров. Первоначальное устройство переселенцев сопряжено с большой затратой труда по расчистке земли под пашню. Устраиваться здесь, конечно, могут выходцы из лесных губерний» [13, с. 40].

На момент переселений среди систем земледелия у белорусских крестьян доминировало трехполье. Наряду с ним с конца XIX в. в отдельных хозяйствах начало внедряться многополье [11, с. 10]. В восточной части Белоруссии продолжала практиковаться обработка лесных участков под пашню в виде подсечного, «лядного» полеводства [15, с. 12]. Этот опыт оказался востребованным при расчистке переселенцами тайги под пашни. В письменных источниках и рассказах потомков переселенцев сохранилось описание ее нескольких типичных приемов. Первым из них было «черчение леса». В соответствии с этим способом нижнюю часть деревьев затесывали топором, в результате чего они засыхали. «Счерченный лес» сгнивал через 5–7 лет, либо сжигался на следующий год. В соответствии с другим, более примитивным способом, называемым «палом», «лес попросту сжигают, поэтому нисколько не заботятся о приостановлении пожара, так что летом тарский урман горит ежедневно в разных местах» [4, с. 372]. Для расчистки леса также часто применялся более трудоемкий способ корчевания. При наличии выбора переселенцы стремились расчищать под пашни березовые леса: «Где береза растет, там земля хорошая, потому что там много тысяч лет листья падали и получается чернозем. А где сосна, листвяк, там чернозема нет. Эту землю не разрабатывали» (полевые материалы автора (далее — ПМА), 2017, д. Орешное Манского р-на Красноярского края, мужчина, 1935 г.р.).

В начале XX в., ввиду нехватки земель, переселенческие участки все чаще могли образовываться в местах, которые не всегда были благоприятны для сложившихся на родине переселенцев приемов возделывания земли. Исходя из этого, трехпольная система земледелия у белорусских переселенцев в Сибири нередко претерпевала трансформации и имела свои локальные особенности. К примеру, по зафиксированным нами устным воспоминаниям, в ряде уездов Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний

у переселенцев стала преобладать двупольная паровая система земледелия, при которой посевы озимой ржи чередовались с паром без выращивания яровых культур и кормовых трав.

Для белорусских переселенцев основными критериями пригодности заселяемых районов являлась возможность выращивать на них такие критически важные для их жизнеобеспечения сельскохозяйственные и огородные культуры, как рожь, овес, картофель и капуста. Из технических культур важное место занимал лен, из которого белорусы делали одежду, а также конопля, которую выращивали для получения масла и изготовления грубых тканей, используемых в хозяйственных целях. Из огородных культур, помимо картофеля и капусты, широкое распространение имели огурцы, горох, репа, тыква, свекла, морковь и лук.

Климатические условия некоторых переселенческих участков оказывались неблагоприятными для выращивания отдельных, типичных для Белоруссии сельскохозяйственных культур. К примеру, в ряде деревень, основанных белорусами на территории Братского р-на Иркутской обл. вымерзали посевы льна. Эта ситуация вынудила переселенцев отказаться от льноводства, что способствовало достаточно быстрому переходу на виды одежды, которые были характерны для местного старожильского населения. По сравнению с широко распространенной у белорусов рожью, посевы пшеницы в ряде обследованных нами деревень первоначально отсутствовали либо занимали второстепенное место.

А. Н. Букейханов приводит цифры, характеризующие распределение посевов сельскохозяйственных культур у белорусских переселенцев в 1907 г., проживавших в урманной местности в Атирской и Седельниковской волостях Тарского уезда Тобольской губернии. В соответствии с ними, 38,8% посевов составлял картофель, 21% — рожь, следующее место занимал овес, по которому не были приведены точные цифры, после него шел ячмень (10%). Посевы пшеницы в первые годы занимали 9,6%, однако автор отмечал, что впоследствии переселенцы отказались от ее выращивания ввиду неподходящих природно-климатических условий. Горох, лен, гречиха, клевер, конопля и просо составляли 4,5% от всего посева [4, с. 371]. На обширной территории Сибири подобные показатели могли существенно варьировать, однако, в целом, приведенная статистика иллюстрирует достаточно типичную картину для многих районов таежной и лесостепной зоны, в которых белорусские переселенцы обустроивали свое хозяйство. В ней отчетливо прослеживается роль ржи в качестве основополагающей сельскохозяйственной культуры. Эту тенденцию потомки белорусских переселенцев объясняли следующей ситуацией: «В Белоруссии выращивали рожь, потому что там болото тоже. А на болоте плохие земли. А самый хороший урожай дает рожь. В то время озимую пшеницу не знали. А здесь в основном питались рожью по двум причинам. Во-первых — рожь можно посеять и 15 августа, а можно и 15 сентября, всегда есть большой разбег для подготовки земли. Второе — она была холодолюбивой культурой, весной чуть солнышко пригрело и снег сошел, и она за счет того, что с осени сформировала корневую систему, моментально начинала расти, потому что влаги было более чем достаточно даже при бедной земле. Примерно с 1 августа (иногда чуть раньше, иногда чуть позже), люди начинали потихоньку жать. А жали серпом. Серпом можно 10 соток в день выжать, кто-то меньше, кто-то больше. Надо было много времени, чтобы сжать все это. А если пшеницу посеять, она раньше 10–15 сентября не созреет, а к 1 октября начинаются ночные заморозки» (ПМА, 2021 г., д. Спириха Викуловского р-на Тюменской обл., мужчина, 1948 г.р.).

Следует отметить, что в зафиксированных нами рассказах информаторов часто встречались примеры большого значения для переселенцев ряда несельскохозяйственных растительных ресурсов. К примеру, для выходцев из Могилевской губернии, переселившихся на территорию Викуловского р-на Тюменской обл., важным фактором, делавшим привлекательным эту местность для переселения являлось произрастание на ее территории лип, лыко которых использовалось для изготовления лаптей: «Причина отъезда — малоземелье. Земли для того, чтобы прокормить семью, было мало. Лыка было мало лапти плести, а мои предки занимались этим ремеслом» (ПМА, 2009 г., д. Осинка Викуловского р-на Тюменской обл., женщина, 1928 г.р.). И, наоборот, в ряде других обследованных нами районов отсутствие лип воспринималось белорусскими переселенцами в качестве неудобства, ввиду которого они были вынуждены изготавливать лапти из лозы или бересты, либо перенимать те виды обуви, которые имели распространение у представителей их нового этнического окружения. Некоторыми белорусскими переселенцами, проживавшими на территории того же Викуловского района, невозможность выращивать некоторые виды садовых деревьев воспринималась в качестве существенного недостатка нового места. Так, по воспоминаниям потомка переселенцев — Елены Леонидовны Новиковой, ее бабушка, один из основателей д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл., хотел вернуться на родину ввиду того, что в Сибири не росли яблони (ПМА, 2017 г.). Однако, наряду с подобными ситуациями, в собранных нами этнографических материалах нередко встречались рассказы об успешных примерах выращивания переселенцами тех видов деревьев, которые ранее не имели распространения в Сибири. К примеру, в книге краеведа А. П. Дашкевича описан случай, когда лесничий из не существующей ныне д. Красный Яр Тарского р-на Омской области, основанной переселенцами из Могилевской губернии — Григорий Семенович Мигаль, вырастил у себя во дворе из привезенного с родины саженца дуб: «Из Белоруссии Мигали привезли саженцы яблони и дуба. Яблоня постоянно подмерзала, а вот дуб вырос, и каждый год на нем висели желуди. Все прохожие мимо дома Григория Семеновича любовались необычными листьями и желудями. В 1955 году в газете “Омская правда” была опубликована статья, в которой говорилось, что в глухой лесной деревне Красный Яр растет единственный в Сибири дуб. В том же году Григорий Семенович, чтобы платить меньше налога, передвинул изгородь своего участка, и дуб оказался неогороженным. Свиньи, поедая желуди, подрыли корни, и дерево засохло» [5, с. 14]. Примечательно, что в подобных краеведческих текстах такие случаи часто трактовались в качестве уникальных, не имевших аналогов примеров. Однако материалы, собранные на территории других районов Омской обл. и сопредельных с ней регионов, свидетельствуют о том, что подобные ситуации происходили периодически, но чаще всего они оставались малоизвестными за пределами определенных населенных пунктов или районов. Несмотря на приведенный выше пример, большинство переселенцев предпочитало высаживать перед домом или на участке деревья и кустарники, которые были хорошо приспособлены к местным природно-климатическим условиям.

В целом, для экологической адаптации первого поколения белорусских крестьян-переселенцев было характерным стремление перенести на осваиваемые территории те принципы жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, которые сложились на их родине. Однако подобная стратегия далеко не всегда имела успех ввиду таких различий с природно-климатическими условиями родины переселенцев, как более короткий вегетационный период, другие режимы влажности, ранние заморозки и резкие колебания температур, которые в той или иной степени были характерны для континентального климата Сибири.

Рефлексия заимствований экологического опыта у русского старожильского населения

В Сибири в качестве нового этнического окружения белорусских переселенцев чаще всего выступали представители русского старожильского населения. В конце XIX – начале XX вв. принципы землепользования и сельского хозяйства у старожилов и переселенцев имели ряд различий. Так, благодаря обширности угодий и распроданной практике вольного захвата земель, значительная часть старожилов отказалась от трехполья в пользу переложной или залежно-паровой систем земледелия [2, с. 134–137]. Переселенцы, страдавшие на своей родине от малоземелья и получающие в Сибири регламентированные государством наделы, чаще ориентировались на привнесенные с их родины интенсивные формы земледелия. С точки зрения жителей аграрных регионов европейской части Российской империи, многие земледельческие приемы, характерные для русских старожилов Сибири, нередко выглядели малоэффективными. Несмотря на это, у старожильского населения к тому времени сложился адаптационный опыт, который давал возможность максимально учесть специфику местных природно-климатических условий. Современники отмечали, что, проживая в окружении старожилов, белорусские переселенцы нередко начинали осуществлять у них заимствования приемов земледелия. Вот, например, как описывал этот процесс писатель и публицист Н. Е. Каронин-Петропавловский на примере переселенцев из Витебской губернии, проживавших на территории современного Ишимского р-на Тюменской обл.: «В земледельческих приемах новоселы также сначала держались того, что они вынесли из России; иногда пытались унавоживать поля, переворачивать сено, пахать настоящим плугом залежи и сохой возделанные земли, но скоро бросили все это, приглядывались к старожилам и, наконец, все делали так, как они» [6, с. 262]. Часто упоминаемый в разных источниках отказ белорусских переселенцев от унавоживания полей мог быть связан с падением эффективности этого приема в условиях Сибири, которое было обусловлено такими факторами, как переход в ряде районов от стойлового к выпасному содержанию скота, его длительное нахождение на холоде, недостаток или низкое качества кормов [12, с. 170].

Среди типичных заимствований у старожилов белорусскими переселенцами отмечался переход к сложившемуся у них календарю сельскохозяйственных работ, использованию имевших у них распространение более пригодных для местных почв орудий земледелия, в некоторых случаях — увеличение доли экстенсивных форм землепользования. При этом благодаря разнообразию природно-климатических условий разных регионов Сибири и вариативности принципов природопользования ее русского старожильского населения характер этих заимствований имел ряд локальных особенностей.

Важно отметить, что адаптационные возможности стратегии заимствования белорусскими переселенцами земледельческого опыта старожилов были весьма ограничены. Эта ситуация была связана с тем, что во многих заселяемых переселенцами районах в культуре жизнеобеспечения старожилов преобладал акцент на промысловые виды хозяйственной деятельности (охота, рыбная ловля, собирательство), тогда как среди белорусов земледелие играло первостепенную роль.

Рефлексия государственного регулирования земледелия

Крестьянские переселения конца XIX – начала XX вв. сопровождались государственной политикой, направленной на модернизацию хозяйственного уклада заселяе-

мых территорий. Потребность в ней в первую очередь была обусловлена необходимостью интегрировать сельское хозяйство в новую для России капиталистическую модель экономики. Основными направлениями государственной поддержки переселенцев стала просветительская деятельность и агрономическая помощь, предоставление ссудных выплат и помощи в приобретении сельскохозяйственного инвентаря.

После создания в 1896 г. Переселенческого управления началось активное воплощение в жизнь просветительских мер, направленных на внедрение в хозяйственной жизни крестьян-переселенцев рациональных стандартов растениеводства и землепользования. Наиболее активное развитие сельскохозяйственное образование получило в период аграрной реформы П. А. Столыпина. К примеру, в 1910–1911 гг., приступая к мероприятиям по развитию культуры кормовых растений, Департамент земледелия, помимо расширения материальной помощи местным общественным учреждениям уделил большое внимание проведению на базе земских агрономических организаций бесед, курсов, раздачи популярной литературы, устройству показательных участков, демонстрации работы усовершенствованных орудий труда. В круг этих просветительских мероприятий входило распространение навыков современных приемов интенсификации земледелия, применения удобрений и сельскохозяйственных орудий промышленного производства, средств защиты растений от вредителей, способов сохранения и переработки сельхозпродукции и т. д. (Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И185. Оп. 1. Д. 232). Этот период ознаменовался выпуском печатных изданий, которые информировали крестьян об организационных аспектах переселений, наличии свободных участков, природно-климатических условиях заселяемых районов, а также ряде практических навыков, необходимых в процессе обустройства на новом месте. Развитие аграрного просвещения среди переселенцев стало возможным благодаря повышению грамотности у крестьянства. Несмотря на это, печатные издания тех лет так и не смогли охватить подавляющую часть крестьян, переселявшихся в Сибирь. Так, по результатам опроса, произведенного в 1907 г. в Черниговской губернии, давшей значительную часть украинских и белорусских переселенцев, в решении переехать в Сибирь лишь 17% крестьян руководствовались сведениями, опубликованными в печатных изданиях. Остальные ориентировались на устные описания, полученные от родственников или односельчан [18, с. 74]. Следует отметить также незначительность охвата сельскохозяйственным образованием большинства регионов Сибири [2, с. 179–183]. В сложившейся ситуации важную роль посредников между государством и переселенцами выполняли чиновники земств и местных отделений Переселенческого управления, курировавшие заселение и обустройство отводимых крестьянам участков.

Помимо просветительских мер, в институциональном регулировании хозяйственной деятельности переселенцев значительное место занимала законодательная регламентация ряда земледельческих работ. Как отмечают исследователи, в Сибири, вплоть до начала XX в., «специфические предписания обычного права были направлены на строгое соблюдение сроков охоты, рыболовства и собирательства, приуроченных к датам народного православного календаря» [9, с. 36]. Принципы обычного права во многих районах Сибири также применялись к использованию лесов, находившихся в общинном владении. В период столыпинской реформы все чаще внедрялось государственное регламентирование сроков многих земледельческих и заготовительных работ, которые ранее у переселенцев были приурочены к их народному календарю (Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И185. Оп. 1. Д. 232. Л. 200).

Важной формой поддержки государством переселявшихся в Сибирь крестьян являлось создание опытных полей и селекционных станций. К примеру, по воспоминаниям потомков белорусских переселенцев, в начале XX в. Тулунская селекционная станция стала важным источником для приобретения проживавшими в Среднем Приангарье крестьянами адаптированных к условиям Сибири сортов озимых и яровых сельскохозяйственных культур (ПМА, 2021 г., д. Андриюшино Куйтунского р-на Иркутской обл., женщина, 1957 г.р.).

Еще одной формой влияния государства на модернизацию культуры земледелия переселенцев являлись меры, стимулирующие приобретение ими современного сельскохозяйственного инвентаря. Отправляясь в Сибирь, многие белорусские крестьяне везли со своей родины традиционные для них орудия земледелия, однако процесс переселения нередко способствовал приобретению современного сельхозинвентаря заводского производства. К примеру, в документальном романе «За долей» писателя Виталия Кирпиченко, переселенцы, прибывшие в период с 1905 по 1909 г. из Могилевской и Гродненской губерний на отведенные им участки, расположенные на территории современного Баяндаевского р-на Иркутской обл., решили отказаться от обработки земли сохой, приобретя плуг заводского производства [7, с. 77].

Таким образом, несмотря на отмечаемую исследователями тенденцию к инертности и консерватизму в хозяйственной адаптации белорусских переселенцев [1, с. 17], в годы столыпинской реформы их значительная часть в той или иной мере оказалась восприимчивой к инновациям, исходившим от государства. При этом основным мотивом интенсификации и модернизации принципов земледелия у переселенцев выступала необходимость в кратчайший срок обустроить свое хозяйство на новом месте. В то же время следует отметить, что меры государства по модернизации хозяйственного уклада переселенцев имели ограниченные сферы применения как ввиду их недостаточного охвата, так и потому, что они не могли полностью вытеснить ориентированность крестьян на проверенные практикой и опытом предков приемы земледелия. Эту ситуацию красноречиво иллюстрируют слова одного из потомков белорусских переселенцев: «Доверие у крестьян к государству было. Они раньше верили грамотным людям. Но как этот совет превратить в то орудие, которое бы крестьянину помогло?» (ПМА, 2021 г., д. Спириха Викуловского р-на Тюменской обл., мужчина, 1948 г.р.).

Заключение

Анализ нарративных источников указывает на то, что все три рассмотренные выше адаптационные стратегии в условиях ограниченности возможностей реализации каждой из них по отдельности в той или иной мере оказали влияние на общие процессы адаптации культуры земледелия у белорусских переселенцев в Сибири, нередко взаимно дополняя друг друга.

Для белорусских крестьян естественным было стремление воспроизвести на новом месте сложившиеся на их родине особенности сельского хозяйства. Как правило, оно опиралось на существовавшие в отдельных семьях принципы межпоколенной трансляции этнических традиций, которые в целом можно сопоставить с принципами постфигуративной культуры, предложенной М. Мид. Однако в Сибири локальные природно-климатические условия нередко выступали в роли своеобразного фильтра, который не позволил реализовать все привычные для переселенцев приемы земледелия, опирающиеся на экологические знания, привнесенные с родины. В этой ситуа-

ции белорусские крестьяне были вынуждены вести поиск новых, более подходящих для местных условий принципов хозяйственной деятельности, которые могли бы компенсировать неудачи в реализации исходных моделей природопользования. Нередко подобные адаптационные процессы выражались в заимствованиях у местного старожильского населения. Стремление к ним больше всего проявлялось у представителей второго поколения переселенцев, и было сопоставимо с принципами конфигуративной культуры, в которой практические знания чаще передаются не от представителей старших поколений, а от нового этнического окружения. Однако адаптационные возможности стратегии заимствования переселенцами земледельческого опыта старожилов были весьма ограниченными. Эта ситуация была связана с тем, что во многих заселяемых выходцами из Белоруссии районах в культуре жизнеобеспечения русских старожилов преобладал акцент на промысловые виды хозяйственной деятельности, тогда как среди белорусов земледелие играло первостепенную роль.

Еще одним немаловажным фактором, оказывавшим влияние на трансформации хозяйственной деятельности переселенцев, являлись государственные меры по модернизации крестьянского хозяйства. С точки зрения культурных коммуникаций, они имели ряд новшеств, которые ранее еще никогда не были реализованы в крестьянской среде России. Первым из них было активное использование просветительских мер, включавших распространение печатных изданий, которые содержали практические рекомендации по модернизации и адаптации хозяйственного уклада крестьян к новым условиям. Вторым новшеством выступала законодательная регламентация отдельных видов природопользования, которые ранее регулировались традиционными нормами обычного права или народным земледельческим календарем. Третьим немаловажным новшеством являлось появление института посредников между государством и крестьянами в виде чиновников Переселенческого управления, агрономов и т. д., в задачи которых входило внедрение определенных практических навыков и знаний.

Несмотря на принятие переселенцами ряда новшеств, исходивших от государства, они не смогли полностью вытеснить из их жизни стихийные формы адаптации. Эта ситуация во многом была связана со складывавшейся веками у крестьян мировоззренческой установкой, в соответствии с которой они больше привыкли опираться на личный практический опыт и знания, получаемые от предков, нежели на формальные инструкции и письменные рекомендации, которые были нередко вырваны из локального бытового контекста.

В заключение следует отметить, что все эти стратегии, а также определявшие их формы культурных коммуникаций и репрезентации знаний играли решающую роль в адаптации белорусских переселенцев в Сибири на протяжении конца XIX – первой трети XX вв. Начиная с 1930-х гг., на фоне окончательной ликвидации индивидуальных форм сельского хозяйства и создания колхозов и совхозов, наблюдалась тенденция к унификации приемов земледелия, однако в личном приусадебном хозяйстве многих потомков белорусских переселенцев еще долгое время можно было проследить отголоски стратегий адаптации, которые были заложены в рассмотренный нами период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 84 с.
- 2 Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.

- 3 *Бережнова М. Л.* Первые шаги на новой родине: новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–3 (64). С. 32–36.
- 4 *Букейханов А. Н.* Переселенцы в Тарских урманах // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30. Белорусы в Сибири: в 2 т. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 2. С. 368–382.
- 5 *Дашкевич А. П.* Рассказы. Омск: ООО полиграф. центр «Татьяна», 2016. 52 с.
- 6 *Каронин С. (Перопавловский Н. Е.).* По Ишиму и Тоболу // Ишим и литература. Век XIX. Ишим: Ишимский гос. пед. ин-т им. П. П. Ершова, 2004. С. 261–162.
- 7 *Киртиченко В. Я.* За долей. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. 416 с.
- 8 *Коровушкин Д. Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2006. 200 с.
- 9 *Любимова Г. В.* Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2012. 208 с.
- 10 *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
- 11 *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов. Минск: Наука и техника, 1968. 232 с.
- 12 *Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, жизнеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: АЗБУКА, 2013. 348 с.
- 13 *Справочная книжка для ходоков и переселенцев за 1909 год.* СПб.: Переселенческое управление, 1909. 112 с.
- 14 *Фурсова Е. Ф. и др.* Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2011. 424 с.
- 15 *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 3. 535 с.
- 16 *Шелегина О. Н.* Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 116–125.
- 17 *Щеглова Т. К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Благовещенский пед. ун-т, 2008. 526 с.
- 18 *Чуркин М. К.* О соотношении экономических и психологических причин в принятии решений о переселении в Сибирь крестьян европейской России в пореформенный период // Проблемы историографии и истории Сибири. Омск: Омский технический ин-т, 2002. С. 74–79.
- 19 *Bart F.* An Anthropology of Knowledge // Current Anthropology. 2002. Vol. 43, № 1. P. 1–18.

© 2022. Roman Yu. Fedorov
Tyumen, Russia

**STRATEGIES FOR ADAPTING THE AGRICULTURE
AMONG BELARUSIAN PEASANT-MIGRANTS IN SIBERIA
AND THEIR REFLECTION IN NARRATIVE SOURCES**

Acknowledgements: This research is funded by the state task no. 121041600045-8.

Abstract: The study examines features of reflection in narrative sources (documentary prose, ethnographic descriptions, archival documents, oral histories) of strategies for adapting agriculture among Belarusian peasants who moved to the territory of Siberia in the late 19th – early 20th centuries. In terms of the micro-historic approach and anthropology of knowledge, it explored mechanisms of cultural communications and representation of practical skills that influenced the adaptation of migrants. It highlights three main strategies. The first was an attempt to reproduce the original features of agriculture introduced from their homeland by intergenerational transfer of ethnic traditions. The second strategy was to borrow environmental experience from the local old-settlers of Siberia. The third one implied the active involvement of innovations and regulations of economic activity emanating from the state, which arose in the process of modernization of the Russian economy which began in the capitalism era. The author concluded that all three adaptation strategies, due to the limited possibilities for each of them to be applied separately, to one extent or another influenced the general processes of adapting the agriculture among Belarusian migrants in Siberia, often supplementing each other.

Keywords: Belarusians, Siberia, Peasant Migrations, Ecological Adaptation, Agriculture Culture, Narrative Sources.

Information about the author: Roman Yu. Fedorov — DSc in History, Director of Research, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Malygina St., 86, 625026 Tyumen, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Received: September 07, 2021

Approved after reviewing: December 12, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Fedorov R. Yu. Strategies for Adapting the Agriculture among Belarusian Peasant-Migrants in Siberia and their Reflection in Narrative Sources. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 30–42. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-30-42>

REFERENCES

- 1 Arsen'ev V. K., Titov E. I. *Byt i kharakter narodnostei Dal'nevostochnogo kraia* [Life and Character of the Nationalities of the Far Eastern Territory]. Khabarovsk, Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1928. 84 p. (In Russian)
- 2 Asalkhanov I. A. *Sel'skoe khoziaistvo Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [Agriculture of Siberia of the Late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 267 p. (In Russian)

- 3 Berezhnova M. L. Pervye shagi na novoi rodine: novye modeli prirodopol'zovaniia belorusskikh pereselentsev v urmane [First Steps in the New Homeland: New Models of Environmental Management of Belarusian Migrants in Urman]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no 4–3 (64), pp. 32–36. (In Russian)
- 4 Bukeikhanov A. N. Pereselentsy v Tarskikh urmanakh [Migrants in the Tara Urmans]. In: *Tobol'sk i vsia Sibir'. Kn. 30. Belorusy v Sibiri: v 2 t.* [Tobolsk and all Siberia. Book 30. Belarusians in Siberia: in 2 Vols.]. Tobol'sk, TROBF “Vozrozhdenie Tobol'ska” Publ., 2019, vol. 2, pp. 368–382. (In Russian)
- 5 Dashkevich A. P. *Rasskazy* [Stories]. Omsk, OOO poligraficheskii tsentr “Tat'iana” Publ., 2016. 52 p. (In Russian)
- 6 Karonin S. (Peropavlovskii N. E.). Po Ishimu i Tobolu [By Ishim and Tobol]. In: *Ishim i literatura. Vek XIX* [Ishim and Russian Literature: 20th century]. Ishim, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute Publ., 2004, pp. 261–162. (In Russian)
- 7 Kirpichenko V. Ia. *Za dolei* [Looking For Fate]. Minsk, Belarускаia Entsyklapedyia imia Petrusia Brouki Publ., 2018. 416 p. (In Russian)
- 8 Korovushkin D. G. *Ocherki etnokul'turnoi adaptatsii pozdnikh pereselentsev v Zapadnoi Sibiri* [Essays on Ethnocultural Adaptation of Late Immigrants in Western Siberia]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006. 200 p. (In Russian)
- 9 Liubimova G. V. *Ocherki istorii vzaimodeistviia sel'skogo naseleniia Sibiri s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii)* [Essays on the History of the Interaction of the Rural Population of Siberia with the Natural Environment (Based on the Russian Agricultural Tradition)]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 208 p. (In Russian)
- 10 Mid M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
- 11 Molchanova L. A. *Material'naia kul'tura belorussov* [Material Culture of Belarusians]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1968. 232 p. (In Russian)
- 12 Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zhizneobespechenie, khoziaistvennaia i sotsiokul'turnaia adaptatsiia* [Stolypinsky Migrants in the Altai District: Resettlement, Subsistence, Economic and Sociocultural Adaptation]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2013. 348 p. (In Russian)
- 13 *Spravochnaia knizhka dlia khodokov i pereselentsev za 1909 god* [Reference Book for Walkers and Migrants for 1909]. St. Petersburg, Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909. 112 p. (In Russian)
- 14 Fursova E. F. and other. *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoi kul'tury* [Belarsians in Siberia: Preservation and Transformation of Ethnic Culture]. Novosibirsk, Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 424 p. (In Russian)
- 15 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia* [Materials for Studying the Life and Language of the Russian population of the North-Western Krai]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. Vol. 3. 535 p. (In Russian)
- 16 Shelegina O. N. Rezul'taty i perspektivy izucheniia adaptatsionnykh protsessov v kul'ture zhizneobespecheniia russkogo naseleniia Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)

- [Results and Prospects of Studying Adaptation Processes in the Culture of Subsistence of the Russian Population of Siberia (18th – Early 20th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2006, no 2 (26), pp. 116–125. (In Russian)
- 17 Shcheglova T. K. *Derevnia i krest'ianstvo Altaiskogo kraia v XX veke. Ustnaia istoriia* [The Village and Peasantry of the Altai Krai in the 20th Century. Oral History]. Barnaul, Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2008. 526 p. (In Russian)
- 18 Churkin M. K. O sootnoshenii ekonomicheskikh i psikhologicheskikh prichin v priniatii reshenii o pereselenii v Sibir' krest'ian evropeiskoi Rossii v poreformennyi period [On the Ratio of Economic and Psychological Reasons in Making Decisions on the Resettlement of Peasants of European Russia in Siberia During the Reform Period]. In: *Problemy istoriografii i istorii Sibiri* [Issues of Historiography and History of Siberia]. Omsk, Omsk Technical University Publ., 2002, pp. 74–79. (In Russian)
- 19 Bart F. An Anthropology of Knowledge. *Current Anthropology*, 2002, vol. 43, no 1, pp. 1–18. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-43-52>

УДК 008+1(091)

ББК 71(2)4+86.37

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. С. Жиртуева

г. Севастополь, Россия

ИСИХАЗМ В КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XIV-XV ВЕКОВ

Аннотация: Основным событием XIV в. для христианского мира стали «исихастские споры», развернувшиеся в Византии и оказавшие влияние на другие православные страны. Учение о синергии, теория обожения человека («теозис») и метафизика света, развитые исихастом Григорием Паламой, были творчески переработаны в сознании Московской Руси XIV–XV вв. Результатом явилось формирование оригинального древнерусского исихазма, который учение о синергии трансформировал в почитание Святой Троицы. Для молодого православного государства, которое находилось в процессе становления своей государственности, Святая Троица стала олицетворением народного единства и преодоления зависимости от завоевателей. Учение святого Сергия Радонежского о Троице, троичная концепция Епифания Премудрого, растущая популярность троичной темы в иконописи, специальное празднование дня Троицы, строительство троичных храмов является свидетельством прочного закрепления культа Святой Троицы в московской культуре. Другой важной темой для древнерусской культуры XIV–XV вв. стала концепция «обожения» человека как высшей формы его творчества. Свое теоретическое оформление она нашла в учении Григория Паламы, но ее зримым выражением явилась иконопись Андрея Рублева и Дионисия. Древнерусские иконописцы смогли передать нравственный идеал исихазма — идеал преображенного человека, который путем обожения (теозиса) достигает нового онтологического статуса существования. Учение об обожении было самым тесным образом связано с исихастской метафизикой фаворского света, отраженной в древнерусской эстетике света и цвета.

Ключевые слова: византийский исихазм, древнерусский исихазм, обожение, фаворский свет, Троице-Сергиева лавра, культ Троицы.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Жиртуева — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, д. 33, 299053 г. Севастополь, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2386-1332>

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Дата поступления статьи: 28.05.2021

Дата одобрения рецензентами: 29.12.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Жиртуева Н. С. Исихазм в культуре Московской Руси XIV–XV вв. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 43–52.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-43-52>

Основным событием XIV в. для христианского мира стали так называемые «исихастские споры», развернувшиеся в самой Византии и оказавшие влияние на другие православные страны. В центре этих споров — дискуссия калабрийского монаха Варлаама, прибывшего в Византию из Италии и получившего там латинское образование, и исихаста Григория Паламы, выступившего от афонских монахов.

Культура Московской Руси XIV–XV вв. оказалась под влиянием идей византийского исихазма. Но, неизбежно, эти идеи трансформировались на древнерусской почве и приобрели национальное своеобразие. Дискуссия о существовании древнерусского исихазма и его особенностях до сих пор продолжается в научно-исследовательской литературе [9, с. 102]. В работах Т. П. Берсеновой, В. В. Бычкова, Н. К. Голейзовского, О. С. Климкова, Д. С. Лихачева, подчеркивается, что исихазм играл важную роль в древнерусской культуре XIV–XV вв., но рассматриваются отдельные аспекты этого влияния. Существует необходимость создания более целостной картины с целью выявить особенности древнерусского исихазма XIV–XV вв.

Сущность «исихастских споров»

Разногласия между Варлаамом и Григорием Паламой проявились по основным онтологическим вопросам. Выделим те аспекты дискуссии, которые оказали наибольшее влияние на культуру православного мира.

Прежде всего, оба участника дискуссии признавали существование божественной сущности. Но Варлаам отрицал какую бы то ни было возможность ее познания, а также отказывался признавать существование божественных действий (энергий). В отличие от него, Палама развил святоотеческое учение о божественных энергиях, природных силах, которые неотделимы от божественной сущности и через которые Бог действует вовне. Палама подчеркивал, что сущность действительно непознаваема, но посредством энергий человеку доступно богопознание. При этом божественная энергия приписывалась всем лицам Святой Троицы, вследствие чего творчество становилось ее неотъемлемым атрибутом. Слово-Логос и Дух Святой оказывались соучастниками любого творческого акта. В человеке Палама также различал непознаваемую сущность, которая составляет ядро его личности, и человеческие энергии, благодаря которым осуществляется его жизнь и творчество [18, с. 374].

Заслугой Григория Паламы является то, что именно он сделал основой православного антропологического учения тезис о творческой природе человека. Он писал, что творчество, ставшее атрибутом божественного бытия, присуще не только Святой Троице, но и человеку, сотворенному по ее образу и подобию. Только в творчестве человек может реализовать свои божественные дары, раскрыть сущность и стать богоподобным существом. Однако, по мнению Паламы, совершить этот подвиг самому человеку не под силу. Истинное творчество возможно только в результате синергии, совместной энергии человека и Бога, сообщающей человеку божественную благодать. Высшей формой творчества, по мнению мистика, является аскетика, цель которой состоит в преображении человека или обожении (греческое «теозис»). Результатом теозиса является реальное изменение «онтологического статуса» человека [22]. В этом процессе самое активное участие принимает человеческое тело. Таким образом, аске-

тика должна стремиться не к умерщвлению, но к «обожению плоти», в результате которого переживается познание Бога. «Ведь даже плоть способна, преобразившись, возвыситься до общения с Богом» [11, с. 20].

Подобно Симеону Новому Богослову, Палама во многих своих сочинениях обращается к метафизике «фаворского» света, особенно после того как Варлаам заявил, что свет Солнца его превосходит. Мистик писал о нетварном и трансцендентном характере света божественного Преображения, который тем не менее был чувственно явлен ученикам на Фаворе и виден ими, а значит, имманентен всему тварному. Мистик утверждает, что, во-первых, «фаворский свет» является энергией обожения, а во-вторых, что энергия обожения, превосходящая добродетель и знание, сама дарует достойным и то и другое, наполняя их божественным светом [12, с. 47]. Словами Паламы, «этот-то свет и есть вечная жизнь, входящая в обоженного и неотделимая от Бога» [17, с. 339].

Учение Григория Паламы о любви также неразрывно связано со светом и божественной энергией. Он был уверен, что любовь способна объединять «тварное» и «нетварное», уничтожать границы между мирами — высшим, духовным и земным. Любовь интерпретировалась им как мистический акт, в котором «Я» отказывается от себя с целью приобщения к Высшей Сущности. По сути, именно любовь становилась инструментом налаживания синергичной связи между человеком и Богом.

Особенности культуры Московской Руси XIV–XV вв.

Культ Святой Троицы

Мистическое учение Григория Паламы удивительно преломилось в общественном сознании Московской Руси. Учение о синергии здесь приобрело новое звучание: оно уже означало не только создание связи человека с Богом, но должно было связать воедино государство, народ и Бога. Соглашусь с мнением Т. П. Берсеновой, что «исихастско-синергичные идеалы имели резонанс практически во всех сферах древнерусской культуры XIV–XV вв., образовав тем самым синергичный эффект» [2, с. 1222].

Символом синергичного единства на Руси стала Святая Троица. Замечу, что в самой Византии ее почитание никогда не имело столь значительного влияния, которое оно приобрело в культуре Московской Руси. Для молодого православного государства, находившегося в процессе становления своей государственности, культ Святой Троицы явился олицетворением народного единства и преодоления зависимости от завоевателей.

Культ Святой Троицы на Руси был заложен еще святым Феодосием Печерским, утвердившим в Киево-Печерской лавре общее житие (киновия). Однако после его смерти традиции общежития были забыты, и возродить их пришлось святому Сергию Радонежскому, основателю Троице-Сергиевой лавры [3, с. 108, 116]. Хотя Феодосий заложил культ Святой Троицы на Руси, но именно Сергию удалось раскрыть идею «единства во Христе» во всей ее полноте и стать действительно первым общерусским святым, не только учителем и духовным наставником, но и строителем русского национального единства. «Преодоление ненавистного разделения мира, преобразование вселенной во храм, в котором вся тварь объединяется так, как объединены во едином Божеском Существо три лица Святой Троицы», — так определил цель жизненного пути Сергия русский философ Е. Н. Трубецкой [19, с. 12].

В XIV в. именно Троице-Сергиева лавра становится главным центром культурной и творческой элиты Московского царства. В ней сформировался круг последователей Сергия, из которого вышли знаменитые Епифаний Премудрый и Андрей Рублев.

Сочинения Епифания Премудрого являются произведениями высокого искусства слова. «Житие Сергия», созданное Епифанием, стало похвальным словом Святой Троице, поскольку его целью явилось обоснование тринитарной концепции. Русский агиограф воспел также религиозный подвиг Стефана Пермского, просветителя язычников, а Дмитрия Донского прославил как «монаха в душе, исихаста в миру», как первого русского царя и инициатора битвы за «правовѣрную вѣру христіанскую» [7, с. 180–185].

В научно-исследовательской литературе принято считать, что не Феофан Грек, но именно Андрей Рублев стал основоположником древнерусского национального стиля в иконописи [5, с. 129–132; 16, с. 128–129]. Можно предположить, что Греку не удалось создать на Руси свою школу, так как его стиль живописи был ближе традициям «комниновской» иконописи, чем «палеологовской». Поэтому он не отражал идеи исихазма Григория Паламы. Суровый аскетизм феофановских образов не был воспринят на Руси, нуждавшейся в более светлом жизнеутверждающем искусстве.

Исследователи подчеркивают, что мировоззрение Андрея Рублева формировалось под влиянием идей древнерусского исихазма [5, с. 127; 6, с. 204–205; 16, с. 136–137]. Еще философ Е. Н. Трубецкой высказал предположение, что невозможно найти более точное и цельное выражение религиозно-нравственных основ проповеди Сергия, чем то, которое дал Андрей Рублев в своей «Троице», написанной «в похвалу» преподобному [19, с. 12]. Эту точку зрения разделяют также М. В. Алпатов, Н. С. Борисов, В. В. Бычков, А. И. Клибанов, П. А. Флоренский [1, с. 24; 3, с. 248; 4, с. 268; 10, с. 100; 21, с. 363–364]. По мнению А. И. Клибанова, именно Рублеву удалось, как никому другому, выразить идеал исихазма: «Недоступный бог дорублевской иконописи (как и православной теологии) становился близким, более того, становился “ближним” человека. Рублев являл Троицу, о которой учил Сергий. Это был бог единения и согласия» [10, с. 102].

Сложное и глубокое содержание рублевской «Троицы», как и других своих произведений, иконописец гениально выражает с помощью линии, цвета, формы. Структурную основу композиций Рублева составляет круг, который с древности считался символом совершенства и единства. Однако общей закругленности линий в «Троице» противостоит ритмическая система прямых, изломанных под острыми углами линий складок одежд, архитектурной кулисы, что создает в целом образ возвышенной гармонии, «насыщенную ритмо-мелодическую линейную систему иконы, своего рода графическую полифонию». Ощущение гармонии подчеркивается также «классической пирамидальностью» рублевских фигур, что дает основание называть стиль Рублева «калокагатийным» («прекрасноблагим») [1, с. 36; 4, с. 270; 5, с. 130–131].

Утонченной гармонии подчинен и колорит рублевской живописи. Палитра художника необыкновенно богата и насыщена, краски предельно прозрачны и светносны. Фигуры на иконах Рублева именно «преображены» мягким сиянием, излучаемым ими. А в храме этот эффект многократно усиливался мерцающим светом множества светильников. Поэтому, как никто иной, Рублев сумел воплотить в красках исихастскую идею «обожения плоти». Он же впервые на Руси изобразил на иконе «Преображение» нетварный «фаворский» свет. Вместе с тем «классическая пирамидальность» рублевских фигур, а также его красочная палитра вызывают разнообразные ассоциации. Например, Г. К. Вагнер проводит параллели между образами Рублева и теми, которые создавались живописцами итальянского Проторенессанса [5, с. 273].

Величайшее значение творчества Андрея Рублева, по мнению В. В. Бычкова, заключается в том, что «древнерусское эстетическое сознание в формах изобразительного искусства с наибольшей глубиной и полнотой выражено именно в его живописи» [4, с. 274]. Живопись Древней Руси действительно является «умозрением в красках», поскольку иконописцы путем использования художественных средств находили способы передачи глубоких философских идей.

Бесспорно, между Андреем Рублевым и Сергием Радонежским существовала тесная духовная связь, так как иконописцу удалось в красках выразить тот идеал святости, который на практике осуществил святой Сергий. Но нельзя согласиться с П. А. Флоренским, что «в иконе Троицы Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных преподобным Сергием» [21, с. 364].

Творчество Андрея Рублева не может быть отнесено к какому-то конкретному философскому направлению. Его искусство может считаться вполне самостоятельным художественным явлением, в котором нашли отражение как традиции древнерусского, так и византийского искусства. Гениальность великого иконописца проявилась прежде всего в том, что ему удалось с помощью живописных средств выразить в одном произведении духовную сущность культуры своего времени. В своих произведениях Рублев воплотил идеал человека Древней Руси — духовно и физически прекрасного, а также довел до совершенства эстетику цвета и света.

Завершающим этапом в истории московской живописи XV в. стало творчество Дионисия, оценка которого в исследовательской литературе достаточно противоречива. По мнению Г. К. Вагнера, Дионисий чрезмерно увлекался внешними приемами, способствовавшими «стилизации» русского Предвозрождения [5, с. 133]. Напротив, Н. К. Голейзовский был уверен, что творчество иконописца смогло средствами живописи самым лучшим образом выразить исихастскую концепцию «обожения» плоти. По мнению исследователя, оно также подвело итог исканиям русских иконописцев, подобно тому, как учение Нила Сорского завершило процесс переработки русским сознанием идей византийского исихазма [6, с. 210].

Действительно, на иконах Дионисия стройные, почти бесплотные фигуры, едва касающиеся земли, создают эффект нематериальности. Эстетика цвета и света играет в творчестве Дионисия такое же огромное значение, как и в работах Рублева: красочная палитра столь же радостна и изысканна. Особенно поражает светоносность его произведений. В росписях преобладают нежные, полупрозрачные, светлые тона. Белый цвет является главным гармонизирующим фактором, как бы накладывая свой оттенок и на остальные цвета, предельно высветляя их. Дионисий стремился в красках запечатлеть преображенную силой духа, «обоженную» плоть, излучающую нетварный свет.

Но вместе с тем есть и существенные различия между стилями двух великих иконописцев. Гармоничные «пирамидальные» рублевские образы были вытеснены «готическими» формами (так как пропорции тел в работах Дионисия максимально удлинились), что дает основания для сопоставления творчества Дионисия с лучшими творениями итальянского маньеризма. Его невесомые, легкие, грациозные образы радуют глаз зрителя обостренной красотой и гармонией. Они необыкновенно женственны и изящны, проникнуты чувствами нежности и лирической грусти. Действительно, произведения Дионисия могут считаться возвышенным гимном Женственности, Материнству, что связывается исследователями с тем исключительным вниманием, которое иконописец уделял богородичной тематике. Так, например, росписи церкви в Феррапонтово

создавались в похвалу Богородице и были наполнены чувствами беспредельной любви, милосердия, сострадания и нежности [4, с. 283].

Творчество Дионисия, возможно даже в большей степени, чем творчество Рублева, можно считать явлением русской культуры. В его художественном языке мы практически не находим византизмов. Если Рублев прежде всего стал выразителем общечеловеческих нравственных идеалов и исихастской теории «обожения» плоти, то Дионисий, с его гимном Высшему Женскому началу, является наследником киево-русской софийной традиции. Сложнейшие христианские идеи триединого Бога были сложны для понимания простых людей. Однако чувства матери, скорбящей по своему погибшему сыну, всегда находили самый живой отклик в их сердцах.

Произведения иконописца, как справедливо замечает В. В. Бычков, «это самые красивые росписи в древнерусской живописи, ибо они явились следствием выражения *прекрасного*». Исследователь делает важный вывод: «Однако живопись Дионисия нельзя так же безоговорочно назвать “философией в красках”, как искусство Феофана или Рублева; она также глубоко духовна, но это скорее *эстетика в красках*, чем философия» [4, с. 277, 284].

Культура Руси надолго сохранила поклонение женскому началу, что объясняется стойкостью в ней языческих традиций, глубоким уважением к культу материнства [13, с. 210–211; 14, с. 82–83]. Параллельно с этим в ее культуре формировался культ Святой Троицы, тесно связанный с христианством. Для нашего исследования важен вывод, сделанный П. А. Флоренским, который, сравнивая христианство Киевской и Московской Руси, написал, что «женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии-Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московско-Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы» [20, с. 356–368].

Если культура Киевской Руси была культурой «внутреннего типа» на основах софийного мировоззрения, то предпочтение, которое отдавалось в Московском царстве культу Святой Троицы, говорило о создании культуры «внешнего типа», в которой на место индивидуальной любви к Богу пришла любовь соборная. По мнению Л. Г. Конотоц, в России победило коллективное, соборное начало, вследствие чего исключительную роль стали играть интересы империи и царя, как главного выразителя этих интересов [15, с. 112]. Но эту точку зрения хотелось бы дополнить. Конечно, соборное и коллективное начало всегда было важным для России. Однако святой Сергий Радонежский, Нил Сорский, Андрей Рублев явились прежде всего выразителями общечеловеческих ценностей, а не только интересов своего народа. Прав В. В. Бычков, который написал: «К искусству Рублева в полной мере подходит понятие *софийности*, <...> ибо в нем в органичном единстве предстают идеалы мудрости и красоты своего времени в модусе их общечеловеческой значимости» [4, с. 263].

Выводы

Учение о синергии, концепция обожения и метафизика света, оказавшиеся в центре «исихастских споров», в дальнейшем повлияли на культуру всего православного мира.

Культура Московской Руси XIV–XV вв. может служить прекрасной иллюстрацией того, как идеи византийского исихазма были здесь творчески переработаны в ее общественном сознании. Результатом этого творчества стало формирование древнерусского исихазма.

Учение святого Сергия Радонежского о Троице, троичная концепция Епифания Премудрого, растущая популярность троичной темы в иконописи, специальное празднование дня Троицы, строительство троичных храмов является свидетельством прочного закрепления культа Святой Троицы в московской культуре, оказавшего влияние на формирование особенностей менталитета молодого православного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алпатов М. В.* Андрей Рублев. М.: Искусство, 1959. 37 с.
- 2 *Берсенева Т. П.* Феномен синергии в древнерусской культуре // *Философия и культура*. 2013. № 9. С. 1217–1223. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9281
- 3 *Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла...: Исторический портрет Сергия Радонежского. М.: Молодая гвардия, 1990. 301 с.
- 4 *Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М.: Мысль, 1995. 637 с.
- 5 *Вагнер Г. К.* Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. 255 с.
- 6 *Голейзовский Н. К.* Исихазм и русская живопись XIV–XV вв. // *Византийский временник*. Л.: Наука, 1969. Т. 29. С. 196–210.
- 7 *Древняя русская литература. Хрестоматия / сост. И. Н. Прокопьев.* М.: Просвещение, 1988. 429 с.
- 8 *Жиртуева Н. С.* Исихазм в культуре Киевской Руси XI–XII вв. // *Вестник славянских культур*. 2020. № 57. С. 8–20.
- 9 *Жиртуева Н. С.* К проблеме древнерусского исихазма в отечественной историографии // *Novogardia*. Международный журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2019. № 2. С. 28–44.
- 10 *Клибанов А. И.* К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // *Андрей Рублев и его эпоха: сб. ст.* М.: Искусство, 1971. С. 62–102.
- 11 *Климков О. С.* Исихия и философия в доктрине Григория Паламы // *Философская мысль*. 2017. № 5. С. 14–30. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22444.
- 12 *Климков О. С.* Символ и теозис в паламитской концепции богопознания // *Миссия конфессий*. 2017. № 22. С. 40–49.
- 13 *Козлов М. Н.* Богини-рожаницы в представлениях восточных славян домонгольской эпохи // *XII Междунар. Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. работ.* Севастополь: Таврия, 2018. С. 207–218.
- 14 *Козлов М. Н.* Исторические корни культа Богородицы у восточных славян раннего средневековья // *Гуманитарно-педагогическое образование*. 2016. Т. 2, № 4. С. 80–84.
- 15 *Конотоп Л. Г.* Проблема життя та смерті в історії філософії (мітологічні та середньовічні інтерпретації). Київ: Українська Видавнича Спілка, 1996. 172 с.
- 16 *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л.: АН СССР, 1962. 172 с.
- 17 *Палама Григорий.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995. 384 с.
- 18 *Памятники византийской литературы. IX–XIV веков.* М.: Наука, 1969. 463 с.
- 19 *Трубецкой Е. Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской живописи. М.: Интерпринт, 1990. 44 с.
- 20 *Флоренский П. А.* Моленные иконы Преподобного Сергия // *Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т.* М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 383–408.

- 21 *Флоренский П. А.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Флоренский П. А.* Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 352–369.
- 22 *Хоружий С. С.* Античная забота о себе и практики исихазма: компаративный анализ (заметки на полях «Герменевтики субъекта» Фуко) // *Вопросы философии*. 2016. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1454&Itemid=52 (дата обращения: 27.05.2021).

© 2022. *Natalia S. Zhirtueva*
Sevastopol, Russia

HESYCHASM IN THE CULTURE OF MUSCOVITE RUS' IN 14th–15th CENTURIES

Abstract: The “hesychast disputes” that unfolded in Byzantium and influenced other Orthodox countries came to be the critical event of the 14th century for the Christian world. The doctrine of synergy, the theory of the “deification” (“theosis”) of a person and the metaphysics of light, developed by the hesychast Gregory Palamas, were creatively reworked in the consciousness of Muscovite Rus’ in the 14th–15th centuries. As a result, the original Old Russian Hesychasm emerged, transforming the doctrine of synergy into the veneration of the Holy Trinity. For the young Orthodox state, which was in the process of establishing its statehood, the Holy Trinity became the personification of national unity and breaking dependence on the conquerors. The doctrine of St. Sergius of Radonezh about the Trinity, the Trinity concept of Epiphanius the Wise, the growing popularity of the Trinity theme in icon painting, the special celebration of the Trinity Day, the construction of Trinity temples act as evidence of the strong consolidation of the cult of the Holy Trinity in Moscow culture. Another important theme for the Old Russian culture of the 14th–15th centuries was the concept of “deification” of a person as the highest form of his creativity. It found its theoretical form in the teachings of Gregory Palamas, while its visible expression became the iconography of Andrei Rublev and Dionysius. Old Russian icon painters were able to convey the moral ideal of hesychasm — the ideal of the transformed man who achieves a new ontological status of existence through deification. The doctrine of deification was intimately connected with the hesychast metaphysics of Tabor light, reflected in the Old Russian aesthetics of light and color.

Keywords: Byzantine Hesychasm, Old Russian Hesychasm, “theosis”, Tabor light, Trinity Sergius Lavra, Trinity cult.

Information about the author: *Natalia S. Zhirtueva* — DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of “Political Science and Philosophy”, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2386-1332>

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Received: May 27, 2021

Approved after reviewing: December 29, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Zhirtueva N. S. Hesychasm in the Culture of Muscovite Rus' in 14th–15th Centuries. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 43–52. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-43-52>

REFERENCES

- 1 Alpatov M. V. *Andrei Rublev*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 37 p. (In Russian)
- 2 Berseneva T. P. Fenomen sinergii v drevnerusskoi kul'ture [Phenomenon of Synergism in Old Russian Culture]. *Filosofia i kul'tura*, 2013, no 9, pp. 1217–1223. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9281 (In Russian)
- 3 Borisov N. S. *I svecha by ne ugasla...: Istoricheskii portret Sergiia Radonezhskogo* [So the Candle would not Fade away...: Historical Portrait of Sergius of Radonezh]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990. 301 p. (In Russian)
- 4 Bychkov V. V. *Russkaia srednevekovaia estetika XI–XVII vv.* [Russian medieval aesthetics 11th–17th centuries]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 637 p. (In Russian)
- 5 Vagner G. K. *Iskusstvo Drevnei Rusi* [The Art of Ancient Rus']. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993. 255 p. (In Russian)
- 6 Goleizovskii N. K. Isikhazm i russkaia zhivopis' XIV–XV vv. [Hesychasm and Russian painting of the 14th–15th cs.]. In: *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, vol. 29, pp. 196–210. (In Russian)
- 7 *Drevniaia russkaia literatura. Khrestomatiia* [Old Russian Literature. Reader], comp. I. N. Prokop'ev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
- 8 Zhirtueva N. S. Isikhazm v kul'ture Kievskoi Rusi XI–XII vv. [Hesychasm in the Culture of Kievan Rus of the 11th–12th cs.]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 8–20. (In Russian)
- 9 Zhirtueva N. S. K probleme drevnerusskogo isikhazma v otechestvennoi istoriografii [On the Issue of Old Russian Hesychasm in Russian Historiography]. *Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoi Rusi*, 2019, no 2, pp. 28–44. (In Russian)
- 10 Kliбанov A. I. K kharakteristike mirovozzreniia Andreia Rubleva [To the Characteristic of Andrei Rublev's Worldview]. In: *Andrei Rublev i ego epokha: sbornik statei* [Andrei Rublev and his Epoch: Collection of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971, pp. 62–102. (In Russian)
- 11 Klimkov O. S. Isikhiia i filosofia v doktrine Grigoriia Palamy [Hesychia and Philosophy in Gregory Palamas's Doctrine]. *Filosofskaia mysl'*, 2017, no 5, pp. 14–30. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.5.22444 (In Russian)
- 12 Klimkov O. S. Simvol i teozis v palamitskoi kontseptsii bogopoznaniia [Symbol and Theosis in the Palamite Concept of Knowledge of God]. *Missiia konfessii*, 2017, no 22, pp. 40–49. (In Russian)
- 13 Kozlov M. N. Bogini-rozhanitsy v predstavleniakh vostochnykh slavian domongol'skoi epokhi [Goddesses-women in Labor in the Representations of the Eastern Slavs of the Pre-Mongol Era]. In: *XII Mezhdunarodnye Sevastopol'skie Kirillo-Mefodievskie chteniia: sbornik nauchnykh rabot* [12th International Sevastopol Cyril and Methodius Readings: a Collection of Scientific Papers]. Sevastopol', Tavriia Publ., 2018, pp. 207–218. (In Russian)
- 14 Kozlov M. N. Istoricheskie korni kul'ta Bogoroditsy u vostochnykh slavian rannego srednevekov'ia [Historical Roots of the Cult of the Virgin among the Eastern Slavs of the Early Middle Ages]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2016, vol. 2, no 4, pp. 80–84. (In Russian)

- 15 Konotop L. G. *Problema zhyttja ta smerti v istorii' filosofii' (mitologichni ta seredn'ovichni interpretacii')* [The Issue of Life and Death in the History of Philosophy (Mythologic and Medieval Interpretation)]. Kiev, Ukrai'ns'ka Vydavnycha Spilka Publ., 1996. 172 p. (In Ukrainian)
- 16 Likhachev D. S. *Kul'tura Rusi vremeni Andreia Rubleva i Epifaniia Premudrogo* [Culture of Rus' by Andrei Rublev and Epiphanius the Wise]. Moscow, Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1962. 172 p. (In Russian)
- 17 *Palama Grigorii. Triady v zashchitu sviashchenno-bezmolstvuiushchikh* [The Triads in Protection of Sacred-keeping Silence]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 384 p. (In Russian)
- 18 *Pamiatniki vizantiiskoi literatury. IX–XIV vekov* [Monuments of Byzantine literature. 9th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 463 p. (In Russian)
- 19 Trubetskoi E. N. *Umozrenie v kraskakh. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoi zhivopisi* [Speculation in Colors. The Issue of the Meaning of Life in Ancient Russian Painting]. Moscow, Interprint Publ., 1990. 44 p. (In Russian)
- 20 Florenskii P. A. *Molennye ikony Prepodobnogo Sergiia* [The Molennye Icons of St. Sergius]. In: Florenskii P. A. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 Vols.] Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, pp. 383–408. (In Russian)
- 21 Florenskii P. A. *Troitse-Sergieva Lavra i Rossiia* [Trinity-Sergius Lavra and Russia]. In: Florenskii P. A. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 Vols.] Moscow, Mysl' Publ., 1996, vol. 2, pp. 352–369. (In Russian)
- 22 Khoruzhii S. S. *Antichnaia zabota o sebe i praktiki isikhazma: komparativnyi analiz (zametki na poliakh "Germenevtiki sub"ekta" Fuko)* [Ancient Self-care and Practices of Hesychasm: Comparative Analysis (Notes in the Margins of Foucault's Hermeneutics of the Subject)]. *Voprosy filosofii*, 2016, no 8. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1454&Itemid=52 (Accessed 27 May 2021). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-53-66>

УДК 008

ББК 63.3(2)4+71.07

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. А. Новицкий

г. Москва, Россия

КНЯЖЬИ СУМЕРКИ

К 850-летию кончины Андрея Боголюбского

Аннотация: Предлагается согласование хронологических свидетельств о гибели великого князя Андрея Боголюбского, позволяющее определить время смерти и установить календарную дату его культурно-исторической памяти. Согласно старейшим Ипатьевской и Лаврентьевской летописям, князь был убит в 6683 г. от сотворения мира, согласно Новгородской I — в 6682 г. (это соответствует годам 1175 и 1174 новой эры). В летописной «Повести об убиении Андрея Боголюбского» время кончины князя определяется субботней ночью, приходящейся, с одной стороны, на канун дня празднования апостолов Петра и Павла, т. е. на 28 июня, и, с другой стороны, на день памяти апостолов Петра и Павла, т. е. на 29 июня. Праздник Петра и Павла приходился на субботу не в 1175, а в 1174 г., и поэтому историческая наука пришла к заключению, что князь Андрей погиб не в 1175, а в 1174 г. В статье устанавливается, что в летописных данных о дне гибели совмещены показания, отражающие разные варианты счета дней: счет календарный — день начинается с полуночи — и счет богослужебный — день начинается в среднем на шесть часов раньше, с заката солнца. Внимательный анализ текста «Повести» позволяет прийти к выводу, что все свидетельства замечательно согласуются друг с другом в предположении о времени убиения князя — вечерних сумерках накануне воскресенья. Время сумерек в древнерусском счете могло быть отнесено как к субботе 28 июня при счете календарном, так и к воскресенью 29 июня при счете богослужебном. В современном гражданском обиходе используется календарный счет с полуночи; при этом дню 28 июня 1175 г. старого стиля (юлианского) соответствует день 5 июля 1175 г. нового стиля (григорианского), который и должен стать днем культурно-исторической памяти князя Андрея Боголюбского.

Ключевые слова: князь Андрей Боголюбский, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», вечерние сумерки, отсчет дня, праздник Петра и Павла, дата памяти.

Информация об авторе: Игорь Анатольевич Новицкий — магистр теологии, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5886-0554>

E-mail: ingvaringvar@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.11.2021

Дата одобрения рецензентами: 29.12.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Новицкий И. А. Князь сумерки. К 850-летию Андрея Боголюбского // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 53–66.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-53-66>

В 2025 г. исполняется 850 лет со дня убийства благоверного князя Андрея Боголюбского — одного из выдающихся правителей, созидавших Русское государство. Андрей, сын Юрия Долгорукого, был первым великим князем, начавшим борьбу с удельной системой. Стремясь восстановить единство Руси и предвидя закат Киева как общерусского центра, князь Андрей перенес столицу в далекий Залесский край, во Владимир-на-Клязьме, небольшой город на границе Ростово-Суздальской земли. История Московского царства как правонаследника великого княжества Владимирского начинается именно с его имени.

Почитание исторической личности в качестве национального героя предполагает наличие определенного дня года, в который это почитание должно находить выражение в конкретных действиях, направленных на оживление и сохранение в народе благоговейной и благодарной памяти о нем.

Но когда же праздновать день культурно-исторической памяти князя Андрея, сопровождаемый торжественными мероприятиями на государственном и общественном уровне? Должен ли он совпадать с днем его церковного празднования по месяцеслову, т. е. 4 июля по старому стилю — 17 июля по новому стилю? Или же праздник должен отмечаться в день его преставления и вхождения в Царство Небесное? И когда он — день преставления?

Дата вокняжения

Вначале отметим, что установленная Церковью святцевая дата 4 июля в свое время была ознаменована событием, весьма важным в жизни Андрея Боголюбского. В этот день, на который приходится память преподобного Андрея Критского, византийского святого VII–VIII вв., в 1157 г. князь Андрей, избранный на княжение представителями залесских городов после смерти в Киеве Юрия Долгорукого, был возведен на «отний» стол Ростово-Суздальской земли. О значимости сей даты не только в личной судьбе князя, но и в масштабах всей Руси пишет Ю. А. Лимонов: «Июнь 1157 г. [Ю. А. Лимоновым принимается альтернативная летописная датировка события 4 июня, как показал А. Ю. Карпов [7, с. 385–388; 8, с. 94–97], ошибочная. — *И. Н.*] — дата исключительно важная в истории Руси. Она знаменует официальный акт создания самостоятельного государственного образования на северо-востоке, очага будущего политического центра всей русской нации» [12, с. 46].

К сожалению, пока нет ясности, кто являлся главным патрональным святым князя, в честь которого он был крещен — Андрей Первозванный, Андрей Критский, Андрей Юродивый или другой святой с тем же именем. Факт избрания 4 июля в качестве дня на stolования не разрешает вопроса: вполне могло быть так, что князь почитал всех соименных ему святых, включая и Андрея Критского [8, с. 15–16]; или же день памяти Андрея Критского просто был им сочтен наиболее подходящим днем для торжественной интронизации, которую не следовало откладывать. «В княжеской среде домонгольской Руси преобладала тенденция к “синкретическому” почитанию святых, к своеобразному накоплению и объединению святых покровителей. Князь, получив крестильное имя в честь определенного святого, например, в честь Андрея Первозванного, особым образом чтит не только апостола, но и всех небесных тезок Андреев, как то Андрей Стратилат, Андрей Критский, Андрей Юродивый... Тезоименность стано-

вилась своеобразным стержнем, объединяющим всех носителей этого имени, живых и умерших, земных правителей и святых» [25, с. 253], — поясняет Ф. Б. Успенский.

Очевидно одно: вступая на княжий стол, Андрей хотел заручиться поддержкой соименного ему святого. И этот день, 4 июля, стал для Андрея днем его политического триумфа [8, с. 96–98]. В то же время нельзя не признать, что усматривать в четвертом июля день его именин нет достаточных оснований.

Год и день мученической кончины князя: постановка проблемы

Церковно-святцевая дата памяти не соответствует дате мученической кончины: по летописным сведениям, князь Андрей Юрьевич погиб в канун — «на ночь» — праздника в честь святых апостолов Петра и Павла. Память апостолов — 29 июня по старому стилю, а канун — день накануне. Наличие неодинаковых выражений, употребленных летописцами, в историографии вызвало к жизни две различные интерпретации летописных датировок времени убийства [10, с. 80–81]:

- в ночь с 28 на 29 июня;
- в ночь с 29 на 30 июня.

Год кончины князя в древнейших летописях варьируется: летописи Лаврентьевская и Ипатьевская называют 6683 (1175) г., а Новгородская I — 6682 (1174) г. Все более поздние летописи, в том числе памятники новгородского летописания, относят трагедию в Боголюбово к 6683 г. (единственное исключение составляет Ермолинская летопись, относящая убийство Андрея к 6682 г. [18, с. 49]). Лаврентьевский летописный свод отражает официальное летописание Владимиро-Суздальской Руси, Ипатьевский свод — официальное летописание Киева, и ничто не препятствует последовать в выборе годовой даты именно их общей версии. Однако разноречивые их показания относительно дня месяца, недели и времени гибели князя показали многим историкам противоречивыми и поддающимися гармонизации лишь в случае принятия в качестве года кончины 1174 г. Именно 1174 г. был признан годовой датой кончины князя Андрея в исторической науке еще в дооктябрьский период [23, с. 15–16]. В последующем историки высказывались лишь в подтверждение датировки 1174 г. [2, с. 78–79, 161–163, 191–192; 4, с. 77; 8, с. 334–336].

Не подлежит сомнению, что решение проблемного вопроса о выборе года должно быть найдено путем анализа хронологических ориентиров, содержащихся внутри самих летописных статей, в погодном тексте, а не только путем сопоставления их указаний на номер года. Как отмечал Н. Г. Бережков, «хронологическое обследование летописи должно быть не постатейным только, но и внутрискладевым» [2, с. 15].

В настоящей работе устанавливается, что хронологические расхождения в летописных источниках согласованию поддаются, а годовая дата и в Суздальской, и в Киевской летописи указана правильно: князь Андрей погиб в 6683 г. от сотворения мира — в 1175 г. новой эры, накануне праздника апостолов Петра и Павла, в сумерках, которые относились одновременно и ко дню уходящему по счету календарному, и ко дню наступившему по счету богослужебному. В Новгородской I летописи год 6682 проставлен неверно.

«В субботу на ночь»

Сначала целесообразно обратиться к результатам медико-криминалистического обследования останков, проведенного современным ученым В.Н. Звягиным. По вопросу о времени гибели Андрея Боголюбского он пришел к интересному заключению: судя по тому, что удары наносились князю достаточно точно, а не беспорядочно — это видно по сохранившимся многочисленным рубленым повреждениям на костях

[6, с. 52–57], — бой в опочивальне происходил, когда было достаточно светло, чтобы видеть противника. Приведем выдержку из его доклада на XXI Рождественских образовательных чтениях: «Совершенно не похоже, что князь был убит ночью в кромешной темноте. Против подобного допущения свидетельствуют как активная его самооборона, так и точность ударов убийц. Впрочем, в летние месяцы на широте Владимира ночи коротки, сумерки и рассвет разделены немногими минутами полутьмы. Лаврентьевская летопись свидетельствует, что князь “...убьен же бысть в субботу на ночь и о свете заутра мертвъ”» [6, с. 57]. В ходе устного выступления В.Н. Звягин допустил, что бой с князем мог состояться не только в предрассветных, но и в вечерних сумерках.

Теперь рассмотрим хронологические свидетельства летописи, предложив их согласование. Все приводимые данные о времени кончины князя заимствуются из погодной статьи Ипатьевской летописи, в составе которой «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» читается в пространной редакции. Случаи цитирования Лаврентьевской летописи оговариваются особо. «Повесть» в своем первоначальном виде была написана в стиле посмертной похвалы князю-мученику предположительно в течение ближайших двух лет по кончине одним из приближенных Андрея (им мог быть, например, местный клирик-летописатель), и вскоре вошла во Владимирский летописный свод [9, с. 365–366; 11, с. 61–65]. Возможно, при написании были использованы материалы следственного дела [3, с. 85].

Датирующая информация летописи складывается из целого комплекса разнотипных хронологических показаний:

(1) «В лето 6683. Убьень бысть великий князь Андреи Суждальский, сына Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха месяца июня въ 28и день канунъ святыхъ апостоль. День бе тогда субота» [16, стб. 580];

(2) «...постигъши бо ночи суботнии на память святую апостолу Петра и Павла. Возьмеше оружье, яко зверье дивии...» [16, стб. 586];

(3) «Убьень же бысть в субботу на ночь, и о свете заутра в неделю, на память 12 апостолу» [16, стб. 589];

(4) после смерти князя его убийцы, как повествует летопись, «идоша на сени и выимаша золото и камень дорожное, и жемчюгъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имения, и въскладъше на милостыные коне, послаша до света прочь» [16, стб. 589];

(5) тело убитого князя выбросили в «огород», где его нашел Кузьмище Киянин и перенес в притвор церкви, «и лежа ту 2 дни и ноци» [16, стб. 591];

(6) «На третии день... отпевше надъ нимъ погребалное», а «въ 6 день, въ пятницу» состоялась церемония переноса тела из Боголюбово во Владимир и погребения в церкви «Богородице Златоверхои» [16, стб. 591–594].

Рассмотрение всех показаний удобнее будет провести в обратном порядке, от (6) до (1).

(5, 6) Легко вычислить, что «первый день», когда тело князя оказалось в «огороде», — это воскресенье, потому что только в этом случае шестой день придется на пятницу: в притворе тело лежало два дня и две ночи — в воскресенье днем, в ночь с воскресенья на понедельник, в понедельник днем, в ночь с понедельника на вторник; во вторник, на третий день (начиная с воскресенья), князя отпели, а на шестой день (тоже начиная с воскресенья), в пятницу, гроб перенесли во Владимир.

(4) В летописи сообщается, что в ту же ночь вслед за гибелью Андрея началось разграбление его имущества в Боголюбовском замке, грабители постарались вывезти княжеские сокровища на лошадях еще до того, как начнет светать («послаша до света

прочь»). Это свидетельство позволяет исключить утренние сумерки как время преступления — князь был убит ранее.

(3) Теперь становится ясным, как надо правильно понимать слова летописи «и о свете заутра в неделю» из следующей выше по тексту пространной хронологической справки: «Убьень же бысть в субботу на ночь, и о свете заутра в неделю, на память 12 апостолу». «О» — это не предлог при существительном «светъ», а приставка в глаголе «освитати» — встретить рассвет, рассветать. Поэтому выражение «о свете заутра» (так в списке Ипатьевском; в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи, в ряде случаев содержащем более правильные чтения, стоит: «освите заутра» [16, стб. 589]) означает не то, что князь был убит при свете утра, но что, будучи убитым, встретил рассвет (букв.: «стал светлым») воскресного дня («недели»). В параллельном месте Лаврентьевского свода смысл передан точнее: «...и о свете заутра мертвъ в неделю...» [15, стб. 369] — встретил утренний рассвет воскресного дня уже мертвым [22, с. 40; 11, с. 65]. Таким образом, «о свете» есть некорректное словоделение, отражающее более позднее, редакторское осмысление первоначального летописного известия.

Проанализируем теперь оставшиеся два составных элемента этой справки: «на память 12 апостолу» и «в субботу на ночь».

(3) Хронологическая деталь «на память 12 апостолу» — это редакционно-техническая ошибка, которая сбивала с толку исследователей [2, с. 163, 192, 314]. Собор двенадцати апостолов — месящесловная память, не имеющая праздничного статуса — отмечается 30 июня, а 30 июня приходилось на воскресенье не в 6683 (1175) г., а годом ранее. Поскольку в других местах летописной «Повести» говорится либо о кануне памяти апостолов Петра и Павла, 28 июня, либо просто о дне памяти апостолов Петра и Павла, 29 июня, косвенное указание на 30 июня остается считать следствием непреднамеренной описки, потому что дневные даты 28 июня и 30 июня, приводимые в одном и том же источнике, не могут быть взаимно согласованы ни при каких обстоятельствах: между ними находится промежуток в целые сутки.

Как известно, чтобы числовую запись не путать с буквенной, над обозначающими число буквами или буквосочетаниями в древнерусской письменности изображался знак титла. Допустимо предположить, что в протографе летописной «Повести» — или уже в самом автографе или его копии — было написано «на память ѿ апостолу», причем правый край титла над букво-цифрой ѿ был сильно загнут вниз, и переписчику показалось, что перед ним — буква-цифра 1. Переписывая текст, он дописал букву 1 (соответствующую числу 10) к кириллической цифре ѿ. В результате получилась буквенно-цифровая запись числа 12 — ѿ1.

(3) Для того чтобы уяснить, каково значение древнерусского выражения «на ночь» (в Ипат. — «на ночь», в Лавр. версии — «на ночь»), достаточно вспомнить выражение «на ночь», употребляемое ныне. Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, оно означает: «перед тем, как ложиться спать» [14, с. 360] (ср. «Толковый словарь» Д. В. Дмитриева: «Если вы делаете что-либо на ночь, значит, вы делаете это прежде, чем пойти спать» [5, с. 691]). Действительно, на бытовом уровне день человека в Древней Руси заканчивался тогда, когда ложились спать, а следующий день начинался по пробуждении [24, с. 49]. Сама же ночь тянулась от конца сумерек до первых признаков утренней зари [22, с. 10; 24, с. 49]. Таким образом, выражение «на ночь» может употребляться в нескольких «пограничных» ситуациях, близких друг к другу: перед самым наступлением ночи, при наступлении ночи, уже по наступлении ночи, — но во всяком случае до сна.

В Древней Руси существовали два варианта отсчета начала дня. Первый вариант — счет календарный: день начинался с полуночи. Вторым вариантом — счет богослужебный: день начинался после захода солнца, в среднем с шести часов вечера. Календарный счет применялся для счета дней недели и чисел месяца; богослужебный счет применялся к дням церковных праздников. Время вечерних сумерек при первом варианте отсчета относилось к дню уходящему, а при втором варианте — к дню наступившему. По этой причине датировки события, произошедшего в сумерки, могли отличаться в источниках на один день.

Учитывая результаты медико-криминалистической экспертизы, нетрудно понять, что в летописной «Повести» речь идет о вечерних сумерках в конце субботнего дня и при начале ночи воскресенья. Это означает, что во временном определении «в субботу на ночь» использован отсчет дня начиная с полуночи. Князь Андрей в то время уже спал [13, с. 34, 223]. Как сообщает летописное повествование, убийцы ушли из опочивальни, вначале не добив князя, но затем, услышав его стоны, они вернулись и, пойдя со свечой по следу крови и обнаружив его сидящим внизу за лестничным столбом, довершили убийство. Ясно, что все это происходило довольно быстро, и последний вздох князя Андрея имел место или в те же поздние сумерки или вскоре по их окончании.

Остается разобрать два первых датирующих показания «Повести» по Ипатьевской летописи.

(2) «Постигыши бо ночи суботнии на память святую апостола Петра и Павла». Месяцесловная помета «на память святую апостола Петра и Павла», естественно, указывает на богослужебный счет. Но о какой ночи здесь идет речь?

При календарном счете с полуночи эта ночь может быть как ночью, открывающей праздник (т. е. ночью с пятницы на субботу, с 28 на 29 июня), так и ночью, завершающей праздничный день (т. е. ночью с субботы на воскресенье, с 29 на 30 июня). При счете богослужебном с заката солнца — если показание считать сформулированным с ориентацией только на один вариант счета, что, конечно же, логично — интерпретация возможна только одна: в ночь с пятницы на субботу — с 28 на 29 июня. Поэтому не удивительно, что у большинства историков складывалось впечатление, что событие состоялось в ночь на субботу, на которую и пришелся праздник апостолов Петра и Павла. И тогда оказывается, что боголюбовская трагедия имела место не в 1175 г., а в 1174 г., когда этот праздник приходился на субботу. Такое заключение не вызывает особых возражений, если данное показание рассматривать изолированно.

(1) Однако чуть ранее по тексту та же летопись определяет день гибели князя 28-м числом, субботним днем накануне праздника: «Убьень... месяца июня въ 28и день, канунъ святыхъ апостоль. День бе тогда субота». «Канун» — это день, предшествующий известному дню или празднику [21, кол. 1191], в узком смысле — вечернее время в предыдущий день, ознаменованное пением праздничного канона [1, с. 78; 19, с. 292]. Совершенно очевидно, здесь летописцем использован отсчет дня с полуночи.

(1, 2) Отсюда с однозначностью вытекает, что в датирующем высказывании «Постигыши бо ночи суботнии на память святую апостола Петра и Павла» совмещены два разных счета дня, что возможно только в случае принадлежности времени кончины князя Андрея и к тому, и к другому дню. Оборот «Постигыши бо ночи суботнии» относится к субботнему дню до полуночи, а святочное обозначение «на память святую апостола Петра и Павла» относится к богослужебному дню с заката солнца. «Пересечением» двух способов отсчета является время с заката солнца 28 июня до полуночи.

К прискорбию, историки не пожелали увидеть в свидетельствах летописного нарратива два разных счета и вследствие этого отвергли, как будто бы противоречащее всем другим свидетельствам и, следовательно, ошибочное, указание летописца Ипатьевского на 28 день месяца июня, пришедшийся на субботу [20, с. 145, 148; 2, с. 191–192, 314].

Различные временные обозначения, воспроизведенные в пространной редакции летописи Ипатьевской, в краткой редакции «Повести», наилучшим образом известной по Лаврентьевской летописи, были «суммированы» в объединяющей оба счета единой хронологической сводке: «Убьен же бысть месяца июня въ 29 день на память святою апостолу Петра и Павла в субботу на ночь» [15, стб. 369] (сложный вопрос о соотношении краткой и пространной редакции в настоящей работе не изучается). «Месяца июня въ 29 день на память святою апостолу Петра и Павла» отражает богослужебный счет, «в субботу на ночь» — счет календарный. Если не увидеть в этой развернутой датировке два способа счета, то можно снова прийти к мысли, что «Повесть об убиении князя Андрея» под 6683 г. суздальский летописец (или сводчик) поместил ошибочно, а на самом деле князя Андрея убили годом раньше, когда праздник апостолов Петра и Павла приходился на субботу. К такому выводу приходили практически все историки, однако в свете вышесказанного о календарных показаниях летописца южнорусского необходимо считать одинаково достоверными и указание Лаврентьевской редакции на 6683 г., и ее сведения о дне месяца, дне недели и времени суток.

Для полноты картины стоит привести еще фрагмент из «Жития» князя, демонстрирующий, каким было осмысление показаний древних памятников позднейшими книжниками («Житие» было составлено в начале XVIII в., после канонизации Андрея в 1701 г.; цитирование производится по сокращенной редакции, сохранившейся в списке XVIII или XIX в.): «Великому убо князю в Боголюбове бывшу в великокняжеском своем доме... от молитвеннаго своего труда почивающу. Окаяннии убийцы, дождавшися ноци, собрашася и взявше кииждо оружие свое, пришедше ко двору княжиему. [Далее следует схожее с летописным описание боя в опочивальне и убийства князя за лестницей.] ...И тако святыи благоверный великий князь Андрей Боголюбский... чистейшую свою и святою душу предаде в руце Божии в лето 6683-го года месяца иуниа против 29 дня в ноци на память святых и первоверховных апостол Петра и Павла» (цит. по: [8, с. 437–438]). «Против 29 дня» означает накануне 29-го дня.

Субботний покой

Сторонники датировки смерти князя ночью с пятницы на субботу и, следовательно, 1174 г. усматривают подтверждение своей позиции также в свидетельстве летописи о пятнице как дне, когда состоялось совещание заговорщиков [4, с. 77]: «Се же бысть въ пятницу на обеднии съветь лукавыи пагубоубиистьвенныи» [16, стб. 585]. В версии «Повести» по Тверскому сборнику уточняется, что решение устранить князя было принято на пиру в честь именин Петра, Кучкова зятя: «...окаанный той съветь у Петра, у Кучкова зятя, на пиру: бе бо имянины его» [17, стб. 251]. «Именинами» здесь назван день его рождения — 27 июня, а вовсе не день празднования соименного святого — апостола Петра, который пока не наступил. Недоумение вызывает лишь то, что все двадцать будущих убийц не смогли отложить празднование до дня настоящих именин — праздника апостолов Петра и Павла (надо думать, упомянутого Петра крестили на Петров день), которым завершался Петров пост. Судя по всему, постных времен для них вообще не существовало. Описание заговора в летописи заканчивается сообще-

нием, что привести его в действие решено было ночью: «И свещаша убиство на ночь, якоже Июда на Господа» [16, стб. 586]. Далее уже рассказывается о том, как с наступлением ночи заговорщики напали на князя: «И пришедши нощи, они же устремивъшеся, поймавъше оружья, поидоша на нь, яко зверье сверьпии» [16, стб. 586].

Летописец не говорит, что заговорщики планировали убийство именно в ночь, следующую за днем пятницы, а не вообще ночью. Исполнение преступного намерения было назначено на другую ночь — с субботы на воскресенье.

В гибели князя Андрея исследователями давно был замечен иудейский след [10, с. 76–85; 26, с. 569–570, 623]. Скорее всего, задержка на один день связана была с тем, что в пятницу после захода солнца начиналось время субботнего покоя у иудеев. Заканчивалось время покоя после захода солнца в субботу.

Думается, что назначение точного времени, когда всем заговорщикам надо было собираться, лежало в компетенции ключника «Амбала ясина», иудея-иноземца, которому Андрей вверил управление княжим дворцом. Именно Амбал, один из главных зачинщиков злодеяния (его имя идет вторым, после Петра Кучкова зятя, и при перечислении летописью заговорщиков, и в списке преданных церковному проклятию убийц Андрея [4, с. 70, 87]), незадолго до нападения выкрал из опочивальни князя меч святого Бориса, тем самым обезоружив его перед лицом двадцати вооруженных убийц: «Блаженны же въскочи, хоте взяти мечь, и не бе ту меча, бе бо томъ дни вынялы Амбаль ключникъ, его то бо мечь бяшетъ святого Бориса» [16, стб. 586–587]. Понятно, что в пятницу Амбал сделать этого не успел: он пиршествовал вместе с другими заговорщиками, в то время как князь мог находиться у себя. Затем наступил день субботнего покоя, когда нельзя делать никакого дела (Исх. 31: 15; 35: 2). А после захода солнца, когда князь Андрей еще не вернулся с праздничного вечернего богослужения, Амбал улучил момент и похитил оружие-реликвию. Можно догадываться, что вместо меча он засунул в ножны рукоятку, и пришедший вскоре усталый князь не заметил подмены.

Вспомним, как называл Амбала преданный князю киевлянин Кузьмище, плача над непокрытым мертвым телом: «И тече на место Кузьмище Киянинъ: “Оли нетуть князя, убьень!” <...> И нача плакати над нимъ Кузьмище... И прииде Амбаль ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа и надо всеми волю ему даль бяшетъ. И рече, възревъ на нь, Кузьмище: “Амбале, вороже! Сверзи коверъ ли, что ли, что постылати или чимъ прекрыти господина нашего”. И рече Амбаль: “Иди прочь! Мы хочемъ выверечи псомъ”. И рече Кузьмище: “О еретиче! уже псомъ выверечи! Помнишь ли, Жидовине, въ которыхъ порьтехъ пришелъ бяшетъ? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежить. Но молю ти ся: сверзи ми что любо!” — и сверже коверъ и корзно» [16, стб. 590–591].

О датировке погребения

Внимания биографов Боголюбского заслуживает расхождение между древнейшими Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, состоящее в обозначении дня его погребения. Тогда как редакция Ипатьевская, в которой представлено подробное изложение хода событий, относит церемонию погребения на шестой день по убиении Андрея, на пятницу («въ 6 день въ пятницу»), краткая версия летописи Лаврентьевской сохранила датировку пятым днем, четвергом: «Феодуль же Игумень святое Богородици Володимерьское с клирошаны, с Луциною чадью и с Володимерци ехаша по князя во Боголюбое, и взявше тело его въ 5 день въ четверк. Привезше его в Володимерь с честею, положиша и у чюдное и хвалы достойное у святыя Богородици Златоверхое, юже бе самъ создалъ» [15, стб. 370].

Означенное расхождение — исходя из предпосылки о достоверности сообщений обеих версий, полной и сокращенной — должно разрешить следующим образом. В четверг, в пятый день, шла подготовка: делегация владимирцев прибыла в Боголюбово и приготовила тело князя к переносу и погребению, а в пятницу, в день шестой, его торжественно перенесли и погребли в Успенском соборе Владимира.

В 1175 г. пятница пришлось на 4 июля. Напомним, что в этот же самый день, в 1157 г., Андрей Юрьевич был провозглашен суздальским князем. Вполне вероятно, что он ежегодно отмечал годовщину своего вокняжения вместе с памятью Андрея Критского, даже если критский святитель и не был его главным личным патроном. Поэтому для отдания последних почестей великому князю гораздо лучше подходил день его вокняжения, чем день, предшествующий ему. И произошло так, что почившего князя с честью проводили в последний путь, в Царство Небесное, в тот самый день, когда его с честью встретили здесь, вручив ему царство земное.

Для целей настоящей работы важно другое: определение шестого дня как пятницы, а пятого как четверга показывает, что оба древнейших летописных памятника — в дошедших до нас редакциях — сходятся в том, что первый день, с которого начался церковный отсчет, необходимый для определения третьего дня, девяти и сорочин, есть воскресенье, из чего следует, что князь Андрей погиб в канун именно воскресенья, а не в канун субботы, как предполагает большинство сторонников 1174 г.

Спустя непродолжительное время справедливая кара настигла убийц князя: Кучковичей и Амбала повесили и расстреляли из луков, пятнадцати другим отсекали мечом головы [10, с. 145–147]. Православная Церковь установила Андрею вечную память, а убийц предала проклятию, осудив на вечные муки в аду [4, с. 87].

Дата культурно-исторической памяти

Итак, князь Андрей скончался на исходе вечерних сумерек, которые, по древнерусскому счету, могли быть отнесены, как свидетельствуют показания летописей, и к 28 июня, и к 29 июня по старому стилю. Какой же из двух означенных дней должен быть избран календарной датой празднования культурно-исторической памяти Андрея Боголюбского? Коль скоро речь идет о праздновании гражданском, а не богослужебном, применить надлежит календарный счет с полуночи. По счету календарному Андрей погиб 28 июня, заведомо до полуночи. 28 июня — это датировка, записанная по старому (юлианскому) стилю. По новому (григорианскому) стилю — при его пролептическом распространении с XVI в. на XII в. — это 5 июля [20, с. 131]. Поскольку в современном гражданском обиходе принят счет времени по новому стилю, днем культурно-исторической памяти должно быть избрано 5 июля. В этот день и надлежит — на гражданском уровне — отмечать грядущий юбилей.

Время богослужебного празднования определяется иначе. Страдальческая кончина князя случилась в середине лета, когда сумерки наступают много позднее шести часов вечера. Поэтому датой богослужебной памяти, по логике вещей, должно было стать 29 июня по старому стилю: недаром все летописи относят Андрееву кончину к празднику двух первоверховных апостолов, но никак не ко дню памяти бессребреников Кира и Иоанна, чествуемых 28 июня по старому стилю. Однако богослужебный устав на великий праздник апостолов Петра и Павла не допускает соединения праздничного последования с иной месяцесловной памятью. Из-за этого совпадения Церковь в итоге приурочила богослужебную память князя Андрея к ближайшему дню памяти святого-тезки, к 4 июля по старому стилю (17 июля по новому стилю), посчитав сей день датой погребения или вероятным днем именин.

Стоит отметить, что традиция древней Церкви считала днем рождения в жизнь вечную и, соответственно, днем ежегодной памяти усопшего день его кончины. После причисления к лику святых день преставления ложился в основу церковного торжества. Празднование же в день погребения, когда человек окончательно уходил из видимого мира, могло устанавливаться лишь в случае неудобства празднования в самый день кончины.

Точно так Церковь поступила, к примеру, в отношении дня памяти благоверного князя Александра Невского, установив ее в святцах на 23 ноября, на день его погребения: Александр скончался в Городце-на-Волге 14 ноября 1263 г., в день памяти апостола Филиппа, открывающей Филиппов (Рождественский) пост, а погребен был во Владимире 23 ноября (считалось, что желательно избежать наложения друг на друга празднеств в церковном календаре).

Если же оказалось бы верным предположение, что день 4 июля по старому стилю является не только днем погребения, но еще и днем именин князя Андрея, то здесь надо было бы сказать, что назначение праздника новоявленному святому в день памяти того святого, которого он считал своим небесным патроном, — обычай широко распространенный и древний. Он являет собой продолжение — но в новом статусе — заупокойного поминовения святого почитателями его памяти в день его именин.

Заметим: сказанное в настоящей работе не следует расценивать как предложение изменить месяцесловную дату памяти благоверного князя Андрея.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

- 1 Князь Андрей Боголюбский был убит в вечерние сумерки 28 июня 1175 г. по старому стилю.
- 2 Дата культурно-исторической памяти князя Андрея Боголюбского должна быть установлена на 5 июля по новому стилю. В этот день в 2025 г. и надлежит отмечать 850-летний юбилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасий (Сахаров), еп.* О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. СПб.: Сатисъ, 1994. 238 с.
- 2 *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: АН СССР, 1963. 376 с.
- 3 *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // *История СССР.* 1963. № 3. С. 80–97.
- 4 *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slovene.* 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.
- 5 *Дмитриев Д. В.* Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1582 с.
- 6 *Звягин В. Н.* Великий князь Андрей Боголюбский: медико-криминалистическое исследование останков // XXI Междунар. Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых. Мат. конф. Москва, 25 января 2013 г. М.: Издат.-производств. центр «Русский раритет», 2013. С. 36–62.
- 7 *Карпов А. Ю.* Когда Андрей Боголюбский стал суздальским князем? // *Карпов А. Ю.* Исследования по истории домонгольской Руси. М.: Квадрига, 2014. С. 385–388.
- 8 *Карпов А. Ю.* Андрей Боголюбский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2020. 462 с.

- 9 *Колесов В. В.* Повесть о убиении Андрея Боголюбского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). С. 365–367.
- 10 *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Издат. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. 240 с.
- 11 *Кучкин В. А.* Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. С. 61–65.
- 12 *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987. 215 с.
- 13 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.
- 14 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
- 15 Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 488 стб.
- 16 Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. 648 с.
- 17 Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XV: Тверской сборник. 504 стб.
- 18 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. XXIII: Ермолинская летопись. 239 с.
- 19 *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М.: Тип. Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1914. Т. I. 679 с.
- 20 *Пронштейн А. П., Кияшко В. Я.* Хронология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981. 191 с.
- 21 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Имп. Акад. наук, 1893. Т. I: А–К. 1420 стб.
- 22 *Степанов Н. В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. М.: Синодальная тип., 1909. 74 с. (оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1909, кн. IV).
- 23 *Степанов Н. В.* К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1910. Кн. IV. С. 1–40.
- 24 *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М.: [б. и.], 1944. 93 с.
- 25 *Успенский Ф. Б.* К характеристике культа святых в династии Рюриковичей домонгольского времени // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб.: Алетейя, 2018. С. 253–260.
- 26 *Фроянов И. Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М.: Русский издат. центр, 2014. 1088 с.

© 2022. Igor A. Novitsky
Moscow, Russia

PRINCE'S TWILIGHT
To the 850th Anniversary of the Death of Andrey Bogolyubsky

Abstract: The paper comes up with an adjustment of chronological evidence concerning the death of the Great Prince Andrey Bogolyubsky which allows determining the time of his death and establishing an historical and cultural memorial date. According to the oldest Hypatian and Laurentian Chronicles, the Prince was murdered in the year 6683 since the creation of the world, according to the First Novgorodian Chronicle — in 6682 (which corresponds to the years 1175 and 1174 C. E.). In the chronicle “Tale of the murder of Andrey Bogolyubsky” the time of the Prince’s death is defined as Saturday night which falls, on the one hand, on the eve of Ss. Peter and Paul feast day, i. e. June 28th, and, on the other hand, on the very day of Ss. Peter and Paul, i. e. June 29th. Since Ss. Peter and Paul feast fell on Saturday in the year 1174, but not in 1175, the historians came to the conclusion that Prince Andrey died in 1174, but not in 1175. The author ascertains that the chronicle data on the date of murder combine different types of evidence reflecting different variants of day reckoning: the “calendar” variant — day begins at midnight, and the “church-service” variant — day begins on an average six hours earlier, at sunset. A careful analysis of the “Tale” made it possible to conclude that the whole evidence is perfectly congruent in the hypothesis of evening twilight on the eve of Sunday as the time of Prince’s murder. According to the Old Russian manner of day reckoning the time of twilight could belong to Saturday June 28th (“calendar” day reckoning) as well as to Sunday June 29th (“church-service” day reckoning). In contemporary society it is “calendar” day reckoning which is in common use and thus the day June 28th 1175 of old style (Julian) corresponds to the day July 5th 1175 of new style (Gregorian) which is to become a historical and cultural date for the memory of Andrey Bogolyubsky.

Keywords: Prince Andrey Bogolyubsky, “Tale about the Murder of Andrey Bogolyubsky”, Evening Twilight, Day Reckoning, Ss. Peter and Paul Feast, Memorial Date.

Information about the author: Igor A. Novitsky — Master of Theology, Independent Researcher, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5886-0554>

E-mail: ingvaringvar@mail.ru

Received: November 30, 2021

Approved after reviewing: December 29, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Novitsky I. A. Prince’s Twilight. To the 850th Anniversary of the Death of Andrey Bogolyubsky. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, 2022, vol. 66, pp. 53–66. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-53-66>

REFERENCES

- 1 Afanasii (Sakharov), ep. *Opominovenii usopshikh po Ustavu Pravoslavnoi Tserkvi* [On Prayers for the Dead according to the Orthodox Church Regulations]. St. Petersburg, Satis" Publ., 1994. 238 p. (In Russian)

- 2 Berezhkov N. G. *Khronologiia russkogo letopisaniia* [Chronology of Russian Chronicle Writing]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union, 1963. 376 p. (In Russian)
- 3 Voronin N. N. "Povest' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo" i ee avtor ["Tale about the Murder of Andrey Bogolyubskiy" and its Author]. *Istoriia SSSR*, 1963, no 3, pp. 80–97. (In Russian)
- 4 Gippius A. A., Mikheev S. M. "Ubiitsy velikogo kniazia Andreia": Nadpis' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Pereslavlja-Zalesskogo ["Assassins of the Great Prince Andrey": An Inscription about the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalessky]. *Slovene*, 2020, vol. 9, no 2, pp. 63–102. (In Russian)
- 5 Dmitriev D. V. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003. 1582 p. (In Russian)
- 6 Zviagin V. N. Velikii kniaz' Andrei Bogoliubskii: mediko-kriminalisticheskoe issledovanie ostankov [Great Prince Andrey Bogolyubskiy: Medical and Criminalist Study of his Remains]. In: *XXI Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniia. Proslavlenie i pochitanie sviatykh. Materialy konferentsii. Moskva, 25 ianvaria 2013 g.* [XXI International Christmas Educational Readings. Canonization and Worship of Saints. A Collection of Reports. Moscow, January 25th, 2013] Moscow, Izdatel'sko-proizvodstvennyi tsentr "Russkii raritet" Publ., 2013, pp. 36–62. (In Russian)
- 7 Karpov A. Iu. Kogda Andrei Bogoliubskii stal suzdal'skim kniazem? [When did Andrey Bogolyubskiy become Prince of Suzdal?]. In: Karpov A. Iu. *Issledovaniia po istorii domongol'skoi Rusi* [Studies on the History of pre-Mongol Rus']. Moscow, Kvadruga Publ., 2014, pp. 385–388. (In Russian)
- 8 Karpov A. Iu. *Andrei Bogoliubskii* [Andrey Bogolyubskiy]. 2nd ed. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2020. 462 p. (In Russian)
- 9 Kolesov V. V. Povest' o ubienii Andreia Bogoliubskogo [Tale about the Murder of Andrey Bogolyubskiy]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of Scribes and Book Knowledge of Old Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1987, Vol. I (XI – pervaiia polovina XIV v.) [(11 – the First Half of the XIV century)], pp. 365–367. (In Russian)
- 10 Krivosheev Iu. V. *Gibel' Andreia Bogoliubskogo: Istoricheskoe rassledovanie* [Andrey Bogolyubskiy's Death: Historical Investigation]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2003. 240 p. (In Russian)
- 11 Kuchkin V. A. Letopisnye povestvovaniia ob ubienii kn. Andreia Bogoliubskogo [Chronicle Narratives of the murder of Andrey Bogolyubskiy]. In: *Pis'mennye pamiatniki istorii Drevnei Rusi. Letopisi. Povesti. Khozhdeniia. Poucheniia. Zhitiia. Poslaniia: Annotirovannyi katalog-spravochnik* [Monuments of History of the Old Rus'. Chronicles. Tales. Itineraries. Sermons. Lives. Epistles. Annotated catalogue and guide], ed. by Ia. N. Shchapova. St. Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr "BLITs" Publ., 2003, pp. 61–65. (In Russian)
- 12 Limonov Iu. A. *Vladimiro-Suzdal'skaia Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Vladimir-Suzdal Rus': Essays on its Social and Political History]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 215 p. (In Russian)
- 13 *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov* [First Novgorodian Chronicle of Older and Younger Recensions]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 561 p. (In Russian)

- 14 Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language], ed. by N. Iu. Shvedovoi. 2nd ed., corr. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1984. 797 p. (In Russian)
- 15 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [A Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1927. Vol. I: Lavrent'evskaia letopis' [Laurentian Chronicle]. Vol. 2: Suzdal'skaia letopis' po Lavrent'evskomu spisku [A Laurentian Copy of Suzdal Chronicle]. 488 col. (In Russian)
- 16 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [A Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1998. Vol. II: Ipat'evskaia letopis' [Hypatian Chronicle]. 648 p. (In Russian)
- 17 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [A Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. XV: Tverskoi sbornik [Tver Collection]. 504 col. (In Russian)
- 18 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [A Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, Tipografiia M. A. Aleksandrova Publ., 1910. Vol. XXIII: Ermolinskaia letopis' [The Ermolin Chronicle]. 239 p. (In Russian)
- 19 Preobrazhenskii A. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Tipografiia G. Lissiera i D. Sovko Publ., 1910–1914. Vol. I. 679 p. (In Russian)
- 20 Pronshtein A. P., Kiiashko V. Ia. *Khronologiiia: uchebnoe posobie* [Chronology: a Manual]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1981. 191 p. (In Russian)
- 21 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikom* [Material for a Dictionary of Old Russian Language According to Written Monuments]. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1893. Vol. I: A–K. 1420 col. (In Russian)
- 22 Stepanov N. V. *Edinitsy scheta vremeni (do XIII veka) po Lavrent'evskoi i 1-i Novgorodskoi letopisiam* [Units of Time Reckoning (before 13 century) according to Laurentian and First Novgorodian Chronicles]. Moscow, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1909. 74 p. (ottisk iz “Chtenii v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete”, 1909, kn. IV [An impression from “Readings in the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University”, 1909, Book IV]). (In Russian)
- 23 Stepanov N. V. K voprosu o kalendare Lavrent'evskoi letopisi [On the Issue of Laurentian Chronicle Calendar]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 1910, book 4, pp. 1–40. (In Russian)
- 24 Cherepnin L. V. *Russkaia khronologiiia* [Russian Chronology]. Moscow, 1944. 93 p. (In Russian)
- 25 Uspenskii F. B. K kharakteristike kul'ta sviatykh v dinastii Riurikovichei domongol'skogo vremeni [On the Cult of Saints in the Riurikid Clan in Pre-Mongol Rus']. In: *Evropa sviatykh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty sviatosti v Srednie veka* [Europe of Saints. Social, Political and Cultural Aspects of Holiness in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2018, pp. 253–260. (In Russian)
- 26 Froianov I. Ia. *Drevniaia Rus' IX–XIII vekov. Narodnye dvizheniia. Kniazheskaia I vechevaia vlast': uchebnoe posobie* [Old Rus' in 9–13 centuries. Public Movements. Power of Prince and of Popular Assembly. A Manual]. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr Publ., 2014. 1088 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. Ф. Поломошнов

п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

© 2022 г. Л. А. Поломошнов

п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Аннотация: Либеральные российские реформы на рубеже тысячелетий актуализируют в национальном дискурсе проблему инокультурных заимствований. В статье на примерах концепций П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева анализируется связь между инокультурными заимствованиями и чертами национального характера, которые определяют отношение к другим культурам и отношение к качественным трансформациям общества. Во всех этих концепциях отражается противоречивость соответствующих черт национального характера. Позиция П. Я. Чаадаева противоречива. Если в «Философических письмах» он одновременно отмечает отсутствие новаторства и отсутствие почвенности у русского народа, то в «Апологии сумасшедшего» Чаадаев приписывает русскому народу, напротив, парадоксальное единство национального консерватизма и способности к новаторству. Ф. М. Достоевский усматривает в основе национального характера синтез национальной почвенности и всемирной отзывчивости. Н. А. Бердяев формулирует две антиномии русской души: 1) антиномию универсализма и национализма и 2) антиномию «безграничной свободы духа» и «неслыханного сервиллизма», не находя убедительного разрешения этих антиномий. Авторы приходят к выводу, что в результате взаимодействия инокультурных инноваций и связанных с их восприятием черт русского национального характера в нем актуализируются те или иные модусы антиномий, выявленных отечественными мыслителями. В результате в национальном характере формируется их определенный баланс, обеспечивающий специфическую историческую преемственность и устойчивость его архетипических структур.

Ключевые слова: национальный характер, Достоевский, Чаадаев, Бердяев, национальная идентичность, инокультурные заимствования.

Информация об авторах:

Андрей Федорович Поломошнов — доктор философских наук, профессор кафедры экономики, философии и социальных дисциплин, Донской государственной аграрный университет, ул. Кривошлыкова, д. 24, 346493 пос. Персиановский, Октябрьский р-н, Ростовская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

E-mail: paf1@mail.ru

Лев Андреевич Поломошнов — соискатель кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Днепровский пер., д. 116, 344065 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2107-9574>

E-mail: lgvel@mail.ru

Дата отправки статьи: 05.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Поломошнов Л. А. Национальный характер и инокультурные заимствования в зеркале отечественной мысли // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 67–80.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

Введение

В истории России, начиная с Киевской Руси, большую роль играют инокультурные заимствования: призвание варягов, принятие христианства, реформы Петра I, социалистические преобразования, вдохновленные марксизмом, наконец, современные либеральные реформы. Каждое из этих заимствований существенно влияло на становление и развитие национальной социокультурной самобытности российской цивилизации и вызывало противоречивые оценки в национальном самосознании. Либеральные реформы на рубеже тысячелетий привели к существенным трансформациям и российского общества, и культурно-психологической самобытности населения. Неоднозначные итоги этих реформ проблематизируют путь России в будущее и актуализируют проблему: почему мы постоянно, но не очень успешно, пытаемся заимствовать социокультурные формы и институты на Западе и пренебрежительно относимся к собственному опыту и традициям?

Проблема данной статьи может быть сформулирована следующим образом: каким образом связаны динамика национального характера и радикальные социокультурные трансформации российского общества в свете инокультурных заимствований?

Теоретическая основа исследования

В современном дискурсе сложились два основных подхода к понятию национального характера: социально-психологический и культурологический. Социально-психологический подход рассматривает национальный характер как феномен психологии больших групп — социальных и этнических.

При исследовании национального характера в рамках социально-психологического подхода возникает проблема интерпретации его статуса как собирательного или разделительного понятия. Н. О. Лосский по поводу этой проблемы писал: «Не следует думать, что общие свойства, которые удастся найти, принадлежат каждому русскому человеку» [12, с. 7]. Если интерпретировать национальный характер как собирательное понятие, выражающее обобщенные признаки всего народа, который состоит из различных социальных слоев и групп, то, естественно, нельзя приписывать эти признаки каждому отдельному члену этого сообщества. Интерпретация же национального характера как разделительного понятия создает неразрешимые проблемы, поскольку требует

приписывания определенного комплекса черт всем представителям народа и каждому из них в отдельности.

Культурологический подход связывает национальный характер с культурной самобытностью народа и рассматривает его как одну из форм проявления национальной культурной идентичности в психическом складе народа. В рамках культурологического подхода «национальный характер можно понять лишь в соотношении с общей системой ценностей, зависящей от социально-экономических и географических условий, от общей культуры нации, образа жизни ее народа» [14, с. 19].

При этом необходимо проводить различие между представлением о национальном культурно-психологическом складе в национальном самосознании на уровне общественной идеологии или общественной психологии и реальными культурно-психологическими особенностями народа.

Соединяя социально-психологический и культурологический подходы к национальному характеру, можно рассматривать его как культурно-психологическую самобытность или идентичность народа, с одной стороны, определяемая самобытностью его культуры и истории, с другой стороны, являющаяся элементом и фактором этой самобытности. И. В. Храмов рассматривает национальный характер как «специфическое социальное образование, представляющее собой совокупность идей, интересов и ценностей, чувств и настроений, отражающих место нации как субъекта истории» [18, с. 9].

При постижении русского национального характера нужно исходить из его отмечаемой всеми отечественными и зарубежными исследователями противоречивости, формирующейся, проявляющейся и развивающейся в контексте истории русского народа, в которой ключевую роль играют эпохи радикальных социокультурных трансформаций российского общества.

Рассматривая тему национального характера в контексте отечественной истории, невозможно обойти вниманием проблему его динамики. В этой проблеме есть две стороны. Первая сторона — определение степени и характера, и конкретного баланса его пластичности, изменчивости и устойчивости, постоянства под влиянием инокультурных заимствований и резких социокультурных трансформаций. Меняют ли эти трансформации национальный характер, и насколько существенно, или же он к ним приспособливается и по-своему перерабатывает, сохраняя свои существенные черты?

Вторая сторона проблемы связана с выяснением качеств национального характера, определяющих отношение русского народа к реформам и инокультурным заимствованиям. Легок ли русский народ на подъем, перемены и перенятие чужих культурных форм, или, напротив, консервативен и закрыт?

В этой связи можно выделить три группы качеств русского национального характера: 1) качества, определяющие отношение к другим, иным культурам и народам, 2) качества, определяющие общее отношение русского народа к каким-либо серьезным социокультурным переменам и трансформациям, 3) качества, определяющие отношение русского народа к собственным цивилизационным и историческим корням, традициям и устоям.

Обе стороны проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера связаны друг с другом. Эту связь можно интерпретировать как прямую детерминацию. Если русский народ легок на перемены и заимствования, то и его национальный характер, очевидно, пластичен. Если же русский народ закрыт и консервативен, то и его национальный характер устойчив и мало изменчив.

Однако эта связь далеко не прямая и очевидная. Возможны различные модели баланса открытости и закрытости, стабильности и изменчивости национального характера. В связи с очередным современным историческим циклом радикальных реформ и инокультурных заимствований в России, отечественная мысль в новых условиях решает проблему баланса стабильности и изменчивости русского национального характера. С. А. Магарил формулирует проблему в предельно острой форме: «Сохранил ли народ России к началу XXI в. базовые черты национального характера?... Или, вследствие утраты национальной идентичности, как опасались Н. Данилевский и Ф. Достоевский, для русского народа оказалась реальна угроза “распуститься в этнографический материал” и, ввиду утраты политической воли, постепенно сойти с исторической сцены?» [13, с. 35]

В современном отечественном дискурсе по проблеме баланса стабильности и изменчивости национального характера в контексте отечественной истории доминирует подход, который подчеркивает устойчивость национального характера и стремится эксплицировать некий инвариантный, архетипический комплекс черт, не подверженный существенным историческим трансформациям. В рамках этого подхода сложились две позиции. Первую позицию можно определить как умеренный исторический оптимизм, подчеркивающий неизменность базовых черт национального характера, несмотря на все исторические метаморфозы российского общества. Примером такого оптимизма является позиция В. Аксючица: «Вопреки невиданным историческим испытаниям русский национальный характер в основах своих неистребим, до тех пор, пока жив народ» [1]. Этой же позиции придерживается и М. К. Горшков, который отмечает: «На протяжении столетий формировались основы нашей нравственности: общинность, соборность, коллективизм, приоритет духовного над материальным, доброта и скромность в отношениях с людьми и т. д. Сегодня наше настоящее и будущее зависит от того, останется ли Россия самой собой и сохранит ли эти ценности» [6, с. 11]. Выделение инвариантных, неизменных традиционных качеств российской цивилизационной идентичности как основы устойчивости национального характера является наиболее распространенным, почти типовым методологическим подходом в современной отечественной мысли. В. Ф. Шаповалов концентрирует внимание на устойчивых инвариантах российской цивилизационной идентичности, в том числе и в сфере национального психологического склада. «Инварианты характера цивилизации наиболее отчетливо выражаются в присущих ему образах и моделях. Именно на пути выявления и описания данных образов и моделей <...>, а не на пути теоретически невозможного раскрытия всего многообразия индивидуальных характеров людей и бесконечного многообразия мира человеческой психики возможно изучение характера цивилизации» [21, с. 45].

И. В. Кондаков рассматривает национальный менталитет как сложную и устойчивую надындивидуальную культурную структуру, обладающую исторической стабильностью: «Как правило, черты, определяющие ментальность той или иной цивилизации, в отличие от идеологических, социально-политических, религиозно-конфессиональных и иных культуротворческих факторов, отличаются большой стабильностью и не изменяются столетиями, а, появившись однажды в цивилизационной парадигме, уже больше не покидают ее» [11, с. 23].

Вторая позиция по проблеме баланса стабильности и изменчивости национального характера может быть определена как **культурно-исторический алармизм**, акцентирующийся на угрозе деструкции русской культурно-психологической идентичности и разрушения фундаментального культурно-психологического комплекса тради-

ционного национального характера. Эта позиция характерна для А. И. Солженицына, который с горечью констатирует: «Давние черты русского характера — какие добрые потеряны, а какие уязвимые развились — они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века... Может быть — это только нынешний распад? Или свойство, врезанное в нас советскими десятилетиями?» [16, с. 172–173].

Умеренный алармизм обосновывает также С. А. Магарил, ссылаясь на глубинный архетипический раскол российского общества, существующий на протяжении всей российской истории: «...авторитаризм, абсолютизм, этакратизм вверху и общинный коллективизм внизу» [13, с. 37].

Взвешенный и научно обоснованный алармизм характерен и для масштабного исследования научного коллектива под руководством С. С. Сулакшина, в котором на базе обширного статистического материала и экспертных оценок делается тревожный вывод: «Деградация человеческого капитала, проявляющаяся в эрозии идейно-духовного состояния общества, является объективной реальностью современной России» [15, с. 1808].

Особое место в современном дискурсе динамичности национального характера занимает позиция, предложенная С. Н. Амельченко, сводящаяся к тому, что в современных условиях происходит деструкция архетипической структуры национального характера: «Деструкция ментального кода российской постсоветской культуры устранила основу идентификации ее субъектов, введя ее в состояние кризиса и поставив под сомнение ее способность давать ответы на исторические вызовы будущего» [2, с. 179].

В контексте современного отечественного дискурса проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера представляет интерес анализ некоторых сложившихся в истории отечественной мысли концепций взаимосвязи динамики национального характера с его качествами, определяющими отношение русского народа к социокультурным трансформациям и инокультурным заимствованиям.

П. Я. Чаадаев: критика национального характера

Обращаясь к идеям П. Я. Чаадаева, необходимо учитывать, что свои взгляды, изложенные в «Философических письмах», мыслитель существенно пересматривает в «Апологии сумасшедшего». В «Философических письмах» главной чертой русского национального характера, по его мнению, является историческая беспочвенность, отсутствие каких-либо прочных цивилизационных устоев и традиций: «Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага... все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас» [20, с. 36].

Беспочвенность русского народа проявляется двояко. Во-первых, в отсутствии внутренней преемственности в интеллектуальном и духовном развитии народа. Во-вторых, в отсутствии способности воспринимать духовные уроки более развитых цивилизаций. «Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесшие его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире, — не оказали на нас никакого влияния» [20, с. 36].

Беспочвенность делает жизнь русского народа бессмысленным прозябанием вне исторического времени, вне внутреннего естественного прогресса. «У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем: движемся вперед, но по кривой линии, то есть такой, которая не ведет к цели» [20, с. 38].

Беспочвенность как национальная черта ведет, таким образом, к неспособности к прогрессу, к инновациям. Парадоксальным образом Чаадаев, характеризуя отношение русского народа к социокультурным переменам, одновременно приписывает русскому народу отсутствие обеих сторон соответствующей антиномии: отсутствие новаторства и отсутствие косности, традиционализма.

В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев меняет свои оценки качеств национального характера, связанных с инокультурными заимствованиями, почти на противоположные. Такой ход радикальной перемены собственных взглядов, или внутреннего противоречия самому себе, характерен не только для Чаадаева, но и для многих русских мыслителей. Теперь Чаадаев приписывает русскому народу, напротив, парадоксальное единство национального консерватизма и способности к новаторству. С одной стороны, мыслитель отмечает отсутствие национальных традиций и инокультурные заимствования. «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована» [19, с. 137]. Причем мыслитель отмечает эффективность этих заимствований: «Мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа» [19, с. 146].

Чаадаеву в итоге не удалось преодолеть собственные противоречивые оценки качеств национального характера, связанных с инокультурными заимствованиями потому, что он не основывал их на признании самобытной социокультурной идентичности российской цивилизации.

Ф. М. Достоевский:

почвенничество и всемирная отзывчивость русского народа

Своеобразным антиподом П. Чаадаева, обвинившего русский народ в беспочвенности, является почвенник Ф. М. Достоевский, который усматривает в основе национального характера единство традиционализма и всемирной отзывчивости. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [10, с. 536].

В основу единства национального консерватизма, как верности национальным самобытным устоям, и всемирной отзывчивости, как способности к восприятию и творческой переработке инокультурного опыта, обогащающей нашу собственную культурную самобытность, Достоевский кладет такую фундаментальную черту национальной идентичности, как православную христианскую религиозность. Однако эту религиозность он интерпретирует в духе некоего христианского всемирного общечеловеческого единения, которое является, по мысли писателя, нашей национальной идеей. «...У нас всех, есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными» [9, с. 372].

То, что русский народ привержен православию, не вызывает сомнений, но толкование этой приверженности в духе навязываемой народу общечеловеческой миссии, как русской национальной идеи — это ничем не обоснованный, произвольный постулат мыслителя.

Достоевский, определяя отношение русского народа к инокультурным инновациям, обратил внимание на внутренний раскол российского общества, порожденный реформами Петра I, на разъединение подавшегося внешнему формальному заимствованию западных культурных форм и начал высшего слоя и власти с народом, который остался приверженцем традиционных русских начал. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом» [8, с. 6].

Достоевский обоснованно замечает неэффективность поверхностных западных заимствований высших сословий, которые в итоге все равно не сделались европейцами, но обособились от народа. «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами» [8, с. 6].

Почвенничество Достоевского состоит в призыве к преодолению этого культурного раскола, к возвращению высших слоев российского общества к национальным началам. «Наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [8, с. 7].

Конечно, Достоевский был далек от крайностей русского национализма, отвергающего и презирающего все чуждое, иноземное, отрицающего любые инокультурные инновации. Напротив, он подчеркивал русскую способность к всемирной отзывчивости, но не рассматривал эту отзывчивость как форму национального самоуничтожения и слепого копирования чужого опыта. Он призывал просвещенные высшие слои российского общества стать русскими. «Стать русскими во-первых, и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой» [7, с. 375].

Антиномии русской души Н. Бердяева

Ярче всего противоречивость русского национального характера получила отражение во взглядах Н. Бердяева. «Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [5, с. 9].

Характеризуя отношение русского народа к другим культурам и народам, Бердяев формулирует антиномию тезиса сверхнационализма, универсализма, с одной стороны, и антитезиса крайнего национализма и национального высокомерия, с другой стороны. Утверждая тезис сверхнационализма, универсализма, Бердяев видит в нем одну из ярчайших национальных особенностей, а в качестве обоснования тезиса приводит типичную позицию русской интеллигенции: «Сверхнационализм, универсализм — такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма» [5, с. 13].

С другой стороны, Бердяев приписывает необычайное русскому народу национальное самомнение, шовинизм и самовознесение, национальный эгоизм. «Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой» [5, с. 14]. Обоснованием антитезиса здесь у Бердяева является в основном русификаторская политика властей и самомнение Русской православной церкви. Очевидно, что на самом деле антиномии здесь нет. Русская интеллигенция и часть народа при-

вержены универсализму (интернационализму), а российские правящие круги и часть образованного общества — великодержавному национализму.

Анализируя отношение русского народа к реформам и переменам, Бердяев выдвигает тезис о катастрофичности и прерывистости отечественной истории, развивавшейся путем резких социокультурных трансформаций. «Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации» [3, с. 7]. Таким образом, русскому народу присуща, если не склонность, то способность к социокультурным трансформациям и инновациям. Правда, эти трансформации существенно влияют на национальный характер и национальную историю. Одним из негативных последствий прерывности современной русской истории, по Бердяеву, стал культурный раскол между высшими слоями общества и народом. «Дело Петра создало пропасть между полицейским абсолютизмом и священным царством. Произошел разрыв между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования» [4, с. 45].

В отношении русского народа к собственным цивилизационным и историческим корням, традициям и устоям Н. Бердяев выдвигает антиномию «безграничной свободы духа» и «неслыханного сервиллизма» и «жуткой покорности». Тезис утверждает, что «Россия страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия — самая не буржуазная страна в мире» [5, с. 16]. Для обоснования тезиса Бердяев ссылается на русский тип странника. «Странник — самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника» [5, с. 17].

Но не все ведь русские люди странники, и, если бы все были странники, кто бы тогда создавал материальную основу русского общества. Антитезис Бердяева утверждает не просто жуткую косность и неподвижность российского общества, но приверженность как высших слоев общества, так и части народа самым узким, материальным корыстным интересам и консерватизму, связанному с худшими чертами российской жизни. «Россия — страна неслыханного сервиллизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти» [5, с. 18].

В целом, опыт описания антиномичности русского национального характера Бердяевым показывает, что сформулированные им антиномии не вполне корректны как в логическом, так и в историческом смысле, так как тезисы и антитезисы он приписывает разным слоям или группам российского общества. Учитывая этот опыт, необходимо рассматривать черты национального характера, связанные с инокультурными заимствованиями, в исторической динамике и конкретно-историческом контексте.

Обсуждение результатов

Отношение к другим, иным культурам и народам в русском национальном характере связано с такими противоречивыми парами качеств, как отзывчивость (интернационализм) и национальный эгоизм, открытость (готовность и способность воспринимать чужое) и закрытость (упорное отстаивание национальной самобытности, неприятие чужого, инокультурного), национальное самоуничтожение (низкопоклонство перед инокультурным) и национальная гордость, доходящая до национального высокомерия. Что касается отношения к переменам, можно выделить противоречие новаторства и консер-

ватизма. По отношению к собственным корням, традициям и устоям мы имеем антиномию почвенности и беспочвенности, в которой получает выражение интегральное качество русского национального характера, объединяющее отношение к иным культурам и отношение к социокультурным трансформациям.

Почвенность предполагает наличие в национальном характере устойчивых архетипических структур — основ национальной социокультурной идентичности, общенациональных устоев и ценностей и их последовательное сохранение и отстаивание, приверженность исторической самобытной основе и традициям. Беспочвенность — отсутствие устойчивых архетипических структур национального характера или отказ от их последовательного сохранения и отстаивания, нигилистическое отношение к самобытной национальной истории и традициям.

Противоречивость соответствующих качеств национального характера в оценках отечественных мыслителей не позволяет однозначно определить, способствуют ли качества национального характера инокультурным заимствованиям, или же затрудняют их.

Однако если подходить к этим альтернативам с позиций российской истории, то противоречивость национального характера, фиксируемая многими отечественными мыслителями, на самом деле является эффективным исторически конкретным и динамичным синтезом внешне антиномичных пар соответствующих качеств. Этот синтез позволяет эффективно усваивать инокультурные заимствования, но адаптируя их к национальной социокультурной самобытности и тем самым обогащая и развивая ее.

Периодические циклы инокультурных инноваций, причем не только западных, но и восточных, в России актуализируют в русском национальном характере соответствующие антиномичные пары черт, определяя сложное взаимодействие: всемирной отзывчивости и национального русского традиционализма, универсализма и национализма, новаторства и консерватизма, почвенности и беспочвенности. Инокультурные заимствования в целом поверхностно влияют на русский национальный характер, трансформируя некоторые его внешние проявления, но не сущность. Архетипические структуры национального характера и национальной культурной идентичности, корнящиеся не только в народных массах, но и в верхних слоях российского общества, остаются относительно устойчивыми, поскольку обусловлены историческими инвариантами российской цивилизационной идентичности.

В то же время социальные и культурные трансформации российского общества, в том числе инспирированные инокультурными заимствованиями, порождают новые типы характеров или новые черты в старых типах характера, но в них сохраняются пласты старых типов, а общая палитра национальных типов растет и усложняется. Старые национальные типы не исчезают, а трансформируются, приспособляясь к новой реальности.

Каждый исторический период социокультурных трансформаций порождает трансформации старых типов национального характера, а также новые национальные типы и очередные пласты в архетипической структуре русского национального характера.

Наиболее четко эту идею проводит Г. П. Федотов, предложивший полярно-структурный метод постижения русского национального характера. Признавая трудность сведения разнообразных национальных типов личности к единому образу, Федотов видит выход «в отказе от ложного монизма и в изображении коллективной души

как единства противоположностей. Чтобы не утонуть в многообразии, можно свести его к полярности двух несводимых далее типов... При более пристальном рассмотрении каждый из центров национальной души представляется сам сложным многоединством» [17, с. 172].

Сам Г. П. Федотов выделял несколько исторических национальных типов, образующих своеобразные геологические пласты национального характера: московский человек, имперский человек и новый тип, рожденный революцией.

В контексте такого подхода к исторической динамике национального характера может быть предложена модель динамического волнообразного колебания пластичности и косности (устойчивости) национального характера, согласно которой каждая из этих противоположных сторон периодически доминирует. Под влиянием радикальных социокультурных трансформаций общества, инспирированных инокультурными заимствованиями, наступает стадия доминирования лабильности, пластичности национального характера. Однако затем приходит время обратного движения в сторону возрождения, восстановления и укрепления традиционных, дореформенных черт характера. На третьем этапе формируется своеобразный синтез или симбиоз новых и старых, традиционных черт национального характера и национальных типов. Данная модель является гипотетической и дискуссионной. Однако она объясняет механизм динамики национального характера в контексте отечественной истории. Этот механизм обеспечивает интеграцию российской культуры в мировую культуру, но без утраты национальной идентичности и самобытности.

Выводы

При решении проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера необходим учет социальной стратификации российского общества. Русский национальный характер необходимо дифференцировать в соответствии с этой стратификацией и рассматривать не как единый культурно-психологический тип личности, а как некую палитру самобытных национальных типов. Отсюда следуют различия баланса динамичности и устойчивости национального характера. Народные массы более закрыты для перемен, консервативны и устойчивы, а социальные верхи более открыты и пластичны. Русский народ податлив на заимствования, но не податлив на трансформации глубинных пластов своего характера.

В национальном характере можно выделить три группы качеств, связанных с инокультурными заимствованиями, которые в отечественном дискурсе оцениваются противоречиво, как единство универсализма и национализма, новаторства и консерватизма, почвенности и беспочвенности. Сторонники национальной самобытности акцентируют в этих антиномиях традиционалистский тезис, а сторонники европейской интеграции России — реформаторский антитезис.

Решение проблемы связи между национальным характером и инокультурными инновациями дает не столько дискуссия условных славянофилов и западников, сколько реальная российская история, отражением которой является борьба альтернативных подходов в отечественном философском самосознании.

Взаимодействие инокультурных инноваций и русского национального характера определяется общей логикой модернизационного процесса и является способом культурно-исторического развития российского общества и национального характера, обеспечивающим специфическую историческую преемственность и устойчивость отечественных архетипических структур: державности, духовности и соборности. Нацио-

нальный характер, как и самобытная российская цивилизация в целом, воспринимает и эффективно усваивает только те инокультурные инновации, которые не противоречат его архетипическим основам и рано или поздно, резко или мягко, но отторгает те, которые им противоречат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аксюциц В.* О русском национальном характере // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/87.html> (дата обращения: 04.03.2021).
- 2 *Амельченко С. Н.* Деконструкция ментального кода российской культуры в контексте глобализации // *Философия и культура*. 2013. № 2 (62). С. 171–181.
- 3 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- 4 *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- 5 *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 208 с.
- 6 *Горшков М. К.* Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // *Власть*. 2014. № 11. С. 8–12.
- 7 *Достоевский Ф. М.* Мы в Европе лишь Стрюцкие // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 372–376.
- 8 *Достоевский Ф. М.* Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 5–11.
- 9 *Достоевский Ф. М.* Примирительная мечта вне науки // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 368–372.
- 10 *Достоевский Ф. М.* Пушкин (очерк) // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 523–537.
- 11 *Кондаков И. В.* Ментальная доминанта российской цивилизации // *Философские науки*. 2000. № 3. С. 23–32.
- 12 *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 152 с.
- 13 *Магарил С. А.* К вопросу о русском национальном характере // *Современная научная мысль*. 2014. № 2. С. 34–48.
- 14 *Моисеева Н. А.* Национальный характер как основа объективации жизненных ценностей русской национально-духовной культуры // *Вопросы культурологии*. 2011. № 5. С. 18–23.
- 15 Национальная идея России: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!», или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так. В 6 т. // В. И. Якунин и др.; под общ. ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 1499–2198.
- 16 *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. 208 с.
- 17 *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. 352 с.
- 18 *Храмов И. В.* Национальный характер и его ментальные основания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.
- 19 *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1987. С. 134–146.
- 20 *Чаадаев П. Я.* Философические письма: письмо первое // *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1987. С. 33–49.
- 21 *Шаповалов В. Ф.* Россиеведение: учебн. пособ. для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 576 с.

© 2022. **Andrey F. Polomoshnov**
Persianovsky, Rostov region, Russia

© 2022. **Lev A. Polomoshnov**
Persianovsky, Rostov region, Russia

**NATIONAL CHARACTER
AND FOREIGN CULTURAL
BORROWINGS IN THE LIGHT OF DOMESTIC THOUGHT**

Abstract: Liberal Russian reforms at the turn of the millennium actualize the issue of foreign cultural borrowing in the national discourse. The study, using examples of P. Ya. Chaadaev, F. M. Dostoevsky and N. A. Berdyaev analyzes the relationship between foreign cultural borrowings and traits of national character, which determine the attitude towards other cultures and towards qualitative transformations of society. All these concepts reflect the inconsistency of the respective features of the national character. The position of P. Ya. Chaadaev is contradictory. Whereas in *Philosophical Letters* he simultaneously ascribes to the Russian people a lack of innovation and a lack of soil, in *Apology of the Madman*, on the contrary, he sees in the Russian people a paradoxical unity of national conservatism and the ability to innovate. F. M. Dostoevsky perceives the basis of our national character a synthesis of national soil and universal responsiveness. N. A. Berdyaev formulates two antinomies of the Russian soul: 1) the antinomy of universalism and nationalism and 2) the antinomy of “boundless freedom of spirit” and “unheard-of servility”, without finding a convincing solution to these antinomies. The authors come to the conclusion that as a result of the interaction of foreign cultural innovations and the traits of the Russian national character associated with their perception, certain modes of antinomies identified by Russian thinkers are actualized in it. As a result, the national character informs a certain balance, providing a specific historical continuity and stability of its archetypal structures.

Keywords: national character, Dostoevsky, Chaadaev, Berdyaev, national identity, foreign cultural borrowings.

Information about the authors:

Andrey F. Polomoshnov — DSc in Philosophy, Professor, Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines, Don State Agrarian University, Krivoslykova St., 24, 346493 the village of Persianovsky, Oktyabrsky Dist., Rostov region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

E-mail: paf1@mail.ru

Lev A. Polomoshnov — Post-graduate Student, Department of History of Foreign and National Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Dneprovskiy per., 116, 344065 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2107-9574>

E-mail: lgvel@mail.ru

Received: March 05, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Polomoshnov A. F., Polomoshnov L. A. National Character and Foreign Cultural Borrowings in the Light of Domestic Thought. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 67–80. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

REFERENCES

- 1 Aksiuchits V. O russkom natsional'nom kharaktere [On Russian National Character]. In: *Pravoslavie.Ru*. Available at: <https://pravoslavie.ru/87.html> (Accessed 04 March 2021). (In Russian)
- 2 Amel'chenko S. N. Dekonstruksiia mental'nogo koda rossiiskoi kul'tury v kontekste globalizatsii [Deconstruction of the Mental Code of Russian Culture in the Context of Globalization]. *Filosofia i kul'tura*, 2013, no 2 (62), pp. 171–181. (In Russian)
- 3 Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russian)
- 4 Berdiaev N. A. *Russkaia ideia* [Russian Idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 318 p. (In Russian)
- 5 Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 208 p. (In Russian)
- 6 Gorshkov M. K. Problemy natsional'noi bezopasnosti v informatsionnom obshchestve [National Security Problems in the Information Society]. *Vlast'*, 2014, no 11, pp. 8–12. (In Russian)
- 7 Dostoevskii F. M. My v Evrope lish' Striutskie [We are merely Stryutskys in Europe]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 372–376. (In Russian)
- 8 Dostoevskii F. M. Ob"iavlenie o podpiske na zhurnal "Vremia" na 1861 god [Announcement of Subscription to "Vremya" Magazine for 1861]. In: Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol. 11, pp. 5–11. (In Russian)
- 9 Dostoevskii F. M. Primiritel'naia mechta vne nauki [A Conciliatory Dream outside of the Science]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 368–372. (In Russian)
- 10 Dostoevskii F. M. Pushkin (oчерk) [Pushkin (essay)]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 523–537. (In Russian)
- 11 Kondakov I. V. Mental'naia dominanta rossiiskoi tsivilizatsii [Mental Dominant of Russian Civilization]. *Filosofskie nauki*, 2000, no 3, pp. 23–32. (In Russian)
- 12 Losskii N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian People]. Frankfurt-na-Maine, Posev Publ., 1957. 152 p. (In Russian)
- 13 Magaril S. A. K voprosu o russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian National Character]. *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, 2014, no 2, pp. 34–48. (In Russian)
- 14 Moiseeva N. A. Natsional'nyi kharakter kak osnova ob"ektivatsii zhiznennykh tsennostei russkoi natsional'no-dukhovnoi kul'tury [National Character as the Basis for Objectification of Life Values of Russian National-spiritual Culture]. *Voprosy kul'turologii*, 2011, no 5, pp. 18–23. (In Russian)
- 15 *Natsional'naia ideia Rossii: "Moia strana dolzhna byt', i dolzhna byt' vseгда!", ili O tom, chto dolzhny delat' vlast' i obshchestvo, chtoby eto bylo tak: v 6 t.* [The National

- Idea of Russia: “My Country should be, and should Always be!”, Or On what the Authorities and Society should do to make it so: in 6 Vols.]. V. I. Iakunin and other; ed. by S. S. Sulakshina. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012, vol. 3, pp. 1499–2198. (In Russian)
- 16 Solzhenitsyn A. I. *Rossiia v obvale* [Russia in a Landslide]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 208 p. (In Russian)
- 17 Fedotov G. P. *Pis'ma o russkoi kul'ture* [Letters about Russian Culture]. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Sofiia Publ., 1991. Vol. 2. 352 p. (In Russian)
- 18 Khramov I. V. *Natsional'nyi kharakter i ego mental'nye osnovaniia* [National character and its mental foundations: PhD Thesis, Summary]. Stavropol', 2004. 22 p. (In Russian)
- 19 Chaadaev P. Ia. *Apologiia sumasshedshego* [Apology for a Madman]. In: Chaadaev P. Ia. *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 134–146. (In Russian)
- 20 Chaadaev P. Ia. *Filosoficheskie pis'ma: pis'mo pervoe* [Philosophical Letters: Letter One]. In: Chaadaev P. Ia. *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 33–49. (In Russian)
- 21 Shapovalov V. F. *Rossievedenie: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Russian Studies: a Textbook for Universities]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2001. 576 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

УДК 008+392

ББК 63.5+71.05

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. А. Запека

г. Москва, Россия

УЧЕНИЕ О КОММЮНОТАРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЗДНЕГО Н. А. БЕРДЯЕВА

Аннотация: В работе «О рабстве и свободе человека», написанной и изданной уже в эмиграции, мы встречаем у Н. А. Бердяева такое понятие, как «коммунотарность»: «...личность человеческая должна быть в свободном общении, в свободной общности, в коммунотарности, основанной на свободе и любви». Понятие коммунотарности близко к понятию соборности, которая, по словам Бердяева, стала «творческим открытием» А. С. Хомякова. Соборность в понимании Хомякова есть прежде всего органическое единство в свободе на основе взаимной любви. Идею коммунотарности нельзя считать главной в бердяевской философии (как то соборность у Хомякова), но он отводил ей в своих построениях далеко не последнее место. «Коммунотарность» и «соборность» — понятия близкие, но вряд ли их стоит рассматривать как совершенно тождественные. Бердяев соотносит понятие «коммунотарность» с понятиями «коллектив» и «соборность». Коммунотарность есть общность и общинность личностей, она персоналистична, тогда как в «коллективной реальности» человек перестает быть высшей ценностью. Пафос свободы Бердяева много сильнее того, который присущ Хомякову. Поэтому и в трактовке отношения «свобода — соборность», «свобода — коммунотарность» приоритеты Хомякова и Бердяева не совпадают. Бердяев связывает свой персонализм с идеей коммунотарности: личность коммунотарна, она раскрывает свой образ через проникновение личностью Божественной и через проникновение другой человеческой личностью. Свобода представляется Бердяеву главным условием становления и самого существования человека как личности; именно свобода позволяет человеку определиться в его неповторимом бытии. Утверждение коммунотарности как третьей свободы, наряду с различаемыми Бердяевым свободой иррациональной, избирающей (первой) и свободой разумной, просветленной (второй), не является бесспорным, и все же с ним можно согласиться.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, свобода, коммунотарность, А. С. Хомяков, личность, соборность, персонализм.

Информация об авторе: Оксана Анатольевна Запека — кандидат философских наук, заведующая кафедрой славяноведения и культурологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. E-mail: zana5@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 10.05.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Запека О. А. Учение о коммюнитарности в творчестве позднего Н. А. Бердяева // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 81–87.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

Философское творчество Н. А. Бердяева представляет собой стремление выразить при помощи образно-художественных средств внутренний опыт, передать то, что открывает ему некий глубинный голос. Все темы, вызывающие интерес философа, глубоко им переживаются и приобретают личностную окраску. Бердяев «не только не стремится избежать субъективности, эмоциональной пристрастности своей мысли — напротив, он сознательно ее подчеркивает; он всегда пишет не только свое — о чем бы он ни говорил, он пишет о себе, ибо все относит к себе и понимает именно через это отнесение» [5, с. 4].

Бердяев «произошел из свободы», ее он почитал своей родительницей. Его обостренное чувство личности, личного достоинства питала именно эта свобода: «все, что я утверждал, я утверждал после свободы и из свободы», поскольку «опыт свободы есть первичный опыт» [1, с. 51]. В «Самопознании» Бердяев не раз уточняет значение свободы: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Самое состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности, нерешительности, даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем» [1, с. 56].

Н. А. Бердяев полагал возможным решение проблемы свободы только в рамках христианской философии, которая есть философия свободы, и исходить при этом следует «из идеи Богочеловечества». По его мнению, построить решение проблемы свободы лучше всего удалось бы русской религиозной философии, понимающей свободу «как индетерминизм и бесконечность».

Бердяева интересовало более всего объяснение связи его типа философского мирозерцания с типом его «душевной и духовной структуры». Именно эта связь обуславливала, по мнению Бердяева, экзистенциальный характер его философствования. В этой связи русский мыслитель отмечал: «...философия связана была для меня с моей судьбой, с моим целостным существованием, в ней присутствовал познающий как существующий. Я всегда хотел, чтобы философия была не о чем-то, а чем-то, обнаружением первоальности самого субъекта» [1, с. 88].

Позиция Бердяева формировалась как ответ на вызов времени. Большинство его антропологических и историсофских пророчеств до сих пор остаются в силе. Бердяев одним из первых в XX в. выступил с критикой «массового общества». Как точно заметила Р. А. Гальцева, Бердяев «стремится сохранить аристократизм культуры и распространить ее вширь, т. е. как раз исполнить завет христианства, которое, по его же формуле, «и аристократично, и демократично» [6].

В работе «О рабстве и свободе человека», написанной и изданной уже в эмиграции, мы встречаем у Бердяева такое понятие, как «коммюнитарность»: «...личность человеческая должна быть в свободном общении, в свободной общности, в коммюнитарности, основанной на свободе и любви» [4, с. 40]. В коммюнитарности, как свободном общении, происходит частичная реализация личности (абсолютная реализация

возможна только в вечности, в Боге) и обретение ею «другого». Личность человеческая тоскует как по Другому — Высшему (Богу), — так и по другому — равному («ближнему»). Личность слышит призыв Бога и выступает за свои пределы, отвечая на этот призыв; в совершающемся трансцендировании происходит встреча человека с Богом, их соединение, слияние, благодаря чему достигается искомая полнота. Если совершенная полнота достижима лишь в Боге, т. е. реализуется, как уже было сказано, в вечности, то относительная полнота достигается через соединение с другим, с «ты», с субъектом, с которым «Я» вступает в общение (в данном случае под «субъектом» и «другим» подразумевается не Бог, а человек, «ближний»). «Личность есть “Я” и “ты”, другое “Я”. Но “ты”, к которому выходит “Я” и входит в общение, не есть объект, есть другое “Я”, личность. С объектом же общение невозможно» [4, с. 38]. «Другой» видится не как отчуждение собственного «Я», угроза ему, но, наоборот, «другой» переживается как мой «другой», составляющий мою полноту. Подобный взгляд на отношения между «Я» и «ты» является одной из основ персонализма.

Нужно заметить, что эта позиция претерпела у Бердяева некоторую эволюцию. Точка зрения, изложенная выше, характерна для более позднего периода творчества философа. В книге «Опыты философские, социальные и литературные», вышедшей в свет в 1907 г., находим следующее: «...утверждение примата “Я” над “ты”, с нашей точки зрения будет не имморализмом (Ницше), а величайшим торжеством настоящей нравственности» [3, с. 75]. Далее он продолжает: «Наше настоящее “Я”, то “Я”, которое имеет абсолютную ценность, которую мы должны утверждать и осуществлять и за права которой мы должны бороться, — это духовное идеальное “Я”, наша нравственно-разумная природа. Быть эгоистом (это — я) в этом смысле и значит быть нравственным человеком, быть личностью» [3, с. 76].

Из приведенных выше отрывков следует, что «Я» не просто превосходит, но преодолевает «ты». «Ты», как мое «другое», вообще не существует. При этом личности не противопоставляются друг другу, но каждая из них существует только как «Я», как духовное идеальное «Я», стремящееся к совершенству, к идеальному духовному состоянию. «Я» открывается только Богу, своему высшему Другому, но не впускает в себя «ты» как «другое», не открывается, не выходит к нему. «Я» как бы замыкается на самом себе как высшей ценности и цели: «...каждый человек должен относиться к другому человеку не как к “ты”, <...> а как к “Я”, к такой цели самой в себе, как и он сам» [3, с. 77]. Тем самым право на существование другого «Я» не оспаривается, другое «Я» имеет такую же ценность, как и мое «Я», но мне нет до него никакого дела, оно мне безразлично, у меня и у другого равные права, и я не собираюсь их узурпировать, я их уважаю, но другое «Я» мне чуждо, я в нем не нуждаюсь. Главное для меня — стремление к достижению высшего блага или идеального духовного состояния, которое осуществимо лишь в вечности, и его реализация связана с Божеством, воплощающем в Себе идеал окончательного совершенства. На пути к достижению высокого идеала происходит нравственное развитие, нравственное совершенствование личности. «Просто любить ближнего нельзя, нельзя и признать в нем родную человеческую природу; я могу любить в нем лишь то третье, которое выше нас и которого мы являемся индивидуальным образом; путь от человека к человеку только через Единое, только Единое может любить, только Его и можно любить в каждом человеке» [3, с. 182]. В воспроизведенном фрагменте из уже упоминавшейся книги Бердяева «Опыты...» четко выражена та мысль, согласно которой человек имеет ценностное значение лишь постольку, поскольку он есть образ и подобие Божье.

Личность способна слышать призыв другого человека, другого «Я», она слышит и призывает сама. Встреча человека с человеком совершается посредством коммюнитарности, т. е. свободного общения. В общении они дополняют друг друга, их объединяет общее стремление к достижению духовного совершенства, заключенного в божественной полноте.

На наш взгляд, понятие коммюнитарности близко к понятию соборности, которая, по словам Бердяева, стала «творческим открытием» А. С. Хомякова. Соборность в понимании Хомякова есть прежде всего органическое единство в свободе на основе взаимной любви. Идею коммюнитарности нельзя считать главной в бердяевской философии (как то соборность у Хомякова), но он отводил ей в своих построениях далеко не последнее место.

«Коммюнитарность» и «соборность» — понятия близкие, но вряд ли их стоит рассматривать как совершенно тождественные, хотя и то, и другое кратко можно определить как «свободное общение в любви»¹. Бердяев соотносит понятие «коммюнитарность» с понятиями «коллектив» и «соборность». Если коммюнитарность есть непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как «внутреннее начало жизни», то коллективизм есть отношение человека к человеку через отношение его к «коллективной реальности» или псевдореальности, к обществу объективированному, подавляющему человека. Коммюнитарность есть общность и общинность личностей, она персоналистична, тогда как в «коллективной реальности» человек перестает быть высшей ценностью, поскольку коллективизм переносит «нравственный «экзистенциальный центр», совесть человека, его способность к суждениям и оценкам из глубины человеческой личности в квазиреальность, стоящую над человеком» [2, с. 293]. В общении людей начинает проявляться коллективизм, когда утверждается авторитарность. В отличие от коллектива, Церковь есть безусловная реальность, а церковная соборность не означает авторитет. Соборность есть «пребывание в общении и любви церковного народа и Духа Святого» [2, с. 295]. Церковное общество не есть коллектив, оно есть духовно-мистический «организм».

Коммюнитарность и соборность необходимо предполагают свободу и самоценность каждой личности. Коммюнитарность, как и соборность, означает «общность и братство людей», она есть духовное начало, но не надстоящая реальность. Коммюнитарность Бердяев определяет как качество личной совести, «которая не может быть замыканием и изоляцией» [2, с. 296]. Соборность же есть религиозная коммюнитарность.

Пафос свободы Бердяева много сильнее того, который присущ Хомякову. Поэтому и в трактовке отношения «свобода — соборность», «свобода — коммюнитарность» приоритеты Хомякова и Бердяева не совпадают. Для Бердяева абсолютный примат свободы — факт несомненный, вопрос о коммюнитарности (соборности) для него — вопрос вторичный, «вопрос другого порядка», нежели вопрос о свободе. Свобода предполагает способность и готовность совершить выбор между добром и злом. Ситуация выбора оказывается решающим этапом на пути самоопределения свободы, после чего она получает положительную или отрицательную направленность. Выбор невозможен без свободы, но сам он свободой подлинной не является: в нем получают реализацию те опытные знания, которые получил человек на пути развертывания своей

¹ Например, А. А. Ермичев, один из исследователей творчества Бердяева, в термине «коммюнитарность» видит лишь более поздний и «европеизированный» заменитель термина «соборность», старинного термина русской религиозной философии (см.: [7]).

свободы. В ситуации выбора происходит становление человека как существа нравственного. Иначе говоря, свобода выбора есть только формальная свобода; подлинная свобода открывается человеку, когда событие выбора уже состоялось. Теперь свобода проявляется себя как творческое начало и выражается в усилении человека «быть», стремиться к созиданию собственной личности.

Автор работы «Три свободы Николая Бердяева» А. А. Ермичев полагает, что коммюнитарность, будучи свободой «общественного действия на началах абсолютных, т. е. религиозных, ценностей, воспринятых его участниками глубоко лично <...> реализацией творчески активного христианства» [7, с. 28], может быть представлена как третья свобода, не названная Бердяевым, но обнаруживающая свое присутствие в его построениях. Утверждение коммюнитарности как третьей свободы, наряду с различаемыми Бердяевым свободой иррациональной, избирающей (первой) и свободой разумной, просветленной (второй), не является бесспорным, и все же с ним можно согласиться.

Ядро экзистенциальной философии Бердяева составляет персонализм, который, по убеждению мыслителя, должен быть только коммюнитарным. Таким образом, Бердяев связывает свой персонализм с идеей коммюнитарности: личность коммюнитарна, она раскрывает свой образ через проникновение личностью Божественной и через проникновение другой человеческой личностью, т. е. состояние коммюнитарности, в котором пребывает личность, означает ее свободное общение не только с себе подобными, но и с Богом. Свобода представляется Бердяеву главным условием становления и самого существования человека как личности; именно свобода позволяет человеку определиться в его неповторимом бытии. Обезличение, измена своему «Я» есть, по глубокому убеждению философа, величайшее нравственное преступление, которое означает разрыв богочеловеческой связи. Бесконечное покидает человека, исходит из него, вследствие чего человеческое существо предстает лишь как биологический индивид, рожденный в родовом процессе и подверженный умиранию. Бог не создает личность, но задает ее, потому дальнейшее разворачивание Божьего проекта было возложено на человека; сотворение личности — задача самого человека. Бог наделил человека всеми необходимыми средствами для реализации «проекта», и прежде всего способностью к творчеству. Только на человека может быть возложена ответственность за «неудачу» в со-творении. Таким образом, Бог испытывает свободу и силу духа человека.

Любовь к свободе служит показателем «жизнестойкости» присущего человеку духовного начала, доказательством способности человека изжить в самом себе раба. Бердяев непрестанно подчеркивает, что торжество духа, который есть свобода, достигается ценой человеческих страданий, но эти страдания придают достигнутому особую ценность. Сила страдания, считает Бердяев, может выявлять большую внутреннюю глубину — главное «человеческое измерение».

Действительно, свободный человек или личность черпает свои силы из внутренних источников, повинуется и доверяется только своему внутреннему голосу, но не отвечает на какие-либо призывы извне (социума). Личность отнюдь не замыкается в себе, напротив, она открыта и обращена к другим, в ком уважает образ и подобие Божье.

Следует заметить, что Бердяев различает коммюнитарность нерелигиозную, которая предполагает присутствие Высшего, равно как и присутствие «ближнего» (человека), и коммюнитарность религиозную (соборность). Последнюю, как нам кажется, можно уточнить как «церковную», т. е. коммюнитарность как свободное

общение в любви церковного народа. Подобное различие было бы излишне в рамках христианской философии Хомякова, ограничивающего «область проявления» свободы духовно-мистическим организмом Церкви. Встреча Бога и человека, как она может быть «представлена» с позиций бердяевского экзистенциализма, совершается в духовном опыте, что, по-видимому, не требует особой, церковной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бердяев Н. А.* Самопознание. М.: ДЭМ, 1990. 334 с.
- 2 *Бердяев Н. А.* Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 382 с.
- 3 *Бердяев Н. А.* Опыты философские, социальные, литературные. СПб.: Тип. М. В. Пирожкова, 1907. 446 с.
- 4 *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939. 222 с.
- 5 *Гайденок П. П.* Мистический революционаризм Н. А. Бердяева // *Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
- 6 *Гальцева Р. А.* Н. Бердяев — философ творчества и теоретик культуры // *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, ИЧП «Лига», 1994. Т. 1. 541 с. Т. 2. 542 с.
- 7 *Ермичев А. А.* Три свободы Николая Бердяева. М.: Знание, 1990. 64 с.
- 8 *Лосский В. Н.* История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.

© 2022. Oksana A. Zapеka
Moscow, Russia

DOCTRINE OF COMMUNITARIANISM OF LATE N. A. BERDYAEV

Abstract: In his “Slavery and Freedom”, written and published in emigration, we come across Berdyaev’s notion of “communitarianism”: “...human person must live in a free communication, free communion, in communitarianism, built on Freedom and Love”. The concept of communitarianism as akin to the concept of communalism, which is according to Berdyaev came into being as a “creative discovery” of A. S. Khomyakov. In Khomyakov’s understanding communalism is first and foremost organic unity in freedom premised in commutual love. Although one should not take the idea of communitarianism as a leading in Berdyaev’s philosophy (as distinct from communalism of Khomyakov), he granted it a special attention in his teachings. “Comunitarianism” and “communalism” are related concepts, however one should hardly take them as identical. He associates “communitarianism” with notions “collective” and “communalism”. Communitarianism is a community and communality of personalities, it is personalistic, whereas in “collective reality” the person ceases to be an ultimate value. The motif of freedom in Berdyaev’s works is far more pronounced than that of Khomyakov. That is why priorities of Khomyakov and Berdyaev in their interpretations of correlation “freedom — communalism”, “freedom — communitarianism” do not align. Berdyaev links his personalism with the idea of communitarianism: personality is communitarian and reveals its image by letting in Divine personality and other human personality. He sees Freedom as the main condition of personal becoming and even the very existence

of a person as a personality; this is exactly the freedom that allows man to come to terms with his unique being. Although his assertion of communitarianism as the third freedom alongside with irrational freedom, selective (the first one) and rational freedom, enlightened (second), which he distinguishes, isn't absolutely undebatable, it may still be acceptable.

Keywords: N. A. Berdyaev, Freedom, Communitarianism, A. S. Khomyakov, Personality, Communalism, Personalism.

Information about the author: Oksana A. Zapeka — PhD in Philosophy, Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

E-mail: zana5@yandex.ru

Received: March 05, 2022

Approved after reviewing: May 10, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Zapeka O. A. Doctrine of Communitarianism of Late N. A. Berdyaev. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 81–87. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-81-87>

REFERENCES

- 1 Berdyaev N. A. *Samopoznanie* [Self-understanding]. Moscow, DEM Publ., 1990. 334 p. (In Russian)
- 2 Berdyaev N. A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesaria* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 382 p. (In Russian)
- 3 Berdyaev N. A. *Opyty filosofskie, sotsial'nye, literaturnye* [Philosophical, Social, Literary Experiments]. St. Petersburg, Tipografia M. V. Pirozhkova Publ., 1907. 446 p. (In Russian)
- 4 Berdyaev N. A. *O rabstve i svobode cheloveka* [About Slavery and Human Freedom]. Paris, YMCA-Press Publ., 1939. 222 p. (In Russian)
- 5 Gaidenko P. P. *Misticheskii revoliutsionarizm N. A. Berdyaev* [Mystical Revolutionism of N. A. Berdyaev]. In: N. A. *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p. (In Russian)
- 6 Gal'tsev R. A. N. Berdyaev — filosof tvorchestva i teoretik kul'tury [N. Berdyaev — the Philosopher of Creativity and the Theorist of Culture]. In: Berdyaev N. A. *Filosofia tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 Vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., IChP "Liga" Publ., 1994. Vol. 1. 541 p. Vol. 2. 542 p. (In Russian)
- 7 Ermichev A. A. *Tri svobody Nikolaia Berdyaeva* [Three Freedoms of Nikolai Berdyaev]. Moscow, Znanie Publ., 1990. 64 p. (In Russian)
- 8 Losskii V. N. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 480 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-88-98>

УДК 008

ББК 71.41(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. М. В. Юдин
г. Москва, Россия

ТВОРЦЫ НОВОГО: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА

Аннотация: Статья продолжает серию публикаций о теоретических основах пролеткультовского движения и проблемах взаимоотношений с властью в первые десятилетия XX в. В статье анализируется опыт творческой деятельности пролетарских культурно-просветительских организаций в послереволюционные годы в России. В основном на архивных данных автор характеризует литературное, театральное, музыкальное, художественное и оформительское направления в деятельности Московского Пролеткульта. Многочисленные примеры свидетельствуют о вовлечении рабочих в творческий процесс. Отмечается роль идеологии в формировании человека новой, революционной эпохи. Основными структурными организациями, в которых занимались рабочие, были студии, клубы, кружки, творческие мастерские. Подчеркивается, что пролеткультовские организации дали серьезный импульс творческой активности населения. Попытка поиска нового в культуре, создания особой, «элитной» пролетарской культуры не увенчалась успехом. Однако школа Пролеткульта подготовила ряд творческих работников, выполнила большую просветительскую работу и организовала досуг рабочих в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: пролетарская культура, Московский Пролеткульт, творческая деятельность рабочих.

Информация об авторе: Михаил Вячеславович Юдин — кандидат исторических наук, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1604-756X>

E-mail: yudinm@yandex.ru

Дата поступления статьи: 17.09.2022

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Юдин М. В. Творцы нового: из опыта работы Московского Пролеткульта // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 88–98.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-88-98>

Всплеск научного интереса к изучению деятельности пролетарских культурно-просветительских организаций возникал дважды: в 50–60-е гг. XX в. на волне дестали-

низации и в 90-е гг., когда происходил демонтаж системы Советской власти. Что в первом, что во втором случае предпринимались попытки заново взглянуть на «феномен Пролеткульта», ответить на вопрос: а не упустило ли общество шансы своего развития, все ли здоровые идеи и теоретические разработки были востребованы в процессе культурного и социального развития?

Казалось бы, прошло более века, как в России появились пролеткультовские организации. Время стремительно несется вперед, отбрасывая старое и делая востребованным новое. Но опыт работы пролеткультов с простым населением может быть востребован и сейчас.

Постараемся рассмотреть те творческие процессы, которые возникали в деятельности Московского Пролеткульта в первое послереволюционное десятилетие.

Основной структурной единицей пролеткультовской деятельности был клуб. Клубы функционировали на фабриках и заводах, в районах, объединяя рабочих. Популярны были также различные кружки, в которых рабочие и молодежь занимались творчеством.

В первые послереволюционные годы Пролеткульт организовывал летучие концерты, просветительские лекции, беседы, творческие вечера. На одном из таких вечеров в ноябре 1919 г. присутствовали глава советского правительства В. И. Ленин и его супруга Н. К. Крупская. Ленин тогда сказал о важности культурного развития рабочего класса, посмотрел выступление хора, оркестра домр, декламацию. По воспоминаниям председателя Московского Пролеткульта А. А. Додоновой, Ленин одобритительно ко всему отнесся и «заметил, что наш народ очень любит пение и музыку» (Центральный государственный архив Москвы. Ф. П-8654. Оп. 1. Д. 306. Л. 135).

Разнообразная работа пролеткультов была связана с различными направлениями в искусстве: театральным, музыкальным, изобразительным. Но прежде всего с литературой. Для лидеров Пролеткульта важно было объяснить многие явления на словах, как на самой рациональной из форм передачи информации. Возможно, поэтому Пролеткульт не оставил ничего особо выдающегося в визуальных жанрах искусств и в музыке. В литературе же, особенно в поэзии, он проявил себя наиболее ярко. Прежде всего, здесь отразился один из принципов пролетарской культуры — принцип коллективизма. Василий Казин в стихотворении «Городам» писал:

Заводов шум, трамваев звон, и вой
И пение, и рев автомобилей —
Все это пестрый голос трудовой
Несметных наших творческих усилий [3, с. 1].

Одним из основных мотивов творчества таких поэтов, как Михаил Герасимов, был «машинизм» или культ машины:

Врезают молньевые плуги
Туч продымленных чернозем,
Заводов заревые дуги
Над светлой Русью вознесем [6, с. 8].

Не забывали и о классовой борьбе. Очень пафосно сказал поэт Ф. Шкулев в стихотворении «Октябрь»:

Октябрь пронесся
Над Русью шквалом,
С громовой силой,
В сиянье алом [1, с. 224].

Было и другое: отображение классовой борьбы и реалий гражданской войны. Василий Александровский жестко сказал:

Вымаливать стыдно пощаду
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным... [4, с. 30].

Иногда критическое восприятие буржуазной культуры доходило до рамок полного отрицания прошлой культуры. Здесь появлялся уже мотив нигилизма. Поэт Владимир Кириллов писал:

Мы во власти мятежного страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты!»,
Во имя нашего Завтра — сождем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы [2, с. 4].

Одним из главных мотивов в творчестве поэтов стали идеи мессианства пролетариата и ощущения вселенского переворота — космизма. Очень хорошо и удачно данные идеи выразил один из знаменитых поэтов того времени Илья Садофьев:

Лишь прислушайся, пойми язык машин:
Ты — Мессия, ты — Грядущий Властелин!..
Ты в союзе с паром, сталью и огнем —
Овладеешь шаровидным кораблем... [7, с. 183].

Необходимо отметить, что творчество поэтов — та сфера, в которой лучше всего отразились и четко прослеживаются идеи коллективного труда, мессианской роли пролетариата, космизм, идея построения общества на основе культа машины.

Распространение творческих успехов писателей и поэтов было тесно связано с изданием журналов. Научно-популярный журнал «Горн» и студийный журнал Московского Пролеткульта «Твори» отражали творческое направление в работе этой организации. В этих журналах, как и во многих других, печатались М. Герасимов, А. Богданов, И. Садофьев, В. Кириллов, А. Гастев, П. Арский, А. Мгебров и многие другие поэты и писатели. Наряду с теоретическими разработками в этих журналах представлялось творчество лучших литераторов, поэтов. Через журнальные рубрики постоянно шла информация о пролеткультовской работе в центре и на местах. Метод преподнесения информации основывался прежде всего на возможности заинтересовать людей. Вышедшая в конце 1921 г. юмористическая студийная газета «Хромой пролеткульт» № 2 сообщала о введении строжайшей экономии, в том числе и на освещение во время спектаклей. Это, по их мнению, доставит удовольствие всем зрителям: «...для одних из расхождения во вкусах с режиссером, для других — по причинам интимного харак-

тера» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 1400. Л. 2). В этом же номере газеты сообщалось, что вводится должность «Хозяин Пролеткульта» — такова была реакция на введение Новой экономической политики.

Ярким отражением революционных изменений в обществе стали прозаические произведения: «Большевик» Н. Тихомирова, «Мощи открывают», «Весна в рабочем городке» А. Гастева и др. Широко издавались произведения: «Поэзия рабочего удара», «Под Красным знаменем», «Кровь рабочего», «Цветы восстания». Им созвучны и музыкальные произведения: «Первомайский гимн», «Рабочий дворец», «Памяти К.Маркса», «В колокол», «Гремят мятежные раскаты» и др. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 17. Д. 17. Л. 5).

Интересна и театральная работа. Московская организация в период 1919–1921 гг. поставила на сцене такие произведения, как «Невероятно, но возможно» В. Плетнева, «Стачки» А. Гастева в инсценировке В. Плетнева, «Мститель» П. Клоделя, «Фленго» Декаба, «Пан-Буян» Добржинского-Диеза, «Трус» Грошика, «Странник» Пьетро-Гори в переделке Шубина, «Когда взойдет месяц» А. Грегори, «Мексиканец» Дж. Лондона в коллективной инсценировке Смышляева, Эйзенштейна, Арватова (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 7). Некоторая часть этих произведений не сошла со сцены и в последующие годы.

Театральная работа пользовалась большим спросом как со стороны ее участников, пытавшихся реализовать свой творческий потенциал, так и со стороны зрителей, стремившихся увидеть зрелищное представление. Пролеткульту театральная форма работы была близка тем, что подразумевала коллективное участие в постановках. Поэтому один из главных принципов пролетарской культуры воплощался на сцене.

Театральная деятельность Московского Пролеткульта проходила как в центре, так и в отдаленных местах, во многих городах России. Так, Центральная студия Московского Пролеткульта, организованная в 1919 г., выезжала на фронт с поездом одного из полководцев периода Гражданской войны М. В. Фрунзе. В репертуар студии вошли инсценированные басни, импровизация агитационного характера, революционный концерт с пластическими постановками. Последние включали «Марсельезу» Листа, «Вождя» Александровой, «Игру интересов» Бенавенте, «Женитьбу» Гоголя. Студией были даны спектакли в Самаре, Бузулуке, Оренбурге, Клецке. В мае 1920 г. студия выехала в Сибирь с постановками «Мстителя» П. Клоделя, «Не вероятно, но возможно» Плетнева, «Женитьбы» Гоголя, с уже известными «Марсельезой» и «Вождем». В течение четырех месяцев работа студии охватила районы по линии Екатеринбург — Омск — Иркутск — Верхнеудинск. Организованная в октябре 1919 г. 2-я студия, названная «Первой фронтовой труппой», составила свой репертуар из «Красной Правды» Вермишева и «Гибели Надежды» Гейерманса (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 6. Л. 2).

В августе 1920 г. во время боевых действий с Польшей была подготовлена агит-программа «Пан Буян», которая была показана во всех районах. Она явилась реакцией на попытку экспортировать революцию в Польшу.

Работавшая с сентября 1920 г. 3-я Центральная Студия (Тонально-пластическая студия) ставила целью разрешить проблему создания синтетического театра. Ею были поставлены этюд «Труд», «Гномы», «Освобождение» Грига, «Экосез» Шуберта, «Наш марш» Маяковского, «Зачинатели» Уитмана, «Бей молотом» Окова. В июле 1921 г. младшая труппа студии находилась с агитпоездом ВЦИК им. Ленина в Сибири. Были охвачены работой Кузбасс, Екатеринбург, Омск, Кемеровские копи, где спектакли-

концерты проходили 41 раз (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 6. Л. 3).

В своей театральной работе Пролеткульт ориентировался на традиции русского театра, систему К. С. Станиславского. Но стремление создать что-то новое, свое, не похожее на другое привело к изменению некоторых ориентиров. С приходом на работу в Московский Пролеткульт С. М. Эйзенштейна началось, как тогда выражались, «организованное мышечное напряжение», что должно было отличить настоящего артиста от «марионеток».

До октября 1922 г. были созданы постановки «Живое кино», «Русский в Америке», организован литературный вечер «Удар по белому». С октября этого года Эйзенштейн начал подготовку пьесы А. Н. Островского «На каждого мудреца довольно простоты».

В период 1923/24 гг. Московский Пролеткульт имел успехи в театральной деятельности. 1-й Рабочий театр Пролеткульта за этот сезон 51 раз поставил пьесу «Мудрец», 52 — «Слышишь Москва?!», 3 — «Противогазы». Автором всех пьес был Сергей Михайлович Третьяков. По мнению пролеткультовцев, С. М. Эйзенштейн разработал метод постановки спектакля, в основе которого находилось задание. Все остальное являлось игрой, монтажом аттракционов, приводящим к решению задания и психологически воздействующему на массы (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 1348. Л. 28). Пьеса «Мудрец» оценивалась положительно, имела большой отклик в театральных журналах и центральных московских газетах. Отмечалось, что пьеса была оригинальной и яркой по своей агитационной форме, имела комедийный характер, но не всегда была понятна посетителям.

Пьеса «Слышишь, Москва?!» носила также революционно-пролетарский характер. Она отразила «взрыв революционной энергии пролетарских масс СССР, который вызвала надвигающаяся пролетарская революция в «социалистической» республике Германии» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 1348. Л. 186). Сначала отзывы о пьесе отсутствовали, а потом пошел поток признания и приветствий в связи с успехом. Были и отрицательные оценки, но сами рабочие, а также профорганизации, смотревшие пьесу в Большом театре, оценили ее высоко.

Наиболее широкое признание получила пьеса «Противогазы» на производственно-бытовую тему. Особо привлекло зрителей то, что пьеса шла без декораций среди машинных агрегатов на газовом заводе. Плюс состоял в том, что рабочий чувствовал себя вовлеченным в ту актерскую игру, которая шла на сцене, не созерцал, а близко реагировал на это. Обратная сторона этой оценки заключается в том, что творческий запал и силы зачастую обгоняли и совершенно не сочетались с возможностями Пролеткульта: если пьеса произвела положительное впечатление на сцене ЦК Пролеткульта, то к сценам райклубов она была совершенно не приспособлена (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 33). Но, несмотря на это, многие были уверены, что пьеса займет первое место среди постановок 1-го Рабочего театра Пролеткульта.

Говоря об этих творческих проявлениях, хотелось бы отметить еще ряд произведений, которыми отличился Московский Пролеткульт. Пьеса «Без дураков» отражала принцип классовости, классового подхода к тем, «кому с нами не по пути». Идея заключалась в том, что всех дураков ссылают на остров в Тихом океане. По своему смыслу пьеса становится предлогом, первым кирпичиком, зародышем мысли о тех репрессиях, которые еще постигнут наше общество (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 5. Л. 167–170).

В репертуаре было и такое произведение, как «Сказка о попе и его работнике Балде» А. С. Пушкина.

Пьеса «Мексиканец» по рассказу Джека Лондона состояла из трех актов: «Хунта», «Боксерская контора Келли», «Знаменитый матч». Сюжет пьесы основывался на реальном событии, случившемся 4 июля 1910 г., когда чернокожий боксер Джонсон победил в бою белокожего боксера Джема Джеффриса. Два героя пьесы Филиппо Ривера и Джек Уорд символизируют через свое противостояние борьбу пролетариата и буржуазии. В итоге Ривера побеждает в боксерском поединке и олицетворяет тем самым победу пролетариата (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 92–113).

В отзывах на «Мексиканца», которые пришли от рядовых зрителей, говорилось, что, с одной стороны, пьеса революционная, но не пролетарская, так как в ней народ уповает лишь на вождя и революционной является «только единоличная, деятельность Ривейры»; с другой стороны, пьеса пролетарская потому, что «революционность Ривейры есть самопожертвование рядового члена партии». Совсем нигилистической была оценка данной пьесы, как «балагана» с характеристикой, что в ней нет «ни пролетарского ни какого либо иного содержания» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 122–123). Так как выводы были взаимоисключающими, то решили полемику по данному вопросу считать бесперспективной.

Известная пролетарская драма Валериана Федоровича Плетнева «Лена» состояла из пяти частей и была посвящена Ленским событиям 1912 г. В этой пьесе не было участников — героев, главным действующим лицом был Ленский коллектив. Таким образом, подтверждался один из главных принципов пролеткультуры — принцип коллективизма, но отсутствовала личность, на которую могли равняться рабочие.

Была поставлена пьеса Плетнева «Над обрывом». Она явилась отражением победных стремлений пролетариата. Сюжет ее прост: ученый делает некое открытие, которое является мировой катастрофой. Ее по-разному оценивают буржуазия (в конторе), «болото» (в кафе, видимо, имеется в виду интеллигенция), пролетариат. В итоге мировая катастрофа становится победой рабочего» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 114). Не забывали театральные работники и о классике: в Сущевско-Марьянском районе поставили отрывок из «Снегурочки» А. Островского. В Замоскворецком районе в старшей группе театральной студии ставился «Мир» Э. Верхарна, при Союзе Молодежи — «Интермедии» Сервантеса, в Пресненском районе — «Ревизор» Н. В. Гоголя, в Рогожском — инсценировка рассказа А. П. Чехова «Воры», при Союзе Рабочих «Игла» — отрывки из «Власти Тьмы» Л. Н. Толстого [5, с. 28–29].

Трудились также I и II передвижные Тео-Мастерские. Первая из них давала 4–5 спектаклей в месяц по районам. Так, «Фронт сурьезный» был сыгран 13 раз, «В Капле» — 8 раз. Количество посмотревших рабочих равнялось 14 700 рабочим (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 53. Л. 1). Вторая из них работала над постановкой пьесы «Обезьяний суд» и в перспективе организовывала «Живой журнал» на основе вопросов, затронутых в докладах И. Сталина, М. Томского и Н. Бухарина (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 53. Л. 13).

В сезон 1925–26 гг. 1-й Рабочий театр осуществил постановку произведений: «Над обрывом», «По ту сторону щели», «Путь — дорога». Всего было сыграно 50 спектаклей в театре, организованы две театральные мастерские, поставившие пьесы «Фронт сурьезный», «В капле» (о революции 1905 г.), «Желтая книжка», «Обезьяний

суд» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 16. Л. 13). Создание передвижных театральных мастерских и их деятельность обосновывалась необходимостью пропагандистской работы средствами театра, а также непосещением рабочими базового театра из-за отсутствия времени и отдаленности от места жительства и работы. Одной из целей создания мастерских стало вовлечение в строительство современного театра актива рабочей молодежи (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф 1230. Оп. 1. Д. 1376. Л. 34). За этот же год реальные успехи в творчестве видны по работе в опытно-показательном клубе Союза Кожевников «Октябрьская революция». Спектакль «По ту сторону щели» шел 23 раза и собрал в общей сложности 18 400 зрителей. Вечерняя передвижная театральная мастерская выступала активнее, свыше 80 раз, охватила такие известные города Подмосковья, как Богородск, Орехово-Зуево, Покровско-Стрешнево и обслужила 50 000 зрителей (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 16. Л. 67). Работа в клубах также привлекала театральными постановками. Популярностью, например, пользовалась инсценировка «Прятали концы — попали в отцы». В ней обманутая Соблазном (главный герой) женщина получает в итоге по решению суда алименты на ребенка от Соблазна и его друзей, которых он привлек, чтобы запутать дело [8, с. 34–37].

Данные факты свидетельствуют о том, что работа, связанная с театром, нашла широкий отклик среди рабочих, разбудила в них инициативу и подготовила условия для дальнейшей творческой деятельности. Театральная работа в этом плане явилась той почвой, в которую были посеяны семена, давшие всходы в будущем.

Творчество пролеткультистов проявилось и в музыкальной работе. В соответствии с духом времени требовалась революционная музыка. Она должна была вдохновлять людей на строительство новой жизни, помогать им в труде. Как отмечалось в «Общих положениях о развитии Музыкальной Секции Отдела Искусств Московского Пролеткульта», «темп и ритм жизни, идеология времени и городской рабочей массы требуют песни бодрой, динамического ритма, песни отражающей современность и злободневность и песни революционной и политической сатиры. Революционная по содержанию и по духу песня в грамотной и художественной музыкальной обработке является главным исходным материалом в хоровой работе» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 19. Л. 2). По мнению пролеткультистов, только с применением этого принципа могут использоваться народные или крестьянские песни, художественные песни, рабочие или фабричные песни, «городская куплетная форма песни», т. е. частушки. А пока у пролетариата не было своей разработанной классовой песни в широком смысле этого слова, и он вынужден был использовать песни чужого, а иногда и даже враждебного класса. Такова была цена для «непримиримых» пролеткультистов за получение музыкального образования и овладение музыкальной техникой, ибо другого опыта в то время не существовало.

Как уже частично отмечалось, репертуар составлялся из революционных песен, хоров лучших русских и иностранных композиторов, народных песен. Популярностью пользовались «Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка», «На штыки», «Смело, товарищи, в ногу», «Похоронный марш», «Пусть смятенье в буре». Произведения «Привет весна» и «Хороводная» Шумана, «Кукушка», «Ой, честь ли то молодцу», «Хор поселян» из оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Не плачьте», «Весенняя песенка», «Сосна», «Высота» из «Садко» Н. А. Римского-Корсакова входили в репертуар Художественных хоров. Репертуар народных песен состоял из «Ты взойди солнце», «Виноград», «Сеяли девушки лен», «Ай во поле», «Заплетися плетень», «Со выюном», «Татар-

ский полон», «Во лузях», «Хороводные», «На горы», «Яр-хмель», «Тень-ень», «Призыв весны». Всего в 15 студиях, работавших в конце 1919 г., трудилось 38 пролеткультовских инструкторов (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 16. Л. 116). Таким образом, наблюдалась двусторонняя связь, когда серьезной инициативе народных масс Пролеткульт уделял не менее серьезное внимание. Среди песен, которые полюбили исполнители и зрители, были: «Эй, ухнем!», «Вниз по матушке по Волге», «Народные прибаутки», «Колыбельная песня», «Ой душечка, девица», «Мы кузнецы», «Голод», «Пролетарская дубинушка» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–6 об.).

В целом, музыкальная работа не была столь яркой, как театральная или литературная. Иногда приверженность к творческому подходу приводила к непонятным и противоречивым мыслям.

Интересен факт, связанный с личностью Ф. И. Шаляпина. Один из руководителей Пролеткульта В. Игнатов написал статью «Пролеткультиана», достаточно противоречивую. С одной стороны, он как бы негодует: «То, что мы заставляем Шаляпина зарабатывать своим искусством на хлеб себе и своему семейству, то, что он не может избавиться от мысли, мучительно сковывающей его творческое сознание, если вдруг он сляжет, то ни ему, ни его детям ничего не останется, кроме нищеты, голода и холода...» (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 25. Л. 168 об.). С другой стороны, автор твердо говорит: «Шаляпина надо социализировать. Мы должны освободить гений Шаляпина от экономического удушения... его же обязать лишь одним условием: петь только тогда, когда он захочет и где захочет». Таким образом, В. Игнатов одновременно говорит и о необходимости его «социализировать». При этом автор ставит вопрос: «Допустимо ли, чтобы Шаляпину <...> не оставалось времени поделиться своим опытом <...> не только вообще с рабочими, <...> но даже с авангардом их — пролеткультовцами». Получается, что Игнатов допускает право выбора за Шаляпиным, но тут же «затягивает» его для работы с пролеткультовцами. Эти размышления автора не имеют конкретного вывода, но ярко показывают те настроения, которые были в то время в Пролеткульте. Одновременно это еще раз характеризует классовый подход, который должен был применяться везде и во всем. Если таким образом пытались подойти к яркой индивидуальности Ф. Шаляпина, то не вызывает сомнений, что такой подход был неизменным и в отношении к массовой культуре.

Подводя итог в отношении музыкальной работы Пролеткульта, следует отметить, что она не нашла своей индивидуальности и растворилась в общей массе музыкальных произведений.

Изобразительное искусство в работе Московского Пролеткульта стало активно развиваться с конца 1918 – начала 1919 г. Отдел ИЗО МПК за 1919 и первую четверть 1920 г. работал в студиях. За весь этот период студийцами было сделано 500 картин, в 1919 г. организовано 2 выставки (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 3 об.). Изобразительная студия (центральная) работала с конца 1919 г. под руководством художников «Мир искусства». Студия организовывала несколько выставок, издала альбом гравюр, 100 экземпляров которого было продано в Англию. Реорганизация студии в 1922 г. в Утилитарно-производственные мастерские практически не изменила характер работы: она изготавливала знамена, плакаты, портреты и т. д. (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

Действовала и «Мастерская ИЗО», которая сосредоточилась на станковом изобразительном искусстве. Итог работы был виден на двух отчетных выставках картин

и подтвержден выпуском альбома графики (1922). Самым крупным видимым достижением в этот период стала роспись агитпоезда, обслуживающего фронт. В 1920 г. было создано около 500 работ, выставившихся на трех выставках в октябре и декабре 1920 г., в феврале 1921 г. Из выставленных работ часть была выделена для выставки в Доме Союзов на съезде партии. С 1922 г. начался переход к иным формам искусства, произошел отказ от станковых форм. Если раньше изготовление плакатов, реклам, обложек, лозунгов носило случайный характер, то отныне на этом держалась вся работа. Например, по данным на 1923 г. проводилось художественное оформление демонстраций, изготовление знамен союзов текстильщиков, металлистов, швейников, художественное оформление площадей, зданий и улиц, шесть раз оформлялась Красная площадь, пять раз — Советская к Октябрьским торжествам (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 880. Оп. 1. Д. 5. Л. 151–152).

В 1924 г. «Мастерская ИЗО» Московского Пролеткульта выполнила заказы на плакаты от профсоюзов, лозунги и знамена для профорганизаций и госучреждений, были оформлены лозунгами кремлевские стены, а знаменами, склоненными к земле, — могила В. И. Ленина.

«Мастерская ИЗО» в 1925 г. так же, как и в предыдущие годы, украшала Москву (Красная площадь, Моссовет, Советская площадь, здания МК партии и ЦК ВЛКСМ) к разным праздникам, к годовщине смерти В. И. Ленина, декорировала Ходынское поле к годовщине Конституции, оформляла похороны М. В. Фрунзе, изготовила плакаты-лубки для Политпросвета и т. п. К 1 мая 1925 г. на Красной площади были построены трибуна «Серп и Молот» и трибуна «РКП». Количественный состав студии составил всего лишь 14 студийцев.

Таким образом, работа в области ИЗО была интересной, творческой, развивающей личность и идеологически правильной.

По воспоминаниям председателя Московского Пролеткульта А. А. Додоновой, написанным в феврале 1964 г., из столичной организации вышли будущие народные артисты СССР: кинорежиссер Г. В. Александров, актер Харьковского академического театра драмы Д. И. Антонович-Будько, актер Воронежского театра драмы С. Папов, кинорежиссер И. А. Пырьев; народные артисты России: актриса театра В. Маяковского Ю. А. Глизер, актер и педагог Малого театра А. П. Грузинский, актер драмы Д. А. Орлов, актеры театра им. В. Маяковского А. А. Ханов и М. М. Штраух, известные киноартисты А. П. Антонов и Э. П. Гарин, худрук Касимовского народного театра В. А. Орлов, главрежиссер Литовского драматического театра А. Купстас (Центральный государственный архив Москвы. Ф. П–8654. Оп. 1. Д. 306. Л. 156). Центральная студия ИЗО Московского Пролеткульта дала творческий импульс людям, ставшим позже профессиональными художниками. Это художник Краснопресненского района Москвы С. И. Агеев, главный художник-постановщик Московской фабрики мультфильмов А. А. Беляков, народный художник РСФСР А. Ф. Босулаев, художник из Художественного фонда В. М. Калошин, главный художник «Трехгорной мануфактуры А. П. Леткер (Тер-Карапетян), главный архитектор Министерства торговли Т. И. Макарычев, художник-декоратор Московской фабрики мультфильмов К. А. Малышев, архитектор Моспроекта А. А. Медведев, скульпторы Померанцев и А. М. Сперанский, заслуженный художник Туркменской ССР — В. И. Хмелева. Проводя аналогию по знатым фамилиям, нельзя не сказать, что из Рыбинского пролеткульта вышел один из содружества Кукрыниксов — Н. А. Соколов. Московский Пролеткульт открыл дорогу известнейшему советскому фотокорреспонденту Д. Дебатову, драматургу А. Н. Афиногенову, драматургу А. Н. Арбузову. Многие из пролеткультов стали учеными, защитили кандидатские и докторские дис-

сертации (Центральный государственный архив Москвы. Ф. П–8654. Оп. 1. Д. 306. Л. 156–157).

Классик советского кино С. М. Эйзенштейн пришел работать в Рабочий театр Пролеткульта, как художник-оформитель, а потом стал режиссером и известным кинорежиссером. В его фильме «Броненосец Потемкин» снимались многие артисты Московского Пролеткульта.

Все это свидетельствует о том, что для многих людей Пролеткульт стал школой, благодаря которой они смогли в будущем воспринимать и воплощать творческие идеи.

Подводя итог, следует отметить, что для начала XX в. был характерен поиск новых форм развития культуры, искусства, общественной жизни. Содержание деятельности пролеткультовских организаций было связано с творческим поиском, реализацией задуманного, познанием нового, принятием того, что подтвердила сама жизнь и отрицанием надуманного и нежизнеспособного. Пролеткультовские организации дали импульс большой творческой работе, которая охватила не только пролетариев, но и более широкие круги населения. Творческая работа проходила параллельно с идеологической, формируя нового человека. Человека — сторонника социальных преобразований, поддерживающего власть, лояльного к власти. В наше время опыт работы подобных организаций, формирующих творческие способности и этические нормы, был бы полезен.

Пролеткультовские организации, задумываясь как лаборатории по разработке элитной пролетарской культуры, по факту сделали культурное творчество общедоступным, скрасили досуг рабочих, отвлекли их от жестокостей противостояния в обществе в условиях Гражданской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 В политехническом вечер новой поэзии: стихи участников поэтич. вечеров в Политехническом, 1917–1923: статьи. Манифесты. Воспоминания / сост. и вступ. ст. Вл. Б. Муравьева; худож. А. Лепятский. М.: Московский рабочий, 1987. 414 с.
- 2 Грядущее. 1918. № 2. С. 4.
- 3 Гудки. 1919. № 3. С. 1.
- 4 Гудки. 1919. № 4. С. 30.
- 5 Жизнь Пролеткульта // Гудки. 1919. № 1. С. 28–29.
- 6 Зарево Заводов. 1919. № 1. С. 8.
- 7 *Коган П. С.* История русской литературы. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 272 с.
- 8 Рабочий Клуб. 1924. № 5. С. 34–37.

© 2022. Mikhail V. Yudin
Moscow, Russia

CREATORS OF THE NEW: FROM THE WORKING EXPERIENCE OF MOSCOW PROLETKULT

Abstract: The present paper continues the series of publications on theoretic foundations of the Proletkult movement and the issues of relationships with authorities during the first decades of the 20 c. It is to analyze the experience of creative activities of organizations

for cultural education in post-war Russia. Drawing upon basically archival data the author specifies literary, theatrical, musical, artistic and design directions of activity of Moscow Proletkult. Numerous examples attest to the incorporation of the workers into creative process. The study draws attention to the role of ideology in shaping of a person of the new revolutionary era. The main structural organizations to engage the workers used to be the studios, clubs, circles, creative workshops. As the paper emphasizes, organizations of Proletkult provided a powerful impetus to the artistic activity of the population. And although the attempt of finding new ways in culture and creating a special, “elite” proletarian culture came to be unsuccessful, the school of Proletkult has trained a range of creative specialists, performed considerable educational work and ensured leisure activities of the workers during the Civil war.

Keywords: proletarian culture, Moscow Proletkult, Creative Activities of the Workers.

Information about the author: Mikhail V. Yudin — PhD in History, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1604-756X>

E-mail: yudinm@yandex.ru

Received: November 17, 2022

Approved after reviewing: March 15, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Yudin M. V. Creators of the New: from the Working Experience of Moscow Proletkult. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 88–89. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-88-98>

REFERENCES

- 1 *V politekhnicheskom vecher novoi poezii: ctikhi uchastnikov poeticheskikh vecherov v Politekhnicheskom, 1917–1923: stat'i. Manifesty. Vospominaniia* [There is an Evening of New Poetry In the Polytechnic Museum: Poems of the Participants of Poetry Evenings at the Polytechnic Museum, 1917–1923: Papers. Manifestos. Memories], comp. and introd. by Vl. B. Murav'eva; artist A. Lepiatskii. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1987. 414 p. (In Russian)
- 2 *Griadushchee*, 1918, no 2, p. 4. (In Russian)
- 3 *Gudki*, 1919, no 3, p. 1. (In Russian)
- 4 *Gudki*. 1919, no 4, p. 30. (In Russian)
- 5 Zhizn' Proletkul'ta [The Life of the Proletkult]. *Gudki*, 1919, no 1, pp. 28–29. (In Russian)
- 6 *Zarevo Zavodov*, 1919, no 1, p. 8. (In Russian)
- 7 Kogan P. S. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Molodaia gvardiia Publ., 1928. 272 p.
- 8 *Rabochii Klub*, 1924, no 5, pp. 34–37. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-99-119>

УДК 008

ББК 71+63.521(=411.2) +85.113(2Рос-4Арх)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. Б. Пермиловская
г. Архангельск, Россия

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ОНЕЖСКОГО ПОМОРЬЯ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме № 122011300471-0 «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике»

Аннотация: Исследование представляет результаты работы по комплексному обследованию культурного ландшафта, сельских исторических поселений Онежского Поморья (2018–2021). Поморье — особый регион Русского Севера, который представляет русский вариант морской культуры в Арктике. В работе используются эмпирический полевой материал, архивные и музейные источники, памятники деревянного зодчества. На Русском Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Для Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что отражено в создании известных архитектурно-природных ансамблей. На территории Онежского Поморья были обследованы древние исторические поселения (Пурнема, Малошуйка, Ворзогоры) с сохранившимися культовыми ансамблями (называемые «тройки»). Ансамбль состоит из летней холодной, зимней теплой церквей, колокольни. Искусственно построенные храмы были возведены местными онежскими мастерами. Значительная часть храмов Поморья посвящена покровителю мореходов: Св. Николаю, что отразилось в местной поговорке «от Холмогор до Колы 33 Николы». Наряду с этим были впервые обследованы крестьянские дома, хозяйственная и промысловая архитектура. Выполнены схематические обмеры. Выявлены новые памятники деревянного зодчества, даны рекомендации по их сохранению, использованию, ревалоризации, определена возможная категория охраны поселений. Установлено, что в Поморье деревянная архитектура выступает как специфический этномаркер севернорусской идентичности. Подготовлены рекомендации по сохранению культурных ландшафтов в качестве объектов культурного наследия ДМ для администрации Архангельской области и Онежского района.

Ключевые слова: культурное наследие, культурный ландшафт, сельское историческое поселение, деревянная архитектура, Русский Север, Арктика, Онежское Поморье.

Информация об авторе: Анна Борисовна Пермиловская — доктор культурологии, академик Академии архитектурного наследия, заведующая, главный научный сотрудник, Научный центр традиционной культуры и музейных практик, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаверова, Уральское отделение Российской академии наук, Никольский пр., д. 20, 163020 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

E-mail: annaperm@fciactic.ru

Дата поступления статьи: 16.09.2021

Дата одобрения рецензентами: 29.12.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Пермиловская А. Б. Культурный ландшафт Онежского Поморья как объект наследия // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 99–119. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-99-119>

Поморы — это русскоязычная группа этноса (субэтнос), заселившая с XII в. берега Белого и Баренцева морей (ил. 1). Нужно отметить, что не случайно в XVI–XVII вв. весь Русский Север назывался «Поморьем», «Поморским краем». Слово «помор» впервые появилось в 1526 г. в летописи: «Поморцы с моря Окияна, из Кандоложской губы». В контексте понятия «Поморье» термин «поморы» получил тройственное значение: население, проживающее на территории Беломорского побережья от Онеги до Кеми, население всего Беломорского побережья, население Русского Севера [12, с. 200, 317]. Современное Поморье в административно-территориальных рамках — это Архангельская, Мурманская обл., НАО, Карелия, имеющие выходы к Белому, Баренцеву, Карскому морям [14, с. 101]. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. Поморы выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера. «Поморская культура — русский вариант морской культуры в Арктике» [20, с. 362]. Это часть Русского Севера, расположенная на побережье и островах Белого моря. Оно состоит из семи берегов: Терского, Кандалакшского, Карельского, Поморского, Онежского, Летнего, Зимнего. Исследуемая территория располагается в природных зонах северной тайги и тундры, а также субарктическом природном географическом поясе, который характеризуется коротким прохладным летом с переменчивой погодой, холодными продолжительными зимами с сильными ветрами [9]. В работе географические рамки исследования ограничены Онежским Поморьем [17]. Оно относится к территории, простирающейся по морскому побережью Онежской губы, от р. Онеги до р. Кеми (Поморский берег), а также от р. Онеги до мыса Ухт-Наволок (Онежский берег); территории тесно связанной с г. Онегой, как торговым и экономическим центром. Таким образом, можно говорить о том, что в Онежское Поморье целиком входит вся прибрежная полоса земли Онежского р. Архангельской обл. Онежский р., согласно Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296, входит в состав сухопутных территорий АЗ РФ.

Иллюстрация 1 – Поморы. Фото из фондов Российской исторической публичной библиотеки, конце XIX в.

Figure 1 – Pomors. Photo from the Funds of the Russian Historical Public Library, Late 19th Century

Северные моря кормили поморов, именно Белое море в данных условиях сыграло структурирующую роль в этногенезе (ил. 2). В течение XVIII–XIX вв. сложилось представление о поморе как об особом типе и авангарде русского человека. Особый психический склад, «на который обращали внимание все люди, побывавшие на Севере, отличал поморов, как от жителей средней полосы, так и от северного крестьянина-земледелец» [5, с. 83]. Д. С. Лихачев оставил замечательную подсказку, где и как мы можем найти ключи к возрождению былой мощи России и Русской Арктики. Ключи эти хранятся в поморском характере. Изучив и осмыслив процессы его формирования, мы сможем понять людей, живущих на Севере и овладеть «ключами», открывающими дверь в Арктику [13]. Формирование поморского характера — отдельная тема изучения. Суровый климат, ландшафт, образ жизни сформировали такие черты характера, как наблюдательность, смекалка, выносливость, мужество, целеустремленность, решительность, взаимовыручка, гостеприимство, сила духа, общинность, вера в слово, самопожертвование, трудолюбие, основательность, неторопливость, традиционализм, консерватизм, смелость, государственное мышление. Эти черты поморского характера составляют нравственную основу любой нации. В качестве примера можно привести жизнь и творчество первого живописца Арктики, «художника вечных льдов» и полярного исследователя, этнографа А. А. Борисова. Он синтезировал лучшие черты русского и поморского характера. Путешествуя по Арктике, он научился спать на снегу, работать на морозе, есть сырое мясо, переносить одиночество, выживать в ситуациях бедствия [7].

Иллюстрация 2 – Онежское Поморье. Фото А. Б. Пермиловской
Figure 2 – Onega Pomorye. Photo by A. B. Permilovskaya

На Русском Севере именно природный ландшафт определил направление колониционных потоков, тип расселения, планировку поселений. Предпочтение отдавалось рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края. Для Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что отражено в создании известных архитектурно-природных ансамблей. Условия исторического развития привели к своеобразной консервации реликтового крестьянского ландшафта, который является объектом российского и мирового культурного наследия. В мировой практике территория наследия — это территория, ограниченная географическими и этнографическими параметрами, где сохранились объекты историко-культурного наследия, не всегда верифицированные как таковые, сконцентрированные в силу многих причин и вопреки вмешательству техногенных сил в определенной степени изоляции. Русский Север сохранил именно такие специфические ареалы с определенными старинными артефактами и является особой территорией наследия. Сельский культурный ландшафт в изучаемом нами аспекте — это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру [19; 21] (ил. 3).

Иллюстрация 3 – Онежское Поморье. Фото М. Нащокиной
Figure 3 – Onega Pomorye. Photo by M. Nashokina

В исследовании “case study” послужили сельские поселения Онежского Поморья. Сложность адаптации к местным климатическим условиям зависит от сезонности погоды, ее изменчивости, которая, в свою очередь, почти целиком зависит от моря: его течений, атмосферных явлений, розы ветров. Характеристику природного ландшафта Онежского Поморья дала в своих трудах Т. А. Бернштам: «Большая часть южного берега — Поморского, от р. Кемь до р. Онеги, низменная, отдельные гранитные утесы встречаются только в районе Кемь; огромные пространства заболочены или покрыты сосновыми, или еловыми лесами. Группы скалистых островов (шхер) вдоль побережья хорошо защищают прибрежные участки Онежского залива от штормовых северных ветров. Онежский п-ов представляет собой в целом заболоченную волнистую равнину с островами еловых лесов на моренных холмах и грядах (“Летние горы” на северо-западе п-ва). Равнина довольно круто спускается к нешироким приморским низинам с песчано-глинистыми возвышенностями, перемежающимися лугами (“лайдами”); такой ландшафт особенно характерен для Онежского берега, протянувшегося от устья р. Онеги до мыса Ухт-Наволок» [4, с. 37–38].

Село Пурнема. Это поселение наиболее интересно своим историко-природным ландшафтом, оно расположено в северной части Онежского берега Белого моря и на левом берегу в устье р. Пурнема. Село находится на расстоянии 103 км к северу от г. Онеги. По мнению В. Н. Матонина, название поселения восходит к угро-финскому языку и в переводе означает «олений мыс»: «пурр» — *хороший, добрый*, т. е. удобное, хорошее место на мысу [15, с. 133]. Планировка поселения — прибрежно-рядовая, окна домов ориентированы на реку и «на лето». Природный ландшафт местности характеризуется высокой живописной береговой линией, песчаными возвышениями, покрытыми традиционной северной растительностью — брусничником, можжевельником, вере-

ском, соснами, елями и березняком. Традиционно для Онежского Поморья село состоит из двух деревень: Верховье и Низ, которые разделены глубоким оврагом. Впервые Пурнема упоминается в 1562 г. в связи с наличием там церкви Св. Николая [23, с. 129]. Население Пурнемы, как и другие поморских поселений, занималось речным и морским рыбным промыслом, добычей морского зверя и солеварением. В XVI–XVII вв. здесь находились солеварни («варничные места»), рыбные тони, пашни, лесные угодья, земельные владения. Пурнема была вотчиной Соловецкого монастыря.

Пространственная организация села строилась вокруг погоста, в состав которого входили две церкви, колокольня, роцца, церковно-приходская школа, амбар-магазея, два кладбища для священников (около алтаря Никольской церкви) и для местных жителей (на Никольском поле), часовня. В структуре поселения было несколько поклонных крестов. До 1930-х гг. здесь находился трехчастный ансамбль, состоявший из зимней, летней деревянных церквей и колокольни. На сегодняшний день сохранился только храмовый комплекс из двух деревянных церквей: шатровой Никольской и Христорожественской, построенной «по плану и фасаду». Колокольня (1775) утрачена (Архив НПЦ. Шармин П. Н. Паспорт Погоста с. Пурнема начала XVII — вторая половина XVIII вв. Онежского р. Архан. обл., 1992. Ф. 1. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–3. 1992), но ее облик в составе архитектурного ансамбля реконструировал в своем исследовании Ю. С. Ушаков, одним из первых исследователей Пурнемы был. М. И. Мильчик [16, с. 4; 26, с. 61] (ил. 4). Важнейшим композиционным, социальным и духовным центром исторических северных поселений являлся храмовый комплекс — архитектурная доминанта, выполнявшая важнейшую функцию организации пространства. Храм был своеобразным маяком. Второй вертикалью была колокольня. С ее площадки-звона можно было видеть море и корабли. В старых поморских лоциях встречаются указания, как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых церквей.

Иллюстрация 4 – Ансамбль с. Пурнема: Никольская церковь (1618), церковь Рождества Христова (1861), колокольня (1775) в. Фото начала XX в. из ГААО
 Figure 4 – The Ensemble of the Purnema Village: St. Nicholas Church (1618), the Church of the Nativity of Christ (1861), the Bell Tower (1775) с Photo of the Beginning 20 Century, the State Archives of the Arkhangelsk Region

В исторической памяти местного населения сохранилась легенда о строительстве храма: «Однажды в Пурнему Никола Чудотворец во льду приехал. Его увезли в Горбатику, и он опять приехал. Икона Николая Чудотворца была в пустом карбасе, выброшенном морем на берег» [15, с. 143]. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Св. Николая, не случайно поговорка справедливо гласит: «от Холмогор до Колы — тридцать три Николы». Никольская церковь — самый древний деревянный храм беломорского побережья, относится к храмам «восьмерик на четверике» с просторной трапезной и галереей-папертью (ил. 5). В месте перехода четверика в восьмерик установлены изящные декоративные кокошники с прорезными гребнями на коньках килей (ил. 6). Мощный шатер расположен на прочном основании — повалах, рубленными «в ряж». Высота храма 32 м, в настоящее время церковь потеряла 1–2 м высоты. У храма необычный алтарный прируб в форме двускатной кровли с «воротником» из полиц, такой же изящный «воротник» расположен у основания шатра и утраченной колокольни. Храм время от времени используется для богослужения, о чем свидетельствуется его интерьер (ил. 7). Церковь построена в 1618 г. (другие возможные даты постройки — 1645–1648 гг.) [6; 18, с. 206–213]. Рядом стоящая церковь Рождества Христова (1861) возведена по «типовому проекту» (Архив НЦ ТКМП. Отчет НИР. 2020. С. 35–54) (в настоящее время в руинированном состоянии), «вторая на оном месте» (ГААО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 42. Л. 3). Устройством церкви занимался плотницких дел мастер М. Ф. Пирогов [28].

Роща «Кендище» занимает узкую полосу суши между морем и рекой, здесь находится «кладбище карбасов», рыбные амбары¹ (ил. 8, 9).

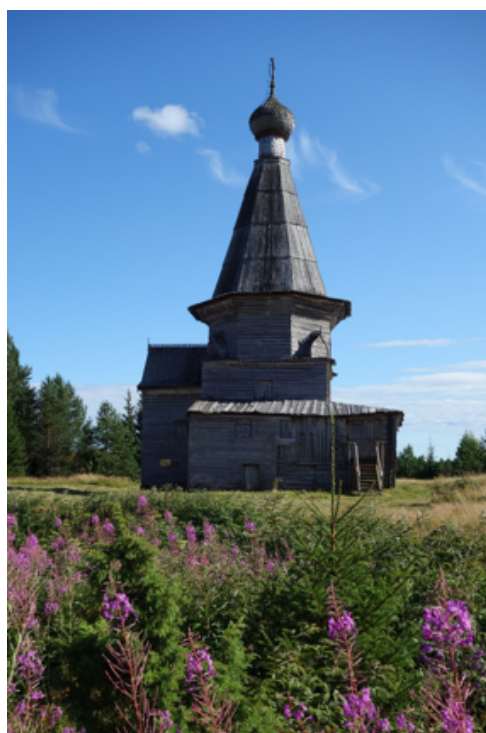

Иллюстрация 5 – Никольская церковь, с. Пурнема, Онежский р., 1618. Фото А. Пермиловской
Figure 5 – St. Nicholas Church, Purnema Village, Onega Region, 1618. Photo by A. Permilovskaya

¹ ПМА. Информант Дерябин Дмитрий Анатольевич, г.р. 1971, м. р. и м. п. с. Пурнема Онежский р., июль 2021.

Иллюстрация 6 – Резные кокошники Никольской церкви, с. Пурнема, Онежский р., 1618. Фото А. Пермиловской
Figure 6 – Carved Kokoshniks of St. Nicholas Church, Purnema Village, Onega Region, 1618.
Photo by A. Permilovskaya

Иллюстрация 7 – Интерьер Никольской церкви, с. Пурнема, Онежский р., 1618.
Фото А. Пермиловской
Figure 7 – Carved Kokoshniks of St. Nicholas Church, Purnema Village, Onega Region, 1618.
Photo by A. Permilovskaya

**Иллюстрация 8 – Коса «Кендище», с. Пурнема, Онежский р.
Фото А. Пермиловской**
**Figure 8 – Spit “Kendishche”, Purnema Village, Onega Region, 1618.
Photo by A. Permilovskaya**

**Иллюстрация 9 – Рыбный амбар на берегу Белого моря, с. Пурнема, Онежский р., начало XX в.
Фото А. Васиной**
**Figure 9 – Fish Barn on the White Sea Shore of Purnema Village, Onega Region,
Early 20 century. Photo by A. Vasina**

Пурнема принадлежит к приморско-приречному подтипу заселения, так как основано не только на морском побережье, но и в устье реки; и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки [26]. Длина поселения — около 2 км. Окна домов обращены на южную сторону, реку и море и имеют хорошее освещение. Для Пурнемы характерен комплекс дома-двора типа «брус» с высоким подклетом. Жилая часть — четырехстенки, изредка встречаются пятистенки с 3–6 окнами по главному фасаду (Архив НИЦ ТКМП. Отчет НИР. 2020. С. 123–124). Сбор и систематизация данных позволяют рекомендовать для постановки под охрану историческое поселение Пурнема как ДМ² [27] муниципального уровня с выявленными памятниками архитектуры: 1) церковь Рождества Христова, 1861; 2) дом-двор Е. А. Бровкова, Низ, конец XIX в. В качестве объектов туристического показа, имеющих историко-культурную ценность: 1) дом-двор Бровковых (зажиточного торговца), Низ, конец XIX — начало XX вв.; 2) дом-двор К. З. Суханова, Низ, конец XIX в.; 3) дом-двор Бровковых-Сидоровых, Низ, конец XIX в.

Малешуйка. Малешуйский приход был образован в XVII в. под названием «Шуйская монастырская волость», которая ранее принадлежала Кожеозерскому монастырю. Село Малешуйка расположено на бывшем Онега-Кемском почтовом тракте, на расстоянии 5 км от берега Белого моря. Поселение стоит на двух берегах, в излучине р. Малешуйка. О происхождении названия поселения «местные жители говорят о принадлежности этих земель Василию Шуйскому, о расположении деревень по левую сторону реки Малой Шуйки — «ошуй», о том, что Шуйка бежит «шумко», т. е. «быстро» [15, с. 111]. Большинство жителей делят поселение на три части: Верховье и Низ (ранее д. Вачевская и д. Абрамовская) [2] — на правом берегу реки, и Заречье — на левом берегу. В XIX в. части поселения на разных берегах были связаны мостом «на козлах». В начале XX в. были установлены два моста на «ряжах». До наших дней сохранился мост, связывающий деревни Верховье и Заречье. Рельеф местности, занятой жилой застройкой, низменно-равнинный, но в границах поселения встречается несколько возвышенностей, что нашло отражение в топонимике: г. Крестовуха, Чуйнака, Калиновка. Холмы играли важную роль в формировании сакрального ландшафта поселения, на них устанавливались утраченные к настоящему времени деревянные кресты [22, с. 78].

На одной из таких возвышенностей, на правом берегу реки, располагается культовый ансамбль (ил. 10). Это летняя шатровая Никольская церковь (1638), зимняя многоглавая Сретенская церковь (1873) и колокольня (1807). Ровная площадка обеспечила свободное размещение построек, они визуально хорошо просматриваются со всех дорог и частей поселения. Никольская церковь построена по указу митрополита новгородского Афония в 1638 г. «на месте сгоревшего храма в честь такого же святого» [8, с. 17]. В основании храма — «восьмерик на четверике», увенчанный высоким шатром. Шея главки шатра украшена резным воротником — епанчей. Трапезная расширена в 1825 г. за счет крытой галереи-паперти, которая придает постройке ассиметричную форму. Ранее одной из самых выразительных и редких частей церкви было двухвсходное крыльцо с килевидной полой бочкой, увенчанной главой (утрачено) [24,

² «Достопримечательные места — это творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе: центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории РФ..., историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей... Предметом охраны являются градостроительные, геологические, ландшафтные, объемно-пространственные, планировочные, архитектурно-стилистические характеристики» [27].

с. 42]. Каменное зодчество имеет редкие аналоги «полого» завершения бочки крыльца. Сретенская церковь была построена на месте сгоревшей в 1870 г. церкви [8, с. 17]. Памятник имеет симметричную по продольной оси композицию, состоящую из главного молитвенного помещения с трехгранной алтарной апсидой и трапезной с притвором. Главное молитвенное помещение — четверик, покрытый четырехскатной кровлей, завершенный пятиглавием. Алтарь имеет вальмовую крышу с главкой и крестом [8, с. 17–18]. Отдельно от церкви стоит двухъярусная колокольня — «восьмерик на четверике». В 1853 г. шатер был заменен низкой кровлей со шпилем. С западной стороны нижнего яруса располагается два входа, к которым вела утраченная в настоящее время лестница. От крыльца остались только выпуски венцов сруба четверика. Все памятники стоят на прочном фундаменте из камней, обшиты тесом (Архив НЦ ТКМП. Отчет НИР. 2019). К утраченным памятникам исторического сакрального ландшафта поселения относится церковь Архангела Михаила и Св. Апостолов Петра и Павла. Первоначально это была часовня клетского типа с одноглавым завершением (1884) на территории приходского кладбища [8, с. 18]. В 1915 г. к часовне был прирублен алтарь (ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 2056. Л. 13). После прихода советской власти церковь была снесена.

Иллюстрация 10 – Культурный ансамбль с. Малошуйка: Сретенская церковь (1873), Никольская церковь (1638), колокольня (1807), Онежский р. Фото М. Нащокиной
Figure 10 – Cult Ensemble Maloshuyka Village, Onega Region: Meeting of the Lord Church (1873), St. Nicholas Church (1638), Bell Tower (1807). Photo by M. Nashokina

Благодаря равнинному характеру ландшафта, в поселении преобладает прибрежно-рядовая и уличная планировка. Дома в деревнях Верховье и Низ окнами «смотрят» на юг юго-запад. В д. Заречье главные фасады домов обращены на север и северо-восток. Жилая застройка значительно пострадала в результате пожара 1989 г., когда было утрачено 22 дома. Примером типичного жилища выступает комплекс дома двора М. Заболотной в д. Низ, конец XIX вв. Это пропорциональный четырехстенок с 4 окнами по главному фасаду, на среднем подклете. Прием соединения жилья

и двора — «брус». Жилая часть состоит из горенки («передней») с печью-голландкой и кухни с большой русской печью, сеней. Дома поселения не отличаются богатством декора. Постройки характеризуются аскетичностью, лаконичностью пропорций, что связано с образом жизни. Экстремальные природно-климатические условия, близость моря повлияли на образ жизни и сформировали суровый характер поморов, что нашло отражение и в архитектуре. В XIX – середине XX вв. в с. Малошуйка возводились традиционные хозяйственные и инженерные постройки: амбары, амбары-магазины, гумна с овинами, мосты. Вплоть до 70-х гг. XX в. здесь бытовали бани «по-черному», которые ставились на берегу реки. В это же время, до возведения животноводческих ферм, многие дома раскулаченных крестьян использовались под конюшни и свинарники. В настоящее время в д. Заречье сохранился амбар-магазин для хранения зерна, середина 50-х гг. XX в. Как магазин, так и ряжевый мост выступают примерами сохранения традиций деревянного зодчества, которые нашли свои воплощение и в постройках советской эпохи.

Историко-культурная среда, формирующая арктический культурный ландшафт с. Малошуйка, сохранила основные черты традиционной культуры XIX в.: прибрежно-рядовая и уличная планировки, комплекс гражданской, хозяйственной, жилой архитектуры, уникальный культовый ансамбль, состоящий из памятников ФЗ. Исследования позволяют рекомендовать поселение Малошуйка как ДМ муниципального уровня с постановкой на охрану: 1) дом-двор Б. П. Ауровой, д. Низ, 1917. В качестве объектов туристического показа, имеющих историко-культурную ценность: 1) дом-двор В. А. Баева, д. Верховье, конец XIX в.; 2) дом-двор В. А. Кузьмина, д. Заречье, 1885; 3) дом-двор А. Н. Кузнецова, д. Заречье, 1927; 4) дом-двор М. Заболотной, д. Низ, конец XIX в.; 5) колхозный амбар-магазин, середина XX в.; 6) деревянный мост на ряжах, д. Абрамовская, конец XX в.

Ворзогоры, так же как и обследованные ранее поморские поселения, относятся к типу «погост с деревнями». Эту особенность в 1970–1980-е гг. выявила Т. А. Бернштам [4] с гнездовым расселением. Исходной формой образования гнезда было «печище» — «локализованное поселение группы родственников», от которого через какое-то время отделялось новое поселение (на Пинеге называемое «окол»), тем самым возникало гнездо [19]. Внутри гнезда могло образоваться 20 и более окол. Это является подтверждением существования славянской традиции — патронимии, где в ряде сел имеются группы семей, ведущих происхождение от общего предка, их усадьбы и дома сконцентрированы в одном месте. Часто дома принадлежат однофамильцам. Эти родственные группы характеризуются совместным использованием земельными угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах и постройке жилища [21, с. 68]. Село состоит из двух деревень: Кондратьевская и Яковлевская (по имени братьев-основателей), оно расположено в 21 км от г. Онеги на побережье Белого моря. Среди жителей бытует устойчивая топонимическая легенда: в с. Загоры (за горой) в поисках места для строительства порта приехал царь Петр I. Ночью у его лошади пропали стремена. Обнаружив пропажу, государь закричал: «Да это не Загоры, а Вор — за горы!» [15, с. 96]. Планировочная структура Ворзогор (протяженность — 2 км) обусловлена изолированностью поселения: с северной стороны — Белое море, с южной — болото, образовавшееся на месте морского залива; отсутствие реки, хороших сенокосных угодий, пашенной земли и качественного строевого леса.

Ворзогорский приход существует с 1578 г. [11, с. 13] (ил. 11). Никольская (летняя) церковь (1636) — высокий сруб, перекрытый четырехскатной кровлей с 5 восьми-

гранными барабанами, крытые небольшими овальными куполами, через шейки, плавно переходящие в изящные лемеховые главки. Это редко встречающийся декоративный прием оформления храма [3, с. 97]. Зимняя Введенская церковь (1793) ранее также была увенчана пятиглавием. Колокольня (1862) — восьмерик на четверике с куполообразным завершением, шпиль и крест утрачены. Триада погоста представляет в плане «треугольник» и градоформирующий центр д. Кондратьевской: жилые дома окнами «смотрят» на культовый ансамбль. Ранее на погосте находились дома священника, псаломщика (1871), церковная ограда, кладбище (утрачены). Интерьеры храмов восстановлены, иногда в них проводятся литургии. Ворзогорские поморы, кроме обычного для них морского промысла, в XIX в. выращивали горох, картофель, ячмень, рожь, овес, о чем говорят и существовавшие ранее 3 мельницы-«шатровки» [25].

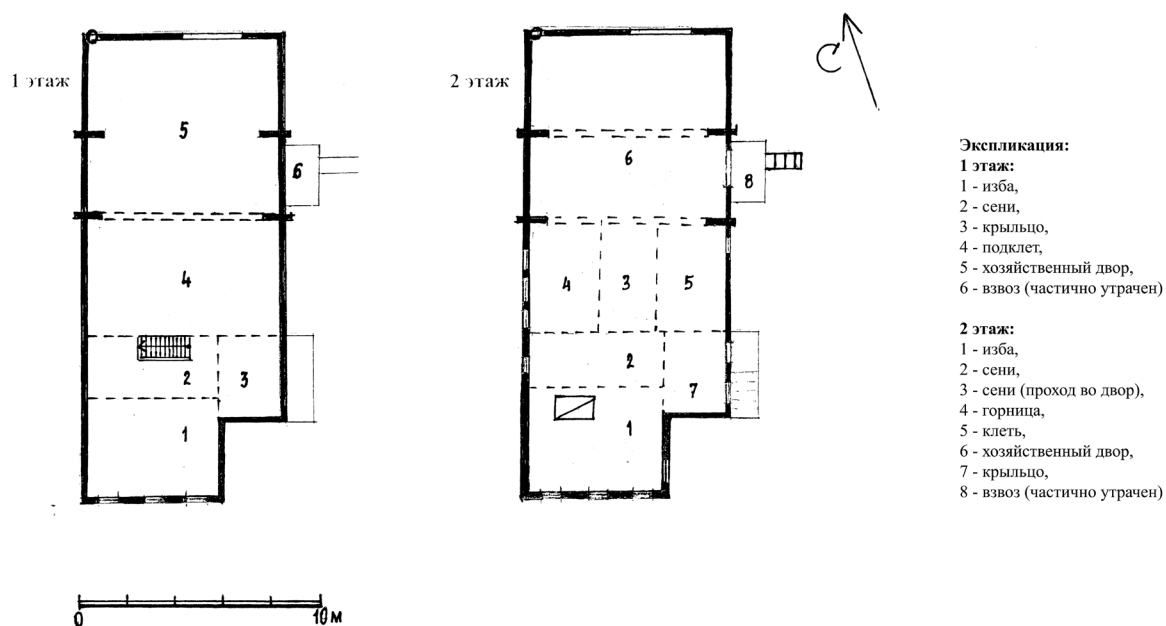

Иллюстрация 11 – Никольская церковь (1636), Введенская церковь (1793), колокольня (1862), с. Ворзогоры, Онежский р. Фото А. Усова
Figure 11 – St. Nicholas Church (1636), Church of the Entry of the Lord (1793), Bell Tower (1862), Vorzogory Village, Onega Region. Photo by A. Usov

Результат исследования позволяет рекомендовать с. Ворзогоры для сохранения как ДМ муниципального уровня. Для постановки на охрану в качестве памятников архитектуры: 1) дом-двор Г. А. Гуниной, д. Яковлевская, 1860-е гг.; 2) дом-двор Э. Н. Мартын, д. Кондратьевская, середина (?) — конец XIX в. (ил. 12); 3) амбар-магазея, д. Кондратьевская, конец XIX в.; 4) амбар Н. А. Радкевич, д. Яковлевская, конец XIX в.

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Эльвиры Николаевны Мартын
с. Ворзогоры (д. Кондратьевская), Онежский район
Середина XIX века

Руководитель научного проекта д. культ. А.Б. Пермиловская
Научная информация А.А. Усова
Обмеры арх. А.А. Усова, Т.В. Жигальцовой
Камеральная обработка арх. Н.А. Подобиной, 2018

Иллюстрация 12 – Дом-двор Э. Н. Мартын, с. Ворзогоры (д. Кондратьевская), Онежский р., середина (?) — конец XIX вв. Руковод. проекта д. культ. А. Пермиловская. Научная информация, фото А. Усова, обмеры А. Усова, арх. Н. Подобиной
Figure 12 – House of E. N. Martyn, Village Vorzogory (Kondratyevskaya), Onega Region, Middle (?) — End. 19 centuries. Project manager DSc in Culturology A. Permilovskaya. Scientific Information, Photo by A. Usov, Architect N. Podobina

Проведенное исследование позволяет утверждать, что культурное наследие Онежского Поморья представлено деревянным зодчеством, природно-культурным ландшафтом, исторической памятью. Выявлены строительные приемы возведения жилого комплекса дома-двора как способа адаптации к условиям Арктики. Установлено, что деревянная архитектура выступает как специфический этномаркер севернорусской идентичности. Подготовлены рекомендации по сохранению культурных ландшафтов в качестве объектов культурного наследия ДМ для администрации Архангельской обл. и МО «Онежский район».

Арктика, с ее сохранившейся историей и культурой, является мировой сокровищницей технологий и практик устойчивого развития. Поселения Онежского Поморья являются примерами субарктического морского культурного ландшафта. Изучение поселений направлено на включение регионального культурного наследия [1] в повседневную жизнь местного населения, формирования благоприятной среды их существования, возможности развития здесь культурного, научного, экотуризма, создание гостевых домов, культурных индустрий, малого бизнеса, появления новых рабочих мест для поморов с целью обеспечения устойчивого развития АЗ РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Анна Борисовна Пермиловская: биобиблиографический справочник / сост. М. А. Смирнова; отв. ред., автор вступ. ст. Т. С. Злотникова; архив, фото А. Б. Пермиловская. Архангельск: Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лаврова Уральского отделения РАН, 2018. 172 с.
- 2 Архив культурного наследия. Код памятника 2910065000. Погост Малошуйка, первая половина XVII – вторая половина XIX в. / сост. П. Н. Шармин, 1990 // Архив культурного наследия. URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/2910065000.html> (дата обращения: 16.04.2020).
- 3 Архитектурный путеводитель по деревянному зодчеству Русского Севера // авт.-сост.: М. Б. Гуров, Э. В. Сакулина. М.: Ин-т Наследия, 2018. 380 с.
- 4 *Бернитам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 173 с.
- 5 *Бернитам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- 6 *Бокарев А. В., Мелюх Е. А., Ходаковский Е. В. и др.* Строительная история храмового комплекса поморского села Пурнема в XVI–XIX вв. // Архитектурное наследие. М.; СПб.: Коло, 2014. Вып. 61. С. 57–69.
- 7 *Борисов А. А.* У самоедов. СПб.: [б. и.], 1907. В стране холода и смерти. СПб.: Paulsen, 1909. Репринтное изд-е под общ. ред. П. В. Боярского. М.: Paulsen, 2013. 330 с.
- 8 *Верюжский М.* Малошуйский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 3. С. 16–18.
- 9 *Грищенко И. В.* Климат Архангельской области. Архангельск: Тип. А4, 2017. 203 с.
- 10 *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. 480 с.
- 11 Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск: [б. и.], 1896. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. 267 с.

- 12 Куратов А. А. Поморы // Поморская энциклопедия: в 5 т. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. 483 с.
- 13 Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
- 14 Лукин Ю. Ф. Пространство северных территорий // Северное регионоведение в современной регионологии. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005. С. 64–108.
- 15 Матонин В. Н. «Наше море — наше поле». Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. 334 с.
- 16 Мильчик М. И. Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижнеозеро. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1971. 16 с.
- 17 Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья: по материалам онежских экспедиций: 1987–2001 гг. Онега, Архангельск: Т-во Северного Мореходства; М.: Фолиум, 2011. 383 с.
- 18 Родионов А. В. Приходское духовенство: гениалогия пасторовых, Пасторовых-Поповых и Пасторовых-Дьячковых // Известия русского генеалогического общества. 2017. Вып. 31. С. 203–236.
- 19 Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: Уральское отделение РАН; Архангельск: ОАО «ИПП Правда Севера», Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2013. 608 с.
- 20 Пермиловская А. Б. Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 362–365.
- 21 Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: ОАО «ИПП Правда Севера»; Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2010. 552 с.
- 22 Пермиловская А. Б., Усов А. А. Культурный ландшафт как фактор формирования традиционного деревянного зодчества северных и арктических территорий // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 77–81. DOI: 10.30853/manuscript.2020.5.14
- 23 Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова // Социально-правовое положение северного крестьянства / под ред. П. А. Колесникова. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 1981. С. 129–131.
- 24 Суслов В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1888. 72 с.
- 25 Усов А. А. Традиционное крестьянское жилище в культурном ландшафте Онежского Поморья (на примере с. Ворзогоры) // Культура и искусство. 2019. № 5. С. 31–41. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.5.29339
- 26 Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л.: Стройиздат, 1982. 168 с.
- 27 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 N 73-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата обращения: 05.04.2020).
- 28 Хатанзейская Е. В. Церковь Рождества Христова села Пурнема Онежского района Архангельской области как образец деревянной храмовой архитектуры втор. пол. XIX в. Европейского Севера России // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 74–85. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.7.33337

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

АЗ РФ — Арктическая зона Российской Федерации.

Архив НЦ ТКМП, Отчет НИР — Архив Научного центра традиционной культуры и музейных практик. Отчет НИР «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики», № гос. регистрации — АААА-А18-118012390220-3 (руков. д-р культ. А. Б. Пермиловская), 2018–2020.

ГААО — Государственный архив Архангельской области.

ГИИ — Государственный институт искусствознания.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГНИМА — Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева.

НПЦ — Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Архангельской области.

ОИММ — Онежский историко-мемориальный музей.

ПМА — полевые материалы автора.

РЭМ — Российский этнографический музей.

© 2022. Anna B. Permilovskaya
Arkhangelsk, Russia

ONEGA POMORYE CULTURAL LANDSCAPE AS A HERITAGE OBJECT

Acknowledgements: The study is carried out following the state task on the scientific topic No. 122011300471-0 “Comprehensive study of folk architecture as an ethno-marker of traditional Russian culture in the process of historical development in the European North and the Arctic”.

Abstract: The research presents the results of a comprehensive survey of the cultural landscape, rural historical settlements of the Arctic zone of the Russian Federation — Onega Pomorye (2018–2021). Pomorye is a special region of the Russian North, which represents the Russian version of maritime culture in the Arctic. Empirical field material, archival and museum sources, monuments of wooden architecture. In the Russian North, the natural landscape determined the direction of colonization flows, the type of settlement, and the layout of settlements. For the North, the nesting is the most characteristic type of settlement, in which settlements are located not alone, but in groups, which is reflected in the creation of well-known architectural and natural ensembles. The study involved survey of the ancient historical settlements on the territory of the Onega Pomorie (Purnema, Maloshuyka, Vorzogory) with preserved cult ensembles (called “tees”). The ensemble consists of summer cold, winter warm churches, a bell tower. Art-built temples were erected by local Onega craftsmen. A significant part of the temples of Pomorye was dedicated to the patron saint of sailors: St. Nicholas, which was reflected in the local saying “from Kholmogor to Kola 33 Nikola.” The research included the first ever survey of peasant houses and of economic and industrial architecture, ensuing their schematic measurements, the identifying of new monuments of wooden architecture, offering ideas for their conservation, use, revalorization, as well as determining possible

category of protection of settlements. It has been established that wooden architecture in Pomorye acts as a specific ethno-marker of the North Russian identity. The author came up with recommendations on the preservation of cultural landscapes as objects of cultural heritage for the Administration of the Arkhangelsk region and Onega region.

Keywords: Cultural Heritage, Cultural Landscape, Rural Historical Settlement, Wooden Architecture, Russian North, Arctic, Onega Pomorye.

Information about the author: Anna B. Permilovskaya — DSc in Culturology, Academician of the Academy of Architectural Heritage, Head, Chief Researcher Scientific Center of Traditional Culture & Museum Preservation N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolsky pr., 20, 163020 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

E-mail: annaperm@fciactic.ru

Received: September 16, 2021

Approved after reviewing: December 29, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Permilovskaya A. V. Onega Pomorye Cultural Landscape as a Heritage Object. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 99–119. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-99-119>

REFERENCES

- 1 *Anna Borisovna Permilovskaia: biobibliograficheskii spravochnik* [Anna Borisovna Permilovskaya: Biobibliographic Reference book], comp. M. A. Smirnova; ex. ed., author introd. by T. S. Zlotnikova; archive photo A. B. Permilovskaia. Arkhangel'sk, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the RAS Publ., 2018. 172 p. (In Russian)
- 2 Arkhiv kul'turnogo naslediiia. Kod pamiatnika 2910065000. Pogost Maloshuika, pervaiia polovina XVII – vtoraiia polovina XIX v., comp. P. N. Sharmin, 1990 [Archive of Cultural Heritage. Site Code 2910065000. Maloshuyka Churchyard, First Half of the 17th – Second Half of the 19th Century]. In: *Arkhiv kul'turnogo naslediiia* [Cultural Heritage Archive]. Available at: <http://nasledie-archive.ru/objs/2910065000.html> (Accessed 16 April 2020). (In Russian)
- 3 *Arkhitekturnyi putevoditel' po dereviannomu zodchestvu Russkogo Severa* [Architectural Guide to Wooden Architecture of the Russian North], author-comp.: M. B. Gurov, E. V. Sakulina. Moscow, Institut Naslediiia Publ., 2018. 380 p. (In Russian)
- 4 Bernshtam T. A. *Pomorye. Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors. Group Formation and Farm System]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 173 p. (In Russian)
- 5 Bernshtam T. A. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v.* [Russian Traditional Culture of Pomorye in 19 – early 20th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p. (In Russian)
- 6 Bokarev A. V., Meliukh E. A., Khodakovskii E. V. and other *Stroitel'naia istoriia khramovogo kompleksa pomorskogo sela Purnema v XVI–XIX vv.* [Building History of the Temple Complex in the Purnema Settlement in the 16–19 Centuries]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. Moscow, St. Petersburg, Kolo Publ., 2014, vol. 61, pp. 57–69. (In Russian)
- 7 Borisov A. A. *U samoedov* [At Samoyedic People]. St. Petersburg, 1907. V strane kholoda i smerti [In the Land of Cold and Death]. St. Petersburg, Paulsen Publ.,

1909. Reprint edition ed. by P. V. Boiarskii. Moscow, Paulsen Publ., 2013. 330 p. (In Russian)
- 8 Veriuzhskii M. Maloshuiskii prikhod [Maloshuisky Parish]. *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1896, no 3, pp. 16–18. (In Russian)
- 9 Grishchenko I. V. *Klimat Arkhangel'skoi oblasti* [Climate of Archangelsk Region]. Arkhangel'sk, Tipografiia A4 Publ., 2017. 203 p. (In Russian)
- 10 Illiustrov I. I. *Sbornik rossiiskikh poslovits i pogovorok* [Collection of Russian Proverbs and Sayings]. Kiev, Tipografiia S. V. Kul'zhenko Publ., 1904. 480 p. (In Russian)
- 11 *Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvei Arkhangel'skoi eparkhii* [Brief Historical Description of the Parishes and Churches of the Arkhangelsk Diocese]. Arkhangel'sk, 1896. Vol. 3: Uezdy Onezhskii, Kemskii i Kol'skii [Counties Onega, Kemsky and Kolsky]. 267 p. (In Russian)
- 12 Kuratov A. A. Pomory [Pomors]. *Pomorskaia entsiklopediia: v 5 t.* [Pomors encyclopedia: in 5 Vols.]. Arkhangel'sk, Lomonosov Pomor State University Publ., 2001. Vol. 1: Istoriia Arkhangel'skogo Severa [History of the Archangelsk North]. 483 p. (In Russian)
- 13 Likhachev D. S. *Russkaia kul'tura* [Russian Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 440 p. (In Russian)
- 14 Lukin Iu. F. Prostranstvo severnykh territorii [The Space of the Northern Territories]. In: *Severnoe regionovedenie v sovremennoi regionologii* [Northern Regional Studies in Modern Regional Studies]. Arkhangel'sk, Lomonosov Pomor State University Publ., 2005, pp. 64–108. (In Russian)
- 15 Matonin V. N. “*Nashe more — nashe pole*”. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: genesis, struktura, semantika* [“Our Sea is our Field”. Socio-Cultural Space of the Northern Village: Genesis, Culture, Semantics]. Arkhangel'sk, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University Publ., 2013. 334 p. (In Russian)
- 16 Mil'chik M. I. *Pamiatniki arkhitektury Arkhangel'skoi oblasti. Purnema i Nizhmozero* [Architectural Monuments of the Arkhangelsk Region. Purnema and Nizhmozero]. Arkhangel'sk, Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971. 16 p. (In Russian)
- 17 *Ne vek zhit' — vek vspominat'. Narodnaia kul'tura Poonezh'ia i Onezhskogo Pomor'ia: po materialam onezhskikh ekspeditsii: 1987–2001 gg.* [Not a Century to Live — a Century to Remember. Traditional Culture of Poonezhie and Onega Pomorye: Based on Materials from the Onega Expedition]. Onega, Arkhangel'sk, Tovarishchestvo Severnogo Morekhodstva Publ.; Moscow, Folium Publ., 2011. 383 p. (In Russian)
- 18 Rodionov A. V. Prikhodskoe dukhovenstvo: genialogiia pastorovykh, Pastorovykh-Popovykh i Pastorovykh-D'chkovykh [Parish Clergy: the Genealogy of the Pastors, Pastor-Popovs and Pastorov-D'chkovs]. *Izvestiia russkogo genealogicheskogo obshchestva*, 2017, vol. 31, pp. 203–236. (In Russian)
- 19 Permilovskaia A. B. *Kul'turnye smysly narodnoi arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural Branch of the RAS Publ.; Arkhangel'sk, OAO “IPP Pravda Severa” Publ., Iaroslavl', Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2013. 608 p. (In Russian)
- 20 Permilovskaia A. B. Kul'turnoe prostranstvo Russkii Arktiki [Cultural Space of the Russian Arctic]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2015, no 3, pp. 362–365. (In Russian)
- 21 Permilovskaia A. B. *Russkii Sever kak osobaia territoriia naslediia* [Russian North as a Special Territory of Heritage]. Arkhangel'sk, OAO “IPP Pravda Severa” Publ.;

- Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 552 p. (In Russian)
- 22 Permilovskaia A. B., Usov A. A. Kul'turnyi landshaft kak faktor formirovaniia traditsionnogo dereviannogo zodchestva severnykh i arkticheskikh territorii [Cultural Landscape as a Factor in the Formation of Traditional Wooden Architecture in the Northern and Arctic Territories]. *Manuskript*, 2020, vol. 13, issue 5, pp. 77–81. DOI: 10.30853/manuskript.2020.5.14 (In Russian)
- 23 Sotnaia na Turchasovskii stan Kargopol'skogo uezda s knig pis'ma Ia. I. Saburova i I. A. Kutuzova [A hundred to the Turchasovsky Camp of the Kargopol District from the Books of the Letter of Ya. I. Saburov and I. A. Kutuzov]. In: *Sotsial'no-pravovoe polozhenie severnogo krest'ianstva* [Social and Legal Status of the Northern Peasantry], ed. by P. A. Kolesnikova. Vologda, Vologda State University Publ., 1981, pp. 129–131. (In Russian)
- 24 Suslov V. V. *Putevye zametki o Severe Rossii i Norvegii* [Travel Notes about the Russia and Norway North]. St. Petersburg, Tipografia A. F. Marksa Publ., 1888. 72 p. (In Russian)
- 25 Usov A. A. Traditsionnoe krest'ianskoe zhilishche v kul'turnom landshafte Onezhskogo Pomor'ia (na primere s. Vorzogory) [Traditional Peasant Dwelling in the Cultural Landscape of Onega Pomorye (on the Example of the Village of Vorzogory)]. *Kul'tura i iskusstvo*, 2019, no 5, pp. 31–41. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.5.29339 (In Russian)
- 26 Ushakov Iu. S. *Ansambl' v narodnom zodchestve Russkogo Severa* [Ensemble in the Traditional Architecture of the Russian North]. Leningrad, Stroizdat Publ., 1982. 168 p. (In Russian)
- 27 FZ “Ob ob"ektakh kul'turnogo nasledii (pamiatnikakh istorii i kul'tury) narodov RF” ot 25.06.2002 N 73-FZ [The Federal Law “On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation” of 25.06.2002 No. 73-FL]. In: *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [The Official Internet Portal of Legal Information]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (Accessed 05 April 2020). (In Russian)
- 28 Khatanzeiskaia E. V. Tserkov' Rozhdestva Khristova sela Purnema Onezhskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti kak obrazets dereviannoi khramovoi arkhitektury vtoroi poloviny XIX v. Evropeiskogo Severa Rossii [Church of the Nativity of Christ in the Village of Purnema, Onega District, Arkhangelsk Region as an Example of Wooden Temple Architecture the Second Half 19 Century. European North of Russia]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2020, no 7, pp. 74–85. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.7.33337 (In Russian)

LIST OF ABBREVIATIONS

Archive of the SC TCMP, Research Report — Archive of the Scientific Center of Traditional Culture and Museum Preservation), Research Report “A Comprehensive Research of the Formation and Transformation of Historical and cultural heritage in the ethno-social dynamics of the European North and the Arctic”, state registration number — AAAA-A18-118012390220-3 (head, DSC in Culturology Permilovskaya A. B.), 2018–2020

AZ RF — Arctic zone of the Russian Federation

FMA — field materials of the author

OIMM — Onega historical and memorial museum

SAAR — State archive of the Arkhangelsk region

SHM — The State Historical Museum

SIAS — The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation

SMA — A. V. Schusev State Museum of Architecture

SPC — Scientific and production center for the preservation of historical and cultural monuments of the Arkhangelsk region.

RME — The Russian Museum of Ethnography

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-120-133>

УДК 008

ББК 71+85.11

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Т. В. Пойдина

г. Барнаул, Россия

© 2022 г. С. Б. Поморов

г. Барнаул, Россия

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Статья посвящена осмыслению опыта проектно-художественного формообразования в средовом дизайне как интегрального феномена. Художественно-синтетические основы проектных практик, где образно-содержательным и пространственно-пластическим связям отведено центральное место, определяют вектор исследования дизайна в целостной взаимосвязи с пространственными и пластическими видами искусств. Интеграционные процессы в проектной культуре рассматриваются авторами на примере средового дизайна. В статье обозначены современные подходы к художественно-проектной организации пространства, где определяющее значение имеет аксиологически-ориентированное проектное мышление дизайнера и понимание преемственности художественно-пластических традиций в формировании предметно-пространственной среды. В этих условиях новое качество получает природосообразность и местосообразность проектных решений, с учетом архитектурного актива местности и архитектурного средового сценария. В статье показано, что проектно-художественные интеграционные процессы представляют новый и сложный проектный синтез, определяют целостность среды и эстетическое формообразование. В проектно-художественном синтезе выражаются концепции, ценностные, творческие интенции и перцептивные действия проектировщика и устанавливаются связи с историко-культурной реальностью. Это позволяет рассматривать дефиницию «проектно-художественный синтез» как целостно-структурированную систему в бытии проектной культуры.

Ключевые слова: средовой дизайн, проектная культура, образ среды, сценарный метод, интеграция, формообразование, проектно-художественный синтез.

Информация об авторах:

Татьяна Витальевна Пойдина — кандидат искусствоведения, доцент, Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, 656049 г. Барнаул, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8039-2010>

E-mail: tatiana.870@mail.ru

Сергей Борисович Поморов — доктор архитектуры, профессор, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, пр. Ленина, д. 46, 656038 г. Барнаул, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5774-245X>

E-mail: pomorovs@mail.ru

Дата поступления статьи: 31.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 24.06.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Пойдина Т. В., Поморов С. Б. Интеграционные процессы в современной проектно-художественной культуре // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 120–133. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-120-133>

Поворот исследовательского дискурса на осмысление концептуальности проектных решений, а также современные процессы, связанные с рефлексивностью дизайна в контексте культуры, актуализируют анализ аксиологического компонента проектной деятельности дизайнера. Искусствоведческая разработка феномена проектной культуры предполагает не только понимание художественных явлений ее ставящих, но и осмысление самого аппарата анализа. В последней четверти XX столетия понятие проектной культуры получило развитие в культурологическом измерении, с опорой на представление о культуре как знаковой системе, аккумулирующей систему ценностей, соответственно, дизайн, как важный компонент проектной культуры, получил осмысление в контексте культуросообразности проектирования и социокультурных и гуманитарных проблем общественного развития. О. И. Генисаретский определил основные составляющие проектной культуры: экологическая, образожизненная, аксиологическая [6], с одной стороны, это повлекло широкое употребление термина «проектная культура» в междисциплинарном аппарате и контексте научного знания, с другой стороны, в современной гуманитарной науке происходит расширение методологической базы в изучении художественно-проектных и средовых процессов. Апеллируя к онтологии художественного мира дизайна, Н. А. Ковешникова рассматривает данную дефиницию как целостную структуру, выделив: 1) ценностно-смысловые установки; 2) конкретные способы и средства достижения практического результата [11]. В качестве ключевых компонентов и базовых детерминантов художественно-проектной культуры исследователем определены проектная идеология, проектная методология и профессиональная художественная практика.

Содержательно-смысловые единицы концепта «проектная культура» — экологический, аксиологический и концептуальный — детерминируют выявление категориальной триады («средовой дизайн — проектно-художественный синтез — художественно-пластические традиции») и определяют предмет нашего исследования — интеграционные процессы в пространстве современной художественно-проектной культуры. Цель данной статьи — осмысление опыта проектно-художественного формообразования в средовом дизайне как интегрального феномена. Методика исследования базируется на концептуальных положениях В. Л. Глазычева, А. В. Иконникова, О. И. Генисаретского, А. В. Ефимова, С. М. Михайлова, Н. И. Барсуковой, А. П. Ермолаева, позиционирующих ценностные установки проектировщика, а также современной парадигме средового дизайна «человек – среда – культура». Концептуальное и методологическое значение для настоящего исследования имеет тезис В. Ф. Сидоренко: «...художественность — внутренний образ проектности, а проектность — деятельный модус художественности» [15, с. 70], при этом категория «проектность» понимается как способ воспроизведения и реализации художественного образа, возникшего в процессе поиска проектного решения и, соответственно, выступающего компонентом

проектной культуры. Значение для изучаемой в настоящей работе темы с методологической точки зрения имеет исследование С. А. Малахова «Композиционный метод архитектурного проектирования», теоретической основой которого является комплексный подход к изучению структуры композиционного метода в опыте индивидуального моделирования архитектурных объектов в системе ценностей средо-ориентированной методологии, при этом ориентированного «на усиление роли архитектурной формы и тактильных моделей с целью активизации телесно-чувственного, культурно-обусловленного и природо-ориентированного подхода к среде» [12, с. 9].

Художественно-синтетические основы проектных практик в средовом дизайне. В проектном творчестве категория «среда» имеет трактовку как часть «пространства», которая эмоционально и чувственно освоена человеком, находит продолжение в материальном мире, и, в отличие от пространства, среда всегда конкретна, является продуктом деятельности человека. По этому поводу А. В. Иконников пишет: «Совмещающая в единстве своих систем разновременные сложившиеся слои, предметы, принадлежащие различным временным периодам, среда связывает человека с временной глубиной бытия, его «четвертым измерением» и служит одной из форм осуществления социальной памяти» [1, с. 560]. По мнению Н. И. Барсуковой, понимаемая таким образом проблема средосозидания соотносится со стержневым вопросом онтологии и антропоэкологии [4].

В конце 60-х гг. XX в. был выдвинут тезис исследования и проектирования среды совместными усилиями архитекторов, дизайнеров, художников, что потребовало решения новых вопросов. Произошло осмысление среды как связующего звена в формообразовании материального окружения. В сферу искусствоведческого анализа вошли малые формы, средства передвижения и коммуникации, определяющие ритм городской жизни. С развитием средового подхода в 1970-е гг., опирающегося на представление о взаимодействии материального и деятельностного аспектов, происходит становление методологической базы и основополагающих принципов «средового дизайна» и художественно-проектной культуры. Предметом специального исследования стали художественно-образные и культурно-средовые аспекты проектных практик. Именно тогда проект и проектирование получили статус культурной формы любой деятельности. Дизайн, по определению О. И. Генисаретского, стал «лидером» проектной культуры. В осмыслении «средового дизайна» центральное место получил концепт «образ жизни» — взаимосвязанное единство витальных, морфологических, функциональных, аксиологических, семантических структур, употребляемый исследователями в качестве изучаемой и проектируемой реальности [4; 6]. В свою очередь, аксиологическая параметризация исследовательского дискурса выводит на понимание средового дизайна как социально-культурного феномена. «Установлено, — писал С. О. Хан-Магомедов, — что люди национальной или религиозной культуры осваивают пространство в соответствии с принятыми именно их культурой “моделями”» [16, с. 8]. Определение многоаспектной роли среды в формировании и сохранении определенной культурной общности усилило этнокультурную составляющую средового проектирования, и, как показывает проектный опыт, практика этнокультурного репродуцирования имеет актуальность в наши дни. Примером служат природно-этнографические комплексы Северо-Кавказского региона, где моделирование традиционных компонентов «этнодеревни» и «этноаула», воссоздание в облике предметно-пространственной среды стилей и образа жизни, этнокультурной традиции является важной составляющей региональной проектной практики [18]. Взаимоотношение проектировщика с традицией,

умение вписаться в исторический и этнокультурный контекст определяет характер современного профессионального проектного мышления.

С позиции системного подхода к художественной культуре и проектной деятельности, разработанного в 1970–1980-е гг. в трудах М. С. Каган, Д. А. Азрикан, В. Ф. Сидоренко, О. И. Генисаретского, В. Л. Глазычева, гармонизация среды не может осуществляться без системного охвата всех ее компонентов. О. И. Генисаретский выделяет следующие параметры в анализе среды: морфология, функционирование и семантика. Средовой подход вывел на новое осмысление концептов «городская среда» и «историческая среда». Центральное понятие «образ городской среды» интерпретируется как символ своеобразия города, непрерывно меняющаяся картина, вобравшая в себя архитектурные и природные компоненты города, стиль и темп его жизни. Особой формой синтеза дизайна с архитектурой, градостроительством и монументально-декоративным искусством становится городской дизайн с присущим ему арсеналом исследовательских и проектных методов [9; 14]. При этом от архитектуры и градостроительства городской дизайн перенял такие черты, как ансамблевость, стремление к уникальности общего композиционного решения, образность и художественную выразительность, контекстуализм [13], что определило характер образно-содержательных и пространственно-пластических связей в средовом дизайне.

На рубеже XX–XXI вв. новые формы синтеза различных видов проектно-художественной культуры детерминировали подходы к осмыслению проектно-художественных форм в средовом дизайне. В системе средового формообразования на современном этапе выделяются уровни: скульптурные и предметные формы, системы визуальной коммуникации, оборудование, цветографические и суперграфические композиции; архитектурные фасады и отдельные архитектурные объемы; архитектурные ансамбли и градостроительные комплексы; проекты колористической, световой организации города, его комплексного архитектурно-художественного оформления. В свою очередь, исследования Н. И. Барсуковой показали, что новый дискурс среды возникает параллельно с эстетикой постмодернизма, являющего собой актуализацию и сублимацию проектной традиции [4]. Среда исследуется как пространство эстетической коммуникации, что раскрывает, с нашей точки зрения, новые возможности проектного языка и вариантов использования архитектурных искусств для создания эмоционально выразительного образа среды.

Среда — семиотическая категория — служит одним из средств коммуникативной деятельности в пространстве и времени. С позиции средовой парадигмы постмодернизма, как этапа художественно-проектной культуры, средовой комплекс исследователями позиционируется целостным фрагментом действительности и с учетом его восприятия с позиции включенного потребителя. Такая среда, по мнению Н. И. Барсуковой, может приобретать вид проектной идеологемы — среда как микрокосм, как текст культуры, как тематический парк, как театр, как приключение, среда-познание, среда-движение, среда-ситуация [3]. Следовательно, наряду с осмыслением таких категорий, как пространство, художественный образ, стиль, в фокусе внимания оказывается ряд проблем средовой проблематики: полистилистика, интериоризация и экстериоризация средовых систем.

Проектно-художественный синтез в средовом дизайне как интегральный феномен. Дефиниция проектно-художественный синтез не имеет четкого терминологического определения, между тем это понятие используется в исследованиях современного средового дизайна и проектного творчества. В отечественной гуманитарной

науке теория синтеза пространственных искусств многопланово разработана в трудах В. И. Тасалова, А. Я. Зися, М. С. Каган, И. А. Азизян, И. Н. Лисаковского, где синтез как органическое соединение видов искусств, художественное идейно-мировоззренческое целое и образное единство рассматривается не только на композиционном, но и на концептуальном и стилеобразующем уровнях. В традиции отечественного искусствознания проблема синтеза получила разработку в культурно-историческом контексте и в призме художественного мышления [10]. В исследованиях С. О. Хан-Магомедова, В. Ф. Сидоренко, В. Л. Глазычева, Л. Б. Переверзева, С. А. Малахова рассматривается сущность синтеза пространственных и предметно-созидательных искусств как основы построения целостно-структурированной среды. Это позволяет сделать вывод, что синтез архитектурных искусств и элементов средового дизайна сегодня выступает активным средством формирования реальной пространственной среды, в свою очередь, художественно-синтетические возможности проектной культуры определяют вектор исследования дизайна в целостной взаимосвязи с пространственными видами искусств.

Вопросы преемственности художественно-пластических традиций и выявление образно-содержательных и пространственно-пластических связей в средовом ансамбле — это важнейшие проблемы современной художественно-проектной практики. Эти поиски актуальны и сегодня, особенно в ситуации, когда очевидна трансформация концепции классического формообразования, и соответственно пластического строя. И если классическое формообразование требует законченности композиции, ясности гармонии, выраженности тектонической структуры, то изменения в пластическом мышлении, разрушение конструктивных форм и канонов повлекло изменения в ряде положений теории и практики архитектурно-пространственного синтеза. В качестве примера, иллюстрирующего этот тезис, выступают следующие концепции:

- концепция образно-символического синтеза организации пространственной среды;
- концепция концептуального и контекстуального синтеза на основе метода «интеллектуальной дематериализации» Ж. Нувеля;
- концепция многомерного синтеза на основе семантической коммуникации и саморазвития архитектурной формы П. Эйзенмана;
- концепция интеллектуального синтеза и непрерывного сценария пространственной организации Р. Кулхаса;
- концепция интегрального синтеза и «театрализации» архитектурной среды Я. Херцога [8].

Дизайн-проектирование сегодня охватывает пространственные, пластические и архитектурные искусства. Возрастает семантическая функция современных цветографических, художественно-декоративных и пластических форм в моделировании «средовой атмосферы», где специфический результат художественной образности, эстетической ценности и эмоциональной выразительности достигается посредством синтеза пространственного, пластического и цветоцветового формообразования [14]. Саму же жизненную среду возможно определить как форму существования проектно-художественных форм, их синтеза, где визуальный текст и эстетический смысл раскрывается не только через само произведение, но и через коммуникационные каналы и средовое поведение. Выводы О. И. Генисаретского о том, что образ жизни людей образен в том же смысле, в каком образными качествами наделены средовые объекты и произведения искусства [6], усиливает значение «образности» как компонента худо-

жественно-проектной культуры. Такой подход позволяет констатировать, что культурный контекст детерминирует процесс проектирования и определяет содержательные, образные, ассоциативные и формальные взаимовлияния разных видов искусства. При этом выразительность усиливается за счет достижения художественной образности. Значение образности среды нельзя переоценить. Именно перцептивный образ среды, материализованный в средовом произведении и возникающий в сознании реципиента, потребителя, зрителя как самостоятельный творческий акт вызывает эмоциональные реакции и эстетические переживания. Нужно отметить, художественный образ — категория универсальная для всех видов искусств, вместе с тем содержание и композиционная форма, характер выражения и восприятия специфичны для каждого вида искусств.

Художественно-образное содержание средового ансамбля зависит от выразительных средств и образно-пластического языка пространственных видов искусств. Отсюда актуализируются критерии художественного образа предметно-пространственной среды: оригинальность, масштабность, гармоничность, эмоциональность, тектоника, которые могут быть достигнуты традиционными художественно-пластическими приемами архитектурных искусств и являются неотъемлемой частью архитектурных и дизайнерских проектов. Гармонизация форм элементов средового ансамбля, в том числе по стилистическому признаку и образному типу — один из важнейших приемов проектно-художественного синтеза.

Формирование проектно-художественного образа среды имеет свою специфику.

Во-первых, представляет собой проектно-художественную метафору и выражает соотношение окружающего мира с человеком, с духовной культурой, местными традициями.

Во-вторых, с позиции семиотического подхода артефакты художественно-проектной деятельности — это знаково-семантические системы, иными словами «текст» — «концептуальная система» для другого «Я», где, как емко отметил О. И. Генсаретский, проектный дискурс — процесс построения текста, отнесенного к будущему состоянию проектируемой части среды, к образу жизни и деятельности в ней пользователей [7]. Изучение текста требует понимания. Интерпретация способствует расшифровке, постижению смыслов объекта проектирования и в то же время участвует в приумножении смыслов, в создании новых с помощью тропических систем выразительного преобразования действительности [17, с. 237]. В контексте нашей темы это — «образ проекта».

В-третьих, поиск образности среды связан с традициями стилеобразования. Именно стиль определяет формообразование элементов предметно-пространственной среды. Из этого следует гармонизация форм элементов средового ансамбля с учетом стилеобразующих факторов и динамикой развития изобразительных видов художественного творчества задает вектор проектно-художественного синтеза. Практика показывает, что проектно-художественный синтез — это новый и сложный синтез, который выступает носителем качества интегральности, целостности среды, эстетического формообразования и контекстуализма проектных решений.

Интеграция проектно-ориентированных практик в средовом формообразовании. Изучение поливекторного разнообразия современных направлений авангардной архитектуры и средового дизайна в исторической проекции позволяет определить значимость современных инновационных поисков. Так, О. В. Воличенко фиксирует преемственность архитектуры раннего авангарда и доказывает его влияние на логику развития авангардной архитектуры и средового дизайна новейшего времени. Автор

выделяет и формулирует новые концептуальные направления, к ним относятся: «гипер-супрематизм» и «неосупрематизм», «темпоральный гротеск» и «сюрреалистическая архитектура-скульптура» — реализующие изобразительно-пластические нарративы в организации формы; концепции «архитектура-произведение» и «эзотерический шрифтовой символизм» стимулируют дизайнерский подход в языкотворчестве образно-смыслового содержания; концепции «гомогенная фрактальность» и «итерационная форма» проецируют модель строения природы на архитектурное формообразование. Ценным ракурсом обобщений О. В. Воличенко является их художественная направленность, в русле которой концепции авангардной архитектуры и средового дизайна новейшего времени трактуются как целостное художественное историческое явление, открывающее новый этап развития идей модернизма, который характеризуется посредством понятия «панмодернизм», позволяющем говорить о преемственности и развитии еще не реализованных полностью сторон модернизма [5]. Таким образом, традиционные для проектной культуры качества структурной определенности и законченности художественного принципа сегодня граничат с такими характеристиками, как открытость, спонтанность, эскизность проектных решений. Цвет в архитектуре приобретает новые формообразующие функции, образуя атектонические и суперграфические комбинации. Меняется характер монументально-декоративных решений в дизайне среды, скульптурные композиции приобретают абстрактные формы. Как видим, результатом слияния современных монументально-декоративных произведений и дизайнерских компонентов среды становятся движущиеся композиции (мобили), «легкие» каркасные конструкции, динамические рекламные панно, различные скульптурные инсталляции со световыми эффектами, интерактивная скульптура, они образуют самостоятельные пространственные композиции, происходит замена образных ценностей ориентационными. Однако именно художественная образность, как качество проектного мышления, выражает аксиологические установки проектировщика.

Современные подходы к художественно-проектной организации пространства — это создание образно и эмоционально насыщенной среды, что обусловило популярность сценарного метода проектирования, где объектом «сценаризации» выступают человеческие чувства. Активное вторжение массовых форм искусства и различных арт-практик в городскую жизнь как средство театрализации, зрелищного интерактивного действия в дизайне, стимулирует сценическое событие и определяет саму среду активным декорационным фоном, где художественный смысл раскрывается через пространственные и декоративно-пластические элементы в бытии среды. Человек, попавший в некую архитектурно и предметно организованную среду, выступает непосредственным участником в этом действии. Задачи организации процессов деятельности (функциональный аспект) и организация условий восприятия (перцептивный аспект) выходят на первый план, примером служит экспосреда, праздничная среда, рекреационная среда.

Предъявляемые требования к средовому дизайну качеств интегральности и универсальности подтверждают исследования концептуальной архитектуры, что получило зримое воплощение в аналитическом подходе к феномену современного архитектурно-пространственного синтеза [8]. Особое значение в пространственной структуре отводится организации функционально продуманных и технически высокооснащенных интерактивных «дизайн-пространств» [13]. Новое качество получает природосообразность и местосообразность проектных решений, с учетом архитектурного актива местности и архитектурного средового сценария.

Идея организации архитектурной среды на основе сценарно-функциональной методики вызывает сегодня повышенный интерес у проектировщиков. Сценарный подход к проектированию предполагает функции, связанные с процессами перемещения, движения, что позволяет менять видовые картины, комбинировать систему основных событий. Примером использования сценарного метода в создании новых пространственных ощущений является организация «экспозиционного маршрута» в Скайпарке в Сочи в живописном ландшафте Ахштырского ущелья в долине реки Мзымта (ил. 1). Путь следования в «парке приключений на высоте»¹, где главным объектом является оригинальной сетчатой конструкции Скайбридж длиной 439 м на высоте 207 м над глубоким Ахштырским ущельем, есть основное исходное условие действия. Натурное изучение объекта показало, что маршрут движения по подвесному мосту открывает видовые точки, обеспечивает смену впечатлений, последовательность восприятия видов ландшафта Кавказских гор, вызывает определенные эмоциональные переживания у человека-зрителя, участника экспозиционного маршрута, тем самым определяет сюжетный событийный ряд в процессе познавательного вида рекреационной деятельности.

**Иллюстрация 1 – Пешеходный подвесной мост в Сочи.
Вид из Ахштырского ущелья. Фото 2017 г.
Figure 1 – Pedestrian Suspension Bridge in Sochi.
View from the Akhshtyr Gorge. Photo 2017**

¹ Совместный российско-новозеландский проект (2014 г.).

В проектно-художественном формообразовании в средовом дизайне определяющее значение имеет аксиологически-ориентированное проектное мышление дизайнера и понимание преемственности художественно-пластических традиций в формировании предметно-пространственной среды. Творческие интенции художественно-проектной деятельности берут начало в образном схватывании, прояснении, воплощении ценностей, что требует универсализма мышления современного проектировщика. В свою очередь поиск проектно-художественной концепции тесно связан с задачей нахождения дизайнером, проектировщиком своей ниши в работе с пространством, объемами, пластикой в архитектурном и средовом творчестве. В гносеологическом аспекте представляет интерес деятельностный подход к исследованию архитектурного проектирования как феномена культуры, предложенный В. А. Барановым [2]. Такой подход базируется на толковании проектной культуры О. И. Генисаретским как культуры самой проектной деятельности, что определяет включение институализированной проектной деятельности в сферу культуры. О. И. Генисаретский концептуализирует аксиологическую составляющую проектирования и процесс проектирования он видит как творческий акт создания ценностей [7]. В. А. Баранов в качестве методологических принципов исследования проектной культуры предлагает рассматривать архитектурно-проектные решения не только как существующие объекты, но и как продукты «проектноконструкторской деятельности», реализующей определенную программу. В этом случае, продолжает мысль исследователь, «требуется не только выяснить формальный анализ объекта, но и в чем состояла деятельностная заинтересованность (позиция или подход), заставившая представлять объект так, а не иначе» [2, с. 22]. Эту же мысль продолжает Н. А. Ковешникова: «Проектная идеология задает социокультурную ориентацию, отвечающую глобальным запросам общества и решающую исторически обусловленные проблемы проектирования» [11, с. 48]. Следовательно, с позиции деятельностного и культурологического подходов методология проектной деятельности является концентрированным выражением культуры, поскольку одновременно направляет вектор практической деятельности, и, соприкасаясь с философией, вбирает мировоззренческие установки своего исторического времени и реализуется в материализованных объектах.

Таким образом, аксиологический подход к исследованию артефактов проектной культуры сопрягается с коммуникативным и диалоговым, так как создание проектных образов и их критическое осмысление сопровождается процессом трансляции новых ценностей в социум.

Закономерно сделать следующие выводы. Во-первых, значение проектно-художественной деятельности имеет определяющее значение не только в предметно-созидательном формообразовании среды, но и в формировании ценностного смысла жизненных ситуаций, событий и состояний человека. Проектная культура как эстетико-художественная категория сегодня предстает в виде ценностных ориентаций, творческих концепций эстетических идеалов, культурных образцов и профессиональных норм и составляет парадигму художественно-проектной деятельности. Базовую сущность художественно-проектной культуры составляет ценностный компонент, а именно проектная идея, концепция смысловой заданности целей и задач проектирования.

Во-вторых, в пространстве проектной культуры происходит интеграция художественно-пластических традиций и инноваций, соответственно, проектность здесь выступает созидательной формой деятельности, где художественный замысел составляет ценностное содержание проекта. Это приводит к выводу, что ключевой катего-

рией проектной культуры является проектно-художественный синтез, где образно-содержательные и пространственно-пластические связи занимают центральное место. Пространство-образующая функция синтеза составляет его исходную качественную определенность, что позволяет рассматривать дефиницию проектно-художественный синтез как целостно структурированную систему в бытии проектной культуры. В задачи проектно-художественного синтеза входит проектирование и создание условий для диалога средовых искусств и проектных практик, формирующих эстетические и художественные свойства средового ансамбля, что расширяет границы использования проектно-художественного синтеза и изменчивость продуктов синтеза. Следовательно, ставит их в зависимость не только от визуальной организации среды и ее предметных средосозидающих компонентов, но и от форм трансляции ценностей культуры. В свою очередь, проектно-художественный синтез, понимаемый на таком уровне, открывает новые глубины эмоционально-чувственного освоения архитектоники «места» в единстве и целостности природных и культурных ценностей, а также детерминирует поиски новых технологий формирования «искусственных форм», их экологическое единство с естественными природными формами, формирует ментальные, художественно-творческие, аксиологические проектные установки.

Таким образом, проектно-художественные интеграционные процессы представляют новый и сложный синтез, выступают носителем качества интегральности, определяют целостность среды, связи с историко-культурной реальностью, а также выражают ценностные ориентиры, творческие интенции и перцептивные действия проектировщика. Поэтому актуальность приобретает анализ проектно-художественных концепций организации пространства и реализация синтеза в ходе проектного процесса, что требует комплексного аналитического подхода к проектному решению. Это ставит новые научно-теоретические задачи — исследование проектно-ориентированных практик в контексте методологических проблем проектно-художественной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Архитектура и градостроительство. Энциклопедия / гл. ред. А. В. Иконников. М.: Стройиздат, 2001. 688 с.
- 2 Баранов В. А. Культура проектирования и деятельностный подход к ее изучению // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2012. № 4 (45). С. 18–23.
- 3 Барсукова Н. И. Аксиологические основы теории и методологии средового дизайна // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 9 (128). С. 21–26.
- 4 Барсукова Н. И. Дизайн среды в проектной культуре постмодернизма. М.: Российский гос. аграрный ун-т — Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, 2007. 242 с.
- 5 Воличенко О. В. Концепции авангардной архитектуры: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. Бишкек, 2018. 45 с.
- 6 Генисаретский О. И. Проблемы исследования и развития проектной культуры дизайна: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1988. 20 с.
- 7 Генисаретский О. И. Проектная культура и концептуализм // Социально-культурные проблемы образа жизни и предметной среды: сб. ст. М.: Всероссийский научно-исслед. ин-т технической эстетики, 1987. С. 39–53.

- 8 *Дуцев М. В.* Современные авторские концепции архитектурно-художественного синтеза // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 1 (19). С. 7–15.
- 9 *Ефимов А. В.* Цвет + Форма: Искусство 20–21 веков. Живопись. Скульптура. Инсталляция. Лэнд-арт. Дигитал-арт. М.: БуксМАрт, 2014. 616 с.
- 10 *Зись А. Я.* Теоретические предпосылки синтеза искусств // Взаимодействие и синтез искусств. Л.: Наука, 1978. С. 5–20.
- 11 *Ковешникова Н. А.* Проектная культура дизайнера как категория художественно-проектной деятельности // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. 2014. № 2. С. 42–50.
- 12 *Малахов С. А.* Композиционный метод архитектурного проектирования: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. Н. Новгород, 2018. 47 с.
- 13 *Михайлов С. М.* Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды (теоретико-методологическая концепция): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2011. 58 с.
- 14 *Поморов С. Б.* Многоуровневое проектирование объектов архитектурно-дизайнерской среды на основе категории «стиль». Барнаул: Алтайский гос. технический ун-т им. И. И. Ползунова, 2011. 169 с.
- 15 *Сидоренко В. Ф.* Генезис проектной культуры и эстетика дизайнерского творчества // Дизайн: сб. науч. тр. М.: Научно-исслед. Ин-т Российской академии художеств НИИ РАХ, 1993. Вып. 2. С. 56–108.
- 16 *Хан-Магомедов С. О.* Дизайн в структуре социалистической культуры // Техническая эстетика. 1981. № 4. С. 6–8.
- 17 *Яблокова А. Ю., Яблоков В. Р.* Понимание и интерпретация как основные векторы герменевтического обоснования проектной культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 5 (166). С. 234–239.
- 18 *Poydina T. V., Bortnikov S. D., Polyakova E. A.* The exhibit of ethnocultural heritage in the museum and ethnographic complexes of south Russia regions in the context of protect culture // Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis. 2017. Vol. 9. P. 508–517.

© 2022. **Tatiana V. Poydina**
Barnaul, Russia

© 2022. **Sergey B. Pomorov**
Barnaul, Russia

INTEGRATION PROCESSES IN MODERN DESIGN AND ART CULTURE

Abstract: The paper is to comprehend the experience of design and artistic shaping in environmental design as an integral phenomenon. Artistic and synthetic foundations of design practices, where figurative-content and spatial-plastic connections are given a central place, determine the vector of design research in a holistic relationship with spatial and plastic arts. The authors consider the integration processes in project culture

using the example of environmental design. The paper outlines modern approaches to art and design organization of space, where axiologically-oriented design thinking of a designer and understanding of the continuity of artistic traditions in shaping the spatial environment are of critical value. In this context, a new quality is given to the natural conformity and the place of conformity of design solutions, taking into account architectural asset of the area and architectural environmental scenario. The study demonstrates that design and artistic integration processes represent a new and complex design synthesis, determining integrity of the environment and aesthetic shaping. The design and artistic synthesis allows expressing the concepts, values, creative intentions and perceptual actions of the designer and establishing connections with historical and cultural reality which enables us to consider the definition of “project-artistic synthesis” as a holistically structured system in the existence of project culture.

Keywords: Environmental Design, Project Culture, Image of the Environment, Scenario Method, Integration, Shaping, Design and Artistic Synthesis.

Information about the authors:

Tatiana V. Poydina — PhD of Art history, Associate Professor, Altai State University, Lenina Ave., 61, 656049 Barnaul, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8039-2010>

E-mail: tatiana.870@mail.ru

Sergey B. Pomorov — PhD of Architecture, Professor, Polzunov Altai State Technical University, Lenina Ave., 46, 656038 Barnaul, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5774-245X>

E-mail: pomorovs@mail.ru

Received: December 31, 2021

Approved after reviewing: June 24, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Poydina T. V., Pomorov S. B. Integration Processes in Modern Design and Art Culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 120–133. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-120-133>

REFERENCES

- 1 *Arkhitektura i gradostroitel'stvo. Entsiklopediia* [Architecture and Urban Planning Encyclopedia], ex. ed. by A. V. Ikonnikov. Moscow, Stroiizdat Publ., 2001. 688 p. (In Russian)
- 2 Baranov V. A. Kul'tura proektirovaniia i deiatel'nostnyi podkhod k ee izucheniiu [Design Culture and Activity Approach to its Study]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Serii: Filosofiiia. Kul'turologiia. Sotsiologiia. Sotsial'naia rabota [Philosophy. Cultural Studies. Sociology. Social Work], 2012, no 4 (45), pp. 18–23. (In Russian)
- 3 Barsukova N. I. Aksiologicheskie osnovy teorii i metodologii sredovogo dizaina [Axiological Foundations of the Theory and Methodology of Environmental Design]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no 9 (128), pp. 21–26. (In Russian)
- 4 Barsukova N. I. *Dizain sredey v proektnoi kul'ture postmodernizma* [Environmental Design in the Design Culture of Postmodernism]. Moscow, Russian State Agrarian University-Moscow Timiryazev Agricultural Academy Publ., 2007. 242 p. (In Russian)

- 5 Volichenko O. V. *Kontseptsii avangardnoi arkhitektury* [Concepts of Avant-Garde Architecture: DSc Thesis, Summary]. Bishkek, 2018. 45 p. (In Russian)
- 6 Genisaretskii O. I. *Problemy issledovaniia i razvitiia proektnoi kul'tury dizaina* [Issues of Research and Development of Design Culture of Design: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1988. 20 p. (In Russian)
- 7 Genisaretskii O. I. Proektnaia kul'tura i kontseptualizm [Project Culture and Conceptualism]. In: *Sotsial'no-kul'turnye problemy obraza zhizni i predmetnoi sredy: sbornik statei* [Socio-cultural Issues of Lifestyle and Subject Environment: Collection of Papers]. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut tekhnicheskoi estetiki Publ., 1987, pp. 39–53. (In Russian)
- 8 Dutsev M. V. *Sovremennye avtorskie kontseptsii arkhitekturno-khudozhestvennogo sinteza* [Modern Author's Concepts of Architectural and Artistic Synthesis]. *Izvestiia Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2012, no 1 (19), pp. 7–15. (In Russian)
- 9 Efimov A. V. *Tsvet + Forma: Iskusstvo 20–21 vekov. Zhivopis'. Skul'ptura. Installiatsiia. Lend-art. Digital-art* [The Art of 20–21 Centuries. Painting. Sculpture. Installation. Land Art. Digital Art]. Moscow, BuksMArt Publ., 2014. 616 p. (In Russian)
- 10 Zis' A. Ia. *Teoreticheskie predposylki sinteza iskusstv* [Theoretical Background of Art Synthesis]. In: *Vzaimodeistvie i sintez iskusstv* [Interaction and Synthesis of Arts]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 5–20. (In Russian)
- 11 Koveshnikova N. A. *Proektnaia kul'tura dizaina kak kategoriia khudozhestvenno-proektnoi deiatel'nosti* [Design Culture of Design as a Category of Artistic and Design Activity]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S. G. Stroganova*, 2014, no 2, pp. 42–50. (In Russian)
- 12 Malakhov S. A. *Kompozitsionnyi metod arkhitekturnogo proektirovaniia* [Compositional Method of Architectural Design: DSc Thesis, Summary]. Nizhnii Novgorod, 2018. 47 p. (In Russian)
- 13 Mikhailov S. M. *Dizain sovremennogo goroda: kompleksnaia organizatsiia predmetno-prostranstvennoi sredy (teoretiko-metodologicheskaiia kontseptsiiia)* [Design of a Modern City: Complex Organization of the Subject-Spatial Environment (Theoretical and Methodological Concept): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2011. 58 p. (In Russian)
- 14 Pomorov S. B. *Mnogourovnevoe proektirovanie ob"ektov arkhitekturno-dizainerskoi sredy na osnove kategorii "stil"* [Multilevel Design of Objects of Architectural and Design Environment Based on the Category “Style”]. Barnaul, Polzunov Altai State Technical University Publ., 2011. 169 p. (In Russian)
- 15 Sidorenko V. F. *Genezis proektnoi kul'tury i estetika dizainerskogo tvorchestva* [Genesis of Design Culture and Aesthetics of Design Creativity]. In: *Dizain: sbornik nauchnykh trudov* [Design: Collection of Academic Papers]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii institut Rossiiskoi akademii khudozhestv NII PAX Publ., 1993, vol. 2, pp. 56–108. (In Russian)
- 16 Khan-Magomedov S. O. *Dizain v strukture sotsialisticheskoi kul'tury* [Design in the Structure of Socialist Culture]. *Tekhnicheskaiia estetika*, 1981, no 4, pp. 6–8. (In Russian)
- 17 Iablokova A. Iu., Iablokov V. R. *Ponimanie i interpretatsiia kak osnovnye vektory germenevticheskogo obosnovaniia proektnoi kul'tury* [Understanding and

- Interpretation as the Main Vectors of Hermeneutical Justification of Project Culture]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no 5 (166), pp. 234–239. (In Russian)
- 18 Poydina T. V., Bortnikov S. D., Polyakova E. A. The Exhibit of Ethnocultural Heritage in the Museum and Ethnographic Complexes of South Russia Regions in the Context of Protect Culture. *Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis*, 2017, vol. 9, pp. 508–517. (In English)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Э. А. Салихова

г. Уфа, Россия

© 2022 г. В. В. Сальникова

г. Бирск, Россия

© 2022 г. З. С. Ахматьянова

г. Бирск, Россия

ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В предлагаемом вниманию читателя исследовательском материале раскрываются вопросы становления концепта ПРИРОДА в языковом сознании школьника, поскольку именно в младшем обучающемся звене закладываются мировоззренческие взгляды на окружающую действительность. Авторами рассматриваются вопросы смыслового диапазона и культурной значимости концепта ПРИРОДА в русской языковой картине мира ребенка и подростка. Выявлена и описана зависимость концептуального содержания сознания от реальной обстановки существования современного ребенка и подростка. Предполагается, что следствием фрагментации мира и «цифровизации» деятельности в связи с формированием клипового мышления является постепенная утрата глубинных связей концепта со смежно-родственными ассоциативными явлениями. Выводы основаны на полипараметрическом анализе материала по результатам свободных ассоциативных экспериментов посредством дефиниционной интерпретации значений, сопоставительного анализа и статистической обработки данных, наблюдения и описания. Перспективы проведенного исследования авторы связывают с дальнейшим изучением концепта ПРИРОДА в разных типах дискурса в сравнении с экоконцептом ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА. Под экоконцептом в рамках данной работы мыслится многомерная мыслительная единица, имеющая разные формы языкового выражения и обладающая эмоционально-личностными, природными и культурными составляющими. Потенциал изучения затронутой проблематики в научно-методическом и дидактическом аспектах связан с тем, что экологическое знание представляет собой постоянно развивающуюся систему, дополняемую извне.

Ключевые слова: клиповое мышление, концепт ПРИРОДА, свободный ассоциативный эксперимент, учащиеся младших и старших классов, цифровизация деятельности.

Информация об авторах:

Эльвина Ахнафовна Салихова — доктор филологических наук, профессор, Уфимский государственный авиационный технический университет, ул. Карла Маркса, д. 12, 450008 г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9570-1763>

E-mail: salelah12@yandex.ru

Вера Владимировна Сальникова — доктор филологических наук, профессор, Бирский филиал Башкирского государственного университета, ул. Интернациональная, д. 10, 453450 г. Бирск, Республика Башкортостан, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-7189>

E-mail: salnikova.v.v@gmail.com

Земфира Саитовна Ахматьянова — кандидат филологических наук, доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета, ул. Интернациональная, д. 10, 453450 г. Бирск, Республика Башкортостан, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8439-4446>

E-mail: zim_ahmat@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 11.01.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Салихова Э. А., Сальникова В. В., Ахматьянова З. С. Изменения концепта «Природа» в языковом сознании детей и подростков, вовлеченных в процессы цифровизации // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 134–147. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-134-147>

Язык, выполняя репрезентативную функцию, формирует комплекс представлений о действительности, иначе называемый картиной мира (КМ). Наряду с языковой системой в нее вовлекаются и личный опыт, и знания, и воспитание, и обучение, и существующие в социуме традиции и иные социальные факторы, а также окружающий нас природный мир. Преломляясь сквозь призму языка в систему образов, они в человеческом сознании трансформируются в совокупность значений, образующих языковую КМ человека. Несмотря на ее донаучность и наивность, она способна дополнить объективные знания о реальности, поскольку в языке закрепляется общечеловеческий и национальный опыт. Разграничивая эти КМ, укажем на то, что именно обыденные («наивные») знания являются фундаментом языковой КМ и коллективной концептуальной схемы, которая в идеале дает ответы на все вопросы, которые может задать член соответствующего общества. Языковая КМ, «с одной стороны, формирует, а с другой — отражает систему мыслительных образов, представлений об объектах действительности», создаваемую как объективными, так и субъективными факторами. Таким образом, она участвует в создании концептуальной системы [8, с. 37].

Концепты активизируются в сознании своих носителей путем ассоциаций. По этой причине, задавшись целью раскрыть специфику формирования концепта ПРИРОДА в языковом сознании современного школьника, мы обратились к анализу структуры ассоциативного поля (АП) слова, пытаясь выяснить, каким образом происходит формирование компонентов концепта «в его коммуникативном измерении» как целостного образа окружающего мира «на уровне дискурсивной реализации» [2; 6].

Считается, что исследование концептов может рассматриваться как дополнительный необходимый этап углубленного изучения лексического уровня языка,

поскольку «системный концептуальный анализ языка может привести к новой интерпретации лексических значений, к выделению общих, универсальных понятийных категорий, которые могут формироваться в концепты» [7, с. 49]. Авторы придерживаются определения концепта как термина, «служащего объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90].

Отметим также важную для данного исследования особенность концепта — наличие в нем трех составляющих: ценностной, понятийной и образной, которые должны найти лексическое воплощение в ассоциативных ответах участников психолингвистического эксперимента. Первая, как известно, имеет особое значение для лингвокультурологии и обуславливает понимание концепта как структуры сознания, в которой фиксируются ценности социума; вторая формируется за счет фактической информации о реальном или воображаемом объекте; в третью входят все наивные представления носителя русского языка об объекте, закрепленные в языке [9, с. 38].

В данной работе применяются методы свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), статистической обработки данных, сопоставительного анализа, лексикографической интерпретации.

В пределах проведенного дефиниционного анализа по разным лексикографическим источникам делаем вывод о том, что «природа» осмысливается (1) как первичное состояние существования вселенной, (2) как целостная система, не испытывающая какого-либо вмешательства человека, в которую входят явления природы, животные, растения, и в то же время это такое состояние вселенной, куда уже включается и человек как живое существо, которое постоянно находится в контакте с ней.

С опорой на данные словарей, ряд авторов (Н. И. Маругина, Д. А. Ламинская) определяет такие ключевые семы концепта ПРИРОДА в русском языке — абстрактность, масштабность, первичность, врожденность, неотъемлемость, божественность, превосходство над человеком, примитивность, близость к человеку, противопоставление человеческой деятельности [9, с. 43], которые в выявленном нами лексикографическом инвентаре соотносятся с «материальным миром и его составляющими (явлениями)», «миром», «вселенной», «составляющими природного мира». По убеждению лингвокультурологов, ценностная значимость концепта достаточно высокая, поскольку перечисленные значения охватывают наименования большого количества организованных в концептосферу объектов, при этом некоторые из них могут выступать и как самостоятельные концепты (например, небесные светила, воздух и воздушные явления, вода и водные явления, растительный мир, животный мир, земля, погодные явления и др.) [9, с. 44].

В психолингвистике общепризнанным является тот факт, что АП позволяют вскрыть традиционные модели речевого поведения, оказывающие влияние на систему связей, свойственных данному социуму. Результаты АЭ дают возможность проследить динамику в пополнении и развитии лексического компонента концепта в силу его сопряженности с ассоциативным пространством. Если рассматривать АП в структуре концепта как своеобразный репрезентативный синхронный срез системы актуальных средств вербализации последнего, то выявленные отличия в АП в диахронии следует рассматривать как проявление динамики концепта.

Время САЭ учитывалось и ограничивалось (подробнее технология проведения эксперимента и описание его результатов представлены в [15]). Для записи реакций на вербальные стимулы (S) информантам (далее по тексту — сокращение ии., традиционно используемое в психолингвистических работах) отводилось до пяти минут.

В проведенном в 2005–2006 гг. САЭ [13] предлагалось ответить первой входящей в голову после прочтения слова ассоциацией (САЭ с регистрацией первичного ответа); во втором эксперименте, проведенном в конце 2017 г., такого ограничения не ставилось: инструкция давалась устно: «Запишите как можно больше слов, связанных с S-ПРИРОДА». Материалом для анализа стали данные САЭ с проживающими в гг. Уфа, Бирск, а также в Кармаскалинском районе Башкирии 404 информантами. В первой серии принимало участие 204 ии., в числе которых 104 — обучающиеся 1–4 классов (дети 6–9 лет) и 100 — 16–17-летние старшеклассники; во второй серии 200 ии., из которых 100 — обучающиеся 3–4 классов (дети 9–10 лет) и 100 — школьники 9–11 классов (подростки 15–17 лет) [16]. На первом этапе было получено 433 R (от младшеклассников — 156 R, от респондентов старших классов — 277 R), систематизированные нами в 16 лексико-семантических групп (ЛСГ). Комплексный анализ ассоциативного массива заключался в изучении семантики S, выявлении семантических признаков, представленных в процессе употребления. По набору семантических признаков нами реконструирован лексический компонент концепта ПРИРОДА, в сравнительном аспекте рассмотренный с данными РАС [12]. Объективируясь, этот концепт занимает свое место в когнитивном пространстве языка, где вступает в определенные отношения с другими концептами.

Рассмотрим в динамике отдельные ЛСГ на примере АП вербального S — ПРИРОДА, реконструированного по полученным в 2017 г. данным, в сопоставлении с аналогичными группами R на S — ЛЕС по данным 2005–2006 гг. Поскольку лес и природа находятся в отношениях гипонимии, считаем, что ассоциативный материал первой серии САЭ (2005–2006 гг.) логично рассматривать как часть целого в объеме полученного в 2017 г.

Выявлена закономерная тенденция: R, полученные в первой серии САЭ, нашли отражение и во втором эксперименте с разницей в их количестве, поскольку ии. была дана установка письменно зафиксировать приходящие в голову ассоциации. Лексема «лес» входит в ядро внутреннего лексикона младшего школьника [14] и, по мере его взросления, наряду с другими разнообъемными ЛСГ входит в состав лексической части одноименного концепта [10]. Результаты САЭ показывают, что самой частотной в АП современного школьника является ЛСГ «Растительный мир», составляющая соответственно 34–35% R ии. начальных классов и 78–97% R старшеклассников от общего числа R. В рассматриваемой группе от 28 до 40 наименований названия деревьев, кустарников, частей растений, цветов, плодов, при этом в разных группах ии. отсутствуют наименования фруктов и овощей. Подобная корреляция наблюдается и в ранней серии САЭ, частотной биномой в которой также выступает «ЛЕС — деревья» [15]. Рассматриваемую ЛСГ в языковом сознании детей формируют простые и производные субстантивы, называющие элементы денотативного ряда растений.

ЛСГ «Животный мир» образуют слова и их сочетания, составляющие родовое понятие «животные», причем у ии. обеих групп представлены наименования домашних животных. Эта группа составляет 63–82% от общего числа R. В эксперименте 2005–2006 гг. рассматриваемая группа уступает третьей по списку только по количественному параметру (7–8%), хотя все присутствующие наименования различных диких

животных коррелируют с имеющимися единичными R. В анализируемой ЛСГ присутствует разграничение на дикие и домашние. По мнению ученых, в сознании носителей русского языка такое подразделение животных на домашних и диких связано с тем, что первые характеризуются исключительной важностью для человека, поэтому соответствующие зоонимы (*корова, свинья, овца* и под.) принадлежат к ядерной зоне концепта ПРИРОДА. Хотелось бы отдельно отметить, что одной из особенностей ЛСГ зоонимов является их вовлеченность в метафорическую сферу языка (так, и на другие предложенные в ходе эксперимента S ии. часто отвечали зоонимами-сравнениями — *свинья, козел, корова* и др.), что связано с экстралингвистическими факторами (прежде всего, культурно-историческими), поскольку контакт человека с животными достаточно близок. Школьники часто сравнивали себя с животными (*как муравей, как пчелка* — о старательных и трудолюбивых, *как осел* — о глупых сверстниках), пытаясь охарактеризовать поведение окружающих и собственное в тех или иных ситуациях.

Присутствие единичных ответов в форме устойчивых выражений типа *отдыхать на лоне природы, закон природы, дано от природы, у природы нет плохой погоды* (слова из известной песни) в качестве R старшекласников на предложный S объяснимы тем, что средством для возникновения таких ассоциатов являются метафоры, которые помогают выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому. В. В. Телия относит их к так называемым адгерентным реакциям, позволяющим речевой норме удерживать слово (здесь — ПРИРОДА) в его сочетаемостном режиме, а за словом закрепляется производное значение. Адгерентные ассоциации актуализируют переносные значения слов, вынося на первый план их коннотацию. Ассоциативные связи, навеянные самой природой обозначаемого словом объекта и имеющие тот же онтологический статус, что и само обозначаемое, В. В. Телия называет «ингерентными» [7, с. 49].

На примере ЛСГ «Оценка и описание природы» рассмотрим входящие в нее R [15; 16]: как *хорошо (9), красота (8), красивая (5), ласковая (3), дружелюбная (2), хорошая (1), нежная (1), милая (1), пушистая (1), суровая (1) // красота (9), красиво (1), красивая (1), прекрасное (2), тишина (8), спокойствие (5), свобода (4), необъятность (3), широта (2), гармония (3), свежесть (3), экзотика (1), безмятежность (1), счастье (1), тихий (1), легкость (1), мощь (1), независимость (1), цветущий (1), умирающий (1), солнечный (1), богатство (1), тепло (1), радость (1), **мать (1), мамушка (1), родная (1), начало (1)**. Как видно, ЛСГ отличается разнообразием синонимических, антонимических, родо-видовых и прочих отношений. Единицы составляют соответственно по группам ии. 29–32% и 29–30% от общего числа R. Активно используются адъективные наименования с положительной коннотацией: подобный крен в сторону положительного конца аксиологической шкалы подтверждается данными многих САЭ, поскольку положительные оценки окружающего усваиваются детьми раньше, употребляются ими чаще.*

Характеристикой R данной группы является отражение в них жизненного опыта, специфики жизнедеятельности ии. На выделение ЛСГ в структуре концепта ПРИРОДА, вероятно, оказывает влияние характер школьного преподавания, поскольку в ФГОС содержится аспект, который имеет прямое отношение к экологическому образованию: развитие эмоционального и ценностного восприятия мира природы. Ценность природы — это субъективная оценка ее значения, мотивирующая поведение младшего школьника или обучающегося подростка. Вероятно, этот факт объясняет тождество в полученных ассоциативных R от младших школьников первой и второй серий экс-

периментов, проведенных почти с десятилетней разницей. Основной причиной такого результата, безусловно, является то, что ПРИРОДА и ассоциируемые с ней явления, образы, понятия, предметы окружающего мира входят в ядро лексикона человека.

Попутно отметим, что в развертке «семантической константы» ментальной парадигмы, подробно рассматриваемой В. В. Колесовым [4, с. 12] как «основание — РОД (“идеальная сущность *родственных*, социальных или духовных связей, порождающих внутреннее *родство* — в отличие от случайных свойств или временной близости)» с ответвляющимися от него «ПРИРОДА — “условие событий, представленное как *образ*”», «РОДИНА — “*причина* действия, представленная как *понятие*”», «НАРОД — “*цель*, представленная как *символ*”» по данным проведенных САЭ, прослеживаются ее отдельные семантические инварианты, правда, не отражающие глубинную суть ментального состава парадигмы. Так, выделенные выше шрифтом ассоциаты *мать*, *матушка* и *родная* в ЛСГ оценки природы можно отнести к числу общих сумм выделяемых В. В. Колесовым денотатов, в частности, к «основанию <...> как всеобщей матери, сущему в определении чего бы то ни было, естеству, сущности, причинным связям, понятию» [4, с. 14].

Реакции ЛСГ «Гидросфера» составляют 33–51% от общего числа. Самые частотные слова — R: *вода*, *река*, *озеро*, *море*. В экологическом сегменте формирующегося концепта респондентов, к сожалению, не представлены гидронимы и их разновидности (лимнонимы, потамонимы, океанонимы, наличествующие в РАС [12]).

В ЛСГ «Охрана природы» (17–41%) такие слова — R обучающихся начальных классов, как *бережно относиться к природе* (10), *не ломать ветки* (4), *человек должен охранять природу* (4), *кормить птиц* (4), *нельзя загрязнять* (3), *нельзя рвать цветы* (2), *тушить костер* (2), *поливать цветы* (2), *поведение на природе* (2), *чистота* (2), *не убивать животных и насекомых* (2), *ухаживать за животными* (2), *нельзя громко слушать музыку на природе* (2), *чистота* (8), *чисто* (1), *чистый* (1), *экология* (4), *проблема мусора* (1), *загрязнение* (1), *Гринпис* (1), *заповедник* (1), *где нет промышленности* (1), *когда не вредят природе* (1), *вымирающие виды* (1) [15; 16], обозначают приносимый человеком ей вред, в то время как старшеклассники говорят о существующих экологических проблемах. Такое постулирование разновозрастными детьми связано, с одной стороны, с развитием их абстрактного мышления, позволяющим обобщать информацию, с другой — с положительным влиянием информатизации пространства, при которой компьютерные технологии насыщают развивающую предметную среду и позволяют активизировать навыки самостоятельного поиска и осмысления информации: в младших классах на уровне сбора разной информации по теме (поэтому в АП наличествуют R перечисления), а в старших — на уровне формирования определенных компетенций, подразумевающих применение полученных знаний в различных ситуациях. У младшеклассников в R наряду с заботой о природе прослеживается и активное участие в ней человека. Имеют место активные деривационные отношения (*чистота*, *чисто*, *чистый*).

ЛСГ «Отдых на природе» (1–2% и 8–24% в обеих сериях эксперимента) у ии. старших классов содержательно разнообразнее за счет отображения многомерных пространственных, временных связей и отношений в окружающем мире.

Содержательное наполнение ЛСГ «Наука о природе» (1% и 5–27%) подводит к мысли о том, что экологический сегмент в АП как вербализованной лексической части концепта расширяется за счет пополнения терминологическими обозначениями, связи S с другими понятийными категориями, тематически пересекающимися с иными АП в пределах рассматриваемого и иных концептов.

Ассоциативное содержание ЛСГ «Природа и человек» (1–2% и 17–19%) показывает, как в ответах отображается специфика учебно-познавательного процесса, в который вовлечены респонденты обеих групп. Тематика большинства текстов в школьных учебниках — о лесе, его обитателях и др., подобные же темы предлагаются для самостоятельных работ — изложений, сочинений. Существование этого сегмента АП в детском и подростковом языковом сознании поддерживается и фольклорной традицией: упоминание на уровне ассоциативных ответов сказочных персонажей, связанных с лесом (*леший, лесовик, Баба-яга*).

В формирующемся языковом сознании обучающихся младших классов АП ядерными R являются *животные* (47 употреблений), *деревья* (60–85) и *лес* (от 27 до 40); ближнюю периферию составляют *цветы* (от 27 до 38 R), *растения* (от 25 до 33), *птицы* (от 26 до 34); дальняя периферия представлена R *трава, насекомые, воздух, вода, озеро, звери, зеленый, бабочка, волк, река, грибы* и др.; крайняя периферия включает R, встретившиеся от 6 до 1 раз (*сажать деревья, заповедник, нефть, охотник, чистота, сурова, лесник* [16]).

Ассоциации старшеклассников качественно по-иному структурируют АП, несколько смещая номинативные атрибуты «природы» на гиперо-гипонимичные (родо-видовые), синонимичные (отношения тождества), атрибутивные (характеризующе-определяющие) отношения. АП старшеклассников «диффузнее» по структуре и наполнению в отличие от «компактного» поля младших школьников. В последнем обнаруживается более стабильная связь между частотными R и S. В языковом сознании обучающихся старшего образовательного звена создается состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений новый образ, не требующий подключения воображения и рефлексии. Именно так структурируются фрагментарно-мозаичные представления о мире, отличные от привычной для старшего поколения способности к восприятию длительной линейной последовательности — однородной информации.

Дающий представление о мере коллективности R показатель гетерогенности Хорвата, вычисляемый по формуле: $g = n / N$, где n — количество разных R на S, а N — общее количество R, в младшей из исследуемых возрастных групп ии. составляет: $38 / 453 = 0.08$, в старшей: $62 / 588 = 0.11$. Показатель индекса во второй группе свидетельствует о преобладании в ней индивидуальных ответов, чем стандартных в младшей группе ии.

Результаты анализа структуры АП исходного слова ПРИРОДА, в пределах которого мы рассматриваем и R на S — ЛЕС, позволяют сделать следующие выводы.

Перечисленные по мере наполнения ЛСГ являются вполне закономерными в силу возраста ии. младших классов и начала формирования научных знаний об окружающем мире. К старшему школьному возрасту увеличивается разнообразие ЛСГ и их наполняемость.

Динамика лексики школьника заключается не только в количественном увеличении его объема, соотношении различных групп слов (конкретных и абстрактных; лексики бытовой и учебно-терминологической; пассивной и активной), перестройке связей между лексическими единицами, но и их способности выступать в тех или иных сочетаниях, изменении стилистической, эмоционально-оценочной коннотации, частотных характеристик [3]. Все это связано с «постоянно идущими преобразованиями в представлениях школьников о мире и отображении в концептуальной организации словаря» [17, с. 5].

Современный ребенок получает готовую информацию о природе из информационно-образовательных телепередач, кино- и мультипликационных фильмов. Возможность получать дополнительные знания о мире природы появляется и у городских детей (многие дети сельских поселений, как правило, вовлечены в деятельность по уходу за домашними животными) при непосредственном контакте с ней (уход за домашними животными и птицами, посещение контакт-зоопарков, выращивание цветов, деревьев и кустарников, наблюдение за явлениями в природе (ледоход весной, листопад осенью), путешествия). Отмечается отсутствие в R респондентов названий произведений, книг, фильмов о природе, фамилий писателей и публицистов, которые повествуют о ней, вероятно, объяснимое тем, что подобные ответы связываются с глубинным закреплением ассоциативных связей в речемыслительной системе. Фрагментарность усвоения материала в процессе обучения и мозаичность информационных потоков не позволяют осознать материал на уровне его переработки и систематизации, что, по признанию педагогов, находит отражение и в «телеграфном» стиле изложения в устных / письменных ответах обучающихся на уроках. Закрепившийся в психолого-педагогической литературе термин «клиповость» мышления предполагает быструю реакцию на информацию. Иными словами, современный обучающийся отличается тем, что он быстро думает, быстро понимает, быстро говорит и принимает решение. Второстепенное остается без внимания. Речь сводится к минимуму посредством замены ее изображениями. Клиповость как свойство мышления современного подростка характеризуется не логическим связыванием одного суждения с другим, а наглядным изображением мысли. Мозг не производит действий по привычному алгоритму «внимание — восприятие — мышление — память — воображение — воспроизведение», а, адаптируясь к скорости информационных потоков, сворачивает его до «внимание — кратковременная память». При таком декодировании поступающего извне понятие, суждение, рассуждение и умозаключение не формируются при получении образов, фрагментов и кратких текстов.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что трансформация АП в диахронии несколько схематична, но вполне достоверно отражает динамику концепта в «наивной» КМ. АП S — ПРИРОДА как часть одноименного концепта позволяет выявить значимые для учащихся конца прошлого столетия и современных школьников доминанты: природа и ее составляющие есть все живое; природа-мать, природа-дом, бережливое отношение к природе, проблемы экологии, экологическая культура. Познавательные процессы нацелены на то, чтобы помочь уловить главное в бесконечном потоке информации, сориентироваться в ней и сделать выбор.

Оперируя меняющимися, как в калейдоскопе, образами, современный ребенок не использует мыслительные аналитические операции. От этого нарушается сохранение осознанного, поскольку нет глубокого проникновения в суть понимания, осмысления, оценки, формирования отношения к воспринятой сенсорными системами информации.

Сравним первые десять R в РАС [1994, I: 132]: *мать 69; лес 34; родная 21; красивая 19; и мы 11; живая 10; красота 9; прекрасная, человек 8; богатая, дерево, погода, экология 7; и человек, края, русская 5* и т. п. В. В. Колесов показывает, что при традиционном исследовании *Природа, Родина и Народ* «соединены жесткой связью и определяют друг друга в своем взаимном действии» [4, с. 12–13]. В сопоставлении даны внутренние связи этих концептов в двух хронологических срезах: XIX–XX вв. и современное состояние языка с опорой на НКРЯ. Делается вывод об утрате взаимосвязи перечисленных трех концептов с основой их производящего концептума *rod

(‘расти’). На богатом иллюстративном материале доказывается, что «каждый концепт дан “сам по себе”, сжимается до минимального уровня состояний (все люди — только моя семья, первопричина всего — замкнутая система, сила — практически ресурсы и т. д.)». Эти определения выражают ментальную глубину смысла, поскольку они основаны на *реальных* высказываниях авторитетных авторов и представлены в *объективном* следовании составов причинности [4, с. 19]. Любопытно отметить в свете рассуждений, что среди первых десяти R в Обратных словарях РАС на стимулы НАРОД — люди 22; советский 12; остальной 11; разный 9; великий 6; армия 5; свободный 4; государство, метро, мирный, очередь, столовая, шумный 3; весь, искусство, **мы**, наш, рабочий 2; бедствовать, военный, все, выходить, гордый, город, древнейший, история, их, каждый, капуста, магазинами, много, надутый, национальный, нищенский, о магазине, обольстить, общественный, площадь, поднять, покупать, польза, попросит, странам, товарищи, транспорт, требовать, тюрьма, улица, участие, экономный, являться 1 [12, т. II, с. 173]; ПРИРОДА — деревня, дитя 8; лес, погода 6; живое, отдыхать 5; река 3; бабочка, **мать**, минерал, нравиться, о деревне, отпуск, охота 2; весна, воссоздавать, гулять, деревьям, живой, жизнь, зеленый, интереснее, камень, картина, лев, магазин, наткнуться, о листе, орел, поехать, поле, случай, смотреть, солнце, существовать, талант, увидеть, уезжать, утро, чистый 1 [12, т. II, с. 249]; РОДИНА — страна 16; край, **мать** 13; долг 7; город, государство, деревня, колхоз, сторона, стране 3; земля, изменить, история, о стране, страной 2; близко, вернуться, встреча, гражданин, дорогой, жизнь, журнал, знамя, имя, кровь, **мама**, **матерью**, место, море, мужчина, национальный, о воздухе, **о матери**, папа, приезжать, робкий, солдат, тема, уезжать, широчайший, экономный [12, т. II, с. 267] обнаружены R, связывающие в языковом сознании исходные слова с матерью.

Образ матери (ср. Родина-Мать, Матушка-Русь, Мать-сыра земля и иные модусы образа из русской литературы) — один из символов формального компонента национальной идентичности, который, как известно, связан с гендерными представлениями. На формальном уровне многие концепты национального дискурса, в том числе «природа» (природа-мать), соотнесены с социокультурным полом: идеи национального сообщества, государства, подданных, территории облекаются в образы «матери», «отца», «сыновей», «братьев», «мы» и т. д. Вспомним мысль Н. А. Бердяева, объясняющего природу национального чувства такими словами: «К национальности существует прежде всего эротическое отношение, эротическое избрание. Свой народ, своя земля милы нам, как лицо любимой женщины» [1, с. 348]. В современном сознании не только школьников, но и взрослых носителей языка эти концепты утрачивают взаимосвязь, сопряженность со смежно-родственными понятиями, сохраняя ее на уровне формального компонента национальной идентичности. Мы называем в числе причин таких утрат формирование клипового мышления, рассмотрением которого как следствия цифровизации деятельности обучающихся ограничиваемся в рамках данной публикации. Под этим понятием имеется в виду деятельность в электронной системе обучения и проведения досуга большинством обучающихся. Возможности цифрового представления информации привели к тому, что она (цифровизация) начала формировать целостные технологические среды «обитания» (экосистемы, платформы), в рамках которых пользователь (как правило, представители молодого поколения, в том числе обучающиеся) создал нужное ему окружение (технологическое, учебное, методическое и т. п.). При этом постоянно обновляющийся глобальный поток информации породил специфику ее восприятия («клиповое мышление») — мозаичное (фрагментированное)

восприятие и осознание информации. В результате дети и подростки предпочитают постигать информацию частями. Не успевая осмыслить одну тему, они переключаются на преподносимую им другую, сменяемую рекламным блоком или не связанными друг с другом новостями.

Наличие в материалах проведенных нами САЭ, а также РАС лишь отдельных инвариантов «семантической константы» ментальной парадигмы РОД в виде *R мать, родная* может свидетельствовать о недостаточном соответствии и рассогласованности составов обозначенных концептов в языковом сознании современников, в результате которого закон семантической триады нарушается. Автономный статус каждого концепта, воплощающего важный социальный институт, по убеждению В. В. Колесова [4, с. 22], «исключает действие закона взаимного соответствия, и варварское истребление Природы, потребительское отношение к Народу со стороны Родины (государства) становится нормой повседневности». Это выражается и в наполнении отдельных рассмотренных выше ЛСГ.

Очевидно, что в настоящее время «полное рассмотрение динамики лексикона школьника» воплотить практически очень сложно. Это обусловлено и методическими вопросами сбора данных, и спецификой наблюдения в экспериментальных и естественных условиях общения, и приемами констатации речевых фактов на определенном этапе социализации ребенка, и недостаточностью источников, которые приблизили бы к решению подобной задачи. Разделяем мнение изучающих детскую речь о том, что подобный НКРЯ [11] текстовый массив, который включал бы достаточные по объему и по репертуару тексты устной письменной речи разновозрастных школьников, в том числе читаемые или слышимые детьми и подростками записи речи окружающих их взрослых — прежде всего, родителей, а также текстов учебников, материалов СМИ, художественных произведений, стал бы вполне репрезентативным научным источником. Перспективы исследования затронутой в настоящей статье проблематики связаны с дальнейшим изучением концепта ПРИРОДА как экоконцепта в разных типах дискурса в сопоставлении с экоконцептом ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА. Под экоконцептом в русле приведенных рассуждений имеется в виду многомерная мыслительная единица, имеющая разные формы языкового выражения и обладающая эмоционально-личностными, природными и культурными составляющими. Выстраивая экологическую КМ, обучающийся опирается как на обыденно-практические, так и получаемые в школе знания, существующие в форме понятий. Экологическое знание представляет собой постоянно развивающуюся систему, дополняемую извне. Экологическая КМ синтезирует естественнонаучные и гуманитарные знания об окружающем мире и месте человека в нем и в социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире: К миропониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
- 2 Гольдин В. Е. Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2010. Вып. 9 (16). С. 97–101.
- 3 Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Осмк, 2005. 260 с.
- 4 Колесов В. В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 12–23.

- 5 Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- 6 *Крючкова Н. В.* Концепт — референция — коммуникация. Саратов: ИП Баженов, 2009. 391 с.
- 7 *Кудинова Е. А.* Концепт и его соотношение с лексико-семантическим полем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2008. № 1 (1). Ч. II. С. 48–50.
- 8 *Маслова В. А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- 9 *Маругина Н. И., Ламинская Д. А.* Концепт «ПРИРОДА» в русской и английской языковых картинах мира // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 36–45.
- 10 *Назарова Л. А.* Подростковый дискурс: функционально-прагматический аспект (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. н. Омск, 2014. 24 с.
- 11 Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2020).
- 12 Русский ассоциативный словарь (РАС): в 6 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994. Т. 1. 224 с. М.: Помовский и партнеры, 1994. Т. 2. 358 с.
- 13 *Салихова Э. А.* Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме. М.: Флинта, 2015. 478 с.
- 14 *Салихова Э. А., Назарова Л. А.* Дискурсивные особенности языкового сознания школьника-подростка // Язык в пространстве речевых культур. М.; Саратов: Саратовский ун-т, 2015. С. 287–298.
- 15 *Салихова Э. А., Сальникова В. В., Ахматьянова З. С., Киселева Л. А., Белобородова Н. С.* Associative Field of The Word “Nature” as a Representation of Man-Environment Interaction // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences. Grozny: Published by the Future Academy, 2019. Vol. LVIII. С. 52–60.
- 16 *Салихова Э. А., Сальникова В. В., Ахматьянова З. С.* Репрезентация ассоциативного поля «Природа» в экологической картине мира школьника: лингвокогнитивное исследование // Studia Humanitatis. 2019. № 3. URL: <http://st-hum.ru/content/ahmatyanova-zs-salihova-ea-salnikova-vv-reprezentaciya-associativnogo-polya-slova-priroda-v> (дата обращения: 20.12.2020).
- 17 *Сдобнова А. П.* Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: Саратовский ун-т, 2015. 248 с.

© 2022. **Elvina A. Salikhova**
Ufa, Russia

© 2022. **Vera V. Salnikova**
Birsk, Russia

© 2022. **Zemfira S. Akhmatianova**
Birsk, Russia

**CHANGES IN THE CONCEPT OF “NATURE” IN THE LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF CHILDREN AND ADOLESCENTS
INVOLVED IN THE PROCESS OF DIGITALIZATION**

Abstract: The present paper deals with the issues of formation of the concept of NATURE in linguistic consciousness of a schoolchild, since it is exactly in childhood and adolescence that the worldview of surrounding reality emerges. The authors consider the topics of the semantic range and cultural significance of the concept NATURE in the Russian linguistic picture of the world of a child and adolescent. The study reveals and describes the dependence of conceptual content of consciousness on the real environment of existence of a modern child and adolescent assuming that the consequence of fragmentation of the world and “digitalization” of activity via formation of the clip thinking is a gradual loss of deep connections between the concept and related associative phenomena. The conclusions are based on polyparametric analysis of the data of the free associative experiments by means of definitive interpretation of values, comparative analysis and statistical processing of data, observation and description. The authors associate the prospects of the conducted research with a further study of the concept NATURE in different types of discourse in comparison with the eco-concept ENVIRONMENT. In terms of the given paper the eco-concept represents a multidimensional mental unit, having different forms of linguistic expression and possessing emotional, personal, natural, and cultural components. The potential for studying the raised issues in scientific, methodological and didactic aspects is due to the fact that ecological knowledge is a constantly evolving system, supplemented from outside.

Keywords: Clip Thinking, NATURE Concept, Aree Associative Experiment, Junior and Senior Students, Digitalization of Activity.

Information about the authors:

Elvina A. Salikhova — DSc in Philology, Professor, Ufa State Aviation Technical University, K. Marks St., 12, 450008 Ufa, Bashkortostan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9570-1763>

E-mail: salelah12@yandex.ru

Vera V. Salnikova — DSc in Philology, Professor, Birsky Branch of the Bashkir State University, Internatsionalnaya St., 10, 453450 Birsk, Bashkortostan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5678-7189>

E-mail: salnikova.v.v@gmail.com

Zemfira S. Akhmatianova — PhD in Philology, Assistant Professor, Birskey Branch of the Bashkir State University, Internatsionalnaya St., 10, 453450 Birska, Bashkortostan, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8439-4446>

E-mail: zim_ahmat@mail.ru

Received: December 25, 2020

Approved after reviewing: May 11, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Salikhova E. A., Salnikova V. V., Akhmatianova Z. S. Changes in the Concept of “Nature” in the Language Consciousness of Children and Adolescents Involved in the Process of Digitalization. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 134–147. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-134-147>

REFERENCES

- 1 Berdyaev N. A. *Sud'ba cheloveka v sovremennom mire: K miroponimaniuu nashei epokhi* [The Fate of Man in the Modern World: Towards the World Outlook of our Era]. In: *Filosofia svobodnogo dukha* [The Philosophy of the Free Spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russian)
- 2 Gol'din V. E. Kontseptual'nye peremennye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovarei [Conceptual Variables of the Image of the World According to the Data of Associative Dictionaries]. In: *Komp'yuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2010, vol. 9 (16), pp. 97–101. (In Russian)
- 3 Guts E. N. *Psikholingvisticheskoe issledovanie iazykovogo soznaniia podrostka* [Psycholinguistic Study of the Linguistic Consciousness of a Teenager]. Omsk, Variant-Osmk Publ., 2005. 260 p. (In Russian)
- 4 Kolesov V. V. Kontsepty “Priroda”, “Rodina”, “Narod” v russkom iazykovom soznanii [Concepts “Nature”, “Motherland”, “People” in Russian Linguistic Consciousness]. *Politicheskaiia lingvistika*, 2019, no 2 (74), pp. 12–23. (In Russian)
- 5 *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A Short Dictionary of Cognitive Terms], ed. by E. S. Kubriakovoii. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1996. 245 p. (In Russian)
- 6 Kriuchkova N. V. *Kontsept — referentsiia — kommunikatsiia* [Concept — Reference — Communication]. Saratov, IP Bazhenov Publ., 2009. 391 p. (In Russian)
- 7 Kudinova E. A. Kontsept i ego sootnesenie s leksiko-semanticheskim polem [Concept and its Correlation with a Lexicosemantic Field]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Gramota*, 2008, no 1 (1), part II, pp. 48–50. (In Russian)
- 8 Maslova V. A. *Lingvokul'turologiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Linguoculturology: Textbook. Manual for Students of Higher Educational Institutions]. Moscow, Akademiia Publ., 2001. 208 p. (In Russian)
- 9 Marugina N. I., Laminskaia D. A. Kontsept “PRIRODA” v russkoi i angliiskoi iazykovykh kartinakh mira [Concept “NATURE” in the Russian and English Language Pictures of the World]. *Iazyk i kul'tura*, 2010, no 2 (10), pp. 36–45. (In Russian)
- 10 Nazarova L. A. *Podrostkovyi diskurs: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt (na materiale russkogo iazyka)* [Teenage Discourse: Functional and Pragmatic Aspect (Based on the Russian Language): PhD Thesis, Summary]. Omsk, 2014. 24 p. (In Russian)

- 11 *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka (NKRIa)* [National Corpus of the Russian Language (NCRL)]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed 20 December 2020). (In Russian)
- 12 *Russkii assotsiativnyi slovar' (RAS): v 6 t.* [Russian Associative Dictionary (RAD): in 6 Vols.], Iu. N. Karaulov, Iu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova. Moscow, Pomovskii i partnery Publ., 1994. Vol. 1. 224 p. Moscow, Pomovskii i partnery Publ., 1994. Vol. 2. 358 p. (In Russian)
- 13 Salikhova E. A. *Modelirovanie protsessov ovladeniia i pol'zovaniia psikhologicheskoi strukturoi znachenii slova pri bilingvizme: monografiia* [Modeling the Processes of Mastering and Using the Psychological Structure of the Meaning of a Word in Bilingualism: Monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2015. 478 p. (In Russian)
- 14 Salikhova E. A., Nazarova L. A. Diskursivnye osobennosti iazykovogo soznaniia shkol'nika-podrostka [Discursive Features of the Linguistic Consciousness of a Teenage Schoolchild]. In: *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur* [Language in the Space of Speech Cultures]. Moscow, Saratov, Saratovskii universitet Publ., 2015, pp. 287–298. (In Russian)
- 15 Salikhova E. A., Sal'nikova V. V., Akhmat'ianova Z. S., Kiseleva L. A., Beloborodova N. S. Associative Field of The Word “Nature” as a Representation of Man-Environment Interaction [Associative Field of The Word “Nature” as a Representation of Man-Environment Interaction]. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences*. Groznyi, Published by the Future Academy, 2019, vol. LVIII, pp. 52–60. (In English)
- 16 Salikhova E. A., Sal'nikova V. V., Akhmat'ianova Z. S. Reprezentatsiia assotsiativnogo polia “Priroda” v ekologicheskoi kartine mira shkol'nika: lingvokognitivnoe issledovanie [Representation of the Associative Field “Nature” in the Ecological Picture of the Schoolchildren's World: Linguo-cognitive Research]. *Studia Humanitatis*, 2019, no 3. Available at: <http://st-hum.ru/content/ahmatyanova-zs-salihova-ea-salnikova-vv-representaciya-associativnogo-polya-slova-priroda-v> (Accessed 20 December 2020). (In Russian)
- 17 Sdobnova A. P. *Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaia sistema* [Schoolchild's Lexicon as a Dynamic System]. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 2015. 248 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-148-160>

УДК 81

ББК 81.2

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. К. А. Климова
г. Москва, Россия

© 2022 г. Е. С. Узенева
г. Москва, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДИНАМИКЕ: БОЛГАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРНОЙ ГРЕЦИИ

Аннотация: Статья посвящена синхронно-диахронному анализу языковой ситуации в одном из изолированных культурно-языковых анклавов Балканского полуострова: округа Ксанти в области Фракия в Северной Греции, на болгарско-греческом пограничье. Здесь в труднодоступной горной местности проживают славяне-мусульмане, этнические болгары, представляющие собой миноритарную этноязыковую и культурно-конфессиональную группу, существующую в течение длительного времени в иноязычном и ином религиозном окружении среди православных греков. В историческом прошлом это сообщество составляло единое целое с болгарами-мусульманами, живущими ныне в пределах Республики Болгария. Это меньшинство является объектом языковой и культурной политики трех государств: Греции, Турции и Болгарии. Отметим, что власти Греции долгое время 1920–1990-е гг. (исключая период болгарского управления в 1941–1944 гг.) вели политику деболгаризации данного населения. В результате, сегодня степень его отуречивания достаточно высока. Авторы опираются как на опубликованные источники, так и на собственные полевые материалы, собранные во время трех этнолингвистических экспедиций, осуществленных в 2018 и 2019 гг., а также он-лайн в 2021 г.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, славяне-мусульмане, болгарские диалекты, межъязыковая коммуникация, Северная Греция.

Информация об авторах:

Ксения Анатольевна Климова — кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия; научный сотрудник, Научно-образовательный центр славистических исследований, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0105-6543>

E-mail: kaklimova@gmail.com

Елена Семеновна Узенева — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора, руководитель Научно-образовательного центра славистических исследований, заместитель директора, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6919-4750>

E-mail: lenuzen@mail.ru

Дата поступления статьи: 31.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 01.10.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Климова К. А., Узенева Е. С. Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 148–160. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-148-160>

© 2022. **Ksenia A. Klimova**

Moscow, Russia

© 2022. **Elena S. Uzeneva**

Moscow, Russia

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE SITUATION IN DYNAMICS: POMAKS OF NORTHERN GREECE

Abstract: The paper comes up with a synchronous-diachronic analysis of the linguistic situation in one of the isolated cultural and linguistic enclaves of the Balkan Peninsula: the district of Xanthi in the region of Thrace in Northern Greece, on the Bulgarian-Greek border. Here, in a remote mountainous area, live Muslim Slavs, ethnic Bulgarians, representing a minority ethnolinguistic and cultural-confessional group that has existed for a long time in a foreign language and other religious environment among Orthodox Greeks. In the historical past, this community formed a single whole with the Muslim Bulgarians who now live within the boundaries of the Republic of Bulgaria. This minority is the object of the language and cultural policy of three states: Greece, Turkey and Bulgaria. Note that the Greek authorities for a long time 1920s–1990s (excluding the period of Bulgarian rule in 1941–1944) pursued a policy of de-Bulgarization of this population. As a result, today the degree of its Turkicization (due to the influence of Islam, the study of the Koran in Turkish and the active position of Turkey) is quite high. It should be noted that the Bulgarian-speaking communities in Northern Greece are not the object of the Bulgarian language policy, which is carried out by disinterested officials and politicians who ignore the opinions and assessments of Bulgarian dialectologists and sociolinguists. The study focuses on ethnonyms and exonyms as important factors in the formation of the Pomaks' linguistic identity: the self-name of the speakers of these dialects is Pomaks, Ahryans. The ethnonym Pomaks was introduced and continues to be actively used to discuss the new Greek policy towards the Bulgarian-speaking population of Greece; the linguonym Pomaks was also formed from it. Earlier in Greece, the term Slavophones ('speakers of the Slavic language') was used, cf. new pomakophones. In

the 90s of the 20th century and early 21st century a number of scientists (V. Friedman, A. D. Dulichenko, A. Ioannidou, K. Voss, M. Nomati, M. Henzelmann, K. Steinke) considered Pomak to be one of the literary microlanguages of the southern Slavia, noting that it is characterized by the diversity of the script used and poor functionality. There were appropriate grounds for this (codification, publication of dictionaries and grammar, textbooks, etc.). But the impetus for the “creation” of the literary language of the Pomaks was the political task of the country's leadership. At present, Pomak (Southern Rodhopian, Bulgarian) dialects in Greece have an unwritten character (they are used exclusively for oral communication in the family and village, microcommunity). Despite the presence of certain signs of the formation of the literary language among the Pomaks, the modern language situation and language policy do not contribute to its existence and functioning. We rely on both published sources and our own field materials collected during two ethnolinguistic expeditions carried out in 2018 and 2019, as well as online in 2021, and will try to present preliminary results of the study of the current state of the language and language policy. Let us note the importance of modern interdisciplinary approaches to the study of the phenomenon of intercultural communication, which are based on the dialogue of languages and cultures, and which necessitated the description of new linguistic conditions and consideration of the importance of not so much Greek as Turkish as a means of intra — and interethnic communication in the specific geopolitical conditions prevailing in this region.

Keywords: Language Situation, Language Policy, Muslim Slavs, Bulgarian Dialects, Interlingual Communication, Northern Greece.

Information about the authors:

Ksenia A. Klimova — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Byzantine and Modern Greek Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russia; Researcher, Scientific and Educational Center for Slavic Studies, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32 A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0105-6543>

E-mail: kaklimova@gmail.com

Elena S. Uzeneva — PhD in Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Head of the Scientific and Educational Center for Slavic Studies, Deputy Director, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32 A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6919-4750>

E-mail: lenuzen@mail.ru

Received: August 31, 2022

Approved after reviewing: October 01, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Klimova K. A., Uzeneva E. S. Language Policy and Language Situation in Dynamics: Pomaks of Northern Greece. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 148–160. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-148-160>

The paper is to analyze the language situation and politics in one of the linguistic and cultural enclaves of the Balkan Peninsula: the region of Thrace in Northern Greece, on the Bulgarian–Greek border, inhabited by the Muslim Slavs, Pomaks (ethnic Bulgarians), which are a minority ethno-linguistic and cultural–confessional group, which has existed for a long

time in a foreign language and other religious environment among the Orthodox Greeks. In the historical past, this community formed a single whole with the Muslim Bulgarians who now live within the boundaries of the Republic of Bulgaria.

The Slavic-speaking Muslim population is compactly settled on the southern slopes of the Rhodope Mountains, which belong to the territory of Greece. Their villages are located next to the cities of Xanthi, Gyumyurdzhina (Komotini) and Didimotiko. However, a significant part of this population, for economic reasons, descended into the riverine and plain regions of the Xanthi, Rhodopes and Evros. The other part moved to Turkey, where in definite settlements there are entire neighborhoods of migrants from one or several southern Rhodope villages [7, c. 180]. The Pomaks in Turkey mostly has shifted to the Turkish language (see: [16]).

Slavic-speaking populations arrived in the Balkans as early as the sixth and seventh centuries, but as to the Pomaks there is a debate among Greek scholars as to whether they are descendants of Slavic origin or non-Slavic populations who shifted to Slavic (see: [14]). However a part of the Slavic-speaking Christians, the Pomaks as well, converted to Islam during the Ottoman period in 17th century during the process of the Islamization of the local Slavic population. After the period of the Balkan wars, in 1913, as a result of the Treaty of Bucharest, the territories where the Pomaks live went under the jurisdiction of Greece. In 1922 hard border between Greece and Bulgaria appeared and after the World War II, in 1945 the isolation of the Greece Pomak villages from Bulgaria was completed. In 2007 the borders between Greece and Bulgaria as countries-members of the European Union opened, that fact made the process of free communication between the Pomaks possible again (see: [15]).

The ethnonym Pomaks, although being of the Bulgarian origin [1, c. 508], is not accepted in the public discourse in Bulgaria due to its pejorative nature. It was introduced and continues to be actively used to discuss the new Greek policy towards the Bulgarian-speaking population of Greece, and the linguonym was also formed from it — the Pomak language.

The self-name of the speakers of these dialects is the *Pomaks*, the local Rhodope name *Akhryane* is less used. The name Pomaks entered the speech of the local Muslim Slavic-speaking population relatively recently. Earlier in Greece, the term *Slavophones* ('speakers of the Slavic language') was used. Note that the authorities for a long time 1920s – 1990s (excluding the period of Bulgarian rule in 1941–1944) pursued a policy of de-Bulgarization of this population. As a result, today the degree of its Turkization (turkification) is quite high [10]. N. Kokkas [27] wrote in detail about the serious influence of Islam on changing the everyday life of the Pomaks and their identity (see also: [34]).

The Slavophones as a community and their language were the object of close attention both by the Greek scientists (M. G. Varvounis, O. Demetriou, N. Kokkas, A. Roggo, Chr. Markou, etc.) and the foreign ones (K. Steinke, Kr. Foss, A. Joanidou, E. Adamu, A. Dulichenko, M. Henzelman and others).

In recent decades, within the framework of a number of scientific projects led by prof. M. G. Varvounis and prof. Chr. Marku from the University of Komotini studied both the dialects themselves and the folklore heritage of the Pomaks. As a result of the fruitful work of scientists from different countries, under the editorship of the staff of the University of Thrace, in 2020 a fundamental collective monograph was published on the language and culture of the Pomaks of Greece [31]. Many materials are digitalized and available online (URL: <http://zagalisa.gr/>).

For the Bulgarian scholars, the study of the Southern Rhodopean Bulgarian dialects in the districts of Xanthi and Gyumyurdzhiny (Northern Greece) became possible after Bulgaria's accession to the EU in 2007 and the opening of several checkpoints on the Bulgarian-Greek border. In recent years, there have been several significant publications in this area by G. Mitrinov and L. Antonova-Vasileva, Iliev, Mikhailov, E. Kanevska-Nikolova, who considered the identity of the Pomaks of the Southern Rhodopes, convincingly showing that these dialects belong to the Rhodope dialects of the Bulgarian language [3].

In the article, we rely on both published sources and our own field materials collected during three ethnolinguistic expeditions carried out in 2018 and 2019, on-line in 2021, and we will try to present preliminary results of the study of the current state of the language. In total, the following points were examined: Xanthi and Komotini, 13 villages, 35 informants aged 18 to 75 were interviewed, about 30 hours of audio recordings were made.

The Expeditions to Greece were planned mainly as ethnolinguistic ones, therefore, during the collecting work, its participants used questionnaires created to study traditional folk culture. However, E. S. Uzeneva also relied on her field experience among Muslims in Bulgaria, whom she had interviewed based on the materials of the questionnaire developed by A. A. Plotnikova to study the folk culture of the Balkan Slavic area [8]. In addition, the members of the expedition set themselves the task of sociolinguistic survey of the selected villages, identifying the features of the dialect, specific dialect vocabulary, facts of interlingual interference and identity markers.

Identity. Our research has shown that the speakers of the local Slavic dialects have a multiple, multi-layered, “fluctuating”, “shimmering” identity, which is associated with the special conditions of their residence [28]. Pomaks use different identification models depending on the communication situation: Greek citizens (based on the citizenship), Macedonians or Thracians (based on the region they live), Turks (based on the common language they speak), Muslims or Sunnis (religiously-based) and finally, the most common, Pomaks (or Slavic-speaking Muslims, Slavophones, based on the language).

Language. According to the Bulgarian dialectologists, the dialects of this region go back to the Rhodope and Central Rup dialects of the Bulgarian language [6, c. 175]. To a greater extent, the dialects were preserved in the villages of the Xanthi region, but in addition to the six villages of the Xanthi district, the language was also used in eight districts of the Rhodope region (Gyumyurdzhiny district) and in two districts of the Evros region, in the Didimotiko district. According to our information, at present, the inhabitants of the villages located east of Xanthi have almost completely switched to Turkish, only the older generation remembers the dialect, the middle aged understands it, but cannot speak fluently, the younger generation does not speak it at all.

The local Slavic population uses various names to designate their language / dialect: *potanski, ours, our speaking* (помацки, наши, наше думенье). Note that the dialect does not contain the concept of a language as a linguistic category. The lexeme *ezik* means ‘human anatomical organ’.

Pomak Internet resources demonstrate different language choices: the websites *Pomakohoria* and *Zagalisa* are Greek-based, while the site of the *Pomak Institute* has switched into Turkish (<http://pomaklar.com>, <http://pomaknews.com>) [21; 24; 25].

Sociolinguistic situation. According to our field research data, the local dialect is best preserved in the speech of the older generation. Most of them, except of women, are trilinguals. Older women often do not speak any other idiom except their native dialect, and mostly are practically illiterate. The Bulgarian-speaking Muslims need to be proficient in

Greek and Turkish in order to adapt to modern conditions. In 1923 according to the Treaty of Lausanne, this minority was guaranteed the right to receive bilingual education in Greek (the state language) and Turkish, the language that was taken to be representative of the minority. So children at school learn the official Greek language, as well as Turkish. In fact, the language of their education at primary school level at local schools in rural area is obligatory Turkish. Often the teachers are the ethnic Turks who came to the villages to work with the support of the Turkish government. To study at the middle and the high school children have to go to Xanthi and the main language of their education becomes Greek.

In the communication with each other, schoolchildren use a special, “mixed” language, a mix of Pomak, Greek, Turkish and English words. It should be noted that during our conversations with the informants, we often had to switch to Greek to clarify the meaning of the questions we asked, as well as for discussions on philosophical and abstract topics, because, according to the informants themselves, they lack such vocabulary in the native tongue. For the religious needs, there is a need to study and read the Koran, which is present in the Arabic version here. The dialect is used exclusively for family communication. Attempts to introduce an optional study of the Pomak language in local schools were unsuccessful.

Switching codes. The use of this or that language code was largely determined by the language the researchers spoke (Greek and Bulgarian). Many other factors also influence the choice of the Greek language by informants: the age of the informant, education, place of residence, complexity and abstractness of the topic under discussion, etc. As far as one can judge from interviews with the young Pomaks, high school students and university students, in everyday communication, modern youth prefers to use either modern Greek with an admixture of Turkish and Pomak words and expressions, or Turkish (for the Turkish-speaking villages of Thrace), while the Pomak language can be used as a “secret language” to exchange a couple of phrases — so that others do not understand.

The language shift and the language maintenance in the Pomak society in Greece were studied in detail by E. Adamou [11]. The actual situation of trilingualism in Pomaks’ community in Greece leads to the formation of complex processes that influence the conscious or unconscious language code-switching and code-mixing during the process of everyday communication (see: [29]).

Writing. We can state that one small linguistic community has three writing options: based on the Greek alphabet (the state language of the country of residence), Latin (due to the study of Turkish, now based on the Latin alphabet) and Cyrillic (examples are rare and are associated with knowledge of the Bulgarian literary language).

Dictionaries and grammars. The brothers Ridvan and Sebaidin Karakhodza, representatives of the local Pomak intellectuals, who do a lot to preserve their language, published in Xanthi a description of the grammar of the Pomak language [17], syntax [23], and a study of the everyday language of the Pomaks [20], and R. Karahodza compiled dictionaries, Pomak–Greek and Greek–Pomak [18; 19]. At the same time, a grammar and a Pomak–Greek dictionary by Theoharidis [32; 33] were published in Thessaloniki. Later, in 2013, a generalizing three-volume edition of individual sections of the grammar of the Pomak dialect was published by the linguist P. Papadimitriou [30].

Pomak morphological dictionary. In the recent years, R. Karahodza has been working on a morphological dictionary of the Pomak language [22], which aims to include, according to the author's intention, all word forms present in the Pomak language. R. Karakhodza, who independently mastered the literary Bulgarian language, also uses the Cyrillic alphabet in his writings.

Textbooks. For the optional teaching of the Pomak language at school, at least two textbooks were written and published: native speakers of the Pomak language M. Aidin and O. Hamdi [13] and an English teacher in the Pomak villages, an ethnic Greek, N. Kokkas, who published along with the textbook [25], an anthology of texts of Pomak folklore collected by himself [26]. Both textbooks use Latin and Greek script for interpretations and explanations.

Pomak literary microlanguage. The publication in 1996 of the “Pomak-Greek Dictionary” and “Pomak Grammar” by P. Theoharidis, caused a negative reaction of the Bulgarian scientists in the form of the publication of the Department of Bulgarian Dialectology and Linguistic Geography of the Institute of the Bulgarian Language of the Bulgarian Academy of Sciences regarding the so-called “Pomak language”. It categorically stated that the dialects of the Xanthi and Gyumyurdzhiny regions are “a continuation of the dialects of the Smolyan region and villages in the Krumovgrad region and have their features at various linguistic levels” [9, c. 2]. Having singled out a number of the most characteristic features of these Bulgarian dialects and noted the presence of many mistakes — the fruits of “philological incompetence”, — the authors came to the conclusion that “linguistic facts and scientific arguments are the most indisputable proof of the Bulgarian origin of the “Pomak language” composed in Greece” [9, c. 8].

The opinion of the dialect speakers themselves about the Pomak-Greek dictionary published in 1996 seems to us indicative: “It was not created by a team of philologists, teachers, experts. It contains few original Pomak words, many words were taken from Greek and Turkish” [4, c. 124].

The majority of the foreign Slavic scholars (A. A. Dulichenko, A. Yoanidu, Kr. Fos, Motoki Nomati, K. Steinke) are unanimous in their opinion about the existence of a Pomak literary microlanguage. A. D. Dulichenko classifies Pomak as one of the literary microlanguages of southern Slavia, classifying it as a peripheral insular language serving an ethnic minority that is cut off from its ethno-linguistic space, noting that such microlanguages are characterized by a variegated script and poor functionality [2, c. 336].

Formally, the main signs of the existence of such a language are obvious: in the 90s. 20th century an attempt was made to codify the Pomak language: grammars were written [17; 32] and an explanatory dictionary [33; 22, based on the Greek alphabet], textbooks, anthologies of dialect texts (in Latin script with Greek interpretations) were written and published, in some villages, optional language teaching was conducted, the media functioned in Pomak, certain works of world classics were translated, in particular W. Shakespeare, and attempts were made to create their own fiction, poetry [21].

However, a serious factor is the motive for the birth of a microlanguage — in this case it was not a movement from below, an expressed desire of speakers to “formalize” their native dialect to the level of a literary language, or the creative activity of one of the outstanding representatives of the minority. It should be recognized that in this case, the political tasks of the country's leadership served as such an incentive/motive. More important, from our point of view, is another thing — how the speakers themselves assess the nature of the language they speak. But in this respect, as shown above, there is no unity either.

Another point of view, which exists among the Russian and Bulgarian scientists, supports the idea of the existence of an unwritten language (dialect). We are of the opinion that the Pomak dialects are the Southern Rhodope dialects of the southeastern (Rup) dialects of the Bulgarian dialect zone, which, in the main distribution area in the Southern Rhodopes in Greece, are mostly unwritten in nature (used exclusively for communication in the family and village, in the micro-society).

The speakers themselves often cited the fact of the absence of their own alphabet as an argument in favor of the “non-existence” of the Pomak language. The frequent use of the possessive pronoun *our* highlights this community and clearly indicates the cultural and religious attachment to the Muslims of the Bulgarian part of the Rhodopes, where they have still many relatives. However, the Pomaks of Greece believe that their language is different from Urum (Greek), Turkish and Bulgarian [3, c. 138].

Thus, the absence of a single generally accepted alphabet, a single codification, compulsory study of the Pomak language in schools, permanently functioning accredited media (radio, newspapers, magazines), as well as occasional publications of single samples of literature in the local dialect do not give us reason to consider the Pomak language as a microliterary language of the South Slavia. Despite the presence of the certain signs of the formation of such a language among the Pomaks, the current situation does not contribute to its existence and functioning. We adhere to the point of view of the unwritten nature of local Slavic dialects, which are used exclusively for intra-family and intra-village communication.

Language policy. Until recently, in Greece, local Slavophones were not allowed to study at higher educational institutions. And now, when this education is encouraged, its cost is prohibitive for ordinary local residents. The fact that the native dialect is not studied anywhere does not allow even representatives of the local intellectuals to form their own idea of their native language [7, c. 183, 186].

On the one hand, the Greek government pursued a policy of creating a “Pomak language” and supported attempts to teach it as an optional subject in schools. On the other hand, representatives of the Slavic-speaking minority carried out a number of creative projects (published textbooks, dictionaries, made videos, in particular, about the Pomak wedding, collected dialect vocabulary and folklore, recorded CDs with folk songs, celebrated annually traditional holidays not related to Islam, for example St. George's Day).

Realizing the importance of the language as an identification feature, the Greek authorities are making great efforts to show that the so-called Pomak language is a separate language, distinct from Bulgarian. Whether this “composed” language will turn into another experience of codifying the regional written norm of the Bulgarian dialect and further into a separate language will be shown by the language policy of the Balkan states and, first of all, Greece. The creation of the “Pomak language” is a systematic and long-term state policy of Turkey and Greece “with the aim of introducing the southern Rhodope Muslim population of Western Thrace to the Turkish and Greek nation, respectively” [5, c. 19].

The language situation in the state is necessarily the object of the government's language policy — it must be managed and directed. It should be noted that the Bulgarian-speaking communities in Northern Greece are not the object of the Bulgarian language policy, which is carried out by disinterested officials and politicians who ignore the opinions and assessments of the Bulgarian dialectologists and sociolinguists [3, c. 145].

Summarizing what has been said, we can schematically present the dynamics of language policy towards the Pomak minority in Greece:

1945–1990s — the policy of “Turkification” of the Pomaks, teaching in schools in Turkish, a ban on studying at universities, isolation of the Pomaks.

1996–2010s — creation of the Pomak language based on the Greek alphabet, publication of dictionaries and grammars, optional teaching in schools, mass media in the Pomak language, translations — conditions were formed for the formation of a microlanguage.

Late 2010s — present — cessation of teaching Pomak in schools, abolition of the Pomak in the media, demise of the Pomak minority activists, expansion of the Turkish sphere

of influence and use of Turkish in villages east of Xanthi leads to fading of the Pomak language functions, lack of interest among the young people.

As a result of the language policy in Greece in relation to the Pomaks and the low promotion by Pomak communities the probability of the appearance of the literary Pomak language is extremely low, as E. Adamou and Davide Fanciullo also report [12].

Conclusion. Globalization leads to the fact that young people prefer not to teach children their native dialect, considering it unpromising and even dangerous.

Modern Pomaks are building a new identity for themselves, relating themselves, among other things, to other inhabitants of the Greek region of Thrace, and are happy to take part in folklore reconstructions of a regional scale (carnivals for the New Year, Shrovetide).

The attempts of the Greek authorities to create the Pomak language and preserve the Pomak folklore are belated and hardly successful. The inhabitants of the mountain villages of Xanthi still retain their language, traditional way of life and culture. But the speakers are mainly elderly people, illiterate women, while young people leave their homes. So in the long term, there is no hope for the preservation of the local dialect among the Pomaks of Northern Greece.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Български етимологичен речник. София: Болгарская академия наук, 1999. Т. 5. Падеж — Пуска. 860 с.
- 2 Дуличенко А. Д. Основы славянской филологии. Ополе: Ун-т в Ополе, 2011. Т. 2: Лингвистическая проблематика. 640 с.
- 3 Каневска-Николова Е. Болгароязычные мусульмане в Южных Родопях. Современная ситуация: язык и идентичность // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 134–149.
- 4 Мангалакова Т. Нашите в Гърция. Сред помаците в Западна Тракия. София: Книжно изд-во, 2011. 144 с.
- 5 Митринов Г. Южнородопските български говори в Ксантийско и Гюмюрджинско (по данни от Помашко-гръцки речник на Петрос Теохаридис — Солун 1996). София: Фондация МВРО, 2011. 276 с.
- 6 Митринов Г. За критериите при класификацията на славянските литературни микроезици («помашки език») // Езикът и социалният опит. 10. Проблеми на социолингвистиката. Международно социолингвистично дружество. София: Книжно изд-во, 2011. С. 346–350.
- 7 Митринов Г. Языковая ситуация в южных Родопях (области городов Ксанти, Гюмюрджина, Дидимотики) // Славяне-мусульмане на Балканах. Язык, культура, идентичность / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 180–196.
- 8 Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. Переизд. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. 154 с.
- 9 Секция за българска диалектология и лингвистична география към ИБЕ при БАН. Съчиненият «помашки език» — български диалект от родопски тип // Български език. 1996. Кн. 3. С. 1–9.
- 10 Adamou E. Bilingual speech and language ecology in Greek Thrace: Romani and Pomak in contact with Turkish // Language in Society. 2010. № 39. P. 147–171.

- 11 *Adamou E., Fanciullo D.* Why Pomak will not be the next Slavic Literary Language // Linguistic Regionalism in Eastern Europe And Beyond. Minority, Regional and Literary Microlanguages / ed. by D. Stern, M. Nomachi, B. Belić. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. P. 40–65.
- 12 *Adamou E.* Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance // Balkan Encounters — Old and New Identities in South-Eastern Europe / ed. by J. Lindstedt and M. Wahlström // SLAVICA HELSINGIENSIA. 2012. № 41. P. 7–32.
- 13 *Aidin M., Hamdi O.* Πομάτσκου. Komotini: Thrakiki Etaireia, 1997. 194 p.
- 14 *Demetriou O.* Prioritizing ‘Ethnicities’: The Uncertainty of Pomakness in the Urban Greek Rhodope // Ethnic and Racial Studies. 2004. № 27 (1). P. 95–119.
- 15 *Friedman V.* The Pomaks in Greece and Bulgaria: A Model Case for Borderland Minorities in the Balkans // Südosteuropa-Studien 73 / ed. by K. Steinke, Ch. Voss. München: Verlag Otto Sagner/Südosteuropa Gesellschaft, 2011. P. 217–225.
- 16 *Kahl T.* The presence of Pomaks in Turkey / ed. by Ch. Voss, K. Steinke // The Pomaks in Greece and Bulgaria — a Model Case for Borderland Minorities in the Balkans // Südosteuropa-Studien 73. München: Biblion, 2007. P. 227–234.
- 17 *Kokkas N. T.* Islam and ethnic delimitation. The case of the Pomaks of Thrace // International Conference “Folk Cultures and Boundaries in the Balkans”. Volos, 6–8 June 2008, University of Thessaly, School of Humanities, Department of History, Archaeology and Social Anthropology. Report, manuscript. URL: https://www.researchgate.net/publication/328407319_International_Conference_FOLK_CULTURES_AND_BOUNDARIES_IN_THE_BALKANS_Islam_and_ethnic_delimitation_The_case_of_the_Pomaks_of_Thrace (дата обращения: 22.11.2022).
- 18 *Kokkas N. T.* The incorporation of Traditional Values in Pomak Folk // Περί Θράκης. № 4. Ξάνθη: Πολιτιστικό Αναπτυξιακό Κέντρο Θράκης, 2004. Σ. 259–276.
- 19 *Markou E.* La question identitaire et l’éducation chez les Pomaques de Thrace Grecque: DSc Dissertation. Paris, 2001. 150 σ.
- 20 *Michail D.* Educational Disadvantage, Trilinguism and Social Change: The Pomaks of Greek Thrace: PhD Thesis. London, 2003. 150 σ.
- 21 Pomak Institute. URL: <https://www.pomaklar.com> (дата обращения: 09.10.2022).
- 22 Pomakohoria. URL: <http://pomakohoria.blogspot.gr/> (дата обращения: 09.10.2022).
- 23 *Varvounis M.* Historical and Ethnological influences on the traditional civilization of Pomaks of the Greek Thrace // Balcanica. 2003. P. 268–283.
- 24 Xanthinet. URL: <https://xanthinet.gr/> (дата обращения: 09.10.2022).
- 25 Zagalisa.gr. URL: <http://www.zagalisa.gr> (дата обращения: 09.10.2022).
- 26 *Θεοχαρίδης Π. Δ.* Γραμματική της πομακικής γλώσσας. Παράρτημα: φράσεις και κείμενα. Θεσσαλονίκη: Αίγειρος, 1996. 240 σ.
- 27 *Θεοχαρίδης Π. Δ.* Πομακοελληνικό λεξικό. Πομαοχτσκού — ουρουμτσκού λεκσικό. Θεσσαλονίκη: Αίγειρος, 1996. 700 σ.
- 28 *Καραχότζα Ρ.* Γραμματική Πομακικής Γλώσσας. Ξάνθη: Δ’ Σώμα Στρατού, 1996. 210 σ.
- 29 *Καραχότζα Ρ.* Πομακικό-Ελληνικό Λεξικό. Ξάνθη: Δ’ Σώμα Στρατού, 1996. 507 σ.
- 30 *Καραχότζα Ρ.* και άλλοι. Ελληνικό-Πομακικό Λεξικό. Ξάνθη: Δ’ Σώμα Στρατού, 1998. 507 σ.
- 31 *Καραχότζα Σ.* Η καθημερινή γλώσσα των Πομάκων της περιοχής Μύκης. Ξάνθη: Σπανίδης, 2006. 204 σ.

- 32 *Καραχότζα Σ.* Μεταφράσεις ελληνικής και αγγλικής ποίησης στην πομακική γλώσσα. Ξάνθη: Πολιτιστικός Σύλλογος Πομάκων Ν. Ξάνθης, 2016. 71 σ.
- 33 *Καραχότζα Ρ.* Βασικό Μορφολογικό Λεξικό της Πομακικής. Ξάνθη: PomLex, 2017. 1103 σ.
- 34 *Κατσαβέλης Ι, Παπαδημητρίου Π., Δημόπουλος Π., Καραχότζα Ρ., Μουμίν Α.* Συντακτικό Πομακικής Γλώσσας. Ξάνθη: Δ' Σώμα Στρατού, 1997. 269 σ.
- 35 *Κόκκας Ν.* Μαθήματα Πομακικής Γλώσσας. Ξάνθη: Πολιτιστικό Αναπτυξιακό Κέντρο Θράκης, 2004. 261 σ.
- 36 *Κόκκας Ν., Ρόγγο Α.* Παραμύθια και Παροιμίες από τη Γλαύκη του Ν. Ξάνθης. Θεσσαλονίκη: Σταμούλης, 2005. 204 σ.
- 37 *Παπαδημητρίου Π. Γ.* Λαλιές Πομάκων της Ελληνικής Ροδόπης. Τ. Α-Β-Γ. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Μελετών Χερσονήσου του Αίμου, 2013. Τ. Α. 777 σ. Τ. Β. 717 σ., Τ. Γ. 768 σ.
- 38 Οι Πομάκοι της Θράκης. Πολυεπιστημονικές και διεπιστημονικές προσεγγίσεις / ed. by M. Varvounis. Thessaloniki: Σταμούλης, 2020. 610 σ.

REFERENCES

- 1 *B"lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1999. Vol. 5: Padezh — Puska [Case — Start]. 860 p. (In Bulgarian)
- 2 Dulichenko A. D. *Osnovy slavianskoi filologii* [Fundamentals of Slavic Philology]. Opole, Universitet v Opole Publ., 2011. Vol. 2: Lingvisticheskaia problematika [Linguistic problematics]. 640 p. (In Russian)
- 3 Kanevska-Nikolova E. Bolgaroiazychnye musul'mane v Iuzhnykh Rodopakh. Sovremennaia situatsiia: iazyk i identichnost' [Bulgarian-speaking Muslims in Southern Rodops. Modern condition: language and identity]. In: *Slaviane-musul'mane na Balkanakh: iazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity], ex. ed. E. S. Uzeneva. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2014, pp. 134–149. (In Russian)
- 4 Mangalakova T. *Nashite v G"rtsiia. Sred pomatsite v Zapadna Trakiia* [Ours in Greece. Among the Pomaks in Western Thrace]. Sofia, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011. 144 p. (In Russian)
- 5 Mitrinov G. *Iuzhnorodopskite b"lgarski govori v Ksantiisko i Giumiurdzhinsko (po dannii ot Pomashko-gr"tski rechnik na Petros Teokharidis — Solun 1996)* [Southern Rhodope Bulgarian Dialects in Xanthi and Gyumyurdzhina (According to Data from the Pomak-Greek Dictionary of Petros Theoharidis. Thessaloniki, 1996)]. Sofia, Fondatsiia MVRO Publ., 2011. 276 p. (In Russian)
- 6 Mitrinov G. Za kriteriite pri klasifikatsiata na slavianskite literaturni mikroezitsi ("pomashki ezik") [On the Criteria for the Classification of Slavic Literary Microlanguages ("Pomak Language")]. In: *Ezik"t i sotsialniat opit. 10. Problemi na sotsiolingvistikata. Mezhdunarodno sotsiolingvistichno druzhestvo* [Language and Social Experience. 10. Problem of Sociolinguistics. International Sociolinguistic Society]. Sofia, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 346–350. (In Bulgarian)
- 7 Mitrinov G. Iazykovaia situatsiia v iuzhnykh Rodopakh (oblasti gorodov Ksanti, Giumiurdzhina, Didimotiki) [Linguistic context in Southern Rhodopes]. In: *Slaviane-musul'mane na Balkanakh. Iazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity], ex. ed. E. S. Uzeneva. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2014, pp. 180–196. (In Russian)

- 8 Plotnikova A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala. Pereizd* [Materials for Ethnolinguistic Studies of the Balkan Slavic Area]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2009. 154 p. (In Russian)
- 9 Sektsiia za b"lgarska dialektologiia i lingvistichna geografiia k"m IBE pri BAN. S"chineniiat "pomashki ezik" — b"lgarski dialekt ot rodopski tip [The Composed "Pomak Language" — a Bulgarian Dialect of the Rhodopian Type]. *B"lgarski ezik*, 1996, book 3, pp. 1–9. (In Bulgarian)
- 10 Adamou E. Bilingual Speech and Language Ecology in Greek Thrace: Romani and Pomak in Contact with Turkish. *Language in Society*, 2010, no 39, pp. 147–171. (In English)
- 11 Adamou E., Fanciullo D. Why Pomak will not be the Next Slavic Literary Language. In: *Linguistic Regionalism in Eastern Europe And Beyond. Minority, Regional and Literary Microlanguages*, ed. by D. Stern, M. Nomachi, B. Belić. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2018, pp. 40–65. (In English)
- 12 Adamou E. Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance. *Balkan Encounters — Old and New Identities in South-Eastern Europe*, ed. by J. Lindstedt and M. Wahlström. *SLAVICA HELSINGIENSIA*, 2012, no 41, pp. 7–32. (In English)
- 13 Aidin M., Hamdi O. *Πομάτσκου* [Pomak]. Komotini, Thrakiki Etaireia Publ., 1997. 194 p. (In Pomak)
- 14 Demetriou O. Prioritizing 'Ethnicities': The Uncertainty of Pomakness in the Urban Greek Rhodope. *Ethnic and Racial Studies*, 2004, no 27 (1), pp. 95–119. (In English)
- 15 Friedman V. The Pomaks in Greece and Bulgaria: A Model Case for Borderland Minorities in the Balkans. *Südosteuropa-Studien 73*, ed. by K. Steinke, Ch. Voss. München, Verlag Otto Sagner/Südoosteuroopa Gesellschaft Publ., 2011, pp. 217–225. (In English)
- 16 Kahl T. The presence of Pomaks in Turkey, ed. by Ch. Voss, K. Steinke. The Pomaks in Greece and Bulgaria — a Model Case for Borderland Minorities in the Balkans. *Südosteuropa-Studien 73*. München, Biblion Publ., 2007, pp. 227–234. (In English)
- 17 Kokkas N. T. Islam and ethnic delimitation. The case of the Pomaks of Thrace. *International Conference "Folk Cultures and Boundaries in the Balkans". Volos, 6–8 June 2008, University of Thessaly, School of Humanities, Department of History, Archaeology and Social Anthropology. Report, manuscript*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/328407319_International_Conference_FOLK_CULTURES_AND_BOUNDARIES_IN_THE_BALKANS_Islam_and_ethnic_delimitation_The_case_of_the_Pomaks_of_Thrace (Accessed 22 November 2022). (In English)
- 18 Kokkas N. T. The incorporation of Traditional Values in Pomak Folk. *Περί Θράκης*, no. 4. Ξάνθη, Πολιτιστικό Αναπτυξιακό Κέντρο Θράκης Publ., 2004, pp. 259–276. (In English)
- 19 Markou E. *La question identitaire et l'éducation chez les Pomaques de Thrace Grecque* [The Issue of Identity and Education among the Pomaques of Greek Thrace: DSc Dissertation]. Paris, 2001. 150 p. (In French)
- 20 Michail D. *Educational Disadvantage, Trilingualism and Social Change: The Pomaks of Greek Thrace: PhD Thesis*. London, 2003. 150 p. (In English)
- 21 *Pomak Institute*. Available at: <https://www.pomaklar.com> (Accessed 09 October 2022). (In Pomak)

- 22 *Pomakohoria*. Available at: <http://pomakohoria.blogspot.gr/> (Accessed 09 October 2022). (In Pomak)
- 23 Varvounis M. Historical and Ethnological Influences on the Traditional Civilization of Pomaks of the Greek Thrace. *Balkanica*, 2003, pp. 268–283. (In English)
- 24 *Xanthinet*. Available at: <https://xanthinet.gr/> (Accessed 09 October 2022). (In English)
- 25 *Zagalisa.gr*. Available at: <http://www.zagalisa.gr> (Accessed 09 October 2022). (In Greek)
- 26 Θεοχαρίδης Π. Δ. *Γραμματική της πομακικής γλώσσας. Παράρτημα: φράσεις και κείμενα* [Grammar of the Pomak Language. Appendix: phrases and texts]. Θεσσαλονίκη, Αίγειρος Publ., 1996. 240 p. (In Greek and Pomak)
- 27 Θεοχαρίδης Π. Δ. *Πομακοελληνικό λεξικό. Πομαοχτσκου — ουρουμτσκου λεκσικο* [Pomako-Greek dictionary. Pomak-Greek lexics]. Θεσσαλονίκη, Αίγειρος Publ., 1996. 700 p. (In Greek and Pomak)
- 28 Καραχότζα Ρ. *Γραμματική Ρομακικής Γλώσσας* [Greek-Pomak Dictionary]. Ξάνθη, Δ' Σώμα Στρατού Publ., 1996. 210 p. (In Greek and Pomak)
- 29 Καραχότζα Ρ. *Πομακικό-Ελληνικό Λεξικό* [Pomak-Greek Dictionary]. Ξάνθη, Δ' Σώμα Στρατού Publ., 1996. 507 p. (In Greek and Pomak)
- 30 Καραχότζα Ρ. and other. *Ελληνικό-Πομακικό Λεξικό* [Greek-Pomak Dictionary]. Ξάνθη, Δ' Σώμα Στρατού publ., 1998. 507 p. (In Greek and Pomak)
- 31 Καραχότζα Σ. *Η καθημερινή γλώσσα των Πομάκων της περιοχής Μύκης* [Everyday Language of the Pomaks of Myki]. Ξάνθη, Σπανίδης Publ., 2006. 204 p. (In Greek and Pomak)
- 32 Καραχότζα Σ. *Μεταφράσεις ελληνικής και αγγλικής ποίησης στην πομακική γλώσσα* [Translations of Greek and English Poetry into Pomak]. Ξάνθη, Πολιτιστικός Σύλλογος Πομάκων Ν. Ξάνθης Publ., 2016. 71 p. (In Greek and Pomak)
- 33 Καραχότζα Ρ. *Βασικό Μορφολογικό Λεξικό της Πομακικής* [Basic Morphological Dictionary of Pomak]. Ξάνθη, PomLex Publ., 2017. 1103 p. (In Greek and Pomak)
- 34 Κατσαβέλης Ι., Παπαδημητρίου Π., Δημόπουλος Π., Καραχότζα Ρ., Μουμίν Α. *Συντακτικό Πομακικής Γλώσσας* [Syntax of the Pomak Language]. Ξάνθη, Δ' Σώμα Στρατού Publ., 1997. 269 p. (In Greek and Pomak)
- 35 Κόκκας Ν. *Μαθήματα Πομακικής Γλώσσας* [Pomak Language Lessons]. Ξάνθη, Πολιτιστικό Αναπτυξιακό Κέντρο Θράκης Publ., 2004. 261 p. (In Greek and Pomak)
- 36 Κόκκας Ν., Ρόγγο Α. *Παραμύθια και Παραομιές από τη Γλαύκη του Ν. Ξάνθης* [Pomak Folk Tales and Proverbs from Glafki of Xanthi]. Θεσσαλονίκη, Σταμούλης Publ., 2005. 204 p. (In Greek and Pomak)
- 37 Παπαδημητρίου Π. Γ. *Λαλιές Πομάκων της Ελληνικής Ροδόπης. Τ. Α-Β-Γ* [Lalies Pomaks of the Greek Rhodope. Vols. A-B-C]. Θεσσαλονίκη, Ινστιτούτο Μελετών Χερσονήσου του Αίμου Publ., 2013. Τ. Α. 777 p. Τ. Β. 717 p. Τ. Γ. 768 p. (In Greek and Pomak)
- 38 *Οι Πομάκοι της Θράκης. Πολυεπιστημονικές και διεπιστημονικές προσεγγίσεις* [The Pomaks of Thrace: A Multidisciplinary and Interdisciplinary Approach], ed. by M. Varvounis. Thessaloniki, Σταμούλης Publ., 2020. 610 p. (In Greek and Pomak)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

УДК 821.161.2.0

ББК 82.3(4Укр)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. Н. Гуменюк
г. Симферополь, Крым

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ДУМЫ И ВОПРОСЫ ЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: Среди эпических жанров украинского фольклора дума занимает особое место. Генетически связанная с былинами, плачами, заговорами и другими более ранними разновидностями устного народного творчества, она широко распространяется главным образом в XVII и XVIII столетиях, но и в более поздние времена бытует в фольклоре и активно влияет на литературный процесс, о чем красноречиво свидетельствует творчество Т. Шевченко и других писателей XIX в. Плодотворно используют и развивают образы, мотивы, стилевое богатство дум и авторы новейшего времени. Актуальной проблемой поныне остается генезис думы, на укорененность которой в традиции древнерусской культуры указывали М. Максимович, М. Грушевский и другие исследователи. Довольно основательно, хоть и далеко не исчерпывающе, изучена поэтика дум, в частности их художественная структура. Думам присуще астрофическое строение — раскованное, словно ничем не ограниченное течение стиха предстает своеобразным эхом неустанного течения жизни. Созвучная динамике воссоздаваемых остродраматических событий, такая стихотворная организация содействует как эмоциональной экспрессивности, так и медитативной рассудительности их поэтического постижения. Вместе с тем Ф. Колесса, а за ним и другие исследователи обратили внимание на обособленные периоды (тирады, фрагменты) этого, в общем, свободного астрофического течения, явственно свидетельствующие о его своеобразной структурированности. Эти периоды преимущественно имеют довольно ощутимую интонационную окраску в музыкальном тексте, а также свою специфику в тексте словесном. Эта специфика, прежде всего на примере конкретных произведений, еще должна стать предметом основательных исследований. Особой выразительности текстам дум придает изысканное сочетание длинных и более кратких строк, чередование разнообразных регулярных ритмов с не менее разнообразными ритмами свободного, часто прихотливого характера. Все это свидетельствует той уникальности, о которой относительно украинской думы говорил Т. Шевченко и на которой акцентировал внимание не один исследователь. Впрочем, эта несомненная уникальность не противоречит генетической и типологической связи украинских народных дум с мировой народно-песенной эпической традицией.

Ключевые слова: украинский фольклор, эпос, дума, генезис, тематика, поэтика.

Информация об авторе: Ольга Николаевна Гуменюк — доктор филологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова, пер. Учебный, д. 8, 295015 г. Симферополь, Республика Крым.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7440-2297>

E-mail: olvimy21@gmail.com

Дата поступления статьи: 31.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Гуменюк О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие украинской народной думы и вопросы ее современного изучения // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 161–169. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

Среди эпических жанров украинского фольклора дума занимает особое место. Генетически связанная со старинами (былинами), причитаниями, заговорами и иными более ранними разновидностями устного народного творчества, сформировавшаяся, по мнению исследователей, в XV в., она приобретает особое распространение преимущественно в XVII и XVIII столетиях, но и позднее бытует в фольклоре и активно влияет на литературный процесс, о чем красноречиво свидетельствует творчество Тараса Шевченко и других писателей XIX в. Активно используют и развивают образы, мотивы, стилевое богатство дум и авторы новейшего времени — Павло Тычина, Юрий Яновский, Василь Барка, Лина Костенко, поэты Киевской школы.

Дума — пространное сказание преимущественно о реальных событиях исторического характера, которые притом приобретают легендарно-символическую окраску. Это сказание прежде всего приподнято-патетическое, но вместе с тем медитативное, рассудительное, пронизанное широкой гаммой изменчивых эмоциональных оттенков — от взвихренной тревожности до задушевной элегичности.

Такая чувственная заостренность и вариативность обусловила то, что этот собственно эпический фольклорный жанр многие исследователи называют эпико-лирическим либо даже лиро-эпическим. Отмеченная эмоциональная насыщенность является существенным источником особой художественной изысканности этого фольклорного жанра, его поэтичности и музыкальности. Но все же широко бытующее указанное гибридное обозначение родовой принадлежности украинской народной думы вряд ли уместно. На это резонно обращает внимание М. Дмитренко: «Досадно, что такие дефиниции попадают в учебники, пособия, хрестоматии. В определении жанра “дума” авторы путают эпический и лирический компонент (лиро-эпические, эпико-лирические) и считают думы песнями» [5, с. 14]. При этом исследователь отрицает правомерность и такого обозначения думы, как песенный жанр. Думается, что в этом случае он не совсем прав, ведь дума хоть и речитативно, но все же поется в музыкальном сопровождении, и здесь определение «песенный» можно считать производным не только от слова «песня» но и от таких слов как «песнь», «песнопение».

Станислав Росовецкий отмечает, что украинскую думу отнес к «лиро-эпической песне», к «лиро-эпической кантилене» и на этой основе некорректно причислил ее к наиболее ранним разновидностям фольклорного эпоса еще такой авторитетный исследователь, как Александр Веселовский. Следовательно, современный фольклорист полемизирует с широко фигурирующей, возможно, с легкой руки А. Веселовского, терминологией: «Безусловной приметой эпической зрелости дум является хорошо развитая и сквозная система эпических формул и “тем”, вообще постоянство стилистиче-

ского (в частности, версификационного) канона и мелодичного узора. Хотя сюжетной циклизации вокруг определенных героев в думах нет (не учитывая здесь естественную, так сказать, циклизацию дум о Хмельниччине вокруг образа славного гетмана), но, по-видимому, процесс циклизации в них начинался: иначе трудно объяснить, почему персонаж Иван Богословец (Богуславец) появляется в таких разных произведениях, как аллегорическая дума «Сокіл і соколя» и явно вторичная — «Іван Богословець». Все перечисленное и позволяет выбросить из дефиниций думного эпоса определение «лиро-эпический» [9, с. 292].

Большинство исследователей отмечают, что первое известное упоминание об украинской народной думе как о музыкально-поэтическом фольклорном жанре относится к XVI в. Польский историк Станислав Сарницкий, составивший для короля Стефана Батория хроникальные записи, известные под названием «Анналы» (1587), представляет в описании событий 1506 г. соответствующие свидетельства. «Благодаря анналам Сарницкого, — пишет исследователь украинских народных дум Григорий Нудьга, — узнаем, что украинцы пели в начале XVI в. думу о героической смерти братьев Струсов, но, к большому сожалению, этот летописец не внес в анналы ни единой строчки этой думы. Если принять думу о героической смерти Струсов за фольклорное эпическое произведение того типа, которое теперь называем думами, то перед нами заглавие наиболее ранней вспоминаемой думы» [8, с. 6]. Польский хронист пишет, что в известной ему думе речь идет о двух отважных братьях Струсах, погибших в неравной схватке с врагами (они были «окружены и зажаты волохами»). Он отмечает, что об этих неудачливых храбрецах поются элегии, которые украинцы называют думами. Добавляет, что думы поются тоскливым голосом, а певцы жестами и движениями придают особую выразительность пению.

Первые довольно основательные записи и публикации произведений этого фольклорного жанра осуществлены в начале XIX в. — «Повести малороссийские...», изданные, как известно, Павлом Житецким значительно позже; «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Николая Цертелева — 1814, публикация 1819 [12]. Эти записи и публикации жанрового определения «дума» не содержали. Кобзари, от которых записывались эти произведения, обозначали их как «невольничьи песни», «рыцарские песни», преимущественно же как «казацкие песни» либо «казацкие псалмы». Главным образом в связи с этим многие исследователи, в том числе и такие авторитетные, как Катерина Грушевская, считают термин «дума» условным и случайным. Мол, Михаил Максимович ввел этот термин в научный оборот в 1827 г. под польским влиянием, в соответствии с которым словом “duma” якобы назывались украинские песенные произведения, как эпические, так и лирические. Читающая общественность, отмечает исследовательница, «называла все украинские песни думами либо — с нежностью к родному слову — “думками”» [3, т. I, с. XIV–XV].

Во времена упомянутых первых довольно основательных записей и публикаций, т. е. в начале XIX в., традиция дум начала приходить в упадок. Очевидно, в связи с этим стало уходить в забвение и жанровое определение соответствующих фольклорных произведений. Поэтому, наверное, был прав академик Владимир Перетц, отрицая мнение о произвольности и условности этого жанрового определения. «Как до XVIII столетия существовали думы, — отмечает исследователь, — так существовал и сам этот термин в применении к историческим украинским песням, составленным неравносложным стихом, рецитуемым профессиональными бандуристами-кобзарями» [5, с. 9]. Как подчеркивает Г. Нудьга, польские хронисты и исследователи термин “duma” употре-

бляли, опираясь на то, что именно так называли соответствующие произведения сами украинцы, от которых они были услышаны [8, с. 6]. В определенной степени подытоживает полемику касательно происхождения термина Микола Дмитренко, обращая внимание на то, что согласно «Этимологическому словарю украинского языка» неоднозначное слово «дума» довольно убедительно связывается с праславянским «дму, дую». К семантическому гнезду этого слова, подчеркивает исследователь, относится польское слово “duma” (гордость, гордыня) и болгарское «дума» (слово) [5, с. 9]. М. Дмитренко также ведет речь об определенных параллелях между украинскими думами и эпическими поэтическими текстами южнославянского фольклора.

Украинский фольклор и едва ли не преимущественно дума, как справедливо отмечают многие исследователи, имеет первостепенное значение в формировании неповторимого художественного мира Тараса Шевченко. «Вспомним, — подчеркивает К. Грушевская, — заглавие величайшей украинской книги, в котором автор приравнял себя к одному из профессиональных народных сказителей» [3, т. I, с. XVII].

Думается, к творчеству Т. Шевченко можно обратиться и в контексте упомянутой терминологической полемики. В связи с названием книги «Кобзарь» можно предположить, что все свои поэтические произведения автор образно называл думами. Об этом, очевидно, свидетельствуют и такие стихотворения, как «Думы мои...» (1840), «Думы мои...» (1848). Вместе с тем у поэта есть ряд ранних стихотворений, написанных в фольклорно-песенном ключе, каждое из которых озаглавляется как «Думка». Это произведения, имеющие такие начальные строки, как «Течет вода в сине море...», «Ветер буйный, ветер буйный...», «Трудно-тяжко жить на свете...», «Зачем же мне черны брови...». Подавляющему большинству иных лирических стихотворений автора не присуща такая прямая и откровенная стилизация фольклорных мотивов и интонаций, и, следовательно, у них нет такого собственно фольклорного жанрового обозначения лирического текста, вынесенного в заглавие. Большие поэмы Т. Шевченко, и помещенные в первом издании «Кобзаря» 1840 г., и «Гайдамаки», и позднейшие имеют немало общего с художественной структурой и стилистикой дум, хотя преимущественно они также весьма далеки от их непосредственной стилизации. Поэтому думами их можно назвать лишь в том символическом смысле, с которым связывается название «Кобзарь». Таким образом, можем вести речь об определенном, хотя и вполне своеобразном отзвуке в творчестве Т. Шевченко четко обозначенных фольклорных жанров, в частности, думы и лирической песни, что, собственно, и ознаменовано соответствующей строкой афористического высказывания из послания «К Основьяненко» — «Наша дума, наша песня / Не умрет, не сгинет...» [14, т. 1, с. 120].

Как видим, Т. Шевченко четко различает думу и песню (иногда, по старинной традиции, еще называемую думкой) как два отдельных фольклорных родовых и жанровых образования. Об этом свидетельствуют и размышления рассказчика в повести автора «Прогулка с удовольствием и не без морали», черты портрета и внутреннего мира которого имеют весьма отчетливый автобиографический характер, что проявляется, в частности, и в отношении к думе как к особому фольклорному жанру. Рассказчику дума даже приснилась: «Буря, как миллионы невидимых чудовищ, ревела на просторе. На фоне темных туч блестели стаями белые мартины, а на белых скалах длинными вереницами уселись, как любопытные зрители, черные бакланы. Рев бури опустился, как будто, тоном ниже и стал ослабевать как усердный бас в конце обедни. В густой и тихой октаве бури мне послышались грустно-заунывные мелодии нашей народной думы, “Думы об Алексее, пирятинском поповиче”. Мелодия сделалась

слышнее, слова внятнее, и так, наконец, внятно, что я мог вторить поющему и голосом, и словами. И я вторил следующие стихи: На морі синьому, на камені білому / Ясний сокіл квилить-проквіляє, / На синє море пильно поглядає, / З моря добич вижидає, виглядає... [На море синем, на камне белом / Ясный сокол кричит-восклицает, / На синє море поглядывает, / С моря добычу выжидает, выглядывает...]. Рассказчик задумал сочинить героическую поэму и ищет образцы для нее: «Перебрал в памяти литературы всех образованных и древних, и новых народов, кроме литературы санскритской и моей возлюбленной родной. Чудаки мы, в том числе и я. Недавно кто-то сравнивал наши, т. е. малороссийские исторические думы с рапсодами хиосского слепца, протца эпической поэзии. А я смеялся такому высокомерному сравнению, а теперь, как разобрал да разжевал, так и чувствую, что сравнитель прав и, со своей стороны, готов даже увеличить его сравнение. Я читал, разумеется, в переводе Гнедича, и вычитал, что у Гомера нет ничего похожего на наши исторические думы-эпопеи, как, например, дума “Иван Коновченко”, “Савва Чалый”, “Алексей, попович пирятинский”, или “Побег трех братьев из Азова”, или “Самойло Кишка”, или, или — да их не перечешь» [14, т. 4, с. 241–242].

Поэт говорит о думе как о жанре, имеющем особое значение в национальном фольклорном эпосе, констатирует превалирование в этом жанре исторической героики, отмечает присущую ему образную живописность и музыкальность, к тому же подчеркивает его уникальность на фоне мировой культурной традиции.

Актуальной проблемой до сих пор остается генезис думы, о связи которой с традициями древнерусской культуры писал М. Максимович, отмечая осязаемое здесь родство со «Словом о полку Игоревом». Известны размышления Филарета Колессы, который указывал на еще более давние источники, отмечая связь дум с народными плачами, причитаниями. Трудно не заметить многих общих черт дум и древнерусских былин, на что также обращали внимание исследователи, в частности Михаил Грушевский [4, т. 4, кн. 1, с. 23]. Вряд ли можно согласиться с М. Дмитренко, считающим несущественными былинными традициями для украинского фольклора [5, с. 20]. Не только М. Грушевский, но и современные исследователи подчеркивают наряду с тематическими и жанрово-стилевыми различиями несомненное генетическое родство древнерусской былины и украинской думы. Довольно убедительны доводы С. Росовецкого, полагающего, что былины продолжали бытовать в украинском культурном пространстве до XVII в. [9, с. 282, 294–295].

В целом основательно, хоть и далеко не исчерпывающе, изучена поэтика дум, в частности, их художественная структура. Эта проблема постоянно привлекает внимание исследователей — от М. Максимовича до новых публикаций, в том числе принадлежащих перу М. Дмитренко, Софии Грицы, Наталии Малинской. Исследователи отмечают присущий думам развернутый эпический сюжет, построенный преимущественно по устоявшейся традиционной схеме: запев или зачин, эпическое повествование, подчеркнутое лаконичными живописными описаниями и проникновенными лирическими отступлениями, концовка («заклочка») и славословие. Обращается внимание на выразительную пластичность образов, впечатляющие психологические характеристики персонажей. Отмечая, в частности, такие широко используемые в думах выразительные средства, как красноречивые, преимущественно постоянные эпитеты, колоритные сравнения, метафорические детали и параллели (последние очень часто антитетические), М. Дмитренко особо выделяет символические образы, которые, по его мнению, «чрезвычайно разнообразны, а точнее — разноуровневые». Исследователь уточняет:

«Кроме мирозидательных, космогонических (вода, огонь, земля, солнце, месяц, звезды, Мировое дерево — дуб, явор, орех и др.), ряд символов отображают казацкую атрибутику, мир растений, животных, чисел три, семь, двенадцать, тридцать, семьсот и т. д. Отдельная группа символов имеет христианскую окраску» [5, с. 30]. Цитируемое исследование, как и другие работы, посвященные осмыслению поэтики дум, носят преимущественно обобщающий характер. Одна из существенных задач современной фольклористики — детальный анализ многочисленных конкретных устно-поэтических произведений, на основании чего можно будет сделать еще более убедительные выводы.

Уже при первом знакомстве с думами бросается в глаза преимущественно не присущее иным жанрам украинского поэтического фольклора их астрофическое строение — раскованное, словно ничем не ограниченное течение стиха предстает своеобразным эхом неустанного жизненного потока. Созвучное динамике отображаемых событий, главным образом остродраматических, такое стихотворное изложение содействует как эмоциональной экспрессивности, так и медитативной рассудительности их художественного постижения. Вместе с тем Ф. Колесса, а вслед за ним и другие исследователи обратили внимание на так или иначе выделяющиеся периоды (тирады, фрагменты) этого, в общем, свободного астрофического течения стиха, без сомнения, свидетельствующие о его своеобразной структурированности. Эти периоды преимущественно имеют довольно ощутимые интонационные очертания в музыкальном тексте, а также свою специфику и в тексте словесном, содействуя выразительности отдельных эпизодов, портретных характеристик, лирических отступлений и т. д. И эта специфика, прежде всего на примере конкретных фольклорных произведений, еще должна стать предметом основательных исследований.

Особую влияние придает текстам дум затейливое сочетание различных вариаций длинных и кратких поэтических строк, чередование разнообразных регулярных ритмов с не менее разнообразными ритмами свободного, не раз прихотливого характера. В конфигурации рифм характерно преимущество рифмы глагольной, парной, время от времени становящейся более пространной (трех-четырёх- и даже более краткой), к тому же сочетающейся с внутренними рифмами, также сочетающейся и часто перекликающейся с нерифмованными окончаниями строк.

Все это свидетельства той уникальности думы, о которой говорил Т. Шевченко и которую подчеркивал не один исследователь. Все же эта несомненная уникальность не противоречит генетической и типологической связи украинских дум с мировой народно-песенной эпической традицией, в том числе и с традициями культур Востока. На эту проблему обращает внимание С. Грица, ведя речь, в частности, об определенной связи украинских дум с библейскими и христианскими текстами-песнопениями, к тому же нередко бытовавшими в украинской культуре наряду с думами, особенно во времена барокко [1, с. 47]. Исследовательница также говорит о связи дум с иными ориентальными традициями: «Особенности просодии, топонимика, характер квантитативного импровизационного песнопения, средства поэтического высказывания сближают думы с древнейшими речитативными формами эпического творчества народов Причерноморья и Ближнего Востока. По эзотерическим признакам мелодика украинских народных дум со специфическим ладовым и импровизационным строением подобна восточному макалату» [1, с. 33–34]. Можем говорить и об определенной общности украинских дум и крымскотатарских эпических сказаний — дестанов. Но эта тема еще требует дальнейшего глубокого и многогранного исследования.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 *Грица С.* Думи в синтезі слова, музики та виконавства // Українські народні думи: у 5 т. / упорядники: М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. Т. 1: Думи раннього козацького періоду. С. 33–118.
- 2 *Грица С.* Мелос української народної епіки. Київ: Наукова думка, 1979. 248 с.
- 3 *Грушевська К.* Українські народні думи: у 2 т. Київ: Державне видавництво України, 1931. Т. 1. 396 с. Харків: Державне видавництво «Пролетар», 1931. Т. 2. 334 с.
- 4 *Грушевський М.* Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. Київ: Либідь, 1994. Т. 4. Кн. 1. 336 с.
- 5 *Дмитренко М.* Українські народні думи як феномен традиційної культури // Українські народні думи: у 5 т. / упорядники М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. Т. 1: Думи раннього козацького періоду. С. 6–32.
- 6 *Кушпет В.* Старцівство: мандрівні співці-музиканти в Україні (XIX – поч. XX ст.). Київ: Темпора, 2007. 494 с.
- 7 *Малинська Н.* Думна героїка. Канон. Література. Онтологія спадковості: монографія. Київ: Амадей, 2001. 214 с.
- 8 *Нудьга Г.* Народний поетичний епос України // Думи. Київ: Рад. письменник, 1969. С. 5–40.
- 9 *Росовецький С.* Эпическое своеобразие украинских народных дум // *Studia Literarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 282–301. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-282-301
- 10 Українські народні думи / упорядники С. Грица, А. Іваницький та ін. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2007. 824 с.
- 11 Українські народні думи: у 5 т. Т. 1: Думи раннього козацького періоду / упорядники М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. 856 с.
- 12 *Цертелев Н.* Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1819. 66 с.
- 13 *Черемський К.* Шлях звичаю. Харків: Глас, 2002. 444 с.
- 14 *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: у 12 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1. 784 с. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 608 с.

© 2022. Olga M. Humeniuk
Simferopol, Republic of Crimea

GENRE AND STYLE ORIGINALITY OF UKRAINIAN FOLK DUMA AND THE ISSUES OF ITS CONTEMPORARY RESEARCHING

Abstract: Among the epic genres of Ukrainian folklore, duma occupies a special place. Genetically connected with such traditional genres as bylina (epic story), lamentation, spell and other earlier varieties of folk oral poetry, it spreads mainly in the 17th and

18th centuries. However, later, it continues to exist in folklore and actively influences the literary process that can be vividly observed in the works by Taras Shevchenko and other writers of the 19th century. Contemporary authors productively employ and develop characters, motifs and style profoundness of this ancient genre. Genesis of duma to our time remains an actual problem. Its persistence in the tradition of Kievan Rus culture has been pointed out by M. Maksymovych, M. Hrushevsky and other researchers. The poetics of dumas, particularly their artistic structure, has been explored quite substantially, although this research is far from exhaustive. What strikes one's eye right from the first acquaintance with dumas is the non-strophic composition. This uninhibited verse flow, as if not limited by anything, distinctively echoes an unceasing flow of life. Resembling the dynamics of recreated highly dramatic events, it contributes to emotional expressiveness, as well as to meditative reflections of their poetic comprehension. At the same time, F. Kolessa, followed by other researchers, noticed more or less detached periods (tirades, fragments) of this generally free non-strophic flow. These periods clearly represent a specific structure of such verse. They principally have quite an appreciable prosodic tint in a musical text, and also their own specifics in a verbal text. This specificity — primarily by the example of concrete works — is expected to become the subject matter of thorough research. A subtle combination of long and shorter lines, alternation between diverse regular rhythms and no less diverse rhythms of a free, often queer nature — all this gives a particular vividness to the texts of dumas. These are the evidence of that uniqueness, which was discussed by T. Shevchenko in regard to Ukrainian duma, and to which many researchers drew our attention. However, this unquestionable uniqueness doesn't contradict the genetic and typological bond of Ukrainian folk dumas and world epic tradition.

Keywords: Ukrainian Folklore, Epos, Ukrainian Duma, Genesis, Subject Matter, Poetics.

Information about the author: Olga M. Humeniuk — DSc in Philology, Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny per., 8, 295015 Simferopol, Crimea.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7440-2297>

E-mail: olvimy21@gmail.com

Received: March 31, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Humeniuk O. M. Genre and Style Originality of Ukrainian Folk Duma and the Issues of its Contemporary Researching. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 161–169. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

REFERENCES

- 1 Hrytsa S. Duma v syntezi slova, muzyky vykonavstva [Dumas in the Synthesis of Word, Music and Performance]. In: *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznnavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009, vol. 1: Duma rann'oho kozats'koho periodu [Dumas of Early Cossack Period], pp. 33–118. (In Ukrainian)
- 2 Hrytsa S. *Melos ukrains'koi narodnoi epiki* [Melos of Ukrainian Folk Epic]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1979. 248 p. (In Ukrainian)

- 3 Hrushevska K. *Ukrains'ki narodni dumy: u 2 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 2 Vols.]. Kyiv, Derzhavne vydavnytstvo Ukraïni Publ., 1931. Vol. 1. 396 p. Kharkiv, Derzhavne vydavnytstvo "Proletar" Publ., 1931. Vol. 2. 334 p. (In Ukrainian)
- 4 Hrushevs'kyi M. *Istoria ukrains'koi literatury: v 6 t., 9 kn.* [History of Ukrainian Literature: in 6 Vols., 9 Books]. Kyiv, Libid' Publ., 1994. Vol. 4. Book 1. 336 p. (In Ukrainian)
- 5 Dmytrenko M. *Ukrains'ki narodni dumy iak fenomen tradytsiynoi kul'tury* [Ukrainian Folk Dumas as the Phenomena of Traditional Culture]. *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009, vol. 1: *Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Dumas of Early Cossack Period], pp. 6–32. (In Ukrainian)
- 6 Kushpet V. *Startsivstvo: mandrivni spivtsi-muzykanty v Ukraini (XIX – poczatok XX st.)* [Wandering: Itinerant Singers-Musicians in Ukraine (19th – Beginning 20th Century)]. Kyiv, Tempora Publ., 2007. 494 p. (In Ukrainian)
- 7 Malyns'ka N. *Dumna heroïka. Kanon. Literatura. Ontologia spadkovosti: monografiia* [Dumas Heroic. Canon. Literature: Ontology of Heredity: Research Book]. Kyiv, Amadei Publ., 2001. 214 p. (In Ukrainian)
- 8 Nud'ha G. *Narodnyi poetyhnyi epos Ukraïni* [Folk Poetry Epos of Ukraine]. *Dumi* [Dumas]. Kyiv, Rad. pis'mennik Publ., 1969, pp. 5–40. (In Ukrainian)
- 9 Rosovetskii S. *Epicheskie svoebrazie ukrainskikh narodnykh dum* [Epic Specificity of Ukrainian Folk Dumas]. *Studia Literarum*, 2018, vol. 3, no 1, pp. 282–301. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-282-301 (In Russian)
- 10 *Ukrains'ki narodni dumy* [Ukrainian Folk Dumas], comp.: S. Hrytsa, A. Ivanyts'kyi and other. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2007. 824 p. (In Ukrainian)
- 11 *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009. Vol. 1: *Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Dumas of Early Cossack period]. 856 p. (In Ukrainian)
- 12 Tsertelev N. *Opyt sobraniia starinnykh malorossiiskikh pesnei* [Attempt of the Collecting of Ancient Ukrainian Songs]. St. Petersburg, V tipografii Karla Kraïia Publ., 1819. 66 p. (In Russian)
- 13 Cherems'kyi K. *Shliakh zvychayu* [The Way of Tradition]. Kharkiv, Glas Publ., 2002. 444 p. (In Ukrainian)
- 14 Shevchenko T. *Povne zibrannia tvoriv: u 12 t.* [Complete Collection of Works: in 12 Vols.]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 2003. Vol. 1. 784 p. Kyiv, Naukova dumka Publ., 2003. Vol. 4. 608 p. (In Ukrainian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-170-187>

УДК 398.47

ББК 82.3(2=411)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. С. Петрова
г. Москва, Россия

ФОЛЬКЛОР БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ О МАГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТАХ

(по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2010-х гг.)

Аннотация: В статье на материале фольклорно-этнографических экспедиций 2013–2018 гг. в Смоленскую и Брянскую области России и Могилевскую и Витебскую области Беларуси, проходивших в рамках международного исследования «Белорусско-русское этнокультурное взаимодействие в трансграничной перспективе», рассмотрен комплекс фольклорных текстов (быличек, запретов, предписаний) и практик, связанных с различными персонажами, позиционируемыми как магические специалисты — колдуны, народные лекари, гадатели. Представлены локальные номинации магических специалистов, выполняемые ими действия, принципы народной классификации подобных персонажей, выделены ключевые мотивы мифологических рассказов о них. Для выявления локальной (собственно пограничной) специфики в сопоставительных целях привлекаются аналогичные материалы из других регионов — как территориально близких (Полесье), так и географически более удаленных (Русский Север, Сибирь). Анализ экспедиционных материалов показывает, что принципы разделения вредоносных и помогающих магических специалистов ситуативно обусловлены: можно говорить скорее не о существовании в фольклорной традиции пограничья двух четко определяемых классов персонажей, но о представлениях, согласно которым существуют люди, наделенные магическими способностями, способные — в зависимости, например, от личных симпатий и антипатий — как вредить, так и помогать. Данные современных экспедиций на белорусско-русское пограничье демонстрируют устойчивость традиционных фольклорных мотивов в рассказах о магических специалистах и выполнение их трансляцией значимых функций социального регулирования в малых сообществах.

Ключевые слова: фольклор, народная демонология, белорусско-русское пограничье

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Петрова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, ГСП-3, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>

E-mail: pena.talya@gmail.com

Дата поступления статьи: 15.08.2021

Дата одобрения рецензентами: 16.09.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Петрова Н. С. Фольклор белорусско-русского пограничья о магических специалистах (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2010-х гг.) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 170–187.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-170-187>

Опыт фольклористических исследований этнокультурного пограничья

Изучение «пограничных» в историческом, этническом, культурном, лингвистическом и пр. смыслах регионов является важной сферой мультидисциплинарных гуманитарных исследований. Для фольклористики устная традиция контактных зон интересна с точки зрения анализа фольклорных (в том числе сюжетно-мотивных) связей, особенностей бытования и функционирования различных элементов «традиционной картины мира».

Белорусско-русское пограничье становилось полем исследований для лингвистов, историков, социологов, фольклористов. Еще со второй половины XIX в. активно пополняется фонд зафиксированных на данной территории фольклорно-этнографических материалов [5; 15; 25; 26; 27]. В современных фольклористических работах наибольшее внимание уделяется календарной и семейной обрядности, народной демонологии [3; 7; 9; 10; 13].

Для проведения сравнительно-типологических исследований пограничного фольклора значимым оказывается опыт коллег, занимавшихся схожими исследованиями в иных, но культурно близких регионах (например, на польско-украинском, польско-белорусско-литовском пограничье [28; 29; 30]).

В качестве примера современного фольклористического исследования фольклора белорусско-русского пограничья можно назвать совместный проект Российского государственного гуманитарного университета (Москва) и Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, с 2013 г. рассматривавший такие важные аспекты традиционной культуры контактных регионов, как «Фольклор и язык русско-белорусского пограничья», «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья», «Белорусско-русское этнокультурное взаимодействие в трансграничной перспективе»¹. Проект был нацелен на выявление специфики языка, фольклора и традиционных верований как самой этнокультурной зоны, так и белорусской и русской фольклорных традиций в ситуации границы (подробнее см. об этом: [11]). Основным методом, применявшимся в проектном исследовании, стал текстологический анализ повествовательных и обрядовых текстов «с целью выявления их сюжетно-мотивного состава, взаимодействия устных и книжных мотивов, механизмов адаптации заимствованных сюжетов и текстов, наличия этнографического “конвоя” фольклорных текстов, связи легендарных мотивов с актуальными верованиями» [2]. Главными направлениями исследований стали этнолингвистические наблюдения языковых аспектов пограничного региона, анализ белорусско-русских фольклорных связей и картографирование этнокультурных «диалектов», изучение влияния культурной границы на устную традицию контактных зон и создание мультимедийной базы данных фольклорных материалов [18]. Результаты проекта представлены в ряде публикаций (см., например: [1; 12; 17; 20; 21; 23]).

¹ См. сайт проекта: URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pogranichje/about.htm> (дата обращения: 15.08.2021).

Полевые записи фольклорных текстов о магических специалистах

Важной частью проведенных исследований стали полевые изыскания участников проекта в Смоленской и Брянской областях России и Могилевской и Витебской областях Беларуси. Всего за 2013–2018 гг. было проведено шесть экспедиций, в ходе которых обследовано более 40 населенных пунктов (преимущественно села и малые города) и опрошено более трехсот респондентов.

Среди прочих фольклорно-этнографических материалов экспедиций был зафиксирован комплекс мифологических текстов (быличек, запретов, предписаний) о различных магических специалистах — колдунах, народных лекарях, гадателях.

Распространенность и обыденность представлений об этих персонажах актуальной мифологии в современном деревенском социуме белорусско-русского пограничья емко описывает фрагмент одного из интервью: «Один колдоваў, другие отделявають, так и жили» [АЛФ (Архив учебно-научной лаборатории фольклористики РГГУ), ЯЗФ, зап. в д. Бухово Россонского р-на Витебск. обл., 2015, соб. О. Белова, Н. Петров, Н. Петрова]. Специфическая особенность таких персонажей — «владение некими эзотерическими знаниями и способностями» [14, с. 30].

Деление магических специалистов («знающих» людей) на вредоносных и приносящих пользу кажется очевидным и логичным, однако наши материалы подтверждают уже отмечавшуюся исследователями «этность» (внешний взгляд) и искусственность семантической оппозиции «хороший» / «плохой» магический специалист [14, с. 30–31; 16, с. 107]: зачастую можно говорить не столько о двух принципиально различающихся типах персонажей народной демонологии, сколько о ситуативных характеристиках одного и того же типа.

В этой статье будут представлены зафиксированные в зоне белорусско-русского пограничья номинации магических специалистов, выполняемых ими действий, принципы народной классификации подобных персонажей, выделены ключевые мотивы мифологических рассказов о них. Для выявления локальной (собственно пограничной) специфики в сопоставительных целях будут привлекаться аналогичные материалы из других регионов — как территориально близких (Полесье), так и географически более удаленных (Русский Север, Сибирь), в частности, мы будем обращаться к сюжетно-мотивным указателям мифологических рассказов, составленных Л. Н. Виноградовой и Е. Е. Левкиевской [14, с. 614–624], Н. В. Петровым [19], В. П. Зиновьевым [8].

Поскольку магические специалисты относятся скорее к категории «людей со сверхъестественными способностями» (в терминологии Л. Н. Виноградовой и Е. Е. Левкиевской), чем к собственно демоническим персонажам (духам локусов, олицетворениям природных стихий), рассказы о них можно охарактеризовать как нарративы о «ближних других» — по сути, как истории о демонизируемых соседях. В свое время Э. В. Померанцева за обилие реалистичных деталей относила рассказы о колдунах не к быличкам, а к бывальщинам и рассматривала этих персонажей отдельно от природных либо домашних духов [22, с. 14]. В связи с этим кажется продуктивным проанализировать тексты о «знающих» с точки зрения тех социальных функций, которые выполняет их трансляция в замкнутом сельском сообществе. Таким образом, мы перейдем от структурно-семантических особенностей рассказов о магических специалистах к прагматике этих текстов.

Номинации магических специалистов

Вычленив из имеющихся в нашем распоряжении текстов обозначения магических специалистов, мы получаем следующие варианты (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Варианты наименований магических специалистов
Table 1 – Variants of naming magic specialists

Вредоносные специалисты	Помогающие специалисты
Тот, кто знает (кое-что / какое дурное делать) (Витебск., Мог., Смол.)	Тот, кто знает по-хорошему (Мог.)
Человек занимается плохим делом (Брян.)	Тот, кто умеет от глаз (Мог.)
Плохие / нехорошие люди (Брян.)	Хорошие / божественные люди (Мог.)
Знахарка / знахарь (Мог., Смол.)	Знахарь (Смол., Мог.)
Колдун (Брян., Витебск., Мог., Смол.) / колдунья (Смол.)	Колдунья (Смол.)
Чародей (Мог.) / Чаровник (Витебск.)	
	Шептуха (Мог., Брян.)
Чернокнижник (Мог.)	
	Старик / Старуха (Мог., Смол.) / Бабка (Мог., Витебск., Брян.)
Ведьма (Брян., Мог., Смол.)	

Значительная часть номинаций магических специалистов построена на действиях, приписываемых данным персонажам — знать (о некотором сверхъестественном знании, ср. севернорусскую номинацию знатки'), делать (совершать магические действия), шептать (маркирование магической речи как труднопонимаемой, недоступной широкой публике в оппозицию обыденной речи). Помимо этого, в круг действий входит также ряд других манипуляций — лечебных, гадательных, вредоносных.

Номинации действий магических специалистов

Встречающиеся в наших текстах обозначения действий можно разделить на обобщенные рамочные понятия и перечисление конкретных совершаемых персонажами операций (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Варианты наименований действий магических специалистов
Table 2 – Variants of naming the actions of magical specialists

Вредоносные специалисты	Помогающие специалисты
<i>Обобщенные номинации магической деятельности</i>	
Колдовство / (за)колдовать (Мог., Смол., Витебск.)	Ворожба / Ворожить (Мог.)
Чары / (о)чаровать (Витебск., Мог.)	
Ведьмовать / ведьмачить (Брян.)	
Наделать (Брян., Витебск.) / Подделы / подделать (Мог., Витебск.) / (дурное/зло) (с)делать (Брян., Витебск., Смол.)	Делать (Витебск.) / Отдельвать (Мог., Смол.)
Вредить (Брян., Смол.)	Помогать (Мог., Витебск.) / Спасать (Мог.)
<i>Конкретные выполняемые действия</i>	
Пошептать (Брян., Смол.)	(По)шептать (Мог., Брян., Витебск.)

Наговоры / наговаривать (плохое на людей) (Мог.)	Наговаривать (Мог.) / Отговаривать (Мог.) / Приговаривать (Смол.) / Заговаривать (Смол., Витебск.) / Поговорить (Витебск.)
Привороты / отвороты делать (Брян.)	Отворот делать (от сглаза) (Смол.)
Портить (скотину) (Брян., Смол.)	
Отнимать молоко (Брян., Смол., Мог.)	
	Видеть будущее (Мог.) / Предсказывать (Витебск.)
	(По)лечить (Мог.) / Дать воду (Витебск.)

Этот набор функций магических специалистов вполне универсален и встречается в мифологической прозе разных регионов: можем сравнить с действиями севернорусских знатков, выделенных в указателе Н. В. Петрова [19].

- VI. А. Могут сглазить
- VI. Б. Насылают порчу на людей / на скот / на дом / урожай
- VI. В. Портят / охраняют свадьбу
- VI. Г. Отвораживают / привораживают
- VI. З. Влияют на удой скота
- VI. Ч. Знаются с нечистой силой
- VI. В. Портят / охраняют свадьбу
- VI. Д. Избавляют от сглаза / порчи
- VI. Н. Ищут вора / потерянные предметы / деньги / людей / скот
- VI. П. Гадают / предсказывают судьбу / будущее
- VI. Р. Распознают причину бедствий и дают совет, как избавиться
- VI. Х. Облегчают роды
- VI. Ф. Исцеляют больных

Схожий набор действий магического специалиста находим и в указателе В. П. Зиновьева [8] к сибирским быличкам:

- 31. Знахарка «ладит» людей
- 32. Знахарка «ладит» животных
- 9. Ведьма ворожит, гадает, предсказывает судьбу
- 2. Ведьма «портит» людей:
- 3. Ведьма «портит» животных
- 22. Ведьма доит коров чудесным способом
- 23. Ведьма колдует
- 29. Ведьма вредит в работе по хозяйству «портит» поле
- 2. Колдун «портит» людей
- 3. Колдун «портит» животных
- 5. Колдун «присушивает» или ссорит людей
- 9. Колдун ворожит, гадает, предсказывает будущее

В рассматриваемых нами текстах встречаются практически все эти мотивы, за исключением мотива VI. Ч «Знаются с нечистой силой» в указателе Н. В. Петрова

и XIII в «Колдун знается с нечистой силой» в указателе В. П. Зиновьева. Рассказы о чертях-помощниках колдуна не зафиксированы в наших интервью, при этом черт как самостоятельный персонаж представлен в народной демонологии белорусско-русского пограничья².

Регионально специфичной можно назвать реализацию в наших текстах мотивов «проявление активности в определенные календарные периоды», «обладает способностями к оборотничеству» и «человек калечит животное-оборотня; затем распознает в нем ведьму», выявляемых также в полесских демонологических рассказах (см.: [14, с. 614–624]). Временем разгула ведьм и колдунов на белорусско-русском пограничье, как и в Полесье, считается купальский период (для сравнения: в сборнике сибирских быличек Зиновьева активность ведьм в Иванов день освещена в одном тексте, тогда как о ночи на Великий Четверг сообщают более десяти текстов [8]). Значимой частью этого календарного обрядового комплекса является защитная магия — разжигание огня на колесах-«катках», ночные бдения у костров, изгнание ведьмы из жита: молодежь бегала по полю, бросая головешки и исполняя купальские песни, в том числе содержащие общевосточнославянские мотивы изгнания животных и животного на дереве, символизирующие уничтожение демонического персонажа (см. об этом подробнее: [4, с. 20]). Иллюстрирует описание таких действий фрагмент интервью из Смоленской области:

[На Вознесение в жито не ходили?] [ВАМ:] Это ж не на... не на Вознесение, это ж ходят на Ивана на Купалу... [Да?] а не на Вознес... [ВТП:] Да, да... А, ходили. А теперь нет жита, все заросло. [ВАМ:] Да, это... и вообще каток жгут, а в этом году, верно не было уже, молодежи не стало. А то, колясо жгут. [ВТП:] Костры жгли... ведьму выгоняли... [На Купалу?] Да, это... это... [ВАМ:] Да. На... перед Иваном Купалой. А Иван Купала шестого июля. [ВТП:] Это выгоняют... ведьму с жита выгоняли. [А расскажите, как это?] [ВАМ:] Да там только пе... так пели... [ВТП:] Молодежь это, да... Веч... [ВАМ:] Молодежь. Как колясо зажгут там, собьются... то головешками бросаются один в одному, то песни купальские поют, ну и все. Игры делают. Ну. [А что за песни купальские?] А хто... какую надумается... мы такую пели... [ВТП:] Как вы там пели? [ВАМ:] Купала, Купала, семь мальцов пропало. А на это, на место семь девок воскресло. [Смеется]. А придумывали, да и все. [ВТП:] А ешшо... Сегодня Купалья, завтра Иван. Будет горе, мальцы, вам. Поуонита кошек ў поле, кошки на елки скакати, а... а мальцы на е... на кошек ругати. [ВАМ:] На... да. [ВТП:] Лезьте кошки с елок долой, мы погоним вас домой [смеется]. [ВАМ:] Дома будут вас доить, мальцам кашу ва... [ВТП:] Доить... а девок... да, мальцам кашу варить. [ВАМ:] Ешьте это мальцы, ня плюйте. Лижите ложки, ня блюйте. А тады мальца как погонюцца за деўкамі. [Это девушки парней дразнили?] Да, да, да. [ВТП:] Было, дразнили. [ВАМ:] Вот такие, да. [А почему это называется «ведьму прогонять»?] А... [ВАМ:] Это говорят, купалинская ведьма ходить, да. [Вот в этот день?] Да, да, да, да, да, да. [ВТП:] В этот. [АЛФ РГГУ ВТП, ВАМ, зап. в д. Будница Велижского р-на Смоленской обл., 2013, соб. А. Б. Мороз, О. В. Белова, В. А. Комарова].

Способность к оборотничеству подчеркивается в рассказах о ситуациях, когда магический специалист вредит людям (в частности, отнимая молоко у коров): они могут превращаться как в неодушевленный предмет (копну сена, колесо), так и в животное (собаку, свинью, кошку). Любопытно, что связанный с этим мотив распознавания превратившегося через калечение животного чаще встречается в текстах о ведьмах [21].

² Среди мифологических мотивов, представленных в записанных нами текстах о чертях, можно выделить следующие: черти — это проклятые / заклятые дети; черти в работниках у пана; черти появляются на вечеринке у девушек; обманывают рыбаков; морочат пьяных; дразнят молотильщиков во время работы; появляются и играют при чтении «черномагой книги» (см. об этом: [17]).

Признаки магических специалистов

В следующей таблице приведены встречающиеся в наших материалах признаки магических специалистов — внешний облик и физические особенности, бытовые привычки (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Признаки магических специалистов
Table 3 – Features of magical specialists

Вредоносные специалисты	Помогающие специалисты
«Ина была, правда, старенькая-старенькая, ну, старенькая, дак ужо сморщенная» (Мог.)	«Раньше старые... это... дуже старые, которые богу веровали» (Смол.)
«Ина глухая-глухая была» (Смол.)	«Она инвалид дак то была. Во-первых. Разговаривала плохо» (Мог.)
[А такую колдунью можно узнать? Понять, что идет по улице колдунья?] Да ей в глаза глядеть у тебя, и становишься как укупанный. (Брян.)	
	«Она жила одна» (Мог.)
	«Они приезжие, они не русские. То ли они молдаване, то ли они армяне — я не знаю» (Мог.) / «Одна была женщина, приехаўши сюды» (Витеб.)
	«Ну, она была... своеобразной такой, ж... жесткий человек. У нее рано умерла мать, оставивши восемь детей малых. Она самая старшая. Всех их поднимала, всех их... вместо мамы была» (Смол.)
	«Она очень много читала, любила читать» (Смол.)

Такие признаки вполне универсальны для нарративов о магических специалистах. Все они встречаются в указателе мотивов севернорусских текстов о знающих [19]:

- I. А.1. Первый и последний ребенок в семье может лечить
- I. Б. Старики/старые люди/прежние люди обладают знанием
- I. Д. Верующие/иноверцы обладают знанием
- I. 3.4. Старик-колдун, живущий без семьи
- II. А. Особенности внешности/взгляд
- II. Б. Особенности характера

При всем разнообразии выделенных признаков все их объединяет идея инаковости, ненормативности магического специалиста, чья внешность, характер, поведение, образ жизни отличает его от основной соседской группы (либо же он и вовсе оказывается этническим либо региональным чужаком).

Как стать магическим специалистом?

Вместе с тем магические специалисты образуют свою, противопоставленную «обычным» людям группу, вступить в которую можно либо по праву рождения, когда особые знания транслируются внутри семьи от старших к младшим родственникам, либо через процедуру научения («Одни хорошее учат, а другие — плохого. Вот всякие» [АЛТПФ ВШЭ (Архив научно-учебной Лаборатории теоретической и полевой фоль-

клористики НИУ ВШЭ), ДОВ, зап. в д. Большие Щербиничи Злынковского р-на Брян. обл., 2016, соб. М. Лепехин]), заключающегося чаще всего в передаче «слов» устно либо на письменном носителе. Ср. сибирские и севернорусские мотивы: 16. «Колдун передает умение колдовать» [8] и V. Г. «Знатье нужно передать, когда знаток постареет / перед смертью» [19].

Жанровая принадлежность текстов вербальной магии не всегда принципиальна для респондентов, называющих «словами» и молитвы, и заговоры. Иногда, впрочем, ими делаются попытки разграничить «хорошие» и «плохие» заговоры:

[Молитва и заговор — это разное или одно и то же?] Нет. Это разное. Молитва — это божье, а заговор — это уже считается по-другому уже. [Что по-другому?] Ну, як говорится, чернокнижники называют их, так их, которые это все, есть у которых это все моление, но это я не знаю, откуда яно, кто яго на... написывает это, это я не скажу. Ну есть яны такие, есть. [Шептухи, которые лечат, они читают молитвы или заговоры?] Шептухи эти, як бы яны не говорили, но яны все равно просят Бога и просят Матерь Божью все равно. Ну а там потом, говорят, там, говорят, другие слова. [Какие другие слова?] Ну, як сказать, другие слова. Ну, чародеям говорят там что-нибудь, каб им тое что плохое ен кому сделал, кабы чародеям это все сказать. Это там надо ж знать... [Шептухи — добрые люди?] Шептухи, которые лечат, это добрые люди, они все равно просят Иисуса Христа и Божью Матерь и... и молят все равно. Без Бога яны ничего не делают. Только слова другие. [Они плохого не знают?] Нет, это... если ен знает по-хорошему, значит, ен только должен знать по-хорошему. Потому что помощи человеку не будет никакой. Вот, допустим, змея укусила — от змеи есть заговор. Но ен читается все равно с Божьей Матерью и Иисусом Христом. Все равно. Ну там слова т. е. другие там. Молятся. А вот уже которые занимаются плохое делать, каб тябе там что-то плохое было, то они Бога джже не поминают там. Они по-другому молят. [Т. е. если в заговоре обращаются к Божьей Матери, то это хорошие заговоры?] Да [АЛФ РГГУ, РМЕ, зап. в д. Сокольнич Кричевского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. О. Белова, Е. Боганева, Т. Володина, А. Мороз].

Носителем как вредоносных, так и полезных текстов может считаться один и тот же предмет, например, черная книга или Библия:

[Он от кого-то научился?] Наўерно ж, наверное. [Обычно лечат уже старые люди?] Нет, старые люди потом передают там свою эту книгу, магию эту свою какую-то. [Что это за книга?] Книга такая есть черная. Ина есть и добро людям делать, есть и зло делать. [Это написано все в одной книге?] Да, да, ўот хто занимается этой магией. Хороший, добро — значит, хорошо [АЛФ РГГУ, СЕС, зап. в п. Костюшковичи Кричевского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. О. Белова, Ф. Орлов].

У нас быў, на Вохоре [д. Охорь] жиў один знахарь, ен все на свете знаў. И сын у яго быў. Дьк ен яму и передаў. Тожо ўсе, ен... у яго и Библия была, и ен усе знаў. Кому... як... ти отделать, ти подделать, хто яго знает [АЛФ РГГУ, БЕС, зап. в аг. Речица Чериковского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. Е. Боганева, Т. Кухаронок, В. Кухтина, Н. Петров].

Смерть магического специалиста

Необходимость передачи магического знания, как правило, приурочена к концу жизни специалиста, поскольку в противном случае ему грозит мучительная агония. Мнения о том, распространяется ли это правило на любых магических специалистов или же только на вредоносных, расходятся. Согласно одному подходу, любая магическая деятельность, даже во благо людей, является неправильной, греховной:

Вот даже же ж не зло, я же говорю вам, например, шептать там испуг там, урок и прочее, зток ж тоже не от Бога. Религией это все считается грех [АЛТПФ ВШЭ, ГВИ, д. Спиридонова Буда Злынковского р-на Брянск. обл., 2017, соб. К. Курьянова, ОЕС].

По другой версии, смертные муки и, соответственно, необходимость их облегчения (например, при помощи разбирания потолка), ожидают только вредоносных магических специалистов:

[РВС:] Люди, которые делали только хорошее, от им не надо было потолок разбирать. [КНС одновременно:] Тем не. Которые делали плохое. [РВС:] А которые делали плохое [АЛФ РГГУ, РВС, КНС, зап. в д. Селезни Велижского р-на Смоленск. обл., 2013, соб. О. Белова, В. Комарова, А. Мороз, Н. Петров, Н. Петрова].

Рассмотрим любопытный текст, в котором сторонница этого второго представления столкнулась с выбивающимся из системы случаем — помогавшая людям знахарка тяжело умирала. Рассказчица для преодоления такого противоречия построила свое объяснение на допущении, что та все же делала что-то плохое, за что и поплатилась:

Сильно доўго она, говорили, помирала. Так уж дочка з ей там мучалася. [А она мучалась, хотя она помогала людям?] Хоть и помогала, но може, кто-нибудь... и дурное, може, кому-нибудь делала. *Да, может, кому что и дурное сделала, вот* (курсив мой. — Н. П.). [А не говорили что можно как-то?..] Моя матка вот як помогала людям, и она... легенько помирала. Ослабла, сухенькая такая стала, но при розуме, при ўсिम. Так спокойненько, тихонько умерла [АЛФ РГГУ, КВП, зап. д. Шилово Россонского р-на Витебск. обл., 2015, соб. Н. Петрова, Ф. Орлов].

То есть возможность совмещения одним человеком нескольких магических ролей носителю традиции кажется вполне допустимой.

Подобная ситуативная подвижность границ наблюдается и при разделении «магический специалист» — «пациент». Одна из наших собеседниц, деревенская знахарка, объяснила свою неудачу в лечении эпилепсии тем, что ее пациентка сама оказалась магическим специалистом, притом вредоносным:

Еще смотря как кого прилюбит аура твоя. А можешь так полечить... Я одну как полячила, даму, так она мне звонит по телефону и говорит: «Иди, заberi свои слова обратно — я помираю». *Оказывается, она владела черной магией* (курсив мой. — Н. П.). Она так бы и сказала сразу, что... Ну вот, и все это... дак... Я говорю: «Ну вот теперь ты сама себя лячи, як хочешь» <...> Это единственный раз. И мне потом сказала соседка: «Она же черной магией владеет, кого ты лячила?» Я говорю: «Откуда я знала?» [АЛФ РГГУ, КЛВ, зап. в д. Костюшковичи Кричевского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. А. Мороз, Н. Савина].

Эксплицированное разграничение вредоносных и полезных магических специалистов

Как показывает сопоставление встречающихся в интервью номинаций магических специалистов, их действий и характерных признаков, многие позиции в этих перечнях пересекаются. При этом иногда (зачастую после специальных вопросов собирателей) оговаривается принципиальное разделение специалистов на вредоносных и полезных.

В ряде случаев используются одни и те же номинации с положительными/отрицательными определениями либо с уточнением «другой»:

Всякие ж раньше были и знахари, и хто подделает, хто на хорошее, хто на плохое, всего было [АЛФ РГГУ, ЕНМ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на Смоленск. обл., 2013, соб. О. Белова, А. Мороз]

[Как коней останавливали на свадьбе?] [РВС:] Так. Колдунья выйдет, что-то пошепчет, сделает и кони прыгают на... на небо, а ехать не едут. [СЕС одновременно:] Через до... через дорогу. Они на дороге постоят... [Что делать тогда?] Ну ничего, что делать. [РВС:] А идтить надо, отделять. К *другой* (курсив мой — Н. П.) колдунье»³ [АЛФ РГГУ, РВС, СЕС, зап. в д. Селезни Велижского р-на Смоленск. обл., 2013, соб. О. Белова, В. Комарова, А. Мороз, Н. Петров, Н. Петрова].

В других рассказах прослеживаются попытки развести по разным классификационным ячейкам несколько номинаций магических специалистов. Оппозиционные пары (например, *кто подделывает vs знахари* (Смол.); *колдуны vs знахари* (Мог.); *знахарки = колдуньи vs шептухи* (Мог.); *колдунья, которая сделает vs колдунья, которая отделаёт* (Смол.); *чародеи vs шептухи* (Мог.)) здесь разнообразны и, по сути, индивидуальны для каждого рассказчика, что не позволяет говорить о выверенности и традиционности этих представлений. Возьмем для примера такие фрагменты из интервью, записанных на одной территории — в Могилевской области Беларуси (чтобы исключить влияние регионального фактора):

[Знахари и колдуны — это разные?] Не, есть же знахари хорошие, шаптухи, а есть же злые-то какие. [Знахари?] Колдуны это пло... колдун — это... [Это другой?] Ой, соўсем другое, страшное. Ины ж колдуют только плохое... Колдуны — только плохое. А знахари — хорошее [АЛФ РГГУ, ИТВ, зап. в д. Удога Чериковского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. О. Белова, Е. Боганева].

[Как называли таких женщин, которые так умели лечить?] Ну дак, во, лячили, кто е знает... травами... [Как ее называли по деревне? Шептуха?] Ну, дак шаптухи, а як же. [Шептухи?] Шепчэць, гьворит: «Пошачи ты». [Не называли знахаркой?] Не... знахарка — это которая... колдунья, во, которая, вот, подделывает, подносят... [Это не одно и то же?] Не... Которы отговаривають — это пользу даёт, а которая етыя токо... наговорют табе там ина... что каб зло зделать, уред який... [Знахарка может лечить или нет?] Не... [Она только вред?] Только ўред [АЛФ РГГУ, ЯНП, зап. в д. Лобковичи Кричевского р-на Могилевск. обл., 2014, соб. О. Белова, Е. Боганева].

Если первая собеседница относит знахарей к положительным магическим специалистам, то вторая предполагает, что знахари скорее вредоносны.

Заключение

Принципы разделения вредоносных и помогающих магических специалистов ситуативно обусловлены: можно говорить скорее не о существовании в фольклорной традиции пограничья двух четко определяемых классов персонажей, но о представлениях, согласно которым существуют люди, наделенные магическими способностями, способные — в зависимости, например, от личных симпатий и антипатий — как вредить, так и помогать.

При такой установке наличие соседского конфликта становится поводом обвинить враждебную сторону в колдовских манипуляциях в адрес оппонента при любом несчастье (болезнь, пропажа скота и пр.):

Было, когда я жила ў Белоруссии (замуж у Белоруссию выходила), соседка. И через дорогу молодая женщина, ну и не ладили с етой, соседкой. И яна сделала ей. Так сделала яна ей, и стала яна болеть очень [АЛФ РГГУ, РВС, КНС, зап. в д. Селезни Велижского р-на Смол. обл., 2013, соб. О. Белова, В. Комарова, А. Мороз, Н. Петров, Н. Петрова].

³ Ср. мотив сибирских быличек о колдунах в указателе Зиновьева: 36. «Знахарка наказывает ведьму, колдуна (“дока на доку”) [8].

Интерпретация социальных функций магических представлений как отражения соседского конфликта довольно широко распространена в антропологических исследованиях феномена колдовства (историографический обзор см.: [24, с. 36–40]).

Местное сообщество часто относится к магическим специалистам с опасением:

[Она шепчет?] Да. Шепчет. Да, и все вот в деревне, все побаиваются ее дочки. У ее дочка там живет за... под школой, на горе. *Ее побаиваются* (курсив мой. — Н. П.), что она это... тоже что-то знает и мужиков привораживает. [К себе привораживает?] Да [АЛФ РГГУ, БТМ, зап. в д. Погорелье Велижского р-на Смоленск. обл., 2013, соб. О. Белова, В. Комарова, А. Мороз, Н. Петров, Н. Петрова].

Были раньше ёсякие колдуны. Но ў наше время етых уже не было. Коммунисты все уничтожили. *И слава богу* (здесь и далее курсив мой. — Н. П.). А тяперь во... говорят опять, что повыпустили дак. *Да... даже это не надо, и неприятно*. Живи прошше, и все, лучше будь [АЛФ РГГУ, ЕЕФ, зап. в д. Апонасково Велижского р-на Смоленской обл., 2013, соб. О. Белова, В. Комарова, А. Мороз, Н. Петров, Н. Петрова].

Настороженность и негативное отношение к знающим во многом определены их принципиальной инаковостью, отличием от большинства соседей. При этом происходит демонизация чужака, которая, с одной стороны, эксплицирует некомфортное для социума «выбивание» из усредненных нормативов (возраста, внешности, физических данных, образа жизни и т. д.) (см. о неформатном как опасном у М. Дуглас: «Хотя мы и стремимся к порядку, мы не можем просто осудить беспорядок. Мы понимаем, что он разрушителен для существующих образцов, но мы также признаем его потенциал. Он символизирует одновременно и опасность, и силу» [6, с. 143]). С другой стороны, такая мифологизация «странного» соседа легитимизирует ограничение контактов с ним, практики избегания и другие формы нарушения коммуникации в малом социуме в отношении тех его членов, кто не соблюдает принцип «живи прошше». Одновременно происходит символическое снижение личных достижений таких людей — когда их материальное благополучие, успех у противоположного пола и др. объясняется не их достоинствами (работоспособностью, привлекательностью и т. п.), а применением магических (и потому несправедливых) средств.

Материалы современных экспедиций на белорусско-русское пограничье показывают устойчивость традиционных фольклорных мотивов в рассказах о магических специалистах и выполнение их трансляцией значимых функций социального регулирования в малых сообществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белова О. В. Несказочная проза Велижского района Смоленской области — общее и особенное в локальной традиции // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 7–16.
- 2 Белова О. В. Фольклор лингвокультурного пограничья — диалог региональных традиций // Навстречу Третьему всероссийскому конгрессу фольклористов. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 204–219.
- 3 Белугина О. В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2016. 272 с.

- 4 *Виноградова Л. Н.* Фольклор как источник для реконструкций древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 114–115.
- 5 *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1891. Ч. 1. 808 с. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 443 с. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. Ч. 3. 137 с. СПб.: Тип. А. В. Васильева, 1903. Ч. 4. 720 с.
- 6 *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс Ц, Кучково поле, 2000. 288 с.
- 7 *Жукова Н. Ю.* Смоленские семейно-бытовые песни русско-белорусского порубежья: Генезис. Вариативность. Поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2010. 194 с.
- 8 *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири: Исследования и публикации. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62–76.
- 9 *Кисилева Е. В.* Современное состояние родинно-крестинной обрядности русско-белорусского пограничья: к вопросу о переинтонировании обрядовых песен // Традиционная культура. 2011. № 4. С. 35–44.
- 10 *Листова Т. А.* Семейные обряды русско-белорусского пограничья в контексте этнополитической истории. XIX – начало XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 370 с.
- 11 *Мороз А. Б.* Фольклорные и этнолингвистические исследования на белорусско-русском пограничье: цели, задачи, методы и подходы // Развитие единого культурного пространства Беларуси и России — важнейшее направление сотрудничества в рамках союзного государства. Мат. 37 постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства (9–10 апреля 2014 г., Молодечно-Минск). Минск: [б. и.], 2014. С. 283–292.
- 12 *Мороз А. Б., Белова О. В.* Народное православие на пограничье: Обряд Свеча и его версии // Фолклористика. Часопис Удружења фолклориста Србије. 2019. Т. 4. № 1. С. 9–61.
- 13 *Мухина М. А.* Ведьма и домовой в мифологической прозе российско-белорусского пограничья // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 130–137.
- 14 Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. 647 с.
- 15 *Никифоровский К. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск: Губернская тип., 1895. 552 с.
- 16 *Петров Н. В.* Как устроена «биография» колдунов и знающих? (фрагмент указателя мотивов русской мифологической прозы) // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / сост. и ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2016. С. 106–111.
- 17 *Петров Н. В.* Былички Велижского района Смоленской области: клады и черти // Живая старина. 2014. № 3 (83). С. 14–16.

- 18 *Петров Н. В.* Международный проект и электронная база данных «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» // Развитие единого культурного пространства Беларуси и России — важнейшее направление сотрудничества в рамках союзного государства. Мат. 37 постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства (9–10 апреля 2014 г., Молодечно-Минск). Минск: [б. и.], 2014. С. 305–311.
- 19 *Петров Н. В.* Указатель мотивов к публикуемым текстам // Знатки, ведуны, чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М.: Форум, Неолит, 2012. 587 с.
- 20 *Петрова Н. С.* Об одном мотиве купальских песен Велижского района Смоленской области // Живая старина. 2014. № 3. С. 7–9.
- 21 *Петрова Н. С.* Рассказы о ведьмах и колдунах в Злынковском районе // Живая старина. 2017. № 4 (96). С. 10–12.
- 22 *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.
- 23 *Савина Н. А., Кухтина В. А.* Экспедиция на русско-белорусское пограничье // Живая старина. 2015. № 3 (87). С. 58–62.
- 24 *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2010. 432 с.
- 25 *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. Т. 1. Ч. 1. 586 с.
- 26 *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 2. 715 с.
- 27 *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверия, приметы. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 3. 535 с.
- 28 *Adamowski J.* Funkcjonowanie tekstów folkloru na obszarze wschodniego pogranicza // Spotkania polsko-ukraińskie: Język — Kultura — Literatura. Chłem: Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa, 2006. S. 75–84.
- 29 *Mróz L.* Syndrom pogranicza. Uwagi na temat badań świadomości etnicznej // Konteksty. Polska Sztuka Ludowa. Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1993. № 3–4. S. 51–57.
- 30 *Zowczak M.* Religijność na pograniczach: Eseje apokryficzne. Warszawa: DiG, 2015. 256 s.

© 2022. Natalia S. Petrova
Moscow, Russia

FOLKLORE OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDERLANDS ON MAGIC SPECIALISTS

(Based on Data of Folklore and Ethnographic Expeditions of the 2010s)

Abstract: The study is based on the material of folklore and ethnographic expeditions of 2013–2018 to the Smolensk and Bryansk regions of Russia and the Mogilev and Vitebsk regions of Belarus, in terms of the international project “Belarusian-Russian ethnocultural interaction in a transboundary perspective”. The author considered a complex of folklore texts (mythological stories, prohibitions, prescriptions) and practices associated with various characters, positioned as magic specialists — sorcerers, folk healers, fortune-tellers. The paper presents local nominations of magic specialists, the actions they perform, the principles of folk classification of such characters, highlights the key motifs of narratives about them and the social functions of spreading such stories. The author introduces similar materials from other regions — both geographically close (Polesye) and geographically more remote (Russian North, Siberia) — to identify the local (actually borderline) specifics. An analysis of the expeditionary data shows that the principles of separating harmful and helping magical specialists are situationally determined: one should not talk about the existence of two clearly defined classes of characters in the folklore tradition of the borderline, but rather about perceptions according to which there are people endowed with magical abilities, capable — depending, for example, from personal likes and dislikes — both harm and help. The data of modern expeditions to the Belarusian-Russian borderland demonstrate the stability of traditional folklore motifs in stories about magical specialists and their performance has significant functions of social regulation in small communities.

Keywords: Folklore, Folk Demonology, Belarusian-Russian Borderlands.

Information about the author: Natalia S. Petrova — PhD in Philology, Senior Researcher, Russian State University for the Humanities, GSP-3, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0382-3059>

E-mail: pena.talya@gmail.com

Received: August 15, 2021

Approved after reviewing: September 16, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Petrova N. S. Folklore of the Belarusian-Russian Borderlands (Based on Data of Folklore and Ethnographic Expeditions of the 2010s). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 170–187. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-170-187>

REFERENCES

- 1 Belova O. V. Neskazochnaia proza Velizhskogo raiona Smolenskoï oblasti — obshchee i osobennoe v lokal'noi traditsii [Unfabulous Prose of Velizhsky District of Smolensk Region — General and Special in Local Tradition]. *Filologicheskaiia regionalistika*, 2014, no 1 (11), pp. 7–16. (In Russian)

- 2 Belova O. V. Fol'klor lingvokul'turnogo pogranich'ia — dialog regional'nykh traditsii [Folklore of the Linguocultural Borderlands — Dialogue of Regional Traditions]. In: *Navstrechu Tret'emu vserossiiskomu kongressu fol'kloristov* [Towards the Third All-Russian Congress of Folklorists]. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore, 2013, pp. 204–219. (In Russian)
- 3 Belugina O. V. *Spetsifika funktsionirovaniia obriadovoi leksiki v fol'klore iugozapadnykh raionov Brianskoi oblasti* [The Specificity of the Functioning of Ritual Vocabulary in the Folklore of the Southwestern Regions of the Bryansk Region: PhD Dissertation]. Bryansk, 2016. 272 p. (In Russian)
- 4 Vinogradova L. N. Fol'klor kak istochnik dlia rekonstruktsii drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury [Folklore as a Source for Reconstructions of the Ancient Slavic Spiritual Culture]. In: *Slavianskii i balkanskii fol'klor* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 114–115. (In Russian)
- 5 Dobvol'skii V. N. *Smolenskii etnograficheskii sbornik* [Smolensk Ethnographic Collection]. St. Peterburg, Tipografiia E. Evdokimova Publ., 1891. Part 1. 808 p. St. Petersburg, Tipografiia S. N. Khudekova Publ., 1893. Part 2. 443 p. St. Petersburg, Tipografiia S. N. Khudekova Publ., 1894. Part 3. 137 p. St. Petersburg, Tipografiia A. V. Vasil'eva Publ., 1903. Part 4. 720 p. (In Russian)
- 6 Duglas M. *Chistota i opasnost'. Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger. An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow, Kanon-press Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2000. 288 p. (In Russian)
- 7 Zhukova N. Iu. *Smolenskie semeino-bytovye pesni russko-belorusskogo porubezh'ia: Genezis. Variativnost'. Poetika* [Smolensk Family Songs of the Russian-Belarusian Borderlands: Genesis. Variability. Poetics: PhD Dissertation]. Smolensk, 2010. 194 p. (In Russian)
- 8 Zinov'ev V. P. Ukazatel' siuzhetov sibirskikh bylichek i byval'shchin [Index of Plots of Siberian Mythological Stories and Past]. In: *Lokal'nye osobennosti russkogo fol'klora Sibiri: Issledovaniia i publikatsii* [Local Features of Russian Folklore in Siberia: Research and Publications]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, pp. 62–76. (In Russian)
- 9 Kisileva E. V. *Sovremennoe sostoianie rodnino-krestinnoi obriadnosti russko-belorusskogo pogranich'ia: k voprosu o pereintonirovanii obriadovykh pesen* [The Current State of the Native-baptismal Rituals of the Russian-Belarusian Borderlands: on the Issue of Reintoning Ritual Songs]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2011, no 4, pp. 35–44. (In Russian)
- 10 Listova T. A. *Semeinye obriady russko-belorusskogo pogranich'ia v kontekste etnopoliticheskoi istorii. XIX – nachalo XXI vv.* [Family Rituals of the Russian-Belarusian Borderlands in the Context of Ethnopolitical History. 19th – Early 21st centuries: PhD Dissertation]. Moscow, 2006. 370 p. (In Russian)
- 11 Moroz A. B. *Fol'klornye i etnolingvisticheskie issledovaniia na belorussko-russkom pogranich'e: tseli, zadachi, metody i podkhody* [Folklore and Ethnolinguistic Research on the Belarusian-Russian Borderlands: Goals, Objectives, Methods and Approaches]. In: *Razvitie edinogo kul'turnogo prostranstva Belarusi i Rossii — vazhneishee napravlenie sotrudnichestva v ramkakh soiuznogo gosudarstva. Materialy 37 postoianno deistvuiushchego seminaru pri Parlamentskom Sobranii Soiuzna Belarusi i Rossii po voprosam stroitel'stva Soiuznogo gosudarstva (9–10 apreliia 2014 g., Molodechno-Minsk)* [The Development of a Common Cultural Space of Belarus and

- Russia is the most Important Area of Cooperation within the Framework of the Union State. Proceedings of the 37th Permanent Seminar at the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia on the Construction of the Union State (April 9–10, 2014, Molodechno-Minsk)]. Minsk, 2014, pp. 283–292. (In Russian)
- 12 Moroz A. B., Belova O. V. Narodnoe pravoslavie na pogranich'e: Obriad Svecha i ego versii [Folk Orthodoxy on the Borderlands: The Candle Rite and its Versions]. *Folkloristika. Chasopis Udruženja folklorista Srbije*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 9–61. (In Russian)
- 13 Mukhina M. A. Ved'ma i domovoi v mifologicheskoj proze rossijsko-beloruskogo pogranich'ia [The witch and the Brownie in the Mythological Prose of the Russian-Belarusian Borderlands]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2011, no 3, pp. 130–137. (In Russian)
- 14 *Narodnaia demonologija Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XXveka. T. 1: Liudi so sverkh"estestvennymi svoistvami* [Folk demonology of Polesye: Publications of texts in the records of the 80s – 90s. 20th century. Vol. 1: People with supernatural characteristics], comp. L. N. Vinogradova, E. E. Levkivskaia. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. 647 p. (In Russian)
- 15 Nikiforovskii K. Ia. *Očerki prostonarodnogo zhit'ia-byt'ia v Vitebskoj Belorussii i opisanie predmetov obikhodnosti* [Essays on Common Life in Vitebsk Belarus and Description of Everyday Objects]. Vitebsk, Gubernskaia tipografiia Publ., 1895. 552 p. (In Russian)
- 16 Petrov N. V. Kak ustroena “biografiia” koldunov i znaiushchikh? (fragment ukazatelja motivov russkoj mifologicheskoj prozy) [How does the “biography” of Sorcerers and Knowledgeable People Work? (Fragment of the Index of Motifs of Russian Mythological Prose)]. In: *Demonologija kak semiotičeskaja sistema. Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Moskva, RGGU, 15–17 iunija 2016 g.* [Demonology as a Semiotic System. Abstracts of the IV International Scientific Conference. Moscow, RSUH, June 15–17, 2016], comp. and ed. D. I. Antonov, O. B. Khristoforova. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2016, pp. 106–111. (In Russian)
- 17 Petrov N. V. Bylichki Velizhskogo raiona Smolenskoj oblasti: klady i cherti [Bylichki Velizhsky District of the Smolensk Region: Treasures and Devils]. *Zhivaia starina*, 2014, no 3 (83), pp. 14–16. (In Russian)
- 18 Petrov N. V. Mezhdunarodnyi proekt i elektronnaia baza dannykh “Areal'naia struktura belorusko-russkogo lingvokul'turnogo pogranich'ia: iazyk i fol'klor” [International Project and Electronic Database “Areal Structure of the Belarusian-Russian Linguacultural Borderlands: Language and Folklore”]. In: *Razvitie edinogo kul'turnogo prostranstva Belarusi i Rossii — vazhnejšee napravlenie sotrudničestva v ramkakh soiuznogo gosudarstva. Materialy 37 postoianno deistvuiushchego seminaru pri Parlamentskom Sobranii Soiuzu Belarusi i Rossii po voprosam stroitel'stva Soiuznogo gosudarstva (9–10 aprelija 2014 g., Molodechno-Minsk)* [The Development of a Common Cultural Space of Belarus and Russia is the most Important Area of Cooperation within the Framework of the Union State. Proceedings of the 37th Permanent Seminar at the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia on the Construction of the Union State (April 9–10, 2014, Molodechno-Minsk)]. Minsk, 2014, pp. 305–311. (In Russian)

- 19 Petrov N. V. Ukazatel' motivov k publikuemym tekstam [Index of Motifs for Published Texts]. In: *Znatki, veduny, chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe* [Connoisseurs, Wizards, Warlocks: Witchcraft and Household Magic in the Russian North]. Moscow, Forum Publ., Neolit Publ., 2012. 587 p. (In Russian)
- 20 Petrova N. S. Ob odnom motive kupal'skikh pesen Velizhskogo raiona Smolenskoj oblasti [About one motif of the Kupala songs of the Velizhsky District of the Smolensk Region]. *Zhivaia starina*, 2014, no 3, pp. 7–9. (In Russian)
- 21 Petrova N. S. Rasskazy o ved'makh i koldunakah v Zlynkovskom raione [Stories about Witches and Sorcerers in the Zlynkovsky District]. *Zhivaia starina*, 2017, no 4 (96), pp. 10–12. (In Russian)
- 22 Pomerantseva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 192 p. (In Russian)
- 23 Savina N. A., Kukhtina V. A. Ekspeditsiia na russko-belorusskoe pogranich'e [Expedition to the Russian-Belarusian Borderland]. *Zhivaia starina*, 2015, no 3 (87), pp. 58–62. (In Russian)
- 24 Khristoforova O. B. *Kolduny i zhertvy: Antropologiiia koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and Victims: An Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia]. Moscow, OGI Publ., 2010. 432 p. (In Russian)
- 25 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniiia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia. Bytovaia i semeinaia zhizn' belorusa v obriadakh i pesniakh* [Materials for Studying the Way of Life and Language of the Russian population of the Northwestern Territory. Household and Family Life of a Belarusian in Rituals and Songs]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1887. Vol. 1. Ch. 1. 586 p. (In Russian)
- 26 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniiia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia. Skazki, anekdoty, legendy, predaniia, vospominaniia, poslovitsy, zagadki, privetstviia, pozhelaniia, bozhba, prokliatiia, rугan', zagovory, dukhovnye stikhi i prochee* [Materials for Studying the Way of Life and Language of the Russian Population of the Northwestern Territory. Fairy Tales, Anecdotes, Legends, Traditions, Memories, Proverbs, Riddles, Greetings, Wishes, God, Curses, Swearing, Conspiracies, Spiritual Verses etc.]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1893. Vol. 2. 715 p. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1902. Vol. 3. 715 p. (In Russian)
- 27 Shein P. V. *Materialy dlia izucheniiia byta i iazyka russkogo naseleniia Severo-Zapadnogo kraia. Igry, verovaniia, obychnoe pravo, charodeistvo, koldovstvo, znakharstvo, lechenie boleznei, sredstva ot napastei, pover'ia, sueveriiia, primety* [Materials for Studying the Way of Life and Language of the Russian Population of the Northwestern Territory. Games, Beliefs, Customary Law, Sorcery, Witchcraft, Folk medicine, Treatment of Diseases, Remedies for Adversity, Beliefs, Superstitions, Omens]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1902. Vol. 3. 535 p. (In Russian)
- 28 Adamowski J. Funkcjonowanie tekstów folkloru na obszarze wschodniego pogranicza [Functioning of Folklore Texts in the Eastern Border]. In: *Spotkania polsko-ukraińskie: Język — Kultura — Literatura* [Polish-Ukrainian Meetings: Language-culture-literature]. Chłem, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa Publ., 2006, pp. 75–84. (In Polish)

- 29 Mróz L. Syndrom pogranicza. Uwagi na temat badań świadomości etnicznej [Borderline Syndrome. Comments on Ethnic Consciousness Research]. *Konteksty. Polska Sztuka Ludowa* [Contexts. Polish Folk Art]. Warszawa, The Institute of Art of The Polish Academy of Sciences, 1993, no 3–4, pp. 51–57. (In Polish)
- 30 Zowczak M. *Religijność na pograniczach: Eseje apokryficzne* [Religion on the Borders: Apocryphal Essays]. Warszawa, DiG Publ., 2015. 256 p. (In Polish)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-188-199>

УДК 398.6

ББК 82.3(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Н. В. Шестеркина

г. Саранск, Россия

КОНЦЕПТ «ШИПОВНИК» В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ (на материале народных загадок)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности словоупотребления народных загадок о кустарнике шиповник и результаты их лингвокультурологического анализа. Исходным материалом послужили сборники загадок В. В. Митрофановой (основной), М. А. Рыбниковой и Д. Н. Садовникова (дополнительные). В тексте статьи описаны языковые и мифологические механизмы в составе загадок о шиповнике, а также характеризуется его амбивалентность (положительные и негативные оценки). Особое внимание уделяется «костюмному коду» дерева с «костюмной» метафорой и «костюмными» элементами (по М. Л. Ковшовой), где большое внимание отдается сходству шиповника с человеком. Трудности анализа составили расшифровки многих атрибутов кустарника, поэтому автор статьи иногда приводит свои личные предположения относительно разных версий. Статья включает также отдельные элементы сказок и легенд о шиповнике.

Ключевые слова: народные русские загадки, шиповник, мифология, лингвокультурологический аспект, костюмный код, костюмная метафора, амбивалентность.

Информация об авторе: Наталья Викторовна Шестеркина — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, ул. Большевикская, д. 68, 430031 г. Саранск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4905-4573>

E-mail: nvshest@mail.ru

Дата поступления статьи: 21.08.2021

Дата публикации: 27.10.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Шестеркина Н. В. Концепт «шиповник» в русской народной традиции (на материале народных загадок) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 188–199. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-188-199>

В лингвистических и филологических исследованиях публикации о кустарнике *шиповник* встречаются довольно редко. Отметим несколько из них. Авторы М. З. Левина и В. П. Гришунина [7] исследовали диалектную вариантность понятия «шиповник». В художественной литературе у А. С. Пушкина «цветет шиповник» на могиле поэта, который «пел любовь, любви послушный». Поэтому «цветение шиповника» читается как метафора нетленности любви — антитезы смерти. Флористический код «шипов-

ника» использовала А. Ахматова в лирическом цикле «Шиповник цветет», смысловой стержень которого — ожидание встречи с возлюбленным («героем» эпохи) — оказался «невстречей» [3]. А. В. Марков исследовал функции латинизмов в поэтических книгах «Дикий шиповник» О. Седаковой и «Труды и дни монахини Лавинии» Е. Шварц [10]. Многие поэты и писатели не раз вспоминали о шиповнике. Это всем известные М. Цветаева, И. Северянин, В. Брюсов, М. Волошин, К. Бальмонт, О. Мандельштам, Н. Заболоцкий, А. Грин, К. Паустовский, В. Солоухин и др. Однако для нас наиболее значима монография о деревьях Т. А. Агапкиной [1], где достаточно информации об интересующем нас кустарнике, но нашей задачей является лингвокультурологический анализ мифоконцепта 'шиповник' в народных загадках. В таком ракурсе шиповник еще не анализировался.

Особый интерес представляют тексты русских загадок с отражением образа мирового дерева и его вариантов — это дерево, дуб, *куст*, *столб* и др. Ранее нами уже были проанализированы на материале русских загадок признаки *березы* как фольклорного концепта [21; 22]. В легендах, быличках, народных песнях и других сферах традиционной культуры довольно значительное место занимают колючие кустарники, и среди них — *шиповник*. Шиповник (*Rosa*) — растение семейства Розовых (*Rosacea*). Его славянское название **šiprь* — «стрела, острие, колючка», русское название раньше было *свороб* — «зуд», из-за волосистости семян, а также *терновник*, *терни*. Традиционная культура приписывает шиповнику особую связь с демонами и даже иногда ведет его происхождение от дьявола [16; 23]. В то же время это растение (его шипы, колючки и ветки) парадоксально используется как апотропей для защиты от тех же демонов, болезней и покойников [2]. Магические практики с этим кустарником были разными, например, помешать умершему превратиться после смерти в вампира или «ходячего» покойника и даже помешать вампиру проникнуть в дом. Шиповник широко применялся и как многофункциональный оберег для защиты от демонов, ведьм и змей, а также других проявлений зловредной магии. Шиповник приносит плоды, широко употребляемые в качестве лекарства. Но в фольклоре шиповник сравнивался с негативными эмоциями и, в целом, оценивался сугубо отрицательно: он ассоциировался с горестями, ненавистью, ревностью, завистью и иными опасными чувствами. В семейных песнях жена стелет мужу постель из крапивы и шиповника: «*Я старому сноровлю... / Постелюшку постелю... / В три рядочка кирпичу; / в четвертый шипицу колючую...; / Крапиву шипучую...*» (цит. по: [1, с. 300]). Отдельный пласт фольклора связывает это растение со Священным Преданием. Старообрядцы объясняли запрет употребления в пищу плоды шиповника тем, что ими «Христа терзали», поэтому в Рязанщине запрещали вносить в церковь его цветы, ветки, плоды, «потому что на Христа надели венки из шиповника во время бичевания» [1, с. 284–302].

В. Н. Топоров и другие семиотики проанализировали структуру пространственной картины мира, которая сложилась в архаическом сознании и сохранилась также на более поздних стадиях эволюции, — схему «мирового древа» [11, с. 212–217; 18]. Согласно с этой схемой мир построен вокруг вертикальной оси, которая объединяла небесный и подземный мир. Между ними — земля, она упорядочена по горизонтальным осям *север* — *юг* и *восток* — *запад*, которые соотносятся с антропоморфными координатами *правое* — *левое*, *переднее* — *заднее*, а также с другими *четырёхчастными* категориями (четыре бога, четыре времени года, четыре ветра и т. д.). Итак, схема Мирового Древа квалифицирует разные группы явлений и помогает распределять их по разным зонам этой схемы пространства.

В загадках небо представляет верхнюю часть Мирового Дерева/Древа. Со времен язычества с растениями связаны разные культы и обряды (фитоморфизм). Много явлений жизни человека соотносилось с жизнью растений, что отразилось и в языке, например: *Стоит дуб стародуб, на том дубе стародубе сидит птица веретеница; никто ее не поймает...* (небеса и солнце), и *Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве 12-ть сучков, на каждом сучке по 4 кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное (год)*. Для Древа типична идея прочности, распространения вширь и ввысь: «его ветви простерты надо всем миром и поднимаются выше неба» [17, с. 45]. Древо опирается в небо, связывая небо и землю. В последней загадке представлен пространственно-временной хронотоп. Миф о Мировом Древе связан с *космической религией*, которую выработали земледельцы: религиозная активность сосредоточена вокруг центрального таинства — *периодического обновления мира*. Вселенная воспринималась как организм, который требовал периодического обновления. Омоложение, бессмертие даруются избранникам в виде плода или источника вблизи дерева. Мировое Древо стоит в Центре мира и соединяет три космических области: корни в Преисподней, само дерево стоит на Земле, а вершина касается Неба [24, с. 57–58]. Основная символическая форма, связанная с этим деревом, — космогонический миф, где оно — аналог мирового столпа, мировой горы, центр мира, олицетворение мировой оси. С помощью этого мифообраза структурировалось мировое пространство (см. выше). Его горизонтальная структура указывает на стороны света, где дерево моделирует числовые и пространственные отношения, времена года, части суток, стихии. Вертикаль соотносится с числом «три», динамическим, духовным началом.

В загадках о *дереве* доминируют лексемы со значением статичного действия — *стоять* (*Стоит дерево...* {1843, 1844}¹, *стоит древо...* {1837}...). Глагол *стоять* соотносится со значением «рассекать» > «верх/низ». В нем учитывается семантический переход «бить, высекать (огонь)» > «огонь» > «вертикально вздымающийся вверх». Такое положение символизировало все Божественное — стихии, Мироздание, Гармонию, Вечность [20], ср. индоевр. **sthā-* «стоять», но готск. *ana-stodjan* «начинать» (божественное Первоначало) [9, с. 215–216]. *Стоять* — ключевой глагол, составляющий каркас архаических *антропологических* и *космологических* текстов. Многие объекты определяются через стояние и движение, именно так описан мир в целом [18, с. 27, 36, 37, 52].

Интересующее нас дерево стоит *во поле полинском* {1841}. В фольклоре поле имеет признак бесконечности, безграничности, поэтому этот локус рассматривается в качестве лингвокультурной периферии, границы между «своим» и «чужим» мирами. В фольклоре *поле* имеет устойчивый эпитет *чистое*. Это — свидетельство бесконечности и открытости, а также и пустоты и незаполненности (ср. с идеей *сверхъестественного*). В загадке к слову *поле* добавлен атрибут *полинское*, вероятно, чтобы подчеркнуть данную идею. Сравним поле в качестве метафоры неба и одновременно «фольклорно-литературного образа “русского поля” как символа русской земли и национального характера (взаимное символическое и семантическое приближение *поля*, как бесконечного и недискретного пространства, и *воли*, как ничем не ограниченной свободы)» [16, с. 132–133]. Смысл поэтического поля — бескрайняя ширь и раздолье, полю противопоставлены горы и леса. В поэзии служит реальное поле, которое отличается от луга, где, «дожидаясь боя, стоит в траве богатырский конь. Поле — это не луг, не низина, а, прежде всего, простор» [6, с. 213–214] (*поле* родственно прилагательному

¹ Здесь и далее в фигурных скобках указаны номера загадок из сборника В. Митрофановой [12].

полюй ‘свободный’, ‘открытый’, ‘явный’). По В. В. Колесову, в слове *поле* содержится древний корень со значением ‘серый, светлый’, *поле* — это «свет и вселенная для древних людей». Постепенно это слово сужает значение: «бескрайний мир сжимается до небольшого участка земли возле родной деревни» [6, с. 213–214].

По словам Д. Н. Садовникова, многие загадки, как и сказки, начинаются с обычного: «*В некотором царстве, в некотором государстве...*», а другие загадки имеют сказочное начало: «*На горе горенской; на поле ногайском; на море на окияне...*» и др. В таком начале говорится, что это старая загадка, так как новые загадки менее образны и короче. Однако в старых много непонятных, искаженных передач слов (например, *Махански, чеботански, чепурынски, родымский, талтынский, чемодански...* и пр.). Например, словосочетания *Древо древанское* {1835}, *древоданское* {1836}, *дряво дравянского* {Рыб.} — тавтологические пары, так как у них существуют общие корни *древ-/дерев-*, что может указывать на увеличение/удвоение силы *дерева*.

В некоторых случаях дерево несет в своем определении историческую информацию, например, сочетание *древо ханское* {1837}, вероятно, связано с тюркско-монгольским титулом, что напоминает русскому человеку о многовековом монголо-татарском иге. *Дерево ахово* {1844} образовано от междометия *ах!*, которое, кроме радости от вида шиповника, может выражать и удивление. В словаре В. Даля² *АХ* — междометие изумления, удивления; радости, надежды, внезапности, испуга; горя, отчаяния. *Ах, как хорошо! Ах, кабы так! Ах, как ты меня испугал! Ах, да руками мах. Ах, ах, а пособить нечем. Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов.* || Иногда *АХ* обращается в сущ. м. *Ахи, да охи, да бабьи вздохи. Что тут было ахов, удивления, радости. Ахти ахти мне, восклицание горя, печали; и т. д.*

В следующих парах шиповник видится иноязычным, чужеземным, непонятным деревом с колючками, что можно объяснить его необычным восприятием со стороны человека: ...*дерево голанско(е)* {1838; Рыб.} (может быть связано с Голландией), *латынско* {1842} (с Латинской империей), *панское* {1840} (с Польшей, где правили паны), *Ахтырско* {Сад.}. Последний топоним — слово тюркского происхождения от названия города и крепости на речке *Ахтырка* на Украине, что в тюркских языках означало «Белый яр». В другой версии говорилось, что город назван по названию реки *Ахтырка* («стоячая вода»). В краеведении есть миф о восклицании Екатерины Второй: «*Ах, тырка!*» — когда царица ехала в карете, при поездке в Крым, и с ее пальца упало кольцо и соскользнуло в дырку в полу. Екатерина была немкой со своим своеобразным русским произношением. В Википедии установлен шаблон понятия смысла этого странного топонима, где используются данные историка Филарета и архиепископа. Однако было добавлено немного мифологии, и поэтому многие ученые повторяют эту гипотезу. Можно отметить, что некоторые авторы сомневаются в правильности истолкования названия реки *Ахтырка*³. Есть и другие объяснения названия.

Можно проследить, как звуки переходили один в другой, а слова теряли смысл, но — чаще — сохраняли. Например: *дерево лифанско* — дерево Ливанское, и то же в этом роде [14; 15, с. 390] (об этом см. в следующем абзаце). Далее: ...*вырос дуб коротынский* {1841} — это, вероятно, маленький, небольшой дуб, дубок. В загадках о шиповнике встречается достаточно слов, не знакомых читателям. Некоторые из них

² Ах // Даль В. И. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B0%D1%85> (дата обращения: 21.08.2022).

³ Колибаба С. Ахтырка // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2014/01/09/927> (дата обращения: 08.09.2019).

мы пытаемся трактовать по-своему. Например, слово *коротынский* (?) как-то может быть связано с фамилией *Коротынский*, которая берет свое начало от прозвища *Корота*, которое восходит к адъективу *короткий*⁴. В древние времена *короткими* часто прозывали людей невысокого роста. О таких людях в народе говорили: *Маленькая птичка, да ноготок остер; И маленькая рыбка лучше большого таракана; Мал, да удал; Мал телом, да велик делом; Мал родился, а вырос, пригодился*.

В официальном варианте о фамилии *Корота* говорится, что большинство крестьян центра России было официально наделено фамилией *Корота* после отмены крепостного права в 1861 г. Эта фамилия по происхождению является семейным прозвищем, которое, в свою очередь, происходило от «уличного» прозвища того или иного члена семьи. Эти семейные прозвища, иногда ушедшие своими корнями, в глубь многих поколений, фактически выполняли роль фамилий еще до поголовного их закрепления. Именно они в первую очередь попадали в переписные листы, и на самом деле фамиливание являлось просто записыванием этих прозвищ в документы. Таким образом, наделение крестьянина фамилией часто сводилось просто к официальному признанию, узакониванию, закреплению семейных или личных прозвищ за их носителями. Фамилия *Корота* наследуется из поколения в поколение по мужской линии (или по женской)⁵.

Далее пара ...*дерево лифанско* (?) {1845}, вероятно, связано с названием страны *Ливан* (см. выше у Д. Н. Садовникова) и именем *Лифан*. В текстах встречается фамилия *Лифановский*, ведущая начало от личного имени предка. Фамилии такого типа широко представлены в ономастике восточных, западных и южных славян. Многие имена в основе славянских фамилий связаны с христианством и исламом. От имени *Лифан*, которое, вероятно, является производной формой одного из мужских крестильных имен (*Селиван*, в переводе с латинского «бог лесов», *Нифонт*, греч. «рассудительный» или *Вонифатий*, латин. «творящий благо, добродетельный») образована фамилия *Лифановский*. Скорее всего, основатель рода *Лифановых* был человеком из простого сословия⁶.

Существует также разделение на деревья «мужские» и «женские». Пара *дерево дамско* {1839}, вероятно, связано именно с «женскими» кустарниками, где шиповник можно отнести к «женским», так как они приносят плоды, употребляемые в пищу людьми или животными. А если дерево не плодоносит, то это «мужское» дерево. С другой стороны, в загадке шиповник не просто «женское» дерево, но и «дамское», что повышает его статус. *Дама* (от лат. *domina* «госпожа») — вежливое и более высокое обращение к женщине. Изначально это замужняя женщина из высшего круга, госпожа, барыня.

Предметы разной субстанции вовлекаются в семантизацию культуры для выражения социальных оценок, идей. Один из таких кодов — *костюмный код культуры* [5]. Появление костюмных образов в загадках обусловлено значимостью самой одежды и ее окультуренного выбора — костюма. В знаках данного кода воплощаются идеи пользы, защиты, красоты, обновления. В загадки костюмный код входит вместе с *костюмной метафорой с костюмными компонентами*, которые соотносятся не с денотатами, а со знаками того или иного кода культуры с воплощенным в них ценностным содержа-

⁴ Значение и происхождение фамилии *Коротынский* // Names.neolove.ru. URL: https://names.neolove.ru/last_names/10/ko/korotynskij.html (дата обращения: 08.09.2019).

⁵ См.: Русские фамилии. URL: <https://woords.su/surnames/russian> (дата обращения: 20.09.2021).

⁶ Происхождение фамилии *Лифановский* // Значение-Имен.рф. URL: <http://значение-имен.рф/происхождение-фамилии/лифановский> (дата обращения: 08.09.2019).

нием. В загадках сохраняются следы древнейших верований — анимизма, фетишизма и др. [4, с. 34, 67]. При этом чаще используются мифогиперонимы «одежда» и «платье».

По нашему представлению, костюмная метафора в загадках о шиповнике чаще представлена атрибутами. «Одеждой» шиповника может быть пышная растительность (*дерево кудряво*), но, в основном, разного рода *листья*: *лихоханские* {1836} (от «лихо»); *баярски* {1838} (из табели о рангах); *зафуфански* {1839} (см. ниже). Весь этот набор может составлять *платье* шиповника: *шамаханское* {1837; Сад.} см. ниже; (*платьице*) *капитанское* {1840} (морская униформа); *махово* {1844}; *малаханское* {Рыбн. [19]}; *богатырско* {Сад.} (с колючками-защитой). *Листья зафуфански (?)* — содержание этого атрибута из набора букв невозможно раскрыть, но можно попробовать сравнить корень *фуфан* с именем *Фóфан* (от *Феофан*), тем более что есть загадки с этим именем: *Наш Фофан в землю вкопан* (отгадки: 1. *столб*; 2. воротной *столб*), где есть сходство *столба-Фофана*, вкопанного в землю, и дерева, растущего из земли.

Рассмотрим «одежду» шиповника подробнее: *кудрявый* — выющийся или завитый кудрями. *Дерево кудряво* {1843} красиво, эта пара слов имеет переносное значение «покрытый пышно разросшейся зеленью»: «По обеим сторонам дороги начинали желтеть молодые нивы; далее за ними тянулись налево холмы, покрытые *кудрявым кустарником*, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес» (М. Ю. Лермонтов). *Листья шамаханские* {1835}: Шамаханская царица⁷ известна по «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина, однако место под названием Шамаха существует в реальности, а поэтесса А. Ахматова нашла в отечественной истории женщину — прототип сказочной героини. По сюжету сказки, царь Дадон устал от войн и обращается за помощью к мудрецу, который вручает царю золотого петушка, предсказывающего направление предполагаемой атаки врагов. В благодарность Дадон обещает звездочету исполнить любое его желание. На протяжении нескольких лет петушок указывает на опасности, давая армии царя время подготовиться к атаке, поэтому в царстве Дадона наступает мир. Но спустя некоторое время петушок поднимает тревогу. Дадон собирает войско под командованием его старшего сына. Но тот погибает, и царь отправляет вслед своего младшего сына. Не дождавшись вестей, царь возглавил третье войско лично. Поиски приводят Дадона к месту сражения, где армии его сыновей были разбиты. Там он встретил прекрасную женщину — Шамаханскую царицу. Она заставляет Дадона забыть о гибели двух сыновей, и счастливый царь с юной невестой возвращаются в столицу. Но звездочет требует царицу себе, так как царь обещал исполнить любую просьбу мудреца. Дадон отказался отдать женщину и убил звездочета. Слетевший с крыши терема золотой петушок клюет Дадона в темя, и царь погибает, а царица бесследно исчезает. В образе Шамаханской царицы Пушкин воплотил идею *смертоносной и безжалостной красоты, ради которой люди готовы отказаться от всего, что им дорого*.

Город Шамаха на территории современного Азербайджана существует до сих пор. Во времена Пушкина он был присоединен к Российской империи. История Шамахи начинается еще в V в. до н.э., а в X в. н.э. Шамаха стала столицей Ширванского государства, оставаясь ею вплоть до присоединения к России. В начале XIX в. в русской литературе наряду с образами прекрасных славянских царевен (Царь-Девушка Г. Державина и Заря-Заряница П. Ершова) появляется басурманская дева-воительница, не похожая на «златокудых купавен». В 1834 г. вышли в свет поэма П. Катенина «Княжна Милуша» и «Сказка о золотом петушке» А. С. Пушкина.

⁷ См. подробнее: Кто такая Шамаханская царица? Режим доступа: <https://www.kakprosto.ru/kak-956445-kto-takaya-shamahanskaya-carica#ixzz> (дата обращения: 08.09.2019).

Платье шамаханское можно найти в той же истории. *Листья боярские* тоже имеют отношения к состоятельным персонам из табели о рангах. *Платище капитанское* {1840} относится к корабельной униформе. Капитан — главный на судне, по нему можно судить и о высоком качестве его одежды. *Платье маховое*: в словаре слово *маховой*, *-ая*, *-ое* означает «относящийся к взмаху, маханию, предназначенный для махания». Например, *маховые движения* (в гимнастике), *маховое перо* (большое перо в крыле птицы) (Ожегов). Поэтому можно предположить, что *маховое* платье сделано из *перьев*. Маховые перья (зоол.) — самые крупные и упругие перья крыла птицы, имеющие наиболее важное значение при полете. По «Малому академическому словарю» *маховой* — *Маховой*, *ая*, *ое*. Относящийся к взмаху, маханию, предназначенный для махания. *Маховые движения*. *Маховые упражнения* (в гимнастике). *Маховое перо* (большое перо в крыле птицы)⁸.

Шиповник известен человеку с давних времен и является «героем» многих легенд. Древние греки тоже верили, что *красные цветы шиповника появились из капель крови*. Согласно мифу, Афродита, узнав о гибели любимого Адониса, бежала сквозь колючие кусты, не разбирая дороги и не чувствуя боли, а где оставались капли ее крови, распускались чудесные цветы. Итак, красота цветов шиповника связана с остротой его шипов. В наше время шиповник окультурен, на его основе созданы сотни сортов роз — любимых цветов многих женщин. Возможно также, что слово *малаханский* известно по названию камня *мал(а)ханский турмалин* из Забайкалья. Малханское месторождение турмалина — Читинская область в Забайкалье. Цвет камня зависит от его химического состава. Месторождение исключительное по качеству и разнообразию добываемого сырья. Прежде всего это коллекционные кристаллы характерного темно-вишневого насыщенного цвета, удивительные кристаллы⁹. Некоторые кристаллы *турмалина* имеют несколько зон разного цвета; это «полихромные» кристаллы. Встречаются минералы с *красной* сердцевинной, окаймленной *светло-зеленой*, *темно-зеленой* и *зеленой зонами*, с *зеленым* ядром и *красной* внешней зоной и др. Турмалин — невероятно красивый минерал, он излучает микротоки и инфракрасные лучи. Кристаллы турмалина всегда заряжены благотворной энергией Солнца [10].

Природа, в частности, древесная растительность, является языком культуры, который традиция использует для описания человека, его физиологии, эмоционального и интеллектуального уровня, половозрастного и социального статуса, однако в культуре заметна и обратная тенденция [1, с. 489]. Отмечают такую же связь растений с животными. Отдельные части куста описываются в терминах человеческого тела или тела животного. Как было указано выше, дерево обнаруживает двух- или трехчастную структуру. Ветвями оно тянется к небу, крона его близка к земле, а корни находятся в подземном мире. У корней дерева могут находиться хтонические животные, обитающие на земле, дикие и домашние животные (у шиповника — *волки, кошки, собаки*).

Таким образом, костюм можно описать и по деталям одежды дерева, это: *лапы* (животных — *ветки*), *локти* (человека — *сгибы веток*), *сучки* (*боковые отростки веток*); *когти* (животных, демонов), *ногти* (человека — *шипы, колючки*); *ягоды, косточки* в ягодах; *цветы, цветочки, веточки ангельски(е)* {1834–1837, 1839} нахо-

⁸ URL: <https://gufo.me/dict/mas/%D0%BC%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 12.03.2021). См. также: Маховой // Даль В. И. Толковый словарь. URL: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%BC%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 21.03.2021).

⁹ См. подробнее: <https://www.gem-center.ru/Trips-Malkhan.htm> (дата обращения: 12.03.2021).

дятся уже на третьем уровне дерева — на верхушках веток, близко к небу, где живут ангелы и святые. ...*лапы богатырски* — ветки {1842}; *когти дьявольские* {1834–1837, 1842, 1845}, *когти* {1840} *волчьи* {1843} — шипы; *ногти дьявольски* {1844}; *кости* (косточки) *дьявольски* {1838}; *локти кошачьи* {1840}. Нижняя часть шиповника спрятана под землей в подземном царстве, где водятся демоны: корни *чертовы* {1881}, *отрасли дьявольски(е)* {1941}, *корни бухарски*; *стоит на вилах* (*вилы* — корни). Это первый уровень дерева, в преисподней. *Сучки митрофански (?)* {1845}: Имя *Митрофан* — *Митрошка* часто встречается в загадках для обозначения различных предметов, например: *На ложке сидит Митрошка, свесив ножки (лапша)*; *Стоит М. / На трех ножках, крошит крошки (светец)*; *Стоит М. на одной ножке (светец)*. *Митрофан* (греч. Μιτροφάνης) — мужское имя греческого происхождения («**матерью** явленный»). В России это имя было представлено преимущественно крестьянским населением и вышло из употребления к концу XIX в.: «Имя Митрофан сегодня не употребляется, и за редким случаем его можно встретить в провинциальных населенных пунктах России и сельской местности. Но ранее, в «девяностых», пользовалось оно невероятным спросом. Однако это имя имеет сильную энергетику и влиятельное значение»¹⁰.

Согласно М. М. Маковскому, слова со значением «росток» соотносятся, с одной стороны, со значениями «хороший», «здоровый», «помогать» (растение, ветка ассоциировались с целительным началом, были средством «заворожить» болезнь), а с другой — со значениями «болезнь», «проклятие», «несчастье» (трава, ветка как средство, навлекающее болезнь) [8; 9, с. 276]. *Ягоды, колюка* (колючая ягода) *на вилах* (корнях), *одета в багрянец* (красного цвета). *Ягода* шиповника (антропный образ) *сидит на палочке* (веточке) *в красной рубашечке, брюшко сыто — камнями набито*. *Цветочки* (*уменьш.*), (*цветы*) *ангельски(е)*. Согласно легендам, шиповник осенью бывает покрыт красными ягодами, но этот наряд мог сорвать только добрый человек. При виде злого человека куст «ощетинивался» шипами и не давал сорвать ни одной ягоды (ср. загадку «Цветы ангельские, когти дьявольские»).

В другой загадке шиповник похож на человека: *Кто подойдет, того и обоймет / кольнет*. В народной медицине на шиповник ссылали болезни, воду после лечения выливали под его куст. Однако шиповник давал здоровье, используя при этом обмен между больным человеком и кустом: больной берет красную нитку, которая висит на шиповнике целую ночь, а желтой ниткой, которая провисела сутки на его шее, опутывал куст и говорил: «Я тебе желтую нитку, а ты мне красную нитку». Болезнь переходила на шиповник, а живительная сила шиповника — на больного [19]. Здесь вновь представлен третий уровень мира — небесный.

Метафоры адъективов в загадках передают **пользу** для шиповника: *капитанский, боярский, малаханский*; **защиту**: *малаханский, когти, ногти, кошачий, волчий, дьявольский, богатырский, чертов, кольнет*; **красоту**: *маховый; шамаханский, ангельский, малаханский, кудрявый*; **обновления человеку**: *зафуфанский, ягоды, цветы, камни, здоровье*.

Согласно М. Л. Ковшовой, загадки отражают представления в сознании связи предметов или явлений и их свойств в реальной действительности; они рассказывают на своем языке, что в окружающем мире вызывает или не вызывает чувства или эмоции, как эти эмоции проявляются и как переживаются [4, с. 76]. В наших примерах загадок

¹⁰ Значение имени Митрофан, характер и судьба // Namedb.ru. URL: <https://namedb.ru/name/mitrofan/> (дата обращения: 21.08.2022).

о шиповнике описываются страх, боязнь, удивление, но есть и положительные чувства, которые приписываются или самому загаданному денотату, или персонажу, основному/второстепенному, который эксплицитно/имплицитно присутствует в сюжете загадки. Основными приемами синтаксической организации в загадках о шиповнике является противопоставление: чужой, инородный (встретился 15 раз) — свой (8 раз); чертово (13 раз) — дьявольское — ангельское (5 раз).

Общий вывод из нашего анализа — загадки о шиповнике все-таки больше воспринимаются человеком отрицательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агапкина Т. А.* Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.
- 2 *Адамчик В. В.* Словарь символов и знаков. М.; Минск: АСТ; Харвест, 2006. 240 с.
- 3 *Владимирова Н. В.* Флористические образы в лирике А. А. Ахматовой // Гуманитарные научные исследования. URL: <http://human.snauka.ru/2015/04/10698> (дата обращения: 26.03.2019).
- 4 *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
- 5 *Ковшова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. 368 с.
- 6 *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 1986. 312 с.
- 7 *Левина М. З., Гришунина В. П.* Диалектная вариантность фитонима «Шиповник» в мокшанском языке // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 16–19.
- 8 *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
- 9 *Маковский М. М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
- 10 *Марков А. В.* Латинизмы в поэтических книгах «Дикий шиповник» О. Седаковой и «Труды и дни монахини Лавинии» Е. Шварц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 122–129.
- 11 *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 1976. 407 с.
- 12 *Митрофанова В. В.* Загадки. Л.: Наука, 1968. 255 с.
- 13 *Рыбникова М. А.* Загадки. М.; Л.: Академия, 1932. 488 с.
- 14 *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
- 15 *Садовниковъ Д. Н.* Загадки русскаго народа: Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901. 295 с.
- 16 *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого.* М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.
- 17 *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. С. 7–88.
- 18 *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- 19 *Усачева В. В.* Шиповник // Славянская мифология: энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2011. С. 493–494.

- 20 Шестеркина Н. В. Сущность религиозных верований как часть духовной культуры // Общероссийская научн.-практич. конф.: Современные исследования социальных проблем: сб. ст. Красноярск: [б. и.], 2015. № 4 (24). С. 219–243.
- 21 Шестеркина Н. В. Антропоцентризм и антропоморфизм Березы // VIII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей?»: Мат. междунар. науч. конф. Челябинск: [б. и.], 2018. С. 66–68.
- 22 Шестеркина Н. В. БЕРЕЗА как фольклорный концепт (на материале русских народных загадок) // Когнитивные исследования языка. М.: Ин-т языкознания РАН, Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2018. Вып. 34. С. 245–249.
- 23 Шестеркина Н. В. Теоморфные признаки концепта HIMMEL как отражение коллективного бессознательного // Вопросы когнитивной лингвистики: научно-теоретический журнал. 2009. № 2. С. 53–63.
- 24 Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских историй. М.: Академический Проект, 2012. 622 с.

© 2022. Natalya V. Shesterkina
Saransk, Russia

THE CONCEPT OF DOG-ROSE IN THE RUSSIAN FOLK TRADITION (BASED UPON THE RUSSIAN FOLK RIDDLES)

Abstract: The paper discusses the peculiarities of word usage in the folk riddles about the bushes of briar and the results of their linguocultural analysis. The collections of riddles by V. V. Mitrofanova (the main one), M. A. Rybnikova and D. Sadovnikov (additional) served as the source material. The study describes linguistic and mythological mechanisms in the riddles about briar and its ambivalence (negative and positive evaluation). The author pays great attention to the “costume code” of a tree with its costume metaphor and costume elements, highlighting the similarity of briar with a person. Deciphering of many attributes of the bush present difficulties for analysis, that is why the author often makes her own suppositions about different versions. The paper also includes the separate elements of fairytales and legends about briar.

Keywords: Russian Folk Riddles, Dog-rose, Linguocultural Analysis, Mythology, Costume Code, Costume Metaphor, Ambivalence.

Information about the author: Natalya V. Shesterkina — DSc in Philology, Professor, Research Mordovia State University, Bol’chevistskaya St., 68, 430005 Saransk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4905-4573>

E-mail: nvshest@mail.ru

Received: August 21, 2022

Approved after reviewing: October 10, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Shesterkina N. V. The Concept of Dog-rose in the Russian Folk Tradition (Based upon the Folk Riddles). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 188–199. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-188-199>

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (In Russian)
- 2 Adamchik V. V. *Slovar' simvolov i znakov* [Dictionary of Symbols and Signs]. Moscow, Minsk, AST Publ.; Kharvest Publ., 2006. 240 p. (In Russian)
- 3 Vladimirova N. V. Floristicheskie obrazy v lirike A. A. Akhmatovoi [Floristic Images in the Lyrics of A. A. Akhmatova]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia* [Humanitarian Scientific Research]. Available at: <http://human.snauka.ru/2015/04/10698> (Accessed 26 March 2019). (In Russian)
- 4 Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok* [Linguoculturological Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
- 5 Kovshova M. L. *Semantika golovnogo ubora v kul'ture i iazyke. Kostiumnyi kod kul'tury* [The Semantics of Headgear in Culture and Language. Costume Code of Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2015. 368 p. (In Russian)
- 6 Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The World of Man in the Word of Ancient Rus']. Leningrad, Pushkin Leningrad State University, 1986. 312 p. (In Russian)
- 7 Levina M. Z., Grishunina V. P. Dialektnaia variantnost' fitonima "Shipovnik" v mokshanskom iazyke [Dialect Variation of the Phytonym "Briar" in the Moksha Language]. *Finno-ugorskii mir*, 2016, no 1, pp. 16–19. (In Russian)
- 8 Makovskii M. M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskikh simvolov v indoevropskikh iazykakh* [Comparative Dictionary of Mythological Symbols in Indo-European Languages]. Moscow, VLADOS Publ., 1996. 416 p. (In Russian)
- 9 Makovskii M. M. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo nemetskogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Modern German Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 630 p. (In Russian)
- 10 Markov A. V. Latinizmy v poeticheskikh knigakh "Dikii shipovnik" O. Sedakovoi i "Trudy i dni monakhini Lavinii" E. Shvarts [Latinisms in the Poetic Books "Dog rose" by O. Sedakova and "Labors and Days of the Nun Lavinia" by E. Schwartz]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 2017, vol. 9, issue 1, pp. 122–129. (In Russian)
- 11 Meletinskii E. M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 1976. 407 p. (In Russian)
- 12 Mitrofanova V. V. *Zagadki* [Riddles]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 255 p. (In Russian)
- 13 Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow, Leningrad, Akademiia Publ., 1932. 488 p. (In Russian)
- 14 Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables and Tasks]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1995. 400 p. (In Russian)
- 15 Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables and Tasks]. St. Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina Publ., 1901. 295 p. (In Russian)
- 16 *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: an Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], ed. N. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009. Vol. 4. 656 p. (In Russian)

- 17 Toporov V. N. Ob odnom iz paradoksov dvizheniia. Neskol'ko zamechaniĭ o sverkh-empiricheskom smysle glagola “stoiat”, preimushchestvenno v spetsializirovannykh tekstakh [About one of the Paradoxes of Movement. A Few Remarks on the Super-empirical Meaning of the Verb “to stand”, Mainly in Specialized Texts]. In: *Kontsept dvizheniia v iazyke i kul'ture* [The Concept of Movement in Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 7–88. (In Russian)
- 18 Toporov V. N. Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In: *Tekst: semantika I struktura* [Text: Semantics Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. (In Russian)
- 19 Usacheva V. V. Shipovnik [Briar]. *Slavianskaia mifologiia: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2011, pp. 493–494. (In Russian)
- 20 Shesterkina N. V. Sushchnost' religioznykh verovaniĭ kak chast' dukhovnoi kul'tury [The Essence of Religious Beliefs as Part of Spiritual Culture]. *Obshcherossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia: Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem: sbornik statei* [All-Russian Scientific and Practical Conference: Modern Studies of Social Problems: Collection of Papers]. Krasnoiarsk, 2015, no 4 (24), pp. 219–243. (In Russian)
- 21 Shesterkina N. V. Antropotsentrizm i antropomorfizm Berezy [Anthropocentrism and Anthropomorphism of Birch]. In: *VIII Lazarevskie chteniia “Liki traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: renessans bazovykh tsennostei?”: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [VIII Lazarev Readings “Faces of Traditional Culture in Modern Cultural Space: Renaissance of Basic Values?”: Proceedings of the International Scientific Conference]. Cheliabinsk, 2018, pp. 66–68. (In Russian)
- 22 Shesterkina N. V. BEREZA kak fol'klornyi kontsept (na materiale russkikh narodnykh zagadok) [BIRCH as a Folklore Concept (Based on the Material of Russian Folk Riddles)]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., Lomonosov Moscow State University Publ., 2018, vol. 34, pp. 245–249. (In Russian)
- 23 Shesterkina N. V. Teomorfnye priznaki kontsepta HIMMEL kak otrazhenie kollektivnogo bessoznatel'nogo [Theomorphic Features of the HIMMEL Concept as a Reflection of the Collective Unconscious]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki: nauchno-teoreticheskii zhurnal*, 2009, no 2, pp. 53–63. (In Russian)
- 24 Eliade M. *Istoriia very i religioznykh idei: Ot kamennogo veka do elevsinskikh istorii* [History of Faith and Religious Ideas: From the Stone Age to the Eleusinian Stories]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2012. 622 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

УДК 81'37

ББК 81.411.2-02

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. В. Якушевич
г. Москва, Россия

© 2022 г. Л. В. Маркина
г. Москва, Россия

ДИАЛЕКТНЫЕ НАЗВАНИЯ СИНИЦЫ: ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена диалектным номинациям синицы. Цель исследования заключается в реконструкции их внутренней формы, которая определяет не только название того или иного вида синицы, но и символическое значение слова. В первой части статьи анализируется внутренняя форма самого слова *синица* и ряда диалектных названий птицы. Большинство номинаций мотивированы окраской оперенья (*синюшка, зеленушка, чернец, пчеляк*), запоминающимися деталями, например хохломом (*барашек*) или «усами» (*бородавка*), «вокальными» данными (*зенчик, зензивер, каян*) и сезонной активностью (*ледоломка, зимушка*). При реконструкции внутренней формы слов авторы во многом опирались на исследования ученых-орнитологов. Во второй части статьи рассмотрены символические значения слова *зинька*. Под символизацией подразумевается процесс опредмечивания перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей другой, мало исследованной человеком абстрактной реальности ('зрение', 'свет', 'звук', 'душа' и пр.). В слове *зинька* внутренняя форма обусловлена синкретичным общеславянским корнем *zě- (или *zi), в котором две семы — 'отверстие' и 'быстрота' — мотивировали следующие символические значения: *зинька* материализует 1) солнечный свет, 2) воспринимающее его человеческое зрение, 3) звук и распространяемую им весть. Символическое значение 'солнечный свет' подвергается последующему (по цепочке) мифологическому осмыслению и становится источником еще двух символических значений — 4) 'время' и 5) 'счастье'. Источником символического значения 6) 'охота и рыбалка' является народная этимология.

Ключевые слова: синица, диалектизм, внутренняя форма, этимологическое значение, народная этимология, символическое значение.

Информация об авторах:

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

E-mail: sa1107@yandex.ru

Людмила Витальевна Маркина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, корп. 1, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

E-mail: markina.lv@mail.ru

Дата поступления статьи: 03.04.2021

Дата одобрения рецензентами: 26.04.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Якушевич И. В., Маркина Л. В. Диалектные названия синицы: внутренняя форма слова и символическое значение // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 200–213. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

Введение и методология

Современная унификация культурного пространства в социально-экономической сфере грозит растворением национального менталитета в общепланетной техногенной цивилизации. Противостоит этому процессу все возрастающий интерес к диалектному наследию, хранящему память славянской культуры и передающему последующим поколениям «самобытное мироощущение, — национально-специфический взгляд на отношение к миру, к другим людям, позволяя тем самым сохранять национальную идентичность» [17, с. 95; 18, с. 245]. Синица — всенародно любимая птица, о чем свидетельствует большое разнообразие ее диалектных названий, частое упоминание в пословицах, загадках и приметах; ей посвящен праздник — день Зиновия-синичника. К сожалению, в лингвистике мало работ, посвященных диалектным номинациям синицы [13], символическому значению этих слов [8, с. 739–740].

Научно-методологическую основу настоящего исследования составили работы, посвященные 1) внутренней форме слова: А. Н. Афанасьева, А. А. Потевни, В. Н. Топорова, А. А. Зализняк; 2) лингвосемиотическому анализу символа: Р. Барта, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, В. И. Карасика; 3) орнитологическим наблюдениям за синицей: А. Н. Формозова, Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова.

В классическом учении А. А. Потевни внутренняя форма слова — это этимологическое значение, являющееся источником символа. Сложность понимания этой концепции заключается в двухкомпонентности внутренней формы: 1 — перцептивный образ предмета, представленный в совокупности его признаков, их набор у каждого народа и для каждого предмета индивидуален; 2 — «ближайшее этимологическое значение», в основу которого лег только один из признаков [16, с. 90]. К примеру, за словом *синица* стоит зрительный образ небольшой юркой птицы семейства воробьиных с опереньем, где преобладают желтый, синий, зелено-голубоватый и черный цвета. Среди множества признаков (летать, свистеть, собираться в стайки, как все воробьиные) только один стал этимологом — ‘синий’. Это и есть, по А. А. Потевне, внутренняя форма слова *синица*. Она возникла из отношения эмпирического образа птицы и семы ‘синий’, которая и мотивировала выбор целой группы диалектных названий синицы: *синигóлка* (Урал), *сíник* (Кубань), *сíнка* (*сíночка*), *сíнушка* (Свердл.), *сíньшек* (Тобол.), *синюшка* (Яросл., Новг., Арх., Перм., Том.) [25, т. 37, с. 328, 331, 333, 336, 340].

Однако далеко не у всех синичек есть в оперении синий цвет: всего в фауне России 15 видов синиц, и только у лазоревки ярко-голубая головка, крылья, а также синевато-черная уздечка и горлышко [10, с. 732, 742]. Важно, что в древнерусском

языке не только темно-голубой цвет называли синим. В словаре И. И. Срезневского отмечено значение «темный, иссиня-черный» или просто черный цвет [24, т. 3, с. 355], часто встречающийся в оперении многих видов синиц, в частности у самых известных из них — большой синицы, гаички и московки. В русских говорах на территории Мордовии, где синичку называли *чернёц*, именно черный цвет мотивирует название птицы: *Зъ акошкѣм чирницы лятают. Зимой им хъладно, естъ нечивѣ. Надъ хъть зернышкѣф чирницам бросить. У нас синиц чирницами зовут* [23, Т–Я, с. 169].

Этимологический подход к пониманию внутренней формы незаменим для непроизводных слов. В случае, если слово имеет какую-либо «деривационную историю», то его внутренняя форма часто отождествляется со словообразовательной мотивацией: «внутренняя форма слова — это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. образ или идея, положенные в основу номинации» [12, с. 48].

Внутренняя форма ряда диалектных названий синиц

Рассмотрим некоторые диалектизмы, в которых удалось реконструировать внутреннюю форму. Особое значение для интерпретации мотивированности диалектизмов имело привлечение орнитологических данных об окрасе синиц и их полевых признаках.

Зеленушка [25, т. 11, с. 249]: эта птица относится к семейству вьюрковых, но в Tobol. и Свердл. так называли и большую синицу — единственный тип, имеющий в оперении зеленовато-оливковый окрас.

Двоехвосткой [25, т. 8, с. 184] на Среднем Урале называли длиннохвостую синицу: ее хвост действительно раздваивается своеобразной «рогаточкой». Но главное — он состоит из длинных перьев белого (нижний ярус) и черного (верхний ярус) цветов, так что кажется, будто у птицы два хвоста.

Длиннохвостую синицу в Яросл. называли также *венецѣйкой*, как и желтую трясогузку [25, т. 4, с. 113]. По мнению А. Е. Аникина, диалектизм мотивирован словом *венецѣйка* со значением ‘сорт тафты’ — шелковой ткани самых разных оттенков — птицы названы по цветовому сходству [1, т. 6, с. 241–242]. На Руси восточная шелковая тафта могла появиться только в зажиточных домах как основа для золотого шитья, и проникновение называющего ее слова в разговорную диалектную среду маловероятно. Возможно, окраска длиннохвостой синицы, единственной из видов, имеющей в своем оперении палитру розового цвета от бледного до вино-красного оттенка (тем более что именно розовая и красная тафта были особо востребованы) действительно ассоциировалась с одним из видов шелка. Однако неясно, почему *венецѣйкой* называли еще и желтую трясогузку и что ее объединяет с длиннохвостой синицей.

Более вероятно, что источником мотивации является слово *венец* из прасл. **věpъsь* (‘венец, венки’). Самцов желтой трясогузки и длиннохвостой синицы объединяют черные и белые «повязки» на глазах, своего рода «венки». Последний вид можно включить в этот список с оговоркой: коричнево-черные полосы над глазами (или за ними) имеют только молодые особи, а у взрослых птиц длиннохвостой синицы вся головка белая [10, с. 796].

«Повязка» на глазах — семантический признак, который мотивирует внутреннюю форму оренбургского диалектизма *слепух*. Помимо длиннохвостой синицы — *длиннохвостого слепуха* — различали *большого слепуха* (лазоревку белую) и *синего слепуха* (лазоревку зеленую) [25, т. 38, с. 269]. У некоторых видов птиц на глазах была черная «шапочка»: самая длинная — у большой синицы, или *желтого слепуха*, покороче — у московки, или *черного слепуха*.

Бородáвка — это усатая синица (*Panurus biarmicus*) (Астр.) [25, т. 3, с. 110]. Название мотивируется производящим словом *борода*: у самца этого вида под клювом и глазками спускаются на шею пучки черных перьев — «усы», или черная «борода», выделяющаяся на ярко-белом фоне [10, с. 790].

Барашек — ярославская метафора хохлатой синицы (*Pares cristatum* L.). Ее пушистая серо-белая головка с торчащим двойным хохолком напоминает рожки маленького барашка. Кроме того, эти светло-коричневые птицы, круглые и пушистые, действительно напоминают ягнят. Для сравнения: на основе семы 'пушистый' *барашками* в Яросл. называли также цветы ивы, вербы и сережки у березы [25, т. 2, с. 109, 110].

Пчеляк — еще одна метафора синицы, но уже в русских говорах Мордовии: *Птица синица. Пчеляки, они веть летъм ни бывают, фсе большъ зимой видны* [23, О–П, с. 313]. Сочетание черного и желтого цветов в оперении птицы сравнимо в народном сознании с окрасом пчелы.

Казначейка — вятское название большой синицы, мотивированное словом *казна*, которое в этом регионе обозначало казенный лес: *У нас в казне есть малина* [25, т. 12, с. 321].

Кузя (кузька) — пермское название синицы [25, т. 16, с. 29]. Предположительно, что диалектизм происходит от коми-пермяцкого слова *кӧз* — 'ель' [5, с. 191] с учетом огубления и превращения в [у] отсутствующего в русском языке звука [э], близкого по звучанию к [jo]. С большой вероятностью, *кузя* — это московка или гаичка. Известный российский орнитолог А. Н. Формозов по результатам многолетнего наблюдения за синицами сделал вывод о теснейшей биологической связи между елью и поведением птиц: именно гаичка и московка селятся в хвойных лесах, стремясь к оседлости. В течение года они, подобно белкам, непрерывно запасают на зиму еловые семена. Для этого птицы тщательно запихивают их под кору или за отщепы ветвей ели, сосны или пихты. Короткие миграции стаек синиц обусловлены урожайностью еловых семян [30].

Несколько названий синичек — *мясничок* (Амур.), *мясоедка* (Тобол.), *сальница* (Пск.) и *сальнюшка* (Яросл.) [25, т. 19, с. 88, 89; т. 36, с. 69, 70] мотивированы таким качеством большой синицы, как поедание животной пищи: насекомых, падали, сала в кормушке [10, с. 730].

Символическое значение слова «синица» и «зинька»

Диалектное слово может быть рассмотрено как символ, так как оно «обладает способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать память о своих предшествующих контекстах» [16, с. 617]. Внутренняя форма слова — один из важнейших источников символического значения.

При лингвосемиотическом моделировании символа выделяются три его компонента и две ступени означения: (1) звукобуквенная форма слова — (2) перцептивный образ предмета как совокупность самых разнообразных (в том числе и непонятных) признаков денотата — (3) символическое значение. Так, в определении Р. Барта важна мысль о двойном означении символа: языковой знак сам является означающим для более отвлеченного значения [4]. В определении А. Ф. Лосева уникальна идея об орудийной функции перцептивного образа, который материализует и семантически конструирует новую абстрактную и еще не освоенную человеком реальность [15, с. 201, 202].

Под символизацией мы будем подразумевать процесс означения (ассоциативного опредмечивания) перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей

другой, мало исследованной человеком, чаще абстрактной реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа', 'плодородие' и пр.) [33, с. 56–83]. Полученное в результате значение и следует называть символическим. Сам факт чувственного опредмечивания абстрактного означаемого есть главный признак мифологического мышления. Причем миф понимается широко: и как осколок древней языческой легенды, и как «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [11]. Для примера вернемся к слову *синица* и рассмотрим его как символ, состоящий из трех компонентов.

(1) Означающим символа является его звукобуквенная форма [с'ин'иць] / *синица*.

(2) — это указанный выше зрительный образ птицы, но не только: синица имеет множество самых разнообразных признаков: внешних (форма, цвет), поведенческих, звуковых, географических (среда обитания). Именно в процессе семантизации денотата и выявляется тот единственный признак, который определил выбор номинации для называния предмета и который стал мотивирующим для символического значения. Для слова *синица*, как уже отмечалось выше, это синий цвет.

(3) Для мотивации символического значения понимание этого цвета должно быть не обыденное, а мифологическое. В мифологическом сознании древнего человека синий не столько монохромный цвет, сколько сияние неба (родственно слову *сиять*), исходящего из него света [29, т. 3, с. 625]. Поэтому, как и многие птицы (ласточка, жаворонок, орел и др.), синица опредмечивала солнечный огонь [21, с. 308], а сочетание желтого и синего цвета в ее ярком оперении мотивируют это символическое значение. Значение синицы как источника света и огня заключено в русской пословице: *Хвалилась синица, что море зажжет* [9, т. 2, с. 222].

Другой источник символического значения — народная этимология, наиболее частотная в разговорной диалектной среде. Это совмещение двух созвучных, этимологически чуждых корней (один из них чаще всего заимствован из другого языка). Однако звуковое совпадение корней не единственное, что связывает их. В. Н. Топоров считал, что выбор народом негенетического этимона для мотивации слова обнажает глубокое, «подъязыковое», значение, выводимое непосредственно из внеязыкового мира и произвольно вносимого в структуру языкового знака [27, с. 42]. Выбор этого значения не случаен, поскольку он отражает глубинные мифолого-ассоциативные связи с историческим корнем. Народная этимология сосуществует с генетической и не противоречит ей. Тогда можно говорить о том, что у слова может быть несколько «актуальных для языкового сознания внутренних форм» [12, с. 53].

Диалектизм *зинька* встречается в Вят., Симб., Оренб. [25, т. 11, с. 283]. В. И. Даль считал, что *зинька* — это гаичка, самая маленькая и подвижная синичка [9, т. 1, с. 683]. Однако в оперении гаички нет ни желтого, ни синего цвета. В. В. Бианки, знаменитый детский писатель и орнитолог Зоологического музея РАН, описал *зиньку* как «белощековую, с желтой грудкой и длинным черным галстуком до самого хвостика» птичку [7, с. 46]. Это большая синица, распространенная повсеместно. Именно В. В. Бианки слово *зинька* обязано своей популярностью: Зинька стала главной героиней повести-сказки «Синичкин календарь» — произведения, любимого и знакомого с детства, поскольку сказка была включена как в советские, так и в современные учебники по родной речи. Выделим несколько символических значений слова *зинька* и определим их источник.

1. 'Солнечный свет'

Об этом значении мы писали в связи корнем *син-* и его древнерусским значением 'сиять'. Считается, что корень «зинь» был отождествлен народной этимологией

с корнем *син-* ('синий') [14, с. 360]. Значение света, огня корня *зин-* заложено в диалектном слове *зинуть* в значении 'загореться, вспыхнуть': *Сперва у их на задворье сено зинуло*. (Вят.) [25, т. 4, с. 196].

2. 'Зрение'

Это значение мотивировано глаголом *зинуть* — 'раскрыть что-либо' [24, т. 2, с. 88]. Этимологическим «зерном» являются две семы 'отверстие' и 'быстрота', которые определили в книжном древнерусском языке две семантические ветви этого слова: 1) раскрыть рот (*зевать, зевака*), а также разверзнуть землю; 2) молниеносно наброситься на кого-либо или неожиданно вырваться наружу (например, о небесной молнии) [26, т. 5, с. 392]. Семы отверстия и быстроты характеризуют как зрение — отверстие глаза и быстроту взгляда, так и звукоизвлечение — отверстие рта и неожиданность крика. Первым мотивировано символическое значение 'зрение', вторым — 'крик, предсказание'.

Этимологически родственны лексемы *зинуть, зиять, зеница, зинька* [29, т. 2, с. 94, 98], которые мотивированы о.-с. корнем *zě- или *zi, восходящим к и.-е. *g'hē 'зевать, зиять' [31, т. 1, с. 322, 324]. В разговорной диалектной среде корень *зин-* более последовательно реализует в однокоренных словах значение отверстия, быстроты и зрения. Так, в глаголе *зинуть* сема быстроты реализована в значении 'выстрелить' (Печор.), а сема зрения — в значении 'взглянуть с удивлением' и 'посмотреть на кого-либо дурным глазом с целью причинить зло': *зинули у мя девку-ту* (Ср. Урал.). В словаре В. И. Даля также подчеркивается значение сглаза: *Люди на лес не зинут, лес не сгинет. Касьян завистливый (лихой) на что ни зинет, все сгинет*. [9, т. 1, с. 680, 682–683]. В екатеринбургском слове *озэить* совмещены значения: 'глазеть' и 'зевать, быть ротозеем' [25, т. 23, с. 88]. В ряде говоров слова с корнем *зин/зен-* обозначали глаза: *зиньки* (Дон.), *зиньы* (Казан.: *Я в те зиньы наплюю*), *зэно* (Арх.), *зэны* (Костр.), *зэнка* (Новг.), *зэнички* (Ирк.), *зэночки* (Смол.) [25, т. 11, с. 283, 263].

Символическое значение зрения связано с языческим отождествлением солнечного огня и органа зрения, глаза, воспринимающего свет. По этой же причине *глазами* и *зенком* называли окна избы. Птица, и синица в частности, принадлежит к стихии неба, а значит, имеет непосредственное отношение к свету и зрению. Кроме того, синица, особенно гаичка и московка, по своей природе юркая птица, что в народном сознании ассоциируется с быстротой солнечного луча. А. Н. Афанасьев о связи птицы и зрения писал: «Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте, и потому как солнце олицетворялось в виде птицы, так и "глаза" народная загадка изображает в такой метафоре: "сидит птица, без крыльев, без хвоста; куда ни взглянет — правду скажет"» [2, с. 164–165]. Итак, второе символическое значение 'зрение' обусловлено этимологическим значением корней *zě- или *zi.

3. 'Звук, весть'

Значение мотивировано одной из семантических ветвей корней *zě- или *zi — значением 'зевать, открывать рот': *Зиня, не ходи разиней* [9, т. 1, с. 417]. Слово *зинуть* имело значение 'закричать': *Чтоб супротив меня раба божия, Тита не мог ни зинуть, ни пикнуть* (заговор) [25, т. 11, с. 283]. В Ирк. *зинуть* — значит запеть громко и выразительно, во весь голос: *А пели-то! У нас тятя запоем — аж тайга кололась! Или у кого собяремся да как зинем-зинем!* [3, т. 18, с. 92, 93]. Семантика звука, заложенная этимологически в корне *зин-*, поддерживается звукоподражательными ассоциациями в словах: *зинзивёр* (Казан.) [25, т. 11, с. 283], *зэничик*: *зэничик звенит зень-зень, зимой*

остаецца тута [19, с. 187]. Интересно, что общеславянский корень *zi есть в польском (*sikora*) и чешском (*sykorka*) названии синицы. Этимологически эти слова восходят к общеслав. глаголу *sykati — ‘шипеть’ [34, с. 177; 35, с. 654].

Доминирует семантика звука и во внутренней форме слова *кая'н* — архангельского названия хохлатой синицы [25, т. 13, с. 156]. Вероятнее всего, слово заимствовано из коми *kaĭ* «небольшая птица» [29, т. 2, с. 216]. Но возможна и другая версия: от глагола *káyti* со значением в Арх. ‘ругаться, бранить’ [32, т. 9, с. 116]. Известно, что традиционное «си-си-си» хохлатой синицы сопровождается характерной только для этого вида хрипловатой непрерывной трелью, трудно передаваемой человеческим голосом и, по-видимому, воспринимаемом в народе как «ругань» [10, с. 754].

В мифологическом мышлении звуки, издаваемые синицей, становятся вещим «словом», доброй или дурной вестью. По народному поверью, синица может сказать, быть ли задуманному, ждаты ли счастья или беды: *Ведает она и смехом и слезами и знает ласковое верное слово*. Именно поэтому синицу еще называли *девятислóвой* [6]. Например, во Влад. ее пение предвещает несчастье, в Витебск. губернии синица, влетевшая в окно, предвещает беду, а в амбар — смерть [8, с. 741].

4. ‘Время’

Значение вторично по отношению к ‘солнечному свету’. А. Ф. Лосев писал о символе как о самопорождающей модели, продуцирующей цепочку означающих и означаемых [15, с. 86]: (1) [з’ин’къ] — (2) ‘синий’ — (3) солнечный свет — (4) время — (5) зима, весна, осень. Символическое значение времени заключено в русской загадке, где синица обозначает неделю:

Вырос куст из четырех мест
На том кусту двенадцать гнезд,
В каждом гнезде по четыре **синицы**,
У каждой синицы по четырнадцать яиц:
Семь беленьких да семь черненьких с куст из четырех мест (год, месяц) [22, с. 375].

Неразрывна символика времени и солнца, управляющего годовым и суточным циклом. Традиционно синица — вестник весны. Семантика весны, возможно, заложена во внутренней форме: по одной из версий, название большой синицы — звукоподражание характерному и узнаваемому пению самца «си-си-сю, си-си-сю» весной. В другое время у нее иные позывные, как, например, у старых птиц «пинь-пинь» или у молодых «ти-ти-ти» [10, с. 731].

Новосиб. синица *ледоломка* названа по существительному *ледолом* — весеннему празднику, когда на больших реках начинается ледоход: *Синичку ледоломкой звали: как прилетит, значит, ледолом начнется скоро* [25, т. 16, с. 323]. Поскольку синица остается зимовать, она символизирует и холодные времена года — осень и зиму. Это отражено в русских приметах: *В сентябре синица просит осень в гости / В сентябре слышна песенка синицы во дворе / Синица — осень, в гости просит* [27] / *Запели синички с утра — жди к ночи мороза*. В Перм. синицу называли *зимúшкой* за то, что оставалась зимовать [25, т. 11, с. 282].

5. ‘Житейское счастье, удача’

Как и предыдущее символическое значение, это тоже результат цепочечной символизации: (1) [з’ин’къ] — (2) ‘синий’ — (3) солнечный свет — (4) счастье. О связи солнца и счастья А. Н. Афанасьев писал: «Как светило вечно чистое, ослепительное

в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь солнце почиталось божеством благим, милосердным... имя его сделалось синонимом счастья <...>. Синий есть древнейший эпитет молнии, блеск которой отождествлялся с синими огоньками, перебегающими по красным угольям догорающего очага» [2, с. 67, 283].

Живущая зимою рядом с человеком, синица противопоставлена перелетным птицам: *Хоть тресни синица, а не быть журавлем* [9, т. 2, с. 316]. Синица приносит маленькое житейское счастье, близкое и доступное, не всегда правильно оцененное. В то время как журавль или соловей, улетающие в Ирий, приносят большое счастье, но недоступное: *Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки!* / *Синица в руках лучше соловья в лесу. Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки!* [9, т. 1, с. 145].

6. 'Охота и рыбалка'

Это символическое значение связано с именами священномученика епископа Егейского Зиновия, и его сестры Зиновии, живших в III в. в Каппадокии. На Руси в день памяти этих святых, 30 октября (по старому стилю), отмечали Синичкин день — праздник прилетевших на зиму синиц, щеглов, чечеток, свиристелей, снегирей и др. Птиц много, но особенно почитали *зиньку*: народная этимология отождествляла корень *зин-* в словах *зинька* и *Зиновий*. Этот праздник назывался день Зиновия-синичника. Русский Зиновий был покровителем охотников и рыболовов. В этот день охотились на зайца, а в Сибири иртышские рыбаки ловили красную рыбу. Охота и рыбалка начиналась с молитвы Зиновию. В дохристианской Руси просили помощи у лешего, подносили ему подарки. Если договор с духом леса не заключить, то удачи в охоте не будет, да и леший мог сбить с пути или наслать болезнь.

Заключение

Синица мотивировано словом *синий*: корень *син-* этимологически имел значение 'сияние' и обозначал синеву, излучающую свет. В древнерусском языке *синий* обозначало также черный цвет, отличающий окраску многих видов синиц.

Внутренняя форма диалектизмов мотивирована особенностями внешних (*зеленушка, барашек, двоехвостка, бородавка* и др.) и поведенческих (*каян, мясоедка, зинзивер* и др.) признаков синицы, а также сезона ее почитания (*ледоломка, зимушка*).

Диалектное слово *зинька* имеет множественную мотивацию, а следовательно, и несколько внутренних форм. Часть из них обусловлено словом *зинуть*, в основе которого лежит семантически синкретичный о.-с. корнем *zě- или *zi-, восходящим к и.-е. *g'hē 'зевать, зиять'. Семь отверстия и быстроты определи два символических значения — «зрение» и «звук, весть». Народная этимология — другой источник символического значения диалектизма *зинька* — связывает корень *зин-* со словами *синий* и *Зиновий*, тем самым мотивируя два других символических значения: 'солнечный свет' и 'охота, рыбалка'. Символическое значение 'солнечный свет' подвергается последующему (по цепочке) мифологическому осмыслению и становится источником еще двух символических значений — 'время' и 'счастье'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Амур. — Амурская область

Арх. — Архангельская губерния (область)

Астр. — Астраханская губерния (область)

Витебск. — Витебская губерния (область)

Влад. — Владимирская губерния (область)

Вол. — Вологодская губерния (область)

Вят. — Вятская губерния
 Дон — Область войска донского
 Енис. — Енисейская губерния
 Ирк. — Иркутская губерния (область)
 Казан. — Казанская губерния
 Кубань — Кубанская область
 Курск. — Курская губерния (область)
 Новг. — Новгородская губерния (область)Новосиб. — Новосибирская область
 Оренб. — Оренбургская губерния (область)
 Перм. — Пермская губерния (область)
 Печор. — бассейн реки Печора
 Пск. — Псковская губерния (область)
 Свердл. — Свердловская обл.
 Сиб. — Сибирь
 Симб. — Симбирская губерния
 Смол. — Сиоленская губерния (область)
 Ср. Урал — Средний Урал
 Тобол. — Тобольская губерния
 Том. — Томская губерния, область.
 Яросл. — Ярославская губерния (область)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН: Ин-т Сибирского отделения РАН, 2014. Вып. 8. 352 с.
- 2 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 1. 800 с.
- 3 *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Иркутск: [б. и.], 2011. Т. 8. 536 с.
- 4 *Барт Р.* Миф сегодня // Семиотика. Поэтика. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 72–130.
- 5 *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкий словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
- 6 *Белов Н. В., Третьякова О. В., Тверитинова Н. В.* Русский Народный календарь. Обычай, поверья, приметы на каждый день. М.: Метафора, 2006. 607 с.
- 7 *Бианки В. В.* Синичкин календарь. М.: Малыш, 1973. 54 с.
- 8 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- 9 *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с. Т. 2 447 с.
- 10 *Дементьев Г. П., Мекленбурцев Р. Н., Судиловская А. М., Спангенберг Е. П.* Птицы Советского Союза: в 6 т. М.: Сов. наука, 1954. Т. 5. 480 с.
- 11 *Жбанков М. Р.* Миф // Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с. URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 31.03.2021).
- 12 *Зализняк А. А.* Внутренняя форма слова // Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 46–56.

- 13 *Красовская Н. А.* Названия синицы в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2018. С. 205–211.
- 14 *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуга, 2005. 432 с.
- 15 *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- 16 *Лотман Ю. М.* Память культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614–621.
- 17 *Маркина Л. В.* О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации // Филологический сборник в честь юбилей профессора Л. И. Осиповой. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2015. С. 95–102.
- 18 *Маркина Л. В.* Гендерные стереотипы диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // Русистика и компаративистика. Сб. науч. тр. по филологии. М.: ООО «Книгодел», 2019. С. 245–254.
- 19 *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д.: Тип. Кубполиграфа, 1929. Вып. 6. 416 с.
- 20 *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
- 21 Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. М.: Книгодел, 2019. С. 306–320.
- 22 *Сахаров И. П.* Сказания русского народа: в 2 т. / сост. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 800 с.
- 23 Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 1993. Вып. О–П. 320 с. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2006. Вып. Т–Я. 252 с.
- 24 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 2. Ч. 2. 980 с. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Т. 3. Ч. 1. 910 с.
- 25 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46). Л.: Наука, 1968. Т. 2. 361 с. Л.: Наука, 1968. Т. 3. 360 с. Л.: Наука, 1969. Т. 4. 366 с. Л.: Наука, 1972. Т. 8. 370 с. Л.: Наука, 1976. Т. 11. 363 с. Л.: Наука, 1977. Т. 12. 367 с. Л.: Наука, 1977. Т. 13. 358 с. Л.: Наука, 1980. Т. 16. 376 с. Л.: Наука, 1983. Т. 19. 359 с. Л.: Наука, 1987. Т. 23. 375 с. СПб.: Наука, 2003. Т. 37. 415 с. СПб.: Наука, 2004. Т. 38. 372 с.
- 26 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 1–29. Вып. 8. 352 с.
- 27 *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–40.
- 28 *Уваров Н. В.* Энциклопедия народной мудрости. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 583 с.
- 29 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
- 30 *Формозов А. Н.* Мелкие синицы таежных лесов и значение в их жизни урожаев семян ели // Звери, птицы и их взаимосвязи со средой обитания / гл. ред. и автор предисл. А. А. Насимович. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. С. 118–127.
- 31 *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 622 с.

- 32 Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М.: Наука, 1983. Вып. 9. 197 с.
- 33 Якушевич И. В. Семантико-семиотическая модель символа «пчела» // Филологический сборник в честь профессора Л. И. Осиповой. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2015. С. 161–172.
- 34 Mańczak W. Polski słownik etymologiczny. Kraków: [б. и.], 2017. 238 s.
- 35 Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2009. 794 s.

© 2022. Irina V. Yakushevich

Moscow Russia

© 2022. Ludmila V. Markina

Moscow Russia

DIALECTAL NAMES OF TITMOUSE: INNER FORM OF THE WORD AND SYMBOLIC MEANING

Abstract: The paper addresses the dialect nominations of titmice. The purpose of the study is to reconstruct their internal form, determining not only the name of a particular type of titmouse, but also the symbolic meaning of the word. The paper starts with analyzing the internal form of the word titmice and dialect names of this bird. Most of the nominations are motivated by the color of the operculum (*sinyushka*, *zelenushka*, *chernec*, *pcheljak*), memorable details, such as a tuft (*barashek*) or “mustache” (*borodavka*), “vocal” data (*zenchik*, *zenziver*, *kayan*) and seasonal activity (*ledolomka*, *zimushka*). When reconstructing the internal form of words, the authors largely relied on the research of ornithologists. The second part of the paper touches upon the symbolic meanings of the word *zinka*. Symbolization refers to the process of objectification a perceptually generalized image or its details of some other abstract reality, little explored by man (‘vision’, ‘light’, ‘sound’, ‘soul’, etc.). In the word *zinka*, the internal form is due to the syncretic common Slavic root *zě- (or *zi), in which two semes — ‘hole’ and ‘speed’ — motivated the following symbolic meanings: *zinka* materializes 1) sunlight, 2) human vision perceiving it., 3) sound and the message it spreads. The symbolic meaning of ‘sunlight’ undergoes subsequent (along the chain) mythological interpretation and becomes the source of two more symbolic meanings — 4) ‘time’ and 5) ‘happiness’. The folk etymology acts as a source of the symbolic meaning of 6) ‘hunting and fishing’.

Keywords: Titmouse, Dialecticism, Inner form the Word, Etymological Meaning, Folk Etymology, Symbolic Meaning.

Information about the authors:

Irina V. Yakushevich — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Moscow Pedagogical State University, 2nd Selskokhoziajstvenny Pass, 2, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

E-mail: sa1107@yandex.ru

Ludmila V. Markina — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Moscow Pedagogical State University, 2nd Selskokhoziajstvenny Pass, 2, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0391-0029>

E-mail: markina.lv@mail.ru

Received: April 03, 2021

Approved after reviewing: April 26, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Yakushevich I. V., Markina L.V. Dialectal Names of Titmouse: Inner Form of the Word and Symbolic Meaning. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 200–213. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-200-213>

REFERENCES

- 1 Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS: Siberian Branch of the Russian RAS Publ., 2014. Vol. 8. 352 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [Poetic Beliefs of the Slavs about Nature: in 3 Vols.]. Moscow, Indrik Publ., 1994. Vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 3 Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri: v 20 t.* [Dictionary of Dialects of Russian Old-timers of Baikal Siberia: in 20 Vols.]. Irkutsk, 2011. Vol. 8. 536 p. (In Russian)
- 4 Bart R. Mif segodnia [Myth Today]. In: *Semiotika. Poetika* [Semiotics. Poetics]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh Publ., 2004, pp. 72–130. (In Russian)
- 5 Batalova R. M., Krivoshechekova-Gantman A. S. *Komi-permiatskii slovar'* [Komi-Perm Dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985. 624 p. (In Russian)
- 6 Belov N. V., Tret'iakova O. V., Tveritinova N. V. *Russkii Narodnyi kalendar'. Obychai, pover'ia, primety na kazhdyi den'* [Russian Folk Calendar. Customs, Beliefs, Signs for Every Day]. Moscow, Metafora Publ., 2006. 607 p. (In Russian)
- 7 Bianki V. V. *Sinichkin kalendar'* [Titmouse Calendar]. Moscow, Malyshev Publ., 1973. 54 p. (In Russian)
- 8 Gura A. V. *Simvolika zivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Symbols of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russian)
- 9 Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian People: in 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. Vol. 1. 431 p. Vol. 2. 447 p. (In Russian)
- 10 Dement'ev G. P., Meklenburtsev R. N., Sudilovskaia A. M., Spangenberg E. P. *Ptitsy Sovetskogo Soiuza: v 6 t.* [Birds of the Soviet Union: in 6 Vols.]. Moscow, Sovetskaia nauka Publ., 1954. Vol. 5. 480 p. (In Russian)
- 11 Zbankov M. R. Mif [Myth]. *Noveishii filosofskii slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary]. 2nd ed., corr. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2003. 1280 p. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (Accessed 31 March 2021). (In Russian)
- 12 Zaluzniak A. A. Vnutrenniaia forma slova [Internal Form of a Word]. In: *Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby ee predstavleniia* [Polysemy in Language and Ways of its Presentation]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 46–56. (In Russian)

- 13 Krasovskaia N. A. Nazvaniia sinitsy v russkikh govorakh [Titmouse Names in Russian Dialects]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg, The Institute for Linguistic Studies of the RAS Publ., 2018, pp. 205–211. (In Russian)
- 14 Krylov G. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Poligrafusluga Publ., 2005. 432 p. (In Russian)
- 15 Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Issue of the Symbol and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 367 p. (In Russian)
- 16 Lotman Iu. M. Pamiat' kul'tury [Memory of Culture]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000, pp. 614–621. (In Russian)
- 17 Markina L. V. O semantike brannykh oboznachenii cheloveka v sovremennoi dialektnoi kommunikatsii [On the Semantics of Abusive Designations of a Person in Modern Dialectal Communication]. In: *Filologicheskii sbornik v chest' iubilei professora L. I. Osipovoi* [Philological Collection in Honor of the Anniversary of Professor L. I. Osipova]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2015, pp. 95–102. (In Russian)
- 18 Markina L. V. Gendernye stereotipy dialektnoi kommunikatsii (na materiale brannykh nominatsii zhenshchin) [Gender Stereotypes of Dialect Communication (on the Material of Abusive Nominations of Women)]. In: *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian Studies and Comparative Studies. Collection of Scientific Papers on Philology]. Moscow, OOO “Knigodel” Publ., 2019, pp. 245–254. (In Russian)
- 19 Mirtov A. V. *Donskoi slovar'. Materialy k izucheniiu leksiki donskikh kazakov* [Donskoy Dictionary. Materials for the Study of the Vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-na-Donu, Tipografiia Kubpoligrafa Publ., 1929. Vol. 6. 416 p. (In Russian)
- 20 Potebnia A. A. *Mysl' i iazyk* [Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p. (In Russian)
- 21 *Ptitsa kak obraz, simvol, kontsept v literature, kul'ture i iazyke*. [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture and Language]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, pp. 306–320. (In Russian)
- 22 Sakharov I. P. *Skazaniia russkogo naroda: v 2 t.* [Legends of the Russian People: in 2 Vols.], comp. O. A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2013. Vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 23 *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia* [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia]. Saransk, N.P. Ogarev's National Research Mordovia State University, 1993. Vol. O–P. 320 p. Saransk, N. P. Ogarev's National Research Mordovia State University Publ., 2006. Vol. T–Ia. 252 p. (In Russian)
- 24 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments: in 3 Vols.]. St. Peterburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. Vol. 2. Part 2. 980 p. St. Peterburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1912. Vol. 3. Part 1. 910 p. (In Russian)
- 25 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects], ed. by F. P. Filin (Vols. 1–23), F. P. Sorokoletov (Vols. 24–46). Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 2. 361 p. Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 3. 360 p. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. 4. 366 p. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 8. 370 p. Leningrad,

- Nauka Publ., 1976. Vol. 11. 363 p. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 12. 367 p. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. 13. 358 p. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Vol. 16. 376 p. Leningrad, Nauka Publ., 1983. Vol. 19. 359 p. Leningrad, Nauka Publ., 1987. Vol. 23. 375 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 37. 415 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. Vol. 38. 372 p. (In Russian)
- 26 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. T. 1–29* [Dictionary of the Russian Language 11th–17th Centuries. Vols. 1–29]. Moscow, Nauka Publ., 1981. Vol. 8. 352 p. (In Russian)
- 27 Toporov V. N. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniakh etimologicheskogo analiza [On some Theoretical Foundations of Etymological Analysis]. In: *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Research on Etymology and Semantics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 19–40. (In Russian)
- 28 Uvarov N. V. *Entsiklopediia narodnoi mudrosti* [Encyclopedia of Folk Wisdom]. Moscow, Infra-Inzheneriia Publ., 2009. 583 p. (In Russian)
- 29 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986. Vol. 2. 672 p. (In Russian)
- 30 Formozov A. N. Melkie sinitsy taezhnykh lesov i znachenie v ikh zhizni urozhaev semian eli [Small Titmice of Taiga Forests and the Importance of Spruce Seed Yields in their Life]. In: *Zveri, ptitsy i ikh vzaimosvazi so sredoi obitaniia* [Animals, Birds and their Relationship with the Habitat], ed. and introd. by A. A. Nasimovich. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2010, pp. 118–127. (In Russian)
- 31 Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 Vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1993. Vol. 1. 622 p. (In Russian)
- 32 *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond. Vyp. 1–39* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Vols. 1–39], ed. by O. N. Trubacheva. Moscow, Nauka Publ., 1983. Vol. 9. 197 p. (In Russian)
- 33 Iakushevich I. V. Semantiko-semioticheskaiia model' simvola “pchela” [Semantic-semiotic Model of the Symbol “Bee”]. In: *Filologicheskii sbornik v chest' professora L. I. Osipovoi* [Philological Collection in Honor of Professor L. I. Osipova]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2015, pp. 161–172. (In Russian)
- 34 *Mańczak Witold. Polski słownik etymologiczny* [Polish Etymological Dictionary]. Kraków, 2017. 238 p. (In Polish)
- 35 Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictionary]. Praha, Leda Publ., 2009. 794 p. (In Czech)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

УДК 821.112.2(436).0

ББК 83.3(4Авс)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. А. Лошакова
г. Ульяновск, Россия

© 2022 г. Л. Е. Смирнова
г. Ульяновск, Россия

СЛАВЯНСКИЕ АЛЛЮЗИИ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.

Аннотация: Славянский нарратив австрийской литературы XIX в. был важной частью авторского мировосприятия и структуры текстов многих произведений. Это народные песни словенцев в обработке А. Грюна, аллюзии чешских и моравских преданий и легенд в творчестве А. Штифтера и М. Эбнер-Эшенбах. Австрийские писатели интуитивно отвергали дилемму «свой — чужой». Еще с детства художественный мир славянской культуры не был для них чужеродным, они активно были приобщены к нему. Это обстоятельство можно объяснить своеобразием эволюции Австрийской империи, сложившейся в процессе долгого исторического развития. В силу этого австрийская литература была открыта не только генетическому, языковому проникновению, но и восприятию других культурных пластов, связанных в частности со славянской мифологией. Словенскую семантику вводит в тексты А. Грюн (колядка как пожелание добра, голубка как символ любви, король Марко как народный защитник). Имплицитно обращается к чешским легендам А. Штифтер (Витико — справедливый правитель, Нива как выражение духа леса и мира). М. Эбнер-Эшенбах через структуру народной сказки повествует о нравах и проблемах моравской деревни.

Ключевые слова: нарратив, словенская народная поэзия, чешская легенда, славянская мифология.

Информация об авторах:

Галина Александровна Лошакова — доктор филологических наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9429-5505>

E-mail: lgalin7@mail.ru

Людмила Евгеньевна Смирнова — кандидат педагогических наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, площадь Ленина, д. 4/5, 432071 г. Ульяновск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7822-7940>

E-mail: piramida_ul@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.08.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Лошакова Г. А., Смирнова Л. Е. Славянские аллюзии австрийской литературы XIX в. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 214–223. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

Известно, что неотъемлемым элементом литературы Австрии был славянский нарратив, т. е. мотивы, аллюзии и реминисценции, ведущие читателя в художественный мир чешских, словенских, моравских легенд и преданий. Особенно это характерно для литературы XIX в., когда в Австрийскую империю входило множество земель и фактически стран, обладающих относительной экономической и культурной самостоятельностью. Историк А. А. Ждановская отмечает, что отношения между немецким населением и различными другими национальностями и народностями были не всегда равными, однако до конца XIX в. сохранялась определенная стабильность, позволяющая поддерживать равновесие в империи Габсбургов [3, с. 68].

В текстах многих немецкоязычных авторов, уроженцев Австрии, можно найти как прямое цитирование той или иной славянской легенды или предания: Ф. Грильпарцер «Либуша» (F. Grillparzer. “Libussa”, 1873), так и ассоциативный ряд мотивов и аллюзий, ведущих, как правило, к чешскому — А. Штифтер «Лес высокоствольный» (A. Stifter. “Der Hochwald”, 1842), «Витико» (“Witiko”), 1867) — или моравскому подтексту — Ф. фон Заар «Герман и Доротея» (“Hermann und Dorothea”, 1902). Поэтом, который непосредственно обращался к мотивам славянского фольклора, был и Антон Александер фон Ауэрсберг (Anton Alexander Graf von Auersperg; 1806–1876), известный в России под псевдонимом Анастасиус Грюн (Anastasius Grün). Сборники его стихотворений (“Blätter der Liebe”, 1830, “Spaziergänge eines wiener Poeten”, 1831) пользовались популярностью у австрийских читателей. К его излюбленным жанрам принадлежала и баллада: «Священник Каленберг (“Pfaff von Kahlenberg”, 1850), «Робин Гуд» (“Robin Hood”, 1864). А. Грюн¹ был членом Рейхсрата и отстаивал либеральные взгляды, в частности, борясь против конкордата церкви и государства.

Уже в силу своего происхождения (его отец владел поместьями в Нижней Карниоле в Словении) Грюн питал интерес к словенской народной поэзии. Он знал словенский язык, его наставником был известный словенский поэт Франс Прешерен. Первые переведенные им народные песни появились в различных стихотворных сборниках между 1837 и 1845 гг. В 1850 г. выходит отдельная книга под названием “Volkslieder aus Krain” («Народные песни Крайны»). Он, таким образом, впервые знакомит немецкоязычного читателя со словенской народной поэзией. По сей день переводы А. Грюна считаются образцовыми в передаче настроения, ритма, фольклорных образов.

Темы песен традиционны. Это народные праздники: «Новогодняя песня» (“Neujarslied”), «Праздник смородины» (“Ein Johannisfest”); красота девушки: «Мара» (“Mara”), «Минка» (“Minka”); анималистические образы. У Грюна, как правило, присутствуют прежде всего орнитологические: «Король Черный Дрозд» (“König Amsel”), «Голубка» (“Täubchen”), «Неясыть и Сова» (“Käuzchen und Eule”). Тема народного героизма связана в песнях из Крайны с турецким нашествием и освобождением от него: «Три брата» (“Drei Brüder”), «Король Марко» (“König Marko”), «Сестра Грегора Аленка» (“Gregors Schwester Alenka”).

«Новогодняя песня» в жанровом отношении представляет собой типичную колядку (слов. Koledinka), когда по дворам перед Рождеством ходят дети. Они славят

¹ В дальнейшем в статье — А. Грюн.

хозяев и желают им благополучия. В песне рассказывается о чудесной повозке с колыбелью, в которой лежит младенец, с чашей в руке. В чаше роза, на розе — птица, и она весело поет о том, чтобы «колыхалась нива и чтобы созревали пшеничные колоски». Пожелания связаны с образом младенца Христа, что способствует созданию радостной атмосферы светлой надежды на следующий год в хозяйстве крестьянина.

Und das Vöglein lustig singe
Und sich ins Getreide schwinge,
Daß das Weizenkörnlein springe [7]².

В стихотворении «Голубка» (“Täubchen”) автор обращается к любовно-брачной символике, связанной с голубем или голубкой [2, с. 516]. Здесь можно перевести так же как голубушка. Среди всех она, кажется, ничем не выделяется, те же самые «румяные щечки» (“...haben rote Wängelein”, «красные клювики» “...haben rote Schnäbelein”). Вопросы, задаваемые предполагаемым собеседником, и ответы на них лирического героя показывают, что он был в лесу ночью, что любит он только прекрасных голубок, поймал он одну из них и остался с ней ночью, и останется дальше с ней же. Ночь вносит дополнительный семантический элемент в стихотворение, это и поиски любви, и прекрасное таинство, и обретение счастья. Повторение словосочетания создает ритм, присущий шуточной народной песне, частушке.

Haben rote Wängelein,
Schöne rote Schnäbelein,
Bei der Nacht.
Nur die Täubchen liebt' ich fein,
Doch ein einzig's fing ich ein,
Bei der Nacht [8].

Анастасиус Грюн обрабатывает, как уже было указано выше, и множество песен, в которых отразилось турецкое нашествие. Они посвящены героям, мужественно боровшимся за свободу родины. Среди них Аленка, сестра Грегора. Сюжет содержит в самом начале разговор героини и молодого воина-турка, которого она выпрашивает о своем брате. Подробно она рисует его приметы, заостряя внимание на одежде и украшениях. Ведь семантическими маркерами героя всегда являются не только его красота, но и бытовые предметы и детали одежды.

Ein langes Oberkleid ihn hüllt,
So lang, daß bis zur Fers' es quillt,
Mit Blumen ist es ausgestickt,
Mit Seidenschnüren ist's geschmückt,
Ein rotes Käppchen ihn bedeckt,
Drei Federn sind darein gesteckt,
Drei Kranichsfedern mögen's sein.
Er führt ein blankes Säbelein,
So blank als wie der Sonnenschein
Und wie Schermesser scharf und fein;

² Пусть птичка весело поет и колышется нива, чтобы созревали пшеничные колоски. Здесь и далее перевод наш. — Г. Л., Л. С.

Inmitten eine Schlange liegt,
Und Feuer aus der Spitze fliegt,
In Schlangenblut ist es gestählt,
Die Türken hat sich's auserwählt [9]³.

Аленка переодевается в одежду, подобно той, которую носил Грегор. Происходит превращение, что свойственно народному фольклору, структуре народных песен. Снова повторяются приведенные выше строки. Девушка начинает мстить в стане воинов, турецкий король полагает, что это Грегор, о котором ему сообщали, что он погиб. И тогда снова происходит своего рода преобразование. Мужское начало отступает, женское проявляется. Аленка показывает свои черные косы и белоснежную грудь.

Sie zeigt schön schwarze Zöpfchen zwei,
Sie zeigt schön weiße Brüstlein zwei:

Ее победа заключается в том, что она бросает в лицо королю следующие слова:

Hat solche deine Kaiserin?
Hat solche deine Kaiserin? [9]⁴.

Два повторяющихся вопроса подчеркивают значимость «превращения». Аленка побеждает не только своей мужественностью, но и утверждает свое женское начало.

Аналогичные мотивы можно обнаружить в стихотворении «Король Марко» (“König Marko”). Следует отметить, что он является общенациональным героем всех славянских народов, бесстрашным и неустрашимым персонажем, о котором слагали песни, начиная с 1371 г., даты его гибели в бою против турецкого султана Мурада I. В стихотворении «Король Марко» он не только смелый воин, но и хитроумный стратег, умеющий держать в узде врагов. В тексте снова упомянуто имя Аленка, которая является, видимо, женой Марко, вместе с тем подчеркнуто ее турецкое происхождение: “ein schönes Türkenmägdelein”. При приближении турецкого войска король Марко просит Аленку сказать воинам, что его нет дома и он будет отсутствовать долго.

Es ist Jung Marko nicht zu Haus
Und kommt auch abends nicht nach Haus
Und bleibt wohl auch noch morgen aus [10]⁵.

Трижды следует данный повтор в структуре текста.

Хитрость Марко удаётся, его наточенная «сабелька» уничтожает всех турок. Одного же он жестоко ранит, сажает на коня и со своим собственным знаменем отправляет к турецкому королю. В песне автор воспроизводит атмосферу жестокости героического эпоса. Подробно останавливается он на характере ранений вражеского воина.

³ Длинный плащ покрывает его, длиною до самых пят, он вышит цветами, украшен шелковыми нитями, он носит красную шапочку, три пера вставлены в нее, они могут журавлиными. Он носит блестящую сабельку, искрящуюся, как солнечный луч и, как гильотинный нож, острую и красивую; посредине покоится змея, а из острия вылетает огонь, она закалена кровью змеи, она предназначена туркам.

⁴ Она показывает две черных косы, она показывает белоснежные груди: У твоей королевы есть такие? У твоей королевы есть такие?

⁵ Юного Марко нет дома, и вечером он не придет домой, и возможно, завтра его тоже не будет.

Zog unterm Tisch ihn vor hernach,
 Und seine Rippen ihm zerbrach,
 Und seine Augen ihm ausstach [10]⁶.

Раненый турок приезжает на коне ко двору своего короля и передает ему просьбу Марко, чтобы тот прибыл к нему сам, и тогда они смогут по-настоящему померяться силами.

Особое место в рецепции славянских тем и мотивов занимала Богемия. Как указывает А. А. Ждановская, существовала возможность создания единой политической «богемской» нации, в состав которой входили две ветви, немецкая и славянская, хотя со временем и происходила трансформация в две различных нации, чешскую и немецкую [3, с. 72]. В то же время повседневное сосуществование немцев с чехами было сравнительно спокойным вплоть до самого конца XIX в. [3, с. 72].

Одним из австрийских писателей, обращавшихся к художественному миру Богемии, был классик австрийской литературы Адальберт Штифтер (Adalbert Stifter, 1805–1868). В своем эпосе «Витико» он воспроизводит легенду о династии Витек или Витигонов, основателей города Чески Крумлов (нем. Krumau, чешск. Český Krumlov) и оставивших после себя символ Пятилепестковой розы. В 1173 г. Витико присутствовал якобы как посланник Южной Богемии на рейхстаге Фридриха Барабароссы. В произведении Штифтера он выступает как национальный австрийский герой, носящий славянское имя, способствующий миру и процветанию Праги и всей Богемии [4]. Следует отметить, что в романе как географические названия, так и имена отражают тот самый славянский «субстрат», который отмечал А. В. Михайлов, давая характеристику основным тенденциям развития австрийской литературы [5].

В произведениях Штифтера встречаются и фамилии, во многом значимые для истории города. Это Розенберги (Рожемберги), потомки Витико, и Шварценберги, много сделавшие для процветания Чески Крумлова. В «Записках из Баварского леса» Штифтер упоминает некоего Франца Ксавера Розенберга, в доме которого он неоднократно останавливался на отдых, подчеркивая при этом, что фамилия Розенберг была «хорошо известна». В этой же зарисовке автор вспоминает, что во время снежного шторма он останавливался в селении Шварценберг [12, S. 571]. Таким образом, автором создается культурно-географическое пространство, в котором соединяются реалии и топосы как австрийской, так и чешской действительности.

В рассказе «Лес высокоствольный» («Der Hochwald», 1842) одна из героинь, Иоганна, предстает неожиданно как образ легендарной княгини, матери Либуши, основательницы Праги. Сюжет повествования строится на рассказе, взятом из времен Тридцатилетней войны. Семья владельца замка Виттингсхаузен прячется в лесу, чтобы спастись от врагов. Иоганна и ее сестра, сидящие на конях, напоминают старому Грегору, сопровождающему их, некие сказочные или мифические существа. Иоганна, «словно эльф, подобно матери Либуши, сидела в белоснежном платье на белоснежной лошадке, которая несла свою ношу, как легкую пушинку между деревьями, словно лань, едва касаясь травы, то вскачь, то играя...» [11, S. 203]. В тексте Штифтера речь идет о Ниве, нимфе, которая передала свой пророческий дар дочерям. Таким образом в повествование вводится аллюзия из чешской легенды об основательнице Праги, Либуше, воспитанной своей матерью Нивой врачевательницей и пророчицей. Интертекстуально повествование соприкасается и с пьесой Ф. Грильпарцера «Либуша», который также

⁶ Затянул его под стол, и разрубил ему ребра, и выколол ему глаза.

разрабатывал сюжет об основании Праги, осмысляя при этом путь развития цивилизации, мирный или немирный его исход.

Штифтер, как и многие австрийские авторы XIX в., был также приверженцем идеи мирного развития и существования народов, объединенных одной государственной системой (в данном случае Австрийской империей). Он не случайно вводит в повествование легенду о горе трех тронов, стоящую на границе Богемии, Австрии и Баварии ('Dreisesselberg'). Следует высказать предположение, что легенда, видимо, в той или иной интерпретации существует и на чешском языке. Согласно ей на вершине горы на своих тронах сидели три короля: Богемии, Баварии и Австрии. Они же определили границы своих владений. Они жили и управляли мирно. Но однажды на берег озера пришли три человека и выловили несколько форелей (семантика огня, красные пятна возле рта рыб, пылающие искры на чешуе рыб). Возшла луна, и при ее свете люди попытались приготовить кушанье из форелей в своих котелках. Но вода становилась все горячее и горячее, начала кипеть, гул пронесся по деревьям, они словно бы падали, поднялся ветер. И все это случилось при ясном небе и тихой погоде. Из воды озера послышались голоса «Они не все дома, не все дома...». Испугавшись, люди выбросили форелей снова в воду. Так и просидели они в лесу целую ночь. На утро они все рассказали королям, и те моментально снялись с места, прокляли лес, так что и по сей день он стоит безжизненным [11, S. 232]. Равновесие природы может быть в одно мгновение разрушено, если человек будет враждебен к ней. Эта мысль Штифтера имплицитно выражает также призыв к миру, потому что из-за враждебности людей сразу три короля покидают свои земли. Троны опустели, лес сохнет и готов к гибели. В рассказе содержится семантика некоего предупреждения и предощущения катастрофы, не случайно нарратив вставлен в структуру повествования о Тридцатилетней войне.

Чешский и моравский хронотоп и соответствующие мотивы присущи и произведениям Марии Эбнер-Эшенбах (Marie Freifrau Ebner von Eschenbach, 1830–1916). Это австрийская писательница, популярность которой в конце XIX в. принесли психологические повести. Успех ее рассказов "Erzählungen" (1875) раскрыл настоящее писательское дарование, которое с еще большей силой проявилось в «Деревенских и поместных историях» ("Dorf- und Schlossgeschichten", 1883). К более объемным ее произведениям относятся повести «Приходское дитя» ("Das Gemeindegeld", 1888) и «Непогрешимый» ("Unsühnbar", 1890). Следует отметить тот факт, что с 1853 г. Эбнер-Эшенбах жила попеременно то в Вене, то, после замужества, — в Южной Моравии рядом с городом Цнайм в замке Клостербрук (чешск. Лука, Louka). Чешским же языком она владела с детства. Одной из важных тем в ее творчестве была тема моравского крестьянства. Действие ряда произведений писательницы разворачивается в селениях или маленьких городках Моравии («Крамбамбули», «Запрет», «Божена»). Живя то в поместье в Моравии, то в австрийской столице, Мария имела возможность изучить сразу два общественных слоя, изображаемых в ее произведениях: моравское крестьянство и австрийскую аристократию.

Рассказ «Запрет» М. Эбнер-Эшенбах строится на трансформации славянских легенд и преданий. Хронотоп сюжетного действия связан с бедной деревенькой «у пологого склона горной цепи Марс в Моравии» и богадельни, находящейся в ней. Эбнер-Эшенбах важно подчеркнуть общественно-социальный элемент разыгравшегося трагического действия. Как известно, писательница представляет реалистическую линию австрийской литературы. Обитатели богадельни представлены как асоциальные типы, участь которых predetermined с момента их рождения. Старый дед, которого

«слабость к непутевым детям ввергла <...> в нищету», бывший пастух, «ходячий хмель», Францка, которую «заставить работать... не было никакой возможности», ее больной сын Францко, обреченный воровать. Выделялась здесь сирота Миленка, смышленная бойкая девочка, «сатана в юбке» [6, с. 530].

В рамках деревенского хронотопа маркирован лес, «кормилец и место отдыха». «Лес <...> давал дрова, иногда дичь на жаркое, солому и корм для скота. Он был местом свидания для влюбленных, раздольем для любителей запретной охоты» [6, с. 531]. С лесом связаны были также и угрозы людям. Так новый лесничий запретил без разрешения входить в лес и разбивал крынки и кувшины собирателей земляники, если встречал их. Завязкой действия становится предложение Миленки к Францко пойти в лес за земляникой. После ряда авантур девочка крадет горшки у «ведьмы», старой беззубой старухи Викакулки. Здесь следует отметить, что вводится семантика славянской ведьмы. Она «чаще всего стара и безобразна, <...> иногда имеет телесные недостатки <...>. Ее можно опознать по поведению и характеру — одиноко живущая женщина, неприветливая, злобная <...> и т. п.» [1, с. 297]. Эту характеристику можно полностью отнести к старой Викакулке. О ней говорили, что она умеет «заклинать дьявола». «Многие видели, как она сидела на коньке своей крыши и что-то шептала. <...> ужас охватывал каждого, кто слышал это таинственное бормотанье» [6, с. 533]. Кроме того, одним из сюжетных элементов является то, что старая Викакулка прогоняет вначале Миленку, бросая в нее веник (ассоциация с метлой колдуньи). Как утверждают исследователи, изучающие славянский фольклор, «обнаружив следующего за ней человека, ведьма отправляет его обратно» [1, с. 301].

Однако типично «ведьминские черты» можно обнаружить и у самой Миленки, несмотря на ее обаяние и ум. Так, в одной из славянских традиций (лужицкой) распространен мотив о человеке, подсмотревшем за ведьмой и повторявшем ее колдовские действия. Один из эпизодов повествования связан как раз с тем, что Миленка следит за старухой. Следует отметить, что веник, брошенный старухой, застревает в волосах девочки и надолго там остается [6, с. 534]. В ходе повествования «ведьминская суть» проявляется в поступках девочки, отнявшей у Францко ягоду и оставившей его одного в лесу.

Горшок мальчика, брошенного Миленкой, разбивает лесничий. Кульминационный момент, когда мальчик подбирает черепки, предопределяет в дальнейшем атмосферу страха и ужаса. Францко видит повсюду глаза ведьмы, черная птица вспархивает навстречу ему. Он пытается спастись на дубе с изображением богородицы, но срывается с него и погибает. В его сознании снова на какой-то момент появляется ведьма. «Вот она нагоняет его, он уже видит рядом с собой ее вытянутую шею... О! Ее костлявая рука хватается за него, смертельный холод пробегает по его спине. Он чувствует, как его когти вонзаются в него, а вот и голова змеи у него под ногами, вон ее острый, как палочка, язык» [6, с. 538]. Борьба темного и светлого начал (не случайны последние слова мальчика «Святая дева Мария, ты — хорошая, ты добрая») заканчивается смертью героя. Черты ангела проступают в его облике. «От призрачного, бледного личика ее маленького друга словно исходило сияние» [6, с. 539], а выступившая кровь напоминала о ягоде, к которой были устремлены желания детей.

Эбнер-Эшенбах воспроизводит неоднократно повторяющийся сказочный сюжет о детях, потерявшихся в лесу, художественно воплощая его в стиле бидермейера (сентиментальный дискурс сироты, оставленного всеми и благословенного богом), при этом критически осмысляя его в рамках реалистического направления. Закономерен

негативно звучащий заголовок — «запрет». Необходимо учитывать также то обстоятельство, что хронотоп, имена героев, название леса и упоминание Моравии создают ту особую атмосферу, в которой ярко проявляется славянский компонент повествования Эбнер-Эшенбах.

Неотъемлемой частью текстов австрийской литературы в XIX в. становится славянский нарратив, выражающийся в рецепции тем и мотивов народной поэзии. А. Грюн создает свои стихи, основанные на переработке словенских фольклорных песен. А. Штифтер, опираясь на чешские легенды, включает в структуру своих текстов аллюзии, ведущие к славянскому художественному миру. Помимо этого, он создает эпическую идиллию государственного устройства, позволяющего мирно сосуществовать как немцам, так и чехам («Витико»). М. Эбнер-Эшенбах опирается в своем повествовании на аллюзии моравского и чешского фольклора («Запрет»). Славянская тема, вне зависимости от того, как она переосмыслена, остается важным компонентом повествовательной структуры художественных текстов австрийской литературы XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Ведьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Р. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 297–301.
- 2 *Гура А. В.* Голубь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Р. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 516–517.
- 3 *Ждановская А. А.* Современная зарубежная историография о чешско-немецком соседстве в конце XIX – начале XX в. // Историческая экспертиза. 2015. № 3 (4). С. 68–82.
- 4 *Лошакова Г. А.* Некоторые аспекты интерпретации романа А. Штифтера «Витико» // Вестник Нижегородского университета им. И. Н. Лобачевского. 2010. № 3–1. С. 340–346.
- 5 *Михайлов А. В.* Избранное: Феноменология австрийской культуры. Статьи и рецензии. URL: http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kultury/p1.php#metkadoc2 (дата обращения: 21.06.2021).
- 6 *Эбнер-Эшенбах М.* Запрет // *Эбнер-Эшенбах М.* Австрийская новелла XIX века / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1959. С. 528–539.
- 7 *Grün A.* Neujahrslied // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain01.html> (дата обращения: 22.06.2021).
- 8 *Grün A.* Täubchen // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain09.html> (дата обращения: 22.06.21).
- 9 *Grün A.* Gregors Schwester Alenka // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain40.html> (дата обращения: 24.02.2021).
- 10 *Grün A.* König Marko // *Grün A.* Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. VIII / Hrsg. von A. Schlossar. Leipzig, 1908. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain42.html> (дата обращения: 24.02.2021).
- 11 *Stifter A.* Der Hochwald // *Stifter A.* Studien. München: Winkler, 1979. S. 181–276.
- 12 *Stifter A.* Aus dem Bayerischen Walde // *Stifter A.* Die Mappe meines Urgrossvaters. Schilderungen. Briefe. München: Winkler, 1986. S. 567–596.

© 2022. Galina A. Loshakova
Ulyanovsk, Russia

© 2022. Lyudmila E. Smirnova
Ulyanovsk, Russia

SLAVIC ALLUSIONS OF THE AUSTRIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY

Abstract: Slavic narrative of the Austrian literature of the 19th century was an important part of the author's worldview and the structure of the texts of many works. These are folk songs of Slovenes arranged by A. Gruen, allusions of Czech and Moravian legends and tales in the works of A. Stifter and M. Ebner-Eschenbach. Austrian writers intuitively rejected the “friend — foe” dilemma. Since childhood, the artistic world of Slavic culture was not alien to them, since they were actively attached to it. This circumstance can be explained by the peculiarity of the evolution of the Austrian Empire, which developed in the course of a long historical development. Because of this, Austrian literature was open not only to genetic and linguistic penetration, but also to the perception of other cultural layers, in particular, those associated with Slavic mythology. Slovenian semantics is introduced into the texts by A. Gruen (a Christmas carol as a wish for good, a dove as a symbol of love, King Marko as a public defender). A. Stifter implicitly refers to the Czech legends (Vitiko is a just ruler, the Field as an expression of the spirit of the forest and the world). Ebner-Eschenbach tells about the morals and problems of the Moravian village through the structure of a folk tale.

Keywords: Narrative, Slovenian Folk Poetry, Czech Legend, Slavic Mythology.

Information about the authors:

Galina A. Loshakova — DSc in Philology, Ulyanovsk State Pedagogical University, Lenin Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9429-5505>

E-mail: lgalin7@mail.ru

Lyudmila E. Smirnova — PhD in Pedagogy, Ulyanovsk State Pedagogical University, Lenin Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7822-7940>

E-mail: piramida_ul@mail.ru

Received: June 30, 2021

Approved after reviewing: August 15, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Loshakova G. A., Smirnova L. E. Slavic Allusions of the Austrian Literature of the 19th Century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 214–223. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-214-223>

REFERENCES

- 1 Vinogradova L. N., Tolstaia S. M. Ved'ma [The Witch]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], ed. by R. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1: A–G, pp. 297–301. (In Russian)

- 2 Gura A. V. Golub' [The Dove]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskie slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], ed. by R. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1: A–G, pp. 516–517. (In Russian)
- 3 Zhdanovskaia A. A. Sovremennaiia zarubezhnaia istoriografiia o cheshsko-nemetskom sosedstve v kontse 19 – nachale 20 v. [Modern Foreign Historiography about the Czech-German Neighborhood in the Late 19th – early 20th Century]. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2015, no 3 (4), pp. 68–82. (In Russian)
- 4 Loshakova G. A. Nekotorye aspekty interpretatsii romana A. Shtiftera “Vitiko” [Some Aspects of the Interpretation of A. Stifter's Novel “Vitiko”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. I. N. Lobachevskogo*, 2010, no 3–1, pp. 340–346. (In Russian)
- 5 Mikhailov A. V. *Izbrannoe: Fenomenologiiia avstriiskoi kul'tury. Stat'i i retsenzii* [Favorites: The phenomenology of Austrian culture. Articles and reviews]. Available at: http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kul'tury/p1.php#metkadoc2 (Accessed 21 June 2021). (In Russian)
- 6 Ebner-Eshenbakh M. Zapret [Prohibition]. In: Ebner-Eshenbakh M. *Avstriiskaia novella 19 veka* [The Austrian Novella of the 19th Century], trans. from Germany. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959, pp. 528–539. (In Russian)
- 7 Grün A. Neujahrslied [New Year's Song]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*, ed. by von A. Schlossar. Leipzig, 1908. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain01.html> (Accessed 22 June 2021). (In Germany)
- 8 Grün A. Täubchen [Dove]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain09.html> (Accessed 22 June 2021). (In Germany)
- 9 Grün A. Gregors Schwester Alenka [Gregory's Sister Alenka]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain40.html> (Accessed 24 February 2021). (In Germany)
- 10 Grün A. König Marko [King Marko]. In: Grün A. *Volkslieder aus Krain. Sämtliche Werke. Bd. 8*. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/gruen/krain/krain42.html> (Accessed 24 February 2021). (In Germany)
- 11 Stifter A. Der Hochwald. In: Stifter A. *Studien*. München, Winkler, 1979. S. 181–276. (In Germany)
- 12 Stifter A. Aus dem Bayerischen Walde. In: Stifter A. *Die Mappe meines Urgrossvaters. Schilderungen. Briefe*. München, Winkler, 1986. S. 567–596. (In Germany)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-224-237>

УДК 821.162.1.0+821.162.3.0

ББК 83.3(4Чея)6+83.3(4Пол)7

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Л. Н. Дмитриевская
г. Москва, Россия

**ДРАМЫ ЧЕХОВА КАК ОБРАЗНАЯ ОСНОВА
ПЬЕС «ЛЮБОВЬ В КРЫМУ» СЛАВОМИРА МРОЖЕКА
И «УХОД» ВАЦЛАВА ГАВЕЛА**

Аннотация: В основе пьес Славомира Мрожека «Любовь в Крыму» (1993) и Вацлава Гавела «Уход» (2007) лежат темы и образы пьес А. П. Чехова. Славянские драматурги портретируют стиль Чехова, наполняют свои пьесы прямыми цитатами, реминисценциями и аллюзиями из его пьес. В данной статье прослеживаются связи «Любовь в Крыму» Мрожека и «Ухода» Гавела с чеховскими пьесами «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад». «Три сестры» и «Вишневый сад» Чехова стали основой для создания пьесы Мрожека «Любовь в Крыму». В первом акте пьесы (1910 г.) воссозданы атмосфера чеховской драмы, некоторые чеховские герои, стиль русского драматурга, а в последнем акте (1990-е гг.) чеховские образы трансформированы и свидетельствуют о разрушении русской жизни и культуры. Вацлав Гавел в пьесе «Уход» опирается преимущественно на образы и символы «Вишневого сада» Чехова, перенесенные в XXI в. и политически заостренные под новые реалии. Ключевым окажется образ времени: Мрожек и Гавел обращаются к чеховской драматургии с тем, чтобы, во-первых, показать и связь времен, и различия между эпохами рубежа XIX–XX и XX–XXI вв., во-вторых, отразить в исторической перспективе конфликт нравственного и потому одинокого человека и прагматичного мира. Герои Мрожека и Гавела в сопоставлении с чеховскими свидетельствуют о степени деградации современного мира и человека.

Ключевые слова: Чехов, Мрожек, Гавел, драма, портретирование стиля, стиль Чехова, реминисценции, образ времени, образ эпохи.

Информация об авторе: Лидия Николаевна Дмитриевская — доктор филологических наук, доцент, Литературный институт им. А. М. Горького, Тверской б-р, д. 25, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8074-846X>

E-mail: 1332159@gmail.com

Дата поступления статьи: 30.01.2021

Дата одобрения рецензентами: 13.03.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Дмитриевская Л. Н. Драммы Чехова как образная основа пьес «Любовь в Крыму» Славомира Мрожека и «Уход» Вацлава Гавела // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 224–237.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-224-237>

Драматургию XX в. справедливо называют «чеховской», потому что она пошла тем путем, который указал русский классик: неявность конфликта — первые режиссеры сравнили его с «подводным течением», внутреннее действие, почти полностью вытесняющее внешнее, экзистенциальные вопросы, акцент на смыслообразующих деталях, стремление этих деталей к бесконечности символа и пр. Пьесы А. П. Чехова не только стали образцом для подражания и выстраивания новой драматической системы, но и кладезем цитат. В XX в. количество аллюзий, реминисценций, парафразирования, пародий и т. п. на Чехова больше, чем на какого-либо иного драматурга. В советской и современной русской драматургии на парафразировании чеховских пьес строили художественный мир своих произведений Л. Петрушевская «Три девушки в голубом» (1980), Н. Коляда «Чайка спела (Безнадега)» (1989), А. Слаповский «Мой вишневый садик» (1993), Ю. Кувалдин «Ворона» (1995), Б. Акунин «Чайка» (2000), М. Гаврилова «Три сестры и дядя Ваня. Бенефис для артисток ненадобного возраста» (2001), К. Костенко «“Чайка” А. П. Чехова (remix)» (2002), А. Зензинов и В. Забалуев «Поспели вишни в саду у Дяди Вани» (2006), и это далеко не полный список — здесь только те, чье название позволяет нам не комментировать выбор пьесы. Связи этих авторов с Чеховым посвящено немало статей, и уже написано несколько диссертаций [3; 4; 12; 13; 16; 20; 24]. Возможно, что такое внимание к драматургии Чехова отчасти провоцирует Международный театральный фестиваль А. П. Чехова, который проходит в Москве с 1992 г. Заметно, что наибольший интерес русских драматургов привлекли «Чайка» и «Вишневый сад» с их проблемами творческой самореализации человека, эгоистичности одних и жертвенности других, невозможности личного счастья, трагичности в ощущении уходящего времени.

В переосмысление «Чайки» включился Тенниси Уильямс, давший свою трактовку чеховским образам в пьесе «Дневник Тригорина» (1980). Ее часто упоминают в исследованиях рецепции пьес Чехова, но отдельной работы, посвященной пьесе американского драматурга, пока нет. Написаны две диссертации о рецепции пьес Чехова в немецкоязычных странах [1; 19].

В своем интересе к теме чеховских традиций и реминисценций исследователи-филологи мало уделили внимания славянской драматургии [9], у которой связи с русской культурой и литературой во много раз сильнее, нежели на Западе. К тому же герои Чехова с их метафизическими вопросами и бездействием в критические моменты жизни славянскому читателю и зрителю более понятны, чем прагматичным европейцам и американцам, которым такое поведение может казаться абсурдным. Недаром именно на Западе пьесы Чехова называли драматургией абсурда — вероятно, европейцам трудно поверить, что так можно жить: Штольц никогда не поймет Обломова.

Обратимся к пьесам польского драматурга Славомира Мрожека «**Любовь в Крыму**» (1993, перевод Леонарда Бухова) и чешского драматурга Вацлава Гавела «**Уход**» (2007, перевод Ольги Луковой) с тем, чтобы понять, какие пьесы Чехова, как и зачем используют эти драматурги для выстраивания образной системы названных произведений. Аллюзии, реминисценции на драмы Чехова есть во многих пьесах Мрожека и Гавела, но для анализа взяты именно те, где чеховская драматургия стала фундаментом для построения сюжета, развития конфликта, действия, ключевой авторской идеи.

В пьесе Славомира Мрожека «Любовь в Крыму» много отсылок (прямых цитат, аллюзий, реминисценций, пародий...) к Шекспиру и русской драматургии, но именно

пьесы Чехова становятся основой, на которой выстраивается вся идейная сторона пьесы Мрожека: безвозвратно уходящее время, история XX в. как путь к пустоте... В пьесе три акта, охватывающих 80 лет — «каждого из них вполне хватило бы на отдельную пьесу»¹. Первый акт — 1910 г. — эпоха воссоздается через портретирование [15] стиля чеховских пьес, этот акт по-чеховски импрессионистичен и лиричен. Второй акт — 18 лет спустя, т. е. 1928 г., — воссоздается в стиле и атмосфере комедий времени НЭПа. Третий акт — 1990-е гг.: сатира, абсурд и сюрреализм. Единственное, что объединяет все времена в России (по Мрожеку), — дорога, поезд, чемоданы: люди куда-то едут или собираются уехать, все время чего-то ждут и живут с чемоданом — и это тоже чеховский мотив. Словно новое пространство должно спасти от времени: от времени как эпохи, от бессмысленно проходящей жизни... Сам Мрожек, эмигрант, пишет эту пьесу в Мексике.

Чешский драматург Вацлав Гавел в 2007 г. (спустя 4 года после ухода с поста президента Чехии) написал пьесу «Уход»² о том, как оставивший пост канцлер теряет государственную виллу и все имущество, оказавшееся подотчетным. Чеховские мотивы и образы в пьесе Вацлава Гавела проявляются не сразу — они начинают все более явно просвечивать сквозь основное действие, как только над семьей бывшего канцлера Ригера нависает угроза выселения из правительственной виллы с вишневым садом.

У Мрожека и Гавела не так много реминисценций из «**Чайки**». В пьесе «Любовь в Крыму» Мрожека реплики актрисы Лили Карловны перекликаются с репликами Нины Заречной и Аркадиной (часть из них будет процитирована далее); центральный фрагмент декорации первого и второго акта («Вид на балкон и **перспектива, до самого горизонта**» [18]) напоминает декорацию к первому действию «Чайки» и спектаклю Треплева, в которых доминирует похожий пейзаж, только вместо озера у Мрожека море. В пьесе «Любовь в Крыму» есть небольшой диалог, в котором тоже узнается Треплев:

ЗАХЕДРИНСКИЙ (к Чельцову). Вы спите хорошо?

ЧЕЛЬЦОВ. Конечно. А что?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. А вот я не очень. По ночам в кустах **молодые офицеры стреляются**, ну и будят.

ЛИЛИ. Из-за любви?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Некоторые из-за любви, но чаще всего — из-за своего **декадентства**.

<...> СЕЙКИН. Сменим тему.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Отчего же? Самоубийство — дело обычное, человеческое [18].

В «Уходе» Гавела лишь пустая бутылка («ОСВАЛЬД едва удерживается от смеха, быстро убирает со стола ненужные вещи, **пустую бутылку**» [6, с. 107]) может намекать на связь с «Чайкой»: «У него на плотине блестит **горлышко разбитой бутылки** и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова...» (из реплики Треплева) [22, т. 13, с. 55].

К аллюзиям на «Чайку» в обеих пьесах можно отнести частое цитирование Шекспира, прежде всего «Гамлета».

Так же совсем немного отсылок к «**Дяде Ване**» Чехова. В пьесе Гавела «Уход» это детали декорации спектакля: сад, садовая мебель, качели. В самой пьесе можно

¹ В автобиографии «Валтасар» (2009) Мрожек вспоминает: «В 1993 году я написал “Любовь в Крыму”, пьесу в 3 актах — каждого из них вполне хватило бы на отдельную пьесу» [17].

² Шерлаимова С. А.: «...более адекватным кажется перевод “Как уходят” или “Так уходят”, потому что чешское слово означает сам процесс, а не факт и, кроме того, в русском уходе может послышаться еще и уход за больным, чего в чешском нет совсем» [23, с. 10].

обнаружить лишь некоторые аллюзии на «Дядю Ваню», которые, впрочем, могут оказаться натяжкой пристрастного исследователя, как и отмеченная выше бутылка. В пьесе Мрожека «Любовь в Крыму» (3 акт: 1990-е гг.) реминисценции не вызывают сомнений: главный герой Иван Николаевич Захедринский панибратски именуется неким 27-летним Петей дядей Ваней. Дядя Ваня конца XX в. по-своему тянется к лесу, но ассоциативное поле слова лес в XX в. несколько расширилось:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Я, Петя, сидел на Севере с одним экономистом. Валим мы с ним лес, под конвоем, само собой... <...>

ПЕТЯ. Что же вы теперь собираетесь делать, дядя Ваня?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Пока не решил. **Вернусь в тайгу**, скорее всего.

ПЕТЯ. В тайгу? Да вы только-только выбрались оттуда!

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Зато теперь вернусь как свободный человек. Здесь мне, Петя, делать нечего. Все поменялось, и все мне не по душе.

ПЕТЯ. Тайги больше нет.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Как же это возможно, — нет тайги. Что ты несешь, сынок?

ПЕТЯ. Всю тайгу Коля вырубил.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Какой такой Коля?

ПЕТЯ. Коля — мой дружок. Вырубил и экспортировал к японцам.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Не может быть! Всю тайгу? **Раньше смогли только вишневый сад вырубить, а теперь всю тайгу...** Ну и ну... [18].

Мотив вырубленного вишневого сада в первом акте пьесы «Любовь в Крыму» сходится с проблемой вырубаемых лесов в «Дяде Ване» и получает современный разворот.

«Три сестры» Чехова стала основой для создания первого акта (1910 г.) в пьесе Мрожека «Любовь в Крыму». Прежде всего, воссоздана атмосфера чеховской драмы: на сцене много людей, они пьют чай из самовара с вареньем и ведут разговор. Разговор как бы ни о чем: вера и неверие, беспокойно на Балканах, монголо-татарское иго, железные дороги, японский веер, славянская душа и т. п. — каждая реплика и многозначна и пуста, потому что уже следующая переключает на другое, тоже не задерживаясь в разговоре, ведь каждый герой по-чеховски сконцентрирован на себе. Разговор выходит и на метафизические вопросы, порой в приземленном, пародийном виде: «Как же это так, господа, если ничего не происходит, а все свершается» [18]. Словом Мир Мрожек сохраняет самые узнаваемые особенности чеховской драматургии: отсутствие внешней борьбы, источник несчастья героев — повседневная, будничная жизнь и время, у каждого своя внутренняя драма, не развернутая в действие и не перерастающая в зримый конфликт. Не случайно рецензия на первую постановку пьесы «Любовь в Крыму» в России (реж. Роман Козак) называлась «Поставив Мрожека, во МХАТе отлично сыграли Чехова» [11].

В эту чеховскую атмосферу в качестве внесценических персонажей включены главные героини «Трех сестер»:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Попробуйте угадать, Татьяна Яковлевна, кого мы встретили по дороге.

ТАТЬЯНА. Очень интересно.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Сестер Прозоровых.

ТАТЬЯНА. Всех трех?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Да. Мы зашли на вокзал, чтобы купить газету, а они там, на перроне. Уезжают.

ТАТЬЯНА. В Москву?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Куда же еще.

ТАТЬЯНА. Наконец-то.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. А по-моему, это дурной знак. Пока они только собирались, в природе сохранялось какое-то равновесие. Ну, может, не в природе, но в России. Все собирались, собирались, да не уезжали. А вот теперь, когда они все же решились, это означает, что непременно что-то случится.

ЧЕЛЬЦОВ. Что?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. В том-то и дело, что никто этого не знает. Но что-то случится обязательно [18].

Однако сестры опять никуда не уехали. В финале первого акта их возвращение Захедринский видит с террасы:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. А на извозчике сестры Прозоровы. Возвращаются с вокзала.

ЧЕЛЬЦОВ. Не уехали, стало быть, в Москву?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. По-видимому, нет.

ЧЕЛЬЦОВА. Ну и хорошо, да с какой им стати куда-то ехать [18].

В первом явлении Мрожек напоминает о вере чеховских героев в то, что через сто, двести лет жизнь будет лучше, главное, надо трудиться: «ТАТЬЯНА. Не сразу, а через сто, двести лет... Сейчас повсюду зло и несправедливость, но через сто, двести лет человек станет лучше, прекраснее... Все зависит от нас. Только надо работать, работать, работать...» [18]. В категоричности этих реплик в пьесах Чехова и Мрожека чувствуется какое-то отчаянное заклинание хаоса и пустоты. Они звучат как заговор: в них слышен неявный, но императив, они построены на многократных повторах слов. В 3 акте (прошло почти 80 лет) Мрожек показывает, каков этот «прекрасный» человек нового типа: хамская речь, отсутствие ценностей, кроме денег, он цинично продает за границу свою страну, включая лес и женщин... Угадываемый в начале XX в. «грядущий хам» [14] процветает, держит мир в своих руках³. Появится этот образ и в пьесе Вацлава Гавела «Уход».

В первом акте Мрожеку удалось передать чеховскую атмосферу застоя, пассивного ожидания, желания перемен. Приведем полностью диалог первого акта, в котором хорошо показано настроение чеховских героев, мастерски «списан» стиль Чехова и в котором пьеса «Три сестры» передает сюжетобразующую и символическую функцию «Вишневого сада»:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Ну и что? Еще сыграете. **Впереди у вас целая жизнь.**

ЛИЛИ. Я вообще ничего не сыграла, **все только хотела.**

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Совсем ничего?

ЛИЛИ. Какие-то жалкие рольки, не заслуживающие внимания. И **вечно только ждать**, улыбаться, делать вид, что ты великая актриса. А театр... Вы не знаете, что там за жизнь.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Знаю.

ЛИЛИ. **Ждать...** А **чего жду я**, Иван Николаевич?

ЗАХЕДРИНСКИЙ. **Все мы чего-нибудь ждем.**

ЛИЛИ. **Но я, чего жду я?** <...> **дни тянутся, а годы летят.** Вы хоть знаете, сколько мне лет?

ВОЛЬФ (встает). Лилиана Карловна, мы опоздаем на поезд.

ЛИЛИ (прячет платок). Уже иду, Рудольф Рудольфович.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Куда же вы отсюда поедете?

³ Еще раз напомним о статье Р. В. Зиновьевой «Конфликт интеллигента и хама в пьесах С. Мрожека “Танго” и А. П. Чехова “Вишневый сад”» [9].

ЛИЛИ. В одно имение, в Тульской губернии. Помещице Раневской нужен кто-нибудь, чтобы читать ей стихи.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. В Тульскую? Далековато.

ЛИЛИ. Там есть вишневый сад...

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Что же вы намерены делать в том саду.

ЛИЛИ. Ждать, вдруг что-то произойдет [18].

Образом грядущих в истории России перемен стал «Вишневый сад». Предыдущий диалог прерывает разговор купеческой четы Чельцовых — он усиливает трагический мотив вишневого сада:

ЧЕЛЬЦОВА. Боже мой, куда же опять...

ЧЕЛЬЦОВ. В Тульскую губернию. Продают.

ЧЕЛЬЦОВА. Кто продает, что продают...

ЧЕЛЬЦОВ. Вишневый сад.

ЧЕЛЬЦОВА (с подозрением). Вправду продают?

ЧЕЛЬЦОВ (читает телеграмму). «Раневская оставляет имение и переселяется в город.

Продает вишневый сад. Выезжай тотчас». Подписано: Ермолай Алексеевич Лопахин.

ЧЕЛЬЦОВА. А кто такой этот самый Лопахин?

ЧЕЛЬЦОВ. Ермолка Лопахин, мой компаньон.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. А на что вам этот сад?

ЧЕЛЬЦОВ. Как на что, сад вырубим, а землю опять продадим. Дело выгоднейшее.

ЗАХЕДРИНСКИЙ. А не вырубать нельзя?

ЧЕЛЬЦОВ. Рассуждаете как дитя малое. Матреша, собирай саквояж [18].

К узнаваемым чертам стиля Чехова можно отнести частые повторы⁴, в том числе повторы в репликах героев. Мрожек портретирует эту черту стиля Чехова, эхом повторяя ключевые слова: в приведенном фрагменте — это ждать, сад (вишневый сад), продавать... Польский язык позволяет передать и чеховскую структуру предложения, его лаконичные, эллиптические фразы и эмоциональные инверсии. «Славянские языки сохранили много общих свойств в структуре предложения. <...> Помимо нейтрального, немаркированного порядка слов, выполняющего чисто декларативную функцию, существует также множество экспрессивных вариантов и сознательных инверсий, более резких и в то же время утонченных» [25, с. 34–35]. Перевод Ольги Луковой сохраняет грамматику предложения в пьесе Мрожека.

Образ вишневого сада у Мрожека сквозной: он проходит через все три акта: в первом акте герои собираются ехать к Раневской и Лопахину, во втором акте узнаем, что не все доехали, а в третьем акте потеря вишневого сада кажется мизерной по сравнению с вырубленной тайгой. Количество повторов слова «продавать» в приведенном выше диалоге соотносится с масштабом продаваемого через 80 лет — все будет продано.

Славомир Мрожек в дневнике подводит итог чеховской линии в своем творчестве: «Прихожу к мысли, что корни того, что сейчас происходит, ведут к тому, что было тогда (на рубеже XIX–XX вв. — Л. Д.). Прежде всего Чехов писал о закате определенного мира, и мы живем во времена заката. Он что-то чувствовал, и мы что-то ощущаем. Что-то тогда случилось и сейчас намечается. В итоге я позаимствовал настроение, тональность и ритм» [26, с. 345–346].

⁴ Лингвист Н. А. Кожевникова в отдельных параграфах книги «Стиль Чехова» [10] выделяет и анализирует следующие виды повторов у Чехова: повтор ситуации, повтор характеристик, повтор как способ характеристики персонажей, повтор реплик, повтор с отрицанием, звуковые повторы.

Вацлав Гавел в пьесе «Уход» (2007) опирается преимущественно на образы и символы «Вишневого сада» Чехова. Главный герой Ригер, бывший канцлер, уходит с поста, и его с семьей выселяют из виллы с вишневым садом. Ригер — чеховский персонаж и шекспировский Король Лир; его все вокруг хотят видеть инфантильным: мать и жена окружают навязчивой заботой, дочери решают, где ему жить, заместители разбирают его документы и вещи, а он только рефлексирует, дает интервью, однако отказывается поддерживать новое правительство. Раневская тоже не может принять новый мир с дачами вместо усадьбы. С Раневской Ригера связывает бездеятельность, пассивность и некоторая инфантильность, которые приводят к потере дома, сада, основ жизни.

Первые узнаваемые чеховские образы, которые ближе к финалу будут звучать все более настойчиво, даже навязчиво, — это сад и вишни: «РИГЕР. <...> Здесь у нас только вишни...» [6, с. 96]; «Входит БАБУШКА с корзинкой, полной вишни» [6, с. 107]; «БАБУШКА. Вилем! Вилем! Где ты? У нас яйца готовы, со свежей вишней!» [6, с. 116], и др. Некоторые реплики — прямые цитаты из «Вишневого сада»: «БАБУШКА. В этом году будет много вишни! Что мы будем с ней делать? КНОБЛОХ. Когда я был маленьким, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили. И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая...» [6, с. 107]; «ОСВАЛЬД (ГАНУШУ). Бывало, сушеную вишню возами отправляли в Харьков!» [6, с. 125]. Есть в повторе слова «вишня» и горькая ирония Гавела: «КНОБЛОХ. Не хотите вишню для камина? Она сказочно горит!» [6, с. 129]. Вишня стала древесиной. Реплика произносится на фоне даже не стука топора, как в «Вишневом саде», а под звук бензопилы (мир технически развивался): «За сценой слышен звук бензопилы и падающего дерева» [6, с. 121, 123, 126, 128], «За сценой ржет конь⁵, слышен звук бензопилы и падающего дерева» [6, с. 126, 127]. Эти ремарки в 5 действии повторяются 9 раз, иногда по 2 раза на странице.

К 4 и 5 действию чеховский мир, как сюрреалистическое наваждение, прорастает все больше: в доме появляется герой «Вишневого сада» (у Гавела внесценический персонаж) и все навязчивее повторяются образы чеховской драматургии:

ИРЕНА. Это шампанское я пятнадцать лет назад привезла из Парижа. Мы с Джеком Лангом купили его на бульваре Сен-Жермен. Он очень его любил, особенно двадцать второго года, октябрьский сбор. (ОСВАЛЬДУ.) Что ты смеешься?

ОСВАЛЬД. Епиходов бильярдный кий сломал!

ИРЕНА. Зачем же здесь Епиходов? Кто ему позволил на бильярде играть? Не понимаю этих людей...

ОСВАЛЬД едва удерживается от смеха, быстро убирает со стола ненужные вещи, пустую бутылку и прочее, ставит все на поднос, кланяется и уходит в дом. БАБУШКА показывает всем вишню [6, с. 107].

Виллу отнимает у бывшего канцлера его заместитель Властик Кляйн (образ, уподобленный в пьесе Лопахину, но характер одноплановый): он бывший замести-

⁵ Деталь «ржет конь», повторенная многократно, не из Чехова. Образ коня — это возможная аллегория народа, при этом наездник в скульптуре и живописи нередко является аллегорией правителя. Эти смыслы в Чехии легко прочитываются, поскольку данная аллегория обыграна в центре Праги в двух памятниках чешскому князю и святому Вацлаву: на Вацлавской площади стоит классическое, героическое, патриотическое изваяние, а пародия на него 1999 г. — Вацлав на дохлом коне ногами кверху — размещена в торговом центре «Люцерна», который в 1907–1921 гг. построил архитектор Вацлав Гавел, дед драматурга. Не сложно понять, что этот конь символизирует народ и в работе скульптора Давида Черного читается обращение к власти.

тель Ригера, а после его ухода встал у власти. Кляйн покупает государственную виллу, переводит ее в личную собственность, чтобы зарабатывать деньги на новом проекте: «КЛЯЙН. Здесь, где сейчас находится неприбыльный сад, мы построим торгово-развлекательный центр среднего размера. Там будет три кинотеатра, пять магазинов, массажный салон, парикмахерская, бутик, редакция “ТЬФУ”, мясная лавка, бензоколонка, танцевальный зал, салон тату, кино, антиквариат, мясная лавка, редакция “ТЬФУ” и три ресторана, включая тайский. Вон там, во флигеле, будет казино. В наше время без этого немислимо. <...> КЛЯЙН. У меня есть хороший человек для руководства бильярдным залом, его зовут Епиходов. И, наконец, там, в доме, будет современный эротический клуб» [6, с. 122]. Эта уготованная вишневному саду судьба — отсылка уже не только к Чехову, но и к циничному современному миру Мрожека: именно в 3 акте пьесы «Любовь в Крыму» «лучшие люди» через без малого сто лет продают не только древесину, землю, но и женщин.

Образ Кляйна связан и с Лопахиным, и с лакеем Яшей — он тот самый грядущий хам, которого провидели на рубеже XIX–XX вв. и о котором писал Д. С. Мережковский: «...воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт...» [14, с. 190]. Чехов не любил символистов, и в частности Мережковского с его религиозной философией, но в этом предчувствии они сошлись: Наташа в «Трех сестрах», лакей Яша и отчасти Лопахин в «Вишневом саде» — прообразы такого хама.

Дед, дядя и отец Вацлава Гавела — известные в Чехии архитекторы⁶, поэтому тема строительства была близка драматургу и уже возникала в его творчестве вместе с образом архитектора. Так, в пьесе «Реконструкция» (1988) жители маленького старинного городка протестуют против его реконструкции. Молодой архитектор Альберт, житель этого городка, говорит: «...города — те, в которых можно жить, — складывались веками, как часть природы, в них вложен труд многих поколений и опыт, полученный по наследству или накопленный десятилетиями <...> Просто хотел сказать, что все это нельзя одним мановением руки смести, как старый хлам, и заменить голым рационализмом» [5, с. 371].

В финале «Ухода» Гавела, как и в «Вишневом саде», на сцене собраны чемоданы — героини готовятся оставить уже проданную государством виллу, бабушка продолжает переживать насчет вишен («Мне нарвать еще вишни в дорогу?» [6, с. 119]), все время слышен «звук бензопилы и падающего дерева», в итоге слуга Освальд, которого забывают одного в доме, почти буквально произносит финальную речь Фирса: «Уехали! Про меня забыли! А барин, небось, шубы не надел, в пальто поехал? Жизнь-то прошла, словно и не жил. Я полежу. Силушки-то у меня нету. Точно без шубы уехал. Ничего не осталось, ничего...» [6, с. 129]. Но у Гавела это не финал: «ГОЛОС. Один друг советовал мне на этом закончить пьесу. Как чеховский “Вишневый сад”. Но мне кажется, что тут еще чего-то не хватает. Так что я прошу прощения у друга-советника...» [6, с. 129]. Реплики ГОЛОСА, который по ходу действия от лица автора комментирует действие, игру актеров, поясняет сложности, с которыми сталкивается драматург, напо-

⁶ Интересно отметить, что самый знаменитый в Праге торгово-развлекательный центр «Люцерна», первое в Праге железобетонное здание возле Вацлавской площади, с магазинами, кинотеатром, ресторанами и кабаре, построил Вацлав Гавел — дед писателя. Отец писателя на холмистом берегу Влтавы построил целый квартал фешенебельных вилл, а дядя рядом воздвиг киностудию Баррандов, на которой снимались многие знаменитые фильмы, даже получившие «Оскар», например, «Поезда под пристальным наблюдением» (“Ostře sledované vlaky”) по Богумилу Грабалу (реж. Иржи Менцель).

минают иронические размышления Чехова о драме в письмах и дневниках⁷. Вспомним высказывание Чехова о «подлых» концах в драме: «Кто изобретет новые концы для пьес, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет»⁸.

Мрожек тоже обыгрывает высказывания Чехова о драме, например, такое: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него»⁹. В первом акте «Любви в Крыму» на стене висит ружье и назойливо лезет в глаза одному из героев (автор даже специально оговаривает это в ремарках):

ЧЕЛЬЦОВ (глядя на ружье). **А почему здесь ружье висит?**

ЧЕЛЬЦОВ ... (Идет направо, проходя мимо ружья, останавливается.) **Висит, все висит.**

Таких повторов в пьесе много. В итоге:

Чельцов, сняв ружье со стены, выстрелил под стол.

ЧЕЛЬЦОВ. Попал!

ЧЕЛЬЦОВА (к присутствующим). Прошу вас извинить, господа. (К Чельцову.) Купец, а стреляет. Постыдился бы людей.

ЧЕЛЬЦОВ. Кто-то, в конце концов, должен был выстрелить.

ЧЕЛЬЦОВА. Но почему же именно ты!

ЧЕЛЬЦОВ. Потому что не смог больше терпеть.

ЧЕЛЬЦОВА. Сию же минуту повесь, это не для тебя!

ЧЕЛЬЦОВ (вешая ружье на стену). Висит, а зачем — неизвестно.

С левой стороны быстрым шагом входит Владимир Ленин.

ЛЕНИН. Что? Уже пора? [18].

Ленин появляется неожиданно, как сюрреалистическое видение, сразу после выстрела Чельцова — купца, который едет продавать вишневый сад. Выстрел в пьесе Мрожека сработал как мистический способ разорвать, сместить пространство и время.

Время — ведущая тема чеховских драм¹⁰: оно незаметно утекает, пока герои пьют чай, чего-то ждут и мечтают куда-нибудь уехать, словно в устойчивом пространственном измерении только в движении можно найти спасение от неумолимо бегущего времени.

В пьесе Мрожека «Любовь в Крыму» разговор о времени тоже связан с пространством, даже слово «дальше» обретет двойной смысл:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Рудольф Рудольфович, вы бы лучше перестали эти ваши железные дороги строить. От них вам один лишь вред. <...>

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Какая разница, дело вовсе не в этом. Скажите, Рудольф Рудольфович, ну строите вы, строите, а вот когда уже постройте, **что дальше?**

ВОЛЬФ. Как это, **дальше...**

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Ну, дальше, **то есть — потом.** Вот, предположим, опояшете вы этими

⁷ Так же ГОЛОС позволяет Гавелу дистанцироваться от образа бывшего канцлера Ригера, ведь сам Гавел когда-то тоже ушел с поста президента, и читатель может искать биографические черты. С этой же целью Гавел делает себя еще и внесценическим персонажем: «РИГЕР: Но как мне как-то сказал Гавел: популярность — еще не все...» [6, с. 98]. Однако в политических взглядах, которые Ригер высказывает в интервью журналистам, все-таки узнается бывший президент Чехии, сам Вацлав Гавел.

⁸ Из письма А. П. Чехова А. С. Суворину. 4 июня 1892 г. Мелехово [21, т. 5, с. 72].

⁹ Из письма А. П. Чехова А. С. Лазареву (Грузинскому). 1 ноября 1889, г. Москва [21, т. 3, с. 273].

¹⁰ Подробно разобрал время в драматургии Чехова Борис Исаакович Зингерман в книге «Театр Чехова и его мировое значение» (глава «Время в пьесах Чехова») [8].

вашиими рельсами весь земной шар. Затем сядете в поезд, допустим, в Харькове, и поедете. Едете вы, едете и думаете: вот и уехал я из Харькова. И так вам хорошо, да и разве кто-нибудь захочет оставаться в Харькове навсегда. **Время летит**, а вы едете и радуетесь: «Как чудесно, я еду». И тут выглядываете в окно и что же вы видите? Опять Харьков [18].

Харьков — это провинциальный, а с начала XIX в. театральный город. Его упоминают герои из пьес Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад»¹¹, его вспоминают герои и Мрожека, и Гавела — Харьков стал неким внесценическим пространством, объединившим пьесы трех драматургов.

В 3 акте «Любови в Крыму» для России и чеховских героев уже все в прошлом, началось время новых героев, тех самых, которые все продают:

ЗАХЕДРИНСКИЙ. Да, ты прав, **упустил я время**. (Петя вынимает золотые, карманные часы, открывает крышку, смотрит время.) Торопись куда-нибудь?

ПЕТЯ. **Время еще есть**. (Убирает часы.) <...> [18].

В автобиографической книге «Валтасар» (2008), подводя итог своей жизни, в главе «Старость» Мрожек пишет: «Пока человек молод, он пытается обогнать мир. Потом едва поспевает шагнуть с ним в ногу, и наконец — мир начинает его обгонять» [17]. Именно такое восприятие времени в пьесе «Любовь в Крыму»: в первом акте Татьяна заглядывает в будущее на сто, двести лет и хочет видеть там лучшую жизнь, во втором акте герои потеряны в мире, надо успевать ориентироваться, чтобы не попасть впросяк, а затем в ссылку; в 3 акте мир обогнал «дядю Ваню» Захедринского: «упустил я время» — говорит он. Мрожек играет с возрастом героев: кто-то за проходящие в пьесе 80 лет стареет, кто-то взрослеет, а герои-дельцы, продавцы не меняются совсем — они во все времена чувствуют себя у дел. Такой уход от реалистичности возраста и нарастание абсурдности происходящего на сцене неожиданно объяснится в финале: второй и третий акты в пьесе — это сон Захедринского. В финале белый занавес в середине сцены поднимется, и Захедринский вернется назад, в 1910 г., в Крым, к морю, к жизни, к героям Чехова, к еще красивому миру, а у зрителей такой возможности нет.

Чеховская тема уходящего времени, центральная в «Вишневом саде», по-своему отражена в «Уходе» Вацлава Гавела. То, что действие в драме начала XXI в. строится на тех же образах и том же конфликте, что и в сто лет назад у Чехова, художественно циклизует время: все повторяется, но с большим размахом и цинизмом. Время у Гавела и линейное и циклическое одновременно, что может быть признаком его эсхатологического восприятия [2, с. 69–83]. Чехов показывал, как уходит время, как люди катастрофически не ощущают его движения, как время опустошает дом. В XXI в. проблема времени еще более обострена. Гавел выражает ее в реплике одного из героев: «Время!

¹¹ Б.И. Зингерман пишет: «Усадьбе, Парижу и Москве противостоит ХАРЬКОВ— в чеховской географии он обозначает безликий провинциальный город; там имела успех Аркадина, туда по делам на всю зиму отправляется Лопухин, отсюда Марье Васильевне, матери дяди Вани, какой-то Павел Алексеевич прислал свою новую брошюру, туда на время, чтобы оглядеться, уезжают из имения профессор Серебряков с женою. В “Трех сестрах” о Харькове — что совершенно естественно — никто не упоминает; губернский город, где происходит действие пьесы, — это и есть “Харьков”, т. е. обычный скучный город, лишенный сколько-нибудь существенных особенностей, которые бы отличали его от других провинциальных городов». “Харьков” — это место, где чеховские герои оказываются по деловой надобности, откуда мечтают вырваться — в Москву, в имение или на худой конец на кирпичный завод»; Чехов «русских провинциальных городов не любил, он полагал, что все они на одно лицо, и дал им в своих пьесах одно общее название: “Харьков”» [8, с. 100].

Время! Где его сразу столько взять?» [6, с. 103]. В пьесе более сорока раз повторяется слово «время» в разных значениях. Б. И. Зингерман еще в 1980-е гг., объясняя чрезвычайную популярность Чехова у современных режиссеров и драматургов, писал: «Ощущение предельных решающих сроков страшно обострилось у людей конца нашего столетия. Они увидели в Чехове своего современника» [8, с. 4].

Чехов, совмещая в пьесах и некоторых рассказах прошлое, настоящее и будущее, в конечном счете размыкает время в вечность, и «человек, как сирота бездомный, стоит» пред ней «и немощен и гол» (Ф. И. Тютчев. «Святая ночь»). Такой вечности нет в пьесах Мрожека и Гавела: драматургия Чехова нужна им, чтобы показать связь времен, отразить в исторической перспективе конфликт нравственного и потому одинокого человека и прагматичного мира, персонифицированного в персонажах-дельцах, умеющих приобретать и продавать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адам Е. А.* Рецепция драмы Чехова «Три сестры» в немецкоязычных странах: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 280 с.
- 2 *Ахметова М.* Эсхатологическое восприятие времени // *Ахметова М.* Конец света в отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, 2011. 336 с.
- 3 *Васильева С. С.* Чеховское в художественной интерпретации Л. С. Петрушевской // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: мат. Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–27 апреля 2005 г. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2005. С. 644–649.
- 4 *Вербицкая Г. Я.* Отечественная драматургия 70–90-х гг. XX века в контексте чеховской поэтики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 173 с.
- 5 *Гавел В.* Трудно сосредоточиться: Пьесы. М.: Худож. лит., 1990. 415 с.
- 6 *Гавел В.* Уход // Иностранная литература. 2009. № 1. С. 84–130.
- 7 *Ершкова А. М.* Вацлав Гавел: политика и драматургия // Славяноведение. 2011. № 6. С. 74–77.
- 8 *Зингерман Б. И.* Театр Чехова и его мировое значение / отв. ред. А. А. Аникст. М.: Наука, 1988. 382 с.
- 9 *Зиновьева Р. В.* Конфликт интеллигента и хама в пьесах С. Мрожека «Танго» и А. П. Чехова «Вишневый сад» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 54–60.
- 10 *Кожевникова Н. А.* Стиль Чехова. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2011. 487 с.
- 11 Коммерсантъ. № 54 (772) от 25.03.1995. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/105105> (дата обращения: 15.01.2021).
- 12 *Костова-Панайотова М.* «Чайка» Б. Акунина как зеркало «Чайки» А. П. Чехова // Дети РА. 2005. № 9 (13). С. 35–41.
- 13 *Лесных Н. В.* «“Чайка” А. П. Чехова (remix)» как художественная провокация // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 4. С. 106–109.
- 14 *Мережковский Д. С.* Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 186–192.
- 15 *Минералов Ю. И.* Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: Гуманитарный издат. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.
- 16 *Мищенко Т. А.* Традиции А. П. Чехова в современной русской драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 172 с.

- 17 *Мрожек С.* Валтасар // Libking.ru. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/432092-2-slavomir-mrozhek-valtassar.html#book>; URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/432092-slavomir-mrozhek-valtassar.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- 18 *Мрожек С.* Любовь в Крыму // Lib.ru. URL: http://lib.ru/PXESY/MROZHEK/Mroz_Krym.txt (дата обращения: 15.01.2021).
- 19 *Олицкая Д. А.* Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Германии: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 211 с.
- 20 *Сергеева Е. Н.* Чеховские драматические тексты в русской литературе последних лет // Литература и театр. М.: Искусство, 2006. 293 с.
- 21 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 3: Октябрь 1888 – декабрь 1889. 578 с. М.: Наука, 1986. Т. 13: Пьесы 1895–1904. М.: Наука, 1986. 530 с.
- 22 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1983–1988.
- 23 *Шерлаимова С. А.* Вацлав Гавел: драматург — диссидент — президент — драматург // Славяноведение. 2012. № 5. С. 3–12.
- 24 *Щербакова А. А.* Чеховский текст в современной драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 184 с.
- 25 *Якобсон Р.* Основа славянского сравнительного литературоведения // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 23–79.
- 26 *Mrożek S.* Tarn A. Listy 1963–1975. Kraków: Wydaw. lit., cop., 2009. 366 p.

© 2022. Lidia N. Dmitrievskaya
Moscow, Russia

**CHEKHOV'S DRAMAS AS A FIGURATIVE BASIS
OF THE PLAYS BY SLAVOMIR MROZHEK “LOVE IN CRIMEA”
AND VACLAV HAVEL'S “LEAVING”**

Abstract: The play by Slavomir Mrozek “Love in Crimea” (1993) and Vaclav Havel's “Leaving” (2007) are based on themes and images of the plays by A. P. Chekhov. Slavic playwrights portray Chekhov's style, fill their plays with direct quotes, reminiscences, and allusions from his plays. This paper traces the connections between “Love in Crimea” by Mrozek and “Leaving” by Havel with Chekhov's plays “The Seagull”, “Uncle Vanya”, “Three Sisters” and “The Cherry Orchard”. “Three Sisters” and “The Cherry Orchard” by Chekhov became the basis for the creation of Mrozek's play “Love in the Crimea”. In the first act of the play (1910) the atmosphere of Chekhov's drama, some Chekhov's heroes, the style of the Russian playwright are recreated, and in the last act (1990s) Chekhov's images are transformed and testify to the destruction of Russian life and culture. In the play “Leaving” Vaclav Havel relies mainly on the images and symbols of Chekhov's “The Cherry Orchard”, transferred to the 21st century and politically shaped to fit the new realities. The image of time will turn out to be the key: Mrozek and Havel address the Chekhov's drama to show the connection between times, to reflect in a historical perspective the conflict between the moral and therefore the lonely person and the pragmatic world.

Keywords: Chekhov, Mrozhek, Havel, Drama, Copy Style, Reminiscences, Time Image.

Information about the author: Lydia N. Dmitrievskaya — DSc in Philology, Associate Professor, The Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoi Blvd., 25, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8074-846X>

E-mail: 1332159@gmail.com

Received: January 30, 2021

Approved after reviewing: March 13, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Dmitrievskaya L. N. Chekhov's Dramas as a Figurative Basis of the Plays by Slavomir Mrozhek "Love in Crimea" and Vaclav Havel's "Leaving". *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 224–237. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-224-237>

REFERENCES

- 1 Adam E. A. *Retseptsii dramy Chekhova "Tri sestry" v nemetskoiazыchnykh stranakh* [Reception of Chekhov's Drama "Three Sisters" in German-speaking Countries: PhD Dissertation]. Tomsk, 2008. 280 p. (In Russian)
- 2 Akhmetova M. *Eschatologicheskoe vospriatie vremeni* [Eschatological Perception of Time]. In: Akhmetova M. *Konets sveta v otdel'no vziatoi strane: Religioznye soobshchestva postsovetskoj Rossii i ikh eschatologicheskii mif* [The End of the World in a Single Country: Religious Communities of Post-Soviet Russia and their Eschatological Myth]. Moscow, OGI Publ., 2011. 336 p. (In Russian)
- 3 Vasil'eva S. S. *Chekhovskoe v khudozhestvennoi interpretatsii L. S. Petrushevskoi* [Chekhov's in the Artistic Interpretation of L. S. Petrushevskaya]. In: *Russkaia slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Volgograd, 24–27 aprelia 2005 g.* [Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes: Proceedings of the International Scientific Conference, Volgograd, April 24–27, 2005]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2005, pp. 644–649. (In Russian)
- 4 Verbitskaia G. Ia. *Otechestvennaia dramaturgiia 70–90-kh gg. XX veka v kontekste chekhovskoi poetiki* [Domestic drama of the 70s–90s. 20th Century in the Context of Chekhov's Poetics: PhD Dissertation]. Moscow, 2008. 173 p. (In Russian)
- 5 Gavel V. *Trudno sosredotochit'sia: P'esy* [It's Hard to Concentrate. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 415 p. (In Russian)
- 6 Gavel V. *Ukhod* [Leaving]. *Inostrannaia literatura*, 2009, no 1, pp. 84–130. (In Russian)
- 7 Ershkova A. M. *Vatslav Gavel: politika i dramaturgiia* [Vaclav Havel: Politics and Drama]. *Slavianovedenie*, 2011, no 6, pp. 74–77. (In Russian)
- 8 Zingerman B. I. *Teatr Chekhova i ego mirovoe znachenie* [Chekhov's Theater and its Global Significance], ex. ed. A. A. Anikst. Moscow, Nauka Publ., 1988. 382 p. (In Russian)
- 9 Zinov'eva R. V. *Konflikt intelligenta i khama v p'esakh S. Mrozheka "Tango" i A. P. Chekhova "Vishnevyy sad"* [The Conflict between an Intellectual and a Boor in the Plays of S. Mrozhek "Tango" and A. P. Chekhov's "The Cherry Orchard"]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Philology, Pedagogy, Psychology], 2020, no 3, pp. 54–60. (In Russian)
- 10 Kozhevnikova N. A. *Stil' Chekhova* [Chekhov's Style]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik" Publ., 2011. 487 p. (In Russian)

- 11 *Kommersant*". No. 54 (772). March 25, 1995. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/105105> (Accessed 15 January 2021). (In Russian)
- 12 Kostova-Panaiotova M. "Chaika" B. Akunina kak zerkalo "Chaiki" A. P. Chekhova ["The Seagull" by B. Akunin as a mirror of "The Seagull" by A. P. Chekhov]. *Deti RA*, 2005, no 9 (13), pp. 35–41. (In Russian)
- 13 Lesnykh N. V. "Chaika" A. P. Chekhova (remix)" kak khudozhestvennaia provokatsiia ["The Seagull" A. P. Chekhov (Remix)" as an Artistic Provocation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2011, vol. 4, pp. 106–109. (In Russian)
- 14 Merezhkovskii D. S. Griadushchii kham [The Forthcoming Boor]. *Poliarnaia zvezda*, 1905, no 3, pp. 186–192. (In Russian)
- 15 Mineralov Iu. I. *Teoriia khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost')* [Literature Theory (Poetics and Individual Style)]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr VLADOS Publ., 1999. 360 p. (In Russian)
- 16 Mishchenko T. A. *Traditsii A. P. Chekhova v sovremennoi russkoi dramaturgii* [Traditions of A. P. Chekhov in Modern Russian Drama: PhD Dissertation]. Astrakhan', 2009. 172 p. (In Russian)
- 17 Mrozhek S. Valtasar. In: *Libking.ru*. Available at: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/432092-slavomir-mrozhek-valtasar.html> (Accessed 15 January 2021). (In Russian)
- 18 Mrozhek S. Liubov' v Krymu [Love in Crimea]. In: *Lib.ru*. Available at: http://lib.ru/PXESY/MROZHEK/Mroz_Krym.txt (Accessed 15 January 2021). (In Russian)
- 19 Olitskaia D. A. *Retseptsiia p'esy A. P. Chekhova "Vishnevyyi sad" v Germanii* [Reception of the Play by A. P. Chekhov's "Cherry Orchard" in Germany: PhD Dissertation]. Tomsk, 2004. 211 p. (In Russian)
- 20 Sergeeva E. N. Chekhovskie dramatische teksty v russkoi literature poslednikh let [Chekhov's Dramatic Texts in Russian Literature in Recent Years]. In: *Literatura i teatr* [Literature and Theater]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2006. 293 p. (In Russian)
- 21 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Vol. 3: October 1888 – December 1889. 578 p. Moscow, Nauka Publ., 1986. Vol. 13: P'esy [Plays] 1895–1904. 530 p. (In Russian)
- 22 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete Works and Letters: 30 Vols. Essays: in 18 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1983–1988. (In Russian)
- 23 Sherlaimova S. A. Vatslav Gavel: dramaturg — dissident — president — dramaturg [Vaclav Havel: Playwright — Dissident — President — Playwright]. *Slavianovedenie*, 2012, no 5, pp. 3–12. (In Russian)
- 24 Shcherbakova A. A. Chekhovskii tekst v sovremennoi dramaturgii [Chekhov's Text in Modern Drama: PhD Dissertation]. Irkursk, 2006. 184 p. (In Russian)
- 25 Iakobson R. Osnova slavianskogo sravnitel'nogo literaturovedeniia [The Basis of Slavic Comparative Literary Studies]. In: Iakobson R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 23–79. (In Russian)
- 26 Mrozek S. *Tarn A. Listy 1963–1975*. Kraków, Wydaw. lit., cop. Publ., 2009. 366 p. (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-238-254>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. Ю. Завгородняя
г. Москва, Россия

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА: РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассмотрен частный случай взаимодействия А. П. Чехова с предшествующей литературной традицией, а именно — с романтическим мотивом союза героя и женщины, имеющей мифическую, иномирную природу. Согласно эстетике романтизма, герой в этом случае стремится через любовь приобщиться к идеальному миру, однако такой союз всегда обречен, более того, губителен либо для одного, либо для обоих. Один из вариантов развития подобного сюжета таков: героиня вводит героя в заблуждение (иногда — будучи просто заложницей своей сущности) красотой, пением и пр., впоследствии обнаруживая свою хтоническую или инфернальную природу. Анализ ряда рассказов А. П. Чехова показал, что на внешне-сюжетном уровне романтическая стилистика и образность подвергается снижению и пародированию. Однако на уровне внутреннем, подспудном Чехов неоднократно задействует именно этот романтический сюжет — разоблачения идеальной возлюбленной. Сюжет формируется за счет аллюзийных отсылок к мифологии и фольклору; это прежде всего портретные и пейзажные описания, имена, детали, повторы. Неочевидность этого подспудного сюжета в том, что все вышеупомянутое может быть прочитано и сугубо реалистически. Однако указанные элементы содержат возможность также и мифопоэтической интерпретации; кроме того, повторяемость в ряде произведений позволяет сделать вывод об их неслучайности и смыслообразующей функции в чеховских рассказах. За счет подобной формы диалога с романтизмом частные «истории из жизни» приобретают высокий уровень обобщения и символизации.

Ключевые слова: Чехов, рассказы, женские образы, традиция романтизма, мифопоэтика.

Информация об авторе: Галина Юрьевна Завгородняя — доктор филологических наук, профессор, Литературный институт им. А. М. Горького, Тверской б-р, д. 25, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4830-4797>

E-mail: galina-yuz@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 16.04.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Завгородняя Г. Ю. Женские образы в рассказах А. П. Чехова: романтическая традиция и мифопоэтический аспект // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 238–254. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-238-254>

Вопрос о взаимодействии А. П. Чехова с предшествующей литературной традицией, пожалуй, один из ключевых в чеховедении, и на то, несомненно, есть причины. Не будет преувеличением сказать, что Чехову в истории русской литературы выпадает поистине уникальная миссия — соединить два века, две эпохи (или, напротив, обозначить их водораздел). И дело здесь далеко не только в годах жизни, дело в совершенно особом включении предшествующей традиции в свой художественный арсенал: тончайшая балансировка на грани иронического переосмысления драматизации, казалось бы, узнаваемых мотивов и образов; не сразу очевидная сдвигка привычного ракурса. В. Б. Катаев в этой связи писал «об особом типе отношения к прошлой культуре, особом типе “литературности”. Для этого типа характерно: ощущение исчерпанности прежней культуры, нередко отрицание этой культуры, отказ от выработанных ею эстетических решений, активное новаторство, пародийное отношение к прежней литературе...» [8].

Цель настоящей работы — выявить специфику взаимодействия Чехова с традицией романтизма при создании женских образов.

Разнообразные формы общения Чехова с предшествующей литературой неоднократно становились предметом исследовательского внимания [7; 10; 12]. Однако именно романтические традиции не столь часто оказывались в поле зрения литературоведов. Взаимоотношения Чехова с конкретными авторами, чье творчество на определенных этапах пребывало в русле романтизма, рассматривались неоднократно [4; 13; 14], чего нельзя сказать о комплексном анализе восприятия Чеховым романтической поэтики [18].

Чеховские женские образы привлекали критиков и ученых еще при жизни писателя и продолжают привлекать до сих пор. Причин тому множество: это и интерес к характерологии писателя в целом, и стремление спроецировать на художественную практику Чехова его заинтересованность актуальным женским вопросом. Но главное, пожалуй, в том, что именно в женских образах наиболее очевидно обнаруживается предельная концентрация противоречивых, казалось бы, несовместимых черт, мыслей и устремлений; та самая мастерская чеховская балансировка на тончайшем смысловом пограничье. Думается, что взгляд на художественное «устройство» этой балансировки сквозь призму традиции романтизма поможет приблизиться к пониманию соотношения внешнего и внутреннего, подспудного плана изображаемого у Чехова. Как справедливо отметил В. В. Полонский, «попыток ухватить ее <чеховской литературной модели. — Г. З.> нерв было сделано множество. Но наиболее убедительные из них те, что стремятся осознать природу ценностных ориентиров писателя, для которых центральным становится *средостение между явным и скрытым, подлежащим выявлению, смыслами реальности*» [19, с. 187, выделено мной. — Г. З.].

Итак, внимание в настоящей работе будет сосредоточено на обращении Чехова с поэтикой романтизма, точнее — с одним значимым его сюжетом.

Союз с иномирной возлюбленной как путь в идеальный мир: один из центральных сюжетов романтизма

Речь идет о приобщении романтического героя к идеальному / иному / умонепостигаемому миру через любовь к женщине. Именно этот сюжет пребывал в центре внимания немецких романтиков, традиция которых была впоследствии, в первые десятилетия XIX в., активно воспринята отечественными авторами.

В известном исследовании «Немецкий романтизм и современная мистика» В. Жирмунский подробно освещает эту тему; в частности, в разделе «Мистическая

любовь» указывается на амбивалентный характер любви в трактовке романтиков: «Чувственность играет в романтической любви очень большую, может быть даже основную роль — но чувственность является как нечто святое и божественное, как откровение мистического переживания» [6, с. 80]. Можно вспомнить и «Люцинду» Фр. Шлегеля, и «Генриха фон Офтердингена» Новалиса (герой обращается к возлюбленной Матильде со словами: «...твоя любовь посвящает меня в таинство жизни, и мне открывается в глубине души святая святых; какие вдохновения сулишь ты мне! Кто знает, не окрылит ли нас наша любовь пламенем, чтобы нам вознестись в нашу горнюю обитель, пока старость и смерть еще неведомы нам» [16, с. 73]).

Характерно, что в романтической эстетике мистический ореол сообщается и самому образу возлюбленной — она становится как бы причастной двум мирам, этому и иному, и, соответственно, проводницей в иномирное пространство. У Новалиса «мотивировка» подобной возможности связана со смертью Матильды («“Я облюбовала это местопребыванье; <...> Не сокрушайся, я тебя не покидаю. Поживи еще немного на земле, утешен девой, пока твоя кончина не сподобила тебя нашей отрады”». — Это говорила Матильда, — вскричал пилигрим и в молитве преклонил колени» [16, с. 96]). Этот мотив отзовется, например, в повести М. Погодина «Адель».

Еще один вариант подобного сюжета — возлюбленная изначально принадлежит двум мирам, т. е. имеет некую «не-совсем-человеческую» природу. Таковы, например, Эльвира (дева-облако) из повести С. Аксакова «Облако» или дева-музыка из сказки И. Киреевского «Опал» (в обоих случаях речь идет о небесном «доме» — облаке или звезде, а образы возлюбленных несомненно идеальны).

Героиня, имеющая потустороннюю природу, занимает в романтизме особое место, и именно с ним связывается широкий спектр мифологических и фольклорных мотивов, столь дорогих сердцу романтиков. При этом важным оказывается сам характер иномирности — это далеко не всегда мир идеальный (божественный, небесный). Это может быть и мир природных стихий: едва ли не самый частотный романтический образ иномирной возлюбленной — морская дева (русалка, ундины), но можно вспомнить и Серпентину Гофмана, и Сильфиду и Саламандру из одноименных повестей русского последователя Гофмана — В. Ф. Одоевского (воспринявшего от своего немецкого предшественника, в числе прочего, интерес к алхимической символике, что нашло отражение в названных произведениях).

Но в пределе героиня может быть и представительницей мира inferнального, существом низшей демонологии и, соответственно, нести герою ущерб, а то и гибель. Как бы то ни было, вначале героиня являет герою свою лучшую ипостась — он должен узнать в ней идеальную возлюбленную, причастную тайнам иного (идеального) мира, но и, разумеется, в лучших традициях романтизма, обладающую внешней красотой. Впоследствии может обнаружиться обман: героиня причастна не идеальному, а, напротив, inferнальному миру; ее красота — иллюзия, она безобразна. Подобный двойственный образ (прекрасная волшебница и безобразная лесная ведьма) присутствует, например, в сказке Людвиг Тика «Руенберг»; в ориентированной на немецкую романтическую традицию повести Аксакова «Вальтер Эйзенберг» есть образ Цецилии, в определенный момент из нежной возлюбленной превращающейся в злую фурию, обладающую к тому же некими магическими свойствами.

Однако героиня может быть таковой как изначально (и тогда причинение вреда герою — это ее свободное волеизъявление), так и стать таковой в результате околдования, оказываясь в определенном смысле заложницей своей сущности. И, как следствие, она обречена не только причинять страдания, но и страдать сама. Этот сюжет, в центре

которого — сложный, пограничный, мерцающий образ «страдающей губительницы» с двуприродной сущностью, окажется едва ли не наиболее стойким и востребованным в русской литературе эпохи романизма («Русалка» Пушкина, «Киевские ведьмы» Сомова, «Вий» Гоголя), но и позже (например, смутно отзовется в «Призраках» Тургенева).

Романтическая поэтика как объект иронии в рассказах А. П. Чехова

Возвращаясь к Чехову, следует отметить следующее. В его рассказах нередко присутствуют узнаваемые, внешние, если не сказать, клишированные, элементы романтической поэтики. Как правило, это повторяющиеся элементы пейзажа — лунный свет, водоем, отражающаяся в водоеме луна, звуки музыки; портрет героя, классические романтические постулаты. В подобном использовании присутствует ироничная тональность, однако спектр приемов воплощения иронии у Чехова более чем широк¹. Обратимся к конкретике.

В рассказе «Огни» (1888) полемика с романтизмом заявлена непосредственным образом — один из героев, некто Ананьев, в частности, говорит о «болезненности» юношеских мыслей «о ничтожестве и бренности видимого мира». Именно его глазами дается пейзаж, обладающий узнаваемо-романтическими чертами («небольшая каменная беседка», стоящая «на краю берега, над самой кручей», «море <...> величавое, бесконечное и неприветливое» [25, т. 7, с. 123]. В то же время несомненно присутствие снижающих образ замечаний, например, такое: «круглая, **тяжелая** беседка на **неуклюжих** колоннах, соединявшая в себе **лиризм старого могильного памятника с топорностью Собакевича**» [25, т. 7, с. 123] (здесь и далее в цитируемых текстах выделено мной. — Г. З.).

Далее следует еще более недвусмысленная ирония в адрес условного «романтического» героя: «Вы знаете, когда грустно настроенный человек остается один на один с морем или вообще с ландшафтом, **который кажется ему грандиозным**, то почему-то к его грусти всегда примешивается уверенность, что он проживет и погибнет в неизвестности, и он **рефлективно хватается за карандаш** и спешит *записать на чем попало свое имя* <...>. Тут же рядом с Корольковым расписался **какой-то местный мечтатель** и еще добавил: “На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн”. И **почерк у него был мечтательный, вялый, как мокрый шелк**» [25, т. 7, с. 123–124]. Эта пушкинская цитата из «Медного всадника» невольно воскрешает в памяти еще и живописный символ романтизма — картину К. Д. Фридриха «Странник над морем тумана». Контраст фридриховского «странника» и «местного мечтателя», способного лишь вялым почерком «записать на чем попало свое имя», слишком очевиден... Примеров снижения романтической эстетики в рассказе достаточно — вот реакция собеседника Ананьева на его рассказ о свидании со старой знакомой: «Чудеса в решете! — вздохнул фон Штенберг. — Черная ночь, шум моря, страдающая она, он с ощущением вселенского одиночества... черт знает что! Недостает только черкесов с кинжалами» [25, т. 7, с. 126]. По сути, здесь перед нами «краткий пересказ» центрального сюжета, поданный в пародийном ключе, именно за счет акцентировки романтического.

В рассказе «Попрыгунья» (1891) Ольга Ивановна размышляет о том, «что она бессмертна и никогда не умрет» [25, т. 8, с. 15], а в созерцаемом ею пейзаже, в сугубо

¹ Изучение чеховской иронии (начало которому было положено в работе Э. А. Полоцкой «Внутренняя ирония в рассказах и повестях Чехова» [21]) на сегодняшний день по праву представляет собой целое направление в чеховедении — см., например: [2; 11; 19; 23].

романтическом духе, прозревается образ иного, лучшего мира: «...где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают ее успех, слава, любовь народа... Когда она, не мигая, долго смотрела вдаль, ей чудились толпы людей, огни, торжественные звуки музыки, крики восторга...» [25, т. 8, с. 15].

В не менее романтическом ореоле предстает и ее спутник («рядом с нею, облокотившись о борт, стоит настоящий великий человек, гений, божий избранник...» [25, т. 8, с. 15]), который лишь укрепляет ее в идеализированном восприятии мира: «Рябовский <...> говорил ей, что черные тени на воде — не тени, а сон, что в виду этой колдовской воды с фантастическим блеском, в виду бездонного неба и грустных, задумчивых берегов, говорящих о суете нашей жизни и о существовании чего-то высшего, вечного, блаженного...» [25, т. 8, с. 15]. Очевидно, что подобная интенсификация романтических постулатов, да еще с учетом ситуации происходящего (банальный адюльтер) и слишком уж явного несовпадения реальности и того, как она воспринимается, создает ироничные смыслы, которые, впрочем, здесь не столь очевидны, как в «Огнях».

В рассказе «Анна на шее» (1895) присутствуют аналогичные пейзажные элементы (и Анна пребывает в сходном с Ольгой Ивановной настроении — в предчувствии благих перемен): «...а из-за высоких берез и тополей, из-за дач, залитых лунным светом, доносились звуки военного оркестра» [25, т. 9, с. 163]; и далее: «...слышалась музыка и луна отражалась в пруде» [25, т. 9, с. 164]. Кроме того, здесь также появляется образ «романтического героя», однако в его портрете прослеживается очевидная фарсовость, *поддельность*: «Был тут и Артынов, владелец всего этого дачного места, богач, высокий, полный брюнет, похожий лицом на армянина, с глазами навывкате и в странном костюме. На нем была рубаха, расстегнутая на груди, и высокие сапоги со шпорами, и с плеч спускался черный плащ, тащившийся по земле, как шлейф» [25, т. 9, с. 163–164].

Еще более акцентированное снижение романтического обнаруживается в рассказе «Душечка» (1898): «...по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага — равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось» [25, т. 10, с. 103]. И далее: «...она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [25, т. 10, с. 104]. Вновь повторяются мотивы ночи, музыки, небесных светил; присутствует и «романтический герой» в классическом противостоянии судьбе, и героиня, вззирающая на звезды, однако пародийное развенчание (сравнение с курами) здесь явлено, пожалуй, с наибольшей силой.

В рассказе «Ариадна» (1895) пародийного снижения образа романтического героя нет — речь может идти скорее о легкой иронии, создаваемой подчеркнутым нагромождением «романтических ситуаций»: «После этого разговора я не спал всю ночь, хотел застрелиться. Утром я написал пять писем и все изорвал в клочки, потом рыдал в риге, потом взял у отца денег и уехал на Кавказ не простившись» [25, т. 9, с. 127]. Усугубляет эффект очевидный контраст между главным героем-повествователем и его соперником Лубковым, который придерживается противоположных романтическим воззрений (впрочем, воссоздан он едва ли не с большей иронией): «Поэзия сама по себе, а любовник сам по себе. Все равно, как в сельском хозяйстве: красота природы сама по себе, а доход с лесов и полей сам по себе» [25, т. 9, с. 124].

Иными словами, при всей широте пародийно-иронического спектра в осмыслении романтической поэтики и эстетики неизменным остается одно: романтизм, кажется, для Чехова всегда под сомнением...

Героини Чехова: идеальная ипостась сквозь призму мифопоэтики

Однако на более глубоких, не сразу открывающихся уровнях текста удивительным образом обнаруживается присутствие именно романтических мотивов и образов. Более того, в целом ряде рассказов они становятся смыслоопределяющими. Рискнем предположить, что это как раз случай с женскими образами, и вышеназванные рассказы («Огни», «Попрыгунья», «Ариадна», «Анна на шее», «Душечка») — яркие тому примеры. Период их написания (в течение десяти лет, с 1888 по 1898) подтверждает, пусть и косвенно, вполне стойкую приверженность Чехова подобному пути воссоздания женских образов. Итак, рассмотрим внимательнее.

Во всех пяти произведениях женщины изначально представлены обладающими той самой романтической иномирной, возвышенной природой, причем в лучших традициях романтизма иномирность эта открывается через отсылку к фольклорным и мифологическим образам.

Мифологические аллюзии у Чехова уже попадали в исследовательское поле зрения. Так, В. Б. Катаев посвящает данной теме уже цитированную выше работу «Чехов и мифология нового времени», в которой, в частности, комментирует результаты наблюдений Томаса Виннера (*Winner T. Chekhov and his Prose. N. Y., 1966*). Американский чеховед соотносит некоторые мотивы и образы чеховских рассказов с античными мифами. В. Б. Катаев в свою очередь осторожно высказывается об «использовании мифологических моделей и мотивов в произведениях Чехова», отмечая, что оно «не имеет столь явно выраженного характера, как в произведениях его предшественников» [9]. Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что мифологические аллюзии у Чехова неочевидны и обнаруживают себя подчас в деталях, которые могут быть прочитаны и с реалистической точки зрения. Однако, как будет показано далее, есть все основания и для их мифопоэтического прочтения. Подобный подход позволяет обнаружить в рассказах не только ироничное обыгрывание традиции, но и глубокий, подспудный сюжет.

Вот как описана в рассказе «Огни» героиня Кисочка в юности: «Что за прелесть девочка! Бледненькая, хрупкая, легкая, — кажется, дуньте на нее, и она улетит, как пух, под самые небеса — лицо кроткое, недоумевающее, ручки маленькие, волосы длинные до пояса, мягкие, талия тонкая, как у осы, — в общем нечто эфирное, прозрачное, похожее на лунный свет...» [25, т. 7, с. 127]. Портретные детали, возможность полета под небеса, сходство с лунным светом — все это создает образ существа неземного — эльфа, феи, ангела — и вызывает ассоциации и с портретами романтических героинь (ср. Матильда у Новалиса: «Темные звезды нежно лучились в светлой небесной голубизне. Лоб и нос оттеняли сияние своей благородной хрупкостью. Лилия клонится поутру навстречу солнцу; такой лилией был ее лик; тонкая шейка в своей белизне являла голубые жилки, прелестно вьющиеся возле милых ланит» [16, с. 59]).

Ольга Ивановна в рассказе «Попрыгунья» также до определенного момента окружена ореолом чистоты, невинности и света, что явлено в своеобразном портрете-мифопоэтическом уподоблении²: «...она очень похожа на стройное вишневое дерево,

² Украшенное дерево было важным атрибутом русского (но и — шире — славянского) свадебного обряда. Украшения (ленты, цветы) символизировали чистоту невесты, а само дерево — Мировое Древо, которому после совершения обряда надлежало быть уничтоженным [5, с. 254–270].

когда весною оно сплошь бывает покрыто нежными белыми цветами» [25, т. 8, с. 8]. И это не единственный случай, когда белый цвет и цветы сопутствуют героине — см. ее мечты о себе в «идеальном мире»: «...сама она в белом платье и цветы, которые сыпались на нее со всех сторон» [265, т. 8, с. 15]. Вообще, цветы и/или свет, свечение, сияние — это, помимо мифопоэтических ассоциаций, то общее, что обнаруживается в портретах героинь едва ли не всех разбираемых рассказах, о чем еще будет сказано.

В «Ариадне» само за себя говорит имя героини, воскрешающее в памяти известный древнегреческий сюжет. Т. Виннер, как отмечает В. Б. Катаев, уделил теме пародийного снижения мифа об Ариадне и Тесее в этом рассказе особое внимание [9]; в современных исследованиях эта тема в означенном аспекте также затрагивалась [27]. Действительно, правомерно говорить о помещении мифологического сюжета в современные отечественные реалии и о возникающем комическом эффекте (впрочем, таком ли уж комическом?). Но дело не только в этом. Более важно то, что Чехов переосмысливает миф, расставляя иные акценты. Брат Ариадны, «прогоревший барин Котлович», сколь безвреден, столь не приспособлен к жизни («ничего не делал, ничего не умел, был какой-то кволий, точно сделанный из пареной репы» [25, т. 9, с. 120]) и уж точно не имеет ничего общего с критским чудовищем. Герой-повествователь, влюбленный в Ариадну, терпит ее вероломство, но никак не наоборот, и тем самым не уподоблен Тесею (хотя Ариадна «отыгрывает сюжет», подписывая письма из-за границы — условного Наксоса — «покинутая вами Ариадна»).

Таким образом, главное состоит в том, что в центре сюжета оказывается не страдающая Ариадна, а, напротив, Ариадна-искусительница и губительница, что, впрочем, обнаруживается не сразу. Поначалу явлен, как в прочих рассказах, образ романтически-непричастный к обыденности. Именно эта «надмирность» всячески подчеркивается героем: «...мне все еще хочется думать, что у природы, когда она творила эту девушку, был какой-то широкий, изумительный замысел» [25, т. 9, с. 120]. Тема божества звучит неоднократно: «...ей в конце концов все прощалось и все позволялось, как богине или жене Цезаря»; «мне казалось, будто я, прикасаясь к ней, обжигал себе руки» [25, т. 9, с. 121]. И, как и в «Попрыгунье», появляется тема цветов — вот так звучит шутивная угроза Ариадны: «...я сейчас же разденусь и голая лягу вот на эти цветы!» [25, т. 9, с. 128]. Возникает невольная аналогия с многочисленными изображениями Флоры, которая живописалась именно так — в виде полу/обнаженной молодой женщины, окруженной цветами. Впрочем, не лежащей, а стоящей или сидящей, возлежит же тициановская Венера Урбинская, с которой также ассоциации не могут не возникнуть. Иными словами, красота, юность, чувственность, подсвечиваясь мифологическими и живописными ассоциациями и соположениями, обретают некий высокий, почти сакральный смысл.

И, наконец, с образом Ольги Семеновны Племянниковой из рассказа «Душечка» также связаны античные ассоциации, пусть и опосредованные. Опять же исследователями обращалось внимание на отсылку к образу Психеи, через аналогию с «Душенькой» И. Ф. Богдановича [24; 27]. Нельзя не согласиться, что, как и в случае с Ариадной, перед нами отсылка к образу античного мифа, но и переосмысление этого образа в свете художественной задачи — создания сюжета ошибки, подмены идеального надмирного существа кем-то совсем иным. И да, безусловно, как в «Ариадне» явлен образ в ряде моментов демонстративно-противоположный мифологическому, так и Оленька внешне отнюдь не эфемерная бабочка-Психея, напротив, всячески подчеркивается ее телесность. Более того, не случайно оперетты, которые ставит ее первый супруг Кукин, —

«Орфей в аду», «Фауст наизнанку» — не что иное, как пародии на античный миф (!) и, соответственно, на трагедию Гете. В обеих вещах подчеркнута снижены женские образы — неверная Эвридика, далеко не непорочная Маргарита... Это, несомненно, с самого начала дает аллюзийные ключи к сюжету в целом и к образу главной героини, в частности. Вместе с тем акцентированная телесность Оленьки поначалу отнюдь не препятствует ее иррационально-благому воздействию на окружающих. Значима и портретная деталь, повторяющаяся неоднократно, — «похожая на сияние улыбка». Этот небольшой, но семантически важный нюанс в контексте заявленной темы весьма интересен. Использование не привычного эпитета «сияющая улыбка», а не вполне привычного сравнения — улыбки с сиянием — как бы подразумевает существование некоего сияния, которому уподоблена улыбка Оленьки и к которому она, соответственно, сама причастна.

Таким образом, героини всех рассмотренных рассказов поначалу являют собой как будто бы романтические идеалы возлюбленных. В подтексте, в именах, в деталях, в описаниях дается отсылка к иномирной природе героинь посредством использования мифологических и живописных аллюзий — в узнаваемых традициях романтической эстетики.

Ситуация развоплощения иномирной возлюбленной

Но на определенном этапе в сюжетных линиях героинь происходит поворот: на реалистическом уровне повествования это, как правило, нравственное падение, адюльтер, предательство близкого человека. Но этому, как будет показано далее, предшествует небольшое событие, так или иначе отсылающее к мифологической или фольклорной традиции. Условно определим его как ситуацию «околдования» или, наоборот, «снятие чар», которые до этого мешали увидеть подлинную (нелицеприятную) суть героини. Отметим особо: в этом процессе так или иначе присутствует предмет (а в одном случае — живое существо), который на уровне реалистического повествования, разумеется, может быть бытовой деталью, элементом пейзажа или интерьера, даже метафорой, а вот на уровне интересующего нас подспудного, мифопоэтического сюжета его можно условно определить как волшебный, магический.

После этого события черты божества, иномирного идеала исчезают, и обнаруживаются черты хтонические (животных³, в частности, рептилий, насекомых) или даже существ низшей демонологии.

В рассказе «Огни» Кисочка, сбежав ночью от мужа и сетуя на свою судьбу, восклицает: «Господи, да я же как **в яме!**» [25, т. 7, с. 129] (вспомним: в юности она — «кажется <...> улетит, как пух, под самые небеса»), ее отчаяние достигает высшей точки (и опять-таки отметим: это душевное расположение будет свойственно всем героиням непосредственно перед их «развоплощением»). А дальше ее путь под руку с сопровождающим героем-рассказчиком описан следующим образом:

³ Исследователи не раз обращали внимание на частое уподобление людей животным в произведениях Чехова. Впервые подобное наблюдение было сделано еще при жизни писателя В. П. Альбовым [1]. В. И. Мильдон связывал «анималистические» аналогии с идеей деградации человека, отмечая, что «сначала исчезают люди, превращаясь в собак, овец, лошадей, а потом и эти формы вырождаются, вымирают — такова жизненная динамика, воссозданная прозой Чехова» [15]. Л. П. Гроссман писал именно о сравнении женщин (причем как отрицательных героинь, так и положительных) с животными: «Даже кроткая и восхищенная девушка, благоговейно следящая за работой любимого человека, милая и умная Вера Лядовская представляется Чехову больным животным, греющимся на солнце» [3].

Пройдя версты полторы от мукомольни, нужно поворачивать к городу влево мимо кладбища. У поворота на углу кладбища стоит каменная ветряная мельница, а возле нее небольшая хатка, в которой живет мельник. Миновали мы мельницу и хатку, повернули влево и дошли до ворот кладбища. Тут Кисочка остановилась и сказала:

— **Я вернусь**, Николай Анастасьич! Вы идите себе с Богом, а я сама вернусь. Мне не страшно.

— Ну вот еще! — испугался я. — **Коли идти — так идти...**

— Я напрасно погорячилась... <...> **Надо вернуться... А впрочем... пойдете!** — сказала Кисочка и **засмеялась**. — Все равно! [25, т. 7, с. 129].

На сюжетном уровне Кисочка колеблется между возвращением домой к мужу и уходом к матери, выбирая в итоге второе. Но все, как мы помним, заканчивается супружеской изменой. На момент, описанный выше, она, кажется, еще не отдает себе отчета в возможности подобного развития событий (в отличие от героя), но роковой выбор делается ею именно тогда, на что указывает ряд деталей, отсылающих, заметим, к фольклорно-мифологической сфере.

Герои идут по ночной дороге и в итоге оказываются между мельницей и кладбищем. Оба места в мифологии обладают inferнальной аурой. В частности, в славянской мифологии «мельница — объект и локус, наделяемые в народных верованиях демоническими свойствами. Сочетание в мельнице природного и культурного начал, производимое ею превращение одного вещества в другое, использование силы стихий (воды, ветра), а также постоянный шум — все это определяет отношение к мельнице как к дьявольскому изобретению. Мельница, особенно водяная, а также заброшенная, разоренная — это место обитания мифологических персонажей» [22, с. 297]. Обратим внимание: перед нами даже некое умножение образа, так как герои сначала проходят мимо бывшей (т. е. заброшенной) паровой мукомольни («Оттого, что оно <здание. — Г. З.> заброшено и что в нем никто не живет, и оттого, что в нем сидит эхо и отчетливо повторяет шаги и голоса прохожих, оно кажется таинственным» [25, т. 7, с. 128]) и лишь затем оказываются у мельницы и жилища мельника (которому также приписывались inferнальные черты). Кладбище — «место <...> где, по поверьям, пребывают души умерших и демоны; «святое» место, где совершаются поминальные обряды. Как часть мифологизированного пространства кладбище противопоставлено селу, т. е. миру живых» [22, с. 228]. И именно у ворот кладбища Кисочка останавливается, чтобы сделать выбор между «продолжить путь» или «вернуться». И, понимая, что «надо вернуться», путь она все же продолжает.

В «Попрыгунье», как мы помним, образ героини подсвечен скорее фольклорно-сказочными ассоциациями (цитированное выше сравнение с вишневым деревцем; ее рассказ о знакомстве с Дымовым: «Я тоже не спала ночи и сидела около отца, и вдруг — здравствуйте, победила добра молодца!» [25, т. 8, с. 8]). В соответствии с подобным контекстом примечательны два эпизода, которые также можно определить как поворотные.

Первый эпизод таков: Ольга Ивановна, желая предпринять очередную попытку вернуть расположение своего любовника Рябовского, делает следующее: «... подошла к нему, молча поцеловала и провела гребенкой по его белокурым волосам. Ей захотелось причесать его» [25, т. 8, с. 19]. Гребень в мифологии, в частности, славянской, считался «женским символом», сильным оберегом, ключевым предметом в гаданиях на суженого. Кроме того, «гребень — характерный атрибут многих мифологических персонажей: богинки, русалки, женского водяного духа и др., которые в быличках расчесывали свои длинные волосы» [25, с. 126–127]. Не случайно в портрете Ольги Ива-

новны присутствует повторяющаяся деталь — прекрасные льняные волосы. Желание причесать Рябовского можно расценить как попытку применить к нему свои чары, но успехом это не увенчивается: «Что такое? — спросил он, вздрогнув, **точно к нему прикоснулись чем-то холодным**, и открыл глаза. — Что такое? Оставьте меня в покое, прошу вас» [25, т. 8, с. 19]. Разумеется, уместно и вполне реалистическое, бытовое объяснение происходящего, но важны и эти символические детали, формирующие подспудные мифопоэтические смыслы — в данном случае это утративший свою силу «волшебный» атрибут.

Во втором эпизоде Ольга последний раз приходит к Рябовскому, принося ему свою картину и называя ее «nature morte». Французское словосочетание (которое Рябовский еще и повторяет) акцентирует внутреннюю форму именованного живописного жанра и создает символическую двусмысленность — Ольга Ивановна, в начале повествования похожая на цветущее вишневое деревце, в итоге приносит запечатленную ею «мертвую природу». И следующий закономерный этап — «превращение» и появление первых *хтонических* черт: «...и чувствовала себя уж не Ольгой Ивановной и **не художницей, а маленькою козьявкой**» [25, т. 8, с. 25].

Интересно, что в «Ариадне» поворотный момент связан с восприятием происходящего героем — именно в нем, тонко чувствующем и любящем, в отличие от не способной на это героини, отзываются первые признаки ее развоплощения. Вот его реакция на открывшуюся переписку Ариадны с женатым Лубковым: «**Я похолодел, руки и ноги у меня онемели, и я почувствовал в груди боль, как будто положили туда трехугольный камень**» [25, т. 9, с. 126]. («Острый камень» *повернется* в его груди и когда он убедится в том, что Ариадна и Лубков — любовники.) Характерно, что ранее герой ведет себя весьма странно («наивно, как гимназист»), объясняя для себя причину: «не из ревности, а из предчувствия **чего-то страшного, необычайного...**» [25, т. 9, с. 126]. Иными словами, мы вновь наблюдаем двуплановость повествования: с одной стороны, описывается психологическое состояние героя, с другой — перед нами вновь некий аналог «колдовства». Здесь и предчувствие «страшного» (а не ревность), и появление (хоть и метафорическое) магического предмета («треугольный камень»), и ощущение холода (вспомним ощущение Рябовского от прикосновения гребня Ольги Ивановны).

В «Анне на шее» момент поворотного события особенно примечателен своей фольклорно-сказочной аллюзийностью. На балу его сиятельство подводит Анну к своей жене; описано это следующим образом: «Он привел **ее в избушку, к пожилой даме, у которой нижняя часть лица была несоразмерно велика**, так что казалось, будто она **во рту держала большой камень**» [25, т. 9, с. 170]. И опять-таки — есть конкретно-реалистический план повествования (в бутафорских избушках сидят женщины, участвующие в благотворительном базаре), но очевиден и план мифопоэтический: избушка и находящаяся в ней пожилая дама с пугающе-асимметричными, гипертрофированными чертами — все это вызывает вполне определенные ассоциации («На печке лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос»; цит. по: [21, с. 52]). Избушка, как отмечает В. Я. Пропп, — «сторожевая застава» [21, с. 42], расположенная на границе между миром живых и миром мертвых [21, с. 45]. И далее: «Посвящаемый <имеется в виду связь бабы яги с обрядом инициации. — Г. З.> **уводился в лес, вводился в избушку, представал перед чудовищным существом, властителем смерти и властителем над царством животных. Он спускался в область смерти**, чтобы оттуда снова вернуться “на верхний свет”» [21, с. 55]. Вот только «возвращения “на верхний

свет”» для Анны не случается, случается иное: «Она <пожилая дама. — Г. 3.> ушла, и **Аня заняла ее место...**» [25, с. 170].

И, наконец, рассказ «Душечка», пожалуй, самый спорный в свете рассматриваемой проблемы. Как известно, с момента своего появления и позднее «Душечка» воспринималась неоднозначно как коллегами Чехова по перу (можно вспомнить противоположные суждения Толстого и Горького), так и читателями. Действительно, чеховское произведение дает основания для самых разных трактовок — эта неоднозначность и составляет его смысловой стержень (творческая история рассказа, важная для понимания замысла и движения авторской мысли, подробно рассмотрена в книге З. С. Паперного [17]). Попробуем показать, что ряд текстовых деталей все же позволяет встроить образ Ольги Семеновны Племянниковой в череду рассмотренных выше героинь.

В ее сюжетной линии также есть знаковый момент — вернее, их два, — после которых возникают сомнения в ее благом, бескорыстно-любящем способе взаимодействия с миром. Подобными знаковыми событиями являются смерти обоих супругов Ольги Семеновны, точнее, нюансы их описания. Именно они (нюансы) и приоткрывают суть «сияющей» героини, которая оказывается отнюдь не «проводницей в идеальный мир», а кем-то совсем иным — забирающим у людей силы и даже саму жизнь.

В случае с Кукиным значимо упоминание о его развивающейся болезни: «Оленька полнела и вся сияла от удовольствия, а Кукин **худел и желтел** и жаловался на **страшные убытки, хотя** всю зиму дела **шли недурно**» [25, т. 10, с. 104]. О смерти второго супруга, Пустовалова, сказано так: «Его лечили **лучшие доктора, но болезнь взяла свое...**» [25, т. 10, с. 108]. Союзы «хотя» и «но» указывают на едва заметное нарушение причинно-следственных связей, на присутствие как будто бы некоего иррационального, фатального воздействия: плохое (болезни, страшные убытки, смерть) случается *несмотря на* недурно идущие дела и лечение лучших докторов. Кстати, картину дополняет еще один *бывший* объект любви Оленьки, ныне пребывающий в плачевном состоянии: «**Раньше она любила** своего папашу, который **теперь сидел больной**, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал» [25, т. 10, с. 103]. Упоминание о *бывшей* любви к еще живому, больному отцу выглядит по меньшей мере странно. И, конечно, обращает на себя внимание противоположность состояния Оленьки (полнеющей и сияющей) и объектов ее любви.

Смещение изображаемого относительно реалистической плоскости практически незаметны, более того, как и все вышеназванные поворотные события в прочих рассказах, и эти могут быть восприняты в непосредственно-бытовом ключе. Но повторяемость сходных мотивов из рассказа в рассказ, и сам строй, и символика каждого из рассказов — все это возвращает к мысли о сюжете мифопоэтическом, подспудном.

Как же именно происходит обнаружение *оборотной сущности* героинь и как в каждом из рассказов воссоздано это обнаружение?

Теневая сущность героинь: хтонические и инфернальные черты

Возвратимся к рассказу «Огни». Кисочка, после измены мужу с героем-рассказчиком, пребывает в уверенности, что теперь-то у нее и началась настоящая, счастливая жизнь, не подозревая, что Ананьев не планирует продолжать с ней отношения. Вот как он комментирует внезапно возникшую любовь Кисочки: «Женщины, когда любят, климатизируются и привыкают к людям быстро, как кошки» [25, т. 7, с. 131]. Так, кокетливое прозвище героини получает конкретно-анималистическую трактовку, а ее любовь низводится до инстинкта животного.

В рассказе «Попрыгунья» наиболее яркое уподобление, на сей раз насекомому, возникает, после того, как Ольга Ивановна узнает о смертельной болезни мужа. Она «нечаянно» видит свое отражение в трюме: «С бледным, испуганным лицом, в **жакете с высокими рукавами, с желтыми воланами на груди и с необыкновенным направлением полос на юбке**, она показалась себе **страшной и гадкой**» [25, т. 8, с. 27]. И в расцветке, и в силуэте этого странного костюма, с нарушением пропорций и гармонии, узнается... стрекоза. Визуальный образ оказывается зарифмованным с названием, недвусмысленно отсылающим к началу басни Крылова «Стрекоза и муравей». Иными словами, перед нами вновь роковое превращение — в «страшное и гадкое» насекомое. Крыловский образ как будто вырастает, гипертрофируется, становится пугающим, когда осознается точка невозврата: «...она из пустой прихоти, из баловства, вся, с руками и с ногами, вымазалась во что-то грязное, липкое, от чего **никогда уж не отмоешься...**» [25, т. 8, с. 28].

В портрете Ариадны с самого начала подчеркиваются змееподобные черты: «очень худая, очень тонкая, гибкая» [25, т. 9, с. 110], но в начале эти определения все же находятся в одном ряду с эпитетами с положительной коннотацией: «стройная, чрезвычайно грациозная», «с изящными, в высшей степени благородными чертами лица» [25, т. 9, с. 110]. В период пребывания героев в Италии (Ариадна уже — любовница Лубкова) появляется более конкретное именование: «Мы, как **сытые удавы**, обращали внимание только на блестящие предметы» [25, т. 9, с. 122]. Когда же Ариадна становится любовницей Шамохина, в ее описании возникают детали, которые указывают уже на гиперболизированную, даже неестественную *ненасытность* героини: «За обедом она съедала суп, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и потом, когда легла, я подавал ей в постель чего-нибудь, например, ростбифа...» [25, т. 9, с. 126]. И наконец, когда происходит окончательное «разоблачение» героини, появляется ее уподобление птице и насекомому: «Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому, без всякой надобности, а как бы **по инстинкту**, по тем же побуждениям, по каким **воробей чирикает** или **таракан шевелит усами**» [25, т. 9, с. 126–127].

В «Анне на шее», как и в «Душечке», динамика развития образа несколько отличается, кроме того, героини в финале обретают черты не столько хтонических существ, сколько существ низшей демонологии.

Анна на внешне-сюжетном уровне получает свободу и счастье, но мифопоэтический план «поворотного события» свидетельствует об ином — о фатальном *превращении*. Кроме того, на это же указывают частица «еще» и наречие «по-прежнему» до этого события («но все же любили они <отец и братья. — Г. 3.> ее **по-прежнему** и **еще** не привыкли обедать без нее» [25, т. 9, с. 165]) и многократное повторение наречия «уже» **после** него.

После того, как Анна занимает место пожилой женщины в избушке, она оказывается в другой реальности. Внешне она как будто становится тем самым иномирным (надмирным) созданием, способным благим образом воздействовать на мир («...уже глубоко убежденная, что ее улыбки и взгляды не доставляют этим людям ничего, кроме большого удовольствия» [25, т. 9, с. 171]), но превращение уже случилось, подмена очевидна, и две стороны героини — внешний, ложный блеск и внутренняя мертвенность (вспомним мифопоэтическую основу сказочного сюжета: ведьма вводит в мир мертвых) в данном сюжете предстают не последовательно, а одновременно.

По сути, вместо благого воздействия на мир она взаимодействует с ним разрушительно; значимые маркеры — утрата охранительного, благого стыда («...уже уве-

ренная, что ей за это ничего не будет» [25, т. 9, с. 172]) и приобретение стыда дурного, предательского («...ей **уже** было стыдно, что у нее такой бедный, такой обыкновенный отец» [25, т. 9, с. 171]). Показательно, что в перечислительном ряду последствий «преображения» Анны — с повторяющимся наречием «уже» — названы и такие, относящиеся ее к семье: «Они <отец и братья. — Г. З.> обедали **уже** одни...»; «...фисгармонию давно **уже** продали за долг» [25, т. 9, с. 173]. Подобный контекст очевидно способствует иному взгляду даже на кажущиеся благими изменения в жизни героини.

Весьма показательны и два замечания — самой героини и ее мужа, в которых также обнаруживается символический подтекст, формирующий подспудный сюжет. Первое звучит из уст самой Анны — она рассказывает об «издержках» своей популярности: «Возвращалась она домой каждый день под утро и ложилась в гостиной на полу, и потом рассказывала всем трогательно, как **она спит под цветами**» [25, т. 9, с. 172]. Здесь вновь обнаруживается двойственность. Можно вспомнить, что образ женщины, лежащей в цветах, возникает и в «Ариадне», о чем шла речь ранее. Но если Ариадна хотела обнаженной *лежать на цветах*, то Анна *спит под цветами*. Выражение «*сон под цветами*» может трактоваться и как метафора смерти; этот смысл актуален для мифопоэтического сюжета рассказа, потому что именно в «царство смерти» попадает Анна после встречи с условной ведьмой в избушке. И еще один значимый образ, обыгрываемый в названии (кстати, как видно, названия всех произведений так или иначе обнаруживают именно мифопоэтическую сущность героинь) — это образ обузы, тяжести и даже *камня* (ср. выражение «камень на шее»), в связи с чем возникает интересная корреляция с портретом пожилой женщины («с камнем во рту»), «функции» которой берет на себя Анна.

Теневая сторона образа Оленьки Племянниковой, ее вампирическая природа, лишь поначалу кажущаяся иной — отдающей, вдохновляющей — обнаруживается, как было показано, в деталях описания болезни и смертей обоих ее супругов. В дальнейшем, когда Оленька остается одна, без внешней подпитки, она не тоскует по конкретному умершему человеку, она не жаждет *отдать* любовь, она хочет именно *получить*: «Ей бы такую любовь, которая **захватила бы все ее существо**, всю душу, разум, **дала бы ей** мысли, направление жизни, **согрела бы ее** стареющую кровь» [25, т. 10, с. 110]. Именно в этот момент появляется ее магический / инфернальный атрибут. В данном случае это черная кошка — достаточно красноречивый образ, имеющий определенный спектр ассоциаций, укорененных в народные поверья.

Характерно, что одинокая, утратившая силы Оленька отгоняет черную кошку («Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычет, но не трогают Оленьку эти кошачьи ласки. <...> И она стряхивает с подола черную Брыску и говорит ей с досадой: — Поди, поди... Нечего тут!» [25, т. 10, с. 110]). Когда же появляется мальчик Саша, будущий новый источник Оленькиной жизненной энергии, он первым делом опознает кошку как принадлежащую Ольге: «И едва мальчик вошел во двор, как побежал за кошкой, и тотчас же послышался его веселый, радостный смех. — Тетенька, это ваша кошка? — спросил он у Оленьки» [25, т. 10, с. 111]. И впоследствии, когда Ольга Семеновна вновь обретает привычную для нее форму взаимодействия с миром, все становится на свои места: «И черная кошечка лежит у нее под боком и мурлычет» [25, т. 10, с. 113].

Таким образом, предпринятый анализ дает основания говорить об особой форме взаимодействия Чехова с традицией, точнее, с определенным мотивом, восходящим к эстетике романтизма. Интерес представляет именно двойственность, антиномич-

ность подобного взаимодействия, когда, с одной стороны (на внешнем уровне), обнаруживается ироническое снижение романтического, а с другой (на уровне внутреннего, подспудного сюжета) — являет себя включение этой традиции в писательский инструментарий. При этом антиномичность усугубляется введением в реалистическое повествование именно мифопоэтических элементов. При таком взгляде анималистические (или даже inferнальные) уподобления женщин-героинь обогащаются особыми смысловыми обертонами. Рассмотренный мифопоэтический сюжет, востребованный в свое время романтизмом, призван акцентировать идею невозможности для человека обрести идеал, перейти на иной, высший уровень жизни и сознания, выйти за пределы бытового и посюстороннего. Явленный поначалу идеальный образ оказывается обманчивым и, более того, губительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Альбов В. П.* Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова (Критический очерк) // Мир божий. 1903. № 1. С. 103–104.
- 2 *Афанасьев Э. С.* Творчество А. П. Чехова: Иронический модус. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 1997. 236 с.
- 3 *Гроссман Л. П.* Литературные биографии. М.: АСТ, 2012. 918 с. URL: <https://clck.ru/32nGkK> (дата обращения: 26.11.2022).
- 4 *Грудкина Т. В.* Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В. Ф. Одоевский, А. П. Чехов): дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2004. 194 с.
- 5 *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.
- 6 *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аxiома, 1996. 230 с.
- 7 *Капустин Н. В.* «Чужое слово» в прозе А. П. Чехова: жанровые трансформации. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. 262 с.
- 8 *Катаев В. Б.* Литературные связи Чехова. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1989. 261 с. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/index.shtml> (дата обращения: 27.02.2021).
- 9 *Катаев В. Б.* Чехов и мифология нового времени // Филологические науки. 1976. № 5. С. 71–77. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20151028-chehov-i-mifologiya-novogo-vremeni> (дата обращения: 27.02.2021).
- 10 *Катаев В. Б.* Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. 480 с.
- 11 *Кройчик Л. Е.* Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1986. 276 с.
- 12 *Кубасов А. В.* Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
- 13 *Лебедев А. А.* Персонаж ранней прозы А. П. Чехова и традиция Н. В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 176 с.
- 14 *Литовченко М. В.* Пушкинская традиция в прозе А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 246 с.
- 15 *Мильдон В. И.* Чехов сегодня и вчера: («Другой человек»). М.: Всероссийский гос. ун-т кинематографии им. С. А. Герасимова, 1996. 174 с.
- 16 *Новалис.* Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. 280 с. («Литературные памятники»)

- 17 *Паперный З. С.* Записные книжки Чехова. М.: Сов. писатель, 1976. 391 с.
- 18 *Парфенов А. И.* Традиции русского романтизма в прозе А. П. Чехова 1888–1903 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 210 с.
- 19 *Полонский В. В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
- 20 *Полоцкая Э. А.* Внутренняя ирония в рассказах и повестях Чехова // Мастерство русских классиков: сборник. М.: Сов. писатель, 1969. С. 438–493.
- 21 *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- 22 *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
- 23 *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 1987. 180 с.
- 24 *Хайнади З.* Русская Психея. Чехов «Душечка» // Литература (приложение к газете «Первое сентября»). 2005. № 16. С. 18–23.
- 25 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 7: 1888–1891. 733 с. М.: Наука, 1977. Т. 8: 1892–1894. 525 с. М.: Наука, 1977. Т. 9: 1894–1897. 541 с. М.: Наука, 1977. Т. 10: 1898–1903. 491 с.
- 26 *Чудаков А. П.* Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.
- 27 *Шишко Е. С.* Мифологическое пространство в рассказах А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 200 с.

© 2022. Galina Yu. Zavgorodnyaya
Moscow, Russia

FEMALE IMAGES IN STORIES BY A. P. CHEKHOV: ROMANTIC TRADITION AND MYTHOPOETIC ASPECT

Abstract: The paper considers a particular case of interaction between A. P. Chekhov with a previous literary tradition, namely, with the romantic motif of the union of a hero and a woman, which has a mythical, otherworldly nature. According to the aesthetics of romanticism, the hero in this case seeks to join the ideal world through love, but such a union is always doomed, moreover, it is destructive either for one or for both. One of the options for the development of such a plot is that the heroine misleads the hero (sometimes, being just a hostage of her essence) with her beauty, singing, etc., subsequently revealing her chthonic or infernal nature. Analysis of a number of A. P. Chekhov's stories showed that on the external plot level, romantic stylistics and imagery are subject to reduction and parody. However, at the inner, latent level, Chekhov repeatedly uses this very romantic plot — the exposure of the ideal lover. The plot is shaped by allusions to mythology and folklore; these are primarily portrait and landscape descriptions, names, details, repetitions. The non-obviousness of this underlying plot is that all of the above may be read and from purely realistic standpoint.

Keywords: Chekhov, Stories, Female Images, the Tradition of Romanticism, Mythopoeitics.

Information about the author: Galina Yu. Zavgorodnyaya — DSc in Philology, Professor, The Maksim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoi Blvd., 25, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4830-4797>

E-mail: galina-yuz@yandex.ru

Received: March 05, 2021

Approved after reviewing: April 16, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Zavgorodnyaya G. Yu. Female Images in Stories by A. P. Chekhov: Romantic Tradition and Mythopoetic Aspect. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 238–254. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-238-254>

REFERENCES

- 1 Al'bov V. P. Dva momenta v razvitii tvorchestva Antona Pavlovicha Chekhova (Kriticheskii ocherk) [Two Moments in the Development of the Work of Anton Pavlovich Chekhov (Critical Essay)]. *Mir bozhii*, 1903, no 1, pp. 103–104. (In Russian)
- 2 Afanas'ev E. S. *Tvorchestvo A. P. Chekhova: Ironicheskii modus* [Works of A. P. Chekhov: An Ironic Modus]. Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo Publ., 1997. 236 p. (In Russian)
- 3 Grossman L. P. *Literaturnye biografii* [Literary Biographies]. Moscow, AST Publ., 2012. 918 p. Available at: <https://clck.ru/32nGkK> (Accessed 26 November 2022). (In Russian)
- 4 Grudkina T. V. *Fenomen dvoinichestva v russkoi literature XIX veka (V. F. Odoevskii, A. P. Chekhov)* [The Phenomenon of Duality in Russian Literature of the 19th Century (V. F. Odoevsky, A. P. Chekhov): PhD Dissertation]. Shuia, 2004. 194 p. (In Russian)
- 5 Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p. (In Russian)
- 6 Zhirmunskii V. M. *Nemetskii romantizm i sovremennaia mistika* [German Romanticism and Modern Mysticism]. St. Petersburg, Axioma Publ., 1996. 230 p. (In Russian)
- 7 Kapustin N. V. "Chuzhoe slovo" v proze A. P. Chekhova: zhanrovye transformatsii ["Someone Else's Word" in the Prose of A. P. Chekhov: Genre Transformations]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2003. 262 p. (In Russian)
- 8 Kataev V. B. *Literaturnye sviazi Chekhova* [Chekhov's Literary Connections]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1989. 261 p. Available at: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/index.shtml> (Accessed 27 February 2021). (In Russian)
- 9 Kataev V. B. Chekhov i mifologiya novogo vremeni [Chekhov and the Mythology of Modern Times]. *Filologicheskie nauki*, 1976, no 5, pp. 71–77. Available at: <https://md-eksperiment.org/post/20151028-chehov-i-mifologiya-novogo-vremeni> (Accessed 27 February 2021). (In Russian)
- 10 Kataev V. B. *Chekhov plus... Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov Plus... Predecessors, Contemporaries, Successors]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 480 p. (In Russian)
- 11 Kroichik L. E. *Poetika komicheskogo v proizvedeniakh A. P. Chekhova* [The Poetics of the Comic in the Works of A. P. Chekhov]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1986. 276 p. (In Russian)

- 12 Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii* [The A. P. Chekhov's Prose: the Art of Stylization]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1998. 399 p. (In Russian)
- 13 Lebedev A. A. *Personazh rannei prozy A. P. Chekhova i traditsiia N. V. Gogolia* [The Character of the Early Prose of A. P. Chekhov and the Tradition of N. V. Gogol: PhD Dissertation]. Moscow, 2003. 176 p. (In Russian)
- 14 Litovchenko M. V. *Pushkinskaia traditsiia v proze A. P. Chekhova* [The Pushkin Tradition in the A. P. Chekhov's Prose: PhD Dissertation]. Kemerovo, 2007. 246 p. (In Russian)
- 15 Mil'don V. I. *Chekhov segodnia i vchera: ("Drugoi chelovek")* [Chekhov Today and Yesterday: ("Another man")]. Moscow, Gerasimov Institute of Cinematography, 1996. 174 p. (In Russian)
- 16 Novalis *Genrikh fon Ofterdingen* [Heinrich von Ofterdingen]. Moscow, Ladomir Publ.; Nauka Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
- 17 Papernyi Z. S. *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's Notebooks]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1976. 391 p. (In Russian)
- 18 Parfenov A. I. *Traditsii russkogo romantizma v proze A. P. Chekhova 1888–1903 gg.* [The Traditions of Russian Romanticism in the Prose of A. P. Chekhov 1888–1903: PhD Dissertation]. Moscow, 2016. 210 p. (In Russian)
- 19 Polonskii V. V. *Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaia literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriia, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the turn of the 20th Century: history, poetics, context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 472 p. (In Russian)
- 20 Polotskaia E. A. *Vnutrenniaia ironiia v rasskazakh i povestiakh Chekhova* [Internal Irony in the Stories and Stories of Chekhov]. In: *Masterstvo russkikh klassikov: sbornik* [Mastery of Russian Classics: Collection]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1969, pp. 438–493. (In Russian)
- 21 Propp V. Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
- 22 *Slavianskaia mifologiia. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2002. 512 p. (In Russian)
- 23 Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Issues of Poetics by A. P. Chekhov]. Leningrad, Pushkin Leningrad State University Publ., 1987. 180 p. (In Russian)
- 24 Khainadi Z. *Russkaia Psikheia. Chekhov "Dushechka"* [Russian Psyche. Chekhov's "Darling"]. In: *Literatura (Prilozhenie k gazete "Pervoe sentiabria")* [Supplement to the Newspaper "Pervoe sentiabria"], 2005, no 16, pp. 18–23. (In Russian)
- 25 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete Works and Letters: 30 vols. Compositions: in 18 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 7: 1888–1891. 733 p. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 8: 1892–1894. 525 p. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 9: 1894–1897. 541 p. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 10: 1898–1903. 491 p. (In Russian)
- 26 Chudakov A. P. *Mir Chekhova. Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's World. Appearance and Approval]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 379 p. (In Russian)
- 27 Shishko E. S. *Mifologicheskoe prostranstvo v rasskazakh A. P. Chekhova* [PhD Dissertation]. Taganrog, 2006. 200 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. В. Хрусталева
г. Москва, Россия

«Я ТОЖЕ ХОЧУ РАБОТАТЬ, УЧИТЬСЯ И ЖИТЬ»: ПЕРЕПИСКА А. СЕВЕРНОГО С А. М. ГОРЬКИМ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00394
««Стенограмма»: Политика и литература.

Цифровой архив литературных организаций 1920-1930-х гг.»

Аннотация: Статья посвящена переписке А. М. Горького с забытым провинциальным писателем Аркадием Александровичем Вдовиным (публиковался под псевдонимом Аркадий Северный). Письма Северного к Горькому не только являются одним из немногих источников к биографии Северного, но также представляют немаловажное значение для еще не написанной истории пореволюционной литературной жизни провинции. Они иллюстрируют массовое литературное движение 1920–1930-х гг. и содержат новые сведения о неформальной заинтересованности Горького в поддержке интереса начинающих авторов к литературному делу. Переписка Горького с писателями из провинции обогащает представления об истории советской повседневности, характеризует расстановку литературных сил, группировавшихся вокруг писательских союзов, литературные практики местных ассоциаций пролетарских писателей, бытовое поведение их членов. Северный — автор, позиционировавший себя как член Московской ассоциации пролетарских писателей. Биографических сведений о нем мало. Факт его пребывания и возможного проживания в волжских городах восстанавливается по разрозненным публикациям в газетах. Из них следует, что Северный неоднократно как поэт выступал на литературных вечерах в Саратове и Саратовской губернии. Из стихотворения Северного «О себе», опубликованного в саратовской газете «Большевицкий молодец» 26 ноября 1925 г., можно заключить, что автор имел опыт заводской жизни, вступил в комсомол, начав таким образом свою общественную карьеру. Обществу с Горьким он был обязан своему пролетарскому происхождению. В начале 1930-х гг. письма Северного к Горькому остаются без ответа. Причиной тому стала попытка Северного продать редакции ленинградского «Резца» письма к нему Горького.

Ключевые слова: А. Северный, провинциальные корреспонденты М. Горького, история советской литературной повседневности.

Информация об авторе: Анна Владимировна Хрусталева — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

E-mail: tevlin1982@mail.ru

Дата поступления статьи: 18.05.2022

Дата одобрения рецензентами: 25.06.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Хрусталева А. В. «Я тоже хочу работать, учиться и жить»: переписка А. Северного с А. М. Горьким // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 255–262. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262>

Переписке М. Горького, превышающей двадцать тысяч писем, предстоит составить 24 тома второй серии Полного собрания сочинений, издаваемой в настоящее время в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.

Снабженная исчерпывающим текстологическим и историко-литературным комментарием, она к настоящему моменту охватывает период с 1888 по 1936 г. Подготовителями скрупулезно собраны и прокомментированы письма Горького ко всем его многочисленным корреспондентам, представляющие современному читателю литературную жизнь и околосредовый быт страны и даже мира с конца XIX в. до 1936 г. с необыкновенной полнотой и детализацией [6, с. 420].

Для целей настоящей статьи особую ценность представляет переписка Горького с писателями из российской глубинки, которая вносит важные новые штрихи в еще не написанную историю пореволюционной литературной жизни провинции, массового литературного движения 1920–1930-х гг. и предоставляет новые сведения о неформальной заинтересованности Горького в поддержке интереса начинающих авторов к литературному делу. Переписка Горького с начинающими писателями из провинции обогащает наше представление о факторах, определяющих особенности регионального литературного процесса — расстановку здесь литературных сил, группировавшихся вокруг писательских союзов, таких, как ЛЕФ, попутнические объединения, местные ассоциации пролетарских писателей, об их составе, эстетических программах, литературных практиках; о порядке финансирования писательского дела в провинции, взаимодействии с партийными органами и советской властью. Не менее значимы и новые биографические данные о провинциальных деятелях культуры, опыте их становления как писателей и вхождения в общереспубликанскую литературную жизнь. Из последних исследований, где был использован эпистолярный А. М. Горького для «точечного» обогащения провинциальной темы, можно назвать публикацию «М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги», подготовленную по архивным первоисточникам и вышедшую в ИМЛИ РАН [2]. Настоящая статья и публикация имеют целью по мере возможности пополнить историю литературной советской повседневности и в известной мере продолжают исследовательскую линию названного труда.

Переписка Северного с авторитетным писателем не была односторонней: к настоящему моменту в Полном собрании сочинений опубликовано два письма Горького к Северному, написанных доброжелательно, заинтересованно и с неформальным участием в судьбе писателя [1]. Так, Горький предлагает помочь начинающему автору с учебой в вузе и просит писать обо всем, что интересует его корреспондента, будит его воображение, вызывает потребность обсудить со старшим другом. Ни одно из 29 писем Северного Горькому 1927–1936 гг., хранящихся в Архиве А. М. Горького ИМЛИ РАН, прежде не публиковались.

Северный (настоящее имя, фамилия и отчество Вдовин Аркадий Александрович (1909–?)) [3, с.198] — не лишенный таланта писатель, позиционировавший себя как член Московской ассоциации пролетарских писателей. При жизни Северный публиковался мало. Небольшой архив его рукописей хранится в РГАЛИ, среди них — пьесы «Огни Донбасса» (1948), стихотворения (1942), «Повесть о людях моего детства» и др.

Биографических сведений о Северном крайне мало. Факт его пребывания и возможного проживания в волжских городах восстанавливается нами по разрозненным публикациям в газетах. Из них следует, что Северный как поэт неоднократно выступал на литературных вечерах в Саратове и Саратовской губернии. Из стихотворения Северного «О себе», опубликованного в саратовской газете «Большевицкий молодец» 26 ноября 1925 г., следует, что автор имел опыт заводской жизни, вступил в комсомол, начав таким образом свою общественную карьеру. Некоторые сведения о Северном можно почерпнуть из писем его к Горькому. Из них становится известно, что Северный — казанский детдомовец, брошенный без попечения отцом. Заниматься творчеством Северный начал задолго до знакомства с Горьким, написав в 1918–1919 гг. поэму о Гражданской войне и взятии Казани. Поэма не была опубликована и отправлялась адресату для авторитетной оценки.

Наши разыскания показали, что впервые имя Северного как пролетарского поэта появляется в литературно-критическом очерке саратовской комсомольской газеты «Большевицкий молодец» за 1 января 1926 г. Здесь он характеризуется как «голос комсомола» пролетарской молодой литературы. Доморощенный критик, желая, видимо, подчеркнуть высокое классовое самосознание автора, нашел для его творчества нестандартный эпитет, сравнив его с «пунцовой точкой» на общем, видимо, неярком литературном фоне. Но, высоко оценив творчество Северного, редакция газеты посчитала на то, что сотрудничество многообещающего автора, как, впрочем, и нескольких других талантливых поэтов, носит мимолетный характер: «Газета для них была подобна теплomu очагу: приходили, обогрелись, заражались творческим настроением и, к сожалению, недолго оставаясь здесь, некоторые уходили». Поскольку в «Саратовских известиях», как и других периодических изданиях губернии, обнаружить иные публикации Северного и упоминания о нем не удалось, по-видимому, пребывание его в Саратове было непостоянным, он наведывался сюда в 1926–1928 гг. для выступлений с чтением стихов. Вероятно, в духе времени, Северного приглашали на вечера местной рабочей молодежи. Как известно, этот вид агитационно-пропагандистской творческой деятельности позволял получать гонорар, обеспечиваемый профсоюзами, бравшими на себя «спонсирование» выступлений. Как нам удалось установить, в Саратове с такими литературными гастролями в 1920-е гг. приезжали пролетарские поэты, члены Всероссийской ассоциации пролетарских писателей И. Уткин, И. Молчанов, А. Безыменский. Надо заметить, что выступления литераторов в те годы подчас были яркими и запоминающимися «шоу». Из саратовских газет известно, например, что выступление Уткина в Саратове сопровождалось скандальным успехом. О реакции на его приезд свидетельствует сообщение, что милиционер был вынужден охранять дверь, дабы пресечь попытки попасть на мероприятие многочисленных желающих, для которых уже не было места в зале. Как отмечено корреспондентами, Уткин вел себя экстравагантно, залез на стол, несколько агрессивно преподносил аудитории свои оценки современных поэтов, в том числе Маяковского. Зал вел себя столь же агрессивно: слушатели обвиняли Уткина в контрреволюции, непонимании того, что в стране идет классовая

борьба; упрекали поэта в отсутствии тем, интересных пролетариату, требовали от него большей связи с массами.

Северный, скорее всего, мечтал о карьере в литературной сфере. Именно с этой целью он, видимо, начал переписку с Горьким, которому писал по преимуществу из Сталинграда, где проживал до 1928 г. Здесь он работал на заводе, служил рабкором молодежной сталинградской газеты «Резервы». После 1928 г. несколько его писем Горькому адресовано уже из Москвы. Вероятно, карьера комсомольского поэта, рабкора, наконец-то пошла в гору. С 1928 по 1930 г. Северный сотрудничал с журналом профсоюза работников водного транспорта «На вахте», профсоюза работников химической промышленности «Рабочий-химик», а также с «Крестьянским журналом».

Каким образом Северный получил доступ к Горькому, стал его корреспондентом? Вероятно, этому поспособствовал Алексей Павлович Зозуля (псевдоним — Волжский), которого Горький упоминает в письме к Северному, датированном ноябрем 1927 г. и отправленном из Сорренто [1, с. 73]. В этом письме Горький критикует отдельные стилевые неудачи Северного, например, обращает его внимание на то, что «гудок» не может «рассыпаться». Очевидно, к концу 1927 г. Горький уже получал от Северного несохранившиеся письма с приложением его произведений.

На первый взгляд, главным мотивом начатой Северным переписки с маститым писателем было его желание получить оценку своего творчества и советы по его совершенствованию. Однако в дальнейшем Северный в своих обращениях к Горькому больше внимания уделяет своему материальному неблагополучию, исправно сообщая то о потере работы, то о невозможности устроиться в редакцию той газеты, которая была бы неведомственным изданием и, значит, платила бы большие гонорары, информирует писателя о рождении и болезни дочери, повлекших за собой появление долгов. Переписка наполнена подробностями, касающимися также и бытовой стороны жизни Северного. Он не стесняется сообщать писателю о страшном холоде в единственной жилой комнате, о невозможности совмещать работу и творчество и т. п. Очевидно, что Северный был много наслышан о горьковской благотворительности, щедро адресованной его землякам-волжанам. Из переписки с Горьким следует, что в общей сложности Северный получил от него в качестве страдающего от неурядиц и неопытного автора 400 руб., адресованных ему для реабилитации после болезни его жены и дочери. Первый раз Горький высылает Северному 150 руб. и продолжает материально поддерживать поэта до 1932 г.

Можно предположить, что не только земляческие чувства обусловили исключительную отзывчивость Горького на нужды Северного. Причиной могла быть и принадлежность Северного к пролетарским писателям. Во время саратовских выступлений Северный утверждал, что состоял членом Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП). Сохранившиеся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН списки членов МАПП фамилии Северного не содержат, что, впрочем, не исключает его членства в этом огромном и кружковом по своей организационной основе объединении. К 1931 г. МАПП насчитывал 81 низовой литературный заводской кружок, в составе которых состояли рабкоры заводских и ведомственных газет из числа тех, где трудился в те годы Северный. Акцентируя свой статус члена МАПП, статус рабочего писателя, Северный рассчитывал на большее доверие к нему Горького, известного своими симпатиями к пролетариату [4].

В начале 1930-х гг. письма Северного к Горькому, как следует из его обращений к писателю, остаются безответными. Причиной тому стал инцидент с попыткой

Северного продать редакции ленинградского «Резца» писем к нему Горького. О самой этой попытке Горький узнал из публикации в «Резце». Здесь сообщалось, что Северный потерпел фиаско: назвав его хамоватым юношей, автор обвинил его в спекуляции светлым именем писателя. Северный переслал Горькому испещренную своими пометами редакторскую статью «Резца» с рассказом об этом неприятном эпизоде, снабдив ее подробной исповедью-оправданием. В частности, он пишет: «Нелепость, будто бы я предлагал купить письма», утверждая, что они были предложены в безвозмездное пользование, деньги же якобы были предназначены для компенсации дорожных издержек.

Причиной, по которой мапповец Северный решил попытаться счастья с продажей писем Горького ленинградскому «Резцу», объясняется престижностью этого издания. Известно, что Ленинград отличался более высоким темпом прироста рабочих по своему происхождению авторов, чем Москва. После очередной партийной чистки в 1928 г. ленинградский «Резец» стал стопроцентно рабочим кружком, из состава которого выведены были не только политически неблагонадежные бывшие кадеты, лишенцы, но и вообще все лица, не имеющие отношения к заводу и фабрике (ОР ИМЛИ. РАПП. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 41; 54). Социальная «чистота» «Резца» была в те годы редкостью. В Нижнем Новгороде, например, в писательской организации, гордо именующей себя пролетарской, к концу 1920-х гг. было всего 10 рабочих из 100 человек личного состава (ОР ИМЛИ. РАПП. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 35). Немало провинциальных Ассоциаций пролетарских писателей, а также и редакции издаваемых ими печатных органов, оставались пестрыми в своем социальном и профессиональном составе. Выбор Северным издания для продажи писем Горького, таким образом, мог определяться также и большим социальным соответствием предмету переписки.

Северного с Горьким связывал еще один яркий творческий и биографический сюжет. Северный был представлен Горьким французскому писателю Р. Роллану. Письма его к Роллану не сохранились, в отличие от писем Р. Роллана к Северному, которые дошли до нас и были опубликованы [5].

Внимание Роллана к малоизвестному пролетарскому провинциальному писателю обусловлено общеевропейскими политическими процессами августа 1927 г., когда во французской эмигрантской прессе развернулась кампания против политики СССР по уничтожению культуры и литературы. В газете «L'Avenir» было напечатано анонимное воззвание «Писателям мира», в котором советскую власть обвиняли в гибели деятелей культуры. Роллан, близкий друг Горького и симпатизант СССР, пожелал получить от писателя список советских литераторов, довольных своей судьбой в СССР, для выражения своей позиции солидарности не с эмигрантами, а с писателями, представлявшими ростки новой культуры. В 1928 г., т. е. в годы оживленной двусторонней переписки Горького с Северным, Горький предоставил ему список с именем Северного, связав последнего с французским писателем, лауреатом Нобелевской премии. Письма Роллана к Северному содержат рекомендации по стилевой правке, а также совет по замене псевдонима.

Ниже публикуется одно из сохранившихся писем Северного к Горькому, датированное 11 января 1928 г., представляющее характерное явление в истории советской околосредовой повседневности 1920-х гг.

Текст публикуется по первоисточнику из Архива Горького в ИМЛИ АГ.КГ-нп/а-22-1-1-11. Письмо направлено адресату из Сталинграда. К письму приложена

вырезка со стихами Северного из неустановленного периодического издания. В публикации сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Дорогой Алексей Максимович!

Имею ли я право просить вас о чем-либо после всего сделанного вами? Этот вопрос я два дня обдумывал. У меня нет родителей, нет людей которые обратили бы внимание, хоть маленькое внимание на меня. Вы мне помогли и материально и морально. Меня почему-то влечет к вам попросту, я как-то доверяю вам.

Видетели дорогой учитель! Два месяца со дня моего приезда в Москву я ищу здесь какую-нибудь работу стою на бирже труда, получаю пособие по безработице 15 рублей + ⁻¹. Очень тяжело. Главное приходится убеждаться что каждый журнал (даже профсоюзный, ведомственное издание) имеет свой круг журналистов, когда обращаешься к ним они молчат как молчат камни. Тяжело. А чтобы эти камни заговорили необходимо потратить много сил. А их нет. И вот когда я почти выбивался из сил когда я полуголодной не знал что предпринимать когда у меня в кармане было всего 19 копеек и когда мне негде было ночевать, потому что я задолжал квартирной хозяйке. Я получил ваши 150 рублей². Такие неожиданные такие необходимые для меня 150 рублей. Я две недели отдыхал, я расплатился с хозяйкой и мог отдыхать или работать. Ах, как горячо я взялся за работу. И как многое мне удалось. (Завтра я вам вышлю небольшую повесть написанную за два дня). Прошел месяц у меня вышли деньги и я покинул стол с любимой работой, снова хожу по редакциям и каждый раз при отказе глубоко на кого-то обижаюсь. Бывает и так что меня печатают и дают пять шесть десять рублей за стих. Но как трудно и как редко это бывает. Сейчас я почти больной у меня расшатаны основательно нервы и надломлена душа. А если бы я работал меня отправляли в санаторию, но я безработный а безработный может спокойно умирать. Очень тяжело. Дорогой учитель! Вы можете мне помочь, помогите. Я тайно вас глубоко ценю и люблю и писателя и человека. Мне некому обратиться, более. Может-быть вы сможете меня как-нибудь устроить через ваших знакомых в Москве, куда-нибудь на какую угодно работу. Спасите меня. Я вас никогда не забуду. Я тоже хочу работать учиться и жить.

Любящий вас Аркадий Северный

Жду от вас вашего решения, поверьте каждый день мне стоит крови, настоящей человеческой крови. Адрес мой тот же.

«Вчера и сегодня»³

Огнем горели улицы вчера

И гордостью

Пылали лица...

Ах, эти дни...

И эти вечера...

Мой Сталинград

Казался мне столицей

Я никогда

Не знал его таким...

Он цвел, Звенел От розового звона... — Товарищ

— Десять лет.

Товарищ, победим!

Кричали лозунги, Победные знамена. И солнце было горячо... Хотелось этой радости поверить... Ведь снова шли Плечо к плечу

Партийцы, комсомольцы, пионеры... Я целый день горел, Цвели глаза В народном Кумачовом гуле Сестренке маленькой

Не вытерпел, сказал:

Ты понимаешь,

¹ В провинции (на примере Саратова) в 1928 г. минимальная установленная заработная месячная плата при полной занятости составляла 27 руб. 50 коп. для низшего технического персонала (санитарок).

² В 1928 г. провинциальный учитель в провинции получал от 32 до 40 руб. в месяц при полной занятости, бухгалтер — от 70 руб. в месяц. Московский уровень зарплат был выше, так, машинистки МАПП получали от 70 руб. при полной занятости.

³ Газетная вырезка со стихотворением А. Северного, приложенная к письму.

Десять лет минуло!..
Она смеялась...
И смеялся я...
Смеялся город
Радостными лицами ***
Мой Сталинград!
Увидел я тебя Большой Советскую столицей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Горький М. Полн. собр. соч. Письма. В 24 т. М.: Наука, 2014. Т. 17: Письма август 1927 – май 1928. 868 с.
- 2 М. Горький и А. Богданович: дружба, рожденная на берегах Волги / отв. ред. Д. С. Московская. М.: Худож. лит., 2018. 840 с.
- 3 Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. 557 с.
- 4 Московская Д. С., Романова О. В. Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920–1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 189–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198>
- 5 Северный А. «Повесть моего детства» (отрывок) // Тридцать дней. М.: Союз писателей СССР; Гудок, 1935. № 11. С. 34–39.
- 6 Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе развития // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 419–433. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-419-433

© 2022. Anna V. Khroustaleva
Moscow, Russia

“AND I ALSO WANT TO WORK, TO LEARN AND TO LIVE”: A LETTER OF A. SEVERNY TO M. GORKY

Acknowledgements: This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00394 “Stenograph: Politics and literature. Digital archive of literary organizations”.

Abstract: The paper discusses the correspondence of A. M. Gorky with a provincial forgotten writer Arkady Alexandrovich Vdovin (pseudonym Arkady Severny). Severny's letters to Gorky are not only the one of the few sources for Severny's biography, but also an important source of data for the yet-to-be-written history of the province's post-revolutionary literary life. They illustrate the mass literary movement of the 1920s and 1930s, and introduce new information about Gorky's informal interest in supporting the interest of aspiring authors in literary work. Gorky's correspondence with aspiring writers from the provinces enriches perceptions about the history of Soviet everyday life, characterizes the alignment of literary forces grouped around writers' unions, literary practices of local associations of proletarian writers, everyday behavior of their members. Severny is a writer who positioned himself as a member of the Moscow Association of Proletarian Writers. Little is known about his biography. The fact of his presumed

residing in the Volga Region is retrieved according to some newspaper publications. They show that Severny repeatedly recited his poems in different corners of Saratov. His autobiographical poem “About Myself” published on 26th of the November, 1925 in “The Bolshevik Juveniles” demonstrates that he was taken into Komsomol and had a background of a factory worker. He accentuated his proletarian origin to get in touch with Gorky. In the early 1930s, Severny's letters to Gorky remained unanswered. The reason for this was Severny's attempt to sell Gorky's letters to him to the editors of the Leningrad magazine “Rezets”.

Keywords: A. Severny, Provincial Correspondents of Gorky, the History of Everyday Life.

Information about the author: Anna V. Khroustaleva — DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

E-mail: olvimy21@gmail.com

Received: May 18, 2022

Approved after reviewing: June 25, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Khroustaleva A. V. “And I also Want to Work, to Learn and to Live”: a Letter of A. Severny to M. Gorky. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 255–262. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-255-262>

REFERENCES

- 1 Gor'kii M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma. V 24 t.* [Complete Works. Letters. In 24 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2014. Vol. 17: Pis'ma avgust 1927 – mai 1928 [Letters August 1927 – May 1928]. 868 p. (In Russian)
- 2 M. Gor'kii i A. Bogdanovich: *druzhba, rozhdenaia na beregakh Volgi* [M. Gorky and A. Bogdanovich: Friendship Born on the Banks of the Volga], ex. ed. D. S. Moskovskaya. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2018. 840 p. (In Russian)
- 3 Masanov I. F. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 vols.]. Moscow, Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ., 1960. Vol. 4. 557 p. (In Russian)
- 4 Moskovskaya D. S., Romanova O. V. Literaturnye kruzhki kak instrument stroitel'stva proletarskoi kul'tury. 1920–1932 gg. (po dokumentam otdela rukopisei IMLI RAN) [Literary Circles as a Tool for Building Proletarian Culture. 1920–1932 (According to the Documents of the Department of Manuscripts of IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 189–198. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-189-198>. (In Russian)
- 5 Severnyi A. “Povest' moego detstva” (otryvok) [“The Story of my Childhood” (Excerpt)]. In: *Tridtsat' dnei* [Thirty Days]. Moscow, Soiuz pisatelei SSSR Publ.; Gudok Publ., 1935, no 11, pp. 34–39. (In Russian)
- 6 Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na sovremennom etape razvitiia [Gorky Studies at the Present Stage of Development]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no 3–4, pp. 419–433. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-419-433 (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-263-276>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Т. И. Радомская

г. Москва, Россия

© 2022 г. М. Л. Федоров

г. Москва, Россия

РУКОПИСНАЯ КНИГА ИВ. НОВИКОВА «ПЛАТОК ЗАБВЕНИЯ» И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Аннотация: В первой трети XX в. в русской культуре сложилась определенная традиция создания рукописной книги. В значительной степени она опиралась на наследие древнерусской книжности, где книга представляла собой многоуровневый семиотический объект, имеющий сакральное значение. Начиная от переплета и качества бумаги и заканчивая содержанием, древнерусская книга призвана была прославлять Бога и показывать человека как образ и подобие Бога. Средневековая книга как совокупность буквенных обозначений прочитывается, как минимум, в четырех измерениях: цветовом, графическом, звуковом и числовом. И только совокупность всех этих уровней давала полноту смысла, отражающую гармонию мира и полноту бытия. В ОР ИМЛИ отложился уникальный документ — рукописная книга писателя Ив. Новикова, созданная в начале 1920-х гг. и включающая в себя стихотворный цикл «Платок забвения». Оформленная автором в традициях дореформенной орфографии, украшенная иллюстрациями она представляет собой памятник, имеющий особую богословскую программу, ключ к пониманию которой автор находит в русском средневековье. В статье показано, как традиции искусства книги Древней Руси оживают и наполняются новыми смыслами в советской культуре 1920-х гг.

Ключевые слова: Ив. Новиков, древнерусская книжность, рукописная книга, искусство книги, советская поэзия, архив.

Информация об авторах:

Татьяна Игоревна Радомская — доктор филологических наук, профессор, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Хибинский пр., д. 6, 129125 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9442-7643>

E-mail: radomtatic@gmail.com

Максим Львович Федоров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 05.10.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Радомская Т. И., Федоров М. Л. Рукописная книга Ив. Новикова «Платок забвенья» и традиции древнерусской книжности // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 263–276.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-263-276>

Русская культура первой трети XX в. в своих художественных поисках неоднократно и не без очевидного успеха обращалась к эстетическому канону Древней Руси. Среди подлинных вершин этого периода, вдохновленных русским средневековым искусством, можно назвать изделия Абрамцевских мастерских, произведения декоративно-прикладного искусства, созданные в Талашкине, уникальные опыты с майоликой М. А. Врубеля. Строгановское прикладное училище в начале века широко использует древнерусское узорочье и орнаменты, генетически связанные с изобразительным оформлением древнерусских книг.

Рукописная книга занимает особое место в русской культуре первой трети XX в. Ее авторами и создателями становятся лучшие поэты и писатели: М. И. Цветаева, Андрей Белый, В. А. Гиляровский, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам, Ф. К. Сологуб, В. Ф. Ходасевич, А. М. Ремизов и др. Созданные ими произведения книжного искусства невелики по объему, книга обычно не превышает 20 страниц и часто существует в единственном экземпляре.

В ОР ИМЛИ сохранился уникальный документ первых послереволюционных десятилетий — рукописная книга Ив. Новикова «Платок забвенья» (ОР ИМЛИ. Ф. 116. Оп. 1. Ед. хр. 8).

На титульном листе она имеет заглавие — «Платок забвенья» и подзаглавие — Книга-автограф, изд. в 1-мъ экз.

Указано место и год издания — Москва, 1921.

Нельзя сказать, что Новиков остался «забытым талантом». Его знают и изучают как поэта, прозаика, продолжающего тургеневскую линию в русской литературе. Он вошел в культуру еще и как автор исторических романов о Пушкине («Пушкин в изгнании», «Пушкин на юге», «Пушкин в Михайловском»), выдержавших многочисленные издания. Помнят его и как исследователя и переводчика «Слова о полку Игореве». Однако очевидно, что его имя теряется в кругу более знаменитых современников, и масштаб его «известности», как кажется, совсем не соответствует его таланту. Как пишет М. В. Михайлова, «Он как раз из тех, кого критика и читатели “проглядели”, как они в свое время “проглядели” Тютчева, Баратынского, Чехова, почти не заметили Бунина» [5, с. 29].

Рукописная книга Новикова, отложившаяся в ОР ИМЛИ, была издана в Книжной лавке писателей. Поскольку в голодные 1920-е гг. выпустить печатную книгу было чрезвычайно сложным делом, для многих поэтов и писателей издать в Книжной лавке свои рукописные произведения становилось единственной возможностью дойти до читателя и получить гонорар, на который можно было бы выжить.

На титульной странице рукописной книги Новикова обозначено «книга-автограф». М. А. Осоргин вспоминал, как создавались в Книжной лавке подобные произведения: «Мне следовало бы рассказать здесь об одном любопытном предприятии нашей “Книжной Лавки Писателей”: о нашем “автографическом издательстве”. Когда

стало невозможно издавать свои произведения, мы надумали, с полной последовательностью, издавать коротенькие вещи в одном экземпляре, писанном от руки. Сделали опыт — и любители автографов заинтересовались. Ряд писателей подхватили эту мысль, и в нашей витрине появились книжки-автографы поэтов, беллетристов, историков искусства, представлявшие самодельную маленькую тетрадку, обычно с собственноручным рисунком на обложке. Книжки хорошо раскупались и расценивались довольно прилично, а у нас рождалась иллюзия, что продукты нашего писательского творчества все же публикуются и идут к читателю» [9, с. 131].

Осоргин составил список «автографических» изданий Книжной лавки, в котором упомянута и рукописная книга Новикова «Платок забвения». В ОР ИМЛИ она попала после ликвидации Всероссийского Союза писателей, в музей которого Лавка передала свое собрание рукописных книг.

Новиков не мог рассчитывать на то, что его произведения в это время будут опубликованы привычным, типографическим способом еще и потому, что в начале 1920-х гг. он особенно остро ощущал свою невозможность «встроиться» в советскую литературу. Ведущие газеты: «Правда», «Известия», «Труд» — опубликовали разгромные рецензии на его произведения и вынесли ему суровый приговор.

В 1922 г. в «Правде» о его рассказе «Жертва» написано, что это произведение отличает «печать отсутствия жизненной правды, надуманности. Революция губит все благородное. Выживают только рвачи. И эти рвачи — молодая грядущая Россия. Ничего другого автор в новой России и в революции не видит. Вся душа интеллигента и мещанина здесь как на ладони» [4, с. 6]. Одновременно с «Правдой» разгромную рецензию на один из рассказов Новикова напечатал «Труд»:

...когда пробегаешь глазами последние строки и видишь, как на ладони, весь незатейливый замысел вещи, то невольно ползучая скука одолевает вас.

Да, ведь, это — самая обыкновенная, сантиментальная и скучная «агитка» на тему: «не убий» <...>

Читателю из рабочей массы эта проповедь не нужна [7, с. 3].

Еще решительнее пишет критик в «Известиях», как бы подводя итог и выбрасывая Новикова из пределов современной литературы:

Устарели и рассказы Ив. Новикова. Новиков даже тогда, когда он берет в качестве творческого материала современность — решительно несовременен.

<...>

Что же касается художественного значения Ив. Новикова, то оно довольно легковесно и узурядно.

<...>

Новиков — писатель прошлого [3, с. 4].

И советская критика добилась своего: писатель почти перестает писать повести и рассказы и находит себя лишь в жанре историко-биографического романа и литературоведческой работе, связанной с переводом «Слова о полку Игореве».

В задачу настоящего исследования входит рассмотреть рукописную книгу Новикова как особое произведения искусства, где слово и образ находятся в нерасторжимом единстве, и корни этого единства лежат в русском средневековом искусстве. Снабжая свою книгу иллюстрациями, используя дореформенную русскую орфографию, поэт дает особый ключ к пониманию ее содержания, и, таким образом, перед читателем возникает не просто рукописный сборник стихов, а образ книги.

В традиционной русской средневековой культуре книга представляла собой органическое единство текста, изображения, оформления, начиная с изобразительности графики, кончая самой внешней формой книги — переплетом, бумагой, которые соответствовали содержательному наполнению. Переплет, например, внешнее оформление книги, настраивали читателя на определенную духовную работу, задавали эмоциональный настрой чтению.

«Гармоническое взаимоотношение всех элементов — миниатюры, орнаментации, инициалов, начертания текста, пропорций листа и полей — составляло художественный облик книги» [12, с. 27].

Художественные поиски писателей начала XX в. в способах репрезентации семантической многомерности слова и его связи с образом опирались в том числе и на труды представителей русской религиозной философии и на достижения современной им филологической науки. В работах П. А. Флоренского, А. Ф. Loseва, А. А. Потебни, В. П. Зубова слово существует одновременно в двух мирах: материальном и духовном, сакральном и профанном, ноуменальном и феноменальном.

Эти идеи задолго до русских философов находили отражение в древнерусской книжной традиции, которая нашла уникальные способы выражать эту многомерность в единстве слова и образа, получая в результате не просто книгу, рукописную или печатную, но создавая образ книги.

В древнерусской словесности слово как образ и буква как знак являют собой образ мироустройства, входят в сложную систему символов и эмблем. Здесь все приобретает символическое, часто сакральное значение. Алфавит становится сложной многоуровневой семиотической структурой. В древнерусской книжности складывается особая традиция выделения букв заставками, несущими глубинный смысл. Так, например, буква «в» («веди») в своем орнаментальном оформлении изображалась с лицом наподобие маски в царственном уборе, отсылающем в корню вед- и к тайному священному знанию. Буква «ж» («живете») обнаруживала свою «внутреннюю форму» через изображения древа жизни. И так было почти со всеми буквами азбуки, созданной святыми Кириллом и Мефодием. «Азбука славянская создавалась для прославления Бога» [11, с. 66], — замечает один из современных исследователей. Особенно остро это чувствовали поэты, оказавшиеся после революции на чужбине. Пронзительные строки о русской дореформенной орфографии и букве «ять», напоминающей старинную церковку, оставил В. В. Набоков:

О, сколько прелести родной
 <...>
 в округлых знаках, букве ять,
 подобной церковке старинной!
 Как на чужбине, в час пустынный,
 все это больно вспоминать!... [8, с. 187]

Древнерусская книга как совокупность буквенных обозначений прочитывается, как минимум, в четырех измерениях: цветовом, графическом, звуковом и числовом¹. И только совокупность всех этих уровней дает полноту смысла, отражающую гармонию мира и полноту бытия. Книга становится как бы артефактом, выходящим за границы этого мира и связывающим земное (профанное) и небесное (сакральное). И исходя

¹ Большинство букв славянской азбуки имеет и числовое значение.

из этого древнерусская книга являет собой феномен «литургического времени», того хронотопа, где пространство и время несут еще первозданный, до грехопадения образ мира. Рукописная книга в этом повторяет сакральное пространство иконы. Они существуют одновременно и в линейном (историческом), и в литургическом (циклическом) времени. Рукописная книга также нацелена и на синкретизм православного богослужения — единства слова, музыки, изображения. И в первую очередь именно этими высокими задачами, стоящими перед ней (а не столько дороговизной материалов и трудностью создания) определяется особая ценность книги в пространстве Древней Руси. И поэтому не художественное произведение, а именно книга была в Древней Руси единицей культуры. Не случайно, например, под редакцией Д. С. Лихачева выходил словарь древнерусской книжности, а не литературы.

И, безусловно, книга воспринималась как памятник духовной письменности, имеющий свою собственную сверхзадачу, — она должна была формировать душу читателя, заниматься просвещением (исходя из внутренней формы этого слова, несущей концепцию света, в случае древнерусской культуры — Света Христова). Полнота бытия, являемая книгой, должна была переходить в полноту человеческой личности, являющей собой образ и подобие Божие.

К сожалению, семантическая глубина древнерусской книжности часто ускользала от писателей и художников начала XX в. Им часто нужна была лишь ее орнаментальность и красочность, декоративность, которая после секуляризации русской культуры отсылала не к азбучным молитвам и духовным практикам, а лишь к сказкам и лубочным картинкам. Рукописная традиция достаточно резко прервалась на рубеже XVII и XVIII вв., продолжая полнокровно развиваться лишь в старообрядческой среде.

Но наиболее чуткие из поэтов все же пытались выразить «невыразимое», не случайно многие из них так упорно не хотели принимать реформу русской орфографии, которая в их представлении сильно упростила и обесценила язык. Так, в старой орфографии продолжала писать М. И. Цветаева.

И. А. Бунин резко отвергал языковую реформу: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [1, с. 147].

А философ И. А. Ильин, один из самых ярких противников реформы, заметил: «Старо это новое правописание, оно искони гнездилося на задних партах, у лентяев и неспособных» [2, с. 37].

В результате реформы, имеющей, безусловно, лингвистическое оправдание, в ряде случаев происходила потеря смыслов, с которой не могли смириться поэты.

Так, в результате слияния «и восьмеричного» и «і десятеричного» потерялось смысловое различие «мир» (в значении «покой») и «мір» (в значении «вселенная»), и исчезла значимая для средневековой книжности оппозиция, отраженная в графике, — мира горнего и мира дольного.

Упразднение написания «ія» в конце слова приводило к неразличению рода (мужского и женского) во множественном числе. В сентябре 1921 г. Цветаева писала: «Революція уничтожила в русской орфографии женский родъ: райские розы. Равноправіе, т. е. будь мужчиной — или совсем не будь» [13, с. 3–4].

В новой орфографии лексема «Бог» стала писаться со строчной буквы. И хотя орфоэпически долгое время у этого слова в значении «Бога христианского» сохранялся «особый статус» — оно произносилось с фрикативным звуком, на письме это не полу-

чало графического соответствия. Реформа, таким образом, упразднила столь значимое в русской традиции противопоставление Бога христианского и богов языческих (Бог, но боги).

Рукописная книга Новикова «Платок забвения» содержит в себе цикл из двух стихотворений: «Платок забвения» и «Адам». Библейская образность стихотворного цикла требовала и особого оформления, традиционного, даже архаичного. Рукописная книга как примета древнерусской книжной традиции, органичной национальному культурному сознанию, максимально отвечало этим требованиям. Это было созвучно и особенностям поэтики писателя. «Чем бы Новиков ни занимался, первостепенным для него всегда были не сюжет, не действие, даже не характеры, а художественное мировидение и претворение материала в “иную”, высшую, созданную воображением реальность» [6, с. 145].

В рукописной книге из ОР ИМЛИ Новиков для выражения «иной» высшей реальности использует доступные для него средства, взятые им из средневековой книжной культуры. Поскольку Новиков не был художником, оформление обложки, иллюстрации, им созданные, бесхитростные, незатейливые и любительские, что, впрочем, не снижает их семантической значимости. Не мог поэт в голодные годы подобрать, подобно древнерусскому книжнику, особую бумагу и лучшие материалы для переплета — он пользуется тем, что было под рукой.

Свою книгу автор «одевает» в цветастую, расписанную вручную акварелью, напоминающую ситец, обложку. Скромный растительный орнамент и изображение звезд перетекают от одного стихотворения к другому, дополнительно их связывая.

Новиков не выбирает особый шрифт, буквы пишутся каллиграфически, в традициях дореформенной орфографии. В некоторых случаях эта орфография становится смысловозначительной. Например, во втором стихотворении «Платок забвения» поэт использует «і десятеричное», в том фрагменте текста, где уставший от жизни (міра) лирический герой, получив «платок забвения», возвращается в состояния до грехопадения Адама:

И обретши невинность Адама
И забвеньє о міре испив,
Средь мірского и шума, и гама
Нарастающий слушай прилив.

В традициях дореформенной орфографии поэт также использует заглавную букву при привычном обозначении Бога в качестве Судіі:

Из рая грозный Судія
Меня изгнал в ночи глубокой.

Ощущение архаики достигается Новиковым и обильным использованием церковнославянизмов: чарованья, камня, древо, младая и т. д. Используются и спрягаемые формы прилагательных в церковнославянской огласовке: «у ручья у полынного сел», «коренья цикорного», «возвращенного рая». Таким образом, графически и фонетически эта книга стилизована под памятники церковнославянской или древнерусской письменности.

Два стихотворения, входящие в рукописный сборник «Платок забвения», объединены образом библейского рая, в первом стихотворении потерянного в результате грехопадения Адама, во втором — мнимо обретенного. И каждое из стихотворений цикла предваряется живописным знаком. Стихотворение «Адам» открывается веткой полевого растения и небольшой звездой желтого цвета. Эта одинокая ветка не случайно появляется в тексте. В стихотворении описан Адам, уже изгнанный из рая и горько оплакивающий свою судьбу. Перед нами — метафизический Адам, вобравший в себя все последующие поколения, которые, сохраняя память о рае, продолжают нести на себе первородный грех. Тема одиночества становится лейтмотивом этого лирического произведения, а одинокое растение — символом этого одиночества:

А правда в том, что путник я
Дремлю под пальмой одинокой,
<...>
И снится мне с тех пор: живу
Дробясь и множась в поколениях...
Но минет сон, и наяву
Увижу путь в седых камнях.

Стихотворный цикл Новикова существует в двух смысловых модусах: библейском и историческом. В первом произведении цикла преобладает библейская образность, которая задается и заглавием стихотворения, и характерным топосом пустыни, в которой безнадежно отыскивает свой путь Адам и следующие за ним поколения. Несомненны в тексте и переклички с традициями русской онтологической лирики (ср. в «Пророке» А. С. Пушкина «духовной жаждою томим / в пустыне мрачной я влачился» или образ пустыни в «Трех пальмах» у М. Ю. Лермонтова).

Второе же стихотворение более исторично. Лирический герой, наделенный некоторыми биографическими деталями и психологической конкретностью, мечтавший «о доблести, о подвигах, о славе», испытывает разочарование и усталость от жизни (мира), ищет забвения и получает его от змейки. Для поэта оказывается важным противопоставить змейку, дарующую мнимое забвение лирическому герою и возвращающую его в состояние покоя, библейскому Змею, который, имплицитно присутствуя в первом стихотворении цикла, дает Адаму знание в обмен на изгнание из рая. Змейка нашептывает лирическому герою:

Понимаю: порыв твой в сраженьи —
За свободу и счастье людей?
Расковать ты задумал те звенья,
Что куют да куют для цепей?
<...>
Разве ты не постиг, что цепей
И свобода возжаждет... О, милый!
Ты забвенья хотел? Так испей!
<...>
О, вдыхай, познавая, играя,
Через толщу все призрачных лет —
Эту песнь возвращенного рая,
О свершении круга обет.

Все, что было, что будет — все только
Краткий сон, хитрых вымыслов ложь...

Стихотворный цикл Новикова следует традиции древнерусской книжности, соединяя в одном пространстве циклическое (сакральное, библейское) время — Адам и несущие первородный грех последующие поколения людей в первом стихотворении — и время линейное (историческое, биографическое) у лирического героя второго стихотворения. И оппозиция Змея из первого стихотворения цикла змейке из второго призвано подчеркнуть эту разницу.

Завершает второе стихотворение и, соответственно, весь цикл пожирающая желтый плод змейка и безжизненный, увядший цветок, оставляющие ощущение безнадежности и трагичности человеческого существования.

Особо стоит остановиться на символике цвета в рукописной книге Новикова. Цвет в русской средневековой культуре был неразрывно связан со светом, преобразующим человека и дающим ему знания. Не случайно светила создаются в первый день творения, знаменуя собой основу бытия. К фаворскому свету Преображения, по мысли исихастов, призван каждый христианин. «Образ Света в древнерусских текстах — это образ совершенно особый, обладающий качеством феноменологичности, содержание которого описывается, в частности, в феноменологической философской школе. Феномен Света — это особый художественный образ, соотносящийся со своей идеальной сущностью (ноуменом), явленный в неразрывной антиномии материального и идеального» [10, с. 175].

И цвет оказывается в христианской картине мире материализованном светом.

Новиков использует в оформлении книги небольшой набор цветов. В первом стихотворении — это желтый (колосок и звезды в начале и в конце). Для читателя это знак выжженной пустыни, земли изгнания Адама («Жара, пустыня и песок / И тень не упадет от древа»). Мотив трагичности изгнания Адама и его блуждания по пустыни отражен в кроваво-красном обруче, в который заключена желтая звезда, завершающая текст. Образ обруча, круга еще и традиционный для средневековой культуры образ вечности.

Красным цветом, вносящим ощущение трагичности в текст, дважды выделена змейка, появляющаяся на полях второго стихотворения цикла.

Особый художественный интерес представляет обложка, созданная автором. Техника исполнения акварель. На первой странице — пышный райский сад, представленный цветами: красными и желтыми. Эти же цветы продолжают и на последней странице обложки.

Внутренняя часть обложки в верхней части четко рисует Крест, воздвигнутый среди розово-голубых пятен, напоминающих небесные сферы.

И именно здесь Новиков стремится выразить «невыразимое» и показать свет в духе его средневекового понимания. Техника акварели позволяет размыть границы цветовых пятен, когда один цвет перетекает в другой и сквозь эту импрессионистичность проступает свет. Новиков нашел способ художественно выразить этот свет и задать столь необходимое ему в контексте всего стихотворения ощущение вневременности библейского повествования о Голгофе, которая воспринимается словно бы продолжение стихотворного текста, ограниченного лишь ветхозаветными сюжетами. Поэт, следуя за христианской традицией, внизу внутренней стороны обложки изображает череп Адама, омытый от первородного греха жертвой Христа.

Таким образом, Новиков в оформлении обложки дает богословский ключ к пониманию всего стихотворного цикла, связывая представление о рае (внешние стороны обложки) с Голгофой. Поэт в духе традиционного христианского толкования, показывает, что лишь Христова жертва, омыв череп Адама и разрушив проклятие первородного греха, возвращает человечество в потерянный некогда рай.

Единство слова и образа — определяющий принцип древнерусской книжной традиции — становится ведущим и для рукописной книги Новикова. Для него важны и обложка, и иллюстрации, и написания букв, и, конечно же, текст. Все вместе они создают симфонию особой единицы культуры — образ книги (в ее древнерусском понимании).

Иллюстрация 1 – Внешняя сторона обложки
Figure 1 – Outer Cover

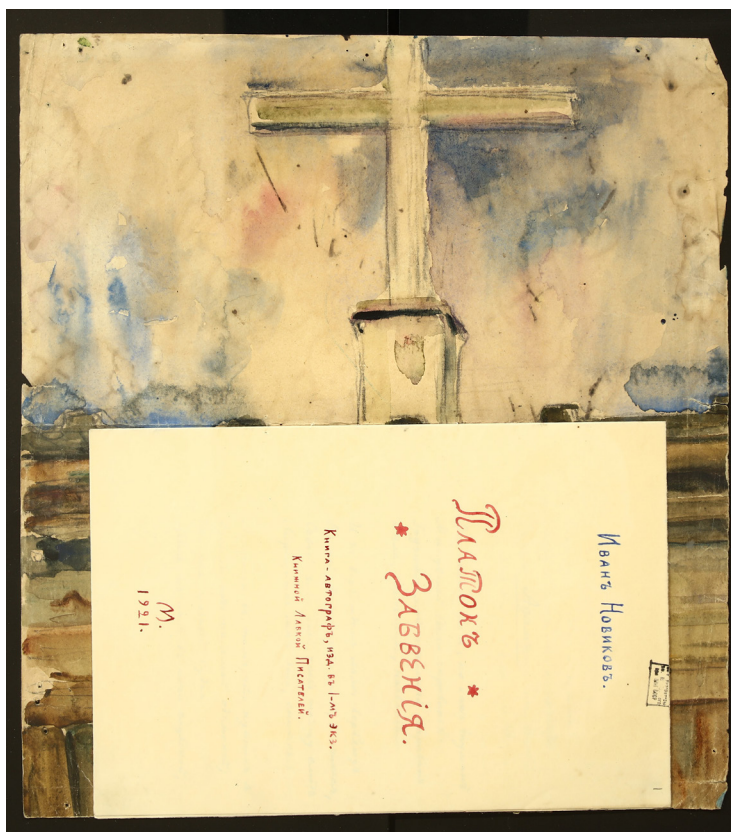

Иллюстрация 2 – Внутренняя сторона обложки
Figure 2 – Inside Cover

Иллюстрация 3 – Внутренняя сторона обложки
Figure 3 – Inside Cover

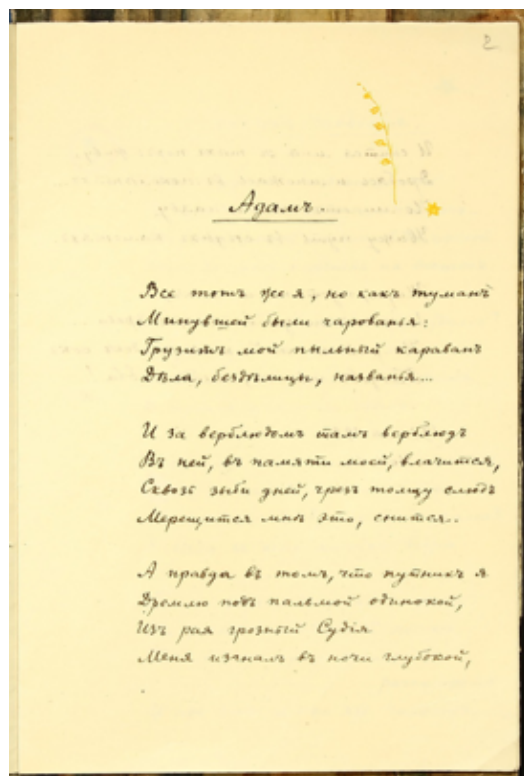

Иллюстрация 4 – Стихотворение «Адам»
Figure 4 – Poem “Adam”

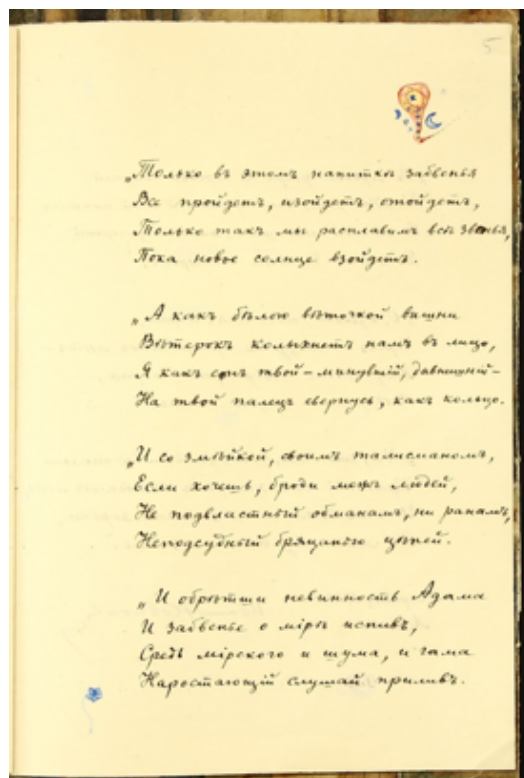

Иллюстрация 5 – Стихотворение «Платок забвения»
Figure 5 – Poem “The Veil of Oblivion”

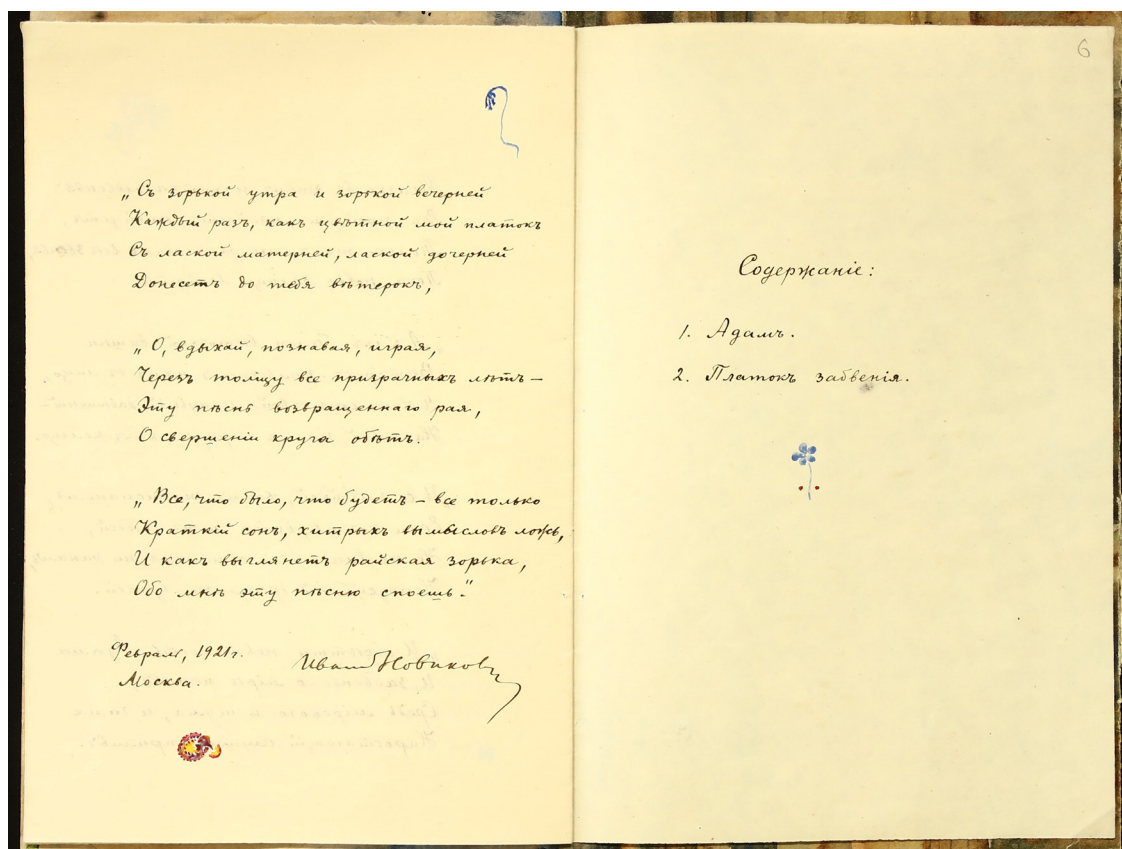

Иллюстрация 6 – Последняя страница книги
Figure 6 – Last page of the book

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1988. 635 с.
- 2 Ильин И. А. О русском правописании // Сб. ст. о русском национальном правописании. М.: ЛКИ, 2006. С. 36–39.
- 3 Критика и библиография // Известия. 12 сентября 1924. № 208. С. 4.
- 4 Мещеряков Н. Литература и искусство // Правда. 2 апреля 1922. № 75. С. 6.
- 5 Михайлова М. В. Творчество И. А. Новикова в дореволюционной критике // И. А. Новиков в кругу писателей-современников. Орел-Мценск: Труд, 2003. 263 с.
- 6 Михайлова М. В. «...Непререкаема — только поэзия» // Новиков И. А. Духу Святому. Дыхание земли. Мценск: Мценская городская библиотека им. И. А. Новикова, 2006. С. 145–157.
- 7 М-ич В. Литературные заметки // Труд. 2 апреля 1922. № 7. С. 3.
- 8 Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991. 577 с.
- 9 Осоргин М. А. Книжная лавка писателей // Наше наследие. 1989. № 6 (12). С. 124–131.
- 10 Радомская Т. И. Образ света: поэтика древнерусской книжности в художественных текстах русской литературы постреволюционных десятилетий (М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 174–183. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-174-183>
- 11 Саблина Н. П. Буквица славянская. М.: Издат. дом «Покров ПРО», 2013. 192 с.

- 12 Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. М.: Искусство, 1964. 300 с.
13 Цветаева Марина: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетия в творчестве поэта. М.: Совпадение, 2005. 237 с.

© 2022. Tatiana I. Radomskaya
Moscow, Russia

© 2022. Maksim L. Fedorov
Moscow, Russia

HANDWRITTEN BOOK OF IV. NOVIKOV “VEIL OF OBLIVION” AND TRADITIONS OF OLD RUSSIAN BOOKLORE

Abstract: In the first third of the twentieth century a certain tradition of creating a handwritten book developed in Russian culture. To a large extent, it relied on the traditions of Old Russian literature, where the book was a multi-level semiotic object with a sacred meaning. Starting from the binding and the quality of the paper and ending with the content, the Old Russian book was called upon to glorify God and show the man as the image and likeness of God. A medieval book as a set of letter designations is read in at least four dimensions: color, graphic, sound and numerical. And only the totality of all these levels gives the fullness of meaning, reflecting the harmony of the world and the fullness of being. A unique document of the era was deposited in the IWL — a handwritten book by the writer Iv. Novikov, created in the early 1920s and includes the poetic cycle “The Veil of Oblivion”. Designed for the author in the traditions of pre-reform spelling, decorated with illustrations, this is a monument that has a special theological program, and the key to understanding it the author finds in the Russian Middle Ages. The study shows how the traditions of the art of the book of Ancient Rus` come to life and are filled with new meanings in the Soviet culture of the 1920s.

Keywords: Iv. Novikov, Old Russian Literacy, Handwritten Book, Book Art, Soviet Poetry, Archive.

Information about the authors:

Tatiana I. Radomskaya — DSc in Philology, Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129125 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9442-7643>

E-mail: radomtatic@gmail.com

Maksim L. Fedorov — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6540-1767>

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Received: August 20, 2022

Approved after reviewing: October 05, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Radomskaia T. I., Fedorov M. L. Handwritten Book of Iv. Novikov “Veil of Oblivion” and Traditions of Old Russian Booklore. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 263–276. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-263-276>

REFERENCES

- 1 Bunin I. A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Journalism of 1918–1953]. Moscow, Nasledie Publ., 1988. 635 p. (In Russian)
- 2 Il'in I. A. O russkom pravopisanii [On Russian Spelling]. In: *Sbornik statei o russkom natsional'nom pravopisanii* [Collection of Papers on Russian National Spelling]. Moscow, LKI Publ., 2006, pp. 36–39. (In Russian)
- 3 Kritika i bibliografiia [Criticism and Bibliography]. In: *Izvestiia*, September 12, 1924, no 208, p. 4. (In Russian)
- 4 Meshcheriakov N. Literatura i iskusstvo [Literature and Art]. In: *Pravda*, April 2, 1922, no 75, p. 6. (In Russian)
- 5 Mikhailova M. V. Tvorchestvo I. A. Novikova v dorevoliutsionnoi kritike [Creativity I. A. Novikov in Pre-revolutionary Criticism]. In: *I. A. Novikov v krugu pisatelei-sovremennikov* [I. A. Novikov in the Circle of Contemporary Writers]. Orel-Mtsensk, Trud Publ., 2003. 263 p. (In Russian)
- 6 Mikhailova M. V. “...Neprerekaema — tol'ko poeziia” [“...Only Poetry is Indisputable”]. In: Novikov I. A. *Dukhu Sviatomu. Dykhanie zemli* [Holy Spirit. Earth Breath]. Mtsensk, Mtsenskaia gorodskaia biblioteka imeni I. A. Novikova Publ., 2006, pp. 145–157. (In Russian)
- 7 M-ich V. Literaturnye zametki [Literary Notes]. In: *Trud*, April 9, 1922, no 7, p. 3. (In Russian)
- 8 Nabokov V. V. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems and Poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 577 p. (In Russian)
- 9 Osorgin M. A. Knizhnaia lavka pisatelei [Writers Bookstore]. *Nashe nasledie*, 1989, no 6 (12), pp. 124–131. (In Russian)
- 10 Radomskaia T. I. Obraz sveta: poetika drevnerusskoi knizhnosti v khudozhestvennykh tekstakh russkoi literatury postrevoliutsionnykh desiatiletii (M. Tsvetaeva, O. Mandel'shtam, A. Akhmatova, B. Pasternak) [The Image of Light: the Poetics of Old Russian Booklore in the Artistic Texts of Russian Literature of the Post-revolutionary Decades (M. Tsvetaeva, O. Mandel'shtam, A. Akhmatova, B. Pasternak)]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 174–183. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-174-183> (In Russian)
- 11 Sablina N. P. *Bukvitsa slavianskaia* [Initial Letter Slavic]. Moscow, Izdatel'skii dom “Pokrov PRO” Publ., 2013. 192 p. (In Russian)
- 12 Svirin A. N. *Iskusstvo knigi Drevnei Rusi* [The Art of the Book of Ancient Rus']. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 300 p. (In Russian)
- 13 Tsvetaeva Marina: “Beregite Gnezdo i Dom...”. *Stranitsy russkogo likholetiiia v tvorchestve poeta* [Tsvetaeva Marina: “Take Care of the Nest and the House...”. Pages of Russian Hard Times in the Poet's Work]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2005. 237 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-277-285>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. **Н. Б. Бугакова**
г. Воронеж, Россия

© 2022 г. **Ю. С. Попова**
г. Воронеж, Россия

© 2022 г. **О. В. Сулемина**
г. Воронеж, Россия

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ,
РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩЕЙ ПОСТНУЮ ПИЩУ,
В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Аннотация: И. С. Шмелев — известный русский писатель, выходец из городской купеческой среды, так хорошо знающий особенности этой среды и отчетливо передающий их в своих произведениях. Родившийся и выросший в патриархальной семье, где свято соблюдались все религиозные обряды, И. С. Шмелев не мог не впитать трепетное отношение к православной религии, отчего большая часть его произведений пронизана христианским мировидением. Полагаем, что вышеперечисленные обстоятельства оказали влияние на формирование индивидуально-авторских особенностей употребления в текстах произведений лексем определенных тематических групп. В этой связи задачей исследования является выявление авторских особенностей употребления лексем, называющих постную пищу, в романе «Лето Господне», который в структурном плане представляет собой описание года православного человека, тем самым отчетливо демонстрируя читателю, что русский быт и вера связаны неразрывно. Проведя анализ индивидуально-авторских особенностей лексики, репрезентирующей постную пищу, в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне», мы пришли к следующим выводам. Пища и все ритуалы, с ней связанные, очень важны для отражения как национальной, так и индивидуальной картины мира. По тому, какую пищу употребляет человек, можно сделать выводы о его благосостоянии. В романе «Лето Господне» для репрезентации постной пищи автор использует лексемы, относящиеся как к общеупотребительным, входящим в состав русского литературного языка, так и к диалектным формам. Помимо этого, автором вводятся лексемы, вышедшие из активного словоупотребления; это дает нам понять, что некоторые реалии, привычные человеку в описываемое И. С. Шмелевым время, современному человеку недоступны. С целью продемонстрировать необременительность Великого поста, автор прибегает к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов, а также к употреблению анафоры. Одна из важнейших особенностей

индивидуально-авторской картины мира И. С. Шмелева заключается в том, что лексемы, именующие постную пищу, выступают в рассматриваемом произведении в качестве своеобразных точек отсчета времени.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, лексема, Великий пост, репрезентация, постная пища, индивидуально-авторские особенности, индивидуально-авторская картина мира.

Информация об авторах:

Надежда Борисовна Бугакова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, д. 84, 394006 г. Воронеж, Россия.

E-mail: ya_witch@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Юлия Сергеевна Попова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, д. 84, 394006 г. Воронеж, Россия.

E-mail: buka1621@rambler.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Оксана Владимировна Сулемина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, ул. 20-летия Октября, д. 84, 394006 г. Воронеж, Россия.

E-mail: may2005@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

Дата поступления статьи: 16.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 12.04.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Бугакова Н. Б., Попова Ю. С., Сулемина О. В. Индивидуально-авторские особенности лексики, репрезентующей постную пищу, в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 277–285. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-277-285>

И. С. Шмелев известен как русский писатель, выходец из городской купеческой среды, так хорошо знающий особенности этой среды и отчетливо передающий их в своих произведениях. Будучи коренным жителем Москвы, хорошо зная и страстно любя этот город, самые поэтичные свои книги И. С. Шмелев посвятил тому месту, где прошло его детство, — Замоскворечью. Не приходится сомневаться, что истоки творчества писателя именно здесь, в Замоскворечье, ведь именно здесь он, будучи ребенком, приобщился к жизни, исполненной истинной поэзией, патриотической одушевленностью, добротой и несказанной душевной щедростью [5, с. 47]. Родившийся и выросший в патриархальной семье, где свято соблюдались все религиозные обряды («В доме не видал я книг, кроме Евангелия, которое нас, детей, заставляли читать Великим постом, и молитвенников...» — вспоминал И. С. Шмелев) [10, с. 4], И. С. Шмелев не мог не впитать трепетное отношение к православной религии, отчего большая часть его произведений пронизана христианским мировидением. Полагаем, что вышеперечисленные обстоятельства не могли не оказать влияние на формирование

индивидуально-авторских особенностей употребления в текстах произведений лексем определенных тематических групп. В этой связи задачей предлагаемого исследования является выявление авторских особенностей употребления лексем, называющих постную пищу, в романе «Лето Господне».

«Лето Господне» — произведение, приспосабливающее самобытности, являющееся, по сути, своего рода пособием по изучению русского менталитета, так как в структурном плане представляет собой описание года православного человека, тем самым отчетливо демонстрируя читателю, что русский быт и вера связаны неразрывно. Начало рассматриваемого произведения совпадает с началом Великого поста — самого важного периода в году православного человека, так как Великий пост — это период подготовки к Пасхе, главному празднику для православных. В течение года православной религией предусматривается соблюдение четырех постов, все они разной степени строгости, и Великий является самым строгим; в период Великого поста на верующих накладываются большие ограничения в разных сферах жизни, особенно это касается пищи. Обусловлены ограничения тем, что пост — время смирения: «Великий пост <...> предполагает суровое воздержание и углубленную молитву» [4, с. 85]. В произведение «Лето Господне» И. С. Шмелев вводит описание пищи, которую принято было употреблять в Великий пост, отражая тем самым социально-культурные особенности московской купеческой среды [6], к которой принадлежал писатель. Необходимо отметить, что образ пищи очень важен для отражения как национальной, так и индивидуальной картины мира: «В традиционной культуре пища служила символом богатства. Угощение позволяло продемонстрировать положение хозяина в обществе, выразить благодарность» [2, с. 151]. Несомненно, данная точка зрения находит отражение в тексте исследуемого произведения, обратившись к которому можем отметить наличие большого количества лексем, обозначающих постную пищу в картине мира И. С. Шмелева. Связано это, на наш взгляд, с той важной ролью, которую играет религия в жизни писателя. Лексемы, употребляемые писателем для обозначения постной пищи, относятся в основном к общеупотребительным, но И. С. Шмелев вводит в текст произведения эти лексемы особым образом. Так, например, достаточно частотным является применение уменьшительно-ласкательных суффиксов: «В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа» [11, с. 29], «А жареная гречневая каша с луком, запить *кваском!*» [11, с. 29], «...а киселек клюквенный с ванилью» [11, с. 29], «а <...> великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с *осетринкой!*» [11, с. 29], «А калья, <...> с маринованными *огурчиками*...» [11, с. 29]. Полагаем, что использование суффиксального способа образования новых слов в данном случае автору необходимо для того, чтобы передать отношение постящихся к самой идее соблюдения требуемых ограничений. Видим, что эти ограничения не вызывают трудностей даже у главного героя произведения, маленького Вани, который воспринимает пост скорее как очередное приключение, и даже в необходимости выдерживать строгие ограничения он находит положительные стороны, мечтая о том, как будет организовано питание в пост: «Будут <...> делать картофельные котлеты с черносливом и *шепталою*» [11, с. 29]. «Шептала — сушеные персики и абрикосы из Азии» [10, с. 428]; «сушеные на солнце абрикосы или персики с косточками» [8, с. 934]; «сушеные персики, привозимые из Азии» [3, т. 4, с. 422]. Видим, что И. С. Шмелев для обозначения сушеных абрикосов использует лексему *шептала* вместо привычной нам лексемы *курага*, что придает тексту особый колорит. Рассмотрим следующие примеры: «А калья, нео-

быкновенная *калья*, с кусочками голубой икры» [11, с. 29]. Данные словарей свидетельствуют о том, что «калья — похлебка из огурцов, свеклы и мяса, а также из икры и рыбы» [9, с. 29], «род борща, похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, со свеклой и мясом, а пост с рыбой и икрой; похлебка из икры с солеными огурцами» [3, т. 2, с. 70]. Считаем необходимым отметить, что в более современных словарях лексема *калья* не зафиксирована, из чего можно сделать вывод, что описываемая реалия ушла из быта русских людей. Помимо перечисленных словоупотреблений, нетипичных для современного русского языка, встречаем также следующие случаи, идентифицирующие индивидуально-авторские особенности картины мира И. С. Шмелева: «а талая, сладкая-сладкая “*рязань*”...» [11, с. 29]. В данном случае лексема *рязань* употреблена в значении, зафиксированном в «Словаре русских народных говоров»: «*рязань* — мелкие красные яблоки; китайские райские яблоки» [7, вып. 35, с. 354]. Эпитет *талая* позволяет предположить, что яблоки, созревающие летом, замораживали, сохраняя таким образом на длительный срок, при необходимости размораживали и получали постный продукт.

Рассматривая контекст «а “*грешники*”, с конопляным маслом, с хрустящей корочкой» [11, с. 29], видим, что для обозначения постных продуктов автор использует существующие в литературном языке лексемы, наделяя их новым лексическим значением. Известно, что *грешник* — это человек, совершивший грех, т. е. поступок, который в национальной картине мира понимается как «1) у верующих — нарушение действием, словом или мыслью закона Божия, воли Божьей, религиозных правил; 2) по библейским представлениям — нарушение первыми людьми Адамом и Евой заповеди Бога, за чем последовало изгнание их из рая; 3) предосудительный поступок; 4) ошибка; 5) вина, лежащая на совести; 6) недостаток; 7) беда, несчастье [1, с. 400–401]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля встречаем вариант «гречневик — гречишный блин» [3, с. 367]. Полагаем, что употребляемая в тексте лексема *грешники* вводится автором для вербализации отмеченного В. И. Далем лексического значения — «блины из гречневой муки», однако лексема *гречневик* видоизменилась под влиянием диалектных особенностей и зафиксировалась в употребляемой автором форме *грешник*.

При анализе случаев употребления И. С. Шмелевым лексем, именующих постную пищу, необходимо отметить также то, что автор использует такого рода лексемы в качестве своеобразных точек отсчета времени. Мы можем говорить о том, что употребление определенных продуктов питания было регламентировано и привязано к определенным событиям, праздникам, дням недели. Это касалось не только Великого поста; в течение всего года верующий православный человек должен соблюдать традиции при употреблении в пищу тех или иных продуктов. Данная позиция находит подтверждение в рассматриваемом произведении: «а <...> великая *кулебяка* на Благовещение» [11, с. 29]. Анализируя предложенный контекст, приходим к выводу, что традиции употреблять определенные продукты фиксируются следующим образом: в праздник Благовещения, самый большой праздник после Пасхи, отмечаемый 25 марта [7 апреля по н. ст.], который установлен в память о том, как архангел Гавриил возвестил Пресвятой Деве Марии о будущем рождении от Нее Иисуса Христа, Сына Божия [12, с. 75], положено готовить великую *кулебяку*. По народному поверью, Благовещение — это самый большой праздник на небесах и на земле: грешников в аду не мучат, птица гнезда не вьет; кукушка за то без гнезда, что завилла его на Благовещение [5, с. 118]. Соответ-

ственно, верующие православные почитают Благовещение и празднуют этот праздник масштабно, в том числе приготавливая особую пищу.

Помимо уже изложенного, нельзя не упомянуть описываемую автором рассматриваемого произведения традицию печь «кресты» на Крестопоклонной...» [11, с. 29]. В соответствии с данными «Словаря русских народных говоров», «кресты — печенье из теста, приготавливаемое в Великий пост на четвертой, “Крестопоклонной” неделе; печенье имеет форму креста с серединой, начиненной изюмом и ягодами» [7, вып. 15, с. 236]. Необходимо отметить, что крестопоклонная неделя начинается с третьего воскресенья Великого поста; это время, посвященное поклонению Кресту Господню [4, с. 230]. Поскольку для православного верующего крест является символом спасения [4, с. 227], этому религиозному символу отводится большая роль в жизни православного верующего. И традиция печь «кресты» призвана напоминать о тех страданиях, которые перенес Иисус Христос.

Отметим еще несколько случаев употребления лексем, обозначающих постную пищу, в качестве точек отсчета времени: «а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “*коливо*”!» [11, с. 29]. Приведенный пример призван продемонстрировать читателю, что православные, завершая первую неделю Великого поста, по традиции готовят *коливо* — «*коливо* — поминальная кутья» [9, с. 291]; «*колево* — поминальная кутья» [3, т. 2, с. 116]. Связан этот обычай с тем, что первая седмица Великого поста завершается поминанием усопших.

Упоминается в тексте анализируемого произведения так же следующая постная пища: «мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями <...>. А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, с вязигой, с осетринкой!» [11, с. 29]. Рассмотрев предложенные примеры, можно отметить следующие особенности: использованные здесь лексемы, обозначающие постную пищу, не призваны символизировать определенные традиции, связанные с употреблением определенных продуктов в определенное время. Кроме того, перечисляемые автором продукты, обязательные на столе в пост, подчеркивают принадлежность героя произведения к купеческому сословию (миндаль, осетринка и т. п.). Нельзя не обратить внимание на то, что в картине мира современного человека отсутствует описываемая пища (заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, изюм кувшинный, пастила рябиновая и т. п.).

Применяя в анализируемом тексте анафору как стилистический прием («А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями <...>. А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, с вязигой, с осетринкой!» [11, с. 29]) автор демонстрирует легкость отношения героя «Лета Господня», маленького Вани, к Великому посту — строгому, жесткому ограничению в жизни верующего православного человека.

Таким образом, завершая рассмотрение индивидуально-авторских особенностей лексики, репрезентирующей постную пищу, в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне», можно сделать следующие выводы. Пища и все ритуалы, с ней связанные, очень важны для отражения как национальной, так и индивидуальной картины мира. По тому, какую пищу употребляет человек, можно сделать выводы о его благосостоянии. В романе «Лето Господне» для репрезентации постной пищи автор использует лексемы, относящиеся как к общеупотребительным, входящим в состав русского лите-

ратурного языка, так и к диалектным формам (*грешник, коливо*). Помимо этого, автором вводятся лексемы, вышедшие из активного словоупотребления (*калья*); это дает нам понять, что некоторые реалии, привычные человеку в описываемое И. С. Шмелевым время, современному человеку недоступны. С целью продемонстрировать необременительность Великого поста для главного героя произведения, маленького Вани, автор прибегает к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксов (*кваском, киселек*), а также к употреблению анафоры («А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями»). Помимо этого, считаем необходимым отметить одну из важнейших особенностей индивидуально-авторской картины мира И. С. Шмелева, заключающуюся в том, что лексемы, именующие постную пищу, выступают в рассматриваемом произведении в качестве своеобразных точек отсчета времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Большой академический словарь русского языка: в 17 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2007. Т. 4. С. 400–401.
- 2 *Гилязетдинова Г. Х., Багманова Л. Н.* Репрезентация лингвокультуры «пища» в романах И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне» // Ученые записки казанского университета. Т. 154. Кн. 5. С. 151.
- 3 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. Т. 1. 489 с.; Т. 2. 511 с.; Т. 4. 528 с.
- 4 Малый православный толковый словарь / Н. С. Мовлева. М.: Русский язык — Медиа, 2005. 527 с.
- 5 *Подвигина Н. Б.* Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И. С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 174 с.
- 6 *Поздеев В.* Функция еды в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» (восприятие детским сознанием) // Potsdam University. URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6561/file/russische_kueche_s189_201.pdf (дата обращения: 12.03.2021).
- 7 Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Сорокалетов, Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1979. Вып. 15: Кортусы — Куделюшки. 652 с. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35: Реветь — Рящик. 548 с.
- 8 Современный толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2007. 934 с.
- 9 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 2: Е — Муж. 469 с. М.: Астрель: АСТ, 2009. Т. 4: Т — Ящур. 501 с.
- 10 *Шмелев И. С.* Предисловие // Шмелев И. С. Лето Господне. Человек из ресторана. М.: Дрофа, 2003. 498 с.
- 11 *Шмелев И. С.* Лето Господне. Человек из ресторана. М.: Дрофа, 2003. 498 с.
- 12 Энциклопедический православный словарь / сост. В. М. Воскобойников. М.: Эксмо, 2005. 544 с.

© 2022. Nadezhda B. Bugakova
Voronezh, Russia

© 2022. Julia S. Popova
Voronezh, Russia

© 2022. Oksana V. Sulemina
Voronezh, Russia

**INDIVIDUAL AUTHOR'S FEATURES OF THE VOCABULARY
REPRESENTING LEAN FOOD
IN I. S. SHMELEV'S WORK "SUMMER OF THE LORD"**

Abstract: I. S. Shmelev is a well-known Russian writer, a native of the urban merchant environment, knowing the peculiarities of this environment so well and clearly conveying them in his works. Born and raised in a patriarchal family where all religious rites were sacredly observed, I. S. Shmelev could not help but absorb a reverent attitude to the Orthodox religion, which is why most of his works are imbued with a Christian worldview. We believe that the above circumstances have influenced the formation of individual authorial features of the use of lexemes of certain thematic groups in the texts of works. In this regard, the task of the proposed study is to identify the author's features of the use of lexemes calling lean food in the novel "Summer of the Lord" which in structural terms is a description of the year of an Orthodox person, thereby clearly demonstrating to the reader that Russian life and faith are inextricably linked. Upon analyzing the individual author's features of the vocabulary representing lean food in I. S. Shmelev's work "Summer of the Lord", we came to the following conclusions. Food and all the rituals associated with it are very instrumental in reflecting both the national and individual picture of the world. According to what kind of food a person uses, it is possible to draw conclusions about his well-being. In the novel "Summer of the Lord" the author uses lexemes related to both common forms of the Russian literary language and dialect forms to represent lean food. In addition, the author introduces lexemes that have come out of active word usage; this makes us understand that some of the realities that are familiar to a person in the time described by I. S. Shmelev are inaccessible to modern people. In order to demonstrate the ease of Great Lent, the author resorts to the use of diminutive suffixes, as well as to the use of anaphora. One of the most important features of the individual I. S. Shmelev author's picture of the world lies in the fact that the lexemes naming lean food appear in the work under consideration as a kind of reference points of time.

Keywords: I. S. Shmelev, Lexeme, Great Lent, representation, Lean Food, Individual Author's Features, Individual Author's Picture of the World.

Information about the authors:

Nadezhda B. Bugakova — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, 20-letiya Oktyabrya St., 84, 394006 Voronezh, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

E-mail: ya_witch@mail.ru

Yulia S. Popova — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, 20-letiya Oktyabrya St., 84, 394006 Voronezh, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

E-mail: buka1621@rambler.ru

Oksana V. Sulemina — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, 20-letiya Oktyabrya St., 84, 394006 Voronezh, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

E-mail: may2005@yandex.ru

Received: March 16, 2021

Approved after reviewing: April 12, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Bugakova N. B., Popova Yu. S., Sulemina O. V. Individual Author's Features of the Vocabulary Representing Lean Food in I. S. Shmelev's Work "Summer of the Lord". *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 277–285. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-277-285>

REFERENCES

- 1 *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka: v 17 t.* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: in 17 vols.], ex. ed. K. S. Gorbachevich. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, Vol. 4, pp. 400–401. (In Russian)
- 2 Gilazetdinova G. Kh., Bagmanova L. N. Rerezentatsiia lingvokul'turemy "pishcha" v romanakh I. S. Shmeleva "Bogomol'e" i "Leto Gospodne" [Representation of Linguocultural "food" in the Novels of I. S. Shmelev "The Pilgrimage" and the "Summer of the Lord"]. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta*, vol. 154, book 5, p. 151. (In Russian)
- 3 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2006. Vol. 1. 489 p. Vol. 2. 511 p. Vol. 4. 528 p. (In Russian)
- 4 *Malyi pravoslavnyi tolkovyi slovar'* [Small Orthodox Dictionary], N. S. Movleva. Moscow, Russkii iazyk — Media Publ., 2005. 527 p. (In Russian)
- 5 Podvigina N. B. Individual'no-avtorskoe svoeobrazie iazykovoi kartiny mira I. S. Shmeleva (na materiale religioznoi leksiki proizvedeniia "Leto Gospodne") [Individual Author's Originality of the Linguistic Picture of the World of I. S. Shmelev (Based on the Material of the Religious Vocabulary of the Work "Summer of the Lord"): PhD Dissertation]. Voronezh, 2010. 174 p. (In Russian)
- 6 Pozdeev V. Funktsiia edy v romane I. S. Shmeleva "Leto Gospodne" (vospriiatie detskim soznaniem) [The Function of Food in the Novel by I. S. Shmelev "Summer of the Lord" (Perception by Children's Consciousness)]. In: *Potsdam University*. Available at: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6561/file/russische_kueche_s189_201.pdf (Accessed 12 March 2021). (In Russian)
- 7 *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects], ed. by F. P. Sorokaletov, F. P. Filin. Leningrad, Nauka Publ., 1979. Vol. 15: Kortusy — Kudeliushki. 652 p. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 35: Revet' — Riashchik. 548 p. (In Russian)

- 8 *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language], comp. and ex. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2007. 934 p. (In Russian)
- 9 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols.], trans. from Germany and rev. O. N. Trubacheva. Moscow, Astrel': AST Publ., 2007. Vol. 2: E-Muzh. 469 p. Moscow, Astrel': AST Publ., 2009. Vol. 4: T — Iashchur. 501 p. (In Russian)
- 10 Shmelev I. S. Predislovie [Preface]. In: Shmelev I. S. *Leto Gospodne. Chelovek iz restorana* [Summer of the Lord. The Man from the Restaurant]. Moscow, Drofa Publ., 2003. 498 p. (In Russian)
- 11 Shmelev I. S. *Leto Gospodne. Chelovek iz restorana* [Summer of the Lord. The Man from the Restaurant]. Moscow, Drofa Publ., 2003. 498 p. (In Russian)
- 12 *Entsiklopedicheskii pravoslavnyi slovar'* [Encyclopedic Orthodox Dictionary], comp. V. M. Voskoboynikov. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 544 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-286-295>

УДК 749

ББК 85.126(2)53

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. А. Пудов
г. Санкт-Петербург, Россия

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РУССКИХ СУНДУКОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация: Несмотря на очевидный интерес к русскому сундуку, который имеет место в настоящее время, в его истории немало нерешенных проблем и вопросов. Остаются неизвестными не только отдельные центры производства, но и виды их продукции. В статье рассматривается большая группа сундуков, ранее не привлекавшая внимание исследователей. Эти изделия не были выявлены среди русской сундучной продукции. На фоне массы изделий крупных сундучных центров они встречаются нечасто (как в музейных собраниях, так и на электронных площадках). В настоящей работе проанализированы два типа таких сундуков. Они имели несколько разновидностей, отличающихся по конструкции, размерам и художественному оформлению. Наиболее общим признаком является форма крышки — покатая или плоская. Касательно стиля обоих типов сундуков отмечается, что в их внешнем облике просматривается влияние европейского сундучного дела. В качестве параллелей приводятся итальянские сундуки и английские «стандарты». Автором также констатируется связь технологии изготовления и стиля сундуков с промышленным производством. В настоящее время не представляется возможным точно определить место производства сундуков данной группы, поэтому в статье предлагается две версии их происхождения: одна связана с Москвой, другая — с Русским Севером. В связи с этим уточняется и датировка — конец XIX – первые десятилетия XX в. Сундуки имеют ярко выраженные внешние особенности, поэтому четко выделяются на фоне других сундучных изделий.

Ключевые слова: сундук, музейная коллекция, ремесло, народное искусство, сундучное производство.

Информация об авторе: Глеб Александрович Пудов — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела народного искусства, Государственный Русский музей, ул. Инженерная, д. 4, 191198 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7270-8065>

E-mail: narodnik80@list.ru

Дата поступления статьи: 29.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 30.09.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Пудов Г. А. Об одной группе русских сундуков (конец XIX – начало XX в.) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 286–295.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-286-295>

Введение

В настоящее время интерес к русскому сундучному производству возрастает: появляются новые статьи и монографии [1; 2, с. 64–72; 4, с. 246–257; 5; 6], проводятся выставки, в которых сундуки предстают не только как вспомогательный экспозиционный материал, но и как основной объект показа¹. Тем не менее история русского сундука остается малоизученной: древнерусский период полон «белых пятен», выявлены далеко не все мастерские XVIII–XX вв., недостаточно проанализированы связи русского сундучного дела с аналогичными явлениями за рубежом, существует путаница в терминологии, известны не все центры сундучного производства.

Группа сундуков, о которой пойдет речь в предлагаемой статье, не привлекала внимание исследователей. Несмотря на яркие внешние особенности, эти сундуки не были выделены в массу других. В музейных собраниях они встречаются редко (сегодня в Государственном музейном каталоге РФ зафиксировано 5471 сундучное изделие, из них рассматриваемых сундуков 31, что составляет 0,57% от общего числа).

В большинстве случаев место их производства не указано совсем, в двенадцати определено весьма расплывчато — Россия, в одном — очень точно: село Рыбрека (но, скорее всего, это — место приобретения, а не создания²). В качестве датировки встречаются «I половина XIX века», «конец XIX – начало XX века», «XIX век», «конец XIX века», «1900–1970-е», «начало XX века». Лишь в одном случае точно зафиксирован год изготовления сундука — 1898 (указан на изделии)³.

Что касается материала и техники, то в музейных описаниях, как правило, всегда отмечается использование дерева⁴ и металла (жести), а далее — значительное разнообразие вариантов, включающих упоминание кожи, ткани, сурика, столярной и слесарной работы, чеканки, тиснения, окраски, монтировки, а также заводского, кустарного и артельного производства.

И, наконец, следует упомянуть о размерах. Несмотря на то что они в описаниях отличаются, просматривается несколько стандартных цифр, соответствующих разным вариантам сундуков в рамках одного типа. В отличие от других русских сундучных центров, в рассматриваемом очаге производства на данный момент не выявлено шкатулок (которые бы отличались от сундуков лишь размерами).

Таким образом, сундуки, о которых идет речь, атрибутированы весьма расплывчато⁵ и, как указывалось выше, не выделены в особую группу изделий.

Цель настоящей статьи — уточнение их атрибуции и определение роли среди других русских сундучных изделий. Основные задачи — обобщение информации

¹ Например, «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (женский народный костюм в России XVIII–XX веков) (ГРМ, 5 марта 2014 – 12 мая 2014 г.); «Про сундук. Свадебные сундуки второй половины XIX – начала XX века» (ВМДПНИ, 12 июня 2019 – 14 августа 2019 г.).

² Рыбрека — село в Прионежском районе Карелии, впервые упоминается в 1496 г.

³ Такие сундуки можно встретить на онлайн-аукционах. Доверять информации о месте и времени их создания, размещенной на этих сайтах, не следует.

⁴ Порода дерева (сосна) не указывается.

⁵ Атрибуцию затрудняет не только плохая сохранность большинства сундуков, но и почти полное отсутствие клейм, рекламных этикеток и каких-либо надписей. Встречено лишь два сундука с надписями: на одном указано — 1898, на другом инициалы — ИИМ. В последнем случае надпись, скорее всего, сделана не мастером, а владельцем сундука.

об этих сундуках и анализ конкретных предметов. Материалом исследования стали вещи из государственных и частных коллекций, а также сундуки с онлайн-аукционов.

Следует подчеркнуть, что работа над темой не завершена. На данном этапе возможны лишь предварительные выводы, поэтому в дальнейшем не исключены уточнения.

Разновидности сундуков рассматриваемой группы

Как указывалось выше, в рассматриваемой группе сундуков можно выделить несколько видов. Наиболее общим признаком является форма крышки — покатаая или плоская.

Первый тип

Один из самых примечательных образцов этого типа — сундук из коллекции историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль»⁶. Он имеет покатуую крышку, прямые стенки и резные ножки. На передней стенке — большая прямоугольная пластина и литая петля, форма которой типична для таких изделий. Поверхности сундука покрыты кожей красного цвета, которая прикреплена жестяными полосами с узором, выполненным в технике гравировки. Орнамент состоит из геометрических и растительных мотивов. Особо следует отметить композицию, включающую вазу с цветами и кистями винограда. В углах крышки размещены пластины с растительным орнаментом. В целом набор декоративных мотивов невелик и представляет устойчивое сочетание нескольких элементов. Во внешнем облике этого сундука просматривается влияние европейского сундучного дела. В качестве параллелей — итальянские сундуки⁷ и английские «стандарты» [7, р. 141–162].

В рамках первого типа сундуков встречаются разные варианты. Предметы могут быть декорированы только с лицевой стороны и крышки (боковые и задняя стенки окрашивались красной краской — суриком)⁸, могут быть покрыты листами жести с «морозом» янтарного цвета⁹. В последнем случае они прикреплялись латунными гвоздями с фигурными шляпками (заводское производство). Кроме того, их отличал иной набор орнаментальных мотивов, например, углы крышки были декорированы не изображениями букетов цветов, а большими розетками¹⁰; низ фасадной стенки украшался изображениями наподобие ламбрекенов¹¹.

Петля, как у всех без исключения сундуков этой группы, была каплевидной формы, она изготавливалась в технике литья из латуни и украшалась гравировкой (ил. 1). Количество петель находилось в зависимости от размеров сундуков (на боль-

⁶ № ККМ ОФ 2547.

⁷ Например, небольшой сундук из коллекции Музея декоративно-прикладного искусства (г. Будапешт). Инв. № 59.1104.1. Атрибутируется как венецианская работа XVII в.

⁸ Сундуки из Государственного Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника (№ ДБ-1155), Объединенного мемориального музея Ю. А. Гагарина (Смоленская область, № ММГ К-2332), музейно-краеведческого комплекса «Стольный город Боровск» (№ Д-94), Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника (№ Э-325).

⁹ Сундук из коллекции музея-заповедника «Александровская Слобода» (№ Д-185).

¹⁰ Сундук из собрания Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника (№ ИБ-838).

¹¹ Сундук из собрания Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника (№ О-2222).

ших предметах встречаются две литые петли и врезной замок)¹². Справа прикреплялся металлический держатель крышки.

Иллюстрация 1 – Сундучная петля
Figure 1 – The Chest Hinge

Порой сундуки полностью окрашивались (вероятно, в целях их «реставрации», что характерно для вещей из частных собраний), и теперь уже невозможно установить их первоначальный внешний вид. Однако следует отметить, что не у всех изделий жестиные полосы имели гравированный орнамент; не все были покрыты листами жести; некоторые имели ножки простой формы. Как правило, это сундуки меньших размеров.

В рамках первого типа сундуков варьировались размеры, от которых зависело количество петель, ручек, наличие/отсутствие ножек, а также количество жестиных полос на внешних поверхностях. Временами встречаются отличия в пропорциях. Изнутри сундуки обивались тканью (как правило, это — льняной холст) или окрашивались. В последнем случае на внутреннюю поверхность крышки приклеивалось множество рекламных этикеток, вырезок из журналов и пр.

¹² Вряд ли можно утверждать, как это иногда делается в иностранной литературе, что три замка указывают на церковное назначение сундука. Количество замков в данном случае — лишь средство повысить надежность.

Таким образом, можно констатировать, что первый тип сундуков (с покатою крышкой) имел разнообразное художественное оформление с использованием нескольких материалов и техник, размеры (от весьма крупных вещей до предметов средних размеров). Конструкция и техника изготовления не отличались от принятых в других центрах и вполне типичны для второй половины XIX–XX вв.

Второй тип

Этот вид сундуков получил не меньшее распространение, чем первый. Главное его отличие — плоская крышка. Интересен сундук из собрания Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского (г. Калуга)¹³. Он имеет значительные размеры, поставлен на широкие ножки. Жестяными листами обиты все поверхности. Несмотря на большие размеры, сундук имеет по одной ручке с обеих сторон и одну литую петлю на передней стенке. Справа прикреплен держатель крышки, приголовка нет.

Как и на других изделиях этой группы, стенки, крышка и дно сундука собраны из нескольких досок (крышка с внутренней стороны дополнительно укреплена поперечной планкой). Вероятно, мастерами ощущалась недостаточная надежность такой конструкции, поэтому предмет обит большим количеством жестяных полос. Стало быть, они предназначались не только для декорирования, но и для укрепления. Тем не менее на них нанесены растительные мотивы в виде ваз с букетами цветов и стилизованных кистей винограда¹⁴. На углах крышки прикреплены четыре прямоугольные пластины, на каждой из которых размещена симметричная композиция из изображений цветов с лепестками. Если на листах между орнаментированными полосами ранее был «мороз» по жести, то он не сохранился (однако весьма сомнительно, что он использовался).

Очевидно, что рассмотренный сундук — один из «простых» вариантов второго типа: его конструкция упрощена, а декор минимален. И все же можно сделать несколько выводов. Набор орнаментальных мотивов, техника изготовления (кроме крышки) не отличаются от сундуков первого типа. Поэтому все замечания, касающиеся последних, можно отнести и к сундукам с плоской крышкой. Приведем несколько примеров для подтверждения этого.

Большой сундук из Государственного музея Л. Н. Толстого¹⁵ обит жестяными полосами только с фасадной стороны и крышки, боковые и задняя стенки окрашены суриком. Боковых ручек две, петля — одна. Изнутри сундук обит льняным холстом. Он декорирован стандартными мотивами: ваза с цветами и кистями винограда, «ламбрекенами». Сундук из музейно-краеведческого комплекса «Стольный град Боровск» (Калужская область)¹⁶ подобен ему, но имеет меньшие размеры.

Примечателен сундук из частного собрания (г. Москва). Он имеет значительные размеры, поставлен на резные ножки. Сундук снабжен музыкальным замком, огромной петлей и сверху обит листами «морозной» жести янтарного цвета. На полосы нанесены в технике тиснения растительные орнаменты (ил. 2; одинаковые вышеописанным). Это сделано очень тщательно. Изделие дает возможность оценить разнообразие декоративного оформления второго типа рассматриваемых сундуков (ил. 3).

¹³ Инв. № Д 184. Почти полные его подобию — сундуки из Тверского государственного объединенного музея (№ ТГОМ ВВФ КП-1992) и Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (№ 24002).

¹⁴ Подобный орнамент был, вероятно, и на замочной пластине, но он очень плохо сохранился, поэтому ничего определенного о нем сказать невозможно.

¹⁵ № ДЛТ-3115.

¹⁶ Инв. № Д-95.

Иллюстрация 2 – Орнамент на жестиных полосах
Figure 2 – The Ornament on tin Strips

Иллюстрация 3 – Орнамент на прямоугольной пластине
Figure 3 – The Ornament on a Rectangular Plate

Происхождение

В настоящее время точно определить место производства этих сундуков невозможно, вопрос остается в области догадок и предположений. Ниже предложены две версии. Подчеркнем, что ни одна из них не включает в себе «последнего», решающего аргумента, поэтому в дальнейшем возможны новые, возможно, лучшие варианты.

Русский Север

Предположение о Русском Севере как месте производства анализируемых сундуков имеет под собой следующие основания.

- 1 Использование кожи и жестяных листов с «морозом» типично для сундучного дела Русского Севера. Об этом свидетельствуют массы сундучных изделий, находящиеся ныне в музейных собраниях, особенно их много в коллекциях музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Кириллова, Тотьмы, Великого Устюга.
- 2 Система расположения жестяных полос подобна принятой на Русском Севере. Например, сундуки из собрания Государственного исторического музея, Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея и музея фресок Дионисия¹⁷.
- 3 Декоративные мотивы (речь идет о вазе с цветами и кистями винограда, ил. 4) находят параллели в вологодских росписях по дереву. Надо, кстати, отметить, что обработка кожи и дерева — традиционные отрасли промышленности Вологды и Вологодской губернии [3, с. 85–148].

Иллюстрация 4 – Орнамент на замочной пластине и жестяных полосах
Figure 4 – The Ornament on the Key Plate and Tin Strips

- 4 Многие места хранения сундуков связаны с дорогой, соединяющей Вологду и Москву. Не исключено, что столица была местом сбыта сундуков рассматриваемой группы. Оттуда они расходились по Москве и округе. На оборотной стороне крышки сундука из Государственного музея Л. Н. Толстого приклеена этикетка зеленого цвета, на которой указано: «Лавка в Кушачном ряду ряд № 20, 21, Никифора Иванова Спиридонова. Продажа разных сундуков в Москве»¹⁸.

¹⁷ Инв. № Д-IV-1676, Д-261 и Д-676 соответственно.

¹⁸ № ДЛТ — 3000.

- 5 Техника изготовления и стиль сундуков свидетельствует о связях с промышленным производством. Мастера использовали одни и те же полосы для разных видов сундуков. Не испытывая недостатка в материале, они щедро покрывали поверхности изделий жостью. Подобное явление имело место в других сундучных центрах, связанных с железообрабатывающей промышленностью, например, в Белой Холунице (Вятская губерния), Невьянске и Нижнем Тагиле (Средний Урал). В Вологодской губернии существовали железоделательные заводы. Таким образом, согласно этой версии, сундуки могли быть изготовлены на Русском Севере, в частности, в Вологде или Вологодской губернии.

Москва

Согласно второй версии, эти сундуки могли делаться в Москве. Хотя большинство их не вызывает ассоциаций с произведениями прикладного искусства из крупного культурного центра, московские мастера изготавливали сундуки на разный вкус и кошелек. Итак, вторая версия появилась благодаря следующим фактам:

- 1 Подавляющее большинство сундуков находится в собраниях Москвы, ближайшей округи и соседних областей: Калужской, Ярославской, Смоленской, Тульской и Тверской (это касается как государственных, так и частных коллекций).
- 2 Упомянутый выше купец Никифор Иванович Спиридонов мог торговать сундуками, произведенными в самой Москве, а не привозимыми из разных регионов страны. Это было бы экономичнее. Упоминание Москвы на этикетке сундука Спиридонова — единственное на сегодняшний момент надежное географическое указание, касающееся этих изделий.
- 3 Москва — крупный промышленный центр, в котором существовало большое количество железоделательных заводов, поэтому мастера могли свободно располагать материалом.

Выводы

Рассмотренные сундуки составляют самостоятельную группу произведений на фоне остальной продукции русских мастеров. В настоящее время автору известно приблизительно полсотни предметов (учитывая в совокупности как государственные, так и частные собрания). Однако, вероятнее всего, их значительно больше.

Период существования производства ограничивается концом XIX — первыми десятилетиями XX в. (вероятнее всего, такие сундуки делали короткое время, до революции 1917 г.). Что касается происхождения, то если придерживаться первой версии, речь может идти об обнаружении нового центра сундучного ремесла, а если отдавать предпочтение второй — об очередном подтверждении значительной роли Москвы в культурной жизни России, в том числе в сундучном деле.

Сундуки обнаруживают связь с промышленным производством. Это касается как стиля, так и техники изготовления. Приблизительно одинаковый уровень исполнения свидетельствует о мастерских, тесно связанных между собой и существовавших в одинаковых условиях.

По особенностям конструкции и декоративного оформления рассматриваемые сундуки — типичные произведения русского сундучного ремесла второй половины XIX — начала XX столетия. Они хорошо помещаются в ряд изделий названного периода.

Сундуки четко выделяются на фоне русской сундучной продукции, поскольку имеют ярко выраженные внешние особенности. К основным относятся: наличие литой

латунной петли, имеющей каплевидную форму и украшенной гравировкой; использование устойчивого набора декоративных мотивов (самый часто встречающийся — изображение вазы с цветами и кистей винограда); одновременное и «равноправное» существование двух форм крышек: плоской и покатоной.

Большинство изделий этой группы смотрятся невыразительно на фоне высокохудожественных произведений русских мастеров-сундучников. Тем не менее и они имеют особенности и достоинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гончарова Н. Н. Русские расписные сундуки XVII–XVIII веков в собрании Исторического музея. М.: Исторический музей, 2018. 312 с.: ил.
- 2 Кодрицки А. Л., Мешкова В. М. Судьба семьи сквозь призму веков (невьянские сундучники Селянкины и их потомки) // Веси. 2015. № 9. С. 64–72.
- 3 Козина Г. Н. Вологодские купцы — фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) // Вологда: краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1997. Вып. 2. С. 85–148.
- 4 Пудов Г. А. О сундучных изделиях Великого Новгорода // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 246–257. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-246-257>
- 5 Пудов Г. А. Муромский сундук: Очерк истории. [Б.м.]: Издат. решения, 2020. 172 с.
- 6 Пудов Г. А. Производство сундуков в Вятской губернии (XIX – начало XX века). История. Мастера. Произведения. [Б.м.]: Издат. решения, 2021. 80 с.
- 7 Pickvance C. G. A study of medieval iron-bound «domed standard» chests in Kent // *Archaeologia Cantiana*. 2015. № 136. P. 141–162

© 2022. Gleb A. Pudov
St. Petersburg, Russia

ABOUT A GROUP OF RUSSIAN CHESTS (LATE 19th – EARLY 20th CENTURY)

Abstract: Despite the obvious interest in the Russian chest, which is taking place at the present time, there are many unresolved issues and questions in its history. Not only the different centers remain unknown, but also the types of their products. This paper considers a large group of chests that had not previously attracted the attention of researchers. These items were not identified among the Russian chest products. Against the background of the mass of products of large chest centers, they are found infrequently (both in museum collections and on electronic platforms). The study looks at two types of such chests. They had several varieties, differing in design, size and artistic decoration. The most common feature is the shape of the lid — sloping or flat. Regarding the style of both types of these chests, the paper shows that the influence of European chests is visible in their appearance. Italian chests and English “standards” given as parallels. The author also states the connection of the manufacturing technology and style of chests with industrial production. Since it is problematic to determine the

place of production of chests of this group, the study suggests two versions of their origin: one is connected with Moscow, the other is connected with the Russian north. In this regard, the dating is also being clarified: the end of the 19th – the first decades of the 20th century. These chests have pronounced external features, so they stand out clearly against the background of other chest products.

Keywords: Chest, Museum Collection, Craft, Folk Art, Chest Production.

Information about the author: Gleb A. Pudov — PhD in Art History, Senior Curator of the Department of Folk Art, The State Russian Museum, Engineering St., 4, 191198 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7270-8065>

E-mail: narodnik80@list.ru

Received: July 29, 2021

Approved after reviewing: September 30, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Pudov G. A. About a Group of Russian Chests (Late 19th – Early 20th Century). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 286–295. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-286-295>

REFERENCES

- 1 Goncharova N. N. *Russkie raspisnye sunduki XVII–XVIII vekov v sobranii Istoricheskogo muzeia* [Russian Painted Chests of the 17th–18th Centuries in the Collection of the Historical Museum]. Moscow, Istoricheskii muzei Publ., 2018. 312 p.: il. (In Russian)
- 2 Kodritski A. L., Meshkova V. M. Sud'ba sem'i skvoz' prizmu vekov (nev'ianskie sunduchniki Seliankiny i ikh potomki) [The Fate of the Family through the Prism of Centuries (Nevyansk Masters Selyankins and their Descendants)]. *Vesi*, 2015, no 9, pp. 64–72. (In Russian)
- 3 Kozina G. N. Vologodskie kuptysy — fabrikanty i zavodchiki (18th – nachalo 20th veka) [Vologda Merchants — Manufacturers and Factory Owners (18th – Early 20th Century)]. In: *Vologda: kraevedcheskii al'manakh* [Vologda: Local History Almanac]. Vologda, Rus' Publ., 1997, vol. 2, pp. 85–148. (In Russian)
- 4 Pudov G. A. O sunduchnykh izdeliakh Velikogo Novgoroda [About the Chest Products of Veliky Novgorod]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 246–257. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-246-257> (In Russian)
- 5 Pudov G. A. *Muromskii sunduk: Ocherk istorii* [The Murom Chest: An Essay of History]. [B.m.], Izdatel'skie resheniia Publ., 2020. 172 p. (In Russian)
- 6 Pudov G. A. *Proizvodstvo sundukov v Viatskoi gubernii (XIX – nachalo XX veka). Istoriiia. Mastera. Proizvedeniya* [Production of Chests in Vyatka province (19th – early 20th century). History. Masters. Works]. [B.m.], Izdatel'skie resheniia Publ., 2021. 80 p. (In Russian)
- 7 Pickvance C. G. A Study of Medieval Iron-bound “Domed Standard” Chests in Kent. *Archaeologia Cantiana*. 2015, no 136, pp. 141–162 (In English)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-296-312>

УДК 7.078

ББК 85.9(2)+78.35

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. В. Радзецкая
г. Москва, Россия

**НОТОИЗДАТЕЛЬСКИЕ КАТАЛОГИ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ МАГАЗИНОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
А. Л. БЕРНАРДИ, Б. В. КОРЕЙВО, В. Л. ИДЗИКОВСКИЙ
(ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ)**

Аннотация: Вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовались интенсивным ростом нотных издательств и магазинов на всей территории Российской империи. Во многих городах и губерниях начала интенсивно развиваться музыкальная торговля, напрямую связанная с высочайшим взлетом отечественного искусства, с процессами формирования академических традиций и расцветом национальной композиторской школы. Образовательные и культурно-просветительские задачи Русского музыкального общества (1859), последующее открытие Петербургской (1862) и Московской (1866) консерваторий во многом оказались тождественными деятельности крупных производителей, принимавших самое активное участие в жизни этих организаций. В сравнение, провинциальные музыкальные издательства и магазины, в частности, А. Л. Бернарди в Одессе, Б. В. Корейво и В. Л. Идзиковского в Киеве, являются чуткими индикаторами культурных процессов в жизни страны, создают свою локальную историю, запечатленную в каталогах из фондов Российской государственной библиотеки. Здесь собран ценный материал, нигде ранее не публиковавшийся, позволяющий собрать и проанализировать коммерческие механизмы данных предприятий, их репертуарную концепцию и структурные особенности. Особый фактор — почетное звание комиссионера Императорского русского музыкального общества, устанавливающее деловой и творческий статус производителя, его передовые взгляды и позиции. Обращение к деятельности крупных и мало известных науке предпринимателей, специализирующихся на производстве, продаже нотной литературы, музыкальных инструментов и других художественных произведений, обусловлено интересом к становлению и развитию издательского дела. Масштаб этого явления во многом связывается с благими целями во имя российского искусства и образования, с долгосрочными перспективами развития музыкальной культуры, что позволяет расширить и дополнить диапазон ее восприятия.

Ключевые слова: русское нотоиздательское дело, провинциальные музыкальные магазины, каталог, А. Л. Бернарди, Б. В. Корейво, В. Л. Идзиковский.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Радзецкая — доктор искусствоведения, профессор, Академия им. Маймонида, Российский государственный уни-

верситет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 52/45, 115035 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-1047>

E-mail: aim@rguk.ru, olgabreman@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.04.2022

Дата одобрения рецензентами: 29.08.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Радзецкая О. В. Нотоиздательские каталоги провинциальных музыкальных магазинов второй половины XIX – начала XX вв.: А. Л. Бернарди, Б. В. Корейво, В. Л. Идзиковский (из фондов Российской государственной библиотеки) // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 296–312.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-296-312>

Феномен нотоиздательского дела в России во второй половине XIX – начале XX вв. — особая глава в летописи отечественного музыкального искусства. Это — великие имена, крупнейшие предприятия, творческие союзы, ставшие символами своего времени, определившие развитие культурной жизни страны в исторической динамике и перспективе. Такие фирмы, как «П. Юргенсон», «М. Бернард», «А. Гутхейль», «В. Бессель и Ко», «М. П. Беляев в Лейпциге» и др., традиционно являлись предметами, объектами, вершинами и ориентирами исследовательского поиска.

Безоговорочное первенство среди них принадлежало П. И. Юргенсону, чья «фирма к началу XX века имела в своем активе 25 000 наименований напечатанных произведений, большая часть которых принадлежала лучшим композиторам России и зарубежных стран <...> к этому времени издательский фонд А. Гутхейля насчитывал всего 7 000 номеров, В. Бесселя — 5000» [16, с. 49]. Лидирующие позиции сохранялись не только в Петербурге и Москве, но и на территории всей Российской империи. Достойную конкуренцию предприятие демонстрировало и по отношению к своим иностранным партнерам¹. «Этот факт позитивно сказался на качестве полиграфического производства в лучших фирмах Москвы и Петербурга, <...> укреплению творческого сотрудничества издателей и композиторов» [17, с. 110].

Масштаб этого явления во многом связывается со служением российскому искусству и образованию², с перспективами развития музыкальной культуры, что полностью созвучно словам В. Бесселя, писавшего, что «только любовь к делу, уважение к творчеству отечественных композиторов и вера в будущее, их значение и популярность могли создать столь выдающуюся деятельность в музыкально-издательском деле. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что музыкально-издательская деятельность не может считаться исключительно *коммерческой*, она — в своем лучшем проявлении — *общепользная*...» [3, с. 7].

Объем выпускаемой нотными издательствами литературы во второй половине XIX – начале XX вв. демонстрирует существенный рост производственных мощностей. Реализация продукции характеризуется тенденцией к расширению географии продаж посредством фирменных магазинов, путем частной подписки, благодаря ежегодным / помесечным каталогам и через договорную систему с профильными партнерскими организациями внутри страны и за рубежом.

¹ Исследование каталогов фирмы «П. Юргенсон» и других издательств отражено в цикле статьей О. В. Радзецкой, опубликованных в журнале «Обсерватория культуры» [19; 20; 21].

² Крупные издатели входили в состав музыкально-общественных организаций, выступали как авторы серьезных статей на страницах периодической печати [7, с. 4].

В это время провинциальная торговля получает достаточно серьезный стимул к развитию от Императорского русского музыкального общества, открывающего во многих российских губерниях свои отделения и образовательные учреждения. Данные процессы оказались тесно связаны с особенностями провинциальной жизни, ее культуры и специфики, создавая свою региональную историю, сопряженную порой со множеством организационных трудностей.

Общей же можно считать тенденцию, в которой на место издателя-типографа первой половины XIX в. приходит новая просвещенная буржуазия, обладающая знаниями хозрасчета, профессиональными коммерческими навыками, видящая в своем деле разнообразные возможности для самореализации. Однако «представлять себе книгоиздателя того времени только как некоего “капиталиста” с единственной целью заработать деньги, обманывая потребителя и эксплуатируя своих рабочих, нелепо. Люди, главным стимулом которых была в жизни нажива, обращались, конечно, не к книге...» [2, с. 208–209].

С другой стороны, несомненную коммерческую выгоду этого процесса иллюстрирует «Объяснительная записка к проекту Общества русских композиторов» (1911), в которой говорится: «По признанию П. И. Юргенсона, доход с одного только романса Чайковского окупил расходы по печатанию всех его сочинений» [16, с. 48]. Большую прибыль принесло и существенное удешевление производства нотных изданий, рассчитанное на простого потребителя. В этой связи качество выпускаемой продукции не всегда порой отвечало высоким стандартам и вызывало серьезные нарекания со стороны авторов, что нашло свое отражение в их деловой переписке. В частности, П. И. Чайковский справедливо упрекал Юргенсона, выпустившего дешевое «томовое» собрание его фортепианных сочинений, в ряде допущенных небрежностей: «Говорю не про самую музыку; кажется, в этом отношении все благополучно. Но что за полнейшее пренебрежение ко всему остальному!» [16, с. 51–52]. И этот случай был далеко не единичным. Объективности ради, все замечания, высказываемые композитором, по возможности, учитывались Юргенсоном, старавшимся не допускать подобных неточностей, так как из-за них в дальнейшем могли пострадать тиражи, их конкурентоспособность и продажа.

Не полностью раскрытым следует считать вопрос о материальных ресурсах провинциальных нотных издательств. Для создания правильного взгляда на это явление необходимо обращение к первоисточникам, а именно к каталогам провинциальной музыкальной торговли второй половины XIX – начала XX вв. из фондов Российской государственной библиотеки: вопросам «техники нотоиздательского дела в России» [24, с. 7]. В данных материалах можно познакомиться с репертуарной политикой больших и малых нотных издательств, картиной их деловой активности, подходами, принципами и методами работы с клиентами и партнерами, алгоритмами получения прибыли и расширения производственных мощностей. И, что чрезвычайно ценно, с фирменным почерком и стилем каждого предприятия, никогда ранее не освещавшихся в научной периодике, с мало известными российскому читателю именами их владельцев³.

³ «В Одессе — издательства Э. Островского и Г. Бальца, фирма “Полякин и сыновья”; в Ярославле — издательство А. Наумова; в Кишиневе — Б. Белоусова; в Воронеже — В. Кастнера и “Лири”; в Харькове — предприятия А. Гергарда и Н. Марачека...» и др. [16, с. 60]. В украинских источниках есть ряд обзорных статей о национальных музыкальных издательствах, в которых можно найти краткую информацию о рассматриваемых персоналиях [28, с. 346–349]. В российской научной периодике таких сведений обнаружить не удалось.

Среди них назовем «Каталог музыкальных сочинений, изданных нотным магазином и первую нотопечатню на юге России А. Л. Бернарди в Одессе» за 1886 г. (ил. 1), небольшое предприятие, судя по содержанию брошюры, специализирующееся в основном на выпуске фортепианной литературы самого разного профиля. Однако это впечатление оказывается достаточно поверхностным, если не обратиться к личности самого издателя. В культурной жизни Одессы имя Александра Людвиговича Бернарди значит необыкновенно много: будучи сыном купца итальянского происхождения, он получил хорошее музыкальное образование, позволившее ему в середине 1870-х гг. стоять во главе дивизионного духового оркестра.

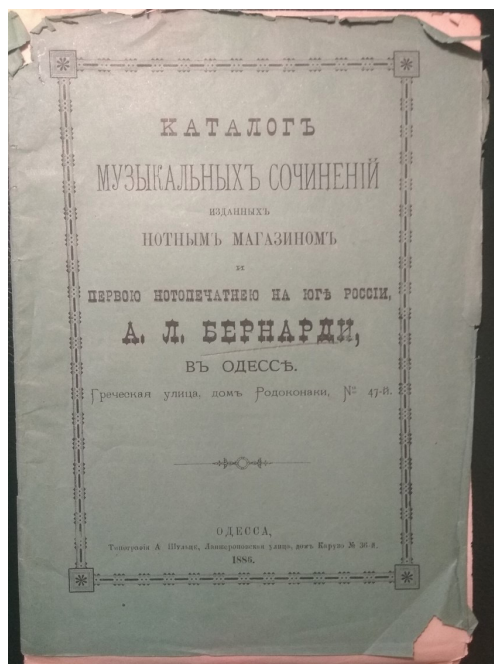

Иллюстрация 1 – Каталог музыкальных сочинений, изданных нотным магазином и первую нотопечатню на юге России А. Л. Бернарди в Одессе
Figure 1 – Catalog of Musical Compositions Published by the Music Store and the First Music Printing House in the South of Russia by A. L. Bernardi in Odessa

Бернарди виртуозно руководил порученным ему коллективом, к сожалению не дававшего никакой возможности реализовать какие-либо серьезные творческие планы. Выбор произведений производил с учетом малых исполнительских ресурсов, бывших у него в подчинении солдат. «Тем не менее, в репертуар его оркестра входили попури из опер «Тугеноты», «Аида», «Жизнь за царя», «Фауст», «Норма», «Травиата» и др., знаменитая увертюра из «Вильгельма Телля», «Комаринская»⁴ Глинки и т. д., не говоря уже о многочисленных маршах, польках, кадрилиях, мазурках, включая написанные собственноручно, так сказать, на злобу дня» [5]. Эти достижения часто демонстрировались на концертных площадках Одессы, щедро сопровождаемые световыми и звуковыми эффектами, предвосхитившими будущую стилистику эстрадных жанров. «Исполняя самые антимузыкальные вещи, — возмущается один из корреспондентов, — он освещает себя бенгальскими огнями, пускает ракеты, заставляет музыкантов петь, мяукать и т. п., чем и вызывает неистовые восторги неприхотливой толпы» [5].

⁴ Сохранена орфография источника.

В этих начинаниях стоит усмотреть лишь недюжинный организаторский талант А. Л. Бернарди, его предприимчивость и желание наиболее выгодно, в условиях жесткой конкуренции, представить возглавляемый им коллектив. Вполне объясним и его публичный ответ на раздававшуюся со всех сторон критику. «Люди, составляющие военный оркестр, — пишет он в “Одесском вестнике”, — не артисты, а простые музыканты, начавшие музыкальную школу с азбуки и через год ученья поступившие в хор; каких же достоинств можно требовать от них? Публика хорошо понимает, что дивизионный хор трудится и старается по возможности лучше исполнять свои пьесы и тем угодить ей» [5].

В самых различных источниках упоминаются композиторские опыты самого Александра Людвиговича, возникшие задолго до организованной им нотопечатни. Упоминаются более 200 произведений, преимущественно вальсы, мазурки и польки, но также и увертюра, написанная в 1874 г. на открытие театра Великанова, предтечи русского драматического театра им. Иванова. «До открытия собственной нотопечатни Бернарди печатали свои издания в различных одесских литографиях: Петра Францова в 1879 году и Германа Бекеля в 1880 году» [15].

Нотопечатня, заработавшая в 1885 г., предоставляла широкие возможности для публикации собственных сочинений. Отныне Бернарди мог не обращаться к другим издателям, он печатал и реализовывал продукцию через свой нотный магазин. Поэтому каталог 1886 г. мог бы служить достойной иллюстрацией его бурной деятельности: по объему и качеству выпускаемой литературы, выдерживавшей конкуренцию на оживленном нотопечатном рынке Одессы. Здесь же можно привести слова рецензента Б. Карагичева из еженедельника «Музыка» (№ 27 за 1911 г.), сетовавшего на то, что «... Жюри издательства <...> из начинающих композиторов с изощренной строгостью выбирает по одному романсику, в то же время широко раскрывая двери банальщине более известных авторов» [16, с. 61].

«Польки, мазурки, вальсы, кадрили и марши, сочиненные известными и неизвестными композиторами, в том числе и Бернарди, отцом и сыном, посвящены актрисам, предпринимателям и даже «дворянам Бессарабской губернии». Интересны ноты с американскими мотивами: полька-мазурка «Американка» и американский марш «Та-ра-ра Бумбия». «Кадриль из малороссийских опереток», составленная военным капельмейстером М. Ульштейном, Буланже — марш «Возвращение со смотра» Л. К. Дезорма, полька «Мыши» М. Максанта, марш «Демидов», сочиненный А. А. Маюровым и посвященный «владельцу курорта Будаки (Приморское Одесской области), почетному попечителю Демидовского Юридического лицея, кавалергардского Ея Величества полка, корнету Павлу Александровичу Демидову», полька «Первый шаг в свет», сочиненная Я. В. Зайдманом и посвященная юной барышне М. П. Михеевой» [15].

Такое представление о репертуарной концепции, целях и задачах нотопечатни А. Л. Бернарди, полученное в основном из одесской периодики, оспаривается ее Каталогом за 1886 г., в котором нашлось место самым разнообразным сочинениям. По существу, это традиционная для данного жанра презентация, копирующая столичные аналоги. Вся литература здесь собрана по разделам: «Этюды и упражнения для фортепиано», «Для одного фортепиано» и др. Большой объем занимают учебно-методические труды: Этюды для фортепиано Г. Беренса, Г. Бертини, Ф. Бургмюллера, И. Б. Крамера, С. Геллера, К. Черни и др., что косвенно говорит «о беспорно положительных тенденциях, намечающихся в “обязательной” фортепианной педагогике дореволюционной поры» [25, с. 27].

В отличие от них, другие фортепианные жанры представлены хаотично, без какой-либо системы и последовательности. Так, «Венгерские танцы» Брамса и «Ноктюрны» Шопена соседствуют с «Кадрилью из оперетт малороссийских театров» Едлички и вечерней фантазией «Раздумье» Грушко, а Сонаты Бетховена теряются на фоне польки Джанибекова «Всегда Ваш», фантазии-попурри Фидмана «Эхо из Румынии» и других подобных названий.

Отличительная черта каталога — указание на «Коммиссионерство⁵ Французских, Итальянских и Австрийских драматических обществ и издателей. Склад и продажа всех Французских и Итальянских музыкальных изданий» [12]. Подобное взаимодействие было залогом устойчивого положения коммерческого предприятия⁶, оно приносило хороший доход, так как в XIX в. коммиссионерство между издательствами, книготорговыми фирмами между собой и другими структурами носило повсеместный характер. А. Л. Бернарди оказался в весьма выгодном положении, установив деловые контакты с зарубежными партнерами. Нотопечатня процветала, в 1888 г. открылся второй магазин на Дерибасовской, 31. Но уже очень скоро, 9 марта 1889 г., А. Л. Бернарди скончался, а фирму унаследовала его жена, Елисавета Павловна. Именно она какое-то время осуществляла руководство нотопечатней и принимала заказы от частных лиц на издание нот: «популярный в тот момент вальс “Клико” военного капельмейстера Ульштейна, марш “Палестина” учителя музыки Ицковича и др.» [5].

Музыкальную традицию семьи Бернарди продолжил его сын, Александр Александрович, ставший композитором, капельмейстером и дирижером сначала в Городском театре Одессы, а потом в Московской частной опере С. И. Мамонтова. Закономерный вопрос: почему же он не встал во главе семейного предприятия? Причина здесь крайне простая. Бернарди-сын специально никогда не изучал нотопечательское дело и, конечно, не пошел по отцовским стопам. Уже с самого рождения (1867) Александр Александрович Бернарди получал домашнее музыкальное образование. Сначала это были детские впечатления от прослушивания «Аиды» в Каире во время путешествия с родителями по Египту в 1871 г., а в дальнейшем участие в отцовских оркестровых концертах, работа театральным суфлером, выполнение заказов по переписке нот, преподавание, занятия композицией. Некоторые опусы были опубликованы нотопечатней А. Л. Бернарди⁷.

Однажды Александру Александровичу удалось показать свои “Suites de valse caractéristiques” П. И. Чайковскому во время его посещения Одессы и получить от композитора следующий отзыв: «Просмотрев настоящее сочинение А. А. Бернарди, я прихожу к несомненному убеждению, что автор его обладает весьма значительным дарованием, к сожалению, недостаточно просвещенным наукой. П. Чайковский. 25 января 1893 год» [18, с. 16]. Отсутствие должного профессионализма и одновременно явный

⁵ Сохранена орфография источника.

⁶ Коммиссионеры брали на себя обязательства по выпуску в свет и продаже изданий, принадлежавших министерствам, ведомствам, обществам, и по обеспечению последних книгами и периодикой на основе договора, в соответствии с которым торговцы получали определенный процент от прибыли, им обеспечивались более выгодные условия продажи. Таким образом, звание коммиссионера давало ряд льгот и было выгодным для книготорговцев [4, с. 11].

⁷ Во избежание тиражирования неточных сведений об изданных сочинениях А. А. Бернарди, укажем на внесенную в каталог Б. В. Корейво запись о польке «Боккаччио», которую ошибочно приписывали исключительно нотопечатне А. Л. Бернарди-отца. Дополнительно в каталоге А. Л. Бернарди в большом количестве находим его собственные (полька «Канада», Молдавский марш, Еврейская молитва «Кол нидре» и др.), а также некоторые пьесы его сына: польку “Hommage”, мазурку «Масленница», вальс «Одесса», армянский вальс «Невозвратное время», Кадетский марш.

музыкальный талант, в итоге, подвигли Бернарди в 1903 г. на частые и длительные визиты в Петербург, где началась его блестящая творческая карьера⁸. Среди положительных отзывов — рецензия на постановку оперы Вагнера в газете «Обозрение театров», где отмечается: «Прежде всего заслуживает похвалы оркестр и его капельмейстер г. Бернарди, сделавшие все, чтобы при своих небольших, в сущности, средствах тщательно выполнить все намерения такого художника, как Вагнер» (1907) [1, с. 13].

Что касается нотопечатни его отца, то она просуществовала до 1897 г. В источниках находим, что сначала были закрыты оба магазина, и только потом, спустя какое-то время, перестала работать и нотопечатня. Вероятно, с отсутствием интереса со стороны Бернарди-сына и его частыми отсутствиями в Одессе, а может быть, из-за отсутствия должного качества, ухудшения (особенно в провинции) оформления нотных изданий: «безвкусные обложки, обилие опечаток, наспех, небрежно написанные и отлитографированные ноты — все это было характерно для продукции большинства мелких издателей в предреволюционные годы» [16, с. 61]⁹.

Уважаемым издателем, владельцем книжных и нотных магазинов в Киеве и Одессе являлся Болеслав Викентьевич Корейво¹⁰. Его предприятие представляло крупное в Малороссии полиграфическое производство, в котором выпуск музыкальной литературы по своему тиражному объему занимал значительное место. Корейво носил почетное звание комиссионера Киевского отделения ИРМО, предпринимателя с передовыми взглядами на искусство, культуру и образование. Торговые адреса Корейво говорили сами за себя: в Киеве, в 90-е гг. XIX в. — Крещатик, дом 35, в Одессе — Дерибасовская, против Городского сада. Совсем рядом, на Дерибасовской 31 находился и магазин А. Л. Бернарди.

Каталоги фирмы Корейво в отдельных случаях интересны своим оформлением и качеством публикуемых материалов. В основном, вся рекламная продукция издательства выглядит достаточно скромно, в ней преобладает газетный формат, недорогая бумага и предельно мелкий шрифт. В большом количестве предлагаются сочинения для фортепиано, Школы игры на различных инструментах, песенные сборники и т. д. Начиная с 1875 г. из источников, хранящихся в РГБ, становится возможным проследить репертуарную политику предприятия, ранее специализировавшегося на продаже дешевых нот издательств «Петерс», «Литольф», «П. Юргенсон». Основное внимание уделялось жанрам вокальной музыки.

В каталогах Корейво нет строгой и продуманной системы, отсутствуют оглавление и традиционные музыкальные рубрики, все авторы и сочинения собраны в алфавитном порядке. Особую ценность этим образцам придают произведения украинских композиторов, таких, как М. Лисенко, А. Маркевича, Г. Ходоровского и др., книги по истории и этнографии южнорусского края, «малороссийских опер и песен для пения с аккомпанементом фортепиано, пьес на малороссийские мотивы для фортепиано в 2 и 4 руки, для скрипки и др. инструментов» и т. д. [11].

Значительное событие в жизни издательства произошло в период 1879–1880-е гг., когда Корейво становится комиссионером ИРМО, что самым благоприятным образом сказалось на выпуске учебно-методической литературы на русском и иностранных языках (английском, немецком, французском и польском). Почетный статус повлек за собой

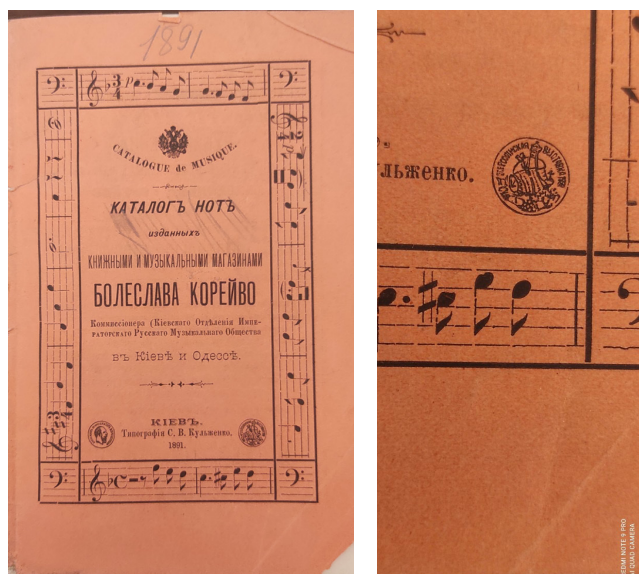
⁸ Подробнее познакомиться с жизнью и творчеством А. А. Бернарди можно в статье Л. А. Миллер и В. А. Сомова.

⁹ В 1900 г. издательство перешло к П. И. Юргенсону [26, с. 346–349].

¹⁰ В украинских источниках существует публикация: [6].

анонсирование ряда новых работ. Были приняты к печати Учебник музыкальных форм Людвиг Бусслера в переводе Ю. А. Пухальской, «Элементарная теория музыки, приспособленная к самообучению», составитель А. Ф. Казбирюк, преподаватель музыкального училища при ИРМО и др. Среди активно рекламируемых названий находим Полное собрание духовно-музыкальных сочинений Д. С. Бортнянского под редакцией П. И. Чайковского.

Во времена своего экономического подъема фирма Корейво делает ставку на работу с ИРМО и популяризацию творчества малороссийских композиторов, продажу музыкальных инструментов и выпуск дешевых нотных изданий. За редким исключением, мало внимания уделяется внешнему виду рекламной продукции. Так, титульный лист каталога за 1891 г. оформлен красивой художественной рамкой, представляющей из себя нотный стан с различными музыкальными цитатами. Внутри него размещены две стороны наградной медали Пятнадцатой Всероссийской выставки 1882 г., в которой издательство принимало участие (ил. 2–3)¹¹. Значение этого события в жизни империи отражено в предисловии к «Иллюстрированному описанию Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.». Издатель Герман Гоппе пишет: «Вся Россия, даже самые отдаленные местности представили образцы своих произведений на эту выставку, которую можно считать вполне удавшейся во всех ее отделах. Выставка 1882 г. дала явные доказательства, что во многом смело может соперничать с заграничными продуктами, а некоторыми произведениями превышает даже заграничные» [9].

Иллюстрации 2–3 – Каталог нот. 1891 г.
Издатель — Болеслав Викентьевич Корейво
Figures 2–3 – Note Catalog. 1891.
Publisher — Boleslav V. Koreyvo

¹¹ Первоначально, выставку планировалось провести в 1881 г., но в связи с убийством Александра II, она была перенесена и состоялась с 20 мая по 1 октября 1882 г. «Выставка 1882 г. отрешилась от сравнительно узких задач мануфактурных выставок и так как ей предстояло показать результаты реформ царствования Императора Александра II, то ей дано было более соответствующее название — «промышленно-художественной». Экспозиция была тематически разбита на 14 отделов и 121 группу» [23].

Пройдя долгий путь развития, издательство Корейво закончило свое существование в 1896–1897 г. Оно было куплено одним из крупнейших малороссийских предпринимателей Владиславом Леоновичем Идзиковским. Являясь преемником своего рано ушедшего из жизни отца¹², основавшего в 1858 г. в Киеве книжное издательство и нотный магазин, он расширил семейное дело, став комиссионером Киевского отделения ИРМО и Киевской консерватории, а также поставщиком Варшавского музыкального института. Торговая география фирмы «Леон Идзиковский» охватывала Киев, Варшаву, Москву, Одессу, Петроград, Ростов-на-Дону, Екатеринослав, Барнаул, Владивосток, Вильно и др. При магазине существовала библиотека и нотный склад, образованные в 1873 г. Г. И. Идзиковской. Библиотека пользовалась успехом, «состояла из книг на русском, украинском, польском, французском, немецком, английском языках и насчитывала более 100 тысяч томов, с детским и нотным отделением и 110 названиями различных журналов и газет» [8].

Каталоги «Леон Идзиковский» представляют развернутую экспозицию выпускаемой литературы. Среди наименований присутствуют не только нотные издания, но и другая полиграфическая продукция. В частности, русские книги библиотеки Л. Идзиковского за 1915 г. включают в себя беллетристику, стихотворения, драматические произведения, либретто опер, детские книги и детские журналы. К. Г. Паустовский так вспоминал свою юность в повести «Далекие годы»: «...я заходил в библиотеку Идзиковского на Крещатике. Летом там было пусто. Бледные от духоты молодые люди с мокрыми усиками — приказчики Идзиковского — меняли мне книги... Я возвращался домой на Лукьяновку усталый и счастливый» [8].

С 1897 г. при библиотеке начинает работать концертное бюро, руководимое старшей дочерью Леона Идзиковского, певицей Марией Ящевской. Помощь и поддержку в этом начинании ей оказывал муж — киевский издатель, коммерсант и общественный деятель Чеслав Адамович Ящевский. Среди приглашенных на гастроли музыкантов были: С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, польские пианисты и композиторы И. Падечевский и К. Шимановский. Проходили выступления А. Н. Вертинского, сочинителя и исполнителя русских романсов В. Д. Шумского, певца В. А. Сабина, писателя А. И. Куприна и др.

По содержанию и масштабу деятельности Владислава Леоновича Идзиковского, без преувеличения, можно поставить в один ряд с его столичными коллегами [28]. Мощное «юргенсоновское» начало поддерживают и каталоги руководимого им издательства. Оформление стилистически продуманно и в отдельных случаях отличается яркостью художественных решений. Так, каталоги, выпущенные на рубеже веков или в 1900-х гг., выгодно отличаются от своих более ранних предшественников. Предприятие одним из первых представило фирменный логотип: древнегреческую лиру с заключенным в нее земным шаром и надписью “L. Idzikowski” по корпусу инструмента. Вся композиция опоясывается широкой лентой, символизирующей высокую духовную миссию музыкального искусства (ил. 4). В юбилейном каталоге за 1899 г.¹³, а также на титуле экземпляра 1915 г. можно увидеть изящную факсимильную подпись «Леон Идзиковский» — дань глубокого уважения основателю фирмы.

¹² Фирму и капитал наследовала жена Л. В. Идзиковского, Герсилия Игнатьевна Идзиковская, руководившая издательством с 1865 г. В 1897 г. владельцем стал их сын Владислав Идзиковский

¹³ Существует разночтение в дате основания издательства. Почти во всех источниках указывается 1858 г., когда во всех каталогах «Л. Идзиковский» напечатан 1859 г.

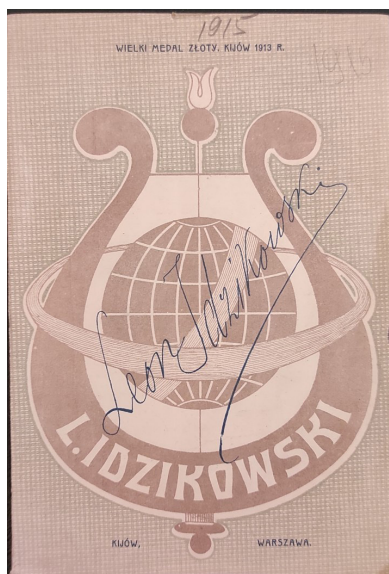

Иллюстрация 4 – Фирменный логотип: L. Idzikowski
Figure 4 – Corporate Logo: L. Idzikowski

В целом же, необходимо отметить талантливую работу художников-оформителей, сотрудничавших с издательством¹⁴. Некоторые каталоги (1903) сопровождается редкими и очень красивыми иллюстрациями. Меняется порой и печатный формат. Так, в 1897 г. был выпущен каталог нестандартных размеров, во многом напоминающий театральную программу. Этим же годом датировано другое издание, обложка которого выполнена в насыщенном красном цвете.

Содержание и объем нотопечатной продукции «Леон Идзиковский» иногда сопоставим с производственными мощностями крупных столичных издательств. В интервале 1892–1915 гг. в его каталогах представлены разнообразные музыкальные, образовательные и литературные труды. При жизни основателя фирмы с 1859 по 1865 гг. вышли в свет «около 100 произведений украинских и польских композиторов. Фирма выпускала книги, ноты, теоретические пособия. Она была известна далеко за пределами Украины» [8]. В более поздний период — «600 нот различных авторов и более 300 пьес зарубежных композиторов. <...> в 1905–1917 гг. произведения Н. Лысенко, К. Стеценко, А. Кошица, других авторов» [8].

«Каталоги музыкальным сочинениям издания книжного и музыкального магазина Л. Идзиковского» в 90-х гг. XIX в. построены по единому принципу. В них, как правило, отсутствует тематическое содержание. Первыми по списку идут «Школы и этюды», преимущественно для фортепиано, реже для скрипки, поддерживаемые сольными и камерными сочинениями для струнных инструментов. Далее — пьесы для фортепиано в 4 и 2 руки (отечественных, малороссийских и иностранных композиторов), отдельно — «Танцы и марши», «Романсы и песни» и т. д. Языки изложения: русский, французский, польский. В юбилейный 1899 г. рубрики были существенно расширены: появились «Теоретические сочинения», в том числе украинских музыкантов: А. Ф. Казбирюка, одобренные художественным советом Санкт-Петербургской консерватории [13, с. 4], и А. А. Каневцова¹⁵, преподавателя музыкальной школы Н. А. Тут-

¹⁴ Точные имена и фамилии, а также биографические сведения выяснить пока не удалось.

¹⁵ Каневцев (Каневцов) Александр Александрович — советский пианист, музыкальный теоре-

ковского¹⁶. «Школы, этюды и упражнения» для фортепиано в 2 руки составили большой и достаточно развернутый список наименований (традиционные: Ганон, Черни и др., а также мало известные на сегодняшний день этюды Михаила Завадского¹⁷ и др.). Вниманию широкой общественности представлены «Новейшие салонные модные танцы» и «Последние музыкальные новости», разнообразная хоровая литература, а также «Собрание инструктивных и салонных пьес различных авторов» под редакцией В. В. Пухальского¹⁸. Завершает каталог подборка книг, вышедших в издательстве «Л. Идзиковский».

В 1900-х гг. немного меняется принцип составления рекламного материала. В каталоге за 1907 г. на первых страницах появляется содержание, здесь же можно увидеть названия отдельных произведений на малороссийском языке. В юбилейном выпуске 1859–1909 гг. представлена только музыкальная литература. Это — теоретические сочинения, специальные каталоги, фортепианная периодика, школы игры и произведения для различных инструментов: струнных, духовых, гармоника, семиструнной гитары, ручной трехрядной гармоника, мандолина и окарини. Большой раздел посвящен вокальному искусству, романсовому и оперному репертуару, народному творчеству. На последних страницах размещена польская музыка, а также французские, итальянские и немецкие песни, сочинения, вышедшие во время печатания каталога. И, наконец, издание за 1915 г. можно охарактеризовать как одно из самых больших по тематическому диапазону и по количеству русских, малороссийских, французских и польских названий.

Таким образом, деятельность провинциальных нотных издательств и магазинов во второй половине XIX – начале XX вв. представляет собой активно развивающееся пространство отечественной культуры и образования, яркое и самобытное, со сложившимися традициями и удивительным разнообразием индивидуальных черт. Общим и типичным в этом процессе является равнение на крупнейшие российские фирмы, открывавшие свои филиалы в крупных городах и губерниях, задававшие репертуарные ориентиры и правила современной торговли. Каталоги этих представительств во многом повторяют их столичные аналоги, работают по одинаковому принципу и несут четко сформированную информацию, легко воспринимаемую потенциальным потребителем. Цели и задачи таких изданий воспринимаются вполне ясно: найти необходимую литературу, критик и композитор. Игре на фортепиано учился в Киеве у Н. А. Тутковского (в 1891 окончил экстерном Киевское училище РМО), преподавал в его музыкальной школе, в 1920-х гг. — в Киевской школе искусств. С 1891 г. сотрудничал в различных органах киевской периодической печати (с 1908 постоянный музыкальный критик газеты «Киевлянин») [10].

¹⁶ Тутковский Николай Аполлонович — известный пианист, ученик В. В. Пухальского в киевском музыкальном училище ИРМО, по окончании которого выдержал при Санкт-Петербургской консерватории экзамен на звание свободного художника (1881). Далее, с 1881 по 1990 гг. преподавал в киевском училище ИРМО игру на фортепиано, а в 1888–1890 гг. — историю музыки. В 1893 г. открыл собственную музыкальную школу [22].

¹⁷ Завадский Михаил Адамович — украинский композитор и педагог XIX в. [14, с. 196].

¹⁸ Пухальский Владимир Вячеславович — советский пианист, педагог, композитор и музыкальный деятель, заслуженный профессор УССР (1928). В 1874 г. окончил Петербургскую консерваторию у Т. Лешетицкого (класс фортепиано), Ю. И. Иогансена и Н. И. Зарембы (класс теории композиции). В 1874–1876 гг. преподавал в Петербургской консерватории, с 1876 г. — в Киевском музыкальном училище (в 1877–1913 гг. также директор). С 1913 г. профессор и первый директор (1913–1914 гг.) Киевской консерватории. Среди учеников: А. Браиловский, В. С. Горовиц, Г. М. Коган, Л. В. Николаев. Сыграл большую роль в развитии музыкальной культуры Киева. В 1877–1888 гг. входил в состав дирекции Киевского отделения Русского музыкального общества (заведующий музыкальной частью). Вел широкую концертную деятельность [14, с. 447].

ратуру становится легко и просто, следуя установленному ранее порядку, не взирая на географию продаж. На местах, с развитием полиграфической индустрии, создаются различные издательские проекты с крупными образовательными или просветительскими организациями, самостоятельными по статусу или относящимися к ИРМО. Но для всех без исключения, звание комиссионера Императорского русского музыкального общества остается почетным и желаемым, добавляющим профессиональный авторитет и приносящим ощутимые коммерческие выгоды.

Наряду с крупнейшими производителями, лидерами нотоиздательского дела, в российской провинции успешно зарекомендовали себя и другие коммерческие предприятия. В этой связи большой интерес вызывают малороссийские фирмы, чья история отражена в их каталогах, позволяющих составить конкретное представление об объеме и характере выпускаемых сочинений, открыть целый пласт неисследованной ранее литературы, а в дальнейшем установить подходы, принципы и методы в ее изучении, определить механизмы деятельности и, главное, актуализировать роль личности в становлении и развитии отечественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *А. И.* Частная опера в Консерватории. «Моряк-скиталец» Р. Вагнера // Обозрение театров. 1907. № 207, 12 декабря. С. 13–14.
- 2 *Адмиральский А. М., Белов С. В.* Рыцарь книги. Очерки жизни и деятельности П. П. Сойкина. Л.: Лениздат, 1970. 214 с.
- 3 *Бессель В. В.* Материалы к истории нотоиздательского дела в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. 8 с.
- 4 *Гринченко Н. А.* Комиссионеры Императорской Публичной библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 4 (29) (декабрь). С. 11–14.
- 5 *Губарь О.* Наши садовые музыкальные удовольствия // Вечерняя Одесса. 5 февраля. 2011. URL: <http://vo.od.ua/rubrics/odessa-gody-i-sudby/16711.php> (дата обращения: 08.01.2022).
- 6 *Захаров Ю.* Видавництво Болеслава Корейва: до історії нотовидання у ХІХ столітті в Україні // Інформаційні ресурси музичних бібліотек. Київ: Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, 2008. С. 545–546.
- 7 *Иванов Г. К.* Нотоиздательское дело в России: Историческая справка. М.: Сов. композитор, 1970. 63 с.
- 8 Идзиковские: Леон (1827–1865), Владислав (1864–1944). Издательская династия Идзиковских // История Киева. URL: http://kiev-history.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=503:--18271865--18641944---&catid=83:---xx---2&Itemid=106 (дата обращения: 02.02.2022).
- 9 Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.: альбом. СПб.; М.: Изд-во Г. Гоппе, 1882. 256 с.
- 10 Каневцов Александр Александрович. Музыкальная энциклопедия // Gufo.me. URL: https://gufo.me/dict/music_encyclopedia/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2_%D0%90_%D0%90 (дата обращения: 01.02.2022).
- 11 Каталог книг, относящихся к истории и этнографии Южно-Русского края и Малороссийских книг и нот, находящихся в продаже в книжных и музыкальных магазинах Болеслава Корейво. Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1890. 32 с.

- 12 Каталог музыкальных сочинений, изданных нотным магазином и первою нотопечатнею на юге России А. Л. Бернарди в Одессе. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. 15 с.
- 13 Каталог нот и книг, изданных книжным и музыкальным магазином Леона Идзиковского. Киев: Тип. С. А. Спидиоти, 1899. 240 с.
- 14 *Келдыш Г. В.* Музыкальный энциклопедический словарь / отв. ред. Г. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- 15 *Краснова Е., Дроздовский А.* Музыкальная Одесса // Морія. Альманах. 2007. № 7. URL: <http://a-pesni.org/dvor/odessa/notodessa.php> (дата обращения: 12.01.2022).
- 16 *Кунин М. Е.* Из истории нотопечатания. Краткие очерки. М.: Сов. композитор, 1963. 78 с.
- 17 *Логачева Н. В.* Историческая роль П. И. Юргенсона в нотопечатательской деятельности во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 109–116.
- 18 *Миллер Л. А., Сомов В. А.* Парижский архив и библиотека семьи Бернарди // Musicus. Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. 2012. № 1. С. 15–22.
- 19 *Радзецкая О. В.* Русское нотопечатательское дело: коммерция и меценатство // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2019. № 1. С. 40–49.
- 20 *Радзецкая О. В.* Учебно-методическая литература для клавира и фортепиано в истории русского нотопечатательского дела. Каталоги фирмы «П. Юргенсон» из собрания Российской Государственной Библиотеки // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2020. № 17 (6). С. 657–668.
- 21 *Радзецкая О. В.* Учебно-методическая литература для фортепиано в каталогах музыкальных издательств второй половины XIX – начала XX вв. // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2021. Т. 18, № 6. С. 628–637.
- 22 Тутковский Николай Аполлонович // Национальная историческая энциклопедия. URL: <https://interpretive.ru/termin/tutkovskii-nikolai-apollonovich.html> (дата обращения: 02.02.2022).
- 23 Участие фирмы Трындиных во Всероссийских и международных выставках // Tryndin.narod.ru. URL: <http://tryndin.narod.ru/Exhibition.htm> (дата обращения: 21.01.2022).
- 24 *Хайруллина Г. Х.* Издательское дело в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004. 24 с.
- 25 *Цыпин Г. М.* Обучение игре на фортепиано: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2119 «Музыка и пение». М.: Просвещение, 1984. 176 с.
- 26 *Шевчук О.* Видавництва музичні // Українська музична енциклопедія. Київ: Національна академія наук України, 2006. Т. 1. С. 346–349.
- 27 *Шевчук О.* Ідзиковські // Українська музична енциклопедія. Київ: Національна академія наук України, 2008. Т. 2. С. 192–193.
- 28 50-летие музыкальной фирмы «Леон Идзиковский» в Киеве // Русская музыкальная газета. 1908. № 51–52. С. 1183–1186.

© 2022. Olga V. Radzetskaya
Moscow, Russia

**MUSIC PUBLISHING CATALOGS OF PROVINCIAL MUSIC STORES
OF THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES:
A. L. BERNARDI, B. V. KOREIVO, V. L. IDZIKOVSKY
(FROM THE COLLECTIONS OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY)**

Abstract: The second half of the 19th – early 20th centuries were marked by intensive growth of music publishing houses and shops throughout the Russian Empire. In many cities and provinces, the music trade began to develop intensively, directly connected with the highest rise of domestic art, with the processes of formation of academic traditions and the flourishing of the national school of composition. The educational and cultural-educational tasks of the Russian Musical Society (1859), the subsequent opening of the St. Petersburg (1862) and Moscow (1866) conservatories, in many ways, turned out to be identical to the activities of large producers who took an active part in the life of these organizations. In comparison, provincial music publishers and shops, in particular, A. L. Bernardi in Odessa, B. V. Koreivo and V. L. Idzikovsky in Kiev, are sensitive indicators of cultural processes in the country's life, create their own local history, captured in catalogs from the collections of the Russian State Library. It contains valuable data that has not been published anywhere before, allowing to find and analyze the commercial mechanisms of these enterprises, their repertoire concept and structural features. A special factor is the honorary title of commissioner of the Imperial Russian Musical Society, acknowledging the business and creative status of the producer, his advanced views and positions. The appeal to the activities of large and little-known entrepreneurs specializing in the production and sale of sheet music, musical instruments and other works of art is due to the interest in the formation and development of publishing. The scale of this phenomenon is largely associated with good goals in the name of Russian art and education, with long-term prospects for the development of musical culture, which makes it possible to expand and complement the range of its perception.

Keywords: Russian Music Publishing Business, Provincial Music Stores, Catalog, A. L. Bernardi, B. V. Koreivo, V. L. Idzikovsky.

Information about the author: Olga V. Radzetskaya — DSc in Arts, Professor, Professor, Maimonides Academy, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 52/45, 115035 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-1047>

E-mail: olgabreman@yandex.ru

Received: April 27, 2022

Approved after reviewing: August 29, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Radzetskaya O. V. Music Publishing Catalogs of Provincial Music Stores of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A. L. Bernardi, B. V. Koreivo, V. L. Idzikovsky (from the Collections of the Russian State Library). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 296–312. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-296-312>

REFERENCES

- 1 A. I. Chastnaia opera v Konservatorii. “Moriak-skitalets” R. Vagnera [Private Opera at the Conservatory. “The Wandering Sailor” by R. Wagner]. In: *Obozrenie teatrov*, 1907, no 207, December 12, pp. 13–14. (In Russian)
- 2 Admiral'skii A. M., Belov S. V. *Rytsar' knigi. Ocherki zhizni i deiatel'nosti P. P. Soikina* [Knight of the Book. Essays on the Life and Work of P. P. Soykin]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1970. 214 p. (In Russian)
- 3 Bessel' V. V. *Materialy k istorii notoizdatel'skogo dela v Rossii* [Materials for the History of Music Publishing in Russia]. St. Petersburg, Tipografiia A. S. Suvorina Publ., 1895. 8 p. (In Russian)
- 4 Grinchenko N. A. Komissionery Imperatorskoi Publichnoi biblioteki [Commissioners of the Imperial Public Library]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2016, no 4 (29) (December), pp. 11–14. (In Russian)
- 5 Gubar' O. Nashi sadovye muzykal'nye udovol'stviia [Our Garden Musical Pleasures]. In: *Vecherniiaia Odessa*, 2011, no 5, February. Available at: <http://vo.od.ua/rubrics/odessa-gody-i-sudby/16711.php> (Accessed 28 January 2022). (In Russian)
- 6 Zakharov Iu. Vidavnistvo Boleslava Koreiva: do ictopii notovidannia u XIX stolitti v Ukraïni [Boleslav Koreev Publishing House: to the History of Music Publishing in the 19th Century in Ukraine]. In: *Informatsiini resursi muzichnikh bibliotek* [Information Resources of Music Libraries]. Kiev, V. I. Vernadsky National Library of Ukraine Publ., 2008, pp. 545–546. (In Ukrainian)
- 7 Ivanov G. K. *Notoizdatel'skoe delo v Rossii: Istoricheskaia spravka* [Music publishing in Russia: Historical reference]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1970. 63 p. (In Russian)
- 8 Idzikovskie: Leon (1827–1865), Vladislav (1864–1944). Izdatel'skaia dinastiia Idzikovskikh [Idzikovsky: Leon (1827–1865), Vladislav (1864–1944). The Publishing Dynasty of the Idzikovskys]. In: *Istoriia Kieva* [History of Kiev]. Available at: http://kiev-history.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=503:-18271865--18641944---&catid=83:---xx---2&Itemid=106 (Accessed 02 February 2022). (In Russian)
- 9 *Illiustrirovannoe opisanie Vserossiiskoi khudozhestvenno-promyshlennoi vystavki v Moskve 1882 g.: al'bom* [Illustrated Description of the All-Russian Art and Industrial Exhibition in Moscow in 1882: album]. St. Petersburg, Moscow, Izdatel'stvo G. Goppe Publ., 1882. 256 p. (In Russian)
- 10 Kanevtsov Aleksandr Aleksandrovich. Muzykal'naia entsiklopediia [Music Encyclopedia]. In: *Gufo.me*. Available at: https://gufo.me/dict/music_encyclopedia/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2_%D0%90_%D0%90 (Accessed 01 February 2022). (In Russian)
- 11 *Katalog knig, otnosiashchikhsia k istorii i etnografii Iuzhno-Russkogo kraia i Malorossiiskikh knig i not, nakhodiashchikhsia v prodazhe v knizhnykh i muzykal'nykh magazinakh Boleslava Koreivo* [Catalog of Books Related to the History and Ethnography of the South Russian Region and Little Russian Books and Sheet Music on Sale in Boleslav Koreevo Book and Music Stores]. Kiev, Tipografiia K. N. Milevskogo Publ., 1890. 32 p. (In Russian)
- 12 *Katalog muzykal'nykh sochinenii, izdannykh notnym magazinom i pervoiu notopechatneiu na iuge Rossii A. L. Bernardi v Odesse* [Catalog of Musical Compositions Published by the Music Store and the First Music Printing House in the

- South of Russia by A. L. Bernardi in Odessa]. Odessa, Tipografiia A. Shul'tse Publ., 1886. 15 p. (In Russian)
- 13 *Katalog not i knig, izdannykh knizhnym i muzykal'nym magazinom Leona Idzikovskogo* [Catalog of Sheet Music and Books Published by Leon Idzikovsky's Book and Music Store]. Kiev, Tipografiia S. A. Spilioti Publ., 1899. 240 p. (In Russian)
- 14 Keldysh G. V. *Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar'* [Musical Encyclopedic Dictionary], ex. ed. G. V. Keldysh. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. 672 p. (In Russian)
- 15 Krasnova E., Drozdovskii A. Muzykal'naia Odessa [Musical Odessa]. In: *Moriia. Al'manakh*, 2007, no 7. Available at: <http://a-pesni.org/dvor/odessa/notodessa.php> (Accessed 12 January 2022). (In Ukrainian)
- 16 Kunin M. E. *Iz istorii notopechataniia. Kratkie ocherki* [From the History of Printing. Brief Essays]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1963. 78 p. (In Russian)
- 17 Logacheva N. V. Istoricheskaia rol' P. I. Iurgensona v notoizdatel'skoi deiatel'nosti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Historical Role of P. I. Yurgenson in Music Publishing Activity in the Second Half of the 19 – early 20 centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriiia Rossii* [History of Russia], 2015, no 3, pp. 109–116. (In Russian)
- 18 Miller L. A., Somov V. A. Parizhskii arkhiv i biblioteka sem'i Bernardi [Paris archive and Bernardi family's library]. *Musicus. Vestnik Sankt-Peterburgskoi gosudarstvennoi konservatorii im. N. A. Rimskogo-Korsakova*. 2012, no 1, pp. 15–22. (In Russian)
- 19 Radzetskaia O. V. Russkoe notoizdatel'skoe delo: kommersiia i metsenatstvo [Russian Music Publishing Business: Commerce and Patronage]. *Observatoriia kul'tury. Zhurnal-obozrenie*, 2019, no 1, pp. 40–49. (In Russian)
- 20 Radzetskaia O. V. Uchebno-metodicheskaia literatura dlia klavira i fortepiano v istorii russkogo notoizdatel'skogo dela. Katalogi firmy “P. Iurgenson” iz sobraniia Rossiiskoi Gosudarstvennoi Biblioteki [Educational and Methodical Literature for the Keyboard and Piano in the History of Russian Music Publishing. Catalogs of the Company “P. Jurgenson” from the Collection of the Russian State Library]. *Observatoriia kul'tury. Zhurnal-obozrenie*, 2020, no 17 (6), pp. 657–668. (In Russian)
- 21 Radzetskaia O. V. Uchebno-metodicheskaia literatura dlia fortepiano v katalogakh muzykal'nykh izdatel'stv vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Educational and methodical literature for piano in the catalogues of Music Publishers of the Second Half of the 19th – early 20th centuries]. *Observatoriia kul'tury. Zhurnal-obozrenie*, 2021, vol. 18, no 6, pp. 628–637. (In Russian)
- 22 Tutkovskii Nikolai Apollonovich. In: *Natsional'naia istoricheskaia entsiklopediia* [National Historical Encyclopedia]. Available at: <https://interpretive.ru/termin/tutkovskii-nikolai-apollonovich.html> (Accessed 02 February 2022). (In Russian)
- 23 Uchastie firmy Tryndinykh vo Vserossiiskikh i mezhdunarodnykh vystavkakh [Participation of the Tryndin Firm in All-Russian and International Exhibitions]. In: *Tryndin.narod.ru*. Available at: <http://tryndin.narod.ru/Exhibition.htm> (Accessed 21 January 2022). (In Russian)
- 24 Khairullina G. Kh. *Izdatel'skoe delo v Ufimskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Publishing in the Ufa Province in the Second Half of the 19th – 20th centuries: PhD Thesis, Summary]. Ufa, 2004. 24 p. (In Russian)
- 25 Tsypin G. M. *Obuchenie igre na fortepiano: Uchebnoe posobie dlia studentov pedagogicheskikh institutov po spetsial'nosti № 2119 “Muzyka i penie”* [Learning to

- Play the Piano: A Textbook for Students of Pedagogical Institutes in Specialty No. 2119 “Music and Singing”. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 176 p. (In Russian)
- 26 Shevchuk O. Vidavnistva muzichni [Music Publishing Houses]. In: *Ukrains'ka muzichna entsiklopediia* [Ukrainian Musical Encyclopedia]. Kiiv, Natsional'na akademiia nauk Ukraïni, 2006, vol. 1, pp. 346–349. (In Ukrainian)
- 27 Shevchuk O. Idzikovs'ki [Idzikovsky]. In: *Ukrains'ka muzichna entsiklopediia* [Ukrainian Musical Encyclopedia]. Kiev, Natsional'na akademiia nauk Ukraïni Publ., 2008, vol. 2, pp. 192–193. (In Russian)
- 28 50-letie muzykal'noi firmy “Leon Idzikovskii” v Kieve [50th Anniversary of the Music Company “Leon Idzikovsky” in Kiev]. In: *Ruskaia muzykal'naia gazeta*, 1908, no 51–52, pp. 1183–1186. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-313-319>

УДК 78.071.1

ББК 85.313(2)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Е. А. Зайцева

г. Москва, Россия

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА П. Г. ЧЕСНОКОВА

Аннотация: Статья посвящена жизни и творчеству выдающегося русского регента, хорового дирижера, композитора и педагога Павла Григорьевича Чеснокова (1877–1944) и приурочена к 145-летию со дня его рождения. В ней затрагиваются биографический, историко-контекстуальный, стилистический, а также исполнительский аспекты его наследия. Жизненный и творческий путь Чеснокова выпал на две эпохи, расколотые событиями 1917 г. Ученик Данилина и Голованова, Танеева и Василенко — Чесноков вместе с группой единомышленников участвовал в создании дирижерско-хорового факультета Московской консерватории. Претворяя русский песенный фольклор в своих сочинениях, композитор обращался к архаическим жанрам: трудовым артельным, хороводным, плясовым. Его светские сочинения (свыше шестидесяти хоров на стихи русских и европейских поэтов) пользуются большой популярностью и по сей день. В числе академических жанров как значимой составляющей наследия мастера следует назвать одноактную оперу (поэму) «Потоп» («Небо и Земля») на либретто композитора по Байрону. Созданная в 1917 г., она впервые прозвучала более века спустя — в 2019 г. Свыше четырехсот хоровых сочинений вошли в золотой фонд отечественной духовной музыки. Свое завещание наставника Чесноков оставил в книге «Хор и управление им». Русский песенный фольклор, храмовая музыка, традиции отечественной и зарубежной музыкальной культуры — таковы истоки мелоса композитора, имеющие непреходящее значение в настоящее время.

Ключевые слова: П. Г. Чесноков, хоровая музыка, русский этномелос, храмовое искусство, композиторское наследие.

Информация об авторе: Елена Александровна Зайцева — кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры теории и истории музыки, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Большая Садовая ул., д. 14, 123001 г. Москва.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9695-0136>

E-mail: vu-nu@mail.ru, mlad61@mail.ru

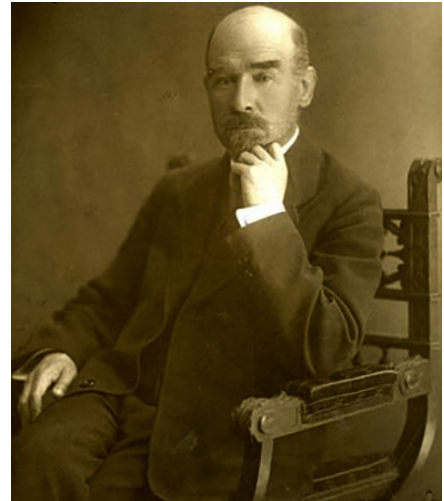
Дата поступления статьи: 15.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 20.06.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Зайцева Е. А. Истоки творчества П. Г. Чеснокова // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 313–319.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-313-319>

Павел Григорьевич Чесноков (1877–1944)
Pavel G. Chesnokov (1877–1944)

Творческое наследие Павла Григорьевича Чеснокова, безусловно, требует пристального внимания исследователей, так как истоки его жизни, деятельности и, главное, музыки корнями своими уходят в глубинные пласты русской истории, культуры, хорового исполнительства.

Как справедливо утверждал российский хоровой дирижер, народный артист России К. Б. Птица, «Общественно-музыкальная деятельность П. Г. Чеснокова была разделена рубежом двух исторических эпох — Великой Октябрьской социалистической революцией. Он начал и прожил примерно половину своей сознательной жизни в общественно-социальных условиях прямо противоположных тем, в которых прошла вторая ее половина. Естественно, что в прямой зависимости от этих обстоятельств складывались его жизнь, мировоззрение и художественное творчество» [1]. Биографические рамки жизни Павла Григорьевича Чеснокова — 1877–1944 — вмещают путь, на который выпали революции и войны — события, имеющие глобальное значение для всего человечества.

Чесноков родился в рабочем поселке близ города Воскресенска Московской губернии. В семье было еще четыре брата. Отец учил их церковному пению с ранних лет. Образование Павла продолжалось в Синодальном училище, которое он окончил в 1895 г. с золотой медалью. Его имя наряду с золотыми медалистами других лет — Н. М. Данилиным (1997) и Н. С. Головановым (1908) «красовалось на доске отличия, висевшей при входе в зал» [2, с. 98].

В то время, — вспоминал Павел Григорьевич в беседе со своими учениками, — я впервые познал вдохновение. Я писал свой первый большой концерт для хора с любовью и прилежанием. Но всякий раз, на очередном уроке композиции и теории, С. В. Смоленский спокойно перечеркивал карандашом написанное и говорил: «Это — не то». В конце концов я был близок к отчаянию. Но вот однажды я шел по улице, думал о своем неудачном сочинении, и вдруг меня осенило! Как будто передо мною отворилась закрытая дверь. Я постоял мгновение и затем бросился бежать. Москвичи, вероятно, с удивлением смотрели на долговязого юношу, бегущего со счастливым лицом по Кузнецкому мосту. Всю ночь я писал. А наутро С. В. Смоленский, внимательно проиграв сделанное мною, встал, обнял меня, поцеловал и сказал: «Поздравляю тебя». И действительно, это было одно из лучших моих сочинений! [1].

Молодой композитор стал там преподавать, одновременно занимаясь свободным сочинением и контрапунктом с С. И. Танеевым, которого называли «музыкальная совесть Москвы». Учиться у такого педагога было великой честью еще и потому, что Танеев был учеником П. И. Чайковского.

В 1913 г., будучи уже известным композитором и хормейстером, Чесноков поступает в Московскую консерваторию в класс свободного сочинения к С. Н. Василенко и заканчивает курс с серебряной медалью.

После 1917 г. линию преемственности традиций царской России Чесноков продолжает как некое обязательство, долг. При этом, как утверждает К. Б. Птица, «С негодованием отвергнув возможность эмиграции, он стал лояльным членом Советского государства» [1]. Так как Синодальное училище примыкало к Консерватории, то многие педагоги, среди них А. Д. Кастальский, преподавали и там, и там.

Чесноков много работал с хоровыми коллективами Москвы. Он был регентом, руководил женскими хорами в пансионах, преподавал пение в гимназиях, дирижирование — в музыкальном училище, которое в настоящее время преобразовано в Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке. Педагогической работе П. Г. Чесноков уделял пристальное внимание, успевая преподавать в разных местах и, прежде всего, в Московской консерватории, где наряду с дирижерами А. Д. Кастальским, Н. М. Данилиным, А. В. Александровым, А. В. Никольским, П. Г. Чесноков в 20-е гг. участвовал в создании дирижерско-хорового факультета. В консерватории Чесноков вел созданный им курс хороведения, а также хоровой класс, специальное дирижирование, сольфеджио.

Он умер в 1844 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Предпринимаемые после 2000 г. попытки получить официальное разрешение на установку памятника на могиле композитора успехом не увенчались.

На протяжении всей своей жизни он принимал историю нашего государства и максимально отдавал свой интеллектуальный и творческий потенциал Музыке, ведь это было его призвание, которое он ощутил с ранних лет.

Три основные ветви русской музыкальной культуры переплелись в его художественном наследии: духовная музыка, народное песенное творчество, профессиональное искусство.

Общеизвестно, что *русский фольклор* существовал с древнейших времен и поистине образует основу отечественной музыкальной культуры. С принятием христианства произошла византизация русского народного песенного творчества, повлекшая за собой появление новых жанров, ритмических, а также ладово-интонационных форм.

В XVII в. русский мелос был подвергнут европеизации с характерным для нее партесным пением, гомофонно-гармоническим стилем, тональным центризмом, вводнотоновостью, регулярной ритмикой и квадратностью.

Воспринимая эволюцию русского этномелоса как естественный процесс, прекрасно зная напевы и тексты, П. Г. Чесноков уделял серьезное внимание в своем творчестве обработкам русских народных песен для хора *a'capella*, а также солистов с хором. В этой связи следует выделить опусы № 52 и 55. Его привлекают архаические фольклорные жанры: трудовые артельные «Эй, ухнем» и «Дубинушка», хороводные «Во поле березонька стояла» и «Ходила младшенька по борочку», плясовая «Ах, вы, сени», лирическая «Лучинушка».

«Сама садик я садила» (ор. 55 № 3) для солирующих сопрано и тенора со смешанным хором — удивительный образец городской русской лирики романсового типа,

трактованный композитором как диалог влюбленных, происходящий на фоне людской молвы. Фольклорные истоки в данной хоровой миниатюре ограничены лишь напевом. Изобретательность и органичность хоровой ткани основана на большетерцовом тональном плане: G-Dur — H-Dur — G-Dur. Статика трехдольного метра создается за счет остигатных повторов мелодических оборотов в разных голосах партитуры.

Фольклорная традиция петь без дирижера порой реализовывалась П. Г. Чесноковым и на сцене. Приведем впечатления К. Б. Птицы: «Припоминается, как на одном из концертов в Малом зале Московской консерватории, уже к концу большой программы, хор устал, но строй его был все так же чист, интонация свободна. Пели “Дубинушку” и “Канаву” — лучшие из переложений русских песен Чеснокова. Павел Григорьевич, дав тональную настройку, отходил в сторону от хора и следил, *не управляя им* (курсив мой. — Е. З.). Хор свободно и легко пел. Интонация была безукоризненна. После окончания произведения Павел Григорьевич проверял для публики тон на фортепьяно. Строй удерживался хором совершенно точно» [1].

Фольклор, знаменный распев и европейские жанры привели к формированию русской композиторской школы. Предшественники М. И. Глинки, его последователи XIX в., композиторы рубежа XIX–XX вв. оставили колоссальное наследие хоровой музыки.

В общей сложности Чесноков написал свыше 60 светских смешанных хоров a'cappella, а также (в связи с педагогической работой в женских пансионах) — более 20 женских хоров с развернутым сопровождением фортепиано («Зеленый шум», «Листья», «Несжатая полоса», «Крестьянская пирушка»). Несколько мужских хоров Чеснокова — переложение тех же произведений для смешанного состава.

Хоры на стихи Г. Гейне, Ф. Тютчева, А. Кольцова, К. Бальмонта синтезируют лучшие стилевые черты, выработанные западноевропейскими и отечественными мастерами хорового письма.

Показательна в этом смысле миниатюра на стихи Г. Гейне «Катит весна» для женского хора и фортепиано. Трехчастная репризная форма реализована на основе тонального плана, характерного романтикам — A-Dur — F-Dur — A-Dur. Бравурная партия фортепиано крайних разделов вызывает ассоциации с фактурой Рахманинова и Чайковского. Палитра женского хора позволяет продемонстрировать мелодическую красоту партии сопрано в среднем разделе и полнозвучность трех- и четырехголосных аккордов хору в целом — в крайних.

Рассуждая об *академических жанрах* как значимой составляющей наследия мастера, следует назвать одноактную оперу (поэму) П. Г. Чеснокова «Потоп» («Небо и Земля») на либретто композитора по Дж. Г. Байрону. Сочинение было создано в 1917 г., а первое исполнение благодаря подвижнической деятельности Бориса Игоревича Тараканова состоялось более века спустя — в 2019 г.

Основным направлением творчества Чеснокова была *духовная* музыка. Он написал свыше 400 духовных хоров (почти все — до 1917 г.) разных жанров (две Литургии, Литургия простого распева, Всенощная, Всенощная простого распева, Панихиды, Венчание, хоровой цикл «Во дни брани», Часы Пасхи, концерты с соло сопрано, альт, тенора, баса, баса-октавы; переложения древнерусских распевов, переложения для мужского хора и др.). Эти сочинения были очень популярны (хотя автор не избежал упреков в «романсовости»). «Да исправится молитва моя», пожалуй, и обрело широкую популярность благодаря мелодическим и гармоническим стилистическим особенностям, свойственным чувственному городскому романсу. В числе прочих следует

назвать минорный лад, задержания, движение по малому минорному септаккорду, нисходящие хроматизмы.

Многие духовные сочинения Чеснокова стали исполняться лишь в постсоветское время.

В *храмовой* музыке манера пения обусловлена архитектурными особенностями сооружения. Купол, подобно человеческому небу, собирает вокальный звук, облагораживает, делает объемным. В храме, наряду с куполом, замкнутым пространством, где происходит отражение звука, зодчими были придуманы голосники (в Святогорском монастыре на Псковщине, в Рахманиновском зале Московской консерватории, бывшем Синодальном училище). Для изготовления голосника брали крынку или горшок и помещали в стене чуть выше человеческого роста. Голоса говорящих и поющих от этого преобразовывались. Возникало гулкое ощущение, эффект эха, реверберации. Музыка, льющаяся на прихожан с хоров, возносящаяся от пола под купол вызывала очень сильные чувства, потому что это были другие, нежели в обычной жизни, акустические условия.

Все это понимая изнутри как певчий и регент, П. Г. Чесноков создал такие шедевры духовной музыки, которые звучат и будут звучать на Родине композитора и за рубежом, вознося имя Господне и воспевая русское Православие.

Говоря об *исторической* составляющей феномена П. Г. Чеснокова, как подвижника хорового образования в нашей стране, следует обозначить важные этапы становления хорового искусства в России:

- учреждение Хора Государевых певчих дьяков — конец XV в.;
- отбор мальчиков из велико- и малорусских деревень России для формирования Придворной певческой капеллы — 1763 г. (особо славился город Глухов, именно оттуда в Санкт-Петербург прибыли М. С. Березовский и Д. С. Бортнянский);
- создание Синодального училища, где готовили профессиональных певчих и регентов, — 60-е гг. XIX в.;
- подготовка регентов в Духовных академиях, при Лаврах и монастырях.

Свое завещание наставника он оставил нам в виде книги «Хор и управление им» [3]. Несомненно, ее должен держать в руках каждый молодой дирижер, ибо она повествует не только о структуре хора, особенностях хоровой техники. В нее включены аналитические эссе об авторской хоровой миниатюре на стихи К. Гребенского, фуге М. С. Березовского без слов, миниатюре А. С. Аренского на стихи А. С. Пушкина «Анчар».

Кроме того, подобно тому, как у Роберта Шумана в «Альбоме для юношества» есть «Жизненные правила музыкантов», одно из которых (№ 43) гласит: «Пой усердно в хоре, особенно средним голосом. Это разовьет в тебе музыкальность» [4, с. 6], в конце книги П. Г. Чеснокова есть «Советы молодым дирижерам», содержащие 29 пунктов, последний из них таков: «Помни, что хоровое искусство является одним из проявлений человеческой культуры» [3, с. 238]. Однако этот уникальный труд, как и его автора, вновь ожидал тернистый путь. На издание 1940 г. была написана резко критическая рецензия крупнейшим музыковедом-теоретиком Б. Л. Яворским (1877–1942), переданная автору статьи в виде машинописной копии известным отечественным хормейстером и педагогом В. О. Семенюком. Обобщая аргументы, рецензент назвал определяющие качества книги, а именно «ненаучность и поверхностность». Б. Л. Яворский отмечал: «Автор не выводит принципов хороведения и хороуправления из всего многообразия реальной музыкальной действительности... Он является сторонником одного применения хоро-

вой звучности как звукового аксессуара деспотически-монархического быта, — псалмодической певческой декламации».

Между тем достаточно полных и глубоких работ по этим вопросам не было ни в отечественной, ни в зарубежной педагогической литературе. Как утверждал в предисловии к изданию 1961 г. К. Б. Птица, «Чесноков был пионером в деле создания отечественной теории хорового дела... Книга Чеснокова представляет собою своеобразную энциклопедию хоровой работы и бесспорно является лучшим трудом в этой области. Она известна и переведена за рубежом» [1]. Однако критические нотки звучат и у К. Б. Птицы: «Одним из наиболее спорных и сомнительных моментов в описании методики репетиционной работы над хоровыми произведениями является предложенное Чесноковым механическое разделение всего процесса работы на “фазы” и “периоды”. Каждая фаза имеет свою строго ограниченную задачу технологического или художественного порядка: мозаичный разбор произведения; выработка строя и нюансов, дикции и проч. Техническая и художественная работа решительно разделяется на два периода» [1]. Следует отметить, что самоорганизация этого человека была настолько высока, что он прописывал пункты самостоятельной домашней работы регента (дирижера) перед тем, как выйти с конкретной партитурой к хору. В письме К. Б. Птице от 23 декабря 1942 г. П. Г. Чесноков писал о своей книге следующее: «Я, в кратких чертах, вложил в нее всю суть почти пятидесятилетней практики, сделал (и добросовестно) то, что мне хотелось сделать для своего любимейшего искусства» [1].

Истоки творчества П. Г. Чеснокова и наследие, которое он оставил, удивительным образом переплетаются с богатейшей судьбой русской музыкальной культуры, прошедшей свою историю за более чем тысячелетний период. Обращение к его сочинениям, звучащим в храмах и концертных залах, в учебных аудиториях и в мультимедийном пространстве, чрезвычайно важно в настоящее время, потому что три потока русской музыки образовали в его творчестве могучую реку, несущую отечественные традиции сквозь века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Птица К. Б. П. Г. Чесноков и его книга «Хор и управление им» // Чесноков П. Г. Хор и управление им. Пособие для хоровых дирижеров. 3-е изд. М.: Музгиз, 1961. С. 3–20. URL: http://horist.ru/biblioteka/hor_i_upravlenie_im/ptica.shtml (дата обращения: 06.02.2022).
- 2 Тугаринов Е. Русские регенты. М.: Паломник, 2014. 350 с.
- 3 Чесноков П. Г. Хор и управление им. Пособие для хоровых дирижеров. 2-е изд. / ред. и примеч. С. В. Попова. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1952. 224 с.
- 4 Шуман Р. Альбом для юношества. М.: Музыка, 1972. 73 с.

© 2022. Elena A. Zaytseva
Moscow, Russia

THE ORIGINS OF CREATIVITY OF P. G. CHESNOKOV

Abstract: The paper addresses the life and work of the outstanding Russian choir director, choir conductor, composer and teacher Pavel Grigoryevich Chesnokov (1877–1944) and is dedicated to the 145th anniversary of his birth. It touches upon the biographical,

historical-contextual, stylistic, and performing aspects of his heritage. The life and creative path of Chesnokov fell into two eras, split by the events of 1917. As a student of Danilin and Golovanov, Taneyev and Vasilenko, Chesnokov, together with a group of like-minded people, participated in the creation of conducting and choral faculty of the Moscow Conservatory. Implementing Russian song folklore in his compositions, the composer turned to archaic genres: labor artel, round dance and more. His secular compositions — in particular over sixty choirs to verses by Russian and European poets — are enjoying great popularity up to this day. Among the academic genres as a significant component of the master's heritage, one should mention one-act opera or poem “Flood” (“Heaven and Earth”) to the composer's libretto after Byron. Created in 1917, it was performed for the first time more than a century later in 2019. Over four hundred choral compositions made it into the golden fund of Russian sacred music. In the book “Chorus and its Management” Chesnokov left his will as a mentor. Russian song folklore, temple music, traditions of domestic and foreign musical culture — these are the origins of the composer's melos which are of enduring significance to this day.

Keywords: P. G. Chesnokov, Choral Music, Russian Ethnomelos, Church Painting Art, Composer's Heritage.

Information about the author: Elena A. Zaytseva — PhD in Art, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Music Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St., 14, 123001 Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9695-0136>

E-mail: vu-nu@mil.ru, mlad61@mail.ru

Received: February 15, 2022

Approved after reviewing: June 20, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Zaytseva E. A. The Origins of Creativity of P. G. Chesnokov. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 313–319. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-313-319>

REFERENCES

- 1 Ptitsa K. B. P. G. Chesnokov i ego kniga “Khor i upravlenie im” [Chorus and its Management]. In: Chesnokov P. G. *Khor i upravlenie im Posobie dlia khorovykh dirizherov* [Manual for Choral Conductors]. 3rd ed. Moscow, Muzgiz Publ., 1961, pp. 3–20. Available at: http://horist.ru/biblioteka/hor_i_upravlenie_im/ptica.shtml (Accessed 06 February 2022). (In Russian)
- 2 Tugarinov E. *Russkie regenty* [Russian Regents]. Moscow, Palomnik Publ., 2014. 350 p. (In Russian)
- 3 Chesnokov P. G. *Khor i upravlenie im. Posobie dlia khorovykh dirizherov* [Choir Direction. Manual for Choral Conductors]. 2nd ed., ed. and ref. by S. V. Popov. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo Publ., 1952. 224 p. (In Russian)
- 4 Shuman R. *Al'bom dlia iunoshestva* [Album for Youth]. Moscow, Muzyka Publ., 1972. 73 p. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

УДК 7.067

ББК 85

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. В. Варакина

г. Москва, Россия

© 2022 г. С. Н. Переволочанская

г. Москва, Россия

© 2022 г. В. В. Азарова

г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. В. Е. Добровольская

г. Москва, Россия

ИКОНОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС

Аннотация: Статья является результатом комплексного исследования авторского коллектива и затрагивает разные области гуманитарного знания: искусствоведение, филологию, фольклористику. Объединяющим стержнем статьи стал принцип межпредметности и научные методы иконологии и компаративистики. Обращение к данным методам продиктовано как полистилистичностью современного искусства и культуры, так и изменением соотношения текста и контекста в рамках научного дискурса. Усиление роли контекста в границах конкретной научной области позволяет выйти на уровень общехудожественных и даже общекультурных обобщений. При этом исследуемый художественный текст мыслится как часть общей системы, что позволяет видеть в нем не только единичное, но и единое. Тем самым художественный текст осмысливается как культурный концепт. Данный подход продемонстрирован при анализе нескольких художественно-эстетических феноменов: современного архитектурного неоклассицизма (Г. В. Варакина), стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Христос» (С. Н. Переволочанская), мистерии XX в. (В. В. Азарова), сюжета «Амур и Психея» (В. Е. Добровольская). Общим выводом стало установление значимости междисциплинарного подхода в гуманитаристике, что обусловлено усложнением культуры и искусства и повышением требований к исследователю, его эрудиции и системности мышления. Наука стремится к раскрытию истинных смыслов, восполняя дефицит духовности постиндустриального общества. Именно поворотом к человеку, антропоцентричностью объясняется столь активный интерес к междисциплинарности научных исследований.

Ключевые слова: иконология, компаративистика, междисциплинарность, текст и контекст, интертекстуальность, символ, концепт культуры.

Информация об авторах:

Галина Владиславовна Варакина — доктор культурологии, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0004-3989>

E-mail: galina_varakina@mail.ru

Светлана Николаевна Переволочанская — кандидат филологических наук, доцент, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6390-0469>

E-mail: perevolochanskaja@yandex.ru

Валентина Владимировна Азарова — доктор искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1049-2259>

E-mail: azarova_v.v@inbox.ru

Варвара Евгеньевна Добровольская — кандидат филологических наук, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Дата поступления статьи: 27.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 16.04.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Варакина Г. В., Переволочанская С. Н., Азарова В. В., Добровольская В. Е. Иконология и компаративистика: междисциплинарный дискурс // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 320–332.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

Постановка проблемы

Интерес к проблеме междисциплинарных исследований во многом обусловлен усложнением методологического аппарата в современном искусствознании и гуманитарном знании в целом. Принцип междисциплинарности становится ведущим при анализе как отдельных объектов, так и художественных процессов современной культуры. Именно этим обусловлено тематическое расширение в рамках данного исследования с включением не только искусствоведческих аспектов, но и вопросов филологии и фольклористики.

Целью данной статьи было осмысление феномена междисциплинарности и возможности использования инодисциплинарных подходов в гуманитарных исследованиях. Основные исследовательские задачи: определить роль культурно-исторического и художественного контекстов в научной методологии; выявить возможности иконологического исследования объекта в художественном контексте; доказать перспективность компаративного исследования художественных объектов и процессов.

Классицизм как стиль и как метафора в современной архитектуре

Неоклассицизм в современной архитектуре нами рассмотрен в двух аспектах: как художественное явление и как концепт культуры. Мы ставим своей целью дать

интерпретацию неоклассицизма как маркера современной культуры, рассмотрев данный стиль в системе ее ценностей. В исследовании можно выделить несколько смысловых векторов: вариативность современного неоклассицизма и ее социокультурные причины, семантику неоклассицизма и его ценностную природу. В своем научном анализе мы разделяем позицию ряда современных исследователей: в анализе зарубежных объектов — В. Л. Хайта [2, с. 5–15, 72–84] и А. В. Иконникова [8]; в оценке классической ретроспективы — А. Ю. Грабовенко [5]; в методологическом подходе — С. Ю. Штейна [20] и В. П. Прокопцовой [16].

Вхождение классицизма в архитектурное пространство XX столетия предваряется эклектическим периодом второй половины XIX в., в рамках которого наблюдается свободное интерпретирование элементов принципов как классицизма, так и других стилевых систем. Обращение к предыстории не случайно, так как подобного рода стиливая полифония сохраняется на протяжении всей истории современной архитектуры. Но если в первом случае стиливые заимствования расцениваются как форма ретроспекции в период радикального технического обновления и смены парадигмы, то в культурном пространстве XX в. фантом классицизма понимается скорее символически.

Отголоском неоклассической линии в архитектуре становится русский неоклассицизм начала XX столетия — явление, которое рассматривают и как одно из проявлений модерна, и как самостоятельный стиль. Постройки 1900-х гг. действительно имеют множество точек пересечения с модерном: атектонизм, пластическое осмысление архитектурной композиции. Однако уже в 1910-х гг. характер архитектурной стилистики меняется: свободная интерпретация классической системы вытесняется традиционными для стиля ясностью и строгостью. Эта линия сохранит свою актуальность и в середине столетия. Однако в период 1930–1950-х гг. классицизм выступает не как стиль эпохи, а в большей степени как символ мощи и незыблемости авторитарного правления эпохи тоталитаризма.

В зарубежной архитектуре также возникает прецедент классицизма: в рамках эклектизма ар деко 1920 – начала 1930-х гг. и в предвоенном неоклассицизме Германии. Второй пример является прямой аналогией «сталинского ампира» и по времени, и по условиям возникновения, и по формам. Архитектура ар деко стилистически более разнообразна: классические элементы являются лишь частью стиливой полифонии. Однако между тоталитарным неоклассицизмом и ар деко есть смысловая общность: классицизм как символ мощи и власти приобретает новый оттенок — коммерческий. И это понятно, так как ар деко проявил себя в наиболее последовательной форме в архитектуре коммерческого назначения — зданий корпораций, отелей, кинотеатров и т. д.

Очередной всплеск интереса к классическим формам в архитектуре относится ко второй половине XX в., когда фантом классицизма возникает как антитеза интернационального стиля. С одной стороны, объекты неоклассицизма весьма близки иконам неофункционализма 1940–1960-х гг., что проявляется через общность материалов и технологий, объемно-пространственных решений. В то же время нельзя отрицать связи неоклассицизма с архитектурными гигантами ар деко. Об этом подробно пишет Ю. Б. Кликич в статье «Архитектурный истэблшмент — выбор стиля», выявляя в ней причины стиливого диалога: «“Коммерческая архитектура” ищет опоры среди безусловно авторитетных произведений» [2, с. 53].

Процесс имитации стиливых предшественников, свободной стилизации их форм, присваивания смыслов становится нормой в рамках архитектурной стилистики второй половины XX в. и особенно в эстетике постмодернизма. Обращение к класси-

цизму в рамках постмодернизма В. Л. Хайт объясняет двояко. С одной стороны, классицизм привносит в современную культуру «столь активно и бесплодно искомые в реальном бытии <...> совершенство, гармонию, спокойствие» [2, с. 80]. С другой стороны, исследователь подчеркивает кризисность современной архитектуры, говоря о возврате к классицизму как о пути его преодоления. Таким образом, классицизм выступает и как символ высокой культуры и стиля, и как объединяющая идея, способная не только упорядочить и соподчинить части художественного целого, но и привнести в него некий символический смысл.

Так, правительственные здания заключают в себе политические смыслы; при этом классицизм сохраняет свою традиционную семантику, выступая символом власти и закона [23]. Здания общественного назначения и корпораций наделяются социальным смыслом, символизируют статусность заказчика, воплощают такие ценности, как престиж и роскошь. Частный заказ, отражая иерархичность общества, также обладает символикой: классицизм ассоциируется с элегантностью, консерватизмом и традиционностью.

Утрата базовых ценностей в современной культуре побуждает людей если не созидать новые, то формировать их подобию, симулякры. В архитектуре таким симулякром успешности и стабильности стал классицизм. Это позволяет говорить о классицизме как о своеобразном культурном коде современности.

Икона в смысловом пространстве текста И. С. Тургенева: интертекстуальные отсылки к архетипу Христа

Современная научная метапарадигма характеризуется междисциплинарным подходом к анализу и интерпретации фактов. Методология гуманитарного исследования представлена синтезом технологий, глубинным взаимодействием различных научных парадигм. Причина данного поворота — изменение направления вектора исследовательской мысли: системоцентрический подход, господствовавший в науке в первой половине XX в., сменился антропоцентрическим подходом, предполагающим выход замкнутого круга аналитических процедур над эмпирическими фактами внутри одной системы.

Человеческий фактор, диалектическое взаимодействие системоцентрического и антропоцентрического подходов, раздвинули границы познания. Именно субъект создает проекцию мира в своем сознании, моделирует его (мира) семантическое пространство. В философии и культуре возникает понятие «очеловеченный мир» [19, с. 15].

Следствием такого взаимопроникновения следует признать рождение новой модели представления знания, отличающейся от традиционной мультимодальностью и рефлексивностью, что позволяет говорить о замене строгой иерархичности на гетерархичность системы знания.

Системоцентрический подход предполагает обращение к визуально-образному знаку. Антропоцентрический подход требует более объемного по своей содержательной сущности знака — со сверхзначимой формой — для воплощения глубинного визуально-символического содержания. Идея символической знаковости нуждается в другой методологии описания, выходящей в междисциплинарные сферы, а более широко — в сферу аналогий других познающих систем. Результат — обращение к сравнительно-историческому, компаративному анализу текстового материала.

Примером такого исследования послужило стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Христос». Текст- и смыслообразующей единицей тургеневского стихотворе-

ния является «вербальная» икона. С точки зрения знаковости, можно говорить о двух видах иконографических знаков в данном тексте. Во-первых, это канонический предмет — образ, которые представлены как атрибут храма, икона как «моленый образ», сакральный символ. Во-вторых, это образ Христа, созданный воспринимающим сознанием героя стихотворения, представленный вербальными знаками, — «вербальная» икона, она соответствует художественному тексту как эстетическому феномену. Этот образ вербальный, но его онтологическая природа есть не что иное, как образ иконографический. «Лицо, <...> похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех» [19, с. 162]. В этом описании «прочитывается» изображение Лица на иконе. Глаза, как самая важная деталь Лица, характеризуются глагольной формой «глядят»: глаза образуют связь молящегося с Лицом. Остальные детали представлены в покое. Словесное изображение вполне соответствует церковным иконописным канонам.

Соединение в лексеме «лицо» Лица как образа святого в православии и Лица как самой иконы с таким изображением становится символическим, концептуально значимым. Архетип Христа в тургеневском стихотворении воплощен как Богочеловек. Такое «очеловечивание» близко русской иконографической традиции.

С художественной точки зрения, образ Богочеловека может быть рассмотрен как лингвокультурологический концепт. Номама Христос воплощается в символе как метаязыковым знаке, подчиняется архетипическому образу Христа, который строится на традиции византийской и русской иконографии. Собственное имя Христос через многослойную интертекстуальную связь усиливает прежние знаковые точки и становится концептуальной метафорой, «палимпсестом»: метафора творит новый текст по «стертому», «просвечивающему» старому тексту.

Толкование и понимание имплицитных смыслов в представленном тексте И. С. Тургенева носит дискурсивный характер. Собственное имя Христос в рамках имагологии (имагопоэтики) может быть рассмотрено как фигура интертекста, как его индикатор, отсылающий к пре-тексту — сакральному тексту. В этой точке пересекаются иконография и иконология. Иконография опирается на предметный план, готовый продукт — изображение, созданное по определенному канону, системе правил. В филологии это соответствует статическому объекту, тексту, построенному тоже по определенному правилу, представляет собой фенотекст. Иконология же воспринимается как интерпретация изображаемого (метод познания), продукт, постоянно конструируемый, динамический, порождающий новые смыслы, то, что филологии определяется как генотекст. Последнее связано с интерпретацией смысла(ов) текста.

Восприятие текста культуры в когнитивном формате современного знания дает стохастическую (вероятностно бесконечную) структуру понимания текста, представленного как ментальный конгломерат текстов, впитавший в себя разные знаково-символические компоненты, характерные для религиозного, мистического, художественного, искусствоведческого, философского дискурсов. А такое прочтение известных текстов возможно только в новой методологии гуманитарного исследования, построенной на принципе междисциплинарного подхода.

Жанр мистерии в культурном пространстве первой половины XX в.

Проблема статьи находится в центре масштабного культурологического дискурса, посвященного компаративистике: мы сопоставляем произведения композиторов «раннего русского авангарда» [17, с. 590].

В первой половине XX в. в Москве и Петербурге происходило формирование различных художественных объединений. На выставках живописи стихийно возникали дискуссионные клубы, где обсуждались литературные манифесты. Движение русского художественного авангарда начиналось с усвоения отечественными деятелями искусств французского фовизма и кубизма, немецкого экспрессионизма и итальянского футуризма. В 1913 г. петербургский «Союз молодежи» объединил участников этой ассоциации под лозунгом движения к беспредметному искусству. Во главе организации находился композитор М. В. Матюшин (1861–1934), утверждавший закономерности новых отношений между символом и смыслом, словом и образом. «Однако деятельный и разносторонне одаренный человек, Матюшин остался в истории искусства не только как музыкант, но как художник, педагог, талантливый организатор, проницательный теоретик новой живописи», — отметила Т. Н. Левая [10, с. 140].

По определению искусствоведа А. Б. Накова, за десять лет произошла стремительная эволюция беспредметного искусства в живописи, изменившая «ориентацию и самые основы западного искусства» [13, с. 15]. Развитие живописи, связанное с именами К. Малевича, В. Татлина, Д. Бурлюка и др., было отмечено сотрудничеством художников, поэтов, литературных критиков и музыкантов. Авторы исследования о звуковых открытиях русского авангарда Е. Польдяева и Т. Старостина охарактеризовали появление манифестов того времени как «социокультурное явление» [17, с. 594].

Примечательным явлением русского футуризма стала «Победа над солнцем», в которой обнаруживаются театральнo-декоративные элементы постановки мистерии, также опера «припоминала» литургическое, мадригальное и народно-театральное «происхождение» [3, с. 35]. Исполнение произведения состоялось в Петрограде в начале декабря 1913 г. (текст А. Крученых и В. Хлебникова, музыка М. Матюшина, костюмы и декорации К. Малевича). «Победа над солнцем» отсылает к принципу театрализованного претворения жизни человека, погруженного в стихию художественного преобразования жизни.

Идеи о новом понимании категории пространства, о синтезе элементов формы, цвета и звука, слуха и зрения получили индивидуальное претворение в творчестве композитора Н. Б. Обухова (1892–1954), в 1918 г. эмигрировавшего из Советской России. Итогом его творческих поисков был мистический христианский проект «Книга жизни» (*Livre de la Vie*) на собственный текст. Замысел автора о Вселенском мистериальном действе имел целью преобразование сознания человека и человечества. 1 часть носила название «Течение жизни»; 2 часть — «Жизнь духа в объединенном бытии». Анализируя технику композиции Н. Б. Обухова, Ю. Н. Холопов отметил: «На рукописи автор красивыми большими буквами торжественно начертал (по-французски): “КНИГА ЖИЗНИ — ОТКРЫТА НИКОЛОЙ ИССТУПЛЕННЫМ... (par Nicolas L'Extasié)”. См. RM-1972 — P. 28» (цит. по: [12, с. 93]). Голос автора раскрывает один из аспектов замысла мистерии, связанный с течением жизни главного героя.

В 1926 г. Н. Б. Обухов изобрел электроинструмент «Звучащий крест» (*Croix sonore*); в звуковое пространство мистерии «Книга жизни» партия *Croix sonore* вошла наряду с партиями певцов-солистов и фортепиано в четыре руки (мистерия была реконструирована во Франции) [17, с. 619].

Мысль о совершенствовании духовного мира человека средствами музыкального искусства выразил композитор И. А. Вышнеградский (1893–1979), творчество которого после отъезда из России в 1918 г. продолжалось во Франции. Центральным произведением композитора является мистерия «День бытия» (1916–1918) для боль-

шого оркестра и чтеца (с возможным включением хора). Родственные концепции Скрябина мечты И. А. Вышнеградского были устремлены к созданию мистериального храмового действия. Основу сценического воплощения проекта мистерии составляла идея светового сопровождения звуковой ткани. Вышнеградский разделял идеи русской философии космизма и религиозной философии жизни; композитор, как известно, вел переписку с Н. А. Бердяевым.

Теологические проекты Н. Б. Обухова и И. А. Вышнеградского содержат аспекты духовных устремлений, восходящие к христианскому видению мира. Художественное творчество XX в. создает особую разновидность «мистерии самосознания» (определение В. И. Мартынова), в которой различим голос автора. Представляется актуальным высказывание композитора и музыкального философа В. И. Мартынова: «...не композитор выбирает предпочтительный для него тип композиции и музыкальный жанр, но тип композиции и музыкальный жанр избирают личность композитора для реализации заложенной в нем парадигмы взаимоотношения сознания с богооткровенной истиной» [11, с. 304].

Компаративистский метод анализа творческих устремлений композиторов XX в., обратившихся к старинному жанру мистерии, позволяет различать духовное измерение как особенность парадигмы взаимоотношений творческого сознания с истинами христианства.

Сюжет «Амур и Психея»: от авторского творчества к русскому фольклору

Изучение «вечных» сюжетов и образов, которые встречаются у разных народов в различные временные периоды и которые составляют некий единый культурный фон, всегда привлекало внимание исследователей. В работах, посвященных этой тематике, рассматриваются судьбы мифологических сюжетов в мировой культуре, пути создания аллегорий и символов на основе мифов, ракурсы восприятия и трансформации архаической и классической мифологии и т. д. [7].

Несколько в стороне от внимания исследователей осталось отражение мифологических сюжетов и их переосмысление сказочной традицией. Фольклористы никогда не ставили под сомнение заимствование сказкой элементов мифо-ритуальных практик, однако работ, посвященных использованию сказкой конкретного мифологического сюжета и его переосмыслению в рамках иной этнической традиции, немного.

Нам показалось интересным посмотреть, как в русской волшебной сказке отражается миф об Амуре и Психее, который является одним из популярных сюжетов мировой культуры.

Первым и наиболее известным вариантом литературного изложения истории любви царской дочери и бога любви является текст Апулея из его романа «Золотой осел». В сокращенном виде данный сюжет представлен и в «Мифологиях» Фульгенция. С наступлением Средневековья функционирование данного сюжета в литературе замирает. Но с XVI в. он прочно занимает свое место в живописи. Художников привлекали самые разные мотивы данного сюжета: от покорения Амура красотой Психеи и ее похищения со скалы Зефиром до посещения девушкой подземного царства, открытия шкатулки со сновидениями и счастливого финала истории, закончившегося свадьбой на Олимпе. Не остались в стороне от этой темы скульпторы и музыканты.

Постепенно сюжет возвращается в западноевропейскую литературу Нового времени. Наиболее подробная библиография по этому вопросу приведена в справочнике Ф. Бальденсперже и П. Ф. Вернера [21].

Русские авторы также начинают обращаться к этому сюжету. Наиболее известной является поэма И. Ф. Богдановича «Душенька». Эта тема привлекала авторов Серебряного века. В отечественном литературоведении немало работ, где рассматривается сюжет об Амуре и Психее в отдельных синхронных аспектах развития, анализируются сюжетные вариации и его бытование в различных жанрах [1; 9, с. 39–47; 14, с. 10–17].

Казалось бы, данное содержание должно было быть популярным и для фольклорной традиции. Но этого не произошло ни в европейских странах, хотя в ряде национальных традиций оно представлено отнюдь не единичными записями (АТ 425А / АТУ 425А [22, s. 464–472]), ни в России [6, с. 139–150].

Согласно сказочному указателю сюжетов [18, с. 132], зафиксировано семь русских текстов, причем два из них, по мнению составителей указателя, лишь частично соответствуют рассматриваемому типу. Помимо отмеченных в указателе текстов, выявлено еще четыре публикации данного сюжетного типа, а также предположительно четыре текста хранятся в архиве Карельского научного центра РАН. Необходимо отметить, что большинство текстов записано в Карелии, Архангельской и Мурманской областях. Такая географическая приуроченность сюжета, его широкое распространение на данной территории, возможно, связаны с бытованием данного текста в карельской и норвежской традиции, что позволяет говорить о влиянии на русский сказочный репертуар сказок соседних народов.

В авторских произведениях образы героев данного сюжета утонченные, соответствующие канонам красоты своего времени. Авторы привлекают самые разные мотивы данного сюжетного типа. В русской сказке ситуация иная. Сказка не знает портрета, но даже незначительные детали позволяют говорить о том, что русская героиня очень далека от образа прекрасной царской дочери, пленившей сердце бога любви. Она простая крестьянская девушка (реже купеческая дочь), в силу обстоятельств оказавшаяся женой некоего невидимого существа. Ее попадание в дом Амуре — это не происки разгневанной богини. Отец героини случайно вступает в контакт с неведомым существом, которое для компенсации нанесенного ему ущерба требует в жены одну из дочерей крестьянина. Иногда у дома героини появляются санки-самокатки, в которые девушка садится, и те привозят ее в дом будущего мужа, или к дому подкатывается золотая головка, за которой девушка идет.

Амур русской сказки тоже не утонченный юноша, а «солидный такой мужчина» или «мужичок хороший, в часах, при калошах». Иногда это юноша, у которого «по колено ноги в серебре, по локти руки в золоте».

Основным мотивом в сказочном повествовании является узнавание истинного облика героя, однако и тут вместо изящного светильника героиня довольствуется простыми спичками. Головка спички отлетает и обжигает героя, реже героиня подпаливает волос на его голове. Именно этим действием и объясняется имя, которое иногда используют сказочники, называя героя — Полек (от «ополненный»).

Сказке не интересны другие мотивы, присущие мифу; все внимание в ней сосредоточено на нарушении запрета смотреть на спящего мужа. В дальнейшем сказка развивается по сюжетной схеме, свойственной сказкам о поисках чудесного супруга.

Таким образом, русская волшебная сказка знает миф об Амуре и Психее, но осмысляет его по-своему, наполняя сказочное пространство не свойственными ни мифу, ни авторскому искусству деталями.

Выводы

В ходе комплексного исследования нами были применены методы иконологии и компаративистики и их инодисциплинарные аналогии. В каждом из исследователь-

ских эпизодов установлены взаимосвязи между текстом и контекстами, что позволило не только детально и глубоко интерпретировать культурные тексты, но и выявить общие для современной культуры принципы. В частности, мы пришли к выводу о причинности ретроспекций, синтетических явлений в современном искусстве и культуре, которая заключается в духовном оскудении общества, жажде гармонии, в поиске истинного смысла культуры и бытия. Синтетизм культуры и искусства предъявляет новые требования к исследователям, от которых ждут системности, комплексности, целостности видения. Это предполагает в высшей степени эрудированность и способность к осмыслению отдельных феноменов не как самостоятельных и самодостаточных объектов, а как компонентов общей системы, как неких знаков, заключающих в себе общекультурный смысл.

Таким образом, нами доказана эффективность методов иконологии и компаративистики. Их использование дает возможность сопоставления родственных объектов и процессов, их глубинной интерпретации через соотнесение с культурно-историческим контекстом, определения связей между разными областями культуры, выявления векторов развития современной культуры и искусства, интерпретации культуры через искусство, т. е. ее дешифровки. В этом случае текст является не только частью контекста, но и его концептом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1914. Т. 1. 655 с.
- 2 *Архитектура Запада / Ш. Д. Аскарлов, А. П. Соколова, А. В. Ефимов и др.; редкол. В. Л. Хайт (отв. ред.) и др. М.: Стройиздат, 1987. Кн. 4: Модернизм и постмодернизм. Критика концепций. 181 с., ил.*
- 3 *Воробьев И. С., Синайская А. В.* Композиторы русского авангарда. СПб.: Композитор, 2007. 160 с.
- 4 *Головкин В. М.* Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 231–248.
- 5 *Грабовенко А. Ю.* Классическая традиция в архитектуре США и Западной Европы последней трети XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010. 27 с.
- 6 *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.
- 7 *Журбина А. В.* Миф об Амуре и Психее в «Мифологиях» Фульгенция: аллегория или персонификация // Мифологические образы в литературе и искусстве / отв. ред. М. Ф. Надъярных, Е. В. Глухова. М.: Индрик, 2015. С. 10–17.
- 8 *Иконников А. В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 т. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Т. 1. 656 с. М.: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2. 672 с.
- 9 *Котариди Ю. Г.* Рецепция сюжета об Амуре и Психее в повести «Любовь Психеи и Купидона» Ж. Лафонтена и иронико-комической поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» // Сравнительное и общее литературоведение. Сб. ст. молодых ученых. М.: Макс Пресс, 2006. С. 39–47.
- 10 *Левая Т. Н.* Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М.: Музыка, 1991. 166 с.
- 11 *Мартынов В. И.* Конец времени композиторов. Тула: Музей Органической Культуры, 2016. 352 с.

- 12 Музыка XX века. Московский форум: Мат. междунар. науч. конф. / редкол.: А. С. Соколов, В. Г. Тарнопольский, отв. ред. В. С. Ценова. М.: Московская консерватория Ред.-издат. отдел, 1999. 204 с.
- 13 *Наков А. Б.* Русский авангард. М.: Искусство, 1991. 192 с.
- 14 *Осокин М. Ю.* Сюжет о Психее и Купидоне в западноевропейской и русской литературах XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
- 15 *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
- 16 *Прокопцова В. П.* Компаративное искусствоведение: историко-теоретическое обоснование // Вестні Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі: навукова-тэарэтычны часопіс. 2007. № 10. С. 70–77.
- 17 Русская музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX в. / ред.-сост. М. Арановский. М.: Гос. ин-т искусствоведения МК РФ, 1997. 874 с.
- 18 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославян. сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- 19 *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 161–162.
- 20 *Штейн С. Ю.* Методология в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова. 2017. № 1–4. С. 32–46.
- 21 *Baldensperger F., Werner P. F.* Bibliography of Comparative Literature. New York: Russell & Russell, 1960. 705 p.
- 22 *Megas G. A.* Amor und Psyche. Enzyklopädie des Märchens. Berlin; New York, 1976. Bd. 1, Lieferung 2. S. 464–472.
- 23 *Varakina G. V., Yudin M. V.* Classicism in the system of values of modern society // VI SWS international scientific conference of social sciences 2019. Conference proceedings. Vol. 6. Issue 5. 26 August – 1 September, 2019, Albena, Bulgaria. Sofia: STEF92 Technology Ltd., 51 “Alexander Malinov” Blvd., 2019. P. 11–19.

© 2022. Galina V. Varakina
Moscow, Russia

© 2022. Svetlana N. Perevolochanskaya
Moscow, Russia

© 2022. Valentina V. Azarova
St. Petersburg, Russia

© 2022. Varvara E. Dobrovolskaya
Moscow, Russia

ICONOLOGY AND COMPARATIVISTICS: INTERDISCIPLINARY DISCOURSE

Abstract: The present paper is the result of a comprehensive study of the author's collective. It touches upon different fields of humanitarian knowledge: art criticism, philology and folklore studies. The unifying core of the study is the principle of

interdisciplinary and research methods of iconology and comparative studies. The appeal to these methods is dictated both by the polystylistic nature of contemporary art and culture, as well as the change in the correlation of text and context within scholarly discourse. The strengthening of the role of context within the boundaries of a particular scholarly area allows one to reach the level of general artistic and even multicultural generalizations. At the same time the fiction text under study is thought of as part of the overall system, which allows us seeing in it not only the singular, but also the unified. Thus, the literary text is conceptualized as a cultural concept. The authors demonstrate this approach through the analysis of several artistic and aesthetic phenomena: the modern architectural neoclassicism (by G. V. Varakina), the prose poem “Christ” by I. S. Turgenev (by S. N. Perevolochanskaya), the 20th century mystery (by V. V. Azarova), the storyline “Cupid and Psyche” (by V. E. Dobrovolskaya). The general conclusion of the research establishes the importance of cross-disciplinary approach in Humanities, due to the growing complexity of culture and art and increasing requirements for researcher’s erudition and systematic way of thinking. Science strives to reveal the true meanings, making up for the lack of spirituality of the post-industrial society. Taking such an active interest in cross-disciplinary research is due to an increased concern for human beings, anthropocentricity.

Keywords: Iconology, Comparative Studies, Interdisciplinarity, Text and Context, Intertextuality, Symbol, Concept of Culture.

Information about the authors:

Galina V. Varakina — DSc in Culturology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0004-3989>

E-mail: galina_varakina@mail.ru

Svetlana N. Perevolochanskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6390-0469>

E-mail: perevolochanskaja@yandex.ru

Valentina V. Azarova — DSc in Arts, Saint-Petersburg State University, University Emb., 11, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1049-2259>

E-mail: azarova_v.v@inbox.ru

Varvara E. Dobrovolskaya — PhD in Philology, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2346-7493>

E-mail: dobrovolska@inbox.ru

Received: February 27, 2022

Approved after reviewing: April 16, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Varakina G. V., Perevolochanskaya S. N., Azarova V. V., Dobrovolskaya V. E. Iconology and Comparativistics: Interdisciplinary Discourse. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 320–332. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-320-332>

REFERENCES

- 1 Anderson V. *Roman Apuleia i narodnaia skazka* [Novel by Apuleius and Folk-tale]. Kazan', Tipografiia Imperatorskogo universiteta Publ., 1914. Vol. 1. 655 p. (In Russian)
- 2 *Arkhitektura Zapada* [Architecture of the West], Sh. D. Askarov, A. P. Sokolina, A. V. Efimov and other; ed. by V. L. Khait and other. Moscow, Stroizdat Publ., 1987. Book 4: Modernizm i postmodernizm. Kritika kontseptsii [Modernism and Postmodernism. Criticism of Concepts]. 181 p., il. (In Russian)
- 3 Vorob'ev I. S., Sinaiskaia A. V. *Kompozitory russkogo avangarda* [Russian Avant-garde Composers]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2007. 160 p. (In Russian)
- 4 Golovko V. M. Cherty natsional'nogo arkhetaipa v mifologeme Khrista proizvedenii I. S. Turgeneva [Aspects of a National Archetype in the Mythologised Depiction of Christ in Turgenev's Works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 1994, vol. 3, pp. 231–248. (In Russian)
- 5 Grabovenko A. Iu. *Klassicheskaia traditsiia v arkhitekture SShA i Zapadnoi Evropy poslednei treti XX veka* [Classical Tradition in the Architecture of the USA and Western Europe in the Last Third of the 20th Century: PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 2010. 27 p. (In Russian)
- 6 Dobrovolskaia V. E. Siuzhet “Amur i Psikheia” (SUS 425A) v russkoi skazochnoi traditsii [Plot № 425A of Comparative Index of Plots (“Cupid and Psyche”) in Russian Folk-tale Tradition]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2017, no 3, pp. 139–150. (In Russian)
- 7 Zhurbina A. V. Mif ob Amure i Psikhei v “Mifologiiakh” Ful'gentsiia: allegoriia ili personifikatsiia [The Myth of Cupid and Psyche in the “Mythologies” Fulgence: Allegory or Personification]. In: *Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve* [Mythological Images in Literature and Art], ex. ed. M. F. Nad'iarnykh, E. V. Glukhova. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 10–17. (In Russian)
- 8 Ikonnikov A. V. *Arkhitektura XX veka. Utopii i real'nost'. V 2 t.* [Architecture of the 20th Century. Utopiae and Reality. In 2 Vols.]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2001. Vol. 1. 656 p. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002. Vol. 2. 672 p. (In Russian)
- 9 Kotaridi Iu. G. Retseptsii siuzheta ob Amure i Psikhei v povesti “Liubov' Psikhei i Kupidona” Zh. Lafontena i iroi-komicheskoi poeme I. F. Bogdanovicha “Dushen'ka” [The Reception of the Plot about Cupid and Psyche in “The Love of Psyche and Cupid” by J. Lafontaine and the Heroic-comic Poem by I. F. Bogdanovich “Dushen'ka”]. In: *Sravnitel'noe i obshchee literaturovedenie. Sbornik statei molodykh uchenykh* [Comparative and General Studies of Literature]. Moscow, Maks Press Publ., 2006, pp. 39–47. (In Russian)
- 10 Levaia T. N. *Russkaia muzyka nachala XX veka v khudozhestvennom kontekste epokhi* [Russian Music in the Early 20th Century and its Artistic Context]. Moscow, Muzyka Publ., 1991. 166 p. (In Russian)
- 11 Martynov V. I. *Konets vremeni kompozitorov* [Time of Composers]. Tula, Muzei Organicheskoi Kul'tury Publ., 2016. 352 p. (In Russian)
- 12 *Muzyka XX veka. Moskovskii forum: Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii* [20th Century Music. Moscow Forum: International Conference Materials], ed. by A. S. Sokolov, V. G. Tarnopol'skii; ex. ed. V. S. Tsenova. Moscow, Moskovskaia konservatoriia Redaktsionno-izdatel'skii otdel Publ., 1999. 204 p. (In Russian)
- 13 Nakov A. B. *Russkii avangard* [Russian Avant-garde]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 192 p. (In Russian)

- 14 Osokin M. Iu. *Siuzhet o Psikhee i Kupidone v zapadnoevropeiskoi i russkoi literaturakh XVII–XVIII vv.* [The plot of Psyche and Cupid in Western European and Russian literature of the 17th – the 18th centuries: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2005. 22 p. (In Russian)
- 15 Petrenko V. F. *Osnovy psikhosemantiki* [The Essentials of Psychosemantics]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
- 16 Prokoptsova V. P. *Komparativnoe iskusstvovedenie: istoriko-teoreticheskoe obosnovanie* [Comparative Art History: Historical and Theoretical Justification]. *Vestsi Belaruskai dziarzhajnai akademii muzyki: navukova-tearetychny chasopis*, 2007, no 10, pp. 70–77. (In Russian)
- 17 *Russkaia muzyka i XX vek: Russkoe muzykal'noe iskusstvo v istorii khudozhestvennoi kul'tury XX v.* [Russian Music and the 20th century: Russian Musical Art in the History of Artistic Culture of the 20th century], ed. and comp. M. Aranovskii. Moscow, The State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, 1997. 874 p. (In Russian)
- 18 *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaja skazka* [Comparative Index of Plots: East Slavs. Fairy Tale], comp. L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russian)
- 19 Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [The Complete Set of Works and Letters: in 30 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 10, pp. 161–162. (In Russian)
- 20 Shtein S. Iu. *Metodologija v iskusstvovedenii* [Methodology in Art History]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaia sreda. Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii im. S. G. Stroganova*, 2017, no 1–4, pp. 32–46. (In Russian)
- 21 Baldensperger F., Werner P. F. *Bibliography of Comparative Literature*. New York, Russell & Russell Publ., 1960. 705 p. (In English)
- 22 Megas G. A. *Amor und Psyche. Enzyklopädie des Märchens*. Berlin, New York, 1976, Bd. 1, Lieferung 2, pp. 464–472. (In English)
- 23 Varakina G. V., Yudin M. V. *Classicism in the system of values of modern society. VI SWS international scientific conference of social sciences 2019. Conference proceedings. Vol 6. Issue 5. 26 August – 1 September, 2019, Albena, Bulgaria. Sofia, STEF92 Technology Ltd., 51 “Alexander Malinov” Blvd., 2019, pp. 11–19. (In English)*

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-333-352>

УДК 7.071.1

ББК 85.103(2=411.2)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. С. И. Михайлова

г. Москва, Россия

БЛАГОУКРАСИТЕЛИ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ: ВАСИЛИЙ ПАСХИН

Аннотация: Русское религиозное искусство XIX в. в советские годы не соответствовало официальному идейному направлению, в связи с чем многие произведения были уничтожены, а имена их авторов преданы забвению. И в этом смысле те работы русских художников, которые сохранились в храмах и подворьях Святой земли, позволяют восстанавливать эти имена и заполнять лакуны отечественного искусства. Статья представляет собой попытку установления фактов творческой биографии одного из таких художников — Василия Филипповича Пасхина, чьи иконописные работы сохранились на Александровском подворье в Иерусалиме. Автор обращается к сохранившимся документам Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), к документальным описаниям утраченных церковных памятников Санкт-Петербурга, к материалам реставрационных работ, проведенных в 2006 г. на Александровском подворье, а также проводит анализ сохранившихся работ Пасхина. На основании проведенных исследований выдвигается ряд предположений относительно биографии художника, возможной принадлежности его известной петербургской мастерской Пешехоновых, а также обстоятельств заказа икон для Александровского подворья и участия в этом активного члена ИППО протоиерея Василия Яковлевича Михайловского. Поскольку имя Пасхина не содержится ни в списках Академии художеств, ни в других списках русских профессиональных художников, ни в материалах, посвященных исследованию творчества мастерской Пешехоновых, автор выдвигает предположение о том, что Василий Филиппович являлся уникальным самородком, самостоятельно постигшим высоты иконописного мастерства.

Ключевые слова: В. Ф. Пасхин, В. Я. Михайловский, Александровское подворье в Иерусалиме, ИППО, икона, образ, архимандрит Антонин (Капустин), иконописная мастерская Пешехоновых, Спасо-Бочаринская церковь.

Информация об авторе: Светлана Игоревна Михайлова — старший преподаватель, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2499-3743>

E-mail: na.svet@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.10.2021

Дата одобрения рецензентами: 05.03.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Михайлова С. И. Благоукрасители Русской Палестины: Василий Пасхин // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 333–352.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-333-352>

С созданием в 1847 г. Русской духовной миссии в Иерусалиме и затем, в 1882 г., Православного Палестинского общества русское присутствие в Святой земле заявило о себе в полную силу. Приобретение земельных участков на святых местах, активное там строительство храмов, приютов, подворий дало возможность и нашим художникам своими произведениями принять участие в создании образа Русской Палестины. Известно, что множество русских художников, посвятивших свое творчество церковному искусству, в России были преданы забвению, а созданные ими росписи и иконы в большинстве своем были уничтожены в богоборческий период. И в этом смысле те произведения, которые сохранились на Святой земле, позволяют идентифицировать их имена и вводить творчество этих авторов в оборот современных научных исследований.

Одно из таких имен, «открытых» благодаря сохранившимся на Святой земле работам художника, — это имя Василия Филипповича Пасхина. Его иконы украшают стены церкви Святого Благоверного князя Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме (ил. 1). В Сообщениях ИППО от 1892 г., т. 3, четко обозначено это имя: «На западной и боковых стенах между окнами поставлены до 30 икон Русских и Палестинских святых угодников Божиих работы художника Пасхина» (цит. по: [14, с. 100]). И далее следует указание, что этому же художнику принадлежат и иконы местного ряда иконостаса, подготовленного для будущей церкви. Таким образом, Василий Филиппович внес довольно значительный вклад в благоукрашение церкви Александровского подворья, которая будет торжественно освящена чуть позже этого Сообщения — в 1896 г.

Иллюстрация 1 – Иконы В. Ф. Пасхина на западной стене Александровского подворья в Иерусалиме. Фото из свободного Интернета
 Figure 1 – Icons of V. F. Paskhin on the Western Wall of the Alexander Podvorie in Jerusalem. Free Internet Photo

К сожалению, дальнейшее исследование доступных исторических документов ИППО практически никаких сведений о самом художнике и обстоятельствах этого крупного заказа не дало. Т. Е. Тыжненко сообщает, что, согласно инвентарной ведомости № 1 по «Русскому дому» за 30 икон палестинских и русских святых было уплачено 4800 франков, а за иконы первого яруса иконостаса — 2730 франков [18, с. 47–48]. На этом вся информация об иконах и о художнике практически и заканчивается.

В целях обнаружения хоть каких-то фактов творческой биографии В. Ф. Пасхина дальнейшие поиски были обращены к Санкт-Петербургу, откуда происходил художник. Учитывая довольно высокий уровень его художественного мастерства и владения приемами академического письма, можно было бы предположить, что он обучался в Академии художеств. Однако в Списке русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств, составленному С. Н. Кондаковым [8, с. 148, 266] и включающему сведения обо всех обучавшихся в Академии, имени Пасхина не обнаружено.

И все же некоторые сведения о нем найти удалось благодаря известному труду двух исследователей, Виктора Васильевича Антонова и Александра Валерьевича Кобака, посвященному утраченным святыням Петербурга. В изданной ими трехтомной Историко-церковной энциклопедии есть сведения о двух петербургских храмах, с которыми связано имя Василия Пасхина.

Первый из них — это церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком (ныне — район Санкт-Петербурга), относительно недалеко от комплекса зданий Императорского фарфорового завода. Церковь эта была выстроена в XVIII в., а позднее она расширялась, достраивалась, и в 1865 г. были освящены два новых придела верхнего храма, в которых «образа исполнил В. Ф. Пасхин» [2, т. 1, с. 208]. Далее указано, что в 1934 г. церковь была закрыта, а еще через год снесена. Таким образом, следует констатировать, что работы Пасхина в этом храме были утрачены.

Вторая церковь находилась неподалеку, это был храм Казанской иконы Божией Матери на Казанском кладбище, также в Рыбацком. Первоначально при кладбище была выстроена часовня, но в 1881 г., после убийства государя Александра II, крестьяне решили в его память поставить храм. И в 1883 г. церковь, возведенная по проекту архитектора Фарфорового завода Л. Л. Шауфельберга, была освящена местным благочинным. Это был деревянный храм в русском стиле. Позднее, в 1887–1889 гг. к нему были пристроены каменные паперть и колокольня. После революции деревянная часть была разобрана, а именно в ней находились «иконы и картины в куполе», выполненные художником «В. Ф. Паскиным» [2, т. 3, с. 174]. Следовательно, и эти произведения художника оказались утрачены.

Еще одно издание, посвященное историческим местам Санкт-Петербурга, дает упоминание фамилии Пасхина. Это книга В. И. Аксельрода и А. В. Гусевой «Вокруг Финляндского вокзала. Путеводитель по Выборгской стороне», в которой говорится, в частности, о Спасо-Бочаринской церкви или иначе — церкви во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня в Бочарной слободе. Церковь была построена в XVIII в., позднее расширялась и обновлялась. Далее авторы сообщают, что очередное такое обновление совершилось в мае 1881 г., и это событие было отражено в сочинении священника, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, известного библиста Федора Елеонского, на которое они и ссылаются. В этом сочинении Ф. Елеонский, перечисляя всех жертвователей и благоукрасителей, внесших лепту в поновление храма 1881 г., в частности, писал: «Спасо-Бочаринская церковь имела

и иконописцев, и столяра — образцовых по искусству, по трезвости, постоянному труду, по честности, усердию к храму и нежадности к церковным деньгам, именно: Елпидифора Константиновича Канторского, Василия Филипповича Пасхина и Петра Александровича Михайлова, известного иконостасного мастера» [6, с. 6]. Следовательно, можно сказать, что по крайней мере в начале 1880-х гг. Пасхин трудился при этом храме на Выборгской стороне. Сама Спасо-Бочаринская церковь была закрыта в марте 1932 г. и тем же летом снесена, а ее уникальное внутреннее убранство уничтожено [19].

Таким образом, ничего из поименованных петербургских работ Василия Филипповича Пасхина не сохранилось, хотя появляется некоторая характеристика его как мастера и как человека. Однако остаются неизвестными не только основные факты его творческого пути, но даже и даты его жизни. Судя по упоминаниям времени создания его работ, а это от 1865 г. (Покровская церковь в Рыбацком) до 1890 г. (работы для Александровского подворья), предполагаемая дата рождения художника может приходиться на 1820–1830-е гг., а дата смерти — не ранее 1890 г. В таком случае к моменту создания работ для Александровского подворья ему было бы не более 60–70 лет, что позволяло бы еще справиться с таким большим и сложным для исполнения заказом. Эти даты можно было бы уточнить, если бы, например, удалось найти сведения о захоронении художника на одном из кладбищ Петербурга.

В 2011 г. уже упоминавшийся Александр Валерьевич Кобак совместно с известным историком-краеведом Юрием Минаевичем Пирютко выпустили второе, доработанное и исправленное, издание «Исторические кладбища Санкт-Петербурга», в котором приведены данные о захоронениях на всех Петербургских кладбищах. Естественно, только о сохранившихся захоронениях. К сожалению, фамилии Пасхина в этих списках найти не удалось — вероятно, его могила не сохранилась. Однако среди погребенных на Богословском кладбище, находившемся в ведении Спасо-Бочаринской церкви, упоминается имя протоиерея Василия Яковлевича Михайловского (1834–1910) [7, с. 632], с 1869 по 1883 гг. бывшего настоятелем этой церкви, в которой некоторое время подвизался и Пасхин.

Протоиерей Василий Михайловский был личностью примечательной. Это был человек очень деятельный. При его непосредственном участии Спасо-Бочаринская церковь была не просто обновлена, обустроена и украшена новыми иконами, но и обрела редкое и знаменательное украшение — фарфоровый иконостас, изготовленный на Императорском фарфоровом заводе и подаренный храму владельцем завода, прихожанином Спасо-Бочаринской церкви, Михаилом Саввиновичем Корниловым [6, с. 5]. Стараниями отца Василия в приходе церкви было устроено Общество вспомоществования бедным. Общество курировало несколько приходских благотворительных заведений, среди которых была женская богадельня, приют для детей в возрасте от 7 до 12 лет, а также приют-школа. Общество выступало организатором курсов церковного пения. Кроме этого, отец Василий создал первое городское общество трезвости. Это общество стало издавать брошюры «Друзьям трезвости», где публиковались назидательные рассказы, очерки, поучения (см. об этом: [20]). Василий Михайловский обладал редким талантом проповеднического слова, он был духовным писателем и просветителем, недаром за ним закрепилось прозвище «Петербургский златоуст».

Известно, что после создания Православного Палестинского общества в 1882 г. Михайловский становится его активным членом, а 1 октября 1883 г. он избирается уполномоченным ППО в Санкт-Петербурге, а также становится почетным членом общества [13]. Благодаря его писательскому дару, в том же 1883 г. Михайловскому поручается соз-

дание путеводителя по Святой земле, который впоследствии им неоднократно дополнялся и переиздавался. А затем, в 1888 г., для уточнения деталей и для исправления неточностей в этом издании, общество направляет Василия Яковлевича в Палестину, которую он посетил в апреле-июле указанного года [16, т. 3, с. 297]. Именно тогда он воочию знакомится с так называемым «Русским местом», и уже в очередном издании о Святой земле появляются его слова: «На этом месте ныне воздвигается здание с разнородными, еще не вполне публике постижимыми священными целями. Сюда-то и нужно будет со временем посылать пожертвования ради Гроба Господня; здесь будет совершаться каждодневное богослужение и возноситься бескровная Жертва о спасении верующих...» [15 с. 50]. Таким образом, он косвенно намекает на то, что на месте русских раскопок планируется обустройство храма, что в то время категорически не позволялось турецкими властями и вызывало резкое неприятие греческой патриархии.

Принимая во внимание деятельную натуру отца Василия, можно выдвинуть предположение, что, побывав в 1888 г. на строительстве подворья, он задумывается о будущем храме и о его благоуукрашении. Вполне вероятно, что именно через него был организован заказ икон для церкви на русском подворье и поручен к исполнению абсолютно никому не известному, но хорошо знакомому ему своим мастерством, порядочностью и нестяжанием Василию Филипповичу Пасхину. Поскольку сообщается, что в октябре 1890 г. наследник престола, цесаревич Николай Александрович, должен был посетить Палестину, и к этому моменту все уже было готово для будущей церкви: и иконостас, и иконы на стенах [9, с. 95], то можно предположить, таким образом, что на выполнение этого крупного заказа Пасхину потребовалось всего около двух лет.

Известный исследователь Святой земли Николай Николаевич Лисовой отмечал: «Не сохранилось сведений о том, кто и по каким соображениям определял программу заказанных образов» [10, с. 101]. Но с некоторой долей вероятности можно предположить участие протоиерея Михайловского в создании концепции этой программы. Во всяком случае он всегда внимательно относился к таким вещам, как достойное украшение храма. Можно привести такое его высказывание относительно икон в храме Гроба Господня: «Ужели ныне нельзя поставить там лучшие рисунки Воскресения Христова, чем три там изображенные? Православное иконописание в России ныне развивается осмысленно, самостоятельно, без подражания образцам иноверцев...» [12, с. 72]. Понятно, что он хорошо был знаком с такими образцами русского иконописания. И конечно, было бы вполне естественно, если бы он принимал самое активное участие в организации достойного украшения нового русского храма в столь святом месте.

Перечисление всех святых образов на 30 иконах, украшающих стены Александровского подворья, впервые встречается у Т. Е. Тыжненко в ее подробном описании убранства храма Александра Невского во втором выпуске Иерусалимского вестника за 2012 г. [18, с. 74], но при этом исторический документальный источник этого списка ею не указывается. Позднее, в Православном Палестинском сборнике 2017 г., выпущенном к 15-летию ИППО, вышла статья Н. Н. Лисовой и Р. Б. Бутовой «Памятники Романовского Иерусалима», в которой анализируется духовная связь этих икон «с главными деятелями Православного Палестинского Общества и Русской Палестины 1880–1890-х гг.» [10, с. 101]. При этом рассматриваются те 14 икон, которые расположены в два ряда на западной стене церковного зала согласно списку, опубликованному еще Т. Е. Тыжненко. И, как пишут Лисовой и Бутова, на этих иконах изображены небесные покровители Сергия Александровича и Елизаветы Федоровны, императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, Василия Николаевича Хитрово и Дмитрия Дмитриевича Смышляева (см.: [10, с. 101]).

Но при этом представляется довольно странным отсутствие в указанном перечислении имени архимандрита Антонина (Капустина), человека, внесшего неоценимый вклад не только в развитие Русской Палестины, но и в создание самого Александровского подворья, и в том числе в открытие Порога Судных Врат. Однако, вопреки данному списку, икона такая есть.

Известно, что Андрей Иванович Капустин был пострижен в монахи в день памяти мученика Антонина Анкирского¹, который был юным отроком и пострадал вместе со своими родителями при Юлиане Отступнике в 363 г. Возможно, составителю программы был неизвестен этот факт, а возможно им было принято решение, что образ старца на иконе более соответствовал бы представлению об архимандрите, которому в то время было уже более 70 лет. Как бы то ни было, но верхний ряд икон в западной части храма открывает преподобный Антоний Пустынный, причем на иконе он подписан, как «Антонин» (ил. 2). Это изображение широко растиражировано, оно неоднократно публиковалось в изданиях ИППО, начиная с известного архивного фото освящения Александровского подворья в 1891 г., что подтверждает изначальное нахождение там данной иконы, а вот иконы Василия Великого, которая открывает опубликованный Т. Е. Тыжненко список, в этих фотодокументах не обнаружено. В связи с чем возникло такое несоответствие, пока выяснить не удалось. Возможно, что этот список взят из какого-то первоначального варианта программы, сохранившегося в документах ИППО (неопубликованных), но ко времени написания икон корректировавшийся и видоизменявшийся.

Иллюстрация 2 – В. Ф. Пасхин. Икона св. прп. Антония Пустынного. Источник фото [9]
Figure 2 – V. F. Paskhin. Icon of St. Anthony the Hermit. Photo Source [9]

¹ 7 ноября — день памяти Антонина Анкирского. О пострижении в монахи о. Антонина (Капустина) в день памяти этого святого см.: [16, т. 2, с. 355].

Образы святых старцев на иконах Пасхина соответствуют единому типу с благородными, тонкими чертами лица (ил. 3). Едва ли художнику было известно, как канонически выглядели эти старцы, поэтому он таким образом выразил свое понимание облика этих святых. Что касается святых жен, то в их чертах также наблюдается некоторое единообразие, усиливающееся статуарными фронтальными позами (за исключением св. царицы Елены, данной в ракурсе). Однако образы эти легко идентифицируются, поскольку изображены с присущими им атрибутами: св. София с пальмовой ветвью в руках, св. Мария Магдалина — с сосудом для миропомазания, св. княгиня Ольга в княжеских одеждах, св. Мария Египетская — босая и в оборванной накидке.

Иллюстрация 3 – Икона прп. Евфимия Великого в процессе реставрации. Фото Alla Libov, 2006
Figure 3 – Icon of St. Euphemy the Great During the Restoration Process. Photo by Alla Libov, 2006

Отдельно следует отметить образ св. благоверного князя Александра Невского (ил. 4). Известно, что со времен Петра I, повелевшего великого князя изображать в великокняжеских одеждах, в его иконографию были внесены изменения — он стал изображаться с атрибутами уже не княжеской, а императорской власти, такими, как царский венец и горностаевая мантия. Кроме этого, князя стало принято изображать в воинских доспехах. Для иконографии XIX в. образцом, видимо, послужил мозаичный образ Александра Невского в иконостасе Александро-Невского придела Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге (ил. 5). Именно там святой изображен в бехтерце — особом виде кольчато-пластинчатого доспеха, известного на Руси с конца XV в. Этот тип доспеха в одеяниях великого князя получил широкое распространение в иконах второй половины XIX – начала XX вв. Этот же тип доспехов, а также горностаевая мантия, прижатая к груди правая рука, да и все композиционное построение стоящего возле престола с царским венцом князя — все эти иконографические черты повторяются и в иконе, выполненной для Александровского подворья, т. е. это был типичный, общепринятый для этого времени образ.

Иллюстрация 4 – В. Ф. Пасхин. Икона Св. Благоверного Великого князя Александра Невского. Фото сайта: <http://jerusalem-ippo.org>
Figure 4 – V. F. Pashkin. Icon of St. Blessed Grand Duke Alexander Nevsky.
Photo of the site: <http://jerusalem-ippo.org>

Иллюстрация 5 – Мозаичная икона св. Александра Невского из иконостаса придела Александра Невского в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга, освященного 8 июля 1858 г.
Figure 5 – Mosaic icon of St. Alexander Nevsky from the iconostasis of the aisle of Alexander Nevsky in St. Isaac's Cathedral of St. Petersburg, consecrated on July 8, 1858

Известно, что в ходе ремонтных работ на подворье в 2006 г. иконы Пасхина были сняты и отреставрированы. Однако, как сообщила реставратор этих икон, Алла Либов, средства на проведение реставрационных работ были сильно ограничены, поэтому на реставрацию из 30 икон были переданы только четыре. Это были иконы прп. Герасима Иорданского (ил. 6), прп. Феоктиста Спостника, прп. Илариона Великого и прп. Евфимия Великого — вероятно, те, которые наиболее сильно пострадали от времени (ил. 7). Вот как описывает их состояние реставратор: «...общее поверхностное загрязнение пылью, копотью, брызгами белой краски от ремонта помещений, голубиным пометом. Натяжение на подрамники слабое, в углах имеются фалды. Между холстом и подрамником имелись спрессованные сгустки пыли, каменная крошка и прочие загрязнения. На двух иконах имелись утраты красочного слоя. Одна из этих двух икон — Преподобный Иларион Великий — пострадала в конце 60-х годов² от пули и имела в верхней части на золотом фоне значительный прорыв»³. Размеры этого прорыва оценивались как 22x27 см⁴ (ил. 8).

² Вероятно, речь идет о событиях так называемой Шестидневной войны 1967 г. Известно, что перестрелки велись и в самом центре старого города, поэтому шальные пули могли залетать через окно, а как раз на уровне окон и располагаются иконы Пасхина. — С. М.

³ Письмо Аллы Либов от 6 июля 2021 г. (личный архив автора).

⁴ Alla Libov. Описание сохранности иконы «Пр. Иларион Великий». Личный архив Н. А. Воронцова, предоставлено автору 31.05.2021.

Иллюстрация 7 – Икона прп. Феоктиста Спостника. Фрагмент. Прорывы холста. Фото Алла Либов, 2006
Figure 7 – Icon of St. Theoctist Spostnik. Fragment. Canvas Breaks. Photo by Alla Libov, 2006

Иллюстрация 8 – Икона прп. Илариона Великого. Фрагмент. Прорыв от пули в процессе реставрации. Фото Alla Libov, 2006
Figure 8 – Icon of St. Hilarion the Great. Fragment. Inrush from Bullet during Restoration. Photo by Alla Libov, 2006

Если говорить о технике письма, то реставратор в Описании сохранности икон сообщает, что красочный слой тонкий, со слабо выраженной фактурой⁵. Таким образом, иконы, написанные на среднезернистом, полотняного плетения холсте, гладкостью поверхности визуально напоминают иконы, написанные на доске.

Каких-то дополнительных сведений о подробностях заказа икон или о художнике выяснить не удалось. Как сообщила Алла Либов, «Имя художника отсутствовало на подрамнике, а также отсутствовали наклейки с именем художника»⁶. Это, видимо, и привело к ошибке в реставрационных документах по описанию сохранности икон: там Василий Филиппович значится, как «А. Пасхин». Такую информацию о нем реставраторы получили от руководства подворья⁷. Само же руководство ссылается на то, что вся архивная документация, которая исторически хранилась на Сергиевском подворье, еще в советское время была вывезена представителями палестинского общества при АН СССР⁸, поэтому никакими фактическими данными о заказе и его исполнителе руководство подворья не обладает. Судя по описаниям сохранности икон 2006 г., составленным Аллой Либов и предоставленным автору Н. А. Воронцовым, председателем ИППО (Иерусалим и Ближний Восток), это была единственная их реставрация, а в предше-

⁵ Там же.

⁶ Письмо Аллы Либов от 15 июля 2021 г. (личный архив автора).

⁷ Там же.

⁸ Письмо Н. А. Воронцова от 31 мая 2021 г. (личный архив автора).

ствующие ремонты на подворье иконы даже не снимали со своих мест, о чем говорят оставшиеся на них брызги белой краски.

Время на реставрацию было сильно ограничено, поэтому для выполнения работ Алла Либов привлекла еще одного специалиста — Элли Тушинскую⁹. Условия работы были довольно сложные: «Во время проведения реставрационных работ в Подворье шел ремонт. Было грязно, довольно темно, так как из-за солнца приходилось прикрывать жалюзи»¹⁰. Алла Либов предполагает, что остальные иконы Пасхина реставрировали уже специалисты из России, однако российские специалисты, под руководством профессора В. В. Зверева, чуть позже работали над Страстным циклом Н. А. Кошелева, но о реставрации икон Пасхина при этом не упоминается. Возможно, их просто немного очистили от грязи и водрузили обратно. Заказ Аллой Либов был получен в апреле 2006 г., а уже к 3 июня, дню освящения подворья после ремонта, все 30 икон висели на своих местах.

Образы святых на иконах Пасхина написаны с большим мастерством: красивые, благородные лики, изящные, тонко выписанные руки. Все это выдает хорошее владение академическим письмом. Но если имя художника не значится среди учащихся Академии, то возможна какая-то его связь с другой школой, например, с мастерской Пешехоновых, которая активно работала в это время в Петербурге, в Тверской губернии, выполняла работы во многих российских городах, а также оставила свой след и на Святой земле: иконы Пешехоновых украшают Троицкий собор Русской духовной миссии в Иерусалиме. Важно отметить, что при мастерской имелась и школа, в которой обучались будущие мастера.

При сравнении работ Пасхина с сохранившимися иконами мастерской Пешехоновых можно проследить некоторую связь по крайней мере в композиционном построении и в использовании некоторых характерных черт «пешехоновских писем». Эти характерные черты выделила С. Е. Большакова в своем исследовании творчества Пешехоновых: композиция заключена в арку, золоченый фон, часто с гравировкой по золоту, орнаменты, близкая к реалистической манера в изображении личного, использование прямой перспективы в изображении позема или ландшафта. Кроме этого, Пешехоновыми был выработан определенный тип иконостаса, в том числе содержащий иконы архангелов Михаила и Гавриила на дьяконских дверях [4, с. 23]. Если обратиться к иконам Пасхина, то, кроме этих формальных признаков, прослеживается также и стилевое единство с работами мастерской Пешехоновых. И это уже не просто копирование работ популярной мастерской, как это было распространено среди иконописцев того времени, а более глубокая связь с традициями «пешехоновских писем». И если в 30 иконах, расположенных в верхней части церкви Александровского подворья, соблюдены не все формальные признаки — в частности, нет чеканки по золотому фону, в том числе не прочеканены золотые нимбы, иконы заключены в строгие черные рамы, без орнамента, что могло быть связано с особенностью их расположения, ведь они находятся на большой высоте, поэтому и заключены в черный четкий контур рам, и нимбы обозначены темным контуром, а вот иконы местного ряда иконостаса уже гораздо ближе перечисленным признакам, особенно центральные иконы, фланкирующие царские врата: здесь и прочеканенные нимбы, и орнаментированные фоны, и узнаваемые композиционные построения (ил. 9), а также можно упомянуть и обязательные иконы Архангелов на дьяконских дверях местного ряда иконостаса.

⁹ Письмо Аллы Либов от 24 июля 2021 г. (личный архив автора).

¹⁰ Письмо Аллы Либов от 16 июля 2021 г. (личный архив автора).

Иллюстрации 9 – Митрополиты Филипп и Иона с образом Спаса Нерукотворного.
Икона местного ряда иконостаса. Источник фото [9]

Figure 9 – Metropolitans Philip and Jonah with the Image of the Mandilion.
Icon of the Local Iconostasis Row. Photo Source [9]

Такая явная связь манеры Пасхина с «пешехоновскими письмами» могла объяснить и заказ, порученный именно этому художнику: ведь Пешехоновы уже отличались, украшая Троицкий собор Русской духовной миссии, но их высокая популярность делала их работу очень дорогой, а Пасхин, искусно повторявший стиль пешехоновского письма, был усерден в труде и нежаден до церковных денег, как отмечал Ф. Елеонский. Поэтому он, несомненно, был очень выгодным исполнителем такого крупного и ответственного заказа.

В 2006 г. Ж. Г. Белик защитила диссертацию по результатам своих исследований иконописного наследия мастерской Пешехоновых, и позднее, в 2011 г., издала эти материалы в виде монографии [3]. Там, в частности, приводится список мастеров, работавших с Пешехоновыми. Однако, это довольно подробное исследование иконописного наследия мастерской Пешехоновых не содержит в себе никаких упоминаний о художнике Пасхине — ни среди мастеров, ни среди учеников. С одной стороны, это можно объяснить тем, что во время работы Жанны Григорьевны над этой темой Александровское подворье, ввиду аварийного состояния, было закрыто (1996–2006 гг.) (см. об этом: [1]), и иконы Пасхина были недоступны для научного изучения, а других работ художника, видимо, не сохранилось. С другой стороны, наиболее близки к пешехоновским две центральные иконы местного ряда иконостаса, но на них нет прямого указания авторства Пасхина. Вот цитата из Сообщений ИППО за 1892 г.: «Нижний ряд икон составляют: образа Казанской Божией Матери и Нерукотворного Спаса, несомые великими святыми земля Русской: митрополитами Петром, Алексеем, Ионою и Филиппом. Затем идут иконы: первого Иерусалимского первосвятителя св. Иакова, брата Господня и св. Первомученика Стефана работы художника Пасхина, а дальше уже по боковой стене равноапостольных Св. Константина и Елены» (цит. по: [14, с. 101]). И хотя, согласно инвентарной ведомости, за все иконы 1 яруса была уплачена единая сумма [18, с. 48], что, скорее всего, говорит об одном мастере, их исполнявшем, но все же из приведенного выше документа достоверно очевидно только, что авторство Пасхина относится к двум иконам местного ряда — свв. Иакова и Стефана, а в таком случае предположение о принадлежности его к мастерской Пешехоновых становится не столь очевидным.

Сама фамилия художника наводит на мысль о том, что Пасхин — это всего лишь его псевдоним. Но, учитывая, что он именно как Пасхин выполнял иконописные работы и в 1860-е, и в 1880-е гг., можно сделать вывод, что вся творческая деятельность Василия Филипповича проходила именно под таким именем, а «настоящая» фамилия тем более осталась неизвестной и нигде не зафиксирована. Косвенным подтверждением этому может служить четырехтомное издание Всесоюзной книжной палаты «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», в котором псевдоним «Пасхин» нигде не встречается [13, т. 2, 4].

Есть еще один интересный исторический документ — это «Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч.: С древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.)», составленный на основании летописей, актов, архивных документов, автобиографических заметок и печатных материалов Николаем Петровичем Собко, русским историком искусства и библиографом, в 1899 г. Сюда включены все, включая и Пешехоновых [17, стб. 417], которых нет ни у Кондакова [8] (они не обучались в Академии художеств), ни в «Едином реестре профессиональных художников Российской империи, СССР, «русского зарубежья»,

Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII–XXI вв.)» [5] (поскольку они, видимо, не считаются профессиональными художниками), а вот Пасхина нет нигде, ни в одном из этих списков.

Вполне возможно, что этот художник был просто уникальным самородком, сумевшим самостоятельно постичь все глубины художественного ремесла. Тем не менее вопрос о биографических данных художника и о каких-либо еще сохранившихся его работах пока остается открытым и требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 110 лет храму св. Александра Невского на Александровском подворье в Иерусалиме // Сайт ИППО Иерусалим, хроника, 03.06.2006. URL: <https://www.ippro-jerusalem.info/item/show/281> (дата обращения: 15.05.2021).
- 2 Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: в 3 т. СПб.: Изд. Чернышева, 1994. Т. 1. 288 с. СПб.: Изд. Чернышева, 1996. Т. 3. 392 с.
- 3 Белик Ж. Г. Иконописное наследие мастерской Пешехоновых. М.: Индрик, 2011. 168 с., ил.
- 4 Большакова С. Е. Петербургская артель иконописцев Пешехоновых // Академия художеств и православная церковь: сб. научн. ст. СПб.: Санкт-Петербургский гос. академический ун-т живописи, скульптуры и архитектуры, 2004. С. 19–26.
- 5 Единый реестр профессиональных художников Российской империи, СССР, «русского зарубежья», Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII–XXI вв.) // Официальный сайт Профессионального союза художников России, URL: <http://painters.artunion.ru/index.htm> (дата обращения: 02.08.2021).
- 6 Елеонский Ф. Тихвинская церковь с фарфоровыми украшениями в Спасобочаринском приходе: Очерк. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. 8 с., ил.
- 7 Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. 2-е изд., дораб. и исп. М.: Центрполиграф, 2011. 797, [3] с.
- 8 Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914: в 2 т. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914–1915. Т. II: Часть биографическая. [4], VI, 454, [5] с., ил.
- 9 Лисовой Н. Н. Подворья ИППО в Иерусалиме. М.: Индрик, 2012. 159 с.
- 10 Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б. Памятники Романовского Иерусалима. К 160-летию со дня рождения основателя и первого Председателя ИППО Великого Князя Сергея Александровича // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. К 135-летию Императорского Православного Палестинского Общества. М.: Индрик, 2017. С. 55–144.
- 11 Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 2: Псевдонимы русского алфавита. К–П. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. 387 с. Т. 4: Алфавитный указатель авторов. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. 558 с.
- 12 Михайловский В. Святой град Иерусалим. С хромофотографированным планом. СПб.: Изд-е старосты Исаакиевского собора, 1882. 89 с., план и карта.
- 13 Октябрь // Официальный сайт ИППО, архивный раздел «Календарь ИППО». URL: <https://www.ippro.ru/ipporu/article/oktyabr-201362> (дата обращения: 15.03.2021).

- 14 *Платонов П. В.* От «Русских раскопок» до Александровского подворья Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме // Иерусалимский вестник ИППО. 2012. Вып. II. С. 89–127.
- 15 По Святой Земле: путевые заметки протоиерея Василия Михайловского. 2-е изд. СПб.: Изд. протоиерея В. Михайловского, 1898. 127 с.
- 16 Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. М.: Индрик, 2017. Т. 2. X + 1094 с. М.: Индрик, 2020. Т. 3, Ч. 1. 744 с.
- 17 *Собко Н. П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч.: с древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. 508 стб.
- 18 *Тыжненко Т. Е.* Иерусалим. Александровское подворье. Храм св. Благоверного князя Александра Невского. («Судные врата») // Иерусалимский вестник ИППО. 2012. Вып. II. С. 45–88.
- 19 Уничтоженные храмы середины XVIII в.: Церковь во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (Спасо-Бочаринская церковь) // Информационный сайт «Петербург и окрестности». URL: <http://al-spbphoto.narod.ru/Hram/nohram.html> (дата обращения: 06.03.2021).
- 20 Члены ИППО возложили цветы на могилу протоиерея Василия Михайловского в Санкт-Петербурге // Официальный сайт ИППО, Новости за октябрь 2015 г., URL: <http://www.ippo.ru/old/news/2015/10/mihailovsky.html> (дата обращения: 10.03.2021).

© 2022. **Svetlana I. Mikhaylova**
Moscow, Russia

BEAUTIFIERS OF RUSSIAN PALESTINE: VASILY PASKHIN

Abstract: Russian religious art of the 19th century in the Soviet years did not correspond to the official ideological direction, in connection with which many of these works were destroyed, and the names of their authors were forgotten. In this sense, those works of Russian artists that have been preserved in the churches and metochions of the Holy Land allow us to restore these names and fill the lacunae of domestic art. The paper represents an attempt to establish the facts of the creative biography of one of these artists — Vasily Filippovich Paskhin, whose icon-painting works were preserved at the Alexander Podvorie (Metochion) in Jerusalem. The author refers to the surviving documents of the Imperial Orthodox Palestinian Society (IOPS), to documentary descriptions of the lost church monuments of St. Petersburg, to the materials of restoration work carried out in 2006 at the Alexander Podvorie, and also analyzes the surviving works of Paskhin. Basing on the studies conducted, the author made a number of assumptions regarding the biography of the artist, the issue of his possible belonging to the famous St. Petersburg Peshekhonovs Icon Painting workshop, as well as the circumstances of ordering icons for the Alexander Podvorie and the participation of Archpriest Vasily Yakovlevich Mikhailovsky, an active member of the IOPS. Since the name of Paskhin is not found in the lists of the Academy of Arts, or in other lists of Russian professional

artists, or in materials devoted to the study of the work of the Peshekhonovs workshop, the author suggests that Vasily Filippovich was a unique native talent that independently comprehended the heights of icon painting skill.

Keywords: V. F. Pashkin, V. Ya. Mikhailovsky, Alexander Metochion in Jerusalem, IOPS, icon image, Archimandrite Antonin (Kapustin), Peshekhonov Icon Painting Workshop, Spaso-Bocharinsky Church.

Information about the author: Svetlana I. Mikhaylova — Senior Lecturer, Institute of Slavic Culture, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Khibinsky pr., 6, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2499-3743>

E-mail: na.svet@mail.ru

Received: October 01, 2021

Approved after reviewing: March 05, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Mikhaylova S. I. Beautifiers of Russian Palestine: Vasily Pashkin. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 333–352. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-333-352>

REFERENCES

- 1 110 let khramu sv. Aleksandra Nevskogo na Aleksandrovskom podvor'e v Ierusalime [110 Years Old to the Church of St. Alexander Nevsky at the Alexander's Podvorie in Jerusalem]. In: *Caït IPPO Ierusalim, khronika, 03.06.2006* [IOPS Jerusalem Chronicle, June 03, 2006]. Available at: <https://www.ippo-jerusalem.info/item/show/281> (Accessed 15 May 2021). (In Russian)
- 2 Antonov V. V., Kobak A. V. *Sviatyni Sankt-Peterburga: Istoriko-tserkovnaia entsiklopediia: v 3 t.* [Shrines of St. Petersburg: Historical and Ecclesiastical Encyclopedia: in 3 Vols.]. St. Petersburg, Izdanie Chernysheva Publ., 1994. Vol. 1. 288 p. St. Petersburg, Izdanie Chernysheva Publ., 1994. Vol. 3. 392 p. (In Russian)
- 3 Belik Zh. G. *Ikonopisnoe nasledie masterskoi Peshekhonovykh* [Icon-painting Heritage of the Peshekhonov's Workshop]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 168 p., il. (In Russian)
- 4 Bol'shakova S. E. Peterburgskaia artel' ikonopistsev Peshekhonovykh [Petersburg's Artel of Icon Painters Peshekhonov]. In: *Akademiia khudozhestv i pravoslavnaia tserkov': sbornik nauchnykh statei* [Academy of Arts and Orthodox Church: a collection of scientific papers]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi akademicheskii universitet zhivopisi, skulptury i arkhitektury Publ., 2004, pp. 19–26 (In Russian)
- 5 Edinyi reestr professional'nykh khudozhnikov Rossiiskoi imperii, SSSR, “russkogo zarubezh'ia”, Rossiiskoi Federatsii i respublik byvshego Sovetskogo Soiuz (XVIII–XXI vv.) [The United Register of the Professional Artists of the Russian Empire, the USSR, Russian Emigration, Russian Federation and the Republics of Former Soviet Union (18–21 centuries)]. In: *Ofitsial'nyi sait Professional'nogo soiuz khudozhnikov Rossii* [Official Website of the Professional Union of Artists of Russia]. Available at: <http://painters.artunion.ru/index.htm> (Accessed 02 August 2021). (In Russian)
- 6 Eleonskii F. *Tikhvinskaia tserkov' s farforovymi ukrasheniami v Spasobocharinskom prikhode: Ocherk* [Tikhvin Church with Porcelain Jewelry in Spasobocharinsky parish: Essay]. St. Petersburg, Tipografiia F. Eleonskago i Ko Publ., 1882. 8 p., il. (In Russian)

- 7 Kobak A. V., Piriutko Iu. M. *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemeteries of St. Petersburg]. 2nd ed., corr. and rev. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2011. 797, [3] p. (In Russian)
- 8 Kondakov S. N. *Iubileinyi spravochnik Imperatorskoi Akademii khudozhestv. 1764–1914: v 2 t.* [Jubilee Handbook of the Imperial Academy of Arts. 1764–1914: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Tovarithchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1914–1915. Vol. II: Chast' biograficheskaiia [Biographical Part]. [4], VI, 454, [5] p., il. (In Russian)
- 9 Lisovoi N. N. *Podvor'ia IPPO v Ierusalime* [IOPS Podvor'ja (Town churches) in Jerusalem]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 159 p. (In Russian)
- 10 Lisovoi N. N., Butova R. B. Pamiatniki Romanovskogo Ierusalima. K 160-letiiu so dnia rozhdeniia osnovatel'ia i pervogo Predsedatel'ia IPPO Velikogo Kniazia Sergiia Aleksandroviicha [Monuments of Romanov Jerusalem. To the 160th Anniversary of the birth of the Founder and First Chairman of the IOPS Grand Duke Sergei Alexandrovich]. In: *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. Moscow, Indrik Publ., 2017, vol. 113, pp. 55–144 (In Russian)
- 11 Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 Vols.]. Vol. 2: *Psevdonimy russkogo alfavita. K–P* [Pseudonyms of the Russian Alphabet. K–P]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1957. 387 p.; Vol. 4: *Alfavitnyi ukazatel' avtorov* [Alphabetical Index of Authors]. Moscow, Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ., 1960. 558 p. (In Russian)
- 12 Mikhailovskii V. *Sviatyi grad Ierusalim. S khromolitografirovannym planom* [Holy City Jerusalem. With Chromolithographic Plan]. St. Petersburg, Izdanie starosty Isaakievskogo sobora Publ., 1882. 89 p., plan and map (In Russian)
- 13 Oktjabr' [October]. In: *Ofitsial'nyi sait IPPO, arkhivnyi razdel "Kalendar' IPPO"* [Official website of IOPS, archive section "IOPS Calendar"]. Available at: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/oktyabr-201362> (Accessed 15 March 2021) (In Russian)
- 14 Platonov P. V. Ot "Russkikh raskopok" do Aleksandrovsckogo podvor'ia Imperatorsckogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v Ierusalime [From "Russian Excavations" to the Alexander Podvorie of the Imperial Orthodox Palestine Society in Jerusalem]. In: *Ierusalimskii vestnik IPPO*, vol. II, 2012, pp. 89–127. (In Russian)
- 15 *Po Sviatoi Zemle: putevyia zametki protoiereia Vasil'ia Mikhailovskago* [On the Holy Land: travel notes of Archpriest Vasily Mikhailovsky]. 2nd ed. St. Petersburg, Izdanie protoiereia V. Mikhailovskago Publ., 1898. 127 p. (In Russian)
- 16 *Rossia v Sviatoi Zemle. Dokumenty i materialy: v 3 t.* [Russia in the Holy Land. Documents and Materials: in 3 Vols.]. Moscow, Indrik Publ., 2017. Vol. 2. X + 1094 p.; Moscow, Indrik Publ., 2020. Vol. 3, Part 1. 744 p. (In Russian)
- 17 Sobko N. P. *Slovar' russkikh khudozhnikov, vaiatelei, zhivopistsev, zodchikh, risoval'shchikov, graverov, litografov, medal'erov, mozaichistov, ikonopistsev, liteishchikov, chekanshchikov, skanshchikov i prochikh: s drevneishikh vremen do nashikh dnei (XI–XIX vv.)* [Dictionary of Russian Artists, Sculptors, Painters, Architects, Draftsmen, Engravers, Lithographers, Medalists, Mosaicists, Icon Painters, Foundry Workers, Minters, Scanners, etc.: From Ancient Times to the Present Day (11–19 centuries)]. St. Petersburg, Tipografiiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1899. Vol. 3. 508 col. (In Russian)
- 18 Tyzhnenko T. E. Ierusalim. Aleksandrovsckoe podvor'e. Khram sv. Blagovernogo kniazia Aleksandra Nevskogo. ("Sudnye vrata") [Jerusalem. Alexander Podvorie.

- Church of St. Blessed Prince Alexander Nevsky. (“Threshold of Judgment Gate”)]. In: *Ierusalimskii vestnik IPPO*, 2012, vol. II, pp. 45–88. (In Russian)
- 19 Unichtozhennye khramy serediny XVIII v.: Tserkov' vo imia Proiskhozhdeniia Chestnykh Drev Zhitvoriashchego Kresta Gospodnia (Spaso-Bocharinskaia tserkov') [Destroyed Temples of the Middle of the 18th Century: Church in the Name of the Origin of the Honest Trees of the Life-Giving Cross of the Lord]. In: *Informatsionnyi sait “Peterburg i okrestnosti”*. Available at: <http://al-spbphoto.narod.ru/Hram/nohram.html> (Accessed 06 March 2021). (In Russian)
- 20 Chleny IPPO vozlozhili tsvety na mogilu protoiereia Vasiliiia Mikhailovskogo v Sankt-Peterburge [Members of the IOPS Laid Flowers on the Grave of Archpriest Vasily Mikhailovsky in St. Petersburg]. In: *Ofitsial'nyi sait IPPO, Novosti za oktiabr' 2015 g.* [Official Website of IOPS, October, 2015 News]. Available at: <http://www.ippo.ru/old/news/2015/10/mihailovsky.html> (Accessed 10 March 2021). (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-353-367>

УДК 908+726.03

ББК 85.11+85.113(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. Б. Бодэ

г. Москва, Россия

© 2022 г. Т. В. Жигальцова

г. Архангельск, Россия

ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА СРЕТЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА МАЛОШУЙКА ОНЕЖСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII–XIX в. Типология, эволюция, региональные традиции»

Аннотация: Статья посвящена истории и архитектуре деревянного храмового комплекса, расположенного в селе Малошуйка (совр. название — д. Абрамовская) Онежского района Архангельской области. Подробно освещена строительная история Сретенской церкви 1873 г. и колокольни 1807 г. на основании материалов натуральных исследований и архивных данных. Изучение архивных исторических источников позволило определить архитектурный облик предшествующего Сретенского храма XVIII в. Обнаруженные особенности его архитектуры сопоставлены с поморскими аналогами. На основании проведенного сопоставления в типологическом и историческом аспектах сделаны выводы о существовании местной храмостроительной традиции. В результате исследования выполнены графические реконструкции первоначального облика архитектурного ансамбля в Малошуйке и его внешний вид на завершающем этапе развития в конце XIX в. Проанализированы исторические данные о покрасках фасадов исследуемых объектов. Установлено, что для церквей Поморья XIX – начала XX вв. характерна определенная цветовая палитра. Также вводится в научный оборот информация об утраченном объекте — кладбищенской часовне. В итоге получены новые сведения по истории и архитектуре деревянных церквей Поморья.

Ключевые слова: деревянное зодчество, история и строительство, Онежское Поморье, кубоватые храмы, поморские традиции, село Малошуйка.

Информация об авторах:

Андрей Борисович Бодэ — кандидат архитектуры, заведующий сектором «Деревянное зодчество», Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, ул. Душинская, д. 9, 111024 г. Москва, Россия; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Ярославское ш., д. 26, 129337 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9866-845X>

E-mail: bode-niitag@yandex.ru

Татьяна Валентиновна Жигальцова — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, 163002 г. Архангельск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: zhitava@gmail.com

Дата поступления статьи: 01.11.2021

Дата одобрение рецензентами: 04.01.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В. История и архитектура Сретенской церкви села Малошуйка Онежского уезда Архангельской губернии // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 353–367.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-353-367>

В начале XIX в. в Онежский уезд Архангельской губернии входило 630 деревень, которые были объединены в 32 прихода¹. На тот период времени в уезде имелось 88 деревянных церквей². В настоящее время большинство из них утрачены. Редким исключением является архитектурный ансамбль поморского села Малошуйка (современное название — деревня Абрамовская), состоящий из трех объектов — Никольской церкви (1638), Сретенской церкви (1873) и колокольни (1807) (рисунок 1).

Рисунок 1 – Архитектурный ансамбль с. Малошуйка (д. Абрамовская), Онежский район. Рисунок А. Б. Бодэ

Figure 1 – The architectural ensemble in Maloshuyka (Abramovskaya village), Onega District. Drawing by A. B. Bode

¹ АКМ (Архангельский краеведческий музей) № 3423. Молчанов С. К. Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известностями и замечаниями, к дополнению Российской истории служащими... Изд. Гл. Правление училищ в С.-Петербурге при императорской Академии Наук, 1813. С. 265.

² Там же.

Малошуйский приход был причислен к Первому Благочинию, а образован не позже XVII в. под названием «Шуйская монастырская волость» [4, с. 17].

Село находится на берегу Белого моря, вблизи устья реки Малошуйка, на расстоянии от города Онеги 45½ верст, сел Нименга, Кушерецкая и Ворзогоры — 12, 16 и 25 верст соответственно (по зимнему тракту)³. Село состояло из деревень Вачевская и Абрамовская, расположенных в полуверсте друг от друга [4, с. 16]. Общее число жителей к 1888 г. достигло более тысячи человек (1149)⁴, через 20 лет, к 1909 г., на 200 человек больше (1355)⁵, что, в сравнении с численностью соседних приходов, являлось средним показателем⁶. В д. Вачевской было Волостное правление, училище Министерства Народного Просвещения, в котором обучалось 60 мальчиков и 40 девочек (ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 462. Оп. 1. Д. 23. Л. 40. Клировые ведомости о церквях I благочиния Онежского уезда, 1915). Всего на территории I Благочиния Онежского уезда имелось еще два подобных училища в с. Ворзогоры и с. Кушерецкий (совр. Кушерека)⁷. Схематичное изображение планировки села середины XIX в. сохранилось во фрагменте чертежа почтового тракта (рисунок 2).

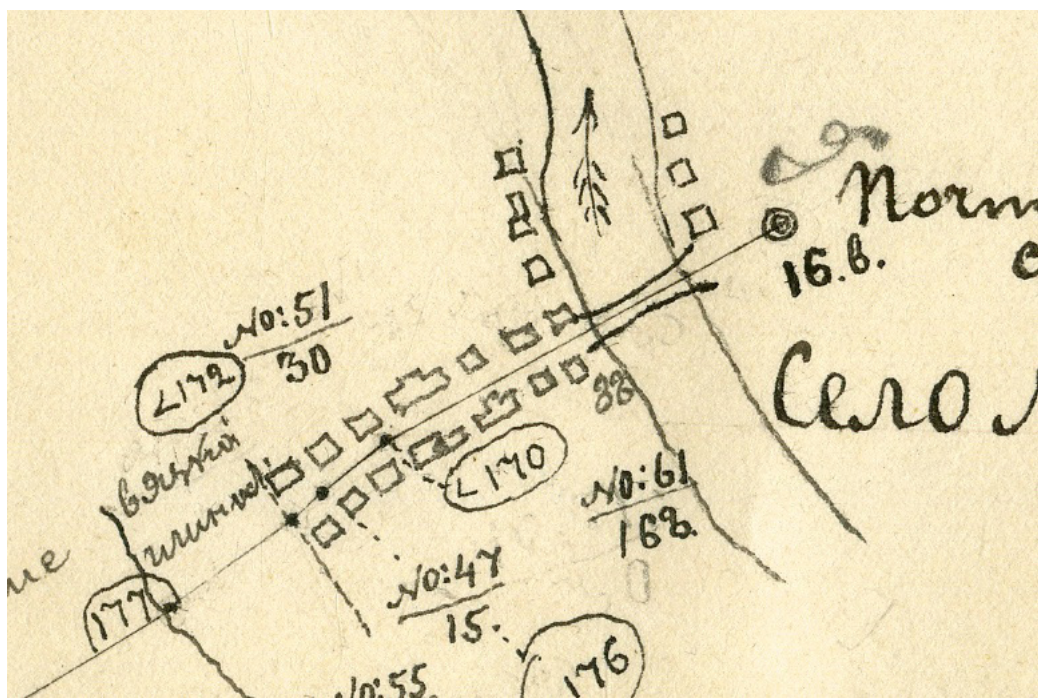

Рисунок 2 – Планировка с. Малошуйка // ГААО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 354. Фрагмент 3.

Чертеж почтового тракта от Кушерецкой до Малошуйской станции

Figure 2 – The layout of Maloshuyka. State Archive of the Arkhangelsk Region, F. 114. Op. 4. D. 354. Fragment 3. Drawing of the Postal Route from Kusheretskaya to Maloshuyskaya Station

³ АКМ № 20.818. Спутник помора: справочник-ежегодник торгового флота русского Севера / под ред. П. П. Гринфельда. Архангельск, 1911. С. 210.

⁴ АКМ КП — 45130. Атлас Архангельской епархии, 1888 (печать 1890).

⁵ АКМ № 20.818. Спутник помора: справочник-ежегодник торгового флота русского Севера / под ред. П. П. Гринфельда. Архангельск, 1911. С. 209.

⁶ Для примера в с. Ворзогоры — 1143 человека, Нименгском приходе — 1206 человек, Кушерецком приходе — 1491 человек, Унежмском — 511 человек, Юрьевогорском — 555 человек, Калгачинском — 1930 человек (Атлас Архангельской епархии, 1888 (печать 1890) // АКМ. КП — 45130).

⁷ АКМ КП — 45130. Атлас Архангельской епархии, 1888 (печать 1890).

Ансамбль в Малошуйке уникален: подобных комплексов, состоящих из двух деревянных церквей и колокольни, на Русском Севере осталось совсем мало. Аналогичные храмовые комплексы сохранились только на острове Кижы, в селах Ворзогоры, Ненокса.

Старейшая постройка храмового комплекса в Малошуйке — Никольская церковь (1638). Основу ее составляет относительно небольшой восьмерик на четверике, завершенный немного тяжеловесным шатром с крупной главой. Первоначально прямоугольный алтарь имел двухскатное с полицами покрытие. После поездки епископа Архангельского и Холмогорского Неофита в сентябре 1823 г. по приходам Онежского уезда, в декабре 1824 г. вышел «Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Архангельской Духовной Консistorии в Онежское духовное правление» с требованием исправить замеченные епископом неисправности, такие как хранить в алтаре утварь в «чистоте и опрятности», разобрать архив и составить опись, устроить ограду вокруг церквей, а главное — «перебрать ризницу и починить паперть Никольской церкви» и «огородить место для ризницы в Стороне церкви» (ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об. Указы Архангельской Духовной Консistorии и Онежского духовного правления, 1824–1827). Вероятно, в 1825 г. с севера к алтарю было пристроено (или перестроено) дополнительное помещение, а к основному срубу — рубленая паперть, огибающая его с запада и севера. Двухвсходное крыльцо, покрытое полкой бочкой, ныне утрачено. Более подробные архивные исторические данные о Никольской церкви представлены в другой работе [5].

Сретенская церковь построена в 1873 г. на месте двух своих одноименных предшественниц 1600 и 1698 г. Это монументальный храм с квадратным в плане основным объемом, покрытым четырехскатной крышей и завершенным пятиглавием, какие нередко строились в Поморье в XIX в. [8, с. 109–122]. Колокольня датируется 1807 г. Можно предположить, что первоначальное ее покрытие было шатровым. Она имеет характерную для нижней Онеги и прилегающей части Поморья структуру основания: восьмерик на высоком четверике.

В данной статье мы сосредоточим внимание на истории и архитектуре Сретенской церкви и колокольни, поскольку, в отличие от Никольской церкви, они практически не изучены.

Сретенская церковь

Посвящение Сретенской церкви 1873 г. не случайно: «По Сретению определялись сроки весенних полевых работ, а у жителей Малошуйки — подготовка к началу рыбных промыслов» [7, с. 103]. Данные о датировке первого Сретенского храма, построенного на этом месте, разнятся. Путешественник С. В. Максимов сообщает: «По церковному “Памятнику” видно, что церковь Сретения освящена в 1600 году по благословению новгородского митрополита Евфимия» [6, с. 361–362]. Эта дата подтверждается архивными данными: «Антиминс на белом полотне Священнодействован благословением Преосвященнаго Ефимия Митрополита Великоновгородскаго и Великолуцкаго 1600 года» (ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Л. 219. Клировая ведомость, 1799). 1600 г. также встречается и в других, более поздних, документах (см.: ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 15. Л. 256. Описи архиерейской ризницы и ведомости о церквях, церковном имуществе и церковно-служителях, 1771–1822; Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Л. 376. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1808; Ф. 29. Оп. 35. Д. 5. Л. 431. Клировые ведомости

церквей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1810; Ф. 29. Оп. 35. Д. 12. Л. 167. Клировые ведомости церквей г. Архангельска, Архангельского, Кемского, Мезенского, Онежского, Пинежского, Холмогорского и Шенкурского уездов, 1820; Ф. 29. Оп. 35. Д. 19. Л. 133. Клировые ведомости церквей Онежского уезда, Пинежского, Мезенского уездов / Ведомость учинена Благочинным Малошуйского Прихода Священником Симеоном Молчановым о благосостоянии Церкви и поведения Священно и церковнослужителей, 1830; Ф. 462. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–2. Опись имущества и угодий церквей Малошуйского прихода, 1833). Однако священник М. Верюжский датирует освящение храма 1698 г. [4, с. 17]. Это дата Акта освящения храма, копия которого хранится в Памятной книге 1822 г. [4, с. 17]. Вполне вероятно, что в 1698 г. был капитально отремонтирован или построен заново новый храм, антиминс остался от первого, что косвенно указывает на то, что самый первый храм не сгорел вместе с антиминсом (как это произошло в 1870 г.), а просто обветшал.

Сохранились описания облика Сретенского храма, предшествовавшего нынешнему. Описания 1814 (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 176. Л. 120. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1814), 1819 (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 193. Л. 177. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1819), 1833 (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–2. Опись имущества и угодий церквей Малошуйского прихода, 1833) и 1834 гг. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 320. Л. 1. Опись церковного имущества по Малошуйскому приходу Онежской округи, 1834) практически идентично, за исключением того, что в источнике 1819 г. упоминается не трехскатное, а двускатное крыльцо.

Описание 1814 г. (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Церковь Сретения деревянная Одноствяжная в высоту до кровли 6 сажень, в ширину 4 сажени, в длину по фундаменту с трапезою 10 сажень до Олтаря, на ней кумпал деревянной дощанной, Олтарь оной церкви построен в три полукружия, Кровля на церкви и Олтарь деревянная, с Западной Страны для входу в паперть крыльцо деревянное, и над оным крышка на три ската, в паперть двери Створные деревянные на крюках, и петлях железных с задвижкою железною, из паперти в трапезу двери деревянные с творные повешенные на крюках, и петлях железных с замком висячим, на железных пробоях, из трапезы в Церковь Двери деревянные Створные решетчатые с железною Задвижкою висячим Замком повешенные на крюках и петлях железных

Л. 121

в Паперти одно окно, с Южной Страны в трапезе 6 окон, в Церкви 4 окна на Южной Стороны, во Святом Олтаре два окна Одно с южной, а другое с восточной Стороны, во всех окнах окончины стеклянные, со Ставнями деревянными висячими на железных крюках и петлях, с наружи и в Олтаре совнутренной Стороны Ставни с Задвижками, на железных петлях (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 176. Л. 120–121. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1814).

На основании описаний мы представляем себе здание, состоящее из основного высокого (6 сажень) четверика, с кубоватым покрытием и одной главой (упоминания об одной главе относятся к 1919, 1933 и 1834 гг.). «Кумпал» мы однозначно толкуем, как куб — широко распространенную в Поморье и на нижней Онеге форму церковного завершения, чему есть много примеров. Однако, надо заметить, что одноглавые завершения кубоватых церквей редки. Таковы церкви последней трети XVII в.: Пятницкая в Шуерецком, Алексия Человека Божьего 1721 г. в Куртяево и расположенная недалеко от Малошуйки Никольская церковь первой четверти XIX в. в Унежме. Алтари «с тремя полукружиями» встречаются на крещатых в плане церквях (Владимирская церковь 1757 г. в Подпорожье и Преображенская 1786 г. в Турчасове).

Четвериковые в основании храмы с алтарями на «три полукружия» нам неизвестны. Для понимания формы алтаря надо обратиться к архитектуре существующего Сретенского храма 1873 г. Его алтарь состоит из пятистенного сруба, к которому с двух сторон примыкают прямоугольные помещения — ризница и пономарня. Скорее всего, алтарь Сретенской церкви 1873 г. примерно повторил форму алтаря предшествующего храма.

С запада к церкви примыкала обширная трапезная. Указанный размер 10 сажен с трапезною до алтаря, судя по аналогам, включал и притвор, т. е. расстояние от западной стены притвора до алтаря было около 21,5 м. В описании церкви 1819 г. упоминается не трехскатное, а двускатное крыльцо: «...и над оным крышка на два ската...». Поскольку в остальных документах говорится о трехскатном крыльце, информация о двускатном крыльце в документе 1819 г. могла быть опiskeй составителя. Для сравнения описание церкви 1819 г. (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Церковь Сретения деревянная Одноствяжная в высоту до кровли 6 сажень в ширину 4 сажени в длину по фундаменту с трапезою 10 сажень до Олтаря. На ней кумпал деревянной дощанной, одна шея, и Глава, обита чешуею, крест осьмиконечной деревянной, Олтарь оной церкви построен в три полукружия, Кровля на церкви, и Олтарь деревянная, с Западной Страны для входу в паперть крыльцо деревянное, и над оным крышка на два ската, в паперть двери Створные деревянные на крюках, и петлях железных с задвижкою железною, из паперти в трапезу двери деревянные с творные повешенные на крюках, и петлях железных с замком висячим, на железных пробоях, из трапезы в Церковь двери деревянные Створные решетчатые с железною Задвижкою висячим Замком повешенные на крюках и петлях железных, в Паперти одно окно, с южной Страны в трапезе 6 окон, в Церкви 4 окна, на Южной Страны, в Святом Олтаре два окна с южной, а другое с восточной Страны, во всех окнах окончины стеклянные со Ставнями, деревянными висячими на железных крюках и петлях, с наружи — А в Олтаре совнутренней Страны Ставни с Задвижками, на железных петлях (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 193. Л. 177–178. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1819).

Помимо внешней характеристики, в документах изложено подробное описание интерьера с перечислением икон на стенах и иконостаса:

Пол в Трапезе, Церкви, и Олтаре деревянной, и подволоки так же деревянные, в Трапезе печка кирпичная, на Северной Страны в Углу, у дверей. Основание оной печки на самой земле, которая в высоту 4 аршина, 2 четверти, в длину 3 Аршина в ширину 2 Аршина; при ней две вьюшки чугунных. Посредине печки на южной Страны в Трапезу 3 душика медные для пущения теплоты, посредине Трапезы стоит два Столба деревянные, около которых деревянные лавки, направо Страны Столба

1. Образ Сретения Господня писан краска в кивоте Столярной работы позолочен Листовым Золотом. Пред тем образом лампада медная.
2. Над Церковными дверями Образ Спасителя писан Краски, на нем венец медный и оклад медной, пред тем образом Лампада медная.
3. По Южную Страну Спасителя Образ Иоанна Предтечи писан краски.
4. По Северную Страну Спасителя Образ Богоматери писан краски на нем венец медной.
5. По южную Страну Церковных дверей в Трапезе Образ Рождества Христова писан краски на нем 4 венца медных пред тем Образом лампада жестянная...

...Иконостас в Церкви резной, Золоченной Листовым Золотом, в Оном Царские врата резные, Золоченные листовым Золотом, и по обоим Странам тумбы резные Золоченные (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 193. Л. 178. Опись церковного имущества по Онежской округе, 1819).

В 1845 г. производился ремонт храма. Церковь была «поправлена», обшита тесом, к ней было «пристроено» четыре главы (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 767. Л. 1. Цер-

ковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Малошуйской Сретенской Церкви, 1856). В следующем году она была окрашена белой краской с разрешения местного Преосвященного (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 767. Л. 1. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Малошуйской Сретенской Церкви, 1856). В описании 1856 г. видим информацию о новом пятиглавом верхе, размерах и цветовом оформлении храма (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Храм построен в виде возвышенного квадрата с отливами наверху одного с четырех сторон, и кумполом, на котором утверждено пять глав с осмиконечными крестами, обшитыми белым железом. Олтарь построен выступом немного поуже храма и ниже его, с небольшою главою и крестом. С западной стороны трапеза — в половину ниже храма с крышею на два ската. Крыши все деревянные. Церковь обшита тесом и выкрашена белою краскою; Кумпал в главе медянкою, шейки последних белой краски. Церковь на каменном фундаменте, в высоту до крыши 6 сажень, в ширину 4, в длину по фундаменту с трапезою 10 сажень до олтаря (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 767. Л. 1. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Малошуйской Сретенской Церкви, 1856).

После ремонта Сретенская церковь приобрела типичный для Поморья и нижней Онеги вид с кубоватым пятиглавым верхом. Факт добавления глав известен только на примере этой церкви.

Сретенский храм сгорел в 1870 г. Через три года на его месте на средства прихожан и пожертвований от сбора по всей России был построен одноименный пятиглавый храм по благословию преосвященного Ювеналия [4, с. 17]. В 1880 г. он был обшит тесом на сумму 100 руб., в следующем году окрашен белилами на сумму руб. (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 14. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церквей, 1895).

По сравнению с предшествующим храмом, новая Сретенская церковь, судя по описанию 1895 г., стала длиннее на 2 сажени — 12 сажень, без трехскатного крыльца (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Церковь Малошуйского прихода во имя Сретения Господня деревянная, теплая обыкновенного плана — о пяти главах с осмиконечными крестами. Обшита церковь тесом и выкрашена белилами. Крыша на церкви деревянная, крашенная чернетью; главы крашены медянкою, а женки и карнизы белилами. Построена церковь на каменном фундаменте, который состоит из дикаго камня. Вышина храма 5 с ½ сажень, с главами же и крестами 10 сажень, шириною 4½ саж. И длиною 12 саж. В церковь ведут три двери: первая с крыльца в притвор распашные из двух половин, окрашены медянкою, вторая и третья из притвора в паперть, одни из них /вторья/распашные из двух половин, натянуты клеенкой, другие третьи одночастные, окрашены белилами. Окон в церкви 24, рамы двойные (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 14. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церквей, 1895).

По всей вероятности, «женками» называли шейки главок, по аналогии с народной поговоркой «муж — голова, жена — шея». Данный термин встречается при описании верха Никольской церкви (1638) в этом же архивном документе.

Храм содержался за счет кружечно-кошелькового сбора, средств от продажи свечей, случайными пожертвованиями и за счет средств попечительства, открытого в 1893 г. [4, с. 18].

Краткое описание церкви 1901 г. сообщает: «Сретенская церковь деревянная, пятиглавая, теплая, на каменном фундаменте, обшита тесом и окрашена белилами — прочная» (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 55. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901).

По воспоминаниям местных жителей, церковь была закрыта в 1931 г., позже находилась на балансе колхоза и использовалась как зерновой склад. Несколько пожилых женщин проводили службы в Сретенской церкви вплоть до 80-х гг. XX в.: «Церкви закрыли в 31 году <...>. Закрыли, опечатали и почти до 1965 года они так и стояли законсервированные. Старушки, упоминала Ефимия Ивановна Шайтанова, верующий был человек, и вот она с председателем накануне праздника придет, у него возьмет ключи от церкви. Они там откроют пять-шесть старушек, полы намоют, и на следующий день службу проводили сами, без священников, конечно» (муж., 1952 г.р.). Ремонтно-консервационные работы были проведены в 1988 г.⁸

Сретенская церковь достаточно хорошо сохранилась. Интерьер Сретенской церкви был восстановлен силами местных жителей уже в наше время (рисунок 3).

Рисунок 3 – Интерьер Сретенской церкви (1873), с. Малошуйка (д. Абрамовская), Онежский район. Фото Т. Жигальцовой
Figure 3 – The Interior of the Sretenskaya Church (1873), Maloshuyka (Abramovskaya Village), Onega District. Photo by T. Zhigaltsova

Таким образом, в строительной истории Сретенской церкви с. Малошуйка Онежского уезда Архангельской губернии выделяются следующие этапы:

- 1 1600 — строительство первого храма, которому был выдан антиминос;
- 2 1698 — ремонт первого храма, возможно, достаточно серьезный, что повлекло за собой его освящение; известно, что церковь была одноглавой теплой;
- 3 1845 — изменен верх церкви на пятиглавый, церковь «поправлена» и обшита тесом, через год окрашена белилами;
- 4 1870 — утрата храма в результате пожара;
- 5 1873 — строительство и освящение новой пятиглавой теплой церкви, сохранившейся до нашего времени;
- 6 1880 — храм обшит тесом, через год окрашен белилами.

⁸ Архив культурного наследия. Код памятника 2910065000. Погост Малошуйка, первая половина XVII – вторая половина XIX в. / сост. П. Н. Шармин, 1990. URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/2910065000.html> (дата обращения: 01.11.2021).

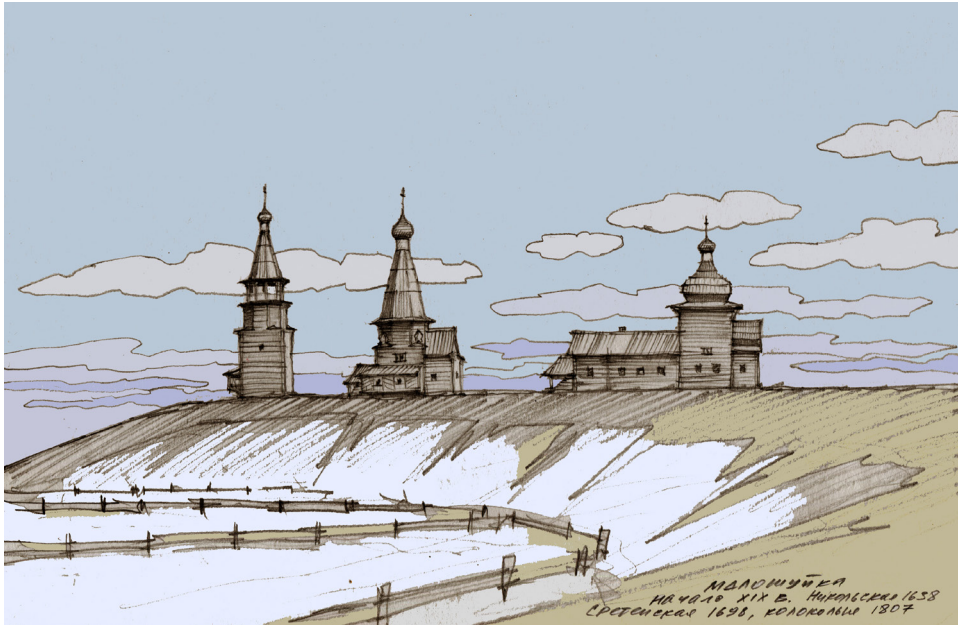
Колокольня

Двухъярусная колокольня типа «восьмерик на четверике» была построена в 1807 г.: «При церквях находится отдельная колокольня, деревянная, шатровая, построенная в 1807 г.» [4, с. 18]. Приходской священник М. М. Верюжский не ссылается на какой-либо документ при датировании колокольни. В изученных нами архивных материалах дата 1807 г. не встречается, за исключением позднего документа 1901 г.: «При сих церквях находится отдельная колокольня, деревянная, на фундаменте простого камня, построена в 1807 году, обшита досками, окрашена белилами — прочна» (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 55. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901).

Самым ранним упоминанием о колокольне является документ 1808 г.: «на ней одна шея и глава обиты чешуею» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Л. 396. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1808), что косвенно подтверждает датирование строительства колокольни 1807 г.

Колокольня имела шатровый верх и размеры: высота — 6 сажень, ширина и длина по 3 сажени: «Колокольня деревянная шатровая в вышину до звонов 6 сажень в ширину 3 сажени в длину по фундаменту 3 Сажени на ней одна шея и Глава обшиты чешуею, Крест осьмиконечной, деревянной» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Л. 391. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1808; Ф. 29. Оп. 31. Д. 176. Л. 133. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1814). А также одно окно, односкатное крыльцо: «с Западной Стороны для входа в Колокольню крыльцо деревянное на Оным крышка на один скат двери деревянные на железных крюках и петлях, с висячим замком, до звонов в колокольню три лестницы, одно Окно с Южной Стороны <...>. На Оной Колокольне четыре Колокола без показания веса» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 193. Л. 188. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1819; Ф. 462. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–3. Описание имуществ и угодий церковей Малошуйского прихода, 1833; Ф. 29. Оп. 31. Д. 320. Л. 2. Описание церковного имущества по Малошуйскому приходу Онежской округи, 1834). Действительно, на втором ярусе колокольни имеется одно косячатое окно, а на западной стороне, где расположены входы, остались полусгнившие консоли, на которые опиралась площадка крыльца.

Таким образом, архивные описания позволяют воссоздать внешний облик всего архитектурного ансамбля в начале XIX в. (рисунок 4).

**Рисунок 4 – Храмовый комплекс в с. Малошуйка, начало XIX в.
Реконструкция. Графическая реконструкция А. Б. Бодэ
Figure 4 – The Church Ensemble in Maloshuyka, Early 19th Century.
Graphic Reconstruction by A. V. Bode**

Вероятно, в 1833–1834 гг. была построена деревянная ограда вокруг церквей и колокольни с воротами: «деревянная ворота для входу в Оную решетчатые столярной работы повешены на крюках и петлях железных» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 320. Л. 2. Опись церковного имущества по Малошуйскому приходу Онежской округи, 1834).

В 1851 г. колокольня была «поправлена», поднята на каменный фундамент и обшита тесом (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 767. Л. 12. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Малошуйской Сретенской Церкви, 1856). В следующем году окрашена белилами (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 3. Л. 14. Клировые ведомости о церквях первого Благочиния, 1851–1853). Можно предположить, что в период с 1854 по 1855 гг. шатровый верх был заменен на купол со шпилем и крестом, поскольку в описании колокольни 1856 г. верх колокольни изменен (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Устройство колокольни от земли $3\frac{1}{2}$ сажени в виде правильного квадрата; выше которого построена осмернею до звона, с отливами кругом пред зубчатою площадкою, на которой производится звон. Площадка обнесена столбами в виде колон, между которыми утверждены перила. Выше звонов также отливы кругом пред зубчатой крышей, на которой устроен кумпол. На кумполе маленький кубик в виде фальшивого окна и наконец шпиль, оканчивающийся осьмиконечным деревянным крестом. Колокольня на каменном фундаменте, обшита тесом в закрой и выкрашена белую краскою. Кумпол и шпиль чернедью (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 767. Л. 12. Церковная и ризничная опись Архангельской Епархии Онежского Уезда Малошуйской Сретенской Церкви, 1856).

В описании колокольни 1895 г. термины «шатер» и «купол» используются как синонимы, однако, упоминание куба с фальшивыми окнами указывает именно на купольное завершение верха (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Колокольня шатровая, от земли 3 и ½ сажени вверх идет квадрат; на квадрате, несколько меньше его устроен восьмерик, идущий до звонов. Площадка на которой звоны обнесена столбиками в виде колонны; в столбах утверждены перила. На столбах же утверждены крыша и шатер (кумпол). На кумполе небольшой куб с фальшивыми окнами. Наконец шпиль и осьмиконечный на нем крест. Колокольня на каменном фундаменте, обшита тесом и окрашена белилами, а шатер чернью (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 12. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церквей составлена, 1895).

Тот же источник сообщает, что под колокольней была «устроена кладовая, в которую особая дверь с внутренним замком. В колокольне три лестницы. Пять колоколов» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 12. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церквей составлена, 1895).

На основании архивных исторических материалов и данных натурного архитектурного обследования удалось реконструировать облик всего архитектурного ансамбля в с. Малошуйка конца XIX в. (рисунок 5).

Рисунок 5 – Храмовый комплекс в с. Малошуйка, конец XIX в.
Реконструкция. Графическая реконструкция А. Б. Бодэ
Figure 5 – The Church Ensemble in Maloshuyka, Late 19th Century.
Reconstruction. Graphic Reconstruction by A. B. Bode

Колокольня, так же как и Сретенская церковь, относительно хорошо сохранилась. Сруб, конструкции перекрытий и завершения сохраняют свою конструктивную прочность, уцелела почти вся обшивка. Однако сильно обветшала кровля, частично разрушен шпиль, над которым возвышался крест, утрачено крыльцо.

Имеются также исторические сведения об утраченной ныне кладбищенской часовне.

Часовня в честь Архангела Михаила и свв. Апостолов Петра и Павла

В 1884 г. на средства прихожан на приходском кладбище построена часовня в честь Архангела Михаила и свв. Апостолов Петра и Павла [4, с. 18].

Сведения 1895 г. о ней сообщают следующее: «Часовня была построена из казенного леса на сумму 400 руб., пожертвованных прихожанами» (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 10. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церковью составлена, 1895). Размеры часовни (сохранена орфография и пунктуация архивного источника):

Кладбищенская часовня — не большое четырехугольное, деревянное, одноглавое с осьмиконечным крестом здание, вышиною до крыши 2 сажень, длиною 3 и ½ сажень и шириною 3 сажени. Крест окрашен хроном, глава медянкою, а крыша чернетью; в шейке главы краскою сделаны фальшивые окна; тесом не обшита. По внутренности здание походит на церковь (так как оно предназначено для церкви); разделяется оно на две части — притвор 1 саж. Длины и самая часовня 2½ саж. В потолке посредине часовни сделано углубление 1½ с. Ширины, 2 саж. Длины и 2 арш. Высоты. Перед иконостасом два клироса и солея. Окон шесть — четыре в часовне и два в притворе. Часовня посвящена в честь Архистратига Михаила и Первоверховных Апостолов Петра и Павла (ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1637. Л. 10. Главная опись церковного и ризничного имущества Архангельской Епархии Онежского уезда Малошуйского прихода церковью составлена, 1895).

Облик часовни дополняет описание 1901 г.: «Часовня деревянная, одноглавая с осьмиконечным крестом, основана на каменном фундаменте, Крест окрашен хроном, глава медянкою и крыша чернетью, само же здание не обшито, но прочно» (ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 10. Л. 59–60. Клировые ведомости по Онежскому уезду, 1901 / Ведомость о Церкви Онежского уезда Малошуйского прихода, 1901). Службы в часовне проводились 29 июня в день памяти свв. Первоверховных Апостолов Петра и Павла и 8 ноября в день памяти Михаила Архистратига (там же).

Таким образом, результаты исследования исторических источников и натурные обследования в своей совокупности дают достаточно полное представление об архитектуре храмового комплекса в селе Малошуйка. В XVIII в. комплекс состоял из шатровой Никольской церкви и кубоватой Сретенской церкви. Подобное сочетание характерно для нижней Онеги и прилегающей к устью реки части Поморья [3, с. 31–39]. Храмовые комплексы, включающие шатровую и кубоватую церкви, были в Нименьге [9, с. 157–167], Пияле, Усть-Коже, Верховье, Турчасово [2, с. 145–156]. Ансамбль в Малошуйке дополняет этот ряд примеров.

Сретенская церковь 1698 г. в своих общих формах типична для Поморья и нижней Онеги. Это четвериковый в основании храм с кубоватым завершением и отапливаемой трапезной. Несколько необычно одноглавое завершение куба. Одноглавая кубоватая Никольская церковь в Унежме первой четверти XIX в. была построена, скорее всего, по образцу Сретенской церкви конца XVII в. в Малошуйке. Большинство кубоватых храмов имели пятиглавое завершение. Именно таким стало завершение Сретенской церкви после ремонта в середине XIX в. Побелка обшивки стен и окраска крыш и глав зеленым цветом (медянкою) имело широкое распространение в XIX в. [1, с. 216–218].

Сретенская церковь 1873 г. тоже соответствовала местным поморским традициям храмостроения, но более позднего времени. Такие же массивные кубические объемы основного храмового сруба мы видим у церквей: Преображенской в Нименьге, Климентовской в Нижмозере, Введенской и Никольской в Ворзгородах и других. Характерным признаком всех этих церквей было и пятиглавие, преемственно связанное с завершениями кубоватых храмов.

Малошуйская колокольня также отвечает поморским традициям. Аналогичные колокольни были построены в Унежме, Ворзгородах, Кусереке, Нименьге, Подпоро-

жье и других селах. Характерным признаком этих колоколен является пропорциональный строй основного сруба, состоящего из высокого четверика и низкого восьмерика. На колокольнях в Унежме и Нименьге выявлены факты замены первоначальных шатровых завершений на позднейшие купольные со шпилем. Такова же и колокольня в Малошуйке.

Итак, рассмотренные памятники деревянного зодчества отчетливо свидетельствуют о соответствии местным архитектурно-строительным традициям. Это наблюдается не только в XVII–XVIII вв., но и в XIX — на завершающей стадии развития традиционного деревянного зодчества. Это характерный признак традиционной культуры, где преемственность обеспечивалась приоритетностью имеющегося образца или ряда образцов, а не своеволием заказчика или строителя. Таким образом, формировались очень яркие, цельные и стилистически единые направления, какими и являются региональные традиции в русском деревянном зодчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бодэ А. Б. Покраски фасадов деревянных церквей XIX – начала XX веков // Рябининские чтения — 2019: Материалы VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2019. С. 216–218.
- 2 Бодэ А. Б., Зинина О. А., Носкова А. Г., Ходаковский Е. В. Деревянное храмостроительство Русского Севера конца XVIII – начала XX века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. № 3. С. 145–156.
- 3 Бодэ А. Б., Ходаковский Е. В. Деревянное храмовое строительство нижнего Поонежья XIX – начала XX веков // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 2. С. 31–39.
- 4 Верюжский М. М. Малошуйский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 3. С. 16–19.
- 5 Жигальцова Т. В. Историко-культурное наследие Арктики: северный «тройник» в селе Малошуйка, Онежское Поморье // II Юдахинские чтения: Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий: Мат. всерос. конф. с междунар. участием. Архангельск: ОМ-Медиа, 2019. С. 609–612.
- 6 Максимов С. В. Год на Севере. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. 690 с.
- 7 Матонин В. Н. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015.
- 8 Ходаковский Е. В. Деревянная храмовая архитектура Русского Севера конца XVIII – начала XX века: основные задачи изучения и историко-художественной оценки // Архитектурное наследство. 2018. Вып. 68. С. 109–122.
- 9 Ходаковский Е. В., Мелюх Е. А. Преображенская церковь в селе Нименьга и деревянная архитектура Беломорья XIX в. // Архитектурное наследство. 2013. Вып. 59. С. 157–167.

© 2022. **Andrey B. Bode**
Moscow, Russia

© 2022. **Tatiana V. Zhigaltsova**
Arkhangelsk, Russia

**HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE SRETENSKAYA CHURCH
IN MALOSHUYKA VILLAGE, ONEGA DISTRICT
OF THE ARKHANGELSK PROVINCE**

Acknowledgements: The Study was Carried out with Financial Support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the Project No. 20-012-00356 “Architecture of 17th–19th Century Wooden Churches of the Onega Pomorye. Typology, Evolution, Regional Traditions”.

Abstract: The paper deals with the history and architecture of the wooden architecture complex, situated in Maloshuyka (modern name — Abramovskaya village) in Onega District, Arkhangelsk Region. It describes the construction history of the Sretenskaya (Meeting of the Lord) Church (1873) and the bell tower (1807) in detail on the basis of the field research and archival data. The study of archival historical sources made it possible to reveal the architectural appearance of the preceding 18th century Sretenskaya Church. The identified features of its architecture were compared with the analogue Pomor churches. Based on the historical and typological comparison, we have come to the conclusion about the existence of a local church-building tradition. The results obtained include graphic reconstructions of the original appearance of the architectural ensemble in Maloshuyka as well as its appearance during the final stage of its development in the late 19th century. We analyzed historical data on the façade painting of the monuments under study and established that a specific color palette was characteristic of Pomor churches in the 19th – early 20th centuries. Also, the authors introduce new information into the scientific discourse about one lost object — a cemetery. The study resulted in obtaining new data on the history and architecture of Pomor wooden churches.

Keywords: wooden architecture, history and construction, Onega Pomorye, cube-shaped church, Pomor traditions, Maloshuyka village.

Information about the authors:

Andrey B. Bode — PhD in Architecture, Head of the Wooden Architecture Sector, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya St., 9, 111024 Moscow, Russia; Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU), Yaroslavskoe sh., 26, 129337 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9866-845X>

E-mail: bode-niitag@yandex.ru

Tatiana V. Zhigaltsova — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Department of Cultural and Religious Studies, Severnaya Dvina Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-1540>

E-mail: zhitava@gmail.com

Received: November 01, 2021

Approved after reviewing: January 04, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Bode A. B., Zhigaltsova T. V. History and Architecture of the Sretenskaya Church in Maloshuyka Village, Onega District of the Arkhangelsk Province. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 353–367. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-353-367>

REFERENCES

- 1 Bode A. B. Pokraski fasadov dereviannykh tserkvei XIX – nachala XX vekov [Façade Painting of Wooden Churches of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Riabininskie chteniia — 2019: Materialy VIII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii traditsionnoi kul'tury Russkogo Severa* [Ryabinin readings – 2019: Proceedings of the VIII conference on the studies and actualization of the traditional culture of the Russian North]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 216–218. (In Russian)
- 2 Bode A. B., Zinina O. A., Noskova A. G., Khodakovskii E. V. Dereviannoe khramostroitel'stvo Russkogo Severa kontsa XVIII – nachala XX veka [Wooden Temple Construction in the Russian North of the Late 18th – Early 20th Century]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniï*, 2019, no 3, pp. 145–156. (In Russian)
- 3 Bode A. B., Khodakovskii E. V. Dereviannoe khramovoe stroitel'stvo nizhnego Poonezh'ia XIX – nachala XX vekov [Wooden Temple Construction of the Lower Poonezhye of the 19th – Early 20th]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2020, no 2, pp. 31–39. (In Russian)
- 4 Veriuzhskii M. M. Maloshuiskii prikhod [Maloshuysky Parish]. In: *Arkhangel'skie eparkhial'nye vedomosti*, 1896, no 3, pp. 16–19. (In Russian)
- 5 Zhigal'tsova T. V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Arktiki: severnyi “troinik” v sele Maloshuika, Onezhskoe Pomor'e [Historical and Cultural Heritage of the Arctic: The Northern Church Triplet in Maloshuyka Village]. In: *II Iudakhinskie chteniia: Problemy obespecheniia ekologicheskoi bezopasnosti i ustoïchivoe razvitie arkticheskikh territorii: Materialy vs Rossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [II Yudashkin readings: Issues of ensuring of ecological security and sustainable development of the Arctic territories: Proceedings of the all-Russian conference with international participants]. Arkhangel'sk, OM-Media Publ., 2019, pp. 609–612. (In Russian)
- 6 Maksimov S. V. *God na Severe* [A Year in the North]. St. Petersburg, Tipografiia A. Transhelia Publ., 1871. 690 p. (In Russian)
- 7 Matonin V. N. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoi derevni: struktura, semantika, genesis* [Social and cultural space of the Northern village: structure, semantics and genesis: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2015. (In Russian)
- 8 Khodakovskii E. V. Dereviannaia khramovaia arkhitektura Russkogo Severa kontsa XVIII – nachala XX veka: osnovnye zadachi izucheniia i istoriko-khudozhestvennoi otsenki [Wooden Church Architecture of the Russian North of the Late 18th – Early 20th Century: The Main Objectives of the Study and Historical and Artistic Evaluation]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, 2018, vol. 68, pp. 109–122. (In Russian)
- 9 Khodakovskii E. V., Meliukh E. A. Preobrazhenskaia tserkov' v sele Nimen'ga i dereviannaia arkhitektura Belomor'ia XIX v. [Transfiguration Church in Nimenga and 19th Century Wooden Church Architecture of the white Sea Region]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, 2013, vol. 59, pp. 157–167. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-368-378>

УДК 7.045

ББК 83.8+85.15

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Е. Д. Лакизенко
г. Москва, Россия

© 2022 г. Т. Л. Макарова
г. Москва, Россия

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КНИГА КАК ИСТОЧНИК ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕМЫ, ОБРАЗЫ, ЦВЕТОВОЕ РЕШЕНИЕ

Аннотация: Традиционно дети копируют семейные и профессиональные отношения взрослых в своих играх. В литературе для детей важна тема изучения мира вокруг: как природы (в частности, животного мира), так и социального взаимодействия – отношений в семье и детском коллективе. Отдельная тема детской литературы — изучение внутреннего мира ребенка: формирование понимания и направлений развития его эмоций и чувств. У детей данного возраста только начинает развиваться логико-понятийная связь, поэтому иллюстрации в книгах для дошкольников находятся в прямой зависимости от текста. Игровая мотивация у младшего школьника медленно уступает место учебной, где действия выполняются ради определенных знаний и умений. Это верный путь для получения одобрения и признания как взрослых, так и сверстников, что определяет будущий статус ребенка (важный этап формирования самооценки). Не существует однозначного мнения по вопросу, насколько необходимо включать иллюстрации в детскую обучающую литературу. Данные о влиянии иллюстраций на понимание текста, прочитанного ребенком, неоднозначны. Многие исследователи уделяют внимание тому, что полное удаление иллюстраций может повлечь за собой естественное снижение мотивации к обучению и по этой причине «не следует игнорировать мотивационные и привлекательные аспекты иллюстраций: хорошо известно, что дети любят картинки».

Ключевые слова: иллюстрация, детская иллюстрация, образ иллюстрации, символика иллюстрации, книжная иллюстрация, особенности иллюстрации для младших школьников, дизайн, дизайн книги.

Информация об авторах:

Елизавета Дмитриевна Лакизенко — аспирант, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия.

E-mail: tambria@mail.ru

Татьяна Львовна Макарова — доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искус-

ство), ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, 117997 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5251-3225>

E-mail: tlmakarova27@gmail.com

Дата поступления статьи: 24.01.2022

Дата одобрение рецензентами: 11.10.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: *Лакизенко Е. Д., Макарова Т. Л.* Детская иллюстрированная книга как источник восприятия реальности: темы, образы, цветовое решение // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 368–378.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-368-378>

Знакомство с книгой мы начинаем в самом раннем детстве, и она сопровождает нас на всем жизненном пути. Стоит отметить, что навык чтения считается одним из наиболее важных в современном обществе: он способствует развитию основополагающих моральных, нравственных, социальных и культурных ценностей, без него невозможно образование как таковое.

Отношение к детскому возрасту с течением времени менялось. Филлип Арье, французский историк, обратил внимание, что вплоть до XIII в. изображение детей не встречается на полотнах [1]. Далее в виде детей стали изображать ангелов и умерших. В XVI в. ввиду большой смертности стали изображать умерших детей, чтобы запечатлеть их в памяти, и лишь в XVIII в. начинают создавать портреты детей как самоценные произведения искусства.

Детство современного ребенка длиннее, чем детство ребенка в прошлые века. Ребенок не приобщается в полной мере к быту, как только научится ходить и уверенно держать в руках предметы. В настоящее время дети так же, как и в прошлые десятилетия, копируют семейные и профессиональные отношения взрослых в своих играх. Группу «дети» по возрасту можно разделить на младенческий период (0–1 год), раннее детство (1–3 года), дошкольный возраст (3–7 лет), младший школьный возраст (7–11 лет), подростковый возраст (11–15 лет), старший школьный возраст (15–17 лет). В зависимости от возрастной категории, дизайн книги и иллюстрации в ней меняются, ориентируясь на потребности читателя. В данной статье выделены основные особенности книжных иллюстраций в изданиях, рассчитанных для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Пока длится дошкольное детство, условия жизни ребенка стремительно меняются. В младенчестве взаимодействие ребенка с окружающим миром ограничивалось в основном родителями (отцом и матерью); в дошкольном возрасте круг взаимодействия выходит за пределы родного дома, улицы и населенного пункта. Дошкольный возраст можно разделить на три периода: младший дошкольный возраст (3–4 года), средний дошкольный возраст (4–5 лет) и старший дошкольный возраст (6–7 лет). Ведущей деятельностью ребенка на этом этапе является игра. Именно на границе раннего и дошкольного детства рождается режиссерская игра и, чуть позднее, образно-ролевая игра. Главным в процессе игры является интенсивное и яркое эмоциональное переживание.

Книги для детей младшего дошкольного возраста (3–4 года) — это игрушки. Иллюстрации пестрят красками, чем привлекают внимание ребенка, а текст, сопровождающий иллюстрацию для детей данного возраста, не имеет главенствующего значения, поскольку малыши только начинают знакомство с буквами и учатся складывать их

в слова. В младшем дошкольном возрасте основным содержанием игры является воспроизведение предметных действий людей, которые не направлены на партнера или же на развитие сюжета (рисунок 1).

— И мне тоже очень нужен ты, когда грустно.
— Спеть тебе ещё?
— Может, лучше порисуешь?
— Ладно.
Никита разложил прямо на полу альбом и карандаши. Что бы такое нарисовать, чтобы маму порадовать? Тут пришёл Крендель, стал обнюхивать карандаши, выбрал оранжевый и начал его грызть.
— Никита, Крендель опять карандаш грызёт? Не давай ему.
— Мам, если небо синее, а самолёт белый, он пожог на облако, да?
— Ник, забери у Кренделя карандаш.
Никита собрал карандаши. Скучно рисовать.

Рисунок 1 – Михеева Т. «Полынный слон». М., 2020. 68 с.
Figure 1 – Mikheeva T. “Sagebrush Elephant”. Moscow, 2022. 68 p.

Дети имеют особые предпочтения в стилистике книг: их больше привлекают цветные иллюстрации, нежели черно-белые, реализм в иллюстрациях намного важнее, чем цвет; дети дошкольного возраста, в связи с особенностями восприятия реальности, предпочитают не загроможденные фигурами страницы и большой шрифт [6].

Рассматривая необходимость присутствия иллюстрации в целом в книгах для детей дошкольного возраста, стоит обратиться к гипотезе двоичного кода. Гипотеза повторения утверждает, что текст будет понят лучше, если будет повторяться дважды — слова дублируются картинками. Теория двойного кода частично схожа с теорией повторения и основана на идее кодирования информации в вербальной и визуальной форме, однако из этого следует вывод: иллюстративная информация должна в точности повторять текстовую, в ином случае может произойти сбой в трактовке воспринимаемых источников, и когнитивная перегрузка сознания неизбежна (рисунок 2).

Рисунок 2 – Миякоси Я. «Чай в зимнем лесу». М., 2021. 48 с.
 Figure 2 – Miyakoshi Y. “Tea in the Winter Forest”. Moscow, 2021. 48 p.

В среднем дошкольном возрасте фокус игры меняется, и на первое место выступают отношения между людьми. Действия не самоцель, они выполняются для выражения определенного отношения к другим, исходя из взятой на себя роли. Возраст 4–5 лет — расцвет ролевых игр. Поэтому, как показал анализ книг издательства «Манн, Иванов и Фербер», предназначенных для данного возраста, текст чаще всего представлен в форме диалогов, что помогает взрослому рассказать историю через его героев, а ребенку взять на себя роль одного из персонажей и вообразить себя полноправным участником рассказа (рисунок 3).

— Может, уже не пойдём к Венди? — притворно заявила белочка. — И так ясно, что я выиграла. Венди просто не могла построить ничего коровнего, если начала только после Хэллоуина. Да и что может построить девочка без папы?

— А это не тебе решать, — заметил лисёнок Томми несвоего раздражённо. — Венди заслуживает, чтобы мы осмотрели её домик, как и все остальные.

— Верно уж, конечно, — кивнул совёнок Нельсон. — Тебе, Джэмми, легко говорить. За тебя вообще всю работу сделала папа.

Белочка фыркнула и закрыла глаза:

— Но я обьясал все колмы за кроличьей норой! Нет там никакого домика.

— Конечно, — спокойно кивнула Венди. — Воле моей норы он бы просто не поместился. Пожалуйста, следуйте за мной.

Рисунок 3 – Ричардсон С. «Крошка Венди и дом на дереве». М., 2020. 64 с.
 Figure 3 – Richardson S. “Little Wendy and the Tree House”. Moscow, 2020. 64 p.

Книги для дошкольников часто направлены на развитие эмоционального интеллекта, способствуют осмыслению ребенком его эмоций и чувств, помогают сформировать базовые представления о морали и нравственности, которые определяют поведение ребенка в будущем (рисунок 4).

Рисунок 4 – Ульева Е. «Сказки про эмоции. Почему я обиделся?». М., 2019. 24 с.
Figure 4 – Ul'eva E. "Tales about Emotions. Why am I offended?". Moscow, 2019. 24 p.

В период с 3 до 7 лет просматривается тенденция раннего онтогенеза человека — стремительное развитие психических свойств, которое прерывается остановками-периодами стереотипного воспроизведения достигнутого. Оно выражается в потребности удержания уже знакомых образов и информации через их регулярное повторение, что может проявляться в отказе от всего нового (сказок, действия и т. д.) [2].

В процессе исследования иллюстраций в книгах для старшего дошкольного возраста было отмечено, что текст начинает превалировать над иллюстрацией. Иллюстрации могут иметь обобщенную связь с текстом, не подтверждать каждое слово картинкой. Акцент в возрасте с 6–7 лет смещается с игры в сторону обучения, ребенок «с большей концентрацией» обращается к тексту (рисунок 5).

Рисунок 5 – Браун П. «Дикий робот». М., 2021. 288 с.
Figure 5 – Brown P. "Wild Robot". Moscow, 2021. 288 p.

Ребенок становится настоящим школьником тогда, когда возникает соответствующая внутренняя позиция — процесс познания и развития выходит на передний план. Преобладающей и значимой деятельностью становится учеба. В школе ребенок приобретает не только знания, но и социальный статус, что комплексно приводит к развитию эмоционально-мотивационной сферы и возникновению внутренней осознанной жизни ребенка. Внешние события, ситуации и взаимодействия есть основная составляющая переживаний, они преломляются в сознании и имеют эмоциональную окраску. Внутренняя жизнь ребенка, его переживания напрямую влияют на поведение. Дифференциация внешней и внутренней жизни ребенка вызвана изменением структуры его поведения, появлением смысловой ориентации основы поступка — звена между желанием сделать и непосредственным действием. Однако игра как деятельность не теряет своей значимости, но фокус смещается на качественно другие направления — интеллектуальные и командные. Здесь особенно интересны книжки-игрушки, в частности, их исследованию посвящена кандидатская диссертация Д. М. Поповой [3]. Автор диссертации разработала классификации функций книжки-игрушки как обучающей, развивающей ребенка формы, а также «проектные типологии» детской книжки-игрушки.

Каждая новая ступень развития ребенка знаменуется возникновением центрального «новообразования», которое является вектором процесса развития и определяет перестройку всей личности ребенка. Л. С. Выготский под «новообразованиями» понимал новый тип деятельности ребенка, так же как и новый тип его личности — психологические новообразования, которые впервые возникают в этот период [4]. Ведущая деятельность имеет решающее значение на каждом из этапов психического развития. Однако другие виды деятельности при этом не исчезают, они существуют параллельно, не выступая на первый план. Игровая мотивация у младшего школьника медленно уступает место учебной, где действия выполняются ради определенных знаний и умений — верный путь для получения одобрения и признания как взрослых, так и сверстников, что, в свою очередь, определяет будущий статус ребенка — важный этап формирования самооценки.

В книгах находят отражение эти трансформации ребенка, и в них меняется содержательное наполнение: с игровой направленности они переходят к познавательной. Иллюстрации при этом не теряют своей актуальности, будучи своего рода пособием для понимания полного смысла текста (рисунок 6).

Рисунок 6 – Кеннингтон Т. «Всемогущий мозг». М., 2022. 89 с.
Figure 6 – Kennington T. “Almighty Brain”. Moscow, 2022. 89 p.

Перестройка мотивационной сферы ребенка ведет к естественному появлению переживаний: в конце дошкольного возраста ребенок начинает осознавать свои эмоции и чувства; осознанные переживания могут формировать устойчивые аффективные комплексы. Книжки младшего школьного периода могут помочь ребенку пережить кризис 7 лет менее болезненно, являя собой примеры решения эмоциональных проблем, которые могут быть созвучны ребенку. Эмоции и чувства — тема все еще сложная для понимания, поэтому иллюстрации могут стать своеобразной мотивацией к чтению: не «надо», а «интересно и любопытно» изучать. В данном возрасте ребенок начинает обращать внимание и на такую разновидность книжно-журнальной иллюстрации, как комикс (рисунок 7).

Рисунок 7 – Гарднер У. «Вампир понарошку». М., 2021. 335 с.
Figure 7 – Gardner U. “Vampire for Fun”. Moscow, 2021. 335 p.

В силу развития образного мышления юного читателя, иллюстрации в комиксах получают не только большую свободу от текста, но и могут становиться более абстрактными, что помогает развивать фантазию. Рассуждая о колористике, стоит отметить, что буйство красок уходит на второй план: спокойные монохромные или черно-белые иллюстрации начинают привлекать внимание ребенка. Актуальны иллюстрации, выполненные в одном, двух или трех цветовых тонах (рисунок 8).

Рисунок 8 – Верейкен К. «Все будет хорошо обязательно». М., 2021. 168 с.
Figure 8 – Vereyken K. “Everything will be Fine for Sure”. Moscow, 2021. 168 p.

Выводы по статье

Литература, предназначенная для детей, отличается высокой тематической насыщенностью — природа ребенка отзывается на книги с юмором и ярким цветным содержанием. Художественный текст по своей тематике должен быть интересен детям и отвечать их заботам. Любопытство детей обширно, и книжная иллюстрация должна удовлетворять фантазии, но в то же время развивать и воспитывать эстетические вкусы и чувства.

Возраст, интеллектуальная, эмоциональная и нравственная зрелость читателя накладывают определенные требования, которыми должна обладать литература, предназначенная для детской аудитории [5]. Это специфика, которая обусловлена определенными типами читателя и в первую очередь отражается в выборе тем и мотивов, в выборе литературных героев, построении иллюстрации: более простой композиции, цветовой гамме.

Не существует однозначного мнения по вопросу, насколько необходимо включать иллюстрации в детскую обучающую литературу. Данные о влиянии иллюстраций на понимание текста, прочитанного ребенком, неоднозначны. Вопрос о когнитивной нагрузке, теория которой предполагает, что ненужный или посторонний материал уменьшает количество когнитивных ресурсов, доступных для целевой задачи, и снижает производительность, в том числе результаты обучения, остается актуальным. Чем меньше отвлекающих факторов, в нашем случае иллюстраций, присутствует в книге, тем больше вероятность того, что юный читатель поймет сюжет и сможет пересказать и запомнить его.

Однако многие исследователи [6; 7] уделяют внимание тому, что полное удаление иллюстраций может повлечь за собой естественное снижение мотивации к обучению и по этой причине «не следует игнорировать мотивационные и привлекательные аспекты иллюстраций: хорошо известно, что дети любят картинки» [7].

Важно отметить, что иллюстрации детских книг, персонажи мультфильмов часто используются в дизайне детской одежды, которая тоже стимулирует интерес ребенка к окружающему миру [8]. Образы представленных иллюстраций, дизайн рисунков и моделей одежды для детей и взрослых несут в себе смыслы, которые способствуют развитию личности ребенка [9; 10]. Можно заключить, что дизайн детских книг формирует и визуальный образный ряд среды жизни ребенка, оказывая влияние на другие виды дизайна (дизайн костюма, промышленный дизайн, дизайн среды, дизайн мультимедиа).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Уральский ун-т, 1999. 211 с.
- 2 *Мухина В.* Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.
- 3 *Попова Д. М.* Детская книжка-игрушка как развивающая дизайн-форма: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013. 24 с.
- 4 *Выготский Л. С.* Лекции по психологии. М.: Перспектива, 2018. 148 с.
- 5 *Марьянович В.* Поэтика в детской литературе. Белград: КИЗ «Центр», 2009. 210 с.
- 6 *Кинг Э.* Критическая оценка исследований читательских интересов, предпочтений и привычек детей // Институт Канадского образования и исследований. 1967. № 7. С. 312–326.

- 7 *Кассандра А., Годвин Э. К., Фишер А. В.* Будьте проще: оптимизация книжных иллюстраций улучшает внимание и понимание у начинающих читателей // *Npj Science of Learning*. 2020. № 5 (14). С. 1–14.
- 8 *Макарова Т. Л., Лакизенко Е. Д.* Принт в дизайне детской одежды — новый виток в истории современной иллюстрации // *Костюмология*. 2020. № 4. Т. 5. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/20IVKL420.pdf> (дата обращения: 24.01.2022).
- 9 *Лакизенко Е. Д., Макарова Т. Л.* Анализ использования символа «Птица» в дизайне костюма из коллекций 2009–2019 гг. // *Вестник славянских культур*. 2020. Т. 57. С. 282–292.
- 10 *Макарова Т. Л., Лакизенко Е. Д.* Образ цветка в современном дизайне костюма // *Костюмология*. 2020. № 1. Т. 5. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/21IVKL120.pdf> (дата обращения: 24.01.2022).

© 2022. **E. D. Lakizenko**
Moscow, Russia

© 2022. **T. L. Makarova**
Moscow, Russia

**CHILDREN'S ILLUSTRATED BOOK
AS A SOURCE OF REALITY PERCEPTION:
THEMES, IMAGES, COLOR SOLUTION**

Abstract: Traditionally, children copy the family and professional relationships of adults in their games. In the literature for children, the topic of studying the world around is important: both nature (in particular, the animal world) and social interaction — relations in the family and the children's team. A separate topic of children's literature is the study of the child's inner world: the formation of understanding and directions for the development of his emotions and feelings. In children of this age, a logical-conceptual connection is just beginning to develop, therefore illustrations in books for preschoolers are directly dependent on the text. Game motivation in a younger student is slowly giving way to a learning one, where actions are performed for the sake of certain knowledge and skills. This is a sure way to gain approval and recognition from both adults and peers, which determines the future status of the child (an important stage in the formation of self-esteem). There is no unequivocal opinion on the issue of the extent to which illustrations should be included in children's educational literature. Data on the influence of illustrations on the understanding of the text read by the child is ambiguous. Many researchers pay attention to the fact that the complete removal of illustrations may lead to a natural decrease in motivation to learn, and for this reason, “the motivational and attractive aspects of illustrations should not be ignored: it is well known that children love pictures”.

Keywords: Illustration, Children's Illustration, History of Illustration, Image of Illustration, Symbolism of Illustration, Features of Illustration for Younger Schoolchildren, the Concept of “Childhood”, the Group “Children”, Design, Book Design.

Information about the authors:

Elizaveta D. Lakizenko — Postgraduate Student, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 33, bldg. 1, 117997 Moscow, Russia. E-mail: tambria@mail.ru

Tatyana L. Makarova — DSc in Arts, Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Sadovnicheskaya St., 33, bldg. 1, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5251-3225>

E-mail: tlmakarova27@gmail.com

Received: January 24, 2022

Approved after reviewing: October 11, 2022

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Lakizenko E. D., Makarova T. L. Children's Illustrated Book as a Source of Reality Perception: Themes, Images, Color Solution. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 368–378. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-368-378>

REFERENCES

- 1 Ar'es F. *Rebenok i semeinaia zhizn' pri starom poriadke* [The Child and Family Life under the Old Order]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1999. 211 p. (In Russian)
- 2 Mukhina V. *Vozrastnaia psikhologiya. Fenomenologiya razvitiia* [Age Psychology. Phenomenology of Development]. 10th ed., rev. and edd. Moscow, Akademiia Publ., 2006. 608 p. (In Russian)
- 3 Popova D. M. *Detskaia knizhka-igrushka kak razvivaiushchaia dizain-forma* [Children's Toy Book as a Developing Design Form: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2013. 24 p. (In Russian)
- 4 Vygotskii L. S. *Lektsii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow, Perspektiva Publ., 2018. 148 p. (In Russian)
- 5 Mar'ianovich V. *Poetika v detskoj literature* [Poetics in Children's Literature]. Belgrad, KIZ "Tsentr" Publ., 2009. 210 p. (In Russian)
- 6 King E. Kriticheskaia otsenka issledovaniia chitateľ'skikh interesov, predpochtenii i privyчек detei [Critical Evaluation of Research on Children's Reading Interests, Preferences and Habits]. *Institut Kanadskogo obrazovaniia i issledovaniia*, 1967, no 7, pp. 312–326. (In Russian)
- 7 Kassandra A., Godvin E. K., Fisher A. V. Bud'te proshche: optimizatsiia knizhnykh illiustratsii uluchshaet vnimanie i ponimanie u nachinaishchikh chitatelei [Be Simpler: Optimization of Book Illustrations Improves Attention and Understanding among Novice Readers]. *Npj Science of Learning*, 2020, no 5 (14), pp. 1–14. (In Russian)
- 8 Makarova T. L., Lakizenko E. D. Print v dizaine detskoj odezhdy — novyi vitok v istorii sovremennoi illiustratsii [Print in the Design of Children's Clothing — a New Round in the History of Modern Illustration]. *Kostiumologiya*, 2020, no 4, vol. 5. Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/20IVKL420.pdf> (Accessed 24 January 2022). (In Russian)
- 9 Lakizenko E. D., Makarova T. L. Analiz ispol'zovaniia simvola "Ptitsa" v dizaine kostiuma iz kolleksii 2009–2019 gg. [Analysis of the Use of the Symbol "Bird" in Costume Design of Fashion Collections 2009–2019]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 282–292. (In Russian)

- 10 Makarova T. L., Lakizenko E. D. Obraz Tsvetka v Sovremennom Dizaine Kostiuma [The Image of a Flower in a Modern Costume Design]. *Kostiumologiya*, 2020, no 1, vol. 5. Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/21IVKL120.pdf> (Accessed 24 January 2022). (In Russian)

Научная жизнь
Scientific life

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-379-384>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3

Научный отчет / Scientific Report

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. В. Никитин

г. Мытищи, Россия

© 2022 г. Г. М. Седова

г. Санкт-Петербург, Россия

© 2022 г. Э. А. Узенев

пос. Пушкинские Горы, Россия

**МИХАЙЛОВСКИЕ ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021:
«НЕБОМ ИЗБРАННЫЙ ПЕВЕЦ»**

Ключевые слова: А. С. Пушкин, михайловская ссылка, литературное краеведение, философия культуры, славянская филология, стиховедение, музейное дело, историография науки.

Информация об авторах:

Олег Викторович Никитин — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет, ул. Веры Волошиной, д. 24, 141014 г. Мытищи, Московская область, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Галина Михайловна Седова — доктор филологических наук, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина Всероссийского музея А. С. Пушкина, наб. реки Мойки, д. 12, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-9925>

E-mail: sedova@museumpushkin.ru

Эдуард Александрович Узенев — ученый секретарь, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник), бульвар им. С. С. Гейченко, д. 1, 181370 пос. Пушкинские Горы, Псковская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8195-8522>

E-mail: metodpz@mail.ru

Дата поступления статьи: 02.03.2022

Дата одобрения рецензентами: 10.04.2022

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Никитин О. В., Седова Г. М., Узенев Э. А. Михайловские Пушкинские чтения — 2021: «Небом избранный певец» // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 379–384. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-379-384>

21–22 августа 2021 г. в Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник) проходили традиционные Михайловские Пушкинские чтения, лейтмотивом которых стали два важных события: 197-я годовщина приезда А. С. Пушкина в северную ссылку и 800-летие со дня рождения Александра Невского, во многом предопределившего исторический путь Руси. Поэтому некоторые доклады были связаны не только с пушкинской проблематикой, но и освещали вопросы архивного дела, литературоведения, кинематографического искусства, краеведения и музееведения в широком контексте истории и философии гуманитаристики.

Участники конференции прибыли в «Михайловское» накануне заседаний. Вечером 20 августа в родовом имении Ганнибалов «Петровское» научные сотрудники Пушкинского Заповедника провели ознакомительную экскурсию. Кроме постоянной экспозиции, в музее были представлены изобразительные полотна современных художников Н. А. Аксеновой, Б. М. Козмина и Л. Г. Бережной. Экскурсионная программа завершилась прогулкой по старинным аллеям парка к гроту-беседке и рассказом о богатой событиями жизни и деятельности прадеда Пушкина А. П. Ганнибала, двоюродного деда и двоюродного дяди поэта П. А. и В. П. Ганнибалов.

Открыл чтения 21 августа директор Пушкинского Заповедника *Г. Н. Василевич* (Пушкинские Горы, Псковская область). Он отметил неслучайность встречи в едином музейном конференц-пространстве двух Александров — Невского и Пушкина: «Они оба — один мечом, другой словом — стояли на страже Отечества, собирали силы народные для защиты страны от бедствий». Г. Н. Василевич подчеркнул, что чтения будут способствовать сохранению памяти этих великих людей, указал на важность историко-культурной парадигмы в изучении творчества поэта в преддверии 100-летия со дня рождения Пушкинского Заповедника.

На утреннем заседании исследователи обсудили круг проблем, касающихся как собственно творчества Пушкина, так и его рецепции в культуре России. Кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии *Ю. А. Соколов* (Санкт-Петербург) выступил на тему «Александр Невский: природа и актуализация исторической мифологии». Он сделал акцент на том, что фигура полководца и правителя Руси стала одним из ключевых символов единения народа. Ю. А. Соколов напомнил слушателям также, что Невского и Пушкина объединяет «мистическая сила» охранителей Отечества, они и в наше время не случайно стали «Именем России».

Заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина Всероссийского музея А. С. Пушкина, доктор филологических наук *Г. М. Седова* (Санкт-Петербург) в докладе «“Александрейский столп” в представлении современников Пушкина и в стихотворении “Я памятник воздвиг себе нерукотворный...”» показала, что современники Пушкина считали величайшим памятником «на всем Земном Шаре» колонну на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге и называли ее «la colonne Alexandrine» (Александринская или Александрейская) вслед за ее автором — архитектором Монфераном, три книги которого об этом памятнике остались вне поля зрения пушкинистов. Эти важные

наблюдения свидетельствуют о том, что Александрийский столп у Пушкина, как предположила Г. М. Седова, не что иное, как памятник в честь императора Александра I. Данный вывод позволяет яснее постичь заключенную в тексте пушкинскую мысль о соотношении посмертной славы царя и поэта.

Заведующий Отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук *П. В. Седов* (Санкт-Петербург) коснулся проблемы исторических корней Пушкина: «“В родню свою неукротим”: Гаврила Григорьевич Пушкин и его потомки в XVII в. перед лицом царской власти». Ученый рассказал о малоизвестных эпизодах из генеалогии рода Пушкиных, остановившись подробно на семейной истории Гаврилы Пушкина, которого поэт сделал одним из героев драмы «Борис Годунов». Докладчик обратил внимание слушателей на то, что Гаврила Пушкин был предан анафеме за свою службу самозванцу. На основе новых данных П. В. Седов установил, что Гаврила, его дети и внуки пытались через поминальную практику искупить грех его участия в низложении Годуновых. Автор показал, что в XVII в. память о предках была в первую очередь заботой о спасении их душ, тогда как Пушкин, сын века Просвещения, понимал связь со своими сородичами прошлых веков иначе — как сопричастность славным событиям Отечества.

Директор Государственного музея-заповедника «Исаакиевский собор» *Ю. В. Мудров* (Санкт-Петербург) в докладе «Александр Невский. Образы Исаакиевского собора, Спаса-на-Крови, Сампсониевского собора» рассказал о художественной эстетике и достоверности религиозного искусства и его отражения в коллекциях храмов и музеев северной столицы.

В перерыве гостям и участникам конференции была представлена выставка «Б. С. Скобельцын в Пушкинском Заповеднике. К 100-летию со дня рождения». На полотнах и фотографиях художника запечатлены пейзажи пушкинских мест, восстанавливаемые объекты заповедника, уникальные предметы, лица и почти поэтические сюжеты из историко-культурного и литературного наследия эпохи, застывшей перед объективом фотографа и кистью талантливого живописца-хроникера.

Дневное заседание открылось докладом кандидата педагогических наук, доцента, начальника научно-информационного центра Высшей школы технологий и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург) *И. И. Фадеевой* «Агиография Александра Невского в советском кинематографе». Она показала, как легендарный фильм советского режиссера С. Эйзенштейна «Александр Невский», вышедший на экраны в 1938 г., был воспринят публикой и почему эта картина сохраняет свою актуальность до сих пор. И. И. Фадеева отметила, что выбор такой сложной темы был не случаен, поскольку в 1930-е г., во время разрастающегося по Европе фашизма, в советской историографии начали пропагандировать факты борьбы славян с иноземными захватчиками, что обеспечило «реабилитацию» Александра Невского и включение его имени в контекст прогрессивных исторических личностей.

Учитель истории и обществознания православной гимназии во имя Святого Праведного Симеона Верхотурского *Т. В. Шарманова* (Челябинск) поделилась опытом преподавания истории в челябинской православной гимназии во имя Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца и отметила фактологическое значение сюжетов произведений Пушкина для воссоздания колорита того времени. По ее мнению, данная проблематика вызывает особенный интерес у гимназистов при изучении текста драмы «Борис Годунов».

Хранитель фондов Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» *А. В. Елкин* (Санкт-Петербург) в сообщении «Собор Александра Невского в Париже: история создания» на основе изучения архивных материалов исследовал вопрос строительства, оформления, открытия и освящения (1861) одного из ярких образцов религиозного зодчества, своеобразного «русского уголка» старой эмиграции.

Ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына *В. В. Леонидов* (Москва) поделился своими находками об одном из малоизвестных поэтов XX в. Николае Туроверове — донском казаке, офицере русской и Белой армии, участнике трех войн. Он с пронзительностью русской души в стихах выразил боль изгнания и тоску об утерянном Отечестве. В неофициальной части доклада *В. В. Леонидова* «Сохранение памяти об А. С. Пушкине в русском зарубежье: на примере жизни и творчества поэта Николая Туроверова» прозвучали песни на стихи поэта-казака, был представлен авторский альбом.

Заседание первого дня конференции завершилось выступлением первого заместителя главного редактора «Российской газеты» *Ю. М. Ленского* (Москва) «Пушкинский Заповедник: уроки ссылки и одиночества».

После дискуссии участникам чтений была предложена экскурсионная программа в Святогорский монастырь и музей-усадьбу «Михайловское».

22 августа в Малом зале Научно-культурного центра Пушкинского Заповедника состоялось заключительное заседание Михайловских Пушкинских чтений. Доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина *Э. М. Афанасьева* (Москва) посвятила свое выступление злободневной теме «Пушкинский код в период вынужденной изоляции 2020 г.». Этот «культурный карантин», как утверждает ученый, во многом созвучен с периодом Болдинской осени 1830 г., а в современных условиях позволил всем читателям творчества великого поэта прикоснуться к его имени с помощью современных технологий: аудио- и видеолекций, онлайн-курсов, уроков чтений и пушкинских вебинаров, которые по просмотру и количеству участников в 2020–2021 гг. оказались самыми востребованными. Затем состоялась презентация книги *Э. М. Афанасьевой* «Молитвенная лирика русских поэтов» (М., 2021).

Контр-адмирал *Г. А. Антонов* (Санкт-Петербург) поделился наблюдениями над исторической картой пушкинианы в Белоруссии. Были продемонстрированы фотографии мест, в которых бывал поэт, показаны фотографии памятников Пушкину, восстановлен маршрут дороги, по которой он проезжал. Доклад «Пушкин в Белоруссии. Путевые заметки 1824 года» вызвал оживленный интерес аудитории.

Доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета *О. В. Никитин* (Мытищи, Московская область) ознакомил участников чтений с архивным документом, принадлежащим перу известного пушкиниста *Б. В. Томашевского* — «Правила орфографии при издании сочинений Пушкина», найденном в собрании *Н. С. Ашукина* в РГАЛИ. В тексте «Правил» особо подчеркивается необходимость сохранить оригинальность поэтического орнамента произведений Пушкина — стилистику и архаику его текстов, пунктуацию, отдельные грамматические черты для корректного воссоздания исторического и словесного портрета его времени.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН *Е. Е. Дмитриева* (Москва) рассказала о своей новой книге «Литературные замки Европы и русский “усадебный текст” на изломе веков: (1880–1930-е годы)» (М., 2020), уделив большое внимание проблеме стилизации усадебных историй Пушкина. В представлен-

ной монографии в сравнительно-историческом аспекте исследуется феномен русской усадьбы и западноевропейского замка как артефактов быта и культуры, породивших особый тип литературы.

Протоиерей *Михаил (Иванов)*, настоятель Казанской церкви пос. Пушкинские Горы (Псковская область), ознакомил слушателей с историческими фактами возникновения Святогорского монастыря. Позже он провел экскурсию по храму и Тимофеевой горке, на которой пастух Тимофей молился перед явлением чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии.

Профессор Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения *Е. М. Дележа* (Санкт-Петербург) коснулась проблемы рецепции наследия Пушкина в театральном искусстве XXI в. Ее доклад «Александр Сергеевич Пушкин в творчестве Андрея Штейнера» показал, насколько актуальной у современных режиссеров является пушкиниана. Воссозданные А. Штейнером образы и осуществленные постановки позволяют по-новому прочесть хрестоматийные тексты и представить их в талантливой режиссуре драматического сюжета спектакля.

Главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея *А. В. Кондратеня* (Опочка, Псковская область) рассказал о пушкинских мотивах в изобразительном искусстве народного художника СССР М. М. Божиего, картины которого экспонируются во многих музеях России и Украины.

Генеральный директор ООО «Растр-ЛПЗ» *С. Г. Понов* (Санкт-Петербург) выступил с темой «Сохранение живой памяти истории и культуры в художественных работах по мрамору». Он поделился опытом своей деятельности и представил варианты и возможности выражения литературного текста и сохранения памяти в мраморе, в том числе на примере работ, проведенных в Пушкинском Заповеднике.

В заключительный день конференции состоялись экскурсия в музей-усадьбу «Тригорское» и посещение выставки «Изъ сельца Тригорскаго», подготовленной сотрудниками Всероссийского музея А. С. Пушкина и Пушкинского Заповедника.

По итогам чтений издан сборник научных трудов в серии «Михайловская пушкиниана» (Вып. 87. Сельцо Михайловское, 2022).

© 2022. **Oleg V. Nikitin**
Mytishchi, Russia

© 2022. **Galina M. Sedova**
Sankt-Peterburg, Russia

© 2022. **Eduard A. Uzenev**
Pushkinskie Gory, Russia

**“MIKHAILOVSKOE” PUSHKIN READINGS 2021:
“HEAVEN’S CHOSEN SINGER”**

Abstract: The analytical review presents proceedings of the international scientific conference “Mikhailovskoe” Pushkin Readings — 2021: “Heaven’s chosen singer” (Pushkinskie Gory, August 21–22, 2021). The paper aims to attract the attention of researchers to the personality of A. S. Pushkin, to reveal the historical and cultural

potential of modern Pushkin studies and to show new directions in the study of the poet's creativity in various branches of humanitarian knowledge. It is emphasized that the participants of the readings paid special attention to historical parallels and personalities, first of all to Alexander Nevsky, the ancestors of A. S. Pushkin, poets of the Russian diaspora. Reports on the art of Orthodox churches aroused great interest. Among the urgent issues of modern Pushkin studies, the authors named applied issues of studying poet's work at school, exploring A. S. Pushkin's routes that passed through the territory of present-day Belarus. The paper points out that the legacy of the creator has been widely embodied not only in literature and science, but also in cinema, art and marble works. The issues of archival research occupied an important place in the readings and included introducing of an unknown document from the philological collection of N. S. Ashukin "Rules of spelling when publishing Pushkin's works". The readings summed up the results of the local history work of historians and slavists of the Pskov region and other regions of Russia on the study of A. S. Pushkin's genealogy and his extensive connections during the exile to Mikhailovskoe, presented new books and art publications that will contribute to the actualization of Pushkin studies in the 21st century.

Keywords: A. S. Pushkin, Exile to Mikhailovskoye, Literary Local History, Philosophy of Culture, Slavic Philology, Poetry, Museum Study, Historiography of Science.

Information about the authors:

Oleg V. Nikitin — PhD in Philology, Professor, Department of History of Russian and General Linguistics, Moscow Region State University, Very Voloshinoy St., 24, 141014 Mytishchi, Moscow Region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Galina M. Sedova — PhD in Philology, Head, Memorial Museum-Apartment of A. S. Pushkin, Russian Pushkin Museum, Moika River Emb., 12, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-9925>

E-mail: sedova@museumpushkin.ru

Eduard A. Uzenev — Scientific Secretary, State Memorial Historical, Literary and Natural Landscape Museum-Reserve of A. S. Pushkin "Mikhailovskoe" (Pushkinsky Zapovednik), S. S. Geichenko Blvd, 1, 181370 Pushkinskie Gory, Pskov Region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8195-8522>

E-mail: metodpz@mail.ru

Received: March 02, 2022

Approved after reviewing: April 10, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Nikitin O. V., Sedova G. M., Uzenev E. A. "Mikhailovskoe" Pushkin Readings 2021: "Heaven's Chosen Singer". *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 379–384. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-379-384>

ОТ РЕДАКЦИИ

Правила оформления статей

1. Статья, оформленная в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Объем статьи вместе с примечаниями не более 1 п.л. — 40000 знаков вместе с пробелами (для аспирантов — не более 0,5 п.л. — 20000 знаков вместе с пробелами), включая таблицы и примечания. Дополнительные шрифты, если таковые использовались в статье.
2. Автор представляет рукопись по электронной почте: vsk_gask@mail.ru.
3. Текст должен быть напечатан в текстовом редакторе *Microsoft Word*, формат А4, поля — 2 см со всех сторон, шрифт — *Times New Roman*, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ (красная строка) — 1,25, ориентация — книжная, без переносов.
4. Первая страница должна содержать следующую информацию:
 - название рубрики, кегль — 14;
 - УДК (см., например, teacode.com/online/udc), кегль — 14;
 - ББК (см., например, <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), кегль — 14;
 - Фамилия и инициалы автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2022 г. **И. И. Иванов**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.
 - Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.), аннотация и ключевые слова на русском языке, дата отправки (поступления) статьи, выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 12.
 - Далее — информация об авторе — имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее — текст статьи — выравнивание по ширине, без переносов.
5. В конце статьи приводится СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТом 7.0.5.–2008 в виде нумерованного списка. Ф.И.О. печатается курсивом. Фамилия и инициала авторов пишутся отдельно.
6. Ссылки в тексте оформляются по следующему образцу: [1], [2, с. 567], [3, с. 45; 4, с. 89], [10, л. 8].
7. Ссылки на архивные материалы даются в виде постраничных автоматических сносок.
8. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок. Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой. Шрифт сносок: *Times New Roman*, кегль 12.
9. После СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ на русском языке размещается информация на английском (отделяется знаком ***):
 - фамилия, имя (полностью), отчество (первая буква) автора(ов) печатаются по центру, жирным шрифтом, строчными буквами, перед ФИО ставится знак авторского права и год (например: © 2022. **Ivan I. Ivanov**), кегль — 14. Ниже указываются город, страна, кегль — 12.

- Название статьи — по центру, без отступа, жирным шрифтом, прописными буквами, кегль — 14.
 - Затем размещаются информация о финансовой поддержке работы (грант и др.) (*Acknowledgements*), аннотация и ключевые слова на английском языке (*Abstract, Keywords*), выравнивание по ширине, без переносов, кегль — 14.
 - Далее — информация об авторе (*Information about the author*) — имя, отчество (первая буква), фамилия, ученая степень, звание (если есть), должность (при отсутствии ученой степени и звания), полное название организации, адрес организации вместе с индексом, E-mail, кегль — 12.
 - Далее указывается дата отправки (поступления) статьи (*Received: January 26, 2018*)
 - Затем приводится REFERENCES (см. *рекомендации по подготовке References*).
10. Сокращения. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., И. О. отделяются пробелом от фамилии. Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах: 30-е гг., а не тридцатые годы. Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг. Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в. Писать только полностью: так как, так называемые. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.
11. Кавычки — только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются кавычки в кавычках: «“раз”, два, три, “четыре”».
12. Иллюстрации представляются отдельно от статьи. Подписи к рисункам и таблицам приводятся на русском и английском языках.

ARTICLE REQUIREMENTS

1. An article, executed in accordance with the Bulletin requirements. The size of the article, including the tables, footnotes, endnotes, annotations etc., must be no larger than 40 000 characters together with space characters – not more than 1 p.s. (for postgraduate students — 20 000 characters together with space characters – not more than 0,5 p.s.). Custom fonts if any have been used.
2. The manuscript should be submitted via following e-mail: vsk_gask@mail.ru.
3. Text is written in *Microsoft Word*, Page size is A4, Margins are 20mm on all sides, Default font is *Times New Roman* Font size is – 14, Line Spacing is – 1,5, Indentation is first line — 1,25, Portrait orientation, No word breaking.
4. The first page of the article must be written as follows:
 - the name of the column, font size — 14;
 - UDC (see e.g., teacode.com/online/udc), font size — 14;
 - BBC (see e.g., <http://roslavl.library67.ru/files/382/bbk.pdf>), font size — 14;
 - At the center: Surname, first name, and middle name of the author(s) — bold, italics, lowercase, right align. The copyright and the year is placed before the Surname, first name, and middle name of the author (e.g.: © 2022 г. И. И. Иванов), font size — 14. Below: the city, country, font size – 12.
 - The title of the article center-aligned. Bold, italics, justified, unintended, font size – 14.
 - Next goes information about the financial support of the paper (grant and other), abstract and Russian keywords, date of sending(receipt) of the article, justified, no word breaking, font size is 12.

- Then goes the information about the author — first name, middle name, surname, scientific degree, academic rank (if any) or other status or position of the author(s) (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, address of the institution with a postal code, E-mail, font size — 12.
 - These are followed by the text of the article, justified, no word breaking.
5. REFERENCES are listed in the end of the article in the alphabet order in accordance with GOST 7.0.5.–2008. as a numbered list. The font used for the names of the author(s) is italic. The surname and the initials are written separately.
 6. References in the text should look as follows: [1], [2, p. 567], [3, p. 45; 4, p. 89], [10, l. 8].
 7. References on archive materials come in the form of automatic page footnotes.
 8. Commentaries come in the form of automatic page footnotes. The number of the footnote is placed in the end of the sentence followed by full spot. The font is Times New Roman, the font size is 12.
 9. After the LIST OF REFERENCES in Russian comes the following information in English (separated with ***):
 - Surname, full first name and middle name of the author(s) are aligned on the right side, the font is italics, bold and lowercase (ex.: © 2022. **Ivan I. Ivanov**), font size — 14. Further goes city or town, country, font size is 12.
 - The title of the article — center align. Bold, italics, justified, unintended, the font size is 14.
 - Then goes the information about financial support of the paper (grant etc.) (*Acknowledgements*), abstract and English keywords (*Abstract, Keywords*), justified, no word break, font size — 14.
 - The next is the information about the author (*Information about the author*) — first name, middle name, surname, academic degree, academic rank (if any), work position (in the absence of scientific degree and academic rank), full name of the institution, E-mail, font size — 12.
 - Then goes the date of sending(receipt) of the article (*Received: January 26, 2017*)
 - These are followed by REFERENCES (see *Guidelines for preparation of References*).
 10. Abbreviations. At the first mention of a person the name and patronymic name should be specified with the first capital letters with full stop (e.g.: N. P.). Separate N. P. (initials) and surname with a space. The period of time comes in numbers (e.g.: 1930s, but not “the thirties”). The Russian dates should be abbreviated as follows (r. or rr.: 1920 r., 1920–1922 rr.). Not “century” or “centuries” but c. and cc. correspondingly. (in Roman numerals): IX c. Abbreviations include: etc., i.e., et al.
 11. Only inverted commas of this form (e.g.:« ») are required to use. If the quotation begins or ends with the quoted word, the use of both types of commas is required (e.g.: «“one”, two, three, “four”»).
 12. The illustrations should be submitted separately. Figures and tables captions are listed in English and Russian.

ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Научный журнал

Том 66
Декабрь 2022

Выходит 4 раза в год

Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 33,95. Тираж 500 экз.

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Институт славянской культуры
129337, Москва, Хибинский проезд, д. 6

Изготовлено РИО РГУ им. А. Н. Косыгина